МОСКВА
ООО «Фирма СТД»
2006

Sigmund Freud

Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse

und

Neue Folge

Зигмунд Фрейд

Лекции по введению в психоанализ

и

Новый цикл

Под общей редакцией М. Б. Аграчевой,

А. М. Боковикова, Е. С. Калмыковой

Перевод на русский язык

М. В. Вульфа, Н. А. Алмаева

Данное издание воспроизводит текст Фрейда в исправленном виде на основе вышедшего в 1980 году девятого издания первого тома «Учебного издания».
Первое издание:

Вниманию читателя предлагается первый том десятитомного собрания сочинений З. Фрейда, основоположника теории и практики психоанализа. Данное издание представляет собой перевод так называемого «Учебного издания» («Studienausgabe») работ Фрейда, впервые вышедшего в 1969 году в издательстве «Фишер» (Франкфурт-на-Майне). В нем собраны наиболее значимые и известные работы, многие из них впервые переводятся на русский язык. Его адресатом являются в первую очередь психологи и врачи, психиатры и психотерапевты, студенты и опытные практики — каждый сможет найти для себя неожиданные ответы на свои вопросы или вопросы, не имеющие ответов, или подтверждение своих догадок.

Издание открывают «Лекции по введению в психоанализ» — одно из самых знаменитых сочинений Фрейда, рассчитанное на широкую читательскую аудиторию. В его первой части (с 1-й по 28-ю лекции) Фрейд с увлечением излагает свой подход к бессознательному, сновидениям, теории неврозов и некоторым техническим вопросам в том виде, как он был сформулирован к моменту прочтения лекций в Вене в 1916–1917 годах. От некоторых изложенных здесь позиций Фрейд впоследствии отказывается, многие дополняет и развивает или пересматривает в своих более поздних работах. Вторая часть («Новый цикл лекций», с 29-й по 35-ю) никогда не была прочитана перед публикой, ее отличает иной стиль изложения, порой требующий от читателя профессиональной подготовки, порой публицистический.

«Лекции по введению в психоанализ» позволяют читателю последовательно познакомиться с основными понятиями и концепциями Фрейда, проследить логику его рассуждений и присоединиться к его выводам. Форма «Лекций» позволяет Фрейду живо, полемично, постоянно вовлекая читателя в дискуссию, обосновать свои взгляды, подкрепить их примерами из жизни и из клинической практики, обозначить не проясненные вопросы и слабые места теории, нуждающиеся в дальнейшей разработке. Эти и ряд других достоинств данного труда послужили основанием для помещения его в первый том десятитомного «Учебного издания».

ISBN-5-89808-028-7

Зигмунд Фрейд
Краткая биография и основные идеи

Джеймс Стрейчи

Зигмунд Фрейд родился 6 мая 1856 года в маленьком городке Фрайберг в Моравии, которая тогда была частью Австро-Венгрии. Его восьмидесятитрехлетняя жизнь была не особенно богата внешними событиями, и о ней можно рассказать очень быстро.

Фрейд вырос в еврейской семье среднего достатка. Он был первым ребенком второй жены отца. Его положение среди братьев и сестер было довольно необычным, поскольку два его брата, сыновья его отца от первого брака, к моменту его рождения уже были взрослыми людьми. Они были более чем на двадцать лет старше его, один из них был даже женат и имел маленького сына, так что Фрейд появился на свет уже дядей. В первые годы его детства этот племянник играл почти такую же важную роль, как и его родные младшие сестры, которых было семь человек.

Отец Фрейда был торговцем шерстью. Вскоре после рождения сына он начинает испытывать все большие финансовые затруднения и решает покинуть Фрайберг; Фрейду к этому моменту было три года. Спустя год вся семья оказывается в Вене, за исключением старших сводных братьев, которые со своими семьями переезжают в Манчестер. Неоднократно в течение своей жизни Фрейд тешил себя мыслью последовать за ними в Англию; это произошло лишь спустя почти восемьдесят лет.

В Вене семья Фрейда жила все годы его детства в очень стесненных обстоятельствах, и нужно поставить его отцу в заслугу, что он, несмотря ни на что, стремился дать сыну хорошее воспитание. Тот был, несомненно, одаренным и прилежным учеником; в девять лет он выдержал вступительный экзамен в гимназию и последние шесть из восьми гимназических лет неизменно был первым учеником в классе. В семнадцать лет он сдал экзамен на аттестат зрелости; в то время он еще не решил, какой профессии себя посвятить. До сих пор он с удовольствием учился всему;

в любом случае его влекла университетская карьера, однако конкретный факультет предстояло еще выбрать.

Фрейд неоднократно объяснял, что он не чувствовал «особой тяги к положению и деятельности врача»; им «скорее двигала своего рода любознательность, относившаяся в большей степени, однако, к человеческим отношениям, а не к природным объектам»[1]. В другом месте он пишет: «В ранние годы я не испытывал никакой потребности помогать страдающим людям... В молодости потребность понять загадки этого мира и, возможно, внести свой вклад в их разрешение стала непреодолимой»[2]. Касаясь социологических исследований, осуществляемых им в последние годы жизни, Фрейд говорит: «Сделав крюк длиною в жизнь через естествознание, медицину и психотерапию, мой интерес вернулся к проблемам культуры, когда-то захватившим юношу, в котором едва пробудилась способность мыслить»[3].

На окончательный выбор естественнонаучной специальности, по словам Фрейда, непосредственно повлияло чтение незадолго до экзамена на аттестат зрелости некоего (очевидно, ошибочно) приписываемого Гёте научно-популярного трактата «Природа». Практические соображения сузили его выбор до медицины. Таким образом, осенью 1873 года в возрасте 17 лет Фрейд записался на медицинский факультет Венского университета. Однако он не спешил завершить свое медицинское образование. В первых семестрах он слушал лекции по различным предметам и сосредоточился постепенно сначала на биологии, а затем на физиологии. На третьем курсе университета он получил первое исследовательское задание: его преподаватель по сравнительной анатомии поручил ему изучить анатомию речного угря, это означало, что Фрейд должен был препарировать около 400 угрей. Вскоре после этого он поступил в физиологическую лабораторию Брюкке и проработал там, к своему большому удовольствию, шесть лет. Он, несомненно, перенял основные черты отношения Брюкке к естественным наукам. В это время он занимался преимущественно анатомией центральной нервной системы и уже начал публиковать свои первые работы на эту тему. Но становилось все очевиднее, что эти лабораторные исследова-

---

[1] [«Автобиография» (1925), в самом начале этой работы.]

[2] [Послесловие к «Проблема дикого анализа» (1927).]

[3] [Послесловие к «Автобиографии» (1935).]

ния не могли стать основой профессиональной деятельности, доходы от которой позволяли бы поддерживать большую родительскую семью. Поэтому в 1881 году Фрейд решил получить диплом врача, а годом позже он с неохотой отказался от своего места в лаборатории Брюкке и поступил в венскую клиническую больницу.

В еще большей степени, чем заботой о родительской семье, новая карьера Фрейда определялась некими другими обстоятельствами, а именно: в июне 1882 года он был помолвлен и с тех пор постоянно стремился обеспечить материальную основу своей женитьбе. Его невеста, Марта Бернейс, происходила из известной гамбургской еврейской семьи; в то время она жила в Вене, но должна была вскоре вернуться на север Германии. На протяжении последующих четырех лет он виделся с ней лишь во время кратких визитов, и двое влюбленных были вынуждены довольствоваться почти ежедневной перепиской. Фрейд поставил себе теперь в качестве цели завоевание положения и известности в медицинском мире. Он работал в разных отделениях больницы, но вскоре сосредоточился на анатомии мозга и невропатологии. Тогда же он опубликовал первое исследование, посвященное возможностям применения кокаина в медицине, что побудило [окулиста] Коллера использовать кокаин для местной анестезии. Фрейд поставил себе два задачи на ближайшее будущее: во-первых, добиться места приват-доцента, а во-вторых, получить стипендию для стажировки в Париже, где в то время выдающейся фигурой был великий [невропатолог и психиатр] Шарко. Он убедил себя, что эти планы принесут реальные плоды, и в 1885 году после ожесточенной борьбы добился их осуществления.

Месяцы, проведенные у Шарко в Сальпетриере, знаменитой парижской клинике нервных болезней, привели, однако, к очередному, на сей раз радикальному повороту на жизненном пути Фрейда. До сего времени он посвящал себя исключительно естественнонаучным исследованиям; так, даже в Париже он занимался гистологическими исследованиями мозга. Шарко же в это время интересовался преимущественно истерией и гипнозом. В медицинском мире, откуда вышел Фрейд, эти темы считались несерьезными, почти предосудительными, но они вызывали у него большой интерес, и если Шарко рассматривал их лишь как разделы невропатологии, то для Фрейда они стали началом изучения души.

Вернувшись в Вену весной 1886 года, Фрейд открыл свою частную практику как специалист по нервным болезням, и вскоре за этим последовала столь долго откладываемая женитьба. Он, однако, не совсем отказался от неврологических исследований: еще несколько лет он изучал церебральный паралич у детей и стал одним из ведущих авторитетов в этой области. Одновременно он написал важную монографию по афазии. Но лечение неврозов все больше занимало его. После безуспешных экспериментов с электротерапией, он обратился к гипнотическому внушению и в 1888 году отправился в Нанси, чтобы научиться методу Льебо и Бернгейма, явно имевшему большой успех. Но и этот метод оказался неудовлетворительным, и он начал пользоваться другим методом. Он знал, что его друг врач Йозеф Брейер, который был заметно старше его, примерно десять лет назад, применив совершенно новый метод, вылечил страдавшую от истерии девушку. Он уговорил Брейера вновь обратиться к этому методу; сам применил его в нескольких новых случаях, достигнутый успех казался многообещающим. Этот метод опирался на положение о том, что истерия представляет собой результат психической травмы, о которой пациентка забыла. Лечение заключалось в следующем: пациентку погружали в гипнотическое состояние и внушали ей, что она должна вспомнить забытую травму и относящиеся к ней переживания. Вскоре, правда, Фрейд начал вносить изменения и в сам метод, и в теорию, на которой он основывался; это привело в конечном итоге к разрыву с Брейером, Фрейд же продолжал возводить теоретические здание, которому он дал название «психоанализ».

С того времени, то есть приблизительно с 1895 года, до конца жизни мысль Фрейда, само его духовное существование снова и снова обращались к развитию этой теории, к ее далеко идущим выводам, к ее теоретическим и практическим последствиям. Разумеется, невозможно связно изложить все открытия и идеи Фрейда в нескольких строках; тем не менее стоит попытаться указать на ряд существенных изменений в нашем привычном мышлении, которые были вызваны работами Фрейда. Прежде, однако, нужно проследить дальнейшие линии его жизненного пути.

Для его домашней жизни в Вене характерны последовательность и уравновешенность. С 1891 года до отъезда в Лондон спустя 47 лет его квартира и кабинет для приема

располагались в одном и том же доме на Берггассе. Его счастливый брак и прибавление семьи — три сына и три дочери — оказывались хорошим противовесом тем трудностям, которые, по крайней мере вначале, омрачали его профессиональное становление. Не только содержание его открытий вызывало предубеждение в медицинских кругах; по меньшей мере столь же сильными были антисемитские настроения, господствовавшие в социальной жизни Вены. Так, его попытки получить место на кафедре в университете постоянно вследствие политических интриг терпели неудачу.

Одним из переживаний тех ранних лет, достойным упоминания в силу его последствий, является дружба Фрейда с блестящим, хотя и душевно неуравновешенным берлинским отоларингологом Вильгельмом Флиссом, чьи интересы распространялись на биологию человека в целом и на периодические явления жизненного процесса в частности. На протяжении 15 лет, с 1887-го по 1902 год Фрейд регулярно переписывался с ним, описывая развитие своих идей, посылая ему пространные наброски своих будущих работ, в том числе важный и довольно емкий очерк, который получил название «Проект научной психологии». Эта работа датируется 1895 годом, который можно считать поворотным пунктом в биографии Фрейда, когда он скрепя сердце расстался с физиологией и двинулся в сторону психологии. Она представляет собой попытку изложить психологические факты чисто неврологическим языком. Этот очерк и все прочие послания Фрейда Флиссу сохранились благодаря счастливой случайности; они дают поразительную возможность увидеть развитие его мысли. Они показывают, как еще в те годы подготавливались многие из его последующих психоаналитических открытий.

Вначале Фрейд почти не получал общественного признания, если не считать Флисса. Хотя в Вене некоторые ученые образовали своего рода кружок вокруг него, но лишь спустя примерно десятилетие, около 1906 года что-то начало меняться по мере того, как все больше швейцарских психиатров знакомились с его открытиями. Самым значительным из них был Эйген Блейлер, руководитель цюрихской психиатрической клиники (Бургхёльцли), и его ассистент К. Г. Юнг. Их заинтересованность стала началом распространения психоанализа. В 1908 году произошла первая международная встреча психоаналитиков в Зальцбурге; в 1909 году Фрейда и Юнга пригласили прочитать

лекции в Соединенных Штатах. Работы Фрейда начали переводить на другие языки, и повсюду в мире стали образовываться группы практикующих психоаналитиков. Но развитие психоанализа терпело иной раз и неудачи: эмоциональное реакции, вызванные содержанием психоаналитического учения, оказывались слишком глубоки и не позволяли с легкостью принимать идеи Фрейда. В 1911 году Альфред Адлер, один из самых выдающихся венских приверженцев психоанализа, отделился от Фрейда, а спустя два или три года различия во взглядах привели к разрыву с Юнгом. Сразу вслед за этим разразилась Первая мировая война; прервалось и распространение психоанализа в мире. Вскоре Фрейда настигли и тяжелейшие личные трагедии: смерть одной из дочерей и любимого внука, а затем и начало того злокачественного заболевания, которое в последние шестнадцать лет жизни неумолимо его преследовало. Но ни одно из этих удручающих событий не могло помешать Фрейду продолжать свои наблюдения и размышления. Развитие и совершенствование идей шло своим ходом, охватывая все большие области применения, прежде всего в социологии. Тем временем он добился общественного признания и стал мировой знаменитостью; однако из всех почестей наибольшее удовольствие ему доставило избрание его членом-корреспондентом «Королевского общества» в 1936 году, в год его восьмидесятилетия. Несомненно, только благодаря его славе, а также усилиям почитателей, имевших общественное влияние, среди которых якобы был и президент Рузвельт, Фрейда не коснулись наихудшие эксцессы национал-социализма после вторжения Гитлера в Австрию в 1938 году: однако его печатные труды были конфискованы и уничтожены. Фрейд должен был неминуемо покинуть Вену, и в июне того же года, в сопровождении одного из членов семьи, он направился в Лондон, где и умер спустя год, 23 сентября 1939 года.

Теперь стало модным журналистским клише говорить о том, что Фрейд является революционером-основателем современного образа мышления, связывая его имя с именем Эйнштейна. Но большинству людей было бы сложно в двух словах передать те изменения, начало которым было положено работами этих двух ученых.

Открытия Фрейда можно обобщить под тремя рубриками: психоанализ как исследовательский инструмент, полученные с помощью этого инструмента результаты и по-

строенные на этой основе теоретические гипотезы. Разумеется, эти три группы взаимосвязаны. Необходимо, однако, иметь в виду, что в основе всей работы Фрейда лежит его вера в универсальное действие закона детерминизма. Что касается физических явлений, то это убеждение проистекает, наверно, из уже упомянутого периода работы в лаборатории Брюкке и, в конечном итоге, из школы Гельмгольца. Этот закон Фрейд бескомпромиссно перенес на область душевных явлений, вероятно, под влиянием одного из других своих учителей, психиатра Мейнерта, и, таким образом, косвенно — философии Гербарта.

Итак, прежде всего Фрейд был первооткрывателем инструмента научного познания человеческой души. Хотя гениальные писатели всех времен приоткрывали завесу над душевными процессами, до Фрейда все же не существовало никакого систематического метода. Этот метод снова и снова совершенствовался по мере того, как все очевиднее становились трудности, стоящие на пути такого исследования. В разработанной Брейером теории истерии забытая травма представляла собой самую первую и, возможно, самую фундаментальную проблему, поскольку неопровержимо свидетельствовала, что в душе существуют активные части, недоступные непосредственному познанию ни внешнего наблюдателя, ни самого субъекта. Эти части души Фрейд, невзирая на все спорные метафизические или терминологические вопросы, назвал бессознательным. Его наличие было продемонстрировано с помощью постгипнотического внушения, когда испытуемый, находясь в бодрствующем состоянии, осуществлял некое заранее внушенное ему действие, при этом о самом факте внушения он ничего не помнил. С этих пор никакое исследование души не могло считаться полным, если оно не учитывало также бессознательные части.

Как это могло получиться? Напрашивающийся ответ: вследствие внушения под гипнозом. Этим средством пользовался еще Брейер и поначалу Фрейд. Но вскоре обнаружилось его несовершенство, успехи были нерегулярными и ненадежными, иногда вообще отсутствовали. Все чаще Фрейд отказывался от внушения и вместо него пользовался совершенно новым инструментом, который позднее стал известен под названием «свободные ассоциации». Он проложил до той поры неведомый путь: человеку, чья душевная жизнь изучается, предлагают высказывать все, что

приходит в голову. Этот решительный шаг тут же привел к необычайным результатам, и уже в этой примитивной форме инструмент Фрейда позволил сделать ряд новых открытий. Но хотя это смелое предприятие какое-то время очень хорошо работало, поток ассоциаций рано или поздно мелел: анализируемый не мог или не хотел больше представить, что еще он мог бы сказать. Таким путем на свет выходило «сопротивление», то есть некая сила, неподвластная сознательной воле анализируемого и противящаяся совместному исследованию. Здесь возникло основание всей теории, а именно гипотезы о том, что душевный процесс представляет собой динамическое явление, состоящее из некоего количества психических сил, из которых одни оказываются сознательными, а другие — бессознательными действующими иной раз согласованно, а иной раз и друг против друга.

Хотя позднее выяснилось, что эти феномены достаточно распространены, изначально они были отмечены и изучены у невротических пациентов, и в первые годы работа Фрейда заключалась главным образом в том, чтобы изобрести средства, которые позволили бы преодолеть «сопротивление» пациентов и высветить то, что скрывалось за ним. Решение нашлось лишь благодаря одному необыкновенному акту самонаблюдения Фрейда — сегодня мы назвали бы его самоанализом. К счастью, в нашем распоряжении имеется описание этого события «из первых рук» — в уже упомянутых письмах Фрейда к Вильгельму Флиссу. Этот анализ дал ему возможность открыть сущность бессознательных душевных процессов и понять, почему их осознание встречает столь сильное сопротивление; оно помогло ему найти методы преодоления или обхода сопротивления пациентов и, что самое главное, позволило ему обнаружить существенные различия между функционированием этих бессознательных процессов и уже известных сознательных. По каждому из этих трех пунктов следует сказать хотя бы несколько слов, поскольку они действительно составляют ядро того вклада, который Фрейд внес в наше знание о душе.

Оказалось, что бессознательные содержания души состоят исключительно из активности волевых тенденций — стремлений и желаний, получающих энергию непосредственно от первичных физических влечений. Они не имеют никакой иной цели, кроме достижения непосредственного удовлетворения, и поэтому часто идут вразрез с более

близкими к осознанию элементами душевной жизни, отвечающими за адаптацию к реальности и избегание внешней опасности. Далее, поскольку эти примитивные тенденции по большей части имеют сексуальную или деструктивную природу, они неизбежно приходят в столкновение с душевными силами, осуществляющими культурную и социальную жизнь. Исследования в этом направлении привели Фрейда к открытию долго остававшихся сокрытыми тайн детской сексуальности и эдипова комплекса.

Во-вторых, Фрейдом был осуществлен самоанализ для исследования сущности сновидений. Они оказались, подобно невротическим симптомам, продуктом конфликта и компромисса между первичными бессознательными и вторичными сознательными побуждениями. Разложив их на элементы, можно сделать вывод об их скрытом бессознательном содержании; а поскольку сновидения являются широко распространенным, почти повседневным феноменом, их толкование стало одним из полезнейших технических средств, позволяющих пробиться через сопротивление невротических пациентов.

Наконец, благодаря детальному изучению сновидений Фрейд сумел распознать характерные различия между двумя способами мышления, которые он назвал соответственно первичным и вторичным процессами, то есть различия между проявлениями в бессознательной и сознательной областях души. Оказалось, что в бессознательном отсутствует какая-либо организация или координация, каждое отдельное побуждение, независимо от всех прочих, стремится к удовлетворению; все они развертываются автономно, противоречия не имеют никакого значения, и противоположно направленные побуждения существуют бок о бок. Поэтому ассоциации идей осуществляются в бессознательном без оглядки на логическую связь: то, что является похожим, становится одинаковым, негативное уравнивается с позитивным. Точно так же и объекты, на которые направлены волевые тенденции в бессознательном, могут легко заменяться — в длинной цепи ассоциаций, не имеющих рационального основания, один объект подменяет другой. Фрейд заметил, что проникновение в сознательное мышление механизмов, относящихся к первичным процессам, представляет собой не только исключительную особенность сновидений, но позволяет объяснить многие другие нормальные и патологические душевные проявления.

Не будет преувеличением утверждать, что вся более поздняя работа Фрейда заключалась в развитии и разработке этих исходных идей. Он использовал их для прояснения механизмов психоневрозов и психозов, а также для объяснения таких нормальных процессов, как ошибочные действия, остроты, художественное творчество, вплоть до политических и религиозных институтов. Они также помогли пролить свет на некоторые прикладные науки — археологию, антропологию, криминологию, педагогику; они же дали основания для успешного проведения психоаналитической терапии. Наконец, на основе этих отдельных наблюдений Фрейд воздвиг теоретическое здание, состоящее из более общих понятий, которое он назвал «метапсихологией». Он, однако, все время подчеркивал, речь идет всего лишь о предварительных гипотезах, какими бы восхитительными они нам ни казались. Вследствие многозначности термина «бессознательное» и его противоречивого применения в более поздний период своей жизни Фрейд предложил новую структурную теорию психики, в которой он обозначил несогласованные влечения как «Оно», организованную и ориентированную на реальность часть как «Я» и критическую, морализирующую функцию как «Сверх-Я»; этот новый подход к психике, несомненно, позволил прояснить многие проблемы.

Итак, читатель получил очерк внешних событий жизни Фрейда и первое представление о радиусе действия его открытий. Имеем ли мы право потребовать большего, попытаться проникнуть дальше и задаться вопросом, каким, собственно, человеком был Фрейд? Наверно, нет. Но любопытство людей в отношении великих личностей ненасытно, и если его нельзя утолить достоверными описаниями, то оно будет хвататься за легенды. В двух своих ранних работах, «Толкование сновидений» и «Психопатология обыденной жизни», для пояснения своих положений Фрейд счел необходимым использовать в необычайно большом количестве личный материал. Несмотря на это, или, может, как раз вследствие этого он не одобрял никакого вторжения в свою частную жизнь, и поэтому она была окружена многими легендами. Согласно самым первым, в высшей степени наивным слухам он был порочным сластолюбцем, интересовавшимся продажностью морали. Впоследствии фантазии развивались в противоположном направлении: Фрейд выступал в них как строгий моралист.

безоговорочно настаивавший на соблюдении дисциплины, как эгоцентричный, мрачный тиран и глубоко несчастный человек. Любому, кто знал его хоть чуть-чуть, эти представления кажутся абсурдными. Второе представление, несомненно, проистекало из знания о его физических страданиях на протяжении последних лет жизни, а частично и из того неблагоприятного впечатления, которое производят некоторые его известные портретные изображения. Он очень неохотно соглашался, чтобы его снимали профессиональные фотографы, и это время от времени проступало в выражении его лица на снимке; также и художники, казалось, считали себя обязанными изображать основателя психоанализа в виде свирепого и наводящего страх персонажа. К счастью, все же имеются более реалистичные снимки, сделанные, например, во время отпуска или с детьми, как, скажем, в воспоминаниях, написанных его старшим сыном (Glory Reflected. Martin Freud, 1957). На самом деле эта чудесная, забавная книга может послужить противовесом официальным биографиям, разумеется, имеющим высокую ценность, показывая Фрейда в его повседневной жизни. На некоторых из этих портретов видно, что у Фрейда в молодости было более округлое лицо; позднее, уже после Первой мировой войны, но еще до начала болезни, оно уже не было таким, и его черты, как и весь облик (он был среднего роста) порождали впечатление сдерживаемой энергии и живого таланта наблюдателя. В обращении с людьми, не принадлежавшими к кругу семьи и близких друзей, он был серьезен, уважителен и приветлив; иногда он мог быть занимательным собеседником с приятным, несколько ироничным чувством юмора. Его внимание и любовь к членам семьи были очевидны; глядя на него, легко возникало представление, что он пользуется симпатией.

Его интересы были самыми разнообразными, он охотно ездил заграницу, любил проводить отпуск и у себя на родине, прогулки по горам, самозабвенно увлекался искусством, археологией, литературой. Фрейд был очень начитан, причем не только в немецкой литературе. Он без труда читал по-английски и по-французски, довольно хорошо знал также испанский и итальянский языки. Нужно помнить также о том, что хотя в завершающей стадии своей учебы в университете он занимался почти исключительно естественными науками (и лишь немного времени

он посвятил изучению философии), он получил традиционное школьное образование и навсегда сохранил любовь к классикам. К счастью, мы располагаем письмом, написанным им в семнадцать лет школьному другу[1], где он перечисляет различные дисциплины и оценки своего экзамена на аттестат зрелости: по латыни он должен был переводить стих из Вергилия, по греческому — тридцать три строчки именно из «Царя Эдипа».

Словом, Фрейд получил образование, которое в Англии назвали бы викторианским в лучшем смысле этого слова. Конечно, его вкусы в литературе и искусстве соответствовали его времени; хотя его взгляды на мораль и были либеральными, они не соответствуют тем взглядам, которые сложились впоследствии. Но мы должны видеть в нем человека, прожившего жизнь, полную душевных движений, жизнь, полную страдания, но не приведшую к озлоблению. К числу его выдающихся качеств принадлежали также абсолютная честность и прямота, а также интеллектуальная готовность учитывать и обдумывать любой факт, с которым он сталкивался, каким бы неожиданным или необычным тот ни был. В качестве неизбежного следствия или, может, побочного действия этих качеств а также его принципиальной благожелательности, которую невозможно было скрыть под маской поверхностного недружелюбия, Фрейд отличался еще одним неожиданным свойством характера. При всей своей тонкой душевной организации он был по натуре легковерен, из-за чего его способность к критике временами ошеломляющим образом отказывала. В тех областях, которые были ему чужды, как, например, египтология или филология, он иногда полагался на сомнительные авторитеты; самое поразительное здесь то, что человек, чья способность к восприятию и наблюдению не вызывает сомнений, иной раз оказывался слеп к ошибкам людей из своего ближайшего окружения. Как бы ни льстила нашему тщеславию мысль, что Фрейд тоже был всего лишь человек, не стоит слишком уж заноситься. В этом человеке, который первым сумел распознать всю полноту психических явлений, до той поры исключавшихся из нормального сознания, человеке, который первым научно истолковал сновидения, принял факты ранней детской сек-

---

[1] [Эмиль Флюсс. Письмо напечатано в: «Sigmund Freud. Briefe 1873–1939» (1960f), с. 5 и далее.]

суальности, выявил различия между мышлением по законам первичного и вторичного процессов, который показал нам реальность бессознательной душевной жизни, — в таком человеке должно быть нечто совершенно необыкновенное[1].

[1] [Дальнейшие сведения можно найти в трехтомной биографии Фрейда, написанной Эрнестом Джонсом (1960–1962; сокращенное однотомное издание было опубликовано в 1969 году издательством С. Фишера: «Зигмунд Фрейд: Жизнь и творчество»), далее в большом томе писем Фрейда (1960*a*), который был издан сыном Фрейда Эрнестом и женой последнего Люси, в уже опубликованной переписке с Вильгельмом Флиссом, Карлом Абрахамом, Оскаром Пфистером, Лу Андреас-Саломе, Арнольдом Цвейгом, а также прежде всего во многих томах работ самого Фрейда.]

Часть 1

ОШИБОЧНЫЕ ДЕЙСТВИЯ
(1916 [1915])

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, которую я предлагаю вниманию читателя под названием «Введение в психоанализ», совершенно не претендует на то, чтобы заменить уже существующие сочинения в этой области науки. (Pfister, «Die psychoanalytische Methode», 1913; Leo Kaplan, «Grundzüge der Psychoanalyse», 1914; Regis et Hesnard, «La psychoanalyse des névroses et des psychoses», Paris, 1914; Adolf F. Meijer, «De Behandeling van Zenuwzieken door Psycho-Analyse», Amsterdam, 1915.)

Это – курс лекций, прочитанный мною в течение двух зимних семестров в 1915–1916 и 1917 годах врачам и неспециалистам обоего пола.

Таким образом, все особенности этого труда объясняются условиями его возникновения: в лекционной форме изложения, естественно, нет возможности сохранить беспристрастие научного трактата, так как перед лектором во время двухчасовой лекции стоит определенная задача не утомить внимания слушателей. Для того чтобы вызвать определенное цельное впечатление, были неизбежны повторения: приходилось затрагивать один и тот же вопрос, например, первый раз в связи с толкованием сновидений, а затем вернуться к нему снова при обсуждении неврозов. Такой план изложения неизбежно вызвал своеобразную группировку материала, из-за чего некоторые кардинальные вопросы, например, о бессознательном, не могли сразу получить исчерпывающего объяснения и к ним приходилось возвращаться повторно. По той же причине обсуждение некоторых вопросов иной раз прерывается до того момента, когда представится случай пополнить или осветить их.

Конечно, тот, кто знаком с психоаналитической литературой, немного найдет нового в моих «Лекциях», другие работы в этом направлении могут дать то же самое и больше и в более подробном виде.

В настоящем труде мне необходимо было ограничиться только полным и связным изложением психоанализа, поэтому в некоторых разделах этой книги (при рассмотрении этиологии тревоги, истерических фантазий) я использовал материал, до сих пор еще мною нигде не обнародованный.

Фрейд.
Вена, весна 1917 года

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

Введение

Уважаемые дамы и господа! Мне совершенно неизвестно, насколько подготовленными вы явились сюда слушать курс психоанализа. Однако точное название моих бесед «Введение в элементы психоанализа» рассчитано на такого слушателя, который еще решительно ничего не знает из этой области, и поэтому мне придется познакомить вас с самыми элементарными сведениями.

Вам известно, как я предполагаю, что психоанализ представляет собой один из методов лечения нервнобольных, поэтому я начну с ознакомления вас с тем, как обстоит дело в этой области, так как практика психоанализа совершенно иная, чем в других областях медицины, и нередко противоречит обычным нашим представлениям. Действительно, всякий раз, когда мы подвергаем больного какому-нибудь новому способу лечения, мы начинаем с того, что, насколько это достижимо, облегчаем возможность применения такого метода и гарантируем больному успешность лечения.

Думаю, что именно так и следует поступать: тем самым мы увеличиваем шансы на успех.

Совершенно другая ситуация, когда мы приступаем к лечению невротика психоанализом, здесь нам приходится действовать совершенно иначе: мы указываем больному на трудность такого лечения, на его продолжительность, обращаем внимание на те усилия и жертвы, которые сопряжены с лечением, и в то же время мы не можем гарантировать успеха лечения, так как он зависит от поведения больного, от степени его понятливости, от его выдержки и от того, насколько он пойдет навстречу нашим мероприяти-

ям. Из дальнейшего нам станет ясно, что для такого, как может показаться, неправильного подхода к пациенту у нас имеются вполне серьезные основания.

Не сердитесь, если я вначале буду обращаться с вами так же, как с этими нервнобольными, и я вам не смогу пообещать ничего определенного, но ведь я вам и не советую продолжать ходить меня слушать. Вот почему мне придется непременно указать вам с самого начала на те недочеты в понимании психоанализа, которые связаны с его преподаванием, и на трудность выработки собственного отношения к нему.

Я должен вам указать и на то, что все ваше образование до сих пор и все навыки вашего мышления должны были сделать вас, без сомнения, противниками психоанализа, и немало труда придется вам затратить, чтобы преодолеть в себе бессознательный протест против него.

Я не могу обещать вам наперед, что благодаря моим лекциям вы овладеете психоанализом, но в одном я могу быть твердо уверен: прослушав мои лекции, вы не научитесь вести психоаналитических исследований и не сможете их применить на практике. Впрочем, если бы среди вас нашлись лица, которые не удовлетворились бы этим беглым знакомством с психоанализом, а захотели бы вступить с ним в прочную связь, то я им не только не посоветую это сделать, но всячески буду удерживать и предупреждать их от такого шага. Ведь тот, кто пожелал бы в наше время избрать себе подобную профессию, тем самым в корне потерял бы всякую возможность иметь успех в университете. Если же такой врач занялся бы практикой, то встретил бы недоверие и даже враждебное отношение в обществе, на него были бы направлены все темные силы, и если вы на минуту подумаете о свирепствующей в настоящее время в Европе войне, то, может быть, составите себе приблизительное представление о том, сколь многочисленны эти враги. И тем не менее, несмотря на все это, существуют и такие люди, которых всякая истина непреоборимо влечет к себе, несмотря на все неприятности и опасности в жизни.

Если среди вас окажутся люди такого рода и если вы вопреки моим предупреждениям снова вернетесь в эту аудиторию, то я буду вас приветствовать. Но все равно, вы все имеете законное право узнать о том, каковы эти упомянутые мной затруднения, мешающие вам ознакомиться с психоанализом.

Во-первых, укажу, как трудно преподавать психоанализ и обучить ему. Преподавание медицинских наук опирается на наглядный метод. Вам предъявляют анатомический препарат, вы видите осадки химических реакций, сокращение мышц при раздражении нерва, перед вами демонстрируют больного, дают возможность увидеть его, указывают на симптомы его болезни, знакомят с последствиями болезненных процессов, а в некоторых случаях показывают и самих возбудителей болезни в чистых культурах. Если дело идет о хирургическом случае, то и здесь вы присутствуете при хирургическом вмешательстве, видите, как оказывается помощь больному, и вам не запрещается попробовать и самим кое-что выполнить. Даже при психиатрических демонстрациях вы можете сделать целый ряд ценных наблюдений над изменениями мимики у больного, удостовериться в расстройствах речи или поведения его: все это оставляет у слушателя неизгладимое впечатление. Преподаватель в медицине, таким образом, играет роль экскурсовода, сопровождающего посетителя музее, в то время как последний совершенно самостоятельно непосредственно знакомится с явлениями и сам убеждается в существовании определенных фактов в этой области.

В психоанализе, к сожалению, дело обстоит совершенно иначе, так как при психоаналитическом лечении происходит один только словесный обмен, разговор между анализируемым и врачом, причем больной высказывается, сообщает о своих переживаниях, жалуется, признается в своих желаниях и чувствах, а врач слушает, старается направить определенным образом мысли больного, убеждает его, привлекает его внимание, дает ему разъяснения и наблюдает за всем поведением больного, реагирует ли он положительно или отрицательно.

Малокультурные родственники наших пациентов, которым импонируют только бьющие в глаза мероприятия, какие можно увидеть разве только на экране в кинематографе, не упустят случая усомниться в методе лечения. «Да разве это мыслимо – помочь больному одними разговорами». Понятно, такое возражение и недальновидно, и непоследовательно, так как те же самые люди в другом случае вполне определенно заявляют, что больные только внушают себе свою болезнь.

Когда-то слово служило орудием колдовства, да и в настоящее время в слове сохранилось немало старой чудодей-

ственной силы. Действительно, разве не при помощи одних только слов человек может осчастливить или, наоборот, ввергнуть в отчаяние другого? Разве, пользуясь словами, учитель не передает своих знаний ученикам? Разве слова оратора не увлекают слушателей и не заставляют их изменить взгляды? Слова вызывают сильные чувства и служат средством влияния одних людей на других. Вот почему мы не собираемся дискредитировать терапевтического значения слов в лечении невротиков и будем довольствоваться тем, что услышим слова, которыми обмениваются психоаналитик и его больной.

Однако оказывается, что и это невозможно. Беседа, к которой сводится психоаналитическое лечение, совершенно не терпит постороннего слушателя, такую беседу, следовательно, нельзя показать. Если на лекции по психиатрии вполне возможно демонстрировать студентам неврастеника или больного истерией, то такой больной расскажет нам при этом о своих страданиях, сообщит свои жалобы, но те признания, которые нужны при психоанализе, больной сделает только при условии особой привязанности к врачу, больной умолкнет тотчас же, как только почувствует присутствие хотя бы одного безразличного для него слушателя; ведь признания больного касаются самых интимных сторон его души, всего того, что ему как определенной социальной личности приходится скрывать от других и в чем, он, может быть, не захочет сознаться и самому себе.

Вот почему вам не придется лично познакомиться с психоаналитическим лечением, и вы вынуждены будете довольствоваться тем, что узнаете, буквально с чужих слов. Поэтому вам чрезвычайно трудно будет выработать свой собственный взгляд на психоанализ, так как к своим знаниям вам придется прийти, основываясь на том доверии, которое вы питаете к своему преподавателю.

Представьте себе теперь, что вы присутствуете не на психиатрической, а на исторической лекции, и вам читают о жизни и подвигах Александра Македонского. Почему вы не сомневаетесь в истинности сообщаемых вам сведений? Ведь здесь на первый взгляд положение кажется еще более сомнительным, чем в психоанализе, так как профессор истории, подобно вам, конечно, не участвовал в походах Александра; психоаналитик, по крайней мере, может вам рассказать о том, что он сам видел. Однако почему же вы верите историку? Он приводит вам ссылки из древних писателей,

современников Александра, близких по времени к событиям той эпохи, он сошлется на произведения Диодора, Плутарха, Аппиана и др.; он покажет вам снимки монет и статуй Александра, фотографию помпейской мозаики — битву при Иссе. Ведь, строго говоря, все эти документы могут только доказать, что уже в то отдаленное время не было сомнений в личности Александра, не сомневались в реальности его подвигов, тем не менее ваше критическое отношение было бы здесь вполне уместно; оно подсказало бы вам недоверие к некоторым данным об Александре, указало бы на разногласие в целом ряде свидетельств, и все же я не могу допустить, чтобы вы ушли с лекции, усомнившись в реальности личности Александра Македонского. И тут перед вами возникнут два соображения: во-первых, то, что у лектора нет никаких оснований заставить вас верить в существование того, в чем он сам сомневается, и, во-вторых, то, что в исторических памятниках жизнь Александра излагается более или менее одинаково. Теперь, если бы вы сами занялись изучением этих исторических памятников, то, конечно, приняли бы во внимание и мотивы, влияющие на указания тех или иных историков, и стали бы исходить из свидетельств, между собою сходных.

Результаты вашего исследования, наверное, вполне успокоят вас, но они были бы совсем иными, если бы вы занялись такими историческими лицами, как Моисей или Нимрод. В дальнейшем вы узнаете о том, какие сомнения могут возникнуть у вас при знакомстве с психоанализом.

С вашей стороны теперь вполне законен вопрос: да как же можно изучить и убедиться в правоте психоанализа, если нет возможности привести объективных тому доказательств. Вы правы, изучить его нелегко и овладевших как следует психоанализом совсем не так много. Тем не менее существует определенный путь его изучения, он приводит нас к изучению самих себя, к нашей собственной личности. Такое изучение не следует смешивать с самонаблюдением, хотя, если хотите, в крайнем случае и можно рассматривать психоанализ как один из видов самопознания.

Предметом изучения психоанализа на самом себе может послужить ряд очень распространенных и общеизвестных психических явлений, здесь мы приходим к выводу, что процессы, изучаемые в психоанализе, существуют на самом деле, и убеждаемся в правильности их психоаналитического понимания. Однако продвижение по этому пути, к сожалению,

имеет пределы, за которые невозможно выйти. Мы можем только тогда рассчитывать на определенные результаты, когда психоанализ ведется опытным психоаналитиком, так как при этом испытываешь на самом себе действие психоанализа и в то же время можешь овладеть техническими приемами такого исследования. Изучать таким образом психоанализ возможно, разумеется, только каждому по отдельности, а не всем слушателям сразу.

Что же касается теперь другой причины, мешающей вам овладеть психоанализом, то виноват в этом уже не психоанализ, а вы сами, поскольку вы до сих пор занимались своей специальностью — медициной. Медицинские науки приучили вас постоянно искать причины всех проявлений болезни в грубо-анатомических изменениях, объяснять их химическими или физическими процессами и подходить к ним биологически, но как раз области душевной жизни, в которой находит свое завершение деятельность всего нашего удивительно сложного организма, вам совершенно не приходилось касаться. Психологический подход к явлениям вам чужд, вы привыкли относиться к нему с недоверием, не усматривая в нем ни тени научности и предоставляя всю эту область в распоряжение поэтов, натурфилософов, мистиков и других дилетантов. Такая ограниченность кругозора вредит вашей медицинской деятельности, потому что больной предстает перед вами прежде всего своей душевной стороной, и существует серьезная опасность, что вы в наказание за ваше непонимание души человека во многих случаях сумеете добиться меньших результатов, чем это доступно знахарю, целителям силами природы и мистикам, которых вы презираете.

Мне хорошо известны причины, оправдывающие такой пробел в вашем образовании; вам недостает философских знаний, которые могли бы помочь вам в вашей врачебной деятельности. К сожалению, однако, ни спекулятивная философия, ни описательная психология, или та психология, которая рассматривает физиологию чувств и называется экспериментальной в той форме, в какой они преподаются в школе, не могут дать вам ничего практически нужного в вопросах взаимоотношений между душой и телом, они не дадут вам ключа для понимания разнообразных нарушений душевной деятельности. Хотя одна из медицинских наук, психиатрия, и занимается описанием душевных расстройств и группирует их в определенные клинические картины болезней, однако, в часы откровенности

психиатры сами не уверены в том, насколько их описания заслуживают названия научных.

Неясность происхождения симптомов болезни, из которых слагаются такие клинические единицы, увеличивает непонятность самих процессов и их взаимоотношений, с другой стороны, этим симптомам не соответствуют определенные изменения в мозгу, а если последние и существуют, то невозможно объяснить их происхождение. Да и сам терапевтический эффект при таких психических заболеваниях возможен только в том случае, если удается обнаружить проявление каких-либо побочных органических изменений.

Психоанализ пытается заполнить этот пробел в медицинских знаниях. Он предлагает психиатрии недостающее ей психологическое обоснование болезней, он надеется вскрыть ту общую всем болезням основу, исходя из которой можно будет понять соотношение между психическими и соматическими расстройствами. Для этого психоанализ должен прежде всего отбросить все чуждые ему анатомические, химические или физиологические теории и оперировать исключительно психологическими понятиями. Вот почему, как мне думается, он покажется вам таким необычным.

Имеется еще одно препятствие, затрудняющее его понимание, но в этом вас нельзя винить, и я не виню также ни вашу подготовку, ни предвзятость ваших мнений. Дело в том, что психоанализ двумя основными своими положениями оскорбляет всякого человека и вызывает протест: первое из этих положений грешит против одного интеллектуального предрассудка, другое находится в противоречии с эстетически-моральным. Не следует, однако, относиться слишком легко к этим предрассудкам, ведь они являются могущественными залежами полезных и, более того, необходимых ресурсов в развитии всего человечества, оба они опираются на силу наших аффектов, а потому с ними нелегко бороться.

Первое коробящее утверждение психоанализа сводится к признанию того, что душевные процессы по существу бессознательны и что сознательные процессы составляют лишь часть всей нашей душевной деятельности. Вы, конечно, припоминаете, что мы, наоборот, привыкли отождествлять всякое психическое явление с сознанием. Психический характер явления для нас определяется его сознательностью, согласно этому воззрению психология есть наука о содержании сознания. Это отождествление психического и сознатель-

ного представляется нам таким законным, что всякое возражение против него кажется бессмысленным. Тем не менее психоанализ настаивает на своем и не может допустить такого отождествления[1]. Психоанализ, напротив, утверждает, что психические процессы чувствования, мышления и желания могут проявляться в форме бессознательного мышления и бессознательного желания.

Такое утверждение сразу лишает его симпатии всех приверженцев трезвой научности и навлекает на него подозрение в принадлежности к тем фантастическим, таинственным учениям, которые зарождаются во мраке суеверий и намереваются удить рыбу в мутной воде. Но вам едва ли понятно, почему я считаю предрассудком такое отвлеченное утверждение, как «психическое есть сознательное», и вы не можете догадаться, какое движение мысли приводит к отрицанию бессознательного, если оно действительно существует, и какие преимущества дает его отрицание. Вопрос о том, следует ли согласиться, что психическое тождественно с сознанием, или нужно расширить понятие психического за пределы сознания, — может показаться вам бессодержательным спором о словах, но позвольте уверить вас, что благодаря допущению существования бессознательных душевных процессов нам открывается возможность совершенно нового понимания явлений науки.

Едва ли вы представляете себе, как это первое дерзкое утверждение, сделанное психоанализом, тесно связано со вторым, о котором сейчас пойдет речь. Второе положение, которое психоанализ считает одним из своих достижений, гласит, что влечения, которые мы обозначаем как сексуальные в узком и широком смысле этого слова, играют необыкновенно важную и до сих пор еще никем в должной мере не признанную роль в качестве причины нервных и душевных заболеваний. Скажу больше, эти же сексуальные влечения вносят вклад, который нельзя недооценивать, в создание высших культурных, художественных и социальных ценностей человеческого духа[2].

По опыту я знаю, что недружелюбное отношение к положениям психоаналитического учения вытекает из сопротивления, с которым оно сталкивается. Хотите узнать,

---

[1] [Этот вопрос более подробно обсуждается в первой части работы «Бессознательное» (1915*e*).]

[2] [Сексуальные влечения являются темой 20-й лекции.]

как это объясняется? Мы думаем, что культура могла возникнуть в силу необходимости за счет удовлетворения человеком своих влечений; такое культурное строительство общества продолжается и в настоящее время при том непременном условии, что каждый вновь вступающий в общество член снова отказывается от удовлетворения своих личных влечений, принося их в жертву ради всего общества. Среди этих влечений, используемых таким образом, значительную роль играют сексуальные: при этом они сублимируются, то есть отклоняются от сексуальных целей и направляются на социально более высокие, утрачивая свой чисто сексуальный характер. Такое образование, однако, весьма неустойчиво, сексуальные влечения с трудом поддаются усмирению, и тому, кто намерен принять участие в создании культурных ценностей общества, грозит опасность, что его сексуальные влечения воспротивятся такому их применению. Общество убеждено, что наибольшую опасность для его культуры представляет собой высвобождение сексуальных влечений и их возврат к первоначальным целям[1]. Общество не любит, чтобы ему напоминали об этом деликатном месте, лежащем в его основании; в его интересах воспрепятствовать ясному осознанию могущества сексуальных влечений и значения сексуальной жизни; оно из чисто воспитательных соображений постоянно отвлекает наше внимание от всей этой области. Именно потому общество нетерпимо к вышеупомянутым результатам исследований психоанализа и стремится заклеймить психоанализ как учение, отвратительное в эстетическом отношении и непристойное или даже опасное в отношении моральном. Нельзя опровергнуть объективные результаты научной работы такого рода выпадами; если уж выдвигать возражения, то они должны быть обоснованы интеллектуально. Человеческой природе свойственно считать все нежелательное заблуждением, а при таких условиях оказывается уже нетрудно подыскать и соответствующее возражение. Итак, общество выдает все нежелательное за заблуждение, оспаривая истинность психоаналитических положений логическими и фактическими аргументами, основанными, правда, на аффектах, и упорно продолжает держаться старых предрассудков, несмотря на все попытки их опровергнуть.

---

[1] [Антагонизм между культурой и влечениями наиболее подробно рассматривается в работе Фрейда «Недомогание культуры» (1930*a*).]

Мы, однако, можем утверждать, что, устанавливая эти неприемлемые для общества положения, мы были совершенно свободны от какой-либо тенденциозности. Мы хотели лишь изложить то реальное положение вещей, фактическое обоснование которого мы почерпнули из нашей упорной работы. Совершенно не касаясь вопроса о том, насколько те или иные положения науки могут быть опасными для общества, мы и теперь, как и раньше, безусловно отвергаем всякую возможность вмешательства в область научной работы в силу каких-либо практических соображений.

Вот некоторые из тех затруднений, которые противостоят вашему интересу к психоанализу. Пожалуй, более чем достаточно для первого раза. Если вы сумеете побороть в себе невыгодное впечатление от них, мы продолжим наше изложение.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Ошибочные действия

Уважаемые дамы и господа! Мы начнем сегодня с исследования, а не с предположений. Его объектом будут очень часто встречающиеся, всем известные явления, до сих пор мало привлекавшие к себе внимание; они не имеют ничего общего с болезнью и встречаются у всякого здорового человека.

Такие явления носят название *ошибочных действий*[1], например, тот случай, когда вместо того, что собираются

[1] [До Фрейда понятие ошибочных действий в широком смысле в психологии, по-видимому, отсутствовало. Фрейд посвятил этому феномену одну из своих работ, а именно «Психопатологию обыденной жизни» (1901*b*); большое количество (более сорока) примеров и историй, приводимых в данной и в двух последующих лекциях, содержатся в различных изданиях этого раннего труда. В своих дидактических работах, в том числе и в «Лекциях», Фрейд часто использовал ошибочные действия как наиболее подходящий материал для первого знакомства с его теориями В действительности они составляли предмет его самых ранних психологических исследований.]

сказать, говорят совсем другое, называют *оговоркой,* если же такое явление случается во время письма — *опиской,* во время чтения, когда читаешь не то, что написано — *очиткой,* если слышишь не то, что говорят — *ослышкой,* разумеется, если у данного лица нет органического поражения слуха. В основе другого ряда аналогичных явлений лежит *забывание,* когда на время ускользает из памяти какое-либо хорошо знакомое *имя,* которое нетрудно затем узнать, или если забудешь выполнить какое-нибудь *намерение,* и оно вспоминается только позже, — словом, это временное выпадение из памяти тех или иных явлений. Третий ряд таких же явлений, в которых время уже не играет никакой роли, наблюдается при *запрятывании,* когда засунешь куда-то какую-нибудь вещь и потом не можешь никак найти или при аналогичном *затеривании* вещей. В этом случае наше отношение к забыванию совсем иное, чем к забываниям другого рода: оно нас и удивляет и огорчает, вместо того чтобы мы находили это естественным. Сюда же мы отнесем наши *ошибки-заблуждения,* обнаруживающие на определенный промежуток времени наше неправильное отношение к тому или иному явлению, хотя и до и после них мы определенно сознаемся в нашей оплошности. Таких ошибок очень много и для каждой из них у нас имеется определенное название.

Все эти ошибки обнаруживают внутреннее родство прежде всего в том, что все названия этих ошибок одинаково начинаются с приставки «о» или «за». В сущности, эти ошибки не имеют никакого значения, так как они в большинстве своем преходящи и не угрожают нашей обыденной жизни. Иногда, впрочем, какая-нибудь из них неожиданно приобретает определенное значение, когда дело касается, например, потери практически нужных предметов, но, как правило, на них не обращают внимания и вызывают они лишь слабые аффекты.

Именно на эти явления мне и хотелось бы обратить ваше внимание. На это, однако, вы с досадой можете мне возразить: «На свете, как и в области нашей души, найдется немало загадочных явлений; но ведь есть немало чудесного, требующего своего изучения, и в области психопатологии, так что, право, уж жалко тратить свое время и внимание, интересуясь такими пустяковыми явлениями. Вот, если бы вместо этого вы могли разъяснить нам, как человек с нормальным зрением и слухом днем может слышать или

видеть несуществующее на самом деле, или почему больному вдруг кажется, что самые близкие ему люди, до того самые дорогие ему, его преследуют, или как, опираясь на самые невероятные доказательства, человек высказывает бред, совершенно бессмысленный даже в глазах ребенка. Если бы вы все это объяснили, то мы, конечно, не отказались бы признать известное значение за психоанализом, а если психоанализ способен заниматься только пустыми вопросами вроде того, почему оратор на торжественном заседании произносит вместо одного слова другое, или почему какая-то домохозяйка засунула куда-то свои ключи, то, увольте, мы найдем более интересное и полезное занятие».

Я бы вам ответил: «Терпение, многоуважаемые дамы и господа! Никак не могу согласиться с вашим возражением. Психоанализ действительно не может похвастаться тем, что он никогда не занимался мелочами. Наоборот, самые незначительные, скромные проявления, отвергаемые другими науками как недостойные, так сказать, отбросы из мира явлений, служат материалом, над которым работает психоанализ. Но не подменяете ли вы, критикуя психоанализ, серьезность проблем их внешней броскостью и яркостью? Разве не случается, что существенные явления при определенных условиях и в определенное время выдают себя лишь едва заметными признаками? Таких примеров можно было бы привести очень много. Как, например, немного нужно вам, присутствующим здесь молодым людям, для того, чтобы убедиться в расположении к вам какой-нибудь дамы. Разве вы станете ждать объяснений в любви, бурных объятий? Едва заметный другим брошенный на вас взгляд, беглое движение, чуть затянувшееся рукопожатие — и уже нет места сомнению. Или возьмем другой пример: положим, что вам в роли должностного лица приходится произвести следствие по поводу убийства. Неужели вы думаете, что преступник оставит вам на месте преступления свою фотографию и свой адрес и разве не придется вам удовлетвориться даже менее убедительными вещественными доказательствами для раскрытия личности преступника? Поэтому не будем относиться с пренебрежением к ничтожным признакам; весьма возможно, опираясь на них, мы раскроем что-нибудь более важное. Я, впрочем, как и вы, считаю, что великие проблемы науки должны нас интересовать прежде всего. Однако само по себе намерение взяться за изу-

чение той или иной великой проблемы ни к чему не приводит. При научных исследованиях солидных результатов можно достигнуть гораздо скорее, если обратиться к тому, что тебя окружает и что более доступно. Если такое изучение ведется строго, без предубеждений, непредвзято, то, если посчастливится, даже такая непритязательная работа может открыть путь к изучению великих проблем, потому что единая связь объединяет весь мир явлений как малых, так и великих».

Вот так я бы рассуждал, чтобы удержать ваш интерес к тем ничтожным ошибочным действиям, которые встречаются у здоровых людей. А теперь обратимся к человеку, совсем незнакомому с психоанализом, и спросим его, что он думает о происхождении этих явлений?

Прежде всего, вероятно, он нам ответит, что такие пустячные явления и не заслуживают никакого объяснения, это просто маленькая случайность. Но что же он хочет этим сказать? То ли, что на свете происходят ничтожные явления, ускользающие из цепи мировых событий, которые равновероятно могут случиться или не случиться? Если кто-то нарушает таким рассуждением естественный детерминизм мировых явлений, то все научное мировоззрение рушится в прах. В таком случае можно было бы поставить ему в упрек, насколько последовательнее религиозное мировоззрение, убежденное в том, что без Божьей воли и воробей не упадет с крыши. Таких выводов наш друг, конечно, не сделает, он сейчас же внесет поправку и скажет, что при изучении таких явлений, естественно, найдутся для них объяснения. Эти явления происходят вследствие небольших нарушений функций психической деятельности, на которые можно было бы указать, а именно: человек, который обычно говорит правильно, может обмолвиться 1) если он устал или ему нездоровится, 2) если он взволнован, 3) если он в это время занят чем-нибудь посторонним. И все это легко подтверждается. Действительно, обмолвки случаются нередко при усталости, при головной боли или перед приступом мигрени; в таких же состояниях забываются и имена собственные, так что для некоторых такое забывание имен собственных является признаком приближающейся мигрени. Нередко и волнение вызывает расстройства памяти; путаешь слова, берешь в руки не то, что нужно, забываешь, что нужно сделать; но чаще всего ошибаешься при рассеянности, то есть когда внимание сконцентрировано на

чем-то другом. Известным примером такой рассеянности мог бы служить профессор из *Fliegende Blätter*, до того ушедший в свои мысли о книге, которую он собирается написать, что забывает свой зонтик и шляпу. По собственному опыту мы знаем о таких случаях, когда забываешь что-нибудь сделать, не исполняешь обещания, потому что слишком захвачен чем-то другим.

Все это очень просто и не вызывает возражений, но совсем уж не так интересно, как мы думали. Однако приглядимся поближе к объяснению ошибочных действий. Условия, предположительно необходимые для возникновения этих явлений, совсем не одинакового происхождения. Если нездоровье и расстройство кровообращения в мозгу указывают на физиологическую причину забывания, то возбуждение, усталость, расстройство внимания — это явления, обусловленные другими причинами, которые можно было бы назвать психофизиологическими. Теоретически их нетрудно объяснить: как под влиянием утомления, так и вследствие рассеянности, а иногда и от общего возбуждения внимание распределяется таким образом, что для определенного действия его остается слишком мало. При этих условиях некоторые действия выполняются неправильно или неточно. К таким же результатам приводит легкое нездоровье или изменение притока крови к мозгу, так как эти состояния обусловливают тот же причинный момент — распределение внимания. Таким образом, во всех вышеизложенных случаях все дело сводится к нарушению внимания вследствие органических или психических изменений.

Из всего этого для психоанализа можно извлечь пока что не слишком много. У нас может возникнуть искушение оставить эту тему. При более детальном наблюдении мы все же приходим к убеждению, что далеко не все факты можно объяснить этой теорией распределения внимания при ошибочных действиях, или, по крайней мере, не все они ею так просто объясняются. По опыту известно, что ошибочные действия и забывания встречаются у совершенно нормальных людей, которые совсем *не* устали, *не* рассеянны и *не* взволнованы, разве что им вследствие того, что они ошиблись, задним числом припишут возбуждение, которого, однако, они сами, по их словам, не чувствовали. Да и нельзя же свести все к простому объяснению, будто правильное выполнение какого-либо действия гарантируется напряженностью нашего внимания, а при понижении его такое

выполнение затрудняется. Существует очень много действий совершенно автоматических, с очень незначительным участием внимания, и тем не менее они выполняются с большой уверенностью. На прогулке, даже если вовсе не думаешь куда идешь, *не сбиваешься с пути* и останавливаешься там, где нужно. Во всяком случае, обычно так и бывает. Опытный пианист попадает на соответствующие клавиши, вовсе об этом не думая; конечно, он может и ошибиться, но если бы автоматическая игра способствовала увеличению числа ошибок, то именно виртуоз при его автоматической игре должен был бы ошибаться чаще всех. Мы наблюдаем как раз обратное: целый ряд действий осуществляется особенно уверенно тогда, когда мы на них не обращаем внимания[1], и мы чаще всего ошибаемся именно в том случае, когда требуется особая точность в действиях, и потому не может быть речи об отвлечении нашего внимания. В этом случае, если хотите, можно обвинять «волнение», но остается совершенно непонятным, почему это волнение, напротив, не усиливает нашего внимания в отношении того, что так хочется выполнить. Вряд ли, исходя из психофизиологической теории или теории внимания, можно объяснить такие случаи, когда в разговоре или в речи, благодаря обмолвке, скажешь вдруг совершенно противоположное тому, что собирался сказать.

Но при ошибочных действиях можно наблюдать еще немало второстепенных явлений, совершенно непонятных и необъяснимых с точки зрения указанных теорий. Например, когда забудется какое-нибудь имя, то чувствуешь досаду, хочешь во что бы то ни стало вспомнить его и никак не можешь отделаться от этого желания. Почему же в таком состоянии навязчивого желания, при всем стремлении человека вспомнить это слово, которое как будто «вертится у него на языке», ему так редко это удается, но он тотчас же его вспоминает, если кто-то другой его скажет? Или как объяснить те случаи, когда ошибочные действия растут, сплетаются одно с другим или заменяют друг друга? В первый раз забываешь о назначенном свидании, в следующий

---

[1] [Фрейд неоднократно утверждал, что многие функции протекают более точно, когда на них не направлено сознательное (произвольное) внимание. Примеры того, как внимание может нарушать течение автоматизированного процесса, который играет важную роль в понимании юмора, приводятся в V главе книги об остроте (1905*c*).]

раз, приняв все меры, чтобы о нем не забыть, перепутываешь час. Иной раз хочешь воспользоваться обходным путем для того, чтобы вспомнить забытое слово, но при этом забываешь второе, которое могло бы помочь вспомнить первое. Стараешься теперь припомнить уже второе слово, и вдруг ускользает из памяти третье и т. д. То же явление наблюдается и при опечатках, которые мы рассматриваем, как ошибочные действия наборщика. Вот вам случай упорно повторяющейся опечатки: в одной социалистической газете, в отчете об одном торжестве было напечатано: «Среди присутствующих мы видели и его высочество *корнпринца*». В следующем номере редакция, извинившись, пытается исправить опечатку: «Разумеется, нужно было написать *кнорпринца*». В таких случаях ничего не остается, как сослаться на нечистую силу, на злого духа наборного ящика и прочие явления такого порядка, которые выходят за рамки психофизиологической теории опечатки.

Вы знаете, что можно, так сказать, спровоцировать обмолвку, то есть вызвать ее внушением. Рассказывают такой анекдот. Одному молодому человеку, новичку на сцене была поручена важная роль в «Орлеанской Деве», он должен был доложить о том, что король приехал и что коннетабль отсылает обратно свой меч (der Konnetable schickt sein Schwert zurück). Актер, игравший главную роль, зло подшутил над робким новичком: он подсказал молодому человеку на репетиции несколько раз вместо слов пьесы: возничий отсылает назад свою лошадь (der Komfortabel schickt sein Pferd zurück), — и добился своего[1]. Во время представления дебютант повторил искаженное донесение, хотя его усиленно предупреждали этого не делать, а, может быть, именно потому так и случилось.

Все эти маленькие особенности ошибочных действий, конечно, не могут быть объяснены теорией отвлечения внимания, но из этого вовсе не следует, что теория эта неверна. Ведь может статься, что ей чего-то недостает, ее следует дополнить, и тогда она станет вполне удовлетворительной. Но дело заключается в том, что ошибочные действия можно рассматривать еще и с другой стороны.

Начнем с *оговорки*, так как она больше других ошибочных действий годится для наших целей, хотя, конечно, мы

---

[1] [Здесь, видимо, произошла ошибка: сам король сообщает об отступлении коннетабля (акт I, вторая сцена).]

могли бы с таким же успехом рассмотреть описки или очитки. Теперь мы должны сознаться, что до сих пор задавали себе вопрос только о том, когда, при каких условиях получаются оговорки и только на эти вопросы мы и получали ответ. Но можно задать и другой вопрос: а почему человек оговорился именно таким образом, а не как-либо иначе? Обратим также внимание на то, к каким результатам приводят оговорки. Вы понимаете, пока мы не получим ответа на этот вопрос, пока мы не выясним, к чему ведут оговорки, явление это останется для нас психологически случайным даже в том случае, если его можно было бы объяснять физиологически. Моя оговорка могла бы выразиться в бесконечно разнообразных формах, я мог бы сказать вместо требуемого слова тысячу других и благодаря этому могло бы получиться беспредельное множество искажений этого слова. Существует ли нечто, заставляющее меня в каждом данном случае из всевозможных оговорок сделать именно такую, или это случайность, произвол, и нет надежды получить хоть какой-нибудь разумный ответ на этот вопрос?

Два автора, Мерингер и Майер (один – филолог, другой – психиатр) в 1895 году именно с этой стороны и пытались подойти к вопросу об оговорке. Они собрали большой материал и сначала просто описали отдельные случаи. Такой подход не объясняет оговорку, но позволяет нам найти путь к ее пониманию. Мерингер и Майер отличают следующие виды искажения речи вследствие оговорки: перестановки, затакты, отзвуки, смешения, или контаминации, и замены, или замещения. Привожу вам примеры этих групп по указаниям авторов. Случай перестановки: Милос из Венеры вместо Венеры из Милоса. Случай затакта: Мне было *на тяже...* на душе так тяжело. Пример отзвука – неудачный тост: «Предлагаю отрыгнуть [*ausstoßen* вместо *anstoßen* – чокнуться] за здоровье нашего шефа. Однако такого рода оговорки довольно редки. Чаще наблюдаются случаи оговорок в результате присоединения и смешения: например, когда молодой человек заговаривает с дамой на улице следующим образом: «Если позволите, барышня, я вас *пробижу* (*begleitdigen*)». В слове *begleitdigen* кроется, кроме слова *begleiten* (проводить), очевидно, еще и *beleidigen* (обидеть). (Молодой человек, очевидно, не имел успеха у этой дамы.) Как пример замещения Мерингер и Майер приводят такую оговорку: «Я ставлю препараты в почтовый ящик» (*Brief*kasten) вместо «в инкубатор» (*Brut*kasten).

2*

Объяснение сущности оговорок, которое эти авторы пытаются вывести на основании собранного материала, совершенно неудовлетворительно. Они утверждают, что гласные и согласные звуки слов имеют различную звуковую ценность, и иннервация при произнесении более ценного элемента может мешать иннервации менее ценного. При этом оба автора ссылаются на сравнительно редкие случаи затакта и отзвуков. Что же касается оговорок другого типа, то такие звуковые предпочтения, если только они действительно существуют, не играют никакой роли. Чаще всего при обмолвках вместо одного слова произносят другое, похожее на него, и такое сходство, как думает большинство, вполне удовлетворительно объясняет это явление. Например, в своей вступительной речи профессор заявляет: «Я не *склонен* [*nicht geneigt* вместо *nicht geeignet* – неспособен] оценить заслуги моего уважаемого предшественника». Или другой профессор: «В женских гениталиях, несмотря на множество искушений (*Versuchungen*)... виноват, попыток (*Versuche*)...»

Но самой обыкновенной и в то же время самой поразительной формой оговорки является та, когда говорят как раз противоположное тому, что хотели сказать. При этом звуковые соотношения слов и влияние сходных звуков один на другой не имеют никакого значения, хотя здесь вместо того можно было бы сослаться на то, что противоположности близки по своему смыслу, как ассоциации по контрасту. Мы можем привести исторические примеры такого рода. Председатель нашей законодательной палаты однажды открыл заседание словами: «Господа, я признаю наличие законного числа членов и потому объявляю заседание *закрытым*».

Подобно ассоциациям по контрасту так же предательски могут подвести и другие привычные ассоциации, которые иной раз всплывают совсем некстати. Так, например, рассказывают, что на торжественном бракосочетании потомка Г. Гельмгольца с отпрыском рода знаменитого изобретателя и крупного промышленника В. Сименса физиолог Дюбуа-Реймон держал приветственную речь. Блестящее свое слово он закончил следующим образом: «Итак, да здравствует новая фирма Сименс и Галске». Это, как вы знаете, название старой фирмы, и сопоставление этих двух имен для берлинца так же привычно, как для венца «Ридель и Бойтель».

Таким образом, нам приходится добавить к звуковым соотношениям и к словесному сходству еще и влияние словесных ассоциаций. Но и этого недостаточно. Целому ряду других оговорок нам только тогда удастся найти объяснение, когда мы обратим внимание на то, что было сказано или что предполагалось сказать немного раньше. Итак, еще новый случай отзвука, похожий на случай Мерингера, но еще более отдаленно связанный уже по смыслу. Однако после всех этих объяснений у меня складывается впечатление, что нам стало еще труднее понять оговорки, чем когда-либо!

Я не ошибусь, если скажу вам, что благодаря всем этим исследованиям у нас теперь сложилось несколько иное впечатление об оговорке, на котором стоило бы задержаться. Мы познакомились с условиями, при которых происходят оговорки, а также с влияниями, благодаря которым получается то или иное искажение слова, но мы еще не учитываем, какой эффект получается в результате оговорки самой по себе независимо от процесса ее возникновения. Если мы решимся и на последнее, то должны иметь мужество сказать, что в некоторых из вышеприведенных примеров сама оговорка имеет определенный смысл. Но что значит иметь смысл? Это значит, что оговорку, возможно, следует считать полноценным психическим актом, направленным на некую цель и имеющим свое содержание и значение. Мы с вами все время говорим об ошибочных действиях, но иной раз может оказаться, что такое действие на самом деле отнюдь не ошибка, а совершенно правильный поступок, только заменивший тот другой, которого ждали и предполагали.

Этот истинный смысл ошибочного действия иной раз кажется совершенно очевидным и несомненным. Если председатель палаты депутатов закрывает заседание уже в первом своем слове, вместо того чтобы открыть его, и если знаешь условия, при которых произошла эта оговорка, то вдруг начинаешь понимать, что это ошибочное действие далеко не бессмысленно. Председатель, не ожидая для себя ничего хорошего от этого заседания, был бы рад закрыть его с самого начала. Указать на такой смысл, то есть истолковать эту оговорку, совсем нетрудно. Или, например, если одна дама, как будто вполне признавая таланты другой, заявляет ей: «Эту прелестную новую шляпку вы, должно быть, сами сварганили [*aufgepatzt* вместо *aufgeputzt* – отделали]?» – то никакая научность в мире не помешает нам ус-

лышать в этой оговорке выражение: «Эта шляпка — халтура [*Patzerei*]». Или если очень энергичная дама рассказывает: «На вопрос моего мужа доктору, какой диеты ему придерживаться, доктор ответил, что ему не нужна диета, он может есть и пить все, что *я* хочу», — то в этой оговорке выражена ясная и последовательная программа поведения.

Уважаемые дамы и господа, если бы обнаружилось, что оговорки и другие ошибочные действия имеют определенный *смысл* не только в некоторых исключительных, а напротив, во многих и многих случаях, то этот смысл ошибочных действий, о котором еще до сих пор не говорилось, должен стать для нас наиболее интересным и с полным правом отодвинуть на задний план все другие точки зрения. Оставим поэтому в стороне все физиологические и психофизиологические процессы и займемся только психологическим исследованием смысла, то есть значения, намерения ошибочных действий. А потому не упустим возможности рассмотреть более обширный материал, чтобы проверить наши предположения.

Однако прежде чем мы приступим к этому, я просил бы вас последовать за мной по другому пути. Нередки случаи, когда драматург пользуется оговоркой или другим ошибочным действием как средством художественного изображения. Такой факт показывает нам, что писатель, преднамеренно пользующийся оговоркой, придает ей определенный смысл. Конечно, это происходит не потому, что писатель, случайно сделав описку, потом оставил ее в тексте как оговорку своего персонажа. Ведь писатель своей оговоркой хочет до нас что-то донести, и нам следует вдуматься, какую цель он себе ставит; быть может, он собирается показать нам, что его герой рассеян, устал или, возможно, ждет приступа мигрени. Нам, конечно, не следует переоценивать значение оговорки, используемой писателем. Она, действительно, может быть бессмысленной и случайной, может иметь смысл только в редких случаях, в руках же писателя получает определенное содержание и смысл в согласии с планом и потребностями литературного произведения. Но и в таком случае нас не удивило бы, если бы от поэта мы могли узнать об оговорке гораздо больше, чем от филолога или психиатра.

Пример такой литературной оговорки мы находим в трагедии *«Валленштейн»* (Пикколомини, 1-й акт, 5-е явление). Макс Пикколомини в предыдущей сцене выступает в защи-

ту герцога и восторженно говорит о благах мира, раскрывшихся перед ним, когда он сопровождал дочь Валленштейна в лагерь. Его отец и посланник двора Квестенберг в полном недоумении от его речей. А затем пятое явление развивается так:

Квестенберг
О, горе нам. Вот до чего дошло!
(Настойчиво и нетерпеливо.)
Друг, неужели в этом заблуждении
Дадим ему уйти, не позовем
Сейчас назад, и здесь же не откроем
Ему глаза?

Октавио
(опомнившись после глубокого раздумья)
Мне он открыл глаза
И то, что я увидел – не отрадно.

Квестенберг
Что ж это, друг?

Октавио
Будь проклята поездка!

Квестенберг
Как? Почему?

Октавио
Идемте! Должен я
Немедленно ход злополучный дела
Сам проследить, увидеть сам. Идем!
(Хочет его увести.)

Квестенберг
Зачем? Куда? Да объясните!

Октавио
(все еще торопит его)
К ней!

Квестенберг
К ней?

Октавио
(спохватываясь)
К герцогу! Идем!
(Перевод А. Толстого.)

Октавио хотел сказать «к нему», к герцогу, но ошибся и своей оговоркой — «к *ней*» – выдает нам причину, почему молодой герой так неожиданно стал мечтать о мире.

О. Ранк обнаружил еще более впечатляющий пример у Шекспира, в трагедии «Венецианский купец», в той знаменитой сцене, когда счастливый возлюбленный собирается выбрать один из трех ларцов. Но, может быть, лучше всего я вам прочту всю эту выдержку из исследования Ранка.

«Безусловно художественно тонко мотивированная и технически блестяще использованная оговорка, подобно тому, как это отмечено Фрейдом в "Валленштейне", указывает нам, что поэтам, по-видимому, хорошо известны механизм и смысл ошибочных действий, и такое же знание они предполагают у зрителя. Такая оговорка имеется в "Венецианском купце" Шекспира (3-й акт, 2-я сцена). Порция, которая по воле отца своего может выйти замуж только за того, кто вытянет счастливый жребий, до сих пор лишь благодаря счастливой случайности избавляется от немилых ее сердцу претендентов. Но когда она находит, наконец, Бассанио, который ей нравится, она боится, как бы и он не вытянул пустышку. Ей хочется сказать ему, что и в таком случае он не должен сомневаться в ее любви, но сказать это мешает данная отцу клятва. Вся во власти внутренней борьбы, она по воле поэта говорит желанному жениху:

Помедлите, день-два хоть подождите
Вы рисковать; ведь если ошибетесь —
Я потеряю Вас; так потерпите.
Мне что-то говорит *(хоть не любовь)*,
Что не хочу терять Вас...
Я б Вас научила,
Как выбрать... Но тогда нарушу клятву.
Нет, ни за что. Итак, возможен промах.
Тогда жалеть я буду, что греха
Не совершила! О, проклятье взорам,
Меня околдовавшим, разделившим!
Две половины у меня: *одна*

Вся Вам принадлежит; другая – Вам...
Мне – я сказать хотела; значит, Вам же. –
Так Ваше все!

(Перевод Т. Щепкиной-Куперник.)

Поэт с удивительным психологическим проникновением заставляет Порцию посредством оговорки сказать именно то, о чем она собиралась только намекнуть Бассанио, так как ей нельзя было открыть, что уже до исхода выбора она *вся* его и любит его, и этим искусным приемом автору удается вывести любящего из состояния мучительной неизвестности и разрешить напряженное ожидание зрителей, намекая на исход выбора».

Обратите внимание на то, как находчиво Порция примиряет получившееся благодаря ее оговорке противоречие, как она устраняет это противоречие и в конце концов подтверждает правильность оговорки:

Мне – я сказать хотела; значит, Вам же, –
Так Ваше все!

Так некий мыслитель, далекий от медицины, совершенно случайно раскрывает в одном своем замечании смысл ошибочных действий и тем самым избавляет нас от необходимости еще раз их разъяснить. Вы, конечно, слышали об остроумном сатирике Лихтенберге (1742–1799), о котором Гёте сказал: «Там, где у него шутка, скрывается целая проблема». Но случается и так, что благодаря шутке решается проблем. В своих остроумных сатирических заметках (1853) Лихтенберг пишет: «Он так зачитывался Гомером, что вместо *принял (angenommen)* всегда читал *Агамемнон*». Вот настоящая теория очитки[1].

В следующий раз посмотрим, насколько мы можем согласиться с поэтами в понимании ошибочных действий.

[1] [Лихтенберг был одним из любимых автором Фрейда. В работе «Острота и ее отношение к бессознательному» (1905*c*) обсуждаются многие его эпиграммы, в том числе этот каламбур с именем Агамемнон. См. также ниже, 4-я лекция.]

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ

Ошибочные действия (продолжение)

Уважаемые дамы и господа! В прошлый раз нам пришла в голову мысль изучать ошибочные действия сами по себе, безотносительно к тем преднамеренным поступкам, которые из-за них были нарушены, при этом у нас сложилось впечатление, будто в отдельных случаях такие ошибки имеют какой-то смысл. Если бы это впечатление подтвердилось в большинстве случаев, то смысл ошибочных действий был бы нам более интересен, чем условия их возникновения.

Нам надо, однако, условиться, что мы понимаем под «смыслом» какого-нибудь психического процесса не что иное, как намерение, которому он служит и его место в ряду других психических явлений. В большинстве наших исследований слово «смысл» можно заменить словом «намерение». «тенденция». Итак, не является ли самообманом или поэтической вольностью с нашей стороны, когда мы усматриваем в ошибочных действиях определенное намерение.

Задержимся еще на оговорке и рассмотрим большее количество наблюдений. Здесь мы обнаруживаем ряд случаев. в которых наличие намерения, смысла оговорки не внушает никакого сомнения. Это касается особенно тех из них, когда говорится прямо противоположное тому, что намеревались сказать. Когда президент парламента при открытии заседания говорит: «Объявляю заседание закрытым», – это, конечно, имеет только один смысл, а именно, что ему хочется закрыть заседание. По этому поводу можно было бы сказать: «Да ведь это его собственные слова! Нам остается теперь поймать его на слове». Не возражайте мне, что нельзя придавать его словам такой смысл, что мы прекрасно знаем, что он хотел, напротив, открыть заседание, а не закрыть, и что сам он это подтвердит, и ведь именно его мы считаем последней инстанцией в этом споре. Но вы забываете, однако, что мы условились рассматривать само по себе ошибочное действие, об отношении же его к намерению говорящего, которое из-за него нарушается, мы выскажемся позже. Иначе вы допустите логическую ошибку, просто отстранив всю проблему, то. что англичане называют *«begging the question»*[1].

---

[1] [Свести вопрос на нет (англ.). – *Примечание переводчика.*]

В других случаях, когда при оговорке не высказывается прямо противоположное утверждение, то все-таки в ней может обнаружиться противоположный смысл. «Я *не склонен* (вместо «не способен») оценить заслуги своего уважаемого предшественника». «Склонен» не является противоположностью «способен», однако это явное признание совершенно противоречит той ситуации, в которой говорит оратор.

Существуют еще и другие случаи, когда оговорка придает речи некий второй смысл. Все предложение в таком случае звучит как присоединение, сокращение, сгущение нескольких предложений. Таков пример с энергичной дамой: «Мой муж может есть и пить все, что я хочу». Словно ей хотелось сказать: «Он может есть и пить все, что хочет, но разве он смеет чего-нибудь хотеть. Не он хочет, а я хочу». Нередко оговорки производят впечатление таких сокращений, например, в случае профессора анатомии. После лекции о носовой полости профессор спрашивает своих слушателей, поняли ли они его объяснения, и, получив утвердительный ответ, прибавляет: «Сомневаюсь, потому что даже в городе с миллионным населением лиц, представляющих себе анатомию носовой полости, можно сосчитать *на одном пальце,* виноват, — по пальцам одной руки». В данном случае сокращение имеет свой смысл: есть всего один человек, который это понимает.

Этой группе случаев, в которых ошибочное действие само указывает на свой смысл, можно противопоставить другие; в них оговорки не имеют никакого явного смысла, и, стало быть, решительным образом противоречат высказанному нами выше предположению. Если при оговорке коверкается имя собственное или произносится неупотребительный ряд звуков, то эти случаи как будто вполне определенно дают отрицательный ответ на вопрос о том, имеют ли смысл ошибочные действия. Однако при ближайшем рассмотрении таких случаев обнаруживается возможность понять и эти искажения слов, и, более того, оказывается, что нет никакого принципиального различия между этими туманными и прежними, более ясными случаями оговорок.

Один господин, которого спросили о здоровье его лошади, ответил: «Ja, das *draut*... Das dauert vielleicht noch einen Monat [Да, это продлится, быть может, еще месяц]. На вопрос о том, что он хотел этим сказать, он ответил: «Я подумал, что это *печальная* (traurige) история»; из столкновения двух слов «traurige» и «dauert» получилось «draut» (Meringer, Mayer, 1895).

В другом случае рассказчик сообщает о происшествии, которое он осуждает: «И тогда *высвинились* (sind zum *Vorschwein* gekommen вместо «sind zum Vorschein gekommen» — выявились) факты». В ответ на расспросы он подтверждает, что у него было желание назвать эти факты свинством (Schweinerei). Два слова — «Vorschein» и «Schweinerei» составили вместе странное «Vorschwein» (Мерингер и Майер).

Припомните молодого человека, который хотел *пробидеть* (begleitigen) незнакомую даму. Мы взяли на себя смелость разложить это слово на *begleiten* (проводить) и *beleidigen* (обидеть) и были уверены в правильности нашего толкования, не требуя подтверждения его. Вам ясно из этих примеров, что и такие темные случаи оговорок можно объяснить столкновением, *интерференцией* двух различных желаний. Разница между ними объясняется тем, что в первом случае одно намерение заменяется другим и возникают оговорки с противоположным значением, между тем как во втором случае намерение лишь искажается или модифицируется, так что получаются комбинации, которые кажутся более или менее осмысленными. Теперь, кажется, мы разгадали тайну большинства оговорок, и если мы будем придерживаться нашего взгляда на них, нам удастся понять еще и другие, до сих пор оставшиеся загадкой. Едва ли, например, когда дело идет об искажении имен, можно предположить конкуренцию двух сходных и в то же время различных имен. Однако не так уж трудно понять мешающую правильному произношению тенденцию. Искажение имен происходит нередко и безо всяких оговорок, оно стремится сделать имя неблагозвучным, или созвучным с чем-то унизительным, то есть представляет собой известного рода оскорбление, от которого культурный человек научился воздерживаться, хотя и не всегда охотно. Он может позволить себе такое оскорбление только в виде «шутки», правда, не очень высокого качества. Чтоб привести резкий и отвратительный пример такого коверканья, я напомню вам, как в настоящее время[1] имя президента французской республики переделали из Пуанкаре в «Швайнкаре»[2]. Нетрудно допустить, что и при оговорке имеется такое же оскорбительное желание, какое проявляется при намеренном искажении имен. Подобное объяснение напра-

[1] [Период Первой мировой войны.]

[2] [От Schwein — свинья. — *Примечание редактора.*]

шивается само собой, особенно в случаях обмолвок с комическим или абсурдным эффектом. «Я прошу вас отрыгнуть (вместо “чокнуться”) за здоровье нашего шефа». Торжественное настроение неожиданно нарушается словом, возбуждающим неаппетитное представление. По примеру бранных и насмешливых речей мы можем предположить выразившееся здесь намерение протестовать против этого показного почтения приблизительно в таких выражениях: «Не верьте этому, это не всерьез, наплевать мне на этого парня, и т. п.» То же самое значение можно открыть в стремлении превращать безобидные слова в неприличные, цинические, например, *apopos* (по заднице) вместо *apropos* (кстати), *гнусная бабенка* (Eischeißweibchen) вместо *белковая пластинка* (Eiweißscheibchen) (Мерингер и Майер).

Мы знаем многих людей, которые удовольствия ради искажают безобидные слова, превращая их в неприличные. Некоторые считают это остроумным, а на самом деле иногда приходится выяснять, намеревался ли человек сказать шутку, или же это была оговорка.

Таким образом, мы без особого труда разрешили тайну ошибочных действий. Вы видите, что это не случайные явления, а ценные акты нашей психики; они обладают смыслом и возникают благодаря одновременному действию, или, лучше сказать, противодействию двух различных желаний. Могу себе представить, какой град вопросов и сомнений вы готовы на меня обрушить, требуя на них ответа, прежде чем порадоваться этому первому результату нашей работы. Я тем охотнее готов отвечать вам, что в мои намерения вовсе не входит натолкнуть вас на слишком поспешные заключения. Лучше подвергнем холодному анализу все наши положения, одно за другим.

Что же, собственно, вы хотели бы меня спросить? Считаю ли я, что объяснил таким образом все случаи оговорок или только известную их часть? Можно ли распространить такое толкование и на все другие виды ошибочных действий – очитку, описку, забывание, затеривание вещей и на захватывание их «по ошибке»? Имеют ли какое-то значение для психической природы ошибочных действий факторы утомления, возбуждения, рассеянности и нарушения внимания? Далее, можно заметить, что из двух конкурирующих тенденций ошибочных действий одна всегда проявляется открыто, а другая – нет. Можно ли обнаружить эту скрытую тенденцию, и если да, то каким образом? И если,

наконец, у нас имеется догадка относительно содержания этой скрытой тенденции, то как доказать, что догадка эта не только вероятна, но и единственно верна? Может быть, у вас найдется еще какой-нибудь вопрос? Если нет, то я продолжаю. Напомню вам, что сами по себе ошибочные действия интересуют нас лишь постольку, поскольку они помогают познакомиться с психоанализом. Вот почему я теперь выдвигаю вопрос: что же это за желание и тенденция, препятствующие проявлению других желаний и тенденций, и каковы отношения между первым и вторым? Наша работа сможет продвинуться вперед только после решения этой проблемы.

Итак, можно ли таким образом объяснить все без исключения случаи оговорки? Я склонен думать, что да, потому что каждый раз, разбирая оговорку, удается найти такое объяснение. Но ведь невозможно доказать, что не существует оговорок другого характера. Однако для нас это теоретически совершенно безразлично, так как заключения, которые нам нужны для введения в психоанализ, остаются в силе и в том случае, если бы даже нашему объяснению поддавались только некоторые оговорки. На наш следующий вопрос, вправе ли мы распространить объяснения, применимые к оговорке, и на другие случаи ошибочных действий, я хотел бы ответить утвердительно. Да вы и сами в этом убедитесь, стоит нам только заняться описками, ошибками и тому подобными явлениями. Но по техническим соображениям я советовал бы вам отложить этот вопрос до тех пор, пока мы не познакомимся еще основательней с областью оговорок.

Признавая действие описанного выше психического механизма оговорки, мы должны дать ответ на вопрос, какое значение при оговорках имеют расстройства циркуляции крови, утомление, нарушение внимания, возбуждение. Вспомните, что мы не оспариваем этих моментов. Психоанализ вообще довольно редко оспаривает то, что утверждают другие; как правило, он только добавляет новое знание, и часто оказывается, что это новое, прежде не замечаемое, оказывается самым существенным. Мы признаем безо всяких колебаний влияние физиологических условий, нездоровья, расстройства кровообращения, состояния истощения как условий, способствующих оговоркам; в этом нас убеждает личный повседневный опыт. Но многое ли это может объяснить? Прежде всего это не обязательные усло-

вия ошибочных действий, так как оговорка вполне возможна и при абсолютном здоровье и в совершенно нормальном состоянии. Эти соматические условия могут разве что облегчить и ускорить проявление оговорки. Чтобы охарактеризовать эти отношения, я однажды воспользовался сравнением, которое я здесь повторю за неимением лучшего. Представьте себе, что поздно ночью я прохожу пустынной улицей, где на меня нападает грабитель и отнимает у меня часы и кошелек. Так как я не мог рассмотреть лица грабителя, то в ближайшем полицейском участке я заявляю: «Пустынная улица и темнота только что отняли у меня ценные вещи». Полицейский комиссар может мне заметить, что я напрасно придерживаюсь сугубо механистического понимания явлений. «Скажите лучше: под защитой темноты и глухой улицы неизвестный грабитель отнял у вас ваши драгоценности. Главная наша задача, на мой взгляд, является — найти грабителя. Тогда мы сможем забрать у него похищенные вещи».

Психофизиологические условия, а именно — возбуждение, рассеянность, расстройство внимания, как видите, мало чего дают для объяснения оговорки. Это лишь формы выражения, ширмы, и нам не следует бояться за них заглянуть. Спрашивается, что вызывает в таких случаях возбуждение или особое отвлечение внимания? Здесь снова приходится признать известное значение за созвучиями, сходством слов и привычными словесными ассоциациями; все они облегчают проявление оговорки благодаря тому, что как бы прокладывают путь, по которому она может пойти. Но если передо мной развертывается тот или иной путь, предрешено ли, что я по нему пойду? Нужен еще мотив для того, чтобы я решился идти, необходима еще сила, которая повлекла бы меня по нему. Все эти звуковые и словесные отношения совершенно так же, как и физиологические состояния, только облегчают появления оговорки, но не могут служить ее объяснением. Посудите сами: ведь в огромном большинстве случаев нарушения речи происходят вовсе не потому, что произносимые слова напоминают по созвучию другие, и не потому, что они теснейшим образом ассоциативно связаны с противоположными им по смыслу словами, и даже не вследствие того, что они благодаря привычным ассоциациям связаны между собой. Мы могли бы вместе с философом Вундтом признать, что оговорки имеют место в том случае, когда вследствие физического исто-

щения ассоциативные склонности начинают преобладать над другими речевыми намерениями. С этим можно было бы согласиться, если бы повседневный опыт этому не противоречил, указывая нам на то, что в одних случаях нет физических, а в других — ассоциативных условий возникновения оговорки.

Но особенно интересным представляется мне следующий ваш вопрос: каким образом можно убедиться в существовании двух соперничающих между собой намерений? Вы, наверно, не догадываетесь, к каким важным последствиям приведет нас этот вопрос. Согласитесь, что одно из них — нарушенное намерение — нигде не вызывает сомнений: человек, совершивший ошибочное действие, знает о нем и признается в нем. Повод к сомнениям и размышлениям может дать только другое, нарушающее намерение. Мы уже знаем, и вы, конечно, не забыли о том, что в целом ряде случаев и это другое намерение выражено столь же отчетливо. Оно обнаруживается в эффекте оговорки, если у нас хватит мужества признать этот эффект. Так, президент, допустивший оговорку, по смыслу противоположную тому, что он собирался сказать, с одной стороны, несомненно хочет открыть заседание, но, с другой стороны, столь же явно хочет его и закрыть. Это так очевидно, что тут и толковать нечего. Но как можно обнаружить это нарушающее намерение в тех случаях, когда оно, искажая исходное намерение, не проявляет себя полностью, как догадаться о нем по имеющемуся искажению?

В первом ряде случаев это намерение можно обнаружить очень простым и верным способом, тем же, каким обнаруживают нарушенное намерение. О нем можно узнать непосредственно у самого оратора; тотчас после оговорки он сам может восстановить первоначальное свое намерение. Das *draut*, nein, das dauert vielleicht noch einen Monat. Но он же может нас познакомить и с искажающим намерением. Спросим его, почему он сказал сначала «draut»? — и он ответит: «Я хотел сказать, это *печальная* (traurige) история». В другом случае, при оговорке «Vorschwein» вы услышите подтверждение того, что говорящий сперва хотел сказать: это — *свинство* (Schweinerei), но затем, сдержавшись, сказал другое. В этих случаях удается точно установить как нарушающую, так и нарушенную мотивирующие тенденции. Я не случайно остановился на таких примерах, которые приводили и объясняли не я и не один из моих последователей. Тем не менее

в обоих этих случаях для разрешения загадки нужно было применить некий прием: надо было спросить говорившего, почему он так оговорился и что он может по этому поводу сказать. В противном случае он, вероятно, и не остановился бы на своей оговорке и не пожелал бы ее объяснить. Но в ответ на заданный вопрос он объяснил ее первой пришедшей ему в голову мыслью. Так что вы видите, эта маленькая процедура и ее успешный результат — это уже и есть психоанализ, прототип всякого психоаналитического исследования. которым мы впоследствии займемся.

Возможно, я слишком недоверчив, подозревая, что в тот момент, когда в поле вашего зрения впервые попадает психоанализ, у вас одновременно поднимается и протест против него? Думается, что вы хотели бы мне возразить: неужели можно считать вполне доказательным то, что скажет человек, допустивший оговорку? Ведь он, естественным образом, стремясь ответить на ваш вопрос, объясняет оговорку первым пришедшим ему в голову соображением, если оно хоть сколько-нибудь подходит для объяснения. Но ведь это еще не доказательство, что оговорка произошла именно так. Иной раз это, может быть, верно, но с тем же успехом это может быть и иначе. Ему могло бы прийти в голову что-либо другое, не менее, а возможно и более подходящее.

Удивительно, как мало у вас, в сущности, уважения к психическому факту! Представьте себе, что при химическом анализе вещества удалось из его состава выделить другое, весом в столько-то миллиграммов; из этого весового отношения можно вывести определенные заключения. Как же вы думаете: найдется ли такой химик, который стал бы отрицать этот факт, ссылаясь на то, что выделенное в анализе вещество могло бы иметь и другой вес? Каждый склоняется перед фактом, что имел место именно этот вес, а не другой, и на этом будет строить свои дальнейшие выводы. Если же речь идет о психическом факте, о том, что человеку пришла в голову определенная мысль, вы не хотите этому придать никакого значения и утверждаете, что с таким же успехом могла ему прийти и другая мысль. У вас есть иллюзия личной психической свободы, и вы не желаете от нее отказаться. Очень жаль, что в этом отношении я совершенно расхожусь с вами во мнениях.

Вы не станете больше возражать, но лишь до другого представившегося случая. Хорошо, — скажете вы, — мы поняли особенности техники психоанализа, она сводится к тому,

чтобы заставить самого анализируемого найти разрешение проблемы[1]. Но вот вам другой пример. Оратор на торжестве приглашает собравшихся чокнуться (*отрыгнуть*) за здоровье шефа. Мы скажем, нарушающее намерение в этом случае — желание унизить, оно-то и мешает оратору выразиться почтительно. Но все это только наше толкование, основанное на наблюдениях *за пределами* оговорок. Спросите оратора — и он, конечно, не подтвердит такого своего намерения и будет энергично отрицать желание унизить шефа. Почему же мы все-таки не откажемся после такого явного возражения от нашего недоказуемого толкования?

На этот раз ваше возражение действительно очень серьезно. Представляю себе неизвестного оратора на торжестве; это, вероятно, ассистент чествуемого шефа, быть может, уже приват-доцент, молодой человек с блестящим будущим. Я настойчиво попрошу его сказать мне, не чувствовал ли он протеста против чествования шефа? Но тут я и попался. Терпение его истощается и он набрасывается на меня: «Слушайте, бросьте ваши приставания, иначе я не поручусь за себя. Подумайте, своими подозрениями вы портите всю мою карьеру. Я сказал «*auf*stossen» вместо «*an*stossen» просто потому, что в этом же предложении мне пришлось уже дважды произнести слог «auf». Это то самое, что Мерингер называет отзвуком, и нечего об этом толковать. Понятно вам? Довольно!» Гм, какая неожиданная, удивительная реакция. И полное отрицание нашего предположения. Ну, ничего не поделаешь с этим молодым человеком. Но мне кажется, что уж очень он заинтересован в том, чтоб не открылся смысл его ошибки. Может быть, вам бросится в глаза, что даже странно как-то вести себя так резко, когда ведь речь идет только о чисто теоретическом исследовании; но, в конце концов, должен же он знать, скажете вы, что он хотел сказать и чего не хотел.

Так вы думаете, что он должен это знать? Но это еще вопрос.

Ну, теперь кажется вам, вы меня окончательно поймали. Я слышу ваше восклицание: «Так вот какова, оказывается, ваша техника, нечего сказать! Когда допустивший обмолвку объясняет согласно вашему толкованию, тогда вы опираетесь на его слова, как на доказательство истинности вашего предположения. “Ведь он сам это сказал!” Но если

---

[1] [См. далее 6-ю лекцию.]

его объяснения вам не подходят, тогда вы заявляете: "Нечего его слушать, ему нельзя верить"».

Это верно, согласен. Но я могу привести схожий случай, в котором все обстоит также чудовищно. Если обвиняемый сознается на суде в своем преступлении, то судья верит его признанию, если же он отрицает свою вину, то судья ему не верит. Будь это не так, тогда не было бы судопроизводства, а вы, конечно, оправдываете такую систему, хотя она не свободна от ошибок.

Но разве вы судья, а тот, кто оговорился, обвиняемый? Разве оговорка – это преступление?

Может быть, не следует отказываться от этого сравнения. Вы только посмотрите, к каким глубоким разногласиям мы пришли в результате углубления в такую, казалось бы. невинную проблему ошибочных действий. Пока мы еще не в состоянии сгладить все эти разногласия. Поэтому я предлагаю временно сохранить сравнение с судьей и подсудимым. Согласитесь, что смысл ошибочного действия не вызывает никакого сомнения, раз анализируемый сам его признает. Но и я должен с вами согласиться, что невозможно представить никаких прямых доказательств, подтверждающих предполагаемый смысл ошибочного действия, если анализируемый отказывается сообщать сведение или просто отсутствует. В таких случаях, как и в судопроизводстве, мы пользуемся косвенными уликами, делающими наши заключения более или менее вероятными. Из практических соображений суд нередко признает подсудимого виновным на основании одних только косвенных улик. У нас нет в этом необходимости. но в то же время нас не обязывают отказаться от использования подобных улик. Было бы ошибкой думать, что наука состоит только из точно доказанных положений, и неправильно от нее этого требовать. Такие требования может предъявить науке человек, ищущий безусловных авторитетов и ощущающий потребность заменить религиозный катехизис другим, хотя бы научным. Наука насчитывает в своем катехизисе очень мало аподиктических положений, в ней больше утверждений, справедливых до известной степени вероятности. Главным признаком научного образа мыслей является способность удовлетвориться приближением к истине и возможность вести творческую работу, несмотря на отсутствие окончательных подтверждений.

На что же нам опереться в нашем истолковании ошибок, где найти улики, если показания анализируемого не помога-

ют нам разъяснить смысл ошибки? В разных местах. Сначала мы будем опираться на аналогию их с такими явлениями, которые далеки от ошибок; например, мы утверждаем, что искажение имени при оговорке, как и при сознательном коверкании, имеет целью придать ему унизительный смысл. Затем мы будем исходить из душевного состояния, при котором произошло ошибочное действие, из нашего знания характера человека, допустившего оговорку, и впечатлений, которые он получил перед совершенной ошибкой и на которые он, возможно, реагировал этим ошибочным действием. Обычно мы толкуем ошибочное действие, исходя из общих соображений и высказывая сначала только предположение; мы предлагаем определенное толкование и стараемся подтвердить его, исследуя душевное состояние допустившего ошибку. Иной раз, чтобы найти подтверждение нашего предположения, приходится ждать известных событий, как бы уже предсказанных в ошибочном действии.

Если я ограничусь одной только областью оговорок, то я едва ли сумею так легко привести нужные доказательства, хотя и здесь нет недостатка в убедительных примерах. Молодой человек, желающий *пробидеть* даму, по всей вероятности, очень робок. Даму, муж которой может есть и пить только то, что она хочет, я знаю, как одну из очень властных хозяек у себя дома. Или возьмем такой случай. На общем собрании «Конкордии»[1] молодой член этого общества произносит горячую оппозиционную речь, во время которой он обращается к членам правления, называя их *«Vorschussmitglieder»* (члены ссуды), слово, которое может получиться из слияния слов Vorstand (правление) и *Ausschuss* (комиссия). Мы предполагаем, что в нем зашевелилась тенденция против его роли представителя оппозиции, которая могла бы помешать ему получить ссуду. Действительно, нам сообщают, что оратор вечно нуждался в деньгах и как раз в то время подал прошение о ссуде. Соображения, мешавшие оратору проявить оппозицию до конца, можно было бы формулировать таким образом: «Сдержись в своей оппозиции, так как от этих людей зависит выдача тебе ссуды».

Я могу привести вам целый ряд таких уличающих доказательств, обратившись к другим ошибочным действиям.

Если кто-либо забывает знакомое имя или запоминает его только с огромным трудом, то мы естественно можем

---

[1] [Венский союз журналистов.]

допустить, что у такого лица существует неприязнь против того, кто носит это имя, и поэтому ему так не хочется о нем думать; рассмотрим обстоятельства, при которых произошло это ошибочное действие. «Господин Y безнадежно влюбляется в даму, которая вскоре выходит замуж за господина X. Хотя Y очень давно знает X и все время ведет с ним дела, он, однако, всегда забывает его фамилию, и всякий раз, когда ему нужно написать X деловое письмо, он должен спрашивать, как фамилия X»[1]. Очевидно, Y и знать не хочет своего счастливого соперника. – «Удел его – забвение»[2].

Или: некая дама наводит у врача справку об одной общей знакомой, причем называет ее девичьей фамилией. фамилию же по мужу она забыла. Она сознается, что дама эта была очень недовольна замужеством своей подруги и не переносила ее мужа[3].

О забывании имен можно еще кое-что сказать с других точек зрения (см. лекцию 4); остановимся теперь главным образом на психическом состоянии, при котором происходят такие забывания.

Забывание наших намерений можно объяснить наличием противоположно направленного мотива, препятствующего основному намерению. Так привыкли думать не только те, кто занимается психоанализом. Это является общепринятым мнением многих, кто придерживается его в жизни, но упорно отрицает в теории. Благодетель, который стал бы извиняться перед просителем в том, что забыл исполнить его просьбу, едва ли оправдается этим в его глазах. Проситель тотчас же подумает: ему это вовсе неинтересно, он только обещает, а не хочет сдержать обещания[4]. Проявления забывчивости в определенных социальных отношениях считаются предосудительными, и здесь, по-видимому, нет различий между житейским и психоаналитическим их пониманием. Представьте себе хозяйку, встречающую приглашенного гостя словами: «Как, вы пришли сегодня? А я совсем забыла, что пригласила вас на сегодня». Или вообразите молодого человека, который признался бы возлюбленной, что совершенно забыл про свидание.

---

[1] [По К.-Г. Юнгу.]

[2] [Первая строка и рефрен стихотворения Гейне в сборнике не издававшихся произведений «Из склепа матрасов», № 4.]

[3] [По А.Бриллу (1912, 191).]

[4] [Эта ситуация обсуждается в 4-й лекции.]

Я думаю, что он никогда в этом не признается, а придумает тут же самые невероятные препятствия, помешавшие ему не только прийти, но даже предупредить ее об этом. Известно, что на военной службе не полагается ссылаться на забывчивость, и такое оправдание отнюдь не избавляет от наказания, и мы считаем это вполне правильным. Тут уже все согласны относительно того, что забывчивость имеет определенный смысл, и даже знают, какой именно. Почему же люди так непоследовательны и не распространяют такой взгляд и на другие формы ошибочных действий? Для этого, разумеется, имеются основания.

Если у публики так мало основания сомневаться в том, что забывание намерений имеет смысл, то неудивительно, что писатели пользуются ошибочными действиями в своих произведениях, придавая им тот же смысл. Кто из вас видел или читал пьесу Б. Шоу «Цезарь и Клеопатра», может быть, вспомнит, что в последнем действии Цезаря перед отъездом мучает мысль, что ему надо еще что-то сделать. Наконец, он вспоминает, что забыл попрощаться с Клеопатрой. Этим небольшим штрихом Шоу приписывает Цезарю некое превосходство, которого у него не было и к которому он не стремился. Исторические источники, наоборот, свидетельствуют, что Цезарь принудил Клеопатру ехать с ним в Рим и что она жила в Риме со своим маленьким Цезарионом до убийства Цезаря, когда бежала из города.

Случаи забывания намерений представляются такими ясными, что они мало годятся для нашей цели — вывести косвенные улики для объяснения смысла ошибочных действий из психических ситуаций. Поэтому обратимся лучше к особенно многозначительному и малопонятному ошибочному действию — затериванию и закладыванию куда-нибудь вещей. Вам покажется совершенно невероятным, чтобы в затеривании, которое мы иной раз так болезненно переживаем, мы сами преднамеренно принимали участие. Однако существует немало наблюдений такого рода. Молодой человек, например, теряет дорогой для него по воспоминаниям карандаш. Накануне он получил от своего шурина письмо, кончавшееся следующими словами: «У меня нет ни желания, ни времени поддерживать твое легкомыслие и твою лень»[1]; карандаш был подарком именно этого шурина. Без такого совпадения мы бы, конечно, не смогли утверждать, что в этом

---

[1] [По Б. Даттнеру.]

затеривании участвует желание избавиться от этой вещи. Подобные случаи очень часты. Теряют вещи, когда поссорились с тем, кто их дал, и не хотят больше вспоминать о нем, или же случается так, что определенные вещи перестают нравиться и ищут повод заменить их другими, лучшими. Проявлением того же намерения может служить по отношению к данной вещи неловкость, благодаря которой предмет падает, ломается, разбивается. Можно ли, например, объяснить случайностью, если школьник как раз накануне дня своего рождения теряет, портит, ломает нужную ему вещь, ранец или карманные часы?

Тот, кому часто приходилось переживать неприятные минуты вследствие невозможности найти то, что он сам куда-то заложил, не захочет поверить, что здесь было какое-то намерение с его стороны. И все же нередки случаи, когда обстоятельства затеривания свидетельствуют об определенном намерении на время или даже навсегда освободиться от известной вещи. Вот лучший пример такого рода.

Один молодой человек рассказал мне: «Несколько лет тому назад у нас были семейные неурядицы с женой, я считал свою жену слишком холодной, хотя и сознавал ее достоинства, но близости у нас не было. Как-то раз она купила мне книгу, которая, по ее предположению, могла меня заинтересовать. Я поблагодарил ее за этот знак "внимания", обещал прочесть книгу, спрятал ее и никак не мог потом найти. Так прошло несколько месяцев. Иногда я вспоминал об исчезнувшей книге, но безуспешно старался ее найти. Полгода спустя заболевает моя любимая мать, которая живет не с нами. Состояние больной было так серьезно, что моя жена переехала к ней на квартиру, чтоб ухаживать за ней. Моя жена в это время показала себя с самой лучшей стороны. И вот однажды, вернувшись домой в восхищении от того, что сделала моя жена, и полный благодарности к ней, я подхожу к письменному столу, выдвигаю, безо всякого определенного намерения, но с какой-то сомнамбулической уверенностью определенный ящик стола и на самом видном месте нахожу книгу, которую столько времени я безуспешно разыскивал». Вместе с исчезновением причины прекратилась и забывчивость — книга была легко найдена.

Уважаемые дамы и господа! Я, конечно, мог бы до бесконечности перечислять подобные случаи. Но я этого не сделаю, так как в моей книге «Психопатология обыденной жизни» (появилась в 1901 году) вы и без того найдете бога-

тую казуистику для изучения ошибочных действий[1]. Все эти примеры снова и снова приводят нас к одному и тому же, а именно к тому, что ошибочные действия имеют смысл. Они раскрывают нам, каким образом можно угадать или подтвердить этот смысл исходя из сопутствующих обстоятельств. Сегодня я буду краток, так как мы намеревались на основе изучения этих феноменов получить необходимые сведения для подготовки к пониманию психоанализа. Я должен буду остановиться здесь еще только на двух группах наблюдений: на комбинированных, часто повторяющихся ошибках и на подтверждении нашего толкования последующими событиями.

Часто повторяющиеся и комбинированные ошибки являются, без сомнения, вершиной этого рода действий. Если бы перед нами стояла только задача доказать, что ошибки могут иметь смысл, то мы уже с самого начала ограничились бы только ими, потому что их смысл очевиден даже ограниченному уму и самому придирчивому критику. Повторяемость проявлений свидетельствует об устойчивости, несвойственной случайным феноменам, но характерной для преднамеренности. Наконец, замена одного вида ошибочного действия на другой показывает, что самое существенное в ошибке — это не форма и средства, которыми она пользуется, а то намерение, которому она служит и которое достигается самыми различными путями. Приведу вам пример повторяющегося забывания: Э. Джонс рассказывает, что он как-то, неизвестно почему, несколько дней подряд забывал на своем письменном столе уже готовое к отправке письмо. Наконец, он решил сдать его на почту, но получил его обратно от *«Dead letter office»*, потому что забыл написать адрес. Затем он написал адрес, но, принеся на почту письмо, увидел, что забыл приклеить марку. Тут он должен был признаться в своем нежелании вообще отправлять это письмо.

Бывают случаи, когда захватывание вещей «по ошибке» комбинируется с запрятыванием. Одна дама, путешествуя со своим шурином, знаменитым художником, приехала в Рим. Гостю был оказан торжественный прием живущими в Риме немцами, и среди прочего ему была поднесена золотая античная медаль. Дама чувствует себя задетой из-за того, что шурин не сумеет оценить по достоинству эту прелестную

[1] [Также в сочинениях А. Медера (1906–1908, фр.), А. Брилла (1912, англ.), Э. Джонса (1911, англ.), Й. Штерке (1916, голл.).]

вещь. Когда эту даму сменила ее сестра, а дама вернулась на родину, то, к своему удивлению, распаковывая вещи, она находит медаль, неизвестно каким образом очутившуюся в ее багаже. Она немедленно пишет об этом шурину, сообщая, что завтра же отошлет в Рим увезенную ею медаль. Но назавтра медаль куда-то запропастилась, и ее нельзя было найти и отослать. Тут только дама поняла, какова причина ее рассеянности: ей просто хотелось оставить медаль у себя[1].

Я уже рассказывал вам случай комбинации забывания и промаха: речь шла о человеке, забывавшем сначала про назначенное свидание, а во второй раз, когда он принял меры, чтобы не забыть, то пришел не в условленный час (2-я лекция). Аналогичный случай произошел с одним моим другом, который занимался не только наукой, но и литературой. «Несколько лет тому назад, — рассказывает мой друг, — я согласился вступить в комиссию одного литературного общества, потому что надеялся добиться с его помощью постановки моей драмы. Я посещал аккуратно каждую пятницу, хотя и без всякого интереса, заседания общества. Несколько месяцев тому назад я получил уведомление, что моя драма будет поставлена в театре в Ф. С тех пор я регулярно стал забывать про заседания общества. После того как я прочел вашу книгу об этих явлениях, я устыдился моей забывчивости, стал упрекать себя, говорил, что это подлость — не являться на заседания общества, когда я перестал нуждаться в этих людях. Я решаю в ближайшую пятницу непременно пойти на заседание. Я себе об этом напоминал ежедневно, и вот в определенный день я у дверей зала заседания. Но, к моему удивлению, дверь закрыта, а заседание уже закончено: оказывается, я ошибся в дне; это была не пятница, а суббота!».

Было бы очень заманчиво собрать большое число подобного рода случаев, но пойдем дальше: я хочу показать вам такие случаи, в которых наше толкование может найти подтверждение в будущем.

Главное условие во всех этих случаях, понятно, заключается в том, что настоящее психическое состояние человека, делающего ошибку, нам остается неизвестным или недоступно для анализа. В этом случае наше толкование может выступать только как предположение, которому мы

[1] [По Р. Райтлеру.]

и сами не хотим придать большого значения. Однако дальнейшие события показывают, насколько обоснованным было наше толкование. Так, например, однажды в гостях у новобрачных я услышал, как молодая жена со смехом рассказывала о случившемся с ней инциденте. На другой день по возвращении из свадебного путешествия она зашла к своей незамужней сестре, чтобы пойти с ней, как прежде, за покупками, в то время как муж ушел по своим делам. Вдруг на улице она замечает одного господина и, толкнув сестру, говорит: «Смотри, вот там идет господин Л.» Она совершенно позабыла, что господин Л. уже несколько недель состоит ее мужем. Мне стало не по себе при этом рассказе, но я все же не решался сделать из него должного вывода. Эта история припомнилась мне спустя годы, когда этот брак закончился печальным образом.

А. Медер рассказывает об одной даме, забывшей примерить перед венчанием свое подвенечное платье и, к отчаянию своей модистки, вспомнившей об этом поздно вечером. Медер приводит этот факт в связи с тем, что эта дама скоро развелась со своим мужем. Я знаю одну теперь уже разведенную даму, которая подписывала деловые документы своей девичьей фамилией за много лет до того, когда она, разведясь, снова ее приняла. Я знаю других женщин, потерявших обручальное кольцо во время свадебного путешествия, я знаю также, что супружеская жизнь этих женщин подтвердила вполне понятый смысл этого происшествия. И вот еще один разительный пример, только с благоприятным исходом. Рассказывают, что брак одного известного немецкого химика не состоялся только потому, что он забыл о часе венчания и вместо церкви отправился в лабораторию. Он был так умен, что ограничился этой единственной попыткой и умер холостяком в глубокой старости.

Не приходит ли вам в голову, что в этих примерах ошибки заняли место некоего знака или предзнаменования древних? В действительности часть этих знаков была не чем иным, как ошибочным действием, например, когда кто-либо спотыкался или падал. Другая часть этих предзнаменований носила характер объективных событий, а не субъективного поведения. Но вы не поверите, как трудно иной раз бывает решить в каждом конкретном случае, отнести ли его к группе субъективной или объективной, так как активное действие часто умеет маскироваться в форму пассивного переживания.

Каждый из нас, оглядываясь на свой долгий жизненный путь, может сказать, что он смог бы избежать многих разочарований и горьких случайностей, если бы имел мужество и решимость видеть в мелких ошибочных действиях людей предзнаменования и вещие признаки и оценивать их как тайные намерения. Чаще всего на это трудно решиться; кажется, будто обходным путем, через научное исследование, становишься снова суеверным. Да ведь и не все предзнаменования оправдываются, и на основании наших теорий вы поймете, что не все они и должны оправдываться.

ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦИЯ

Ошибочные действия (окончание)

Уважаемые дамы и господа! В результате наших прошлых бесед мы приходим к выводу, что ошибочные действия имеют некий смысл. При этом подчеркнем еще раз, что мы вовсе не утверждаем, и для наших целей это необязательно, будто каждое ошибочное действие непременно имеет смысл, хотя мне это и кажется весьма вероятным. Нам достаточно того, что мы относительно часто можем раскрыть этот смысл в различных видах ошибочных действий. В этом отношении формы ошибочных действий чрезвычайно различны: при оговорке, описке и т. д. часть случаев можно объяснить и за счет одних физиологических причин; при действиях, основанных на забывании (забывание слов, намерений, запрятывание вещей и т. д.) я не допускаю существования подобных случаев. Что же касается затеривания, то оно, вероятно, может случиться и безо всякого намерения; происходящие в жизни ошибки лишь отчасти подлежат нашему рассмотрению. Все это не следует упускать из вида и в тех случаях, когда мы исходим из того положения, что ошибочные действия как психические акты являются результатом столкновения двух намерений.

В этом и заключается первый результат психоаналитического исследования. До сих пор психология не знала о существовании такого рода интерференции и ее возможных последствиях. Мы, таким образом, значительно расширили область психических явлений и получили для психологии такие феномены, которыми она раньше не занималась.

Остановимся еще на минуту на том положении, что ошибочные действия представляют собой «психические акты». Заключается ли в нем больше содержания, чем в нашем утверждении, что ошибочные действия имеют смысл? Я этого не думаю; напротив, это последнее утверждение более неопределенно и может привести к недоразумениям. Все, что наблюдается в области душевной жизни, можно назвать иной раз психическим феноменом. Важно выяснить, происходят ли отдельные душевные проявления непосредственно из физических, органических, материальных воздействий, и в таком случае они лежат вне области психологии, или же явления происходят и связаны с другими психическими процессами, за которыми скрывается ряд органических причин. Именно ситуацию второго рода мы имеем в виду, когда называем некое явление «психическим процессом», а потому целесообразно сформулировать наше положение таким образом: явление имеет определенное содержание, смысл. Под словом «смысл» мы подразумеваем значение, намерение, тенденцию и место в ряду других психических явлений.

Существует целый ряд других явлений, близко примыкающих к ошибочным действиям, однако такое название к ним не подходит. Мы называем их *случайными и симптоматическими действиями*. Они тоже носят характер немотивированных, незаметных, неважных, но прежде всего как бы излишних явлений. От ошибочных действий они отличаются отсутствием второго намерения, с которым сталкивалось бы первое и которое нарушало бы их осуществление. С другой стороны, эти симптоматические действия граничат с жестами и движениями, выражающими душевные переживания. К ним относятся все кажущиеся бесцельными манипуляции, имеющие, так сказать, характер игры, — с одеждой, с частями тела, безотчетно взятыми в руки предметами, подвернувшимися нам под руку, это же относится и к мелодиям, которые мы напеваем про себя, сами того не замечая. Я убежден, что все эти явления имеют такой же смысл и значение, как и ошибочные действия, и являются незначительными признаками важных душевных переживаний — следовательно, полноценными психическими актами. Но я не собираюсь останавливаться на этой новой области душевных явлений, а лучше вернусь к ошибочным действиям, поскольку они позволяют со всей отчетливостью поставить важные для психоанализа вопросы.

Самыми интересными вопросами, которые мы только поставили, но еще не разрешили применительно к ошибочным действиям, являются следующие. Мы утверждаем, что ошибочные действия появляются в результате столкновения двух противоположных намерений, из которых одно можно назвать нарушающим, другое нарушенным. Нарушенные намерения так ясны, что не вызывают сомнения, но относительно нарушающих было бы интересно узнать, во-первых, что это за тенденции, которые проявляются, как мешающие другим тенденциям, а во-вторых, каковы взаимоотношения между мешающими тенденциями и теми, которым они помешали.

Разрешите мне снова воспользоваться примером оговорки и ответить прежде на второй вопрос, а не на первый.

Нарушающее намерение при оговорке может иногда иметь отношение к содержанию нарушенного, тогда оговорка содержит возражение против последнего, поправку или, наконец, дополнение к нему. Или же – более неясный и интересный случай – между нарушающим и нарушенным намерениями нет ничего общего по содержанию.

Подтверждения для отношений первого рода легко найти в уже приведенных нами случаях или подобных им. Почти все оговорки имеют смысл, противоположный тому, что собирался сказать допустивший их, так что ошибочный поступок является выражением борьбы между двумя несовместимыми намерениями. Я объявляю заседание открытым, но скорее хотел бы его сейчас же закрыть, – вот смысл оговорки председателя. Политическая газета, обвиняемая в продажности, защищается в статье, которая заканчивается словами: «Наши читатели могут быть свидетелями того, что мы всегда *совершенно бескорыстно* защищали общественные интересы». Но, составляя эту статью, редактор «ошибся» и написал: *корыстно*. Это свидетельствует о том, что редактор думал: хоть я и должен так написать, но я знаю, что это ложь. Народный представитель, требующий, чтоб кайзеру всегда говорилась *беспощадная* (rückhaltlos) правда, должно быть, под влиянием внутреннего голоса, перепуганного его смелостью, благодаря обмолвке превратил *беспощадный* в *бесхребетный* (rückgratlos).

В известных уже вам примерах, производящих впечатление сокращений и слияний двух слов в одно, имеют место поправки, добавления или продолжение высказывания, причем вторая тенденция появляется наряду с первой. «Тут выя-

вились некие факты, но лучше уж прямо сказать: это были свинства», и в результате получилось: «Высвинились некие факты». «Людей, которые это понимают, можно сосчитать *по пальцам одной руки*», но нет, существует только один, понимающий это, в результате: можно сосчитать *на одном пальце.* Или еще: «Мой муж может есть и пить все, что *он* хочет; но вы ведь знаете, я не переношу, чтобы он чего-нибудь хотел, в результате: он может есть и пить все, что *мне* хочется». Во всех этих случаях оговорка вытекает из содержания высказанного намерения или присоединяется к нему.

Странное впечатление производит другой вид отношений между обоими борющимися намерениями. Если нарушающее намерение не имеет ничего общего с содержанием нарушенного, то откуда же оно является и почему оно появляется именно в этом месте, как помеха? Наблюдения, которые только и позволяют нам ответить на этот вопрос, показывают, что в таких случаях нарушение исходит из ряда мыслей, занимавших человека незадолго до этого и проявляющихся независимо от того, нашли они себе выражение в речи или нет. Такую помеху можно назвать отзвуком, но, конечно, необязательно отзвуком произнесенных слов. Здесь тоже имеется ассоциативная связь между нарушающими и нарушенными тенденциями, но она кроется не в содержании, а создалась искусственно, часто очень окольным путем.

Приведу вам простой пример из собственных наблюдений. Однажды у нас в Доломитах я встретил двух дам из Вены, одетых как туристки. Я прошел с ними часть пути, и мы говорили о радостях и тяготах жизни туристов. Одна из них соглашалась, что такое времяпрепровождение сопряжено с некоторыми неудобствами: «Так неприятно, — сказала она, — все время шагать по солнцепеку, когда кофта и рубашка совершенно пропитаны потом». Здесь она делает небольшую заминку и продолжает: «Когда приходишь *в панталоны* [«nach Hose» вместо «nach Hause» — домой] и есть возможность переодеться...» Мы не анализировали тогда этой оговорки, но, мне думается, вы ее легко поймете. Дама хотела более исчерпывающе перечислить белье и сказать: кофта, рубашка и панталоны... Упоминание о панталонах как неблагопристойное было обойдено, но в следующей, по содержанию уже вовсе независимой фразе, непроизнесенное слово появляется в виде искажения сходного с ним слова *Hause.*

Ну, теперь, наконец, мы можем обратиться к главному вопросу, который мы все откладывали: какие же намерения проявляются столь необыкновенным образом в роли нарушителей других намерений? Разумеется, они неодинаковы, однако мы найдем в них и что-то общее. Если мы изучим ряд примеров, то увидим, что они распадаются на три группы. К первой относятся случаи, в которых мешающая тенденция известна говорящему, и он чувствовал ее перед оговоркой. Так, при оговорке «Vorschwein» говорящий не только сознается в том, что он осуждает происшествия, о которых идет речь, словом «Schweinerei» (свинство), но и не отрицает намерение, от которого он отказался. Вторую группу составляют случаи, когда говорящий тоже признает наличие нарушающей тенденции, но не знает ничего о том, что она стала активной непосредственно перед оговоркой. Хотя он и соглашается с нашим толкованием оговорки, но в известной мере удивлен ею. Примерами такого случая, наверное, лучше всего могли бы служить не оговорки, а другие виды ошибочных действий. В третьей группе наше толкование встречает энергичный протест со стороны допустившего оговорку, он не только оспаривает наличие подобного намерения перед оговоркой, но и утверждает, что оно ему совершенно чуждо. Припомните только случай с «отрыгнуть» и тот весьма невежливый отпор, который я получил от оратора, когда хотел истолковать его обмолвку. В этих случаях, как вы помните, мы еще пришли к единому мнению, как их понимать. Я бы, конечно, не обратил никакого внимания на возражение оратора, произнесшего тост, и по-прежнему придерживался бы своего толкования, тогда как вы, полагаю, все-таки находитесь под впечатлением его возмущения и, может быть, думаете, что было бы, пожалуй, лучше, отказаться от толкования таких оговорок и считать их чисто физиологическими проявлениями, лежащим вне сферы психоанализа. Понимаю, что вас здесь пугает. Ведь мое толкование предполагает, что у говорящего могут проявляться такие желания, о которых он сам ничего не знает, но о которых я могу узнать на основании косвенных улик. Вас останавливает новизна и серьезность следствий, вытекающих из такого предположения. Я вас понимаю и думаю, что до известной степени вы правы. Но вот что мы можем установить: если вы хотите последовательно придерживаться определенного взгляда на ошибочные действия, опирающегося на столь большое количество наблюдений, то вам

придется принять и это странное предположение. Если же вы не решаетесь на этот шаг, то вам придется раз и навсегда отказаться от всего того, что вы узнали до сих пор об ошибочных действиях.

Остановимся на том, что объединяет все эти три группы случаев, что общего в этих трех механизмах оговорки. В первых двух группах говорящий признается в существовании у него нарушающей тенденции; в первой группе, кроме того, она дает о себе знать уже до оговорки. Но в обоих случаях *это намерение был оттеснено. Говорящий решил не выражать его в своей речи, и тогда-то происходит оговорка, то есть оттесненное намерение против его воли находит себе выражение, либо изменяя то, что он хочет сказать, либо смешиваясь с тем, что он говорит, либо заменяя то, что он хотел сказать*. Таков механизм оговорки.

С этой точки зрения мне нетрудно полностью согласовать процесс, наблюдаемый в третьей группе с описанным только что механизмом. Для этого достаточно лишь предположить, что эти три группы оговорок различаются между собой неодинаковой степенью вытеснения нарушающей тенденции. В первой группе такая тенденция очевидна говорящему, и он замечает ее еще до высказывания; тогда же она отвергается и за это возмещает себя в оговорке. Во второй группе нарушающая тенденция отвергается гораздо энергичнее и не замечается говорящим даже перед произнесением фразы. Удивительно то, что это отнюдь не мешает ей послужить причиной оговорки! Но зато благодаря этому нам легче объяснить процессы, происходящие в третьей группе. Я осмелюсь допустить, что в ошибочном действии может проявиться даже и такая тенденция, которая давно, может быть, даже очень давно, уже вытеснена, он ее не замечает и именно поэтому отрицает. Но оставим пока в стороне проблему третьей группы; из наблюдений над другими случаями вы должны вывести заключение, что *подавление имеющегося намерения что-либо сказать является необходимым условием возникновения оговорки.*

Теперь мы можем сказать, что продвинулись вперед в понимании ошибочных действий. Мы знаем не только то, что они представляют собой психические акты, в которых открываются и смысл и намерение, они не только образуются при столкновении двух различных намерений, но мы утверждаем, что одно из этих намерений подвергается вытеснению, выполнение его не допускается, и тогда оно про-

является, нарушая другое намерение. Нужно сначала помешать ему самому для того, чтобы оно было способно мешать другому. Полное объяснение явлений, называемых ошибочными действиями, пока, разумеется, еще не достигнуто. Действительно, мы убеждаемся в том, что возникают новые вопросы, и начинаем подозревать, что чем дальше продвинемся в нашем понимании, тем больше найдется у нас поводов для постановки новых вопросов. У нас может, например, возникнуть такое соображение: почему не предположить, что все эти процессы происходят гораздо проще? В том случае, если есть тенденция вытеснить какое-либо намерение, вместо того чтобы привести его в исполнение, то вытеснение должно быть настолько удачным, что намерение совсем не проявилось бы; но вытеснение могло и не удастся, и тогда вытесненное намерение проявляется полностью. Но ведь ошибочные действия, как следствие компромисса, говорят о полуудаче и о полунеудаче для каждого из обоих намерений и за исключением отдельных случаев находящееся под угрозой намерение не удастся ни полностью подавить, ни всецело реализовать. Можно представить себе, что для проявления таких компромиссных результатов должны иметься особые условия, но мы не имеем понятия об их характере. Как бы мы ни углублялись в изучение ошибочных действий, мы, думаю, все равно не откроем этих неизвестных нам условий. Для этого нам необходимо прежде всего исследовать еще некоторые загадочные области душевной жизни, и только встретив там аналогичные явления, мы осмелимся выдвинуть предположения, необходимые для более глубокого и широкого понимания ошибочных действий. И заметьте себе: работа над маловажными явлениями, которую мы постоянно производим, сопряжена с известной опасностью. Существует душевная болезнь, комбинаторная паранойя, при которой больные бесконечно долго предаются объяснению подобных малозаметных признаков, и, разумеется, нельзя поручиться за верность делаемых ими заключений, исходящих из таких оснований. От такой опасности нас лучше всего убережет широкая база наблюдений, повторяемость сходных заключений из самых различных областей душевной жизни.

Поэтому отложим на время анализ ошибочных действий, но я попрошу вас запомнить метод, которым мы до сих пор пользовались. В этой области вы могли составить себе представление о том, каковы цели наших психологических изысканий. Наша задача не только описывать и классифициро-

вать явления, но и понять их как результат борьбы душевных сил, как выражение целенаправленных стремлений, действующих согласованно или направленных друг против друга. Мы стремимся к *динамическому пониманию* душевных явлений. Воспринимаемые явления должны отступить на задний план перед предполагаемыми нами стремлениями.

Итак, не будем больше углубляться в изучение вопроса об ошибочных действиях, но бросим беглый взгляд на все обширное поле ошибочных действий и обнаружим при этом как уже известное нам, так и кое-что новое. Условимся попрежнему придерживаться уже принятого нами деления на три группы оговорок вместе с соответствующими формами описок, очиток, ослышек, забывания с его подвидами в зависимости от того, что именно забыто (собственные имена, иностранные слова, намерения, впечатления) и захватывания «по ошибке», запрятывания и затеривания вещей. Ошибки, попадающие в поле нашего зрения, отчасти соответствуют забыванию, отчасти действиям «по ошибке».

Несмотря на то, что мы уже подробно говорили об *оговорках*, мы можем к этому прибавить еще кое-что. С оговоркой связаны некоторые аффективные переживания, не совсем лишенные интереса. Никому не хочется обмолвиться: нередко пропускаешь мимо ушей, не слышишь собственной оговорки, но зато никогда не пропустишь оговорку другого. Оговорка в известном смысле заразительна, нелегко говорить о ней, не впадая при этом в подобную же ошибку. Самые слабые формы обмолвок, которые не в состоянии дать нам никакого особенного разъяснения скрытых душевных процессов, нетрудно понять в плане их мотивировки. Если, например, кто-нибудь коротко произносит длинный звук в слове вследствие неважно чем мотивированного нарушения, то он зато растягивает следующий короткий звук и делает новую оговорку, компенсируя этим предыдущую. То же происходит, когда произносят нечисто или небрежно двойной звук, например, *eu* или *oi*, как *ei*, то стараются исправить это, изменяя произношение следующего *ei* в *eu* или *oi*. При этом, как кажется, имеет решающее значение забота о мнении собеседника, чтобы он не подумал, что говорящему безразлично, как он обращается со своим родным языком. Второе, компенсирующее искажение имеет прямою целью обратить внимание слушателя на ошибку и убедить его, что она не ускользнула от внимания говорящего. Самыми чистыми, простыми и обыкновенными случаями обмолвки являются

стяжения и предвосхищения, которые появляются во второстепенных частях речи. Например, в длинном предложении благодаря обмолвке последнее слово предполагаемой фразы произносится раньше, чем следует. Это производит впечатление некоторого нетерпения, желание поскорее закончить фразу и в общем свидетельствует об известном нежелании произнести фразу или, может быть, всю эту речь. Таким образом, мы подошли к пограничным случаям, где различие между психоаналитическим и психологическим пониманием оговорки сводится на нет. Мы предполагаем, что в таких случаях имеется нарушающая нашу речь тенденция, но она может обнаружить только свое существование, но не свое настоящее содержание и свою цель. Вызванное ею нарушение является тогда следствием звукового или ассоциативного влияния и может оцениваться как отвлечение внимания от того, что хочется сказать. Но ни описанное нарушение внимания, ни ассоциативное влияние не объясняют еще сущности процесса. Они свидетельствуют только о наличии нарушающей речь тенденции, природа которой не может быть установлена на основании ее проявления, как это удается сделать во всех более ярко выраженных случаях оговорки.

Описка, к рассмотрению которой я теперь перехожу, настолько аналогична оговорке, что от ее изучения не приходится ждать чего-то совершенно нового. Однако, может быть, мы в состоянии будем внести кое-какие дополнения. Обычно встречающиеся мелкие описки, стяжения и вынесение вперед более удаленных, особенно заключительных слов указывают на нежелание вообще писать, нетерпение, желание покончить с письмом; в более ярко проявляющихся описках мы можем открыть природу и намерение мешающих письму тенденций. Если не всегда можно узнать о том, что беспокоило пишущего, допустившего ошибку, то одно можно утверждать несомненно — что не все было у него в порядке. Сделавший описку тоже часто не замечает ее, как и сделавший оговорку. Существуют лица, имеющие привычку перечитывать перед отправлением всякое письмо, ими написанное, другие этого никогда не делают. Если же они сделают это в виде исключения, то им всегда представится случай найти и исправить замеченную описку. Как это объяснить? Возникает впечатление, будто эти лица знают, что они ошиблись, когда писали; можем ли мы это действительно предположить?

С практическим значением описки связана интересная проблема. Вы, может быть, помните случай убийцы N, ко-

торый, выдавая себя за бактериолога, доставал из научных институтов культуры чрезвычайно опасных для жизни возбудителей болезней, которые он применял как «современное» средство для устранения со своего пути близких ему людей. Однажды, жалуясь правлению одного бактериологического института на недейственность присланных ему культур, он допустил описку и вместо слов «в моих опытах над мышами и морскими свинками» — написал: «в моих опытах над людьми». Описка эта бросилась в глаза врачам института, но, насколько мне известно, они не сделали из нее необходимых заключений. Как же вы думаете? Могли бы врачи усмотреть в этой ошибке признание и возбудить следствие, благодаря которому можно было бы своевременно предупредить преступление? Не послужило ли в данном случае незнакомство с нашим толкованием ошибок причиной того, что преступление раскрылось так поздно? Полагаю, однако, что, хотя подобная ошибка мне показалась бы очень подозрительной, тем не менее существуют важные обстоятельства, мешающие использовать ее как вещественное доказательство совершенного преступления. Дело вовсе не так просто. Конечно, описка безусловно является уликой, но, опираясь только на нее, еще нельзя было бы начинать следствие. Описка действительно указывает, что этого человека интересовала мысль о заражении людей, но это совсем еще не дает нам право решить, имеет ли эта мысль характер определенного преступного намерения, или же она относится к области практически безобидных фантазий. Весьма вероятно, что человек, допустивший такую описку, самым энергичным образом и с полным сознанием своей субъективной правоты, станет отрицать наличие у него подобных фантазий и отвергнет их как совершенно чуждые ему. Когда мы с вами рассмотрим различие между психической и материальной реальностями, вы еще лучше сможете понять эту возможность. Здесь же мы имеем дело со случаем, в котором ошибочное действие приобрело впоследствии непредвиденное значение.

При *очитке* мы встречаемся с совершенно другой психической ситуацией, чем при описке и оговорке. Одна из двух конкурирующих тенденций здесь заменена сенсорным раздражением и поэтому, возможно, оказывается менее устойчивой. То, что нужно прочесть, не является продуктом психики читающего в противоположность тому, что намереваешься написать. В подавляющем большинстве случаев

очитка заключается в полном замещении. Слово, которое надо прочесть, заменяется другим, причем вовсе не требуется, чтоб между текстом и очиткой имелась какая-либо содержательная связь; обычно очитка происходит благодаря внешнему сходству слов. Пример Лихтенберга — Агамемнон вместо *angenommen* — лучший в этой группе очиток. Если мы хотим узнать о нарушающей тенденции, вызывающей очитку, то следует, оставив в стороне неправильно прочитанное слово, приступить к анализу, задавая при этом два вопроса. какая мысль приходит в голову, когда думаешь об очитке, и в какой ситуации она произошла? Иногда для объяснения очитки достаточно знать эту ситуацию; например, некто, испытывая естественную потребность, бродит по незнакомому городу и на вывеске второго этажа читает слово *клозет* (Klosetthaus). Еще не успев удивиться тому, как высоко прибита вывеска, он убеждается, что написано *корсетъ* (Korsetthaus). В других случаях очиток, независимых от содержания текста, нужен обстоятельный анализ, который нельзя провести, не обладая опытом и доверием к психоаналитической технике. Объяснить очитку по большей части нетрудно. Подставленное слово, например, *Агамемнон* непосредственно выдает затрудняющую течение мыслей помеху. В настоящее время, в эпоху войны, нередко случается, что вычитывают там, где встречаются хоть сколько-нибудь похожие слова, названия городов, имена командующих армиями и часто встречающиеся военные выражения. Происходит замена чуждого и неинтересного тем, что нас занимает и захватывает. Отражение (предшествующих) мыслей препятствует новому восприятию.

При очитке нередко встречаются случаи и другого рода, когда печатный текст сам возбуждает нарушающую тенденцию и превращается таким образом в свою противоположность. Когда приходится читать что-либо неприятное, то при помощи анализа открываешь, что сильное желание отвергнуть написанное осуществляется при помощи очитки.

В упомянутых раньше более частых случаях очитки, однако, не хватает двух моментов, которым мы приписываем важную роль в механизме ошибочных действий: нет конфликта между тенденциями и вытеснения одной из них, компенсирующей себя при помощи ошибки. Ведь удивительно вовсе не то, что вычитываешь что-либо противоположное тексту, а то, с какой настойчивостью мысли, которые раньше подвергались вытеснению, находят отражение в очит-

ке. Эти два момента чаще всего встречаются в ошибочных действиях, выражающихся в забывании.

Забывание намерений как раз однозначно, его толкование, как нам уже известно, не противоречит общепринятым взглядам. Тенденция, нарушающая какое-либо намерение, всегда представляет собой противоположное намерение, нежелание выполнить первое: нам осталось только узнать, почему оно не выражается иначе, менее замаскировано. Но наличие этого противоположно направленного желания не вызывает сомнений. Иногда удается узнать о тех мотивах, которые заставляют его скрыться, но, и оставаясь скрытым, это нежелание всякий раз, благодаря ошибочным действиям, достигает своей цели, тогда как оно, наверное, было бы отклонено, если бы выступило в форме открытого возражения. Если между возникновением намерения и его выполнением произошло изменение душевного состояния, вследствие которого о выполнении намерения уже не может быть и речи, то такое забывание выходит за рамки ошибочных действий. Это не вызывает удивления, и понятно, что совершенно излишне вспоминать о намерении, и оно выпадает в этом случае на время или навсегда. Забывание намерения только тогда можно назвать ошибочным действием, когда в процессе выполнения намерения мы не соглашаемся допустить данное выпадение.

Случаи забывания намерений именно потому, что они слишком однообразны и прозрачны, не представляют никакого интереса в нашем исследовании. Однако изучение этих ошибочных действий может дать нам кое-что новое в двух отношениях. Мы сказали уже, что забывание, то есть невыполнение намерений, указывает на существование у нас враждебной противоположно направленной воли. Это положение так и остается неизменным, но противоположная воля, согласно нашему опыту, может быть двоякого рода: прямой и опосредованной. Что здесь имеется в виду, можно пояснить на одном или двух примерах. Когда покровитель забывает замолвить словечко в пользу своего протеже перед третьим лицом, то это может произойти потому, что он мало интересуется своим протеже и поэтому у него нет большой охоты просить за него. Протеже так и поймет эту забывчивость. Но дело может оказаться и более сложным. Нежелание выполнять намерение может явиться у покровителя с другой стороны и обнаружить себя в другом месте. Здесь протеже может

не играть никакой роли, и нежелание может быть связано с третьим лицом, перед которым и нужно хлопотать. Итак, вы видите, какие сомнения возникают у нас в этом случае при практическом применении нашего толкования. Протеже, несмотря на правильное толкование забывчивости, рискует проявить слишком большое недоверие и тем причинить жестокую несправедливость по отношению к своему покровителю. Или, если кто-нибудь забывает про назначенное свидание, на которое сам искренне намеревался явиться, то самой частой причиной такого забывания бывает определенное нежелание встретиться с этим человеком. Но иной раз посредством анализа можно доказать, что мешающая тенденция в данном случае направлена не против человека, которому назначено свидание, а против места, где оно должно было состояться, и тот, кто забывает про свидание, старается избегать место из-за мучительных воспоминаний, связанных у него с этим местом. Или, если забывают отправить по почте письмо, то причина нежелания может быть в содержании письма, но совершенно не исключена возможность того, что само по себе письмо это безобидного свойства и нарушающая тенденция воздействует на него лишь потому, что оно напоминает другое, давшее повод для проявления противоположной воли. В этом случае можно сказать, что нежелание перенеслось с того письма, где оно вполне оправдывалось, на данное, по отношению к которому оно уже лишено смысла. Вы видите, следовательно, что применение нашего обоснованного толкования требует осторожности и сдержанности; то, что психологически выглядит равноценным, может быть практически очень многозначным.

Явления, о которых идет речь, могут показаться вам очень странными. Быть может, вы подумаете, что «опосредованное» нежелание характеризует уже какой-то патологический процесс. Могу вас уверить, что оно случается у совершенно здоровых людей. Впрочем, я хочу, чтоб вы меня правильно поняли. Я никоим образом не хотел бы вызвать недоверие к нашему психоаналитическому толкованию. Ведь указанная многозначность забывания намерений может иметь место лишь до тех пор, пока мы не осуществили анализ конкретного случая, а толкуем его, опираясь лишь на наши общие предположения. Проведя анализ конкретного лица, мы всякий раз вполне достоверно распознаем, было ли в данном случае прямое нежелание или им двигало что-то другое.

Второй момент заключается в следующем: если в большинстве случаев мы находим подтверждение того, что забывание намерения сводится к наличию противоположной воли, то мы смело расширяем это толкование на ряд других случаев, в которых исследуемый не только не подтверждает присутствие у него предполагаемого нами нежелания, а отрицает его. Примерами могут служить часто встречающиеся случаи, когда забывают вернуть взятые на время книги, оплатить счета или долги. Мы не боимся сказать такому человеку, что у него имеется намерение сохранить у себя книги и не платить долгов, тогда как он, отрицая это намерение, не сможет дать нам какого-либо другого объяснения своего поведения. Поэтому мы все же будем настаивать, что у него имеется такое намерение, только он об этом ничего не знает; нам совершенно достаточно того, что его забывчивость выдает это намерение. Тот может нам повторить, что он просто забыл. Теперь вы узнаёте эту ситуацию, мы с вами в ней уже однажды находились. Если мы захотим последовательно проводить наше толкование ошибочных действий, оправдавшееся во многих случаях, то неизбежно придем к предположению, что у человека бывают тенденции, которые могут проявлять известную активность без того, чтобы он о них что-либо знал. Но здесь нам приходится вступить в противоречие со всеми господствующими в психологии и в жизни взглядами.

Забывание собственных имен и иностранных названий, а также иностранных слов тоже удается свести к враждебному намерению, прямо или косвенно направленному против данного имени. Я уже приводил вам примеры проявления такой враждебности. Здесь особенно часто встречается опосредованная причинная связь, и для ее выявления требуется тщательный анализ. Так, например, во время этой войны, заставившей нас отказаться от многих наших прежних привычек и симпатий, пострадала также и способность припоминать собственные имена вследствие самых странных ассоциативных связей. Со мной недавно произошел случай, когда я не мог припомнить название безобидного моравского городка Бизенц. Анализ показал, что виной тому была не прямая враждебность, а созвучие этого названия с названием палаццо Бизенци в Орвието, в котором я с удовольствием останавливался несколько раз. Здесь в качестве мотива тенденции, мешающей вспомнить имя собственное, нам впервые встречается принцип, огромное

значение которого как причины невротических симптомов мы поймем позже, а именно: нежелание памяти припоминать то, что связано с переживаниями неудовольствия, оживающими при воспоминании. Тенденцию избегать неудовольствия, исходящего от воспоминаний или других психических актов, психическое бегство от неудовольствия мы признаем как конечный мотив не только забывания имен, но и многих других ошибочных действий, как, например, неисполнение обещанного, ошибок и т. п.

Но забывание имен психофизиологически осуществляется особенно легко, поэтому есть много случаев, когда нельзя подтвердить вмешательство мотива неудовольствия. У тех, кто имеет склонность забывать имена, при помощи психоаналитического исследования можно установить, что они забывают имена вовсе не потому, что не любят их, или потому, что они напоминают им что-либо неприятное, а вследствие того, что это же самое имя у них связано с другим ассоциативным кругом, с которым оно имеет тесную связь. Такое имя как бы удерживается там и не допускается к другим в данное время действующим ассоциациям. Если вы вспомните искусственные приемы мнемотехники[1], то с некоторым удивлением придете к убеждению, что имена забываются именно вследствие тех же ассоциаций, какие намеренно создают для того, чтобы удержать их в памяти. Наиболее поразительными примерами такого забывания являются такие собственные имена, которые, понятным образом, имеют для людей психически неодинаковое значение. Возьмем, например, имя Теодор. Для одного из вас с этим именем не связано ничего особенного, для другого это — имя отца, брата, друга или собственное. Аналитическое исследование обнаружит, что в первом случае вам не грозит опасность забыть это имя, принадлежащее какому-нибудь постороннему человеку, а во втором случае у вас может обнаружиться склонность лишить постороннего этого имени, с которым у вас связаны отношения интимного характера. Представьте себе, что такое ассоциативное торможение может также сочетаться с проявлением принципа неудовольствия[2] и кроме того с опосредованным механизмом.

---

[1] [Метод для увеличения способности к запоминанию.]

[2] [Фрейд упоминает этот принцип как «принцип неудовольствия» в «Толковании сновидений» (1900*a*). Позднее он говорит почти исключительно о «принципе удовольствия», см., напр., 22-ю лекцию. Прим. нем. ред.]

и тогда вы получите представление о том, какими сложными причинами обусловлено временное забывание имен. Конечно, только скрупулезный анализ раскроет нам все эти хитросплетения.

Забывание впечатлений и переживаний еще более ясно и однозначно демонстрирует действие тенденции к устранению из воспоминаний неудовольствия, чем забывание собственных имен. Оно, конечно, не может быть причислено в полном объеме к ошибочным действиям, а лишь постольку, поскольку мы находим его странным и необъяснимым с точки зрения нашего повседневного опыта, например, когда забываются слишком недавние и слишком важные впечатления, или такие, выпадение которых прерывает связь в событиях, в общем хорошо сохранившихся в памяти. Почему и как мы что-то забываем, в том числе переживания, оставившие в нас глубочайшие следы, как, например, события наших первых детских лет, — это совсем другой вопрос, в котором защита от неудовольствия хотя и играет известную роль, но объясняет далеко не все[1]. То, что неприятные впечатления легко забываются, — не подлежащий сомнению факт. Это уже давно заметили психологи, и факт этот произвел такое сильное впечатление на великого Дарвина, что он положил себе как золотое правило особенно тщательно записывать именно те наблюдения, которые шли вразрез с его теорией, так как он заметил, что такого рода наблюдения его память не хочет удерживать.

Тот, кому приходится впервые слышать об этом принципе защиты от неприятных воспоминаний путем забывания, не преминет привести в виде возражения наблюдение, что как раз труднее всего забывается неприятное, так как оно против нашей воли все снова и снова всплывает и мучает нас; например, воспоминания об огорчениях и унижениях. Если факт этот сам по себе и верен, то выдвинут он в качестве возражения совершенно неправильно. Очень важно, чтобы вы уже теперь стали считаться с тем, что душевная жизнь представляет собой арену борьбы и действия противоположных тенденций, или, выражаясь не динамически, она состоит из противоречий и противоположных пар. Доказательство существования у человека одной определенной тенденции вовсе не исключает возможности од-

[1] [Инфантильная амнезия обсуждается в 13-й лекции.]

новременного существования противоположной тенденции — найдется достаточно места для обеих. Все будет зависеть от того, как относятся друг к другу эти противоположности и как они влияют друг на друга.

Затеривание и запрятывание предметов особенно интересны своей многозначностью, то есть разнообразием тенденций, которым могут служить эти ошибочные действия. Во всех этих случаях присутствует желание потерять, различие только в причинах и целях такого желания; теряешь вещь, когда она испортилась, когда хочется заменить ее лучшей, когда она перестала нравиться, если ее получил от лица, с которым испортились отношения, или если вещь куплена при обстоятельствах, о которых не хочется вспоминать. С такой же целью портят и ломают вещи. В общественной жизни наблюдается, что нежеланные и внебрачные дети болезненней законных; для объяснения этого явления нет надобности ссылаться на грубые методы женщин, повинных в смерти приемных детей; для этого вполне достаточна известная небрежность в уходе за ребенком. В бережном отношении к вещам проявляются те же мотивы, что и в отношении к детям.

Далее, обрекаются на потерю вещи, потерявшие свою ценность, когда хочешь пожертвовать чем-нибудь судьбе для того, чтоб предупредить другую грозящую потерю. Такие заклинания судьбы, как свидетельствуют данные психоанализа, встречаются у нас еще очень нередко. Наши потери часто представляют собой добровольные жертвы. Так же точно потеря может быть проявлением упрямства и наказания самого себя; короче говоря, совершенно невозможно охватить взглядом отдаленные мотивы избавления от вещи путем затеривания.

Действия «по ошибке», как и другие ошибки, часто используются для выполнения желания, от которого следовало бы отказаться. Намерение маскируется в форме счастливой случайности. Так, например, это произошло с моим другом, которой должен был вопреки своему желанию сделать визит загород по железной дороге; при пересадке на станции он по ошибке сел в поезд, который благополучно доставил его обратно в город. Или, когда во время путешествия хочется задержаться на промежуточной станции, а этому мешают какие-либо обязанности, и тогда не замечаешь или пропускаешь отход нужного поезда, и уже поневоле приходится совершить такую желанную остановку.

Или, как это было с моим пациентом, которому я запретил вызывать по телефону любимую женщину, но который, собираясь говорить со мной по телефону, «по ошибке», «задумавшись» указал неправильный номер, так что оказался соединенным с ней. Прекрасный, имеющий практическое значение пример непосредственного ошибочного действия приводит один инженер в связи с повреждением одного прибора.

«Недавно я производил с товарищем в лаборатории института сложные опыты, изучая упругость; работа, за которую мы взялись добровольно, потребовала гораздо больше времени, чем мы предполагали. Однажды по дороге в лабораторию мой товарищ Ф. сказал мне, что у него очень много дел дома и ему особенно неприятно именно сегодня терять так много времени на эту работу. Я мог только согласиться с ним, и в шутку, намекая на случай, происшедший на прошлой неделе, сказал: "Будем надеяться, что машина сегодня снова откажет и мы сможем прервать работу и уйти пораньше".

Во время работы случилось так, что Ф. должен был управлять клапаном пресса, осторожно открывая кран и медленно выпуская жидкость, передающую давление из аккумулятора в цилиндр гидравлического пресса. Руководитель опыта при этом находится у манометра и когда требуемое давление достигнуто, громко произносит: "Стоп!" По этой команде Ф. хватается за кран и поворачивает его со всей силой влево (все краны без исключения закрываются вправо!). Благодаря этому в прессе создается полное давление аккумулятора, на что приводящие трубки не рассчитаны, и одна из них тотчас же лопается. Этот сам по себе совершенно безобидный дефект в машине заставляет нас, однако, прервать на сегодня работу и уйти.

Характерно, впрочем, что когда мы некоторое время спустя обсуждали этот инцидент, коллега Ф. никак не мог припомнить мои слова о поломке машины, которые я очень точно помню».

Этот случай может дать вам повод предположить, что не всегда одна только безобидная случайность делает руки вашей прислуги опасными врагами вашего добра. Но у вас может также возникнуть вопрос и о том, всегда ли случайно наносишь себе самому повреждение и ставишь в опасное положение собственное существование. Все эти положения вы можете при случае проверить, анализируя свои наблюдения.

Уважаемые слушатели! Я изложил вам далеко не все, что мог бы сказать об ошибочных действиях. Тут немало найдется такого, что можно исследовать и обсудить. Но я буду вполне удовлетворен, если под влиянием всего, что вы узнали, вы начнете сомневаться в ваших прежних воззрениях и тем подготовитесь к усвоению новых знаний. Так что я довольствуюсь тем, что оставлю перед вами ряд невыясненных вопросов. Изучая одни только ошибочные действия, нельзя доказать всех наших научных положений, да и нет у нас необходимости ограничиться только вышеизложенным материалом. Особенная ценность ошибочных действий для наших целей заключается в том, что их можно часто наблюдать и на самих себе, и проявление их вовсе не связано с определенным заболеванием. Мне хотелось бы в заключение остановиться на одном еще только вопросе, на который я до сих пор не дал ответа: если, как мы видели на многих примерах, люди так близко подходят к пониманию ошибочных действий и поведение их говорит так часто об этом их понимании, то как же могут они утверждать, что эти явления случайны, лишены смысла и значения? Как могут они так энергично возражать против психоаналитического объяснения этих явлений?

Вы правы, это очень странно и требует объяснения. Но я вам его не дам, а постепенно ознакомлю вас с теми обстоятельствами и взаимоотношениями, из которых это объяснение откроется вам само без моего непосредственного участия.

Часть 2

СНОВИДЕНИЯ
(1916 [1915–1916])

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Трудности и первые попытки понимания

Уважаемые дамы и господа! Когда-то было сделано открытие, что симптомы болезни некоторых нервнобольных имеют некий смысл[1]. Это открытие послужило основанием для психоаналитического метода лечения. В ходе этого лечения было замечено, что в некоторых случаях у больных взамен симптомов появлялись сновидения. Таким образом, возникло предположение, что и сновидения имеют смысл[2]

Но мы не будем двигаться этим историческим путем, а проделаем обратный ход. Докажем сначала, что сновидения имеют смысл, и из этого почерпнем предварительные сведения, необходимые для изучения неврозов. Этот ход оправдан, так как изучение сновидений не только наилучшим образом подготавливает к пониманию невроза: само сновидение представляет собой нечто вроде невротического симптома, к тому же обладающего еще одним чрезвычайно ценным для нас преимуществом, поскольку оно бывает и у здоровых людей[3]. Если бы все люди были психически здоро-

---

[1] Йозефом Брейером в 1880–1982 годах. См. в связи с этим мои лекции «О психоанализе», прочитанные в Америке в 1909 году (1910*a*) и «Об истории психоаналитического движения» (1914*d*).

[2] [Основной работой Фрейда по данной теме является, разумеется, «Толкование сновидений» (1900*a*). Однако эта тема обсуждается едва ли не в каждой из его работ. В одном из приложений к »Толкованию сновидений» (там же, с. 591 и далее) перечислены ее важнейшие стороны. Большинство из затрагиваемых здесь аспектов сновидений более подробно исследуется в »Толковании сновидений»; значительное число (более тридцати) из приводимых в »Лекциях» примеров сновидений содержатся также в различных изданиях «Толкования сновидений».]

[3] [Фрейд исследует эту проблему далее в конце 28-й лекции.]

вы и только сохранили бы способность видеть сны, то достаточно было бы изучить эти сны, чтобы прийти почти ко всем тем выводам, к каким привело нас исследование неврозов.

Таким, образом, сновидение становится объектом психоаналитического исследования. И здесь опять мы имеем перед собой самый обыденный, мало привлекающий внимание феномен, не имеющий, казалось бы, никакой практической ценности, подобно ошибочным действиям, встречающимися у здоровых людей. Но в остальном условия нашей работы стали еще более неблагоприятными. Наука мало уделяла внимания ошибочным действиям, она ими почти не интересовалась; но, в сущности, в изучении их не было ничего позорного. Хотя и говорили, что существуют более важные вопросы, но не отрицали того, что изучение ошибочных действий может, пожалуй, привести к чему-нибудь интересному. Заниматься же исследованием сновидений считается не только непроизводительным и излишним, но прямо-таки позорным; такое исследование вызывает упреки в ненаучности, будит подозрение в личной склонности к мистицизму. Чтобы врач стал возиться со сновидениями, когда даже в невропатологии и психиатрии имеется так много гораздо более серьезных вещей: опухоли, величиной с яблоко, сдавливающие мозг, орган душевной жизни, кровоизлияния, хроническое воспаление, при которых можно под микроскопом демонстрировать изменение тканей. Нет, сновидение — слишком ничтожный и не заслуживающий исследования объект.

К этому нужно прибавить еще одну особенность сновидения, по самому существу своему идущую вразрез со всеми требованиями точного исследования. При изучении сновидений невозможно с полной уверенностью и точностью определить даже объект изучения. Бредовая идея, например, выступает ясно, она резко очерчена. «Я — китайский император», — громко восклицает больной. Но как быть со сновидением? По большей части его вообще даже невозможно передать словами. Может ли быть у того, кто рассказывает сон, полная уверенность в том, что он его передает точно, ничего не меняя в нем во время рассказа, не прибавляя чего-нибудь вследствие неточности воспоминаний. Большинство сновидений вообще не удается вспомнить; они забываются вплоть до малейших фрагментов. Да разве может основываться научная психология или метод лечения больных на толковании такого рода материала?

Такая оценка, однако, должна показаться нам слишком односторонней и возбудить наше недоверие. Все эти возражения против возможности сделать сновидения объектом исследования, очевидно, заходят слишком далеко. С доводом, что объект исследования не заслуживает внимания, нам приходилось уже иметь дело при изучении ошибочных действий. Тогда мы говорили себе, что великое может проявляться и в незначительном. Что же касается неопределенности сновидения, то эта особенность является характерным признаком его наряду с многими другими, и нельзя же предписывать явлениям непременно те или другие их свойства. Впрочем, бывают ясные и определенные сновидения. Кроме того, имеются еще и другие объекты психиатрического исследования, страдающие тем же недостатком — неопределенностью, например, много случаев навязчивых представлений, которыми, тем не менее, занимались уважаемые и видные психиатры[1]. Мне вспоминается последний случай, имевший место в моей врачебной практике. Больная обратилась ко мне со следующей жалобой: «У меня какое-то чувство, словно я причинила или хотела бы причинить вред какому-то существу. Ребенку? Нет, скорее собаке; быть может, сбросить ее с моста или что-нибудь в этом роде». Для устранения неточности воспоминания сновидений мы можем считать сновидением только то, что рассказывает человек, видевший сон, и не станем обращать внимание на то, что он, возможно, забыл или перепутал в своих воспоминаниях. В конце концов нельзя же безоговорочно утверждать, что сновидение представляет собой нечто совсем незначительное. Нам всем известно из собственного опыта, что настроение, с которым просыпаешься после сновидения, может длиться целый день: врачи наблюдали случаи, когда душевное заболевание начиналось со сновидения и содержало бредовую идею, заключавшуюся в этом сновидении. О некоторых исторических лицах рассказывают, что сновидения побуждали их к важным действиям. Поэтому зададимся вопросом: откуда берется это пренебрежительное отношение к сновидениям в научных кругах?

[1] [Фрейд обсуждает тенденцию больных, страдающих неврозом навязчивости, к неопределенности и расплывчатости во второй части, фрагмент Б, своей работы «Заметки об одном случае невроза навязчивости» (1909*d*). См. также описание этого заболевания в 17-й лекции.]

Я полагаю, что оно является реакцией на слишком высокую оценку сновидений в давние времена. Как известно, реконструкция прошлого – дело нелегкое, но мы можем с уверенностью утверждать, – позвольте мне эту шутку, – что наши предки уже 3000 лет тому назад и ранее видели такие же сны, как и мы. Однако, как известно, древние народы придавали большое значение сновидениям, полагая, что ими можно пользоваться и для практических целей Древние видели в сновидениях вещие откровения будущего и искали в них предзнаменования. Для греков и других восточных народов в те времена военный поход без участия толкователей сновидений был так же невозможен, как в настоящее время без воздушной разведки.

Когда Александр Македонский предпринял свой завоевательный поход, в свите его находились самые знаменитые толкователи сновидений того времени. Город Тир, лежавший тогда еще на острове, оказывал царю такое упорное сопротивление, что Александр начал уже подумывать о том, чтобы прекратить осаду. Но однажды ночью ему приснился сатир, носящийся в триумфальном танце. Когда Александр рассказал это сновидение толкователям, то узнал, что этим ему возвещена победа над городом. Тогда он приказал начать наступление и взял Тир[1]. Этруски и римляне пользовались другими способами гадания о будущем, но в течение всего греко-римского периода толкование сновидений было в большом ходу и в почете. Из посвященной этому вопросу литературы до нас дошло, по крайней мере, главное произведение – книга Артемидора из Дальдиса, которую относят к эпохе царствования императора Адриана[2]. Я не могу вам сказать, каким образом впоследствии оказалось, что искусство снотолкования пришло в упадок, и утерялась вера в сновидения. Развитие просвещения не могло при этом сыграть важную роль, поскольку темное средневековье сохранило гораздо более абсурдные вещи, чем античное толкование сновидений. Факт тот, что интерес к сновидениям постепенно упал до степени темного суеверия и сохранился только у простонародья. В наше время последним видом злоупотребления толкованием сновидений являются попытки некоторых лиц угадать, основываясь на сновидени-

---

[1] [Этот сон обсуждается в 15-й лекции.]

[2] [Указания на эту книгу приводятся в «Толковании сновидений» (1900*a*).]

ях, числа, которым суждено выиграть в лотерее. Напротив, точная наука настоящего времени неоднократно занималась вопросом о сновидениях, но всегда только с целью применить к ним предвзятые психологические теории. Врачи, разумеется, видели в сновидениях не психический акт, а проявление в области душевной сферы соматических раздражений. Бинц в 1876 году объявил сновидение «физическим процессом, во всех случаях бесполезным, во многих прямо-таки болезненным; мировая душа и бессмертие возносятся над ним так же высоко, как синий эфир над поросшей сорной травой песчаной равниной, лежащей в глубокой низменности». Маури (Maury, 1878) сравнивает сновидение с беспорядочными судорогами пляски св. Витта в противоположность координированным движениям нормального человека. Старое сравнение этого рода проводит параллель между содержанием сновидения и теми звуками, которые производят «десять пальцев человека, несведущего в игре на пианино, когда он проводит ими по клавишам» (Strümpell, 1877, 84).

Толковать – значит найти скрытый смысл, но при вышеуказанной оценке сновидения, разумеется, о толковании не может быть и речи. Прочтите описание сновидения у Вундта (1874), Йодля (1896) и других более поздних философов; они довольствуются перечислением отличий сновидения от мышления в состоянии бодрствования в унизительных для сновидения выражениях, подчеркивая распад ассоциаций, отсутствие критики, исключение всякого влияния каких-либо знаний и другие признаки пониженной работоспособности психики. Единственный ценный вклад в учение о сновидениях, которым мы обязаны точной науке, относится к влиянию на сновидение действующих во время сна физических раздражений. Недавно умерший норвежский автор Дж. Маурли Волд оставил нам два толстых тома экспериментального исследования сновидений (в 1910 и 1912 годах переведены на немецкий язык), посвященных почти исключительно вопросу о влиянии изменения положения различных членов во время сна. Их превозносят, как образец точных исследований сновидений. Подумайте только, что сказали бы жрецы точной науки, если бы узнали, что мы хотим попробовать найти *смысл* сновидений? Может быть, они уже высказались по этому поводу. Но мы не позволим себя запугать. Если ошибочные действия могут иметь смысл, то и сновидениями тоже, а ведь ошибочные

действия очень часто имеют смысл, ускользающий от изучения точными науками. Признаем же себя сторонниками предрассудков древних и простонародья и пойдем по стопам античных толкователей сновидений.

Прежде всего мы должны сориентироваться в нашей проблеме, обозреть всю область сновидений. Что такое, собственно, сновидение? Трудно определить это в одном предложении. Мы и не будем пытаться давать определения там, где достаточно только указать на всем известный материал[1]. Но все же следует подчеркнуть самое существенное в сновидении. Где его найти? В интересующей нас области имеется громадное количество различий, и различий во всех отношениях. Самым же существенным, пожалуй, будет то, что можно считать общим для всех сновидений.

Первая общая для всех сновидений черта — это то, что сновидения можно видеть только во время сна. Очевидно, сновидения представляют собой душевные процессы во время сна и, хотя имеют известное сходство с душевной жизнью во время бодрствования, но вместе с тем и резко отличаются от него. Это определение дал еще Аристотель. Быть может, между сновидением и сном имеется и более тесная связь. Сновидение может повлечь за собой пробуждение от сна. Часто видят сон в момент естественного или насильственного пробуждения. По-видимому, сновидение представляет собой промежуточное состояние между сном и бодрствованием. Но в таком случае нам приходится обратиться ко сну. Что же такое сон?

Это физиологическая или биологическая проблема, в которой еще много спорного. Тут мы не можем прийти ни к каким окончательным заключениям, но, мне кажется, мы все же должны попробовать дать психологическую характеристику сна. Итак, сон — это такое состояние, в котором я не хочу ничего знать о внешнем мире, в котором у меня пропал интерес к этому миру. Я погружаюсь в сон благодаря тому, что ухожу от этого мира и отстраняюсь от его раздражителей Я также засыпаю, когда устаю от этого мира. Засыпая, я, следовательно, говорю внешнему миру: «Оставь меня в покое, я хочу спать». Ребенок, наоборот, говорит: «Я еще не хочу спать, я еще не устал и хочу еще что-нибудь пережить». Биологической целью сна является, по-видимому, отдых; его

[1] [См., однако, некоторые замечания по этому поводу в 14-й лекции.]

психологическим признаком — потеря интереса к внешнему миру. Наше отношение к миру, в который мы явились так неохотно, обусловливает, очевидно, и то, что мы не в силах его переносить долгое время без перерыва. Поэтому мы временно возвращаемся в состояние, в котором находились до появления на свет, то есть в состояние внутриутробного существования. По крайней мере, мы создаем себе условия, совершенно сходные с теми, какие были тогда: тепло, темно и ничто не раздражает. Некоторые из нас для того, чтобы заснуть, еще сворачиваются в клубочек и придают своему телу совершенно такое же положение, как в материнской утробе. Мир словно владеет нами, взрослыми, не вполне, а лишь на две трети; на одну треть мы еще вообще не родились. Всякое пробуждение утром подобно новому рождению на свет. Мы и говорим о состоянии после сна следующими словами: «Я будто снова родился», — при этом делая, вероятно, совершенно ложное предположение об общем самочувствии новорожденного. Есть основания предполагать, что новорожденный, наоборот, чувствует себя очень неуютно. О рождении мы тоже говорим: увидеть свет.

Если такова сущность сна, то сновидение вообще не входит в его программу, а, скорее, является нежелательной добавкой. Мы даже полагаем, что сон без сновидений — самый лучший, единственно правильный. Во время сна не должно быть душевной деятельности; если она все-таки не совсем замирает, то, значит, не удалось достичь эмбрионального состояния покоя: не удалось совершенно освободиться от последних остатков душевной деятельности. Вот эти-то остатки и есть сновидения. Но в таком случае, кажется, сновидение действительно не должно иметь никакого смысла. При ошибочных действиях дело обстояло иначе: ведь там была деятельность во время бодрствования. Но во время сна, когда моя душевная деятельность приостановилась и когда мне не удается заглушить некоторые ее остатки, почему же я должен думать, что эти остатки имеют какой-то смысл? Мне и не нужен этот смысл, раз все остальное в моей душевной жизни спит. Тут уж, действительно, речь может идти самое большее о судорожных реакциях, о таких душевных феноменах, которые прямо следуют за соматическим раздражением. Тогда сновидения оказались бы только остатками душевной деятельности во время бодрствования, мешающими сну, и мы могли бы оставить эту неподходящую для психоанализа тему.

Но даже если сновидение кажется излишним, оно все же существует, и мы можем попытаться объяснить себе его существование. Почему душевная жизнь не засыпает полностью? Вероятно, что-то не дает душе покоя. На нее действуют какие-то раздражения, и ей приходится на них реагировать. Сновидение, следовательно, представляет собой реакцию души на действующие во время сна раздражения. Здесь намечается некий подход к пониманию сновидений. Мы можем теперь в различных сновидениях искать те раздражения, которые нарушают сон и вызывают реакцию в виде сновидений. Вот мы и определили первую, общую всем сновидениям особенность.

Есть ли у них еще что-либо общее? Несомненно, есть, но его гораздо труднее объяснить и описать. Душевные процессы во время сна имеют совершенно другой характер, чем во время бодрствования. Во время сновидения переживаешь многое и веришь всему, тогда как в на самом деле ничего не переживаешь, кроме одного какого-то мешающего раздражения. Все переживается преимущественно в форме зрительных образов; в этом могут участвовать чувства и мысли, могут кое-что ощущать и другие органы восприятия, но преобладают все же зрительные образы. Трудности при словесной передаче сновидений происходят отчасти из-за того, что необходимо описать словами эти зрительные образы. «Я мог бы это нарисовать, — часто заявляет человек, видевший сон, — но я не знаю, как это рассказать». Сновидение, собственно, отнюдь не является снижением душевной деятельности, как это имеет место, например, у слабоумного по сравнению с гениальным; различие это качественное, но трудно сказать, в чем оно состоит. Г. Т. Фехнер[1] однажды высказал предположение, что арена, на которой разыгрывается сновидение, находится в иной области души, нежели та, где протекает жизнь представлений в состоянии бодрствования. Хотя мы этого не понимаем, не знаем, как себе это представить, но слова Фехнера правильно передают впечатление чего-то чуждого, которое производит большинство сновидений. В таком случае сравнение сновидения со звуками, производимыми немузыкальной рукой, оказывается несостоятельным. Ведь всякий раз, когда

---

[1] [Психофизик Фехнер (1801–1887) оказал значительное влияние на теории Фрейда. Относительно упомянутого предположения см. Фехнер (1860).]

рука случайно дотронется до клавиш, рояль будет отвечать хоть и не мелодиями, но одними и теми же звуками. Эту вторую особенность, общую всем сновидениям, мы не будем упускать из виду, как бы непонятна она ни была.

Есть ли еще какие-нибудь особенности, общие для всех сновидений? Я не нахожу больше ни одной и вижу везде, во всех отношениях, только различия. Они касаются продолжительности, ясности, аффективной окраски и способности сохраняться в памяти и т. п. Все происходит совсем не так, как следовало бы ожидать при насильственном, скудном, судорожном отражении в психике какого-нибудь раздражения. Что касается длительности сновидения, то бывают очень короткие сны, содержащие лишь одну или несколько картин, одну мысль, даже одно только слово; другие сновидения очень богаты содержанием, в них разыгрываются целые романы и, по-видимому, они длятся долго. Бывают сновидения отчетливые, как реальные переживания, настолько отчетливые, что даже после пробуждения мы еще в течение некоторого времени не признаем их за сновидения. Но встречаются и несказанно слабые сновидения, расплывчатые, как тени. Даже в одном и том же сновидении могут чередоваться сверхсильные фрагменты с почти неуловимыми неясными частями. Сновидения могут иметь вполне определенный смысл или, по крайней мере, быть связными, даже остроумными, фантастически прекрасными, или же, напротив, запутанными, абсурдными, почти безумными. В одних сновидениях мы остаемся совершенно равнодушными, другие будят в нас аффекты, и мы испытываем боль до слез, страх до того сильный, что просыпаемся, удивление, восторг и т. д. По большей части после пробуждения сновидения быстро забываются, но случается, что они сохраняются в памяти в течение всего дня, становясь к вечеру все более бледными и отрывочными; а другие, например, детские сны, сохраняются так хорошо, что и тридцать лет спустя они еще свежи в памяти. Сновидения, как индивиды, могут явиться только один раз и никогда больше не повторяться, или же они повторяются у одного и того же человека без изменений или с небольшими отступлениями. Одним словом, эта ночная душевная деятельность располагает огромным репертуаром и способна, в сущности, проделывать все, что творит душа днем, но все-таки это не то же самое.

Можно было бы попробовать объяснить все это многообразие сновидений, исходя из предположения, что оно соответствует различным промежуточным стадиям между сном и бодрствованием, различным степеням неглубокого сна. Допустим, что это так, но ведь тогда с увеличением ценности, содержательности и отчетливости сновидения должна была бы возрасти и уверенность сознания, что видишь сон, так как при таких сновидениях душа должна была бы быть близкой к пробуждению. Точно так же рядом с отчетливой и разумной частью сновидений не могла бы в таком случае находиться неясная, бессмысленная часть его, за которой следует опять хорошая, разработанная часть. Конечно, душа не в состоянии так быстро менять глубину своего сна. Так что это объяснение нам ничего не дает; дело тут не так-то просто.

Откажемся пока от мысли, что сновидения имеют «смысл», но постараемся лучше понять сновидения, исходя из общих их свойств. Из отношения сновидения ко сну мы заключили, что сновидение является реакцией на нарушающее сон раздражение. Как мы уже слышали, только в этом единственном вопросе точная экспериментальная психология может прийти на помощь, приводя доказательства того, что раздражения, производимые во время сна, проявляются в сновидении. Таких опытов было сделано очень много, в том числе и упомянутым Маурли Волдом. Каждый из нас в состоянии подтвердить этот вывод на основании личных наблюдений. Я выберу несколько старых экспериментов. Маурли произвел несколько опытов над самим собой. Во время сна ему дали понюхать одеколон. Ему приснилось, что он находится в Каире в магазине Йоханна Мария Фарина, а затем последовал ряд невероятных приключений. Или: его слегка ущипнули за затылок, тогда ему снится наложенный нарывной пластырь и врач, лечивший его в детстве. Или: ему капнули на лоб водой. Тогда он очутился в Италии, сильно потел и пил белое вино «Орвието».

В других сновидениях, вызванных внешними раздражениями, мы можем еще яснее увидеть то, что наблюдается в указанных, полученных экспериментальным путем, снах. Тонкий и остроумный наблюдатель Хильдебрандт сообщает (1875) три своих сновидения, явившихся реакцией на звон будильника:

«Итак, я гуляю ранним весенним утром и бреду по зеленеющим полям до соседней деревни; там я вижу ее жителей

в праздничных одеждах, с молитвенниками в руках идущих в церковь. Все верно! Сегодня воскресенье, и скоро начнется утренняя служба. Я решаю принять в ней участие, но из-за того, что мне очень жарко, я хочу немного освежиться на кладбище возле церкви. Читая различные надписи на могилах, я слышу, как звонарь поднимается на колокольню, и вижу на ней небольшой деревенский колокол, который возвестит о начале богослужения. Еще какое-то время он висит неподвижно, потом он начинает раскачиваться, и слышится звон, причем удары колокола настолько громки и пронзительны, что они прерывают мой сон. Но на самом деле эти звуки исходят от моего будильника».

«Вторая комбинация. Ясный зимний день; улица покрыта снегом. Я обещал вместе с другими проехаться на санях, но приходится долго ждать, пока мне докладывают, что сани стоят возле ворот. Теперь начинаются приготовления к поездке — я надеваю шубу, достаю мешок для ног и, наконец, сажусь на свое место. Но отъезд по-прежнему откладывается, пока, наконец, натянутые вожжи не дают явный знак ждущим с нетерпением рысакам. Бубенчики начинают издавать свою всем хорошо знакомую музыку, которая, однако, раздается с такой силой, что мгновенно разрывает паутину сна. Опять-таки это не что иное, как резкий звон будильника».

«Третий пример. Я вижу, как кухарка по коридору идет в столовую с целой грудой тарелок. Я опасаюсь, что фарфоровая колонна в ее руках потеряет равновесие. "Осторожней, — предостерегаю я ее, — сейчас все упадет на пол". На это, разумеется, следует возражение: это уже дело привычное и т. д. Но я по-прежнему озабоченным взглядом слежу за ней. И действительно, на пороге двери она спотыкается — посуда со звоном падает и разбивается вдребезги. Но дребезжание продолжается слишком долго и почему-то переходит в продолжительный звон, и этот звон, как обнаруживается при пробуждении, издавал будильник[1]».

Сны эти довольно выразительны, имеют определенный смысл, вовсе не так бессвязны, как это обыкновенно бывает. Мы не будем поэтому их оспаривать. Общее в них то, что ситуация всякий раз заканчивается шумом, который при пробуждении оказывается звоном будильника. И мы видим в этом случае не только раздражение, вызывающее снови-

[1] [См. «Толкование сновидений» (1900*a*), *Studienausgabe*, т. 2, с. 47–48. Все примеры из «Толкования сновидений» даны в переводе А. Боковикова.]

дение, — мы узнаем еще нечто большее. Сновидение, оказывается, не узнает будильника; последний в нем не фигурирует — звон будильника заменяется в нем другим звуком. Сновидение истолковывает раздражение, нарушающее сон, и толкует его всякий раз по-иному. Но почему? На это не дается ответа, и возникает впечатление, будто это делается совершенно произвольно. На ведь понять сновидение — значит, быть в состоянии указать, почему оно выбрало именно такое истолкование раздражения, исходящего от будильника. Совершенно то же можно возразить против экспериментов Маури: вполне очевидно, что определенное раздражение проявляется во сне; но почему оно проявляется именно в данной форме — об этом в объяснении ничего не говорится, между тем как форма эта вовсе не вытекает из природы нарушающего сон раздражения. К тому же в опытах Маури к непосредственному влиянию раздражения, как правило, присоединяется большое количество другого материала сновидения, например, неистовые приключения в сновидении с одеколоном, которым совершенно невозможно найти объяснение в условиях опыта.

Но примите во внимание, что изучение сновидений с пробуждением дает наилучшие возможности выявить влияние внешних раздражений, помешавших сну. В большинстве же других случаев это гораздо труднее. Ведь просыпаются не от всех сновидений; возможно ли в таком случае, вспоминая утром ночное сновидение, обнаружить то нарушающее раздражение, которое ночью оказало влияние на сновидение? Однажды мне удалось позже установить такой раздражающий шум, разумеется, лишь благодаря особым обстоятельствам.

Однажды утром я проснулся в одном горном тирольском отеле с уверенностью, что видел во сне, будто умер римский папа. Я не мог объяснить себе этого сновидения, но тут мне на помощь пришла жена, спросив меня: «Ты слышал сегодня утром ужасный трезвон, раздававшийся во всех церквях и часовнях?» Нет, я ничего не слышал, мой сон не был нарушен: но благодаря этому вопросу я понял мое сновидение. Как часто подобные обстоятельства вызывают у спящего сновидения, а он впоследствии об этом ничего не знает? Возможно, что это бывает очень часто, — но может быть, и нет. Раз нет возможности доказать, что раздражение имело место, то невозможно и убедиться в этом. Но ведь мы и без того отказались от оценки значения раздра-

жения, мешающего сну, когда узнали, что это раздражение в состоянии объяснить только часть сновидения, а не все его содержание целиком.

Поэтому нам не стоит полностью отказываться от излагаемой теории, тем более что она может получить дальнейшее развитие. Совершенно безразлично, что именно нарушило сон и вызвало сновидение. Это не должно быть непременно внешнее чувственное раздражение, иногда это раздражение, исходящее из внутренних органов, так называемое органическое раздражение. Такое предположение напрашивается само, и оно также совпадает с самым распространенным взглядом на образование сновидений, согласно которому сны возникают в связи с состояниями желудка. К сожалению, и в данном случае остается лишь предполагать, поскольку по пробуждении часто исчезает возможность доказать, было ли ночью какое-нибудь внутреннее раздражение, помешавшее спать, и потому действие такого раздражения остается недоказуемым. Но не будем закрывать глаза на многие достоверные наблюдения, подтверждающие мнение, что сны вызываются раздражением внутренних органов. В общем, несомненно, что состояние внутренних органов может влиять на сновидения. Связь между содержанием сновидения и переполнением мочевого пузыря или возбуждением половых органов до того очевидна, что нельзя ее отрицать. От этих ясных случаев можно перейти к другим, в которых содержание сновидений дает, по крайней мере, основание предполагать, что раздражение внутренних органов оказало на них влияние, так как в этом содержании имеются элементы, которые могут быть поняты, как переработка, толкование и изображение этих раздражений. Исследователь сновидений Шернер (Scherner, 1861) особенно защищал то мнение, что сновидения происходят от раздражений, проистекающих из внутренних органов, и привел этому несколько прекрасных примеров. Так, например, сон, в котором «два ряда красивых мальчиков с белокурыми волосами и нежным цветом лица стоят один против другого в боевом порядке, бросаются друг на друга, борются, потом опять отходят в прежнее положение и опять проделывают всю сцену с самого начала», — он объясняет таким образом, что эти два ряда мальчиков обозначают зубы. И мы должны согласиться, что такое толкование кажется нам вполне приемлемым, тем более что оно получает в дальнейшем подтверждение, так как вслед за этой

сценой сновидец «извлекает из своей челюсти длинный зуб». Также правдоподобно толкование, усматривающее в длинных узких извилистых ходах кишечные раздражения. Оно подтверждает положение Шернера, что сновидения прежде всего стараются изобразить орган, вызывавший раздражение, при помощи сходных с этим органом предметов.

Итак, мы должны согласиться с тем, что внутренние раздражения могут играть в сновидении ту же роль, что и внешние. Но, к сожалению, оценка значения этих раздражений встречает те же возражения, что и оценка внешних. В большинстве случаев объяснение сновидений, как дериватов раздражения, происходящего от внутренних органов, остается сомнительным и не может быть доказано. Отнюдь не все сновидения, а только некоторая их часть наводит на мысль о том, что в образовании сновидения принимали участие раздражения внутренних органов; наконец, раздражение внутренних органов, как и раздражение внешних чувств в сновидении может объяснить только тот его аспект, который непосредственно соответствует реакции на данное раздражение. Вопрос о том, откуда берется остальная часть сновидения, остается по-прежнему без ответа.

Но обратим внимание на одну особенность жизни сновидений, которая выявляется при изучении влияния раздражений. Сновидение не просто воспроизводит раздражение, а перерабатывает его, намекает на него, приводит его в связь с другими элементами или заменяет его чем-нибудь другим.

Эта особенность работы сновидения[1] должна нас заинтересовать, так как, возможно, она подведет нас ближе к сущности сновидения. Если кто-нибудь под влиянием определенного побуждения осуществляет нечто, то одним лишь этим побуждением дело не исчерпывается. Например, драма «Макбет» Шекспира была написана по определенному поводу: в честь восшествия на престол короля, впервые возложившего на свою голову короны трех стран. Но разве этот исторический повод вполне исчерпывает сущность и содержание драмы, разве он объясняет нам ее величие и загадки? Точно так же внешние и внутренние раздражения, действующие на спящего, может быть, являются

[1] [Процесс, благодаря которому скрытые мысли, стоящие за сновидением, превращаются его явную форму. Работа сновидения является темой 11-й лекции.]

только возбудителями сновидения, но не объясняют его сущности.

Другое, общее всем сновидениям свойство, — их психическая особенность, — с одной стороны, трудно уловимо, а с другой — не дает исходных точек для дальнейшего исследования. В сновидении мы переживаем нечто преимущественно в визуальной форме. Могут ли какие-нибудь раздражения вполне объяснить это явление? Действительно ли это то раздражение, которое мы воспринимаем? Почему переживание во сне принимает зрительный образ, когда сновидение только в самых редких случаях вызывается раздражением глаз? А можно ли доказать, когда нам снятся речи, что до нашего слуха доносился разговор или похожий на него шум? Я позволю себе категорически отвергнуть эту возможность.

Но если мы не можем продвинуться в нашем исследовании, исходя из общих свойств сновидений, то попытаемся подойти к вопросу со стороны их различий. Сновидения часто бывают бессмысленны, спутаны, абсурдны, но встречаются и осмысленные, трезвые, разумные сновидения. Посмотрим, не смогут ли эти последние дать нам кое-какие объяснения относительно первых. Сообщу вам для примера рассказанное мне разумное сновидение одного молодого человека: «Я гулял по Кертнерштрассе, встретил там господина X, к которому я ненадолго присоединился, а затем зашел в ресторан. К моему столу присели две дамы и один господин. Сначала меня это разозлило, и я не хотел на них смотреть. Потом я посмотрел и решил, что дамы довольно милы». По поводу сновидения молодой человек замечает следующее: вечером, накануне сновидения, он действительно проходил по Кертнерштрассе — это был его обычный путь — и встретил там господина X. Другая часть сновидения, хотя и не составляет прямого воспоминания, все-таки имеет некоторое сходство с переживанием последнего времени. А вот другое, здравомыслящее, сновидение одной дамы: «Муж ее спрашивает: не настроить ли пианино? Она отвечает: не стоит, для него все равно должен быть сшит новый чехол». Это сновидение почти дословно повторяет разговор, происходивший за день до сновидения между мужем и нею. Чему же учат нас эти два здравомыслящих сновидения? Только тому, что в них мы находим повторение сцен из реальной жизни предыдущего дня или из переживаний последнего времени. Это имело бы еще некоторую

ценность, если бы то же самое можно было утверждать относительно всех сновидений. Но об этом не может быть и речи: это можно только сказать относительно небольшого числа сновидений. В большинстве же сновидений не удается найти ничего, что имело бы связь с событиями предшествовавшего дня[1], а бессмысленные и абсурдные сновидения этим вообще никак не объясняются. Мы знаем только, что теперь перед нами встает новая задача. Нам не только нужно узнать, о чем говорит сновидение, но в тех случаях, когда оно, как в приведенных выше примерах, ясно выражено, мы хотим также знать, почему и для чего в сновидении повторяются переживания последнего времени.

Я полагаю, что вы и я только устанем, если и дальше будем продолжать в том же духе. Мы видим, что недостаточно одного интереса к какой-нибудь проблеме; нужно еще знать путь, по которому можно прийти к ее решению. А у нас в настоящий момент этого пути нет. Экспериментальная психология дала нам только несколько очень ценных указаний относительно значения раздражения как возбудителя сновидения. От философии нам не приходится ждать ничего другого, кроме повторения высокомерного указания на интеллектуальную малоценность объекта нашего исследования, а из оккультных наук мы, конечно, и сами не хотим ничего заимствовать. История и глас народа говорят нам, что сновидение имеет смысл и значение, что оно предвидит будущее. Это трудно предполагать и, разумеется, невозможно доказать. Таким образом, в наших первых попытках пролить свет на проблему сновидений мы оказались совершенно беспомощными.

Неожиданно к нам приходит помощь с той стороны, откуда мы ее совсем не ждали. Наша речь — явление далеко не случайное, а сокровищница глубочайшего, древнего познания, хотя пользоваться ею можно лишь с большой осторожностью; наша речь осведомлена о чем-то, что она называет примечательным словосочетанием «сны наяву». Сны наяву представляют собой фантазии (продукты работы фантазии); эти явления очень обычны, встречаются как у здоровых, так и у больных и легко доступны для изучения на самом себе. Поразительно, что этот продукт фантазии получил название «сны наяву», не имея ни одного из двух

---

[1] [Это высказывание Фрейд несколько корректирует в 6-й лекции.]

свойств, общих всем сновидениям. Само название его подразумевает, что оно не имеет никакого отношения к состоянию сна; что касается второго общего свойства сновидений, то в снах наяву ничего не переживаешь и не галлюцинируешь, а только представляешь себе нечто, сознавая, что фантазируешь, что ничего не видишь, а только думаешь. Сны наяву появляются впервые в возрасте, предшествующем половой зрелости, часто даже в последние годы детства, длятся до зрелых лет и затем исчезают или сохраняются до престарелого возраста. Содержание этих фантазий обусловлено весьма понятными мотивами. В большинстве случаев оно сводится к сценам и происшествиям, в которых находят удовлетворение эгоистические, честолюбивые и властолюбивые потребности или эротические желания фантазирующего. У молодых мужчин по большей части на первый план выступают честолюбивые фантазии, у женщин, честолюбие которых ограничивается любовными успехами, эротические; но довольно часто можно обнаружить и у мужчин эротическую подкладку: все их подвиги и успехи должны способствовать только любовным победам, вызывая восхищение женщин. Сны наяву, впрочем, очень разнообразны, и их судьба крайне изменчива. Каждая из этих фантазий спустя некоторое время обрывается, уступая место другой, или же они сохраняются, сплетаются в длинные цепи событий и приспосабливаются к изменению жизненных условий. Они, так сказать, идут в ногу со временем, получая от него «печать времени» под влиянием новых ситуаций. В то же время они являются сырым материалом поэтического творчества, потому что поэт из своих снов наяву путем преобразований и «переодеваний» создает положения и сцены, которые он затем вставляет в свои романы, новеллы, театральные пьесы. Но героем снов наяву всегда является сам фантазирующий, либо непосредственно, либо используя довольно прозрачную идентификацию с кем-либо другим[1].

Быть может, сны наяву получили это название благодаря тому, что они так же относятся к действительности, как сно-

[1] [Подробное обсуждение фантазий и их отношения к творческому процессу Фрейд приводит в двух более ранних работах: «Поэт и фантазирование» (1908*e*) и «Истерические фантазии и их отношение к бисексуальности» (1908*a*). Фрейд снова возвращается к этой теме во второй половине 23-й лекции.]

видения; тем самым подчеркивается, что их содержание так же мало реально, как содержание сновидений. Это сходство названий, может быть, обусловливается еще неизвестным нам психическим характером сновидений. Но возможно и то, что мы вообще не вправе придавать значение сходству названий. Однако все это выяснится лишь позднее.

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ

Предположения и техника толкования

Уважаемые дамы и господа! Итак, нам нужен новый метод, чтобы успешно продолжать наше исследование сновидения. По этому поводу я хочу сделать одно простое предложение: будем в дальнейшем исходить из предположения, *что сновидение представляет собой не соматический, а психический феномен.* Что это означает, вам известно, но что же дает нам право сделать такое предположение? Ничего, однако ничто не мешает нам его сделать. Вопрос заключается в следующем. Если сновидение представляет собой соматическое явление, то нам вообще нет до него никакого дела. Оно может нас интересовать только в том случае, если мы предполагаем в нем психический феномен. Поэтому попробуем продолжить наше исследование, исходя именно из такого предположения, и посмотрим, что из этого получится. Результат нашей работы покажет нам, сможем ли мы остаться при нашем предположении и настаивать на его правильности, или мы будем вынуждены от него отказаться. Но чего мы, собственно, добиваемся, с какой целью мы занимаемся исследованием сновидений? Мы хотим добиться того, к чему вообще стремится всякая наука — понять изучаемые явления, выявить связь между ними и в конечном итоге, где это только возможно, увеличить нашу власть над ними.

Поэтому мы продолжим работу, исходя из предположения, что сновидение есть психический феномен. В таком случае оно представляет собой продукт и проявление сновидца, однако оно ничего нам не говорит и остается для нас непонятным. Но как вы поступите в случае, если я скажу вам что-нибудь непонятное? Вы спросите меня, верно? По-

чему же нам не поступить таким же образом, *почему нам не расспросить сновидца о том, что означает его сновидение?*

Вы помните, мы были уже однажды в таком же положении при исследовании некоторых ошибочных действий, именно случаев оговорки? Некто сказал: «И тогда *высвинились* некие факты», и по этому поводу — нет, к счастью, это были не мы, а другие, совершенно посторонние, непричастные к психоанализу люди — его спросили, что он хотел, собственно, выразить этими непонятными словами. Спрошенный тотчас же ответил, что у него было намерение сказать: «Это было свинство», но он подавил это намерение для другого, смягченного: «Тут выявились некие факты». Уже тогда я вам заявил, что эти расспросы являются прототипом всякого психоаналитического исследования. Теперь вы понимаете, что техника психоанализа состоит в том, чтобы, насколько это только возможно, получить решение загадок от самих исследуемых. Поэтому желательно, чтобы сновидец сам рассказал нам, что обозначает его сновидение.

Но, как известно, при сновидении дело не обстоит так просто. При ошибочных действиях в целом ряде случаев действительно удавалось добиться желаемых результатов, но нам, однако, встретились случаи, когда спрашиваемый ничего не хотел отвечать и даже возмущенно возражал против тех объяснений, которые мы ему предлагали. При сновидении случаев первого рода у нас как будто совершенно не бывает, сновидец на наш вопрос всегда отвечает, что он ничего не знает. Отвергнуть наше толкование он тоже не может, потому что и мы ему не можем ничего предложить. Так, может, нам следует отказаться от наших попыток? Он ничего не знает, мы ничего не знаем, и кто-то третий уж наверняка ничего не может знать, так что у нас, пожалуй, не остается никакой надежды узнать хоть что-нибудь. Ну что ж, если вам угодно, можете отказаться. Но если такой отказ вас не удовлетворит, то можете следовать за мной. Я скажу вам, что вполне возможно и даже весьма вероятно, что сновидец все-таки знает, что означает его сновидение; *он только не знает о своем знании и поэтому настаивает на незнании.*

Вы, конечно, обратите мое внимание на то, что я опять делаю новое предположение, уже второе в этом коротком изложении, и что этим я, конечно, значительно подрываю достоверность всего метода. Мое первое предположение

гласит, что сновидение представляет собой психический феномен; второе — что в душе человека есть что-то, о чем он знает, не зная, что он об этом знает, и т. д. Стоит только принять во внимание внутреннюю неправдоподобность каждого из этих двух предположений, чтобы со спокойной совестью утратить всякий интерес к выводам, вытекающим из таких предположений.

Да, уважаемые дамы и господа, я пригласил вас сюда не для того, чтобы подурачить вас или скрыть от вас истину. Хотя я и объявил курс «элементарных лекций по введению в психоанализ»[1], но из этого вовсе не следует, что в мое намерение входило изложить вам материал *in usum delphini*[2], изображая все сглаженным, тщательно скрывая от вас все трудности, заполняя все пробелы, утаивая все сомнения, чтобы вы с легким сердцем могли думать, что научились чему-то новому. Нет, именно потому, что вы только еще начинаете изучать этот вопрос, я хочу показать вам нашу науку такой, какая она есть, со всеми ее шероховатостями, трудностями, претензиями и сомнениями. Я знаю, что ни в какой отрасли науки не бывает иначе, особенно, если наука находится в начале своего развития. Я также знаю, что обыкновенно при преподавании стараются вначале скрыть от учащегося эти трудности и несовершенства предмета. Но в психоанализе это невозможно. Итак, я действительно сделал два предположения, одно в пределах другого, и кому все это кажется слишком трудным и шатким, или кто привык к большей надежности и к изяществу выводов, тот может отказаться идти с нами дальше. Я только полагал, что ему вообще не следовало бы обращаться к психологическим проблемам, потому что, боюсь, точных и достоверных путей, по которым он был бы готов следовать, здесь не найти. Да и совершенно излишне, чтобы наука, которая может что-то предложить, стремилась добиться признания и вербовала себе сторонников. Ее результаты должны говорить сами за себя, и она может спокойно ждать, пока эти результаты привлекут к себе внимание.

---

[1] [Из названия «Лекций» слово «элементарные» было выпущено при издании.]

[2] [«Для дофина» (лат.). Эта надпись относится к адаптированному изданию классиков, которое было составлено по указанию Людовика XIV для своего сына.]

Но тех из вас, кто захочет продолжить наши занятия, я считаю нужным предупредить, что оба мои предположения не равноценны. Первое из них, что сновидение — это психический феномен, мы хотим доказать результатами нашей работы; второе уже доказано в другой области науки, и я только беру на себя смелость применить ее к нашей проблеме.

Но где же, в какой области науки приведено было доказательство, что у человека может быть такое знание, о котором самому ему ничего не известно, как мы предполагаем относительно сновидца? Ведь это был бы примечательный, поразительный факт, меняющий наше представление о душевной жизни, и такой факт незачем скрывать. Между прочим, этот факт как будто опровергает то, что сам утверждает, и все же претендует на реальное существование, ведь это — *contradictio in adjecto*[1]. Да, но ведь он и не скрывается. И не его вина, если о нем не знают или недостаточно в него вдумываются. Точно так же не наша вина, что обо всех этих психологических проблемах судят люди, которые стоят в стороне от наблюдений и опытов, имеющих в данном вопросе решающее значение.

Это доказательство приведено в области гипнотических явлений. Когда я в 1889 году видел убедительные демонстрации Льебо и Бернгейма в Нанси, я был свидетелем также и следующего опыта. Когда, приведя человека в сомнамбулическое состояние, заставляют его галлюцинаторно переживать разнообразные ситуации, а затем будят его, то сначала создается впечатление, что он ничего не знает о том, что произошло во время его гипнотического сна. Бернгейм предлагал загипнотизированному рассказать все, что с ним происходило во время гипноза, но тот сначала утверждал, что ничего не может вспомнить. Однако Бернгейм настаивал, требовал, уверял, что тот все знает и должен вспомнить — и вот загипнотизированный начинает колебаться, потом припоминать сначала смутно; вспоминает одно из внушенных ему переживаний, затем другое, воспоминания воскресают все яснее, все полнее и, наконец, всплывают полностью безо всяких пробелов. Но так как он все это знал, как затем оказалось, между тем никто ему ничего об этом не сообщал, то правомерно сделать заключение, что он и рань-

[1] [Противоречие в определении (лат.).]

ше знал все то, что мог затем припомнить и рассказать. Эти воспоминания были ему только недоступны, он не знал, что они у него есть, он полагал, что ничего не знает, то есть то же самое, что предполагаем мы у видевшего сновидение.

Надеюсь, что вас поразит этот факт, и вы спросите меня: почему вы не сослались на это доказательство уже раньше, при ошибочных действиях, когда мы приписывали человеку, допустившему оговорку, намерения, о которых он ничего не знал и которые отрицал? Если кто-нибудь думает, что ничего не знает о переживаниях, воспоминания о которых все же где-то у него хранятся, то весьма вероятно, что он может ничего не знать и о других процессах в своей душе. Это доказательство, наверное, произвело бы на нас глубокое впечатление и способствовало бы нашему пониманию ошибочных действий. Разумеется, я мог бы на это сослаться уже тогда, но я отложил до другого раза, где это мне казалось более необходимым. Ведь часть ошибочных действий разъяснилась сама собой. Другая часть их заставляла нас для общей связи явлений допустить существование несознаваемых душевных процессов. В случае сновидения мы вынуждены пользоваться доказательствами из других областей. Кроме того, я считаюсь с тем, что в случае сновидений вы легче допустите применение какого-нибудь положения из области гипноза. Состояние сознания, в котором мы совершаем ошибочное действие, должно вам показаться нормальным, в нем нет ничего похожего на гипнотическое состояние. Но между гипнотическим состоянием и состоянием сна, обусловливающим возможность видеть сновидения, имеется, несомненно, много родственного. Ведь гипноз называется искусственным сном; мы говорим человеку, которого гипнотизируем: «Спите», — и внушения, которые мы ему делаем, можно уподобить сновидениям во время естественного сна. Психические состояния в обоих случаях действительно аналогичны. Во время естественного сна наш интерес отвлекается от всего внешнего мира, почти то же происходит в гипнотическом сне, когда мы остаемся в комнате только с тем лицом, которое нас загипнотизировало. Впрочем, так называемый сон кормилицы, при котором она находится в контакте с ребенком и только им может быть разбужена, составляет полную параллель гипнотическому сну. Перенесение известных особенностей гипноза на естественный сон не кажется поэтому нам слишком смелым. Отнюдь не беспочвенным будет и предположение, что сновидец располагает каким-то недос-

тупным ему и не сознаваемым им знанием о своем сновидении. Кстати заметим, что тут нам открывается третий подход к изучению сновидения: мы можем исходить из раздражений, нарушающих сон, из снов наяву и, наконец, еще из внушенных в гипнотическом состоянии сновидений.

Теперь, когда наша уверенность в себе возросла, вернемся к нашей задаче. Итак, весьма вероятно, что видевший сон знает кое-что о своем сновидении, вопрос заключается лишь в том, чтобы дать ему возможность открыть у себя это свое знание и сообщить его нам. Мы не требуем, чтобы он тотчас же, немедленно рассказал нам смысл своего сновидения, но, по крайней мере, он может нам открыть его происхождение, круг мыслей и интересов, из которых происходит сновидение. Вы помните, что в описанном нами случае ошибочного действия у кого-то спросили, откуда у него взялась обмолвка «Vorschwein», и первое, что пришло ему в голову, объяснило нам его обмолвку. Наша техника в случае сновидения очень проста, она такая же, как и в этом примере. Мы снова спросим видевшего сновидение, откуда оно у него взялось, и первое его высказывание будем считать объяснением. Мы не будем обращать внимания на то, думает ли видевший сон, что знает его причину, или нет, и поступим в обоих случаях совершенно одинаково.

Эта техника, конечно, очень проста, но я боюсь, что она вызовет у вас самый резкий отпор. Вы скажете: «Вот еще новое предположение, третье по счету и притом самое невероятное! Если я спрашиваю у сновидца, что ему приходит в голову по поводу его сновидения, то почему как раз в первой же ассоциации, которая взбредет ему в голову, должно заключаться ожидаемое объяснение? Ведь ему может вообще ничего не прийти в голову или может взбрести бог знает что. Непонятно, как можно даже предполагать нечто подобное. Вот уж действительно, что значит проявить слишком много доверия там, где уместнее было бы критическое отношение. Кроме того, ведь сновидение состоит не из одного только неправильного слова, а из многих элементов. Какой же ассоциации, пришедшей случайно в голову, следует отдать предпочтение?»

Вы правы, но только в том, что касается второстепенных деталей. Действительно, сновидение отличается от оговорки большим количеством элементов. С этим технике необходимо считаться, и поэтому я предлагаю вам разбить сновидение на элементы и исследовать каждый такой эле-

мент в отдельности. Тогда не будет нарушена аналогия с оговорками. Вы правы, конечно, и в том, что по поводу того или иного отдельного элемента сновидения видевший сон может ответить, что ему ничего не приходит в голову. Конечно, бывают отдельные случаи, когда мы удовлетворяемся таким ответом, и впоследствии вы узнаете, какие это случаи. Поразительным образом это оказываются те случаи, когда у нас самих могут возникнуть определенные ассоциации. Но в общем, если сновидец будет утверждать, что ему ничего не приходит в голову, мы не согласимся с ним Мы будем настаивать на своем, будем его уверять, что хотя бы что-нибудь должно ему прийти в голову, и мы окажемся правы. В конце концов ему придет в голову какая-нибудь мысль, какая именно — для нас безразлично. Особенно легко ему будет дать нам сведения, которые можно было бы назвать историческими. Например, он скажет: «Вот это случилось вчера» (как в двух известных уже нам «здравомыслящих сновидениях»), или: «Это мне напоминает что-то недавно случившееся». Таким образом мы сможем заметить, что связь сновидений с впечатлениями последних дней встречается гораздо чаще, чем мы предполагали. Наконец, исходя из сновидения, видевший его припомнит и более отдаленные, возможно, даже очень давние события.

Но в главном вы не правы. Вы глубоко ошибаетесь, считая произвольным предположение, что первая же мысль или ассоциация, возникшая у сновидца, дает искомое объяснение или должна привести к таковому; что эта ассоциация может быть совершенно случайной, вне всякой связи с искомым, и что это лишь проявление моей веры чего-нибудь другого и ничем иным быть не может. Я уже однажды позволил себе предупредить вас, что в вас глубоко засела вера в психическую свободу и в произвол; но вера эта противоречит научному пониманию и должна сложить оружие перед требованиями детерминизма, господствующего также и в области душевной жизни. Я прошу вас считаться с фактом, что спрошенному пришла в голову именно эта мысль и никакая другая. Однако я не хочу противопоставить одной вере другую. Я могу доказать, что возникшая у спрошенного ассоциация не произвольна, а вполне определенна и имеет связь с тем, что мы ищем. Недавно я узнал, не придавая, впрочем, этому слишком большого значения, что и экспериментальная психология нашла этому доказательство.

Ввиду огромного значения вопроса прошу вашего особого внимания. Если я прошу кого-то сказать мне, что ему приходит в голову по поводу определенного элемента сновидения, то я требую от него, чтобы он отдался свободным ассоциациям, *придерживаясь исходного представления.* Для этого необходима особая направленность внимания, совсем иная, чем при размышлении, и несовместимая с ним. Некоторым это удается легко, другие при таких попытках демонстрируют невероятную неспособность. Возможна еще большая степень свободы ассоциаций, если отказаться от исходного представления, а определять только вид и род возникающих ассоциаций, попросив, например, чтобы человек назвал любое пришедшее ему в голову собственное имя или какое-нибудь число. Таким путем возникшая ассоциация была бы еще более произвольной, еще более неожиданной, чем при нашем подходе. Однако можно доказать, что она всегда строго детерминирована внутренними установками, хотя мы так же мало знаем о них в момент их действия, как и о нарушающей мотивации при ошибочных действиях или о провоцирующей случайные действия.

Я и многие другие после меня неоднократно проделывали такие опыты с именами и числами, самопроизвольно возникающими в мыслях, и некоторые из этих опытов были опубликованы. Поступают при этом следующим образом: к пришедшему в голову имени вызывают ряд ассоциаций, которые уже не вполне свободны, а подобны мыслям, возникающим по поводу отдельных элементов сновидений; процедура продолжается до тех пор, пока не наступает момент, когда побуждение к дальнейшему ассоциированию исчерпывается. В результате такого опыта мотивировка и значение свободно возникающего имени становится вполне понятной и ясной. Эти опыты всегда приводят к одним и тем же результатам. К сожалению, сообщение о них связано с необходимостью изложить большой фактический материал и нуждается в подробных разъяснениях. Особенно показательны ассоциации от свободно возникающих чисел: они протекают так быстро и направляются с такой странной уверенностью к скрытой цели, что действуют ошеломляюще. Я сообщу вам только один пример такого анализа имени, который, к счастью, можно исчерпать изложением небольшого фактического материала.

Во время лечения одного молодого человека мне пришлось говорить с ним на обсуждаемую здесь тему, и я упоминаю положение о том, что, несмотря на кажущуюся произвольность, в сознании не может всплыть никакое имя без того, чтобы оно не оказалось жестко обусловленным ближайшими отношениями, общими особенностями испытуемого и его актуальной ситуацией. Так как он сомневается, то я предлагаю ему, не откладывая, самому проделать соответствующий опыт. Мне было известно, что у него особенно много различных отношений с женщинами и девушками, поэтому я полагал, что если предложить ему назвать какое-нибудь женское имя, то выбор у него будет особенно велик. Он с этим соглашается. Но, к моему или, вернее, к его удивлению на меня вовсе не катится лавина женских имен, а, помолчав некоторое время, он сознается, что ему пришло в голову только одно имя: *Альбина*. «Удивительно, но что же связывается у вас с этим именем? Сколько вы знаете Альбин?» Странно, он не знает ни одной Альбины, и по поводу этого имени ему ничего не приходит в голову. Итак, можно было бы подумать, что анализ не удался; но нет, совсем наоборот, он был уже закончен и не требовалось уже никаких других пояснений. У этого господина цвет волос был необычайно светел, и во время лечения я неоднократно в шутку называл его *Альбино;* в то время мы как раз были заняты выявлением женственной составляющей в его конституции. Так что он сам был этой Альбиной, в это время самой интересной для него женщиной.

Так же обстоит дело и с непосредственно возникающей в голове мелодией, которая детерминирована кругом мыслей, занимающих человека в данный момент, хотя он и не сознает этого. В таких случаях легко доказать, что отношение к мелодии обусловлено ее текстом или происхождением; но здесь необходимо соблюдать осторожность и не распространять этого правила на действительно музыкальных людей, относительно которых у меня просто нет данных. Возможно, что такие люди могут вспоминать какую-нибудь мелодию исключительно благодаря ее музыкальному содержанию. Однако, первый случай встречается несомненно чаще. Так, например, я знаю одного молодого человека, которого в течение определенного времени преследовала прелестная песня Париса из «Прекрасной Елены», пока анализ не обратил его внимания на то, что в то время его

интересовали две соперницы, добивавшиеся его благосклонности – «Ида» и «Елена»[1].

Если совершенно свободно возникающие ассоциации детерминированы таким образом и подчинены определенной связи, то мы вправе заключить, что и мысли, связанные с одним исходным представлением, могут быть детерминированы в той же мере. Исследование действительно обнаруживает, что кроме связи, установленной нами по отношению к исходному представлению, можно выявить их вторую зависимость от богатых аффектами мыслей, интересов, *комплексов*, воздействие которых в данный момент неизвестно, то есть остается бессознательным.

Ассоциации, обладающие указанной связью, были предметом очень поучительных экспериментальных исследований, сыгравших в истории психоанализа очень важную роль.

Школа Вундта предложила так называемый ассоциативный эксперимент, при котором испытуемому предлагается как можно скорей ответить любой *реакцией* на сказанное ему *слово-раздражитель*. В таком эксперименте можно изучать временной интервал между раздражением и реакцией, особенности полученного в виде реакции ответа, ошибку, происшедшую при повторении того же опыта и тому подобное. Цюрихская школа под руководством Блейлера и Юнга нашла объяснение реакции в ассоциативном эксперименте, предложив испытуемому разъяснить дополнительными ассоциациями полученные реакции, если в них что-нибудь казалось странным. Тогда выяснилось, что эти необычные ассоциации самым тесным образом детерминированы комплексами испытуемого. Тем самым Блейлер и Юнг перебросили первый мост между экспериментальной психологией и психоанализом.

На основании этих научных данных вы можете сказать: «Хорошо, теперь мы признаем, что свободные ассоциации детерминированы, а не произвольны, как мы думали это раньше. То же самое мы допускаем и для ассоциаций к элементам сновидений. Но ведь нам важно совсем не это. Ведь вы утверждаете, что ассоциация к элементу сновидения детерминирована какой-то неизвестной нам психической ос-

---

[1] [Парис, похитивший Елену, был прежде пастухом на горе Ида, где он выбрал красивейшую из трех соперничавших между собой богинь.]

новой именно этого элемента. А это нам кажется недоказанным. Мы уже готовы к тому, что ассоциация к элементу сновидения детерминирована каким-либо комплексом сновидца, но какая нам от этого польза? Это приведет нас не к пониманию сновидений, а только, как в ассоциативном эксперименте, к знанию этих так называемых комплексов Но что у них общего со сновидением?»

Вы правы, но вы не заметили одного момента. Кстати, именно того, из-за которого я не избрал ассоциативный эксперимент исходной точкой моего изложения. В этом эксперименте одна из детерминант реакции, а именно слово-раздражитель, выбирается произвольно. Реакция является в таком случае посредником между словом-раздражителем и затронутым им комплексом испытуемого. В сновидении слово-раздражитель заменено чем-то, что исходит из душевной жизни сновидца, из неизвестных ему источников, то есть из чего-то такого, что само легко может быть «производным комплекса». Поэтому вполне логично предполагать, что и дальнейшие ассоциации, возникающие в связи с данным элементом сновидения, будут предопределены не каким-либо другим комплексом, а именно комплексом этого элемента и приведут к раскрытию именно его.

Позвольте мне на другом материале показать, что дело обстоит именно так, как мы предполагаем в нашем случае. Забывание собственных имен является прекрасным примером для анализа сновидений; только здесь в одном лице соединилось то, что при анализе сновидений распределяется между двумя. Если я временно забыл какое-нибудь имя. то у меня все-таки есть уверенность. что я знаю это имя, та уверенность, которую, по отношению к видевшему сон. мы могли приобрести только обходным путем, при помощи эксперимента Бернгейма. Однако забытое, хотя и знакомое имя мне все же недоступно. Размышления, даже самые напряженные, ни к чему не ведут; это я знаю по опыту. Но вместо забытого имени я могу вспомнить одно или несколько других замещающих имен. Когда такое «замещающее» имя приходит мне в голову, сходство этой ситуации с анализом сновидений становится особенно очевидным. Элемент сновидения ведь тоже не то, что нужно, а лишь заменяет нечто другое, «настоящее», которое мне неизвестно и должно быть найдено при помощи анализа сновидений. Различие опять-таки заключается в том, что при забывании имен я, не задумываясь, признаю «замещающее» имя не настоя-

щим, между тем как по отношению к элементу сновидения нам стоило большого труда усвоить такой взгляд. Но и при забывании имен есть путь от «замещающего» имени к бессознательному «настоящему», то есть к забытому имени. Если мое внимание сосредоточится на этом «замещающем» имени, и мне придут в голову в связи с ним новые ассоциации, то после более или менее длительного блуждания я найду забытое имя. И тогда окажется, что самопроизвольно явившиеся замещающие имена, как и имена, вызванные моими усилиями, имеют отношение к забытому мною имени и были им детерминированы.

Я хочу сообщить вам пример такого анализа. Однажды я заметил, что забыл название маленькой страны на Ривьере, главный город которой Монте-Карло. Это досадно, но ничего не поделаешь. Я начинаю перебирать в уме все, известное мне об этой стране, думаю о князе Альберте из дома Лузиньян, о его браках, о его любви к исследованию морского дна, и обо всем, что мне удается вспомнить, но ничто не помогает. Поэтому я прекращаю напрасные усилия мысли и стараюсь уловить какое-нибудь замещающее название вместо забытого. Названия быстро всплывают: само *Монте-Карло*, затем *Пьемонт*, *Албания*, *Монтевидео*, *Колико*. В этом ряду первой бросается мне в глаза Албания, ее сейчас же сменяют *Монтенегро*, вероятно, по контрасту черного и белого. Затем я замечаю, что четыре из этих заменяющих слов содержат один и тот же слог *Мон;* вдруг я нахожу забытое слово и громко произношу: *Монако*. Замещающие слова, следовательно действительно исходили из забытого — четыре первых из первого слога, последнее воспроизводит последовательность слогов и весь заключительный слог. Между прочим, я могу легко понять и причину, благодаря которой от меня ускользнуло на время это слово. Монако имеет отношение к *Мюнхену*, который по-итальянски называется Монако, этот город оказал тормозящее влияние.

Пример безусловно красив, но слишком прост. В других случаях пришлось бы прибавить к первым замещающим названиям длинный ряд различных возникающих ассоциаций, и тогда аналогия с анализом сновидений была бы еще яснее. Со мной бывали и такие случаи. Когда однажды один незнакомый господин пригласил меня в гостинице выпить с ним стакан итальянского вина, то оказалось, что он забыл название вина, которое хотел потребовать, забыл только потому, что оно было для него особенно достопамятным. Из

большого числа отдельных «замещающих» мыслей, которые у него всплыли вместо забытого названия, я мог сделать заключение, что название вина забыто им из-за какой-то Гедвиги. Он не только подтвердил, что впервые пил это вино в обществе женщины, носившей имя Гедвига, но благодаря этому воспоминанию сейчас же вспомнил и название вина. В то время, когда это происходило, он был женат и счастлив в браке, а эта Гедвига относилась к поре его холостой жизни, о которой он неохотно вспоминал.

То, что оказалось возможным при забывании имен, должно удастся и при толковании сновидений: исходя из «замещающего» сделать доступным скрытое «настоящее» содержание при помощи связанных с ним ассоциаций. Ассоциации к элементу сновидения, как мы полагаем по примеру забывания имен, детерминированы как самим элементом сновидения, так и относящимся к этому элементу настоящим бессознательным содержанием. Тем самым мы привели доказательства правомерности нашей техники.

СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Явное содержание и скрытые мысли сновидения

Уважаемые дамы и господа! Как видите, изучение ошибочных действий принесло нам пользу. Благодаря этим усилиям мы, исходя из известных вам предположений[1], постигли два момента: представление об элементе сновидения и технику толкования сновидений. Представление об элементе сновидения заключается в том, что он не является «настоящим», а лишь заменителем чего-то другого, неизвестного сновидцу, нечто подобное скрытому мотиву ошибочного действия, заменителем того, о чем у сновидца имеется определенное, недоступное ему, знание. Это наше представление об элементе сновидения мы надеемся распространить на все сновидение в целом, состоящее

[1] [См. 6-ю лекцию.]

из таких элементов. Техника наша сводится к тому, чтобы при помощи свободных ассоциаций к каждому отдельному элементу сновидения вызвать ряд других «замещающих» представлений, которые позволят нам угадать скрытый смысл сновидения.

Для облегчения дальнейшего изложения я предлагаю вам теперь некоторое изменение в нашей номенклатуре. Вместо выражений скрытое, недоступное, «ненастоящее»[1], мы опишем более правильно это явление словами: недоступное сознанию сновидца или *бессознательное*[2]. Под этим мы подразумеваем не что иное, как уже известное вам отношение к забытому слову или к нарушающему мотиву ошибочного действия, а именно, что оно в *данное время бессознательно.* Разумеется, в противоположность этому мы можем назвать *сознательными* элементы сновидений и полученные при помощи ассоциаций новые «замещающие» представления. С этим наименованием не связана какая-либо новая теоретическая конструкция. Употребление здесь слова «бессознательное», как вполне понятного и подходящего описания, не может вызвать возражений.

Если наше представление об отдельном элементе сновидения мы перенесем на все сновидение в целом, то оно представится нам как искажение, заменитель чего-то другого, бессознательного. А толкование сновидения сведется в таком случае к тому, чтобы открыть это бессознательное. При этом с самого начала выясняются три важных правила, которым необходимо следовать при анализе сновидений.

1) Не нужно обращать внимания на то, что изображает сновидение, будь оно понятно или абсурдно, ясно или спутано, потому что оно ни в коем случае не является искомым бессознательным (естественное ограничение этого правила выяснится позже); 2) работу нужно ограничивать тем, чтобы вызывать замещающие представления к каждому элементу, не раздумывая над ними, не исследуя, подходят они по содержанию или нет, и не обращая внимания на то, как далеко они отклоняются от самого сновидения; 3) следует подождать, пока скрытое искомое бессознательное не воз-

---

[1] [Во всех предшествующих немецких изданиях здесь стоит «ненастоящее», хотя по смыслу должно было бы быть именно «настоящее»

[2] [Ср. первую лекцию; обсуждение будет продолжено в 13-й лекции.]

никнет в сознании само, подобно забытому слову «Монако» в описанном выше случае забывания.

Теперь для нас понятно, что, в сущности, совершенно безразлично, хорошо или плохо, точно или неточно сохранилось в памяти сновидение. Ведь то, что мы запоминаем из сновидения, является не «настоящим» искомым, а лишь искаженным заменителем того, что должно нам помочь приблизиться к этому настоящему путем вызывания в сознании других, замещающих представлений, сделать бессознательное сознательным. Если наши воспоминания о сновидении неточны, то лишь потому, что в данном замещении произошло дальнейшее искажение, конечно, также имеющее свои причины.

Можно толковать как свои собственные сновидения, так и сны других людей. Толкование собственных сновидений даже более поучительно, и анализ их более убедителен. Однако, приступая к анализу, скоро замечаешь, как что-то противится работе. Хотя и возникают разные мысли, но почему-то придаешь значение не всем. Наблюдаются попытки критиковать и делать выбор среди возникающих представлений. По поводу одной мысли говоришь себе — нет, это сюда не относится, сюда не подходит, по поводу другой: это слишком бессмысленно, по поводу третьей: это имеет уж совсем второстепенное значение. Можно заметить, как при помощи подобного рода возражений удается задержать ход зарождающихся мыслей раньше, чем они вполне оформились: в конце концов и вовсе отгоняешь их. Таким образом, с одной стороны мысли слишком задерживаются на исходном представлении, то есть на самом элементе сновидения, а с другой — такой выбор нарушает течение свободных ассоциаций. Если анализ сновидения происходит не наедине с самим собой, а его производит кто-нибудь другой, то очень ясно намечается еще один мотив, которым пытаются оправдать такой недопустимый выбор возникающих в сознании мыслей. Анализируемый говорит себе: нет, эта мысль слишком неприятна, я не могу и не хочу о ней говорить.

Такие возражения, очевидно, угрожают успеху нашей работы. Необходимо от них оградиться, и при анализе собственных сновидений это возможно благодаря твердому намерению не поддаваться им; при анализе чужого сновидения нужно предъявить анализируемому безусловное требование никоим образом не замалчивать пришедшую ему

в голову мысль, даже если против нее возникает какое-нибудь из указанных четырех возражений, то есть что она, мол. слишком незначительна, слишком бессмысленна, не относится к делу или ее слишком стыдно сказать[1]. Анализируемый обещает подчиниться этому правилу, однако потом с досадой замечаешь, как плохо он выполняет свое обещание. Сначала объясняешь это тем, что он не вполне уяснил себе смысл предъявленного ему требования и сущность свободных ассоциаций, думаешь о том, чтобы познакомить его теоретически с вопросом, давая ему литературу или отправляя на лекции, благодаря чему он мог бы стать сторонником наших взглядов на свободные ассоциации. Но от этих приемов позволяет воздержаться наблюдение, сделанное над самим собой: даже будучи твердо уверен в своих взглядах, все же оказываешься подвержен критическим возражениям против некоторых ассоциаций, которые устраняются лишь впоследствии, как бы во второй инстанции.

Вместо того чтобы досадовать на непослушание сновидца, постараемся использовать этот опыт, чтобы научиться из него чему-то новому, что оказывается тем важнее, чем меньше мы к нему подготовлены. Понятно, что толкование сновидения происходит вопреки *сопротивлению*, которое поднимается против него и проявляется в указанных критических возражениях[2]. Это сопротивление совершенно не зависит от теоретических убеждений сновидца. Более того. опыт учит, что такие критические возражения никогда не бывают правильными. Напротив, ассоциации, которые мы таким путем пытаемся подавить, оказываются все *без исключения* как раз самыми важными, решающими для выявления бессознательного. Если какая-нибудь мысль сопровождается подобного рода возражениями, то это как раз очень показательно.

Это сопротивление является совершенно новым феноменом, открытым нами на основании указанных выше предположений, хотя он непосредственно в них не заключается. Нельзя сказать, что этот новый фактор является приятным сюрпризом. Мы предвидим, что он не облегчит на-

---

[1] [В 19-й лекции Фрейд еще раз возвращается к этому основному правилу психоанализа.]

[2] [Понятие «сопротивление» Фрейд подробно рассматривает в 19-й лекции.]

шей работы. Он даже мог бы вызвать у нас желание прекратить все наши усилия понять сущность сновидения. В самом деле, такое незначительное явление, как сновидение, а тут еще такие трудности вместо безупречной техники! Но, с другой стороны, именно эти трудности заставляют нас предполагать, что работа стоит усилий. Мы регулярно наталкиваемся на сопротивление, когда пытаемся от заменителя, представляющего собой элемент сновидения, проникнуть в скрытое бессознательное. Это дает нам основание полагать, что за этим заменителем скрывается нечто значительное. Иначе к чему были бы все эти препятствия с целью удержать скрытое? Если ребенок не хочет открыть сжагой руки и показать, что в ней находится, то там у него, конечно, что-нибудь такое, чего ему не следует иметь.

Когда мы вводим в ход наших рассуждений динамическое понятие сопротивления, мы должны считаться с тем, что количественно этот момент может быть очень изменчивым. Сопротивление анализу может оказываться больше или меньше, и мы должны быть готовы к тому, что во время нашей работы нам придется встретиться с этими различными степенями сопротивления. Быть может, благодаря этому мы приобретем другой опыт, полезный для работы по толкованию сновидений. Иногда достаточно появления одной или нескольких мыслей, чтобы прийти от элемента сновидения к его бессознательному, а иной раз для этого необходима длинная цепь ассоциаций и преодоление многих критических возражений.

Мы можем предположить, что эти различия зависят от изменчивой величины сопротивления, и, вероятно, будем правы. Если сопротивление незначительно, то и замещающее представление не очень отдалено от бессознательного, между тем как большое сопротивление вызывает большие искажения бессознательного, а вместе с тем и удлинение обратного пути от замещающего представления к бессознательному.

Теперь, может быть, настало время испробовать нашу технику на каком-нибудь сновидении, чтобы подтвердить связанные с ней надежды. Но какое сновидение нам для этого избрать? Вы не можете себе представить, как мне трудно сделать выбор, и я все еще не в состоянии разъяснить вам, в чем заключаются эти трудности. Вероятно, существуют сновидения, претерпевшие небольшие искажения, и лучше всего было бы с них и начать. Но какие

же сны меньше всего искажены? Может, те понятные и мало спутанные, из числа которых я вам уже привел два примера? Но тут-то вы глубоко ошибаетесь. Исследование показывает, что эти сновидения претерпели чрезвычайно высокую степень искажения. Но если, отказавшись от всякого выбора, взять наудачу первое попавшееся сновидение, то, вы, вероятно, будете очень разочарованы. Может случиться, что при его анализе мы получим такое множество ассоциаций к отдельным элементам сновидения, что работа станет необозримой. Если мы запишем сновидение и сравним текст его с перечнем всех пришедших по поводу этого сновидения мыслей, то он может оказаться во много раз больше текста сновидения. Поэтому самым целесообразным кажется взять для анализа несколько коротких сновидений, каждое из которых может обнаружить или подтвердить, по крайней мере, кое-что из того, что мы ищем. Мы на это и решимся, если только опыт нам не подскажет, где можно найти эти мало искаженные сновидения[1].

Но я знаю еще один способ облегчить разрешение предстоящей нам задачи, к тому же не требующий от нас особых усилий. Вместо того чтобы анализировать какое-нибудь одно сновидение целиком, ограничимся отдельными элементами сновидения и проследим на ряде примеров, как их можно объяснить при помощи нашей техники.

а) Одна дама рассказывает, что ребенком она часто видела во сне, *что у Бога на голове остроконечный бумажный колпак*. Как это понять, не прибегая к помощи этой дамы? Ведь это явная бессмыслица. Но это перестает быть бессмыслицей, когда дама нам сообщает, что в детстве за столом ей часто на голову надевали такой колпак, потому что она, не переставая, косилась на тарелки других детей, чтобы увериться, не получил ли кто-нибудь больше нее. Колпак должен был, следовательно, играть роль шор. Кстати, сообщение этого «исторического» факта сделано было дамой безо всякой внутренней задержки. Нетрудно истолковать этот элемент, а вместе с тем и все сновидение благодаря следующей мысли, пришедшей даме в голову при этом воспоминании. «Так как я слышала, что Бог всеведущ и все видит, —

---

[1] [См. следующую лекцию.]

сказала она, — то сновидение может иметь только тот смысл, что я все знаю и все вижу, как Бог, даже тогда, когда этому хотят помешать». Но, может быть, этот пример слишком прост.

б) *Одной скептически настроенной пациентке снится длинный сон, в котором некие люди рассказывают ей о моей книге «Острота»* [1905*c*] *и очень ее хвалят. Затем что-то упоминается о «канале», возможно, о другой книге, в которой фигурирует канал, или еще что-то, связанное с каналом... она не знает... это совершенно неясно.*

Наверное, вы склонны будете предположить, что элемент "канал" не поддается толкованию, потому что он сам является весьма неопределенным. Что касается предполагаемого затруднения, то вы правы, но толкование трудно не потому, что этот элемент неясен. Напротив, он неясен по той же причине, по которой затруднено и толкование. Никакие мысли по поводу канала сновидице в голову не приходят; мне, разумеется, тоже сказать нечего. Некоторое время спустя, вернее, на следующий день, она говорит: ей пришло в голову нечто, что, *быть может,* относится к делу. А именно острота, о которой ей рассказали. На пароходе между Дувром и Кале известный писатель беседует с англичанином, который в некой связи цитирует: *«Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas»* [От великого до смешного всего один шаг. — Примечание переводчика.]. Писатель отвечает: *«Qui, le pas de Calais»* [Да, шаг до Кале — Па-де-Кале. — Примечание переводчика.]. Этим он хочет сказать, что находит Францию великой страной, а Англию — смешной. Но ведь *Pas de Calais* — канал, а именно пролив Ла-Манш, *Canal la Manche.* Не думаю ли я, что эта мысль имеет отношение к сновидению? Конечно, — говорю я, — она действительно объясняет загадочный элемент сновидения. Или вы сомневаетесь, что эта острота еще до сновидения присутствовала в качестве бессознательного в элементе «канал», и предполагаете, что она добавилась позднее? Пришедшая ей в голову мысль свидетельствует о скепсисе, который скрывается у нее за натужным восхищением, а сопротивление является, пожалуй, общей причиной того и другого: и того, что эта мысль пришла ей с таким опозданием, и того, что соответствующий элемент сновидения оказался таким неопределенным. Взгляните здесь на отношение элемента сна к его бессознательному. Он словно кусочек этого бессознательного, словно намек

на него; благодаря своей изоляции он стал совершенно непонятным[1].

в) Один пациент видит длинный сон, в котором имеется такая часть: *вокруг стола особой формы сидит много членов его семьи* и т. д. По поводу стола ему приходит в голову, что такой стол он видел во время визита в доме знакомой семьи. Затем является следующая мысль: в этой семье господствует особое отношение между отцом и сыном — и тут же он добавляет, что таковы же, в сущности, отношения между ним и его отцом. Стол вошел в состав сновидения, чтобы выразить эту параллель.

Этот пациент был уже давно знаком с требованиями толкования сновидений. Но другой, может быть, поразился бы, что такая незначительная деталь, как форма стола, могла стать объектом особого исследования. Мы действительно считаем, что в сновидении ничего не бывает случайным или безразличным и ждем разгадки от разъяснения именно таких незначительных немотивированных деталей. Быть может, вы удивлены тем, что сновидение использовало стол [Tisch] для того, чтобы выразить мысль: «У нас все обстоит точно так же, как у них». Но все легко объяснится, если вы узнаете, что эта семья носит фамилию *Тишлер*. Усаживая своих родных за этот стол, молодой человек хочет сказать: «Они тоже Тишлеры». Обратите внимание, как, сообщая о таком толковании сновидений, поневоле становишься нескромным. Теперь и вы поймете одно из упомянутых мною выше затруднений в выборе примеров. Этот пример я легко мог бы заменить другим, но, вероятно, мне удалось бы избежать этой нескромности только ценою другой такой же.

Мне кажется, что теперь самое время было бы ввести два новых термина, которыми мы могли бы давно уже воспользоваться. Назовем то, что рассказывает сновидение *явным содержанием сновидения*, а то скрытое, к чему мы приходим, следя за возникающими в сознании мыслями, *скрытыми мыслями сновидения*. Обратим далее внимание в этих примерах на взаимоотношения между явным содержанием сновидения и его скрытыми мыслями. Эти отношения могут быть очень различными. В примерах а) и б) явный элемент составляет в то же время часть скрытых мыслей, но только незначительную часть. Из большой и сложной психической

---

[1] [Ср. «Толкование сновидений», *Studienausgabe*, т. 2, с. 519–520.]

структуры бессознательных мыслей сновидения небольшой кусочек проник и в его явное содержание как фрагмент этих бессознательных мыслей или в других случаях как намек на них, как ключевое слово или сокращение в телеграфном стиле. Работа по толкованию должна восполнить недостающее к этой известной частице или к этому намеку и восстановить целое, как это хорошо удалось в примере б). Искажение, составляющее сущность работы сновидения, состоит, следовательно, в том, что все мысли сновидения заменены в явном содержании одним только фрагментом или намеком на них. В случае в) можно, кроме того, заметить еще одно взаимоотношение, более ясно и отчетливо выраженное в следующих примерах.

г) Сновидец *вытаскивает* (vorzieht) *одну* (известную ему) *даму из-под кровати.* Первая же пришедшая ему в голову мысль открывает смысл этого элемента сновидения. Он означает: он отдает предпочтение (Vorzug) этой даме.

д) Другому снится: *его брат застрял в ящике.* Первая возникшая мысль заменяет «ящик» словом *«шкаф»* (Schrank), вторая дает уже толкование: брат *ограничивает себя* (schränkt sich ein).

е) Третьему снится, что он *поднимается на гору, с вершины которой открывается необыкновенно далекий вид.* Это звучит совершенно разумно, пожалуй, тут нечего особенно и толковать. Достаточно осведомиться, какое воспоминание задето сновидением и какими мотивами в данном случае оно вызвано. Но вы ошибаетесь; оказывается, что это сновидение также нуждается в толковании, как и какое-либо другое, спутанное. Сновидцу вовсе не приходит в голову что-либо относящееся к восхождению на гору, но он вспоминает, что один его знакомый издает «Обозрение», в котором обсуждаются наши отношения к отдаленнейшим частям земного шара. Скрытая мысль сновидения заключается в том, что сновидец отождествляет себя с «обозревателем».

Здесь вы встречаетесь с новым типом отношений между явным и скрытым элементами сновидения. Первый представляет собой не столько искажение второго, сколько его изображение, конкретный пластический образ, созданный при помощи словесного созвучия. Однако благодаря этому получается опять-таки искажение, потому что мы давно уже забыли, из какого конкретного образа произошло данное слово, и не узнаем его, встречая вместо него соответствующий ему образ. Если вы задумаетесь о том, что явное содер-

жание сновидения состоит преимущественно из зрительных образов и только в редких случаях из мыслей и слов, вы легко поймете, что этой форме отношений принадлежит особое в формировании сновидений. Вы видите также, что именно таким образом можно создать замещающие образы явного содержания для значительного числа абстрактных мыслей, имея целью скрыть их смысл. Технически это те же приемы, что при создании ребусов. Подобные изображения часто не лишены известного остроумия, но как это происходит — вопрос особый, который мы можем тут не затрагивать.

О четвертой форме отношений между явным и скрытым элементами сновидения я умолчу, пока мы не встретимся с ее техническими особенностями на примере[1]. Но и тогда я не смогу дать вам полный перечень всех возможных видов взаимоотношений между этими двумя элементами. Для наших целей, однако, и этого будет достаточно.

Найдется ли у вас теперь мужество попробовать истолковать целое сновидение? Попробуем и посмотрим, хватит ли у нас сил для выполнения такой задачи. Разумеется, я не выберу самое непонятное сновидений из всех, однако возьму такое, в котором хорошо представлены все особенности сновидения[2].

Итак, молодая, но уже давно вышедшая замуж дама видит следующий сон; она сидит со своим мужем в театре, одна половина партера совершенно пуста. Ее муж рассказывает, что Элиза Л. со своим женихом тоже хотели пойти, но могли достать только плохие места — три за 1 гульден 50 крейцеров, а ведь таких мест они занять не могли. Она считает, что особой беды в этом нет.

Повод к сновидению, по словам дамы, указан в явном его содержании. Муж ее действительно рассказал ей, что знакомая барышня Элиза Л., приблизительно ее ровесница по годам, обручилась. Сновидение является реакцией на это сообщение. Мы уже знаем, что во многих сновидениях нетрудно обнаружить подобный повод в переживаниях предшествующего дня, и лица, видевшие сон, часто безо всяких затруднений дают подобные указания. Такие же сведения дама эта дает и по поводу других элементов явного содер-

---

[1] [См. 10-ю лекцию.]

[2] [Приведенное здесь сновидение будет неоднократно обсуждаться в последующих лекциях.]

жания сновидения. Откуда взялась деталь, что одна сторона партера пустует? Это — намек на реальное событие, случившееся на прошлой неделе. Она решила пойти на какое-то театральное представление и *заблаговременно* купила билеты, но так рано, что должна была доплатить за это. Когда они пришли в театр, оказалось, что она совершенно напрасно торопилась с покупкой билетов, потому что *одна половина партера была почти пуста*. Она бы нисколько не опоздала, если бы купила билеты в день представления. Муж не упустил случая подтрунить над ней за такую *поспешность*. Откуда взялись 1 гульден 50 крейцеров? Это относится к чему-то совсем другому и не имеет ничего общего со всем предыдущим. Но и тут есть намек на событие, о котором она узнала накануне. Ее невестка получила от своего мужа в подарок сумму в 150 гульденов, и эта глупая гусыня не нашла ничего лучшего, как поспешить к ювелиру и накупить себе драгоценностей. А откуда «три»? Об этом она ничего не знает — если, впрочем, не придавать значения промелькнувшей у нее мысли, что невеста Элиза Л. всего на три месяца моложе нее, а она уже почти десять лет замужем. А что это за нелепость — покупать три билета, когда идут в театр вдвоем? На это она ничего не отвечает и вообще отказывается в дальнейшем от каких бы то ни было объяснений.

Однако уже эти несколько пришедших ей в голову мыслей дают достаточно материала для того, чтобы угадать скрытые мысли сновидения. Обращает на себя внимание, что в ее сообщениях по поводу сновидения несколько раз подчеркиваются разные сроки, благодаря чему между различными частями этого материала устанавливается нечто общее: она *слишком рано* купила билеты в театр, *слишком поспешила*, так что должна была переплатить; невестка также *поспешила* снести свои деньги ювелиру и купить себе драгоценности, будто она могла это *упустить*. Если эти так подчеркнутые «слишком рано» и «слишком поспешно» сопоставить с поводом, вызвавшим сновидение, — с известием, что приятельница, которая *моложе* всего на три месяца, все же сумела найти себе хорошего мужа, и с критикой, выразившейся в брани по адресу невестки: «Что это за нелепость всегда так спешить», — то само собой напрашивается следующий ход скрытых мыслей сновидения сильно искаженных в его явном содержании:

«Ведь это *нелепо* было с моей стороны так спешить с замужеством! На примере Элизы я вижу, что и позже могла бы найти себе мужа». (Поспешность изображена в ее поведении при покупке билетов и в поведении невестки при покупке драгоценностей. Замужество заменено посещением театра.). Это — главная мысль. Может быть, мы могли бы еще продолжать, хотя и с меньшей уверенностью, потому что в этом месте анализу незачем было бы отказаться от прямых заявлений сновидицы: «За эти деньги я могла бы иметь еще в сто раз лучшего мужа!» (150 гульденов в сто раз больше, чем 1 гульден 50 крейцеров). Если бы мы могли заменить деньги приданым, то это означало бы, что мужа покупают себе за приданое: муж заменен драгоценностями и плохими билетами; еще лучше было бы, если бы оказалось, что элемент «три билета» имеет какое-нибудь отношение к мужу. Но наше понимание не идет так далеко. Мы только угадали, что сновидение выражает *пренебрежение* к мужу и сожаление о *слишком раннем замужестве.*

По моему мнению, результат этого первого толкования сновидения нас больше смущает и поражает своей неожиданностью, чем удовлетворяет. Слишком уж много сразу на нас свалилось, больше, чем мы в состоянии выдержать. Мы уже замечаем, что не сможем исчерпать всего, что может быть поучительным в этом толковании данного сновидения. Так поспешим же извлечь хотя бы то, что нам кажется в нем несомненным и новым.

Во-первых, примечательно, что в скрытых мыслях сновидения главный акцент падает на элемент поспешности: в явном содержании сновидения об этом именно не говорится ни слова. Не прибегнув к анализу, мы не могли бы и подумать, что этот элемент играет какую-то роль. Значит, возможно, что как раз самое главное, то, что стоит в центре бессознательных мыслей сновидения, не проявляется в его явном содержании. Благодаря этому впечатление от всего сновидения должно коренным образом измениться. Во-вторых, в сновидении имеется нелепое сопоставление: три за 1 гульден 50 крейцеров; в мыслях сновидения мы угадываем фразу: «Нелепо было так рано выходить замуж». Можно ли отрицать, что мысль «нелепо» была изображена посредством вплетения абсурдного элемента в явное содержание сновидения? В-третьих, сравнение показывает, что взаимоотношение между явным и скрытым элементами сновидения не так просто: оно со-

стоит вовсе не в том, что каждый скрытый элемент заменяется каким-нибудь явным. Между обоими лагерями существует групповое соотношение, в пределах которого один явный элемент может заменять много скрытых или один скрытый элемент может быть заменен многими явными.

Что касается смысла сновидения и отношения к нему сновидца, то и по этому поводу можно было бы сказать много поразительного. Дама хотя и принимает данное толкование, но удивлена им. Она вовсе не знала, что пренебрежительно относится к своему мужу, ей также неизвестно, почему она к нему так относится. Тут еще много непонятного. Я действительно думаю, что мы еще недостаточно подготовлены к толкованию сновидения и что нам необходимо сначала еще поучиться и подготовиться.

ВОСЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Детские сновидения

Уважаемые дамы и господа! У нас создалось впечатление, что мы слишком быстро продвигаемся. Вернемся немного назад. Ведь еще до того, как мы попытались при помощи нашей техники преодолеть трудности, созданные искажением сновидения, у нас была мысль, что лучше всего было бы как-нибудь их вовсе обойти. Для этого, как мы полагали, нам следовало бы сначала остановиться на таких сновидениях, в которых искажения отсутствуют или очень незначительны, если только вообще бывают такие сновидения. Но тем самым мы снова отойдем от исторического хода развития наших знаний, потому что в действительности на существование таких сновидений обратили внимание уже после того, как техника толкования стала систематически применяться и был проанализирован ряд искаженных сновидений.

Необходимые нам сновидения встречаются у детей[1]. Они коротки, ясны, не бессвязны, легко понятны и недву-

[1] [В «Толковании сновидений» нет отдельной главы, посвященной детским сновидениям; Фрейд обсуждает их в главе 3, где приводятся цитируемые здесь примеры сновидений.]

смысленны, и тем не менее это — сновидения. Однако не подумайте, что таковы все сновидения детей. Искажение сновидений начинается в очень раннем возрасте, и удавалось записать сновидения детей в возрасте от пяти до восьми лет, уже носившие все признаки сновидений взрослых. Но если вы ограничитесь возрастом начиная с первых проявлений душевной деятельности до четвертого или пятого года, то встретите ряд сновидений, по характеру своему заслуживающих название инфантильных, а затем отдельные сновидения такого рода иногда случаются и у детей старшего возраста. И даже иной раз у взрослых при известных условиях бывают сновидения совершенно сходные с типично инфантильными.

Изучая такие детские сновидения, мы с большой уверенностью и легкостью можем постичь сущность сновидений в надежде, что сделанные нами выводы будут общими и значительными для всех сновидений.

1. Чтобы понять детские сновидения, не нужен анализ и нет нужды пользоваться нашей техникой. Не надо и расспрашивать ребенка, рассказывающего свое сновидение. Достаточно дополнить сновидение незначительными биографическими данными из жизни ребенка. Всегда удается найти какое-нибудь переживание предыдущего дня, объясняющее нам сновидение. Сновидение является реакцией душевной жизни во время сна на это дневное переживание. Рассмотрим несколько примеров и постараемся сделать из них еще некоторые выводы.

а) 22-месячный мальчик, поздравляя, должен преподнести корзинку вишен. Он это делает с явным неудовольствием, хотя ему и обещают, что он получит несколько вишен. На следующее утро он рассказывает свой сон: *Ге(р)ман съел все вишни.*

б) Девочка $3^1/_4$ года впервые катается на лодке по озеру. Когда нужно было сойти на берег, она заупрямилась, начала горько плакать. Ей казалось, что время поездки прошло слишком быстро. А на следующий день она рассказывает: *«Сегодня ночью я каталась по озеру»*. Мы могли бы добавить, что эта поездка, вероятно, длилась дольше, чем накануне.

в) $5^1/_4$-летнего мальчика взяли на прогулку в Эхернталь подле Халльштатта. Он слышал, что Халльштатт лежит у подножья Дахштайна. Он проявлял большой интерес к этой горе. Дахштайн он мог хорошо видеть из своего дома

в Аусзее, а в подзорную трубу можно было разглядеть на нем Симони-Хютте. Ребенок неоднократно старался увидеть его в подзорную трубу. Трудно сказать, насколько ему это удалось. Прогулка началась в настроении радостного ожидания. Как только показывалась какая-нибудь новая гора, мальчик спрашивал: «Это Дахштайн?» Чем чаще получал он отрицательный ответ на свой вопрос, тем сильнее падало его настроение. Наконец он совсем смолк и даже не пожелал спуститься вместе с другими по небольшой тропинке к водопаду. Думали, что он устал, но на следующее утро он, сияя от счастья, рассказывает: в эту ночь мне снилось, что мы *были на Симони-Хютте.* Он принял участие в прогулке, ожидая именно этого момента. Относительно подробностей своего пребывания на Симони-Хютте он указал только на то, что слышал уже раньше: подымаются в течение шести часов по ступенькам вверх.

Достаточно этих трех сновидений, чтобы получить все нужные нам сведения.

2. Мы видим, что эти детские сновидения не бессмысленны; это вполне *понятные, полноценные душевные акты.* Вспомните то, что я говорил вам относительно мнения некоторых представителей медицины о сновидении и приведенное мною в связи с этими сравнение сновидения с хаотическими звуками, извлекаемыми рукой немузыкального человека, перебирающего клавиши рояля. Вы не можете не заметить, как резко противоречат такому взгляду эти детские сновидения. Слишком странно было бы допустить, что ребенок во время сна в состоянии переживать полноценные психические акты, между тем как взрослый в таком же положении довольствуется судорожными реакциями. К тому же у нас имеется достаточно оснований полагать, что ребенок спит лучше и более глубоким сном, чем взрослый.

3. Эти сновидения лишены искажения, поэтому нет нужды их толковать. В данном случае явное и скрытое содержание сновидения совпадают. *Следовательно, искажение сновидения не есть его сущность.* Смею надеяться, что, услышав это, вы облегченно вздохнули. Но после некоторых раздумий мы должны будем допустить, что и в этих сновидениях имеется небольшая доля искажения, а также некоторое различие между явным содержанием сновидения и его скрытыми мыслями.

4. Детское сновидение представляет собой реакцию на какое-нибудь дневное переживание, оставившее по себе

чувство сожаления, тоски, неисполненного желания. *Сновидение дает прямое, незамаскированное исполнение этого желания.* Вспомните теперь то, что говорилось выше о роли физических раздражений, внешних или внутренних, в качестве нарушителей сна и возбудителей сновидения. Тогда мы познакомились с фактами, вполне заслуживающими доверия, но таким образом можно объяснить только очень немногие сновидения. В этих детских сновидениях ничто не указывает на влияние каких-либо соматических раздражений, в этом отношении мы ошибиться не можем, потому что сновидения эти вполне понятны и в них трудно чего-либо не заметить. Однако это не заставляет нас отказаться от мысли, что этиология сновидений связана с раздражениями. Мы можем только спросить, почему это мы сначала как будто забыли, что, кроме физических, бывают еще и душевные раздражения, и они тоже могут лишить нас сна? Ведь нам известно, что именно эти последние чаще всего вызывают у взрослых бессонницу, так как они не дают возникнуть тому душевному состоянию, без которого невозможно заснуть, — состоянию, при котором пропадает интерес к окружающему миру. Человек не может спать, потому что ему не хочется прервать течение жизни, он предпочитает продолжать в душе свой работу над тем, что его занимает. Для ребенка таким мешающим спать душевным раздражением является неисполненное желание, на которое он и реагирует сновидением.

5. Тут мы быстрей всего находим объяснение функции сновидения. Являясь реакцией на психическое раздражение, сновидение должно быть равноценно избавлению от этого раздражения, так что последнее устраняется, а сон продолжается. Мы еще не знаем, как динамически осуществляется такое избавление, но уже можем заметить, что *сновидение не нарушает сна,* как это приписывают ему некоторые, а *оберегает его, устраняет то, что мешает сну.* Хотя нам и кажется, что мы спали бы лучше, если бы не было сновидения, это заблуждение; на самом деле, если бы сновидения не охраняли нашего сна, мы бы совсем не спали. Ему мы обязаны тем, что проспали хотя бы и так. Оно не могло избежать того, чтобы немного не потревожить нас, подобно ночному сторожу, который не может совсем не шуметь, прогоняя нарушителей покоя, грозящих разбудить нас своим шумом.

6. Главной характерной чертой сновидения является то, что своим возникновением оно обязано желанию, а содержание его составляет исполнение этого желания. Другой отличительный признак сновидения, столь же постоянный, сводится к тому, что оно не просто выражает какую-нибудь мысль, а изображает исполнение данного желания в форме галлюцинаторного переживания[1]. *«Я желала бы кататься по озеру»*, – гласит желание, вызывающее сновидение; содержание сновидения составляет: *«Я катаюсь по озеру»*. Различие между скрытым и явным сновидением, искажение скрытой мысли сновидения, следовательно, имеется также и в этих простых детских снах. Оно заключается в *превращении мысли в переживание*. При толковании сновидения нужно прежде всего аннулировать это изменение. Если бы эта характерная черта оказалась общей всем сновидениям, то сообщенный выше отрывок сновидения: *«Я вижу моего брата в ящике»*, – нужно было бы понять не как «Мой брат ограничивается», а «Я хотел бы, чтобы мой брат ограничился, *мой брат должен себя ограничить*». Очевидно, что из этих двух указанных характерных черт сновидения у второй больше шансов быть признанным без возражений, чем у первой. Только многочисленные исследования могут доказать, что возбудителем сновидения должно быть всегда только желание, а не опасение, намерение или упрек. Но нет необходимости делать это по отношению ко второй характерной черте сновидения, а именно, что сновидение не просто воспроизводит какое-нибудь определенное раздражение, а прекращает, устраняет, уничтожает его при помощи особого рода переживания.

7. Исходя из указанных характерных особенностей сновидения, мы можем снова вернуться к сравнению его с ошибочным действием. В последнем мы различаем нарушенную и нарушающую тенденции, а ошибочное действие является компромиссом между ними. Эта же схема подходит и для сновидения. Нарушенной тенденцией в данном случае может быть только желание спать. Нарушающую тенденцию мы можем заменить психическим раздражением, то есть желанием, стремящимся к удовлетворению, так как до сих пор

---

[1] [Обе обсуждаемые далее «главные характерные черты» или «общие характеристики сновидения» не совпадают с теми двумя «общими для всех сновидений» чертами, о которых Фрейд говорил в 5-й лекции.]

мы не нашли никакого другого психического раздражения, мешающего спать. Так что сновидение тут является компромиссным образованием. Продолжаешь спать и все же переживаешь удовлетворение желания; удовлетворяешь желание и при этом все же продолжаешь спать. И то и другое отчасти осуществляется, отчасти нет.

8. Вспомните, как мы прежде надеялись найти путь к пониманию проблемы сновидения, исходя из того факта, что некоторые очень понятные образования фантазии носят название *«снов наяву»*. Эти сны наяву представляют собой, несомненно, исполнение хорошо нам известных честолюбивых и эротических желаний. Но эти желания никогда не переживаются в форме галлюцинации, а только в виде мыслей и — самое большее — живых, ярких представлений. Следовательно, из двух указанных характерных особенностей сновидения здесь сохраняется менее достоверная, между тем как другая, зависящая от сна и неосуществимая в бодрствующем состоянии, совершенно отпадает. В самом языке, таким образом, содержится намек на то, что исполнение желания составляет главную характерную особенность сновидения. Между прочим, если переживание в сновидении является лишь превращенной формой представления, — «ночные сны наяву», ставшие возможными благодаря состоянию сна, — то вполне понятно, что процесс образования сновидения может устранить ночное раздражение и принести удовлетворение, поскольку и сны наяву — это деятельность, приносящая удовлетворение, ради которого им и отдаются.

Не только это, но и много других общепринятых выражений в нашей речи имеют тот же смысл. Всем известные поговорки утверждают: «Свинье снятся желуди, а гусю — кукуруза», или ставят вопрос: «Что видит во сне курица? — Просо». Поговорки, следовательно, идут еще дальше нас, спускаясь, от ребенка к животному, и утверждают, что содержание сновидения составляет удовлетворение какой-нибудь потребности. Много оборотов нашей речи указывают на это, как то: «Видеть хороший сон», «Это и во сне бы не приснилось», «Я бы не мог вообразить себе это даже в самом необычайном сне». В этом случае язык вполне определенно подтверждает высказанное нами положение. Бывают, правда, и страшные сны, сны с тяжелым, мучительным или безразличным содержанием, но о них поговорок не сложилось. Хотя мы и говорим о «пло-

хих» снах, но для нашего языка сновидение как таковое неизменно остается исполнением желания. Не существует ни одной поговорки, которая бы утверждала, что свинья или гусь видят во сне, как их закалывают.

Было бы совершенно немыслимо, если бы эта характерная черта сновидения — исполнение желания — осталась незамеченной авторами, писавшими о сновидениях. Это происходило очень часто, но никому не приходило в голову увидеть в этой характерной особенности нечто типичное для сновидения и сделать ее исходным пунктом для объяснения сновидения. Мы можем легко себе представить, что именно их от этого удержало, и в будущем еще коснемся этого вопроса.

Но обратите теперь внимание, сколько ясности внесло в наши исследования изучение детских сновидений и как легко нам это удалось! Мы открыли функцию сновидения в его роли стража нашего сна, его возникновение из двух конкурирующих тенденций, из которых одна остается постоянной — это наша потребность во сне, а другая стремится удовлетворить какое-нибудь психическое раздражение. Далее, мы доказали, что сновидение представляет собой осмысленный психический акт, и установили две характерные его особенности: исполнение желания и галлюцинаторное переживание. И при этом мы чуть не забыли, что занимаемся психоанализом. За исключением связи с ошибочными действиями вся наша работа не имеет никакого специфического характера. Любой психолог, совершенно незнакомый с основными положениями психоанализа, мог бы дать такое же объяснение детских сновидений. Почему же никто этого не сделал?

Если бы все сны были такими, как детские, то проблема была бы полностью решена и наша задача выполнена и не было бы надобности расспрашивать сновидца, незачем было бы вводить в круг исследования бессознательное и прибегать к помощи свободных ассоциаций. Но в этом-то именно и состоит наша дальнейшая задача. Нам уже неоднократно приходилось сталкиваться с тем, что черты, считавшиеся всеобщими, оказывались присущими только определенному виду и числу сновидений. Поэтому весь вопрос для нас сводится к тому, остаются ли в силе эти основные характерные особенности сновидения, открытые благодаря детским снам, применимы ли они также и к не вполне ясным сновидениям, к таким, в явном содержании которых

нельзя открыть прямого отношения к какому-нибудь оставшемуся неудовлетворенным дневному желанию. У нас сложилось представление, что эти, другого рода, сны испытали глубокое искажение и поэтому о них пока трудно судить. Кроме того, легко догадаться, что для того чтобы понять эти искажения, нам придется прибегнуть к помощи психоаналитической техники исследования, чего нам совсем не требовалось для понимания детских снов.

Имеется, однако, еще один класс неискаженных сновидений, в которых, как и в детских снах, легко узнать исполнение желания. Это — те сновидения, которые в продолжение всей жизни вызываются императивными потребностями тела: голодом, жаждой, половой потребностью, то есть сновидения, в которых осуществление желания является реакцией на внутренние физические раздражения. Так, например, мне удалось записать сновидение девятнадцатимесячной девочки, состоящее из меню с прибавлением ее имени *(Анна Ф... земляника, малина, яичница, каша)*. Сновидение это явилось реакцией на однодневную голодовку, вызванную расстройством пищеварения, последовавшего от дважды упомянутых в сновидении ягод. В то же время и бабушка, возраст которой вместе с возрастом внучки составлял ровно семьдесят лет, должна была вследствие неприятных явлений со стороны блуждающей почки также голодать целый день, и в ту же ночь ей снилось, что она приглашена в гости, где ее угощают самыми вкусными вещами. Наблюдения над заключенными, которых заставляют терпеть голод, или над людьми, переносящими лишения в пути и в экспедициях, показывают, что в этих условиях регулярно снится удовлетворение такого рода потребностей. Так, Отто Норденскьёлд в своей книге «Антарктика» (1904) рассказывает об экипаже судна, с которым ему довелось провести зимовку: «Очень характерными для направления наших самых сокровенных мыслей были наши сны, которые никогда не были такими яркими и многочисленными, как тогда. Даже те из наших товарищей, которым раньше сны снились лишь в исключительных случаях, теперь каждое утро, когда мы друг с другом обменивались своими последними переживаниями из этого мира фантазий, могли рассказывать длинные истории. Все они касались того внешнего мира, который теперь был от нас так далек, но часто также приноравливались к нашей нынешней жизни. При-

веду одно особенно характерное сновидение. Одному из наших товарищей снилось, будто он сидит на школьной скамье и занимается тем, что сдирает шкуру с миниатюрных тюленей, специально изготовленных для учебных целей. Впрочем, чаще всего наши сновидения вращались вокруг темы еды и питья. Один из нас, грезивший по ночам, что его приглашают на большой званый ужин, был от всей души рад рассказать утром о том, что он "ел обед из трех блюд"; другому снился табак, целые горы табака; третьему – корабль, на всех парусах мчавшийся по открытому морю. Заслуживает упоминания еще один сон: приходит с почтой почтальон и подробно объясняет, почему так долго не было писем – он отнес их не по тому адресу, и ему стоило больших трудов вернуть их обратно. Разумеется, с нами во сне происходили самые невероятные вещи, но недостаток фантазии почти во всех сновидениях, которые я видел сам или о которых рассказывали товарищи, явно бросался в глаза. Наверное, если бы все эти сновидения были записаны, они представляли бы большой интерес с психологической точки зрения. Но легко можно понять, каким вожделенным был сон, потому что он мог нам дать все то, что каждый из нас так страстно желал»[1]. Далее, я цитирую по Дю Прелю (1885, 231): «Мунго Парку, изнемогавшему от жажды во время путешествия по Африке, беспрестанно снились водные долины и луга его родины. Тренку, терзаемому голодом в темнице близ Магдебурга, снилось, что он окружен обильными яствами, а Джордж Бак, участник первой экспедиции Франклина, когда из-за ужасных лишений он был близок к смерти от голода, постоянно видел во сне изобилие всевозможной пищи»[2].

Тому, кто за ужином ест очень острые блюда и ночью испытывает жажду, часто снится, что он пьет. Разумеется, нет возможности при помощи одного только сновидения удовлетворить сильную потребность в еде и питье; после такого сновидения просыпаешься с чувством жажды и приходится выпить настоящей воды. В этом случае сновидение достигает практически незначительных результатов. Но не менее очевидно, что целью сновидения было охранять сон

---

[1] [Ср. «Толкование сновидений», *Studienausgabe*, т. 2, с. 150.]
[2] [Ср. там же.]

от раздражения, заставляющего проснуться и что-то сделать. При незначительной интенсивности этих потребностей, сновидения, приносящие удовлетворение, часто вполне помогают.

Точно так же под влиянием половых раздражений сновидение приносит удовлетворения, отличающиеся, однако, некоторыми замечательными особенностями. Вследствие того, что половому влечению свойственна большая степень независимости от объекта, чем голоду и жажде, удовлетворение при снах, сопровождающихся поллюцией, может быть вполне реальным. А вследствие некоторых затруднений в отношениях с объектом, о чем речь будет ниже, особенно часто случается так, что реальное удовлетворение все же связывается с неясным или искаженным содержанием сновидения. Эта особенности сновидений, сопровождающихся поллюцией, как указал О. Ранк (1912*a*), делают их особенно подходящими для изучения искажения в сновидениях. Впрочем, все сновидения взрослых, связанные с удовлетворением потребностей, содержат, кроме удовлетворения, еще многое другое, исходящее из чисто психических раздражений, и для своего понимания нуждаются в толковании.

Мы, однако, не хотим утверждать, что построенные по типу детских сновидения взрослых, содержащие удовлетворение желаний, встречаются только в виде реакции на вышеуказанные императивные потребности. Нам известны также короткие и ясные сны такого типа под влиянием определенной доминирующей ситуации, источником которых, несомненно, являются психические раздражения. Таковы, например, сновидения, выражающие нетерпение: кто-то готовится к путешествию, к выставке, представляющей для него большой интерес, к докладу, к визиту, и ему заранее снится то, чего он с нетерпением ждет, то есть он видит накануне ночью во сне, что уже достиг цели, сидит в театре, ведет беседу в гостях. Или сновидения, по праву названные «удобными», в которых нежелание проснуться внушает сновидение, что человек уже встал, умывается или уже находится в школе, между тем как на самом деле продолжает спать, то есть предпочитает вставать во сне, а не в действительности. Желание спать, регулярно принимающее, по нашему мнению, участие в образовании сновидения, открыто проявляется в этих снах как существенный фактор в сложной работе образования сновидения. И здесь

потребность во сне с полным правом занимает место в ряду других важных физических потребностей.

На примере репродукции картины Швиндта [см. с. 131], находящейся в галерее Шак в Мюнхене, я покажу вам, насколько верно понял художник образование сновидения под влиянием доминирующей ситуации. Картина изображает «Сновидение узника», которое не может иметь иного содержания, кроме его освобождения. В картине очень удачно схвачено, что освобождение должно осуществиться через окно, потому что через окно проникло раздражение от света, от которого узник просыпается. Стоящие один на другом гномы представляют, вероятно, его собственные последовательные положения при попытке вылезти вверх к окну, и, если я не ошибаюсь и не приписываю слишком многого намерению художника, то стоящий выше всех гном, который перепиливает решетку, то есть делает то, что хотел бы сделать сам узник, имеет его черты лица.

Во всех остальных сновидениях, кроме детских и упомянутых сновидений инфантильного типа, искажение ставит на нашем пути преграды. Мы пока еще не можем утверждать, что и они, как мы предполагаем, представляют собой исполнение желаний; из их явного содержания мы не можем узнать, какому психическому раздражению обязаны они своим происхождением, и мы не можем доказать, что они также стремятся устранить или успокоить это раздражение. Они, вероятно, должны быть истолкованы, то есть переведены, их искажения нужно устранить, заменить их явное содержание скрытым, прежде чем сделать вывод, что открытое нами в детских сновидениях справедливо для всех сновидений.

ДЕВЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Цензура сновидения

Уважаемые дамы и господа! Благодаря изучению детских снов мы познакомились со способом образования, сущностью и функцией сновидения. Мы пришли к заключению, *что сновидение представляет собой особый способ устранения нарушающих сон (психических) раздражений*

путем галлюцинаторного удовлетворения. Впрочем, нам удалось объяснить не все сновидения взрослых, а только одну группу, которую мы назвали сновидениями инфантильного типа. Мы еще не знаем, как обстоят дела с другими сновидениями, и не понимаем их. Пока мы получили результаты, значение которых не хотим недооценивать. Несомненно, что в тех случаях, когда сновидение нам вполне понятно, оно оказывается желанием, исполненным в галлюцинаторной форме. Такое совпадение не может быть случайным и ничего не значащим.

На основании различных соображений и по аналогии с нашим пониманием ошибочных действий мы полагаем, что сновидения другого рода представляют собой искажение какого-то неизвестного нам содержания, которое нужно восстановить. Ближайшей нашей задачей теперь должно быть исследование и выяснение этого искажения сновидения.

Искажение сновидения – это то, что делает его странным и непонятным для нас. Мы хотим узнать о нем побольше, во-первых, откуда оно берется, его динамизм, во-вторых, что оно делает, и, наконец, как оно это делает. Но мы можем также сказать, что искажение сновидения – это продукт работы сновидения. Начнем поэтому с описания работы сновидения и постараемся установить, под влиянием каких сил она происходит[1].

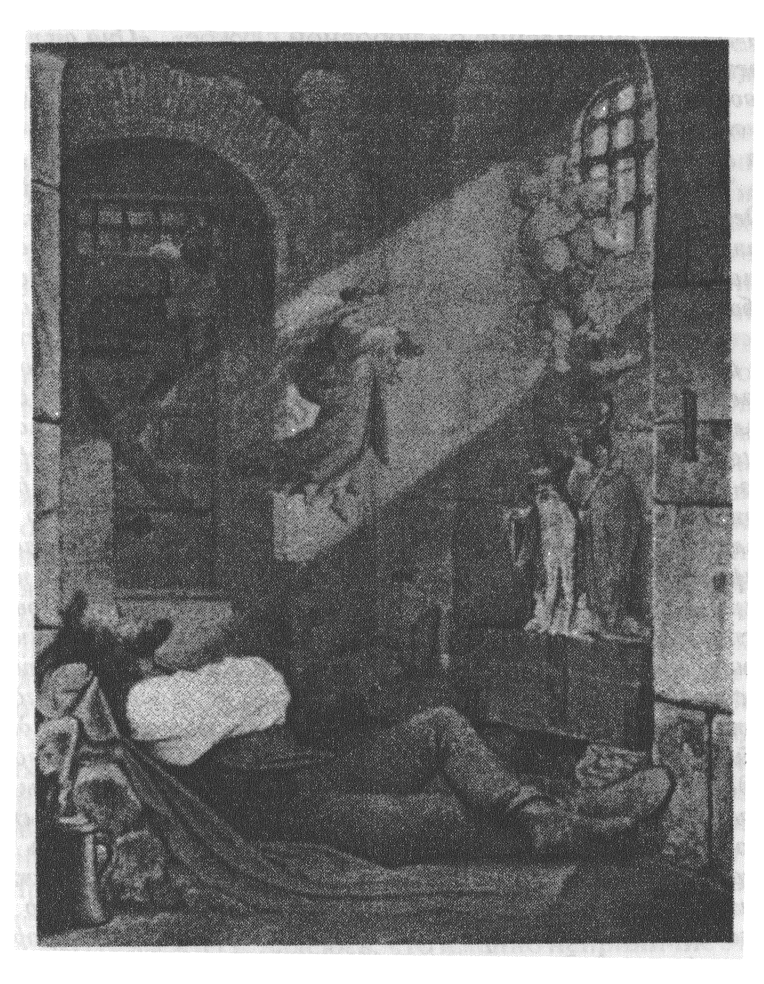
А для этого выслушайте следующий пример сновидения. Он записан одной дамой, состоящей членом нашего кружка[2], и принадлежит, по ее словам, одной почтенной, высокообразованной престарелой даме. Это сновидение не было подвергнуто анализу. По мнению нашей референтки, для человека, знакомого с психоанализом, оно не нуждается в толковании. Дама, видевшая этот сон, тоже не пробовала его истолковать, но она высказала свое мнение, скорее, даже свое осуждение, как будто бы она прекрасно понимала, как его истолковать. Вот ее суждение: «И такая отвратительная глупость снится пятидесятилетней женщине, которая днем и ночью занята только мыслями о своем ребенке!»[3]

---

[1] [Работе сновидения посвящена 11-я лекция.]

[2] [Госпожой д-р фон Хуг-Хельмут.]

[3] [Это было в годы Первой мировой войны, когда один из сыновей сновидицы находился в это время на фронте.]

Швиндт: «Сновидение узника»

Итак, сновидение о «любовной службе». «*Она отправляется в гарнизонный госпиталь № 1 и говорит постовому у ворот, что ей нужно поговорить с главным врачом... (называет незнакомое ей имя), потому что она хочет поступить на службу в госпиталь. При этом она так подчеркивает слово "служба", что унтер-офицер сразу догадывается, что речь идет о "любовной службе". Поскольку она женщина пожилая, он пропускает ее после некоторых колебаний. Но вместо того, чтобы пройти к главному врачу, она попадает в большую темную комнату, где за длинным столом сидят и стоят многие офицеры и военные врачи. Она обращается со своим предложением к штабному врачу, который понимает ее с нескольких слов. В сновидении она говорит буквально следующее: "Я и многие другие женщины и молодые девушки Вены готовы солдатам, рядовым и офицерам без различия..." Здесь в сновидении следует какое-то бормотание. Но то, что все присутствующие ее правильно поняли, показывают ей отчасти смущенные, отчасти лукавые выражения лиц офицеров. Дама продолжает: "Я знаю, что наше решение выглядит странным, но для нас оно совершенно серьезно. Солдата на поле боя тоже не спрашивают, хочет он умереть или нет". Наступает минутное мучительное молчание. Штабной врач обнимает ее за талию и говорит: "Милостивая государыня, представьте себе, что дело действительно дошло бы до..." (бормотание). Она освобождается от его объятий с мыслью: "Все они одинаковы" – и возражает: "Господи, я старая женщина и, может быть, вообще не смогу. Впрочем, одно условие должна быть соблюдено: считаться с возрастом; так, чтобы пожилая женщина совсем молодому парню... (бормотание); это было бы ужасно". Штабной врач: "Я вполне понимаю". Некоторые офицеры, и среди них тот, кто в молодости за ней ухаживал, громко смеются, и дама хочет, чтобы ее проводили к знакомому главному врачу и вместе с ним во всем разобраться. При этом, к великому своему смущению, она понимает, что не знает его имени. Тем не менее штабной врач очень вежливо и учтиво предлагает ей подняться на второй этаж по узкой железной винтовой лестнице, которая прямо из комнаты ведет на верхние этажи. Поднимаясь, она слышит, как один офицер говорит: "Это колоссальное решение, не важно, молодая или старая; потрясающе!".*

С чувством того, что просто выполняет свой долг, она поднимается по бесконечной лестнице». Это сновидение

повторяется за короткий промежуток в несколько недель еще два раза с совершенно незначительными, по словам дамы, и довольно бессмысленными изменениями[1].

В своем течении сновидение это соответствует дневной фантазии, в нем мало перерывов, а некоторые подробности его содержания могли бы быть разъяснены при непосредственном расспросе, чего, как вы знаете, не было. Но самое замечательное и для нас самое интересное в этом сновидении то, что оно имеет несколько пропусков, относящихся не к воспоминаниям, а к содержанию самого сновидения. В трех местах это содержание как будто стерто; речи, в которых имеются эти пропуски, прерываются бормотанием. Так как мы не провели анализа, то, строго говоря, не имеем и права сказать что-нибудь о смысле сновидения. Но в нем имеются намеки, благодаря которым можно все-таки кое о чем заключить, например, в словах «любовная служба». Прежде всего части речи, непосредственно предшествующие бормотанию, требуют дополнения, которое может иметь только один определенный смысл. Если мы введем эти дополнения, то получается фантазия, содержание которой состоит в том, что дама, видевшая сон, готова во исполнение своего патриотического долга предложить себя для удовлетворения любовных потребностей военных — как офицеров, так и рядовых. Это безусловно чрезвычайно неприлично, образчик дерзкой либидинозной фантазии, но в сновидении этого вовсе нет. Как раз в тех местах явного содержания сновидения, где непрерывный ход мыслей неизбежно привел бы к признанию этой фантазии, находится неясное бормотание, что-то утрачено или подавлено.

Вы согласитесь, надеюсь, что именно неприличие этих мест было вполне естественной причиной их подавления. Но где же найти нечто аналогичное этому? В наши дни вам не придется долго искать. Возьмите в руки любую политическую газету, и вы найдете, что во многих местах нет текста, а вместо него просвечивает белая бумага. Вы знаете, что это дело рук газетной цензуры. На этих пустых местах находилось что-то, что не понравилось высокому цензурному начальству, и поэтому оно было устранено. Вы очень сожа-

[1] [Ср. «Толкование сновидений» (1900a), *Studienausgabe*, т. 2, с. 161–162.]

леете об этом, думаете, что это, пожалуй, было самое интересное, «самое лучшее место».

В других случаях цензура оказывает свое воздействие не на готовый уже текст. Автор предвидел, в каких местах можно ждать возражений со стороны цензуры и предупредительно смягчил их, слегка изменив, или удовольствовался одними только намеками и неполным изложением того, что ему хотелось сказать. Тогда в газете не оказывается пустых мест, но по некоторым намекам и неясностям выражений вы можете догадаться, что требования цензуры тут уже заранее были приняты во внимание.

Будем придерживаться этого сравнения. Мы утверждаем, что пропущенные, скрытые за бормотанием слова сновидения принесены в жертву цензуре. Мы прямо так и говорим о *цензуре сновидений*, которой нужно приписать некоторое участие в искажении сновидения. Всюду, где в явном сновидении имеются пропуски, в этом виновата цензура. Нам следовало бы пойти еще дальше и считать, что действие цензуры всегда сказывается и в тех случаях, когда какой-нибудь элемент сновидения запоминается плохо, неопределенно, неуверенно, наряду с другими более ясными элементами. Но цензура редко проявляется так откровенно, так, хочется сказать, наивно, как в примере сновидения о «любовной службе». Гораздо чаще она действует по второму образцу, ставя на место того, что должно быть, нечто более слабое, только приблизительно похожее, и прибегая к помощи намеков.

Третий способ действия цензуры сновидения нельзя сравнить с обычными приемами газетной цензуры, но я могу вам его показать на примере единственного уже проанализированного нами сновидения. Вспомните сновидение о «трех плохих театральных билетах» за 1 гульден 50 крейцеров. Среди скрытых мыслей этого сновидения на первом месте стоял элемент *«слишком поспешно, слишком рано»*. Это значит: нелепо было так *рано* выходить замуж — и бессмысленно было покупать так *рано* билеты в театр, смешно было со стороны невестки так *поспешно* потратить деньги, чтобы купить на них украшения. От этого центрального элемента мыслей сновидения ничего не перешло в явное содержание; в нем, наоборот, центр тяжести сосредоточен на посещении театра и покупке билетов. Благодаря такому смещению акцента и перегруппировке элементов различного содержания явное сновидение становится на-

столько непохожим на скрытые его мысли, что никто и не заподозрит наличие этих последних позади первого. Это смещение акцента представляет собой основной способ искажения сновидения и придает ему ту странность, благодаря которой сам сновидец не узнает продукта своего творчества.

Пропуски, модификации, перегруппировка материала — все это возникает под влиянием цензуры и образует средства, при помощи которых достигается искажение сновидения. И главную причину или, по крайней мере, одну из главных причин того искажения сновидения, которое мы теперь исследуем, составляет цензура сновидения. Модификацию и перегруппировку мы привыкли объединять под общим термином «смещение».

После этих замечаний о действии цензуры сновидения обратимся к вопросу о ее динамизме. Надеюсь, что вы не представляете себе выражение «цензура» в виде человеческого образа и не воображаете себе при этом маленького строгого человечка или даже какого-нибудь духа, поселившегося в одном из мозговых желудочков и бодрствующего там на своем посту. Вы также не должны связывать это выражение с пространственным представлением, воображая себе какой-нибудь особый «мозговой центр», от которого исходит некое цензурирующее влияние, которое прекратилось бы после разрушения или повреждения этого центра. Это только очень удобный термин для обозначения динамического отношения между различными элементами сновидения. Этот термин не предрешает вопроса о том, какого рода тенденции и на какие именно элементы оказывают такое динамическое влияние; мы также не удивимся, если окажется, что нам раньше уже приходилось иметь дело с цензурой сновидения, не узнав ее.

А это было действительно так. Вспомните: когда мы начали применять нашу технику свободных ассоциаций, то наткнулись на один поразительный факт. Мы тогда почувствовали, что какое-то *сопротивление* мешает нам перейти от элемента сновидения к тому бессознательному элементу, который он заменяет. Это сопротивление, как мы тогда сказали, может быть очень различным по своей величине, в одном случае очень большим, в другом очень незначительным. В последнем случае для работы толкования достаточно было нескольких промежуточных звеньев; но если сопротивление велико, то приходится, исходя из элемента

явного содержания сновидения, восстановить длинную цепь ассоциаций, уходящую далеко от этого элемента, преодолевая при этом трудности в виде критических возражений против этих ассоциаций. Та сила, которая проявляется как сопротивление при работе толкования, выступает как цензура сновидения при его образовании. Сопротивление при толковании представляет собой объективацию цензуры сновидения. Оно доказывает нам, что цензура не исчерпывается тем, что она искажает сновидение и после этого угасает, а что цензура как постоянно действующая сила продолжает существовать для того, чтобы сохранить уже созданное искажение. Кстати замечу, что так же, как меняется сила сопротивления при толковании того или другого элемента сновидения, меняется и степень искажения этого элемента под влиянием цензуры. Если сравнить явное сновидение и скрытое его содержание, то можно заметить, что некоторые из его скрытых элементов совершенно отсутствуют в явном его содержании, другие вошли в это содержание в более или менее измененном виде и, наконец, третьи сохранились в нем совершенно неизмененными или даже особенно подчеркнуты.

Теперь рассмотрим вопрос о том, какие тенденции используют цензуру и против чего она направлена. На этот вопрос, важнейший для понимания сновидения и, быть может, вообще жизни человеческой души, легко дать ответ; для этого достаточно еще раз рассмотреть весь ряд уже истолкованных нами сновидений. Тенденции, осуществляющие цензуру, но содержанию своему таковы, что сновидец в бодрствующем состоянии их вполне признает и с ними соглашается. Будьте уверены, что если вы отказываетесь согласиться с вполне правильным толкованием сновидения, то вы так поступаете по тем же мотивам, в силу которых действовала цензура, происходило искажение сновидения и возникла необходимость в толковании. Вспомните сновидение нашей пятидесятилетней дамы. Без всякого толкования она находит свое сновидение отвратительным и была бы еще более возмущена, если бы д-р фон Хуг-Хельмут сообщила ей что-либо из напрашивающегося толкования, и потому именно, вследствие этого осуждения, неприличные места сновидения были заменены бормотанием.

Что касается тех тенденций, *против* которых направлена цензура сновидения, то их следует описать сначала с точки зрения этой последней. Но в таком случае о них можно

сказать только то, что они по природе своей безусловно достойны осуждения, одинаково неприличны в этическом, эстетическом и социальном отношении и что они относятся к разряду таких явлений, о которых не решаются подумать или думают с отвращением. Прежде всего эти желания, отвергнутые цензурой и нашедшие себе в сновидении выражение только в искаженном виде, отмечены печатью безграничного и беспощадного эгоизма. При этом собственное «я»[1] фигурирует в каждом без исключения сновидении и играет в нем главную роль, даже и тогда, когда в явном содержании оно успешно скрыто. Этот *sacro egoismus*[2] сновидения несомненно связан со всей психической направленностью сна, состоящей в том, что временно нас перестает интересовать весь внешний мир[3].

Свободное от всех этических уз «я» легко идет навстречу любому капризу сексуального влечения, даже такому, который давно отвергнут нашим эстетическим воспитанием или противоречит нравственным требованиям. Стремление к удовольствию — либидо, как мы выражаемся — беспрепятственно избирает свои объекты и охотнее всего запретные. Выбор падает не только на жену ближнего, но главным образом на инцестуозные, свято охраняемые человеческим обществом объекты, а именно на мать и сестру — у мужчины, на отца и брата — у женщины. (Сон нашей пятидесятилетней дамы также инцестуозен, либидо его, несомненно, направлено на сына.) Вожделения, которые кажутся чуждыми человеческой природе, оказываются достаточно сильными, чтобы вызвать сновидения. В сновидении может также безудержно проявиться разгул бешеной ненависти. Мстительные желания смерти самым близким и любимым в действительности лицам — роди-

---

[1] [«Лекции по введению в психоанализ» были прочитаны еще до того, как была разработана структурная модель, и понятие «я», разумеется, здесь относится к личности в целом, а не к структурной инстанции. Чтобы избежать путаницы и не обременять текст излишними примечаниями, здесь и в дальнейшем два этих термина мы будем различать с помощью написания: «я» будет использоваться для обозначения личности и Я — для обозначения структуры психики. — *Примечание редактора.*]

[2] [Святой эгоизм (лат.).]

[3] [Фрейд отчасти скорректировал свое высказывание относительно эгоизма всех сновидений в примечании в издании «Толкования сновидений» 1925 года.]

телям, братьям, сестрам, супругу, супруге, собственным детям, — явление самое обычное в сновидении. Кажется, что все эти отвергнутые цензурой желания исходят из настоящего ада, и никакую цензуру в состоянии бодрствования мы не считаем достаточно строгой, познакомившись с толкованием таких сновидений. Но не ставьте это ужасное содержание в вину самому сновидению. Не забывайте, что на него возложена безобидная, даже полезная обязанность уберечь сон от всего, что может его нарушить. Все это зло не имеет отношения к сущности сновидения. Ведь вы знаете, что бывают и такие сновидения, в которых находят удовлетворение вполне законные желания и естественные физические потребности. Но в таких сновидениях нет искажения, они не нуждаются в нем; они могут прекрасно выполнять свою функцию охраны сна, не оскорбляя этических и эстетических тенденций «я». Примите также во внимание, что искажение сновидения пропорционально двум факторам. С одной стороны, оно усиливается в зависимости от того, насколько отвратительно отвергаемое цензурой желание, а с другой стороны, оно зависит от строгости цензурных требований в настоящее время. Так, например, у молодой, воспитанной в строгости, щепетильной девушки цензура с немилосердной строгостью исказит в сновидении такие душевные движения, которые нам, врачам, покажутся вполне дозволенными, безобидными либидинозными желаниями. Да и сама эта девушка спустя десять лет будет о них такого же мнения, как и мы.

Впрочем, нам еще далеко до того, чтобы иметь право возмущаться результатами нашего толкования. Мне кажется, что мы его не совсем еще понимаем; но прежде всего нам необходимо защитить его от некоторых нападок. А найти в нем уязвимые места далеко не так трудно. Ведь наше толкование сновидений исходило из принятых нами заранее предположений: что сновидение имеет определенный смысл; что, на основании явлений гипнотического сна, можно допустить существование временно бессознательных душевных процессов и при нормальном сне и что все возникающие мысли детерминированы. Если бы на основании этих предположений мы пришли к приемлемым результатам в вопросе о толковании сновидений, то имели бы право заключить, что наши предположения вполне правильны. Но что делать, когда результаты выглядят так, как только что описанные? Тогда вполне естественно было бы

заявить: эти результаты невозможны, бессмысленны, по меньшей мере весьма невероятны, а следовательно, в наших исходных предположениях что-то неправильно. Или сновидение все-таки не психический феномен или в нормальном состоянии невозможны никакие бессознательные переживания, или, наконец, наша техника свободных ассоциаций дает не те результаты. Согласитесь, что проще и приятнее предположить это, чем признать все те мерзости, которые мы якобы открыли на основании наших предположений.

Совершенно верно! И проще и приятнее; но из этого не следует, что и правильнее. Не будем спешить, вопрос еще не исчерпан. Прежде всего мы можем усилить критику нашего толкования сновидений. То обстоятельство, что результаты его так неприятны и неаппетитны, пожалуй, еще не самое худшее. Более убедительно возражение, что сами сновидцы самым решительным образом и с полным правом отвергают желания, которые мы им приписываем на основании нашего толкования. «Что? — возражает нам один из них. — Основываясь на сновидении, вы хотите доказать, что мне жаль денег, потраченных мною на приданое сестры и воспитание брата? Этого быть не может; я только на них и работаю, у меня нет в жизни никаких других интересов, кроме желания выполнить мои обязанности по отношению к ним — что я как самый старший обещал нашей покойной матери». Или дама, видевшая сон, говорит: «Я, по-вашему, желаю смерти моему мужу? Ведь это возмутительная нелепость! Вы мне, пожалуй, не поверите, если я стану вас уверять, что у нас самый счастливый брак. Но это еще не все; ведь согласитесь, что его смерть лишила бы меня всего, что у меня есть в жизни». Или третий ответит нам: «Мне вы приписываете вожделения по отношению к моей сестре? Но ведь это смешно, я на нее никакого внимания не обращаю; я с ней в ссоре и уже много лет мы не говорим друг с другом». Мы могли бы еще спокойно отнестись к тому, что сновидцы не подтверждают или даже отрицают приписываемые им намерения; мы могли бы сказать, что в том-то и дело, что они этого не знают. Но когда они утверждают нечто прямо противоположное тому желанию, которое мы у них открыли, и могут доказать нам это всем своим поведением и образом жизни, это окончательно приводит нас в недоумение. Не лучше ли всего теперь бросить, наконец, всю эту работу по толкованию сновидений, результаты которой привели нас только к *абсурду!*

Нет, все еще нет. И этот довод оказывается несостоятельным, если к нему отнестись критически. Мы предположили, что в душевной жизни имеются бессознательные тенденции; но тот факт, что в сознательной жизни господствуют противоположные им тенденции, еще не опровергает нашего предположения. Ведь возможно, что в душевной жизни достаточно места для противоположных тенденций, для одновременно существующих противоречий; возможно даже, что именно преобладание одного какого-нибудь душевного движения и создает условия для того, чтобы противоположное ему стало бессознательным. Итак, остается в силе выдвинутое ранее первое возражение, что результаты толкования сновидений уж очень неприятны и сложны. Но по поводу сложности нужно· возразить, что с одним страстным желанием простоты вы не разрешите ни одной проблемы сновидений; в данном случае придется примириться с многосложностью изучаемого явления. А что касается неприятного характера результатов, то вы явно не правы, выставляя в качестве мотива научного суждения испытываемое вами отвращение или удовольствие. *Что* нам за дело до того, что результаты толкования сновидения кажутся вам такими неприятными или даже позорными и противными. *«Ça n'empęche pas d'exister»*, слышал я в подобном же случае еще молодым врачом от моего учителя Шарко[1]. Если хочешь узнать то, что действительно существует на белом свете, то приходится смириться и пожертвовать своими симпатиями и антипатиями. Если какой-нибудь физик будет вам доказывать, что в скором будущем вся органическая жизнь на земле должна совершенно прекратиться, посмеете ли вы ему возразить: этого быть не может; такая перспектива уж очень неприятна. Я полагаю, что вы будете молчать и ждать, пока не явится другой физик и не докажет первому, что при его расчетах и предположениях была допущена ошибка. Если вы отстраняете от себя все, что вам кажется неприятным, то, в сущности, воспроизводите механизм образования сновидения, вместо того чтобы понять его и овладеть им.

Быть может, вы согласитесь тогда не обращать внимания на отвратительный характер отвергнутых цензурой же-

---

[1] [Полностью высказывание Шарко звучит следующим образом: «La théorie c'est bon, mais ça n'empęche pas d'exister» — «Теория хороша, но это не мешает тому, чтобы так было» (фр.).]

ланий сновидения, но зато выдвинете новый довод: «Невероятно, чтобы злое начало занимало такое большое место в душевной конституции человека». Но разве ваш жизненный опыт дает вам право это утверждать? Я не хочу говорить о том, какими вы кажетесь самим себе, но разве вы встретили столько благосклонности у своего начальства и у своих конкурентов, столько рыцарства у своих врагов, так мало зависти в своем обществе, что чувствуете себя обязанными выступить в защиту человеческой природы от обвинений в злобном эгоизме? Разве вам неизвестно, как средний человек плохо владеет собой и как мало заслуживает он доверия во всем, что касается сексуальной жизни? Или вы, может быть, не слышали о том, что все те преступления и бесчинства, которые нам только снятся по ночам, действительно совершаются преступниками в бодрствующем состоянии? Психоанализ в данном случае только подтверждает старое изречение Платона, что хорошие люди довольствуются сновидениями о том, что дурные совершают на самом деле.

А теперь перенесите свой взор с индивидуального на великую войну, которая все еще опустошает Европу, подумайте о безграничной жестокости, свирепости и лживости, широко распространившихся по всему культурному миру. Неужели вы и в самом деле думаете, что кучке бессовестных карьеристов и соблазнителей удалось бы накликать всю эту беду, если бы миллионы, идущие за вожаками, не были сами соучастниками преступления? Решаетесь ли вы и при этих условиях ломать копья за совершенство душевной конституции человека[1]?

Вы мне возразите, что я односторонне сужу о войне, что благодаря войне проявилось самое прекрасное и благородное, что есть в душе человека: его геройство, его самоотверженность, его социальное чувство. Это верно. Но не будьте соучастниками несправедливости, так часто совершаемой по отношению к психоанализу; не укоряйте его за то, что он будто нечто отрицает лишь потому, что утверждает нечто совсем другое. Мы и не думали отрицать благородных стремлений человеческой природы и никогда и ничем не

[1] [Самые тяжелые обвинения в адрес деструктивной стороны человеческой природы Фрейд высказывает в V и VI главах работы «Недомогание культуры» (1930*a*).]

пытались уменьшить их достоинства. Напротив, ведь я показываю вам не только отвергнутые цензурой злые желания сновидения, но одновременно также и цензуру, которая их подавляет и искажает до неузнаваемости. Мы подчеркиваем все злое в человеке только потому, что другие это отрицают, вследствие чего душевная жизнь человека, не становясь лучше, делается непонятной. Если же мы откажемся от односторонней этической оценки, то, несомненно, сможем правильнее определить соотношение доброго и злого начала в человеческой природе.

Итак, все остается по-прежнему. Нам незачем отказываться от всех результатов нашей работы по толкованию сновидений, хотя они и кажутся нам несколько странными. Может быть, в дальнейшем мы приблизимся к лучшему их пониманию. А пока запомним следующее: искажение сновидений есть следствие цензуры, осуществляемой признанными тенденциями «я» по отношению к неприличным желаниям, шевелящимся в нас ночью, во время сна. Понятно, возникает еще много вопросов о том, почему это происходит именно ночью, во сне, и откуда берутся эти недостойные желания, и нам предстоит еще исследовать эти вопросы.

Но с нашей стороны было бы несправедливо, если бы мы теперь не подчеркнули в достаточной мере еще и другой результат нашего исследования. Желания сновидений, нарушающие наш сон, неизвестны нам, мы узнаем о них только благодаря толкованию сновидений; их можно поэтому назвать в данную минуту бессознательными в указанном выше смысле. Но мы должны признать, что они бессознательны не только в данное время. Сновидец, как мы это видели во многих случаях, отрицает их и после того, как познакомился с ними при толковании сновидения. Повторяется случай, с которым мы встретились впервые, когда истолковали обмолвку *aufstossen* и когда оратор, произнесший тост, уверял нас с негодованием, что ни в ту минуту, ни когда-либо раньше он не замечал в себе никакого чувства непочтения по отношению к своему шефу. Уже тогда мы усомнились в ценности этих уверений, и высказали взамен предположение, что оратор никогда не знал об имеющемся у него чувстве. Нечто подобное повторяется при всяком толковании сильно искаженного сновидения и поэтому приобретает для нас большое значение. Мы готовы допустить, что в душевной жизни встречаются процессы и тенденции, о которых вообще ничего не знаешь,

не знаешь с давних пор, быть может, даже никогда не знал. Благодаря этому бессознательное получает для нас новый смысл; понятие «временно», «в данную минуту» исчезает из его сущности; оно может иметь также значение не только «скрытого в данное время», но *длительно* бессознательного. Но об этом нам, разумеется, придется подробней поговорить в другой раз.

ДЕСЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Символика сновидения[1]

Уважаемые дамы и господа! Мы убедились, что искажение, мешающее нам понять сновидение, является следствием деятельности цензуры, направленной против неприемлемых бессознательных желаний. Но мы, понятно, никогда не утверждали, что цензура – единственный фактор, искажающий сновидение. И при дальнейшем изучении сновидения мы действительно убеждаемся, что в этом искажении принимают участие и другие моменты. Это значит, что если бы мы совершенно устранили цензуру сновидения, то все равно не смогли бы полностью его понять; содержание явного сна не совпадало бы со скрытыми его мыслями.

Другой момент, затемняющий смысл сновидения, этот новый фактор искажения сновидения, можно открыть, если обратить внимание на некоторый пробел в нашей технике. Я уже однажды сознался вам, что анализируемому иногда, действительно, ничего не приходит в голову по поводу отдельных элементов сновидения. Разумеется, это случается не так часто, как утверждают анализируемые; в очень

[1] [В VI главе «Толкования сновидений» символике сновидений посвящен раздел Д (добавленный в 1914 году); наряду с нижеследующей 10-й лекцией он содержит наиболее полно охватывающее изложение Фрейдом темы символа в сновидении. Поэтому представленные здесь идеи можно отнести к наиболее важным высказываниям Фрейда по данному вопросу.]

многих случаях при настойчивости можно добиться того, что у них все-таки появляются различные мысли. Однако бывают такие случаи, в которых ассоциации совершенно обрываются или, если нам и удастся их вынудить у анализируемого, они не дают нам того, что мы ждем. Такое положение во время психоаналитического лечения имеет особое значение, о котором я не стану здесь распространяться. Но то же самое случается и с вполне нормальными людьми при толковании их сновидений, или даже когда толкуешь свои собственные сновидения. Если убеждаешься, что никакая настойчивость не помогает, то в конце концов замечаешь, что при определенных элементах сновидения этот неприятный случай повторяется регулярно. Тогда начинаешь видеть новую закономерность там, где раньше предполагал только исключительный случай несостоятельности техники толкования.

В этих случаях появляется соблазн истолковать сами эти «немые» элементы сновидения, предпринять их перевод имеющимися в собственном опыте средствами. При таком допущении оказывается, что если решиться на замену этих элементов другими, то сновидение получает вполне удовлетворительный смысл. Однако до тех пор, пока не решишься на это, оно остается совершенно бессмысленным и отсутствует всякая связь между его элементами. После того как подобные случаи стали встречаться все чаще и чаще, наши первые неуверенные и робкие попытки в этом направлении сменились полной уверенностью.

Я излагаю все это несколько схематически, но это вполне допустимо в дидактических целях, тем более что в моем изложении нет фальсификации, а имеет место лишь некоторое упрощение.

Таким образом, для целого ряда элементов сновидения получается постоянное значение подобно тому, как в наших популярных сонниках можно найти толкование смысла всевозможных приснившихся вещей. Не забудьте только, что при применении нашей техники ассоциаций никогда не получаешь постоянных значений для отдельных элементов сновидения.

Вы сейчас же возразите, что последний способ толкования кажется вам еще менее надежным и более спорным, чем прежний ассоциативный. Но я не сказал еще всего. Мне следует прибавить, что когда благодаря собственному опыту накапливается достаточное количество таких постоян-

ных значений отдельных элементов сновидения, то начинаешь думать, что этот опыт дает основания для такого толкования сновидений, и что они действительно могут стать вполне понятными и без участия сновидца. Каким образом можно узнать эти значения, об этом будет сказано во второй части нашего изложения.

Такое постоянное отношение между элементом сновидения и его значением мы называем *символическим*, и самый элемент сновидения — *символом* бессознательной мысли сновидения. Вы помните, что раньше, исследуя отношения между элементами сновидения и их действительным значением, я различал три вида этих взаимоотношений: часть вместо целого, намек и образное представление. Тогда же я вас предупредил о существовании еще четвертого вида, не называя его. Указанное мной теперь символическое отношение и есть этот четвертый вид. По поводу него возникает еще целый ряд очень интересных соображений, на которых мы остановимся, прежде чем приступим к изложению наших специальных наблюдений над символикой. Символика, быть может, самая примечательная глава из всего учения о сновидениях.

Итак, ввиду того, что символы имеют постоянное значение, они в известной мере реализуют идеал античного и народного толкования сновидения, от которого мы так далеко ушли в нашей технике. Благодаря символам мы получаем иной раз возможность истолковать сновидение, не расспрашивая сновидца, ведь он и без того ничего не может сказать нам по поводу символа. Если нам известны обычные символы сновидения, а также мы знаем сновидца и условия его жизни, впечатления, под влиянием которых имело место сновидение, то часто мы в состоянии истолковать сновидение непосредственно, так сказать, прочесть его как по писанному. Такой фокус очень льстит самолюбию толкователя и импонирует сновидцу; это выгодно отличается от утомительной работы при расспросе сновидца. Но пусть это не введет вас в заблуждение; не забывайте, что показывать фокусы вовсе не входит в наши задачи. Толкование, основанное на знании символов, не составляет такой техники, которая могла бы заменить ассоциативную или хотя бы даже с ней сравниться. Символическое толкование может быть только дополнением ассоциативной техники и лишь в этом качестве оно дает пригодные результаты. А что касается знания психической

ситуации сновидца, то прошу вас принять во внимание, что вам придется толковать сновидения не только близких знакомых; что обычно вам неизвестны события дня, являющиеся побудителями сновидения, и что мысли, приходящие в голову анализируемого, как раз знакомят нас с тем, что называется психической ситуацией.

Далее достойно особого внимания еще и то, что против существования символических отношений между сновидением и бессознательным раздавались самые резкие возражения; это приобретает особый интерес в связи с обстоятельствами, о которых речь будет идти ниже. Даже люди, обладающие смелостью суждения и занимающие видное положение в науке, во многом соглашавшиеся с психоанализом, не последовали за ним. Этот факт тем более удивителен, что, во-первых, символика свойственна и характерна не одному только сновидению, во-вторых, символика сновидения вовсе не составляет открытия психоанализа, хотя последний не может пожаловаться на то, что он беден поразительными открытиями. Если уж открытие символики сновидений приписывать современникам, то нужно сознаться, что открыл ее философ К. А. Шернер (Scherner, 1861). Психоанализ только подтвердил его открытие, хотя и очень основательно видоизменил его.

Теперь вам интересно будет узнать кое-что о сущности символики сновидений и познакомиться с ее примерами. С удовольствием сообщу вам, что мне известно, но сознаюсь, что наши знания еще не соответствуют тому, чего бы нам хотелось.

Сущность символики состоит в сравнении, но далеко не в любом сравнении. Предполагается, что это сравнение обусловлено своеобразными причинами, но в чем они состоят, сказать еще трудно. Не все то, с чем можно сравнить какой-нибудь предмет или процесс, может быть символом в сновидении. А с другой стороны, сновидение выражает символически далеко не все, а только определенные элементы скрытых мыслей сновидения. Тут, следовательно, имеют место известные ограничения с обеих сторон. Приходится также согласиться с тем, что пока нет возможности строго определить понятие символа, что оно сливается с понятием замещения одного элемента другим, изображения и т. п. и приближается даже к понятию намека. Сравнение, лежащее в основе многих символов, вполне осмысленно. Но наряду с ним встречаются и другие символы, при которых

невольно возникает вопрос, в чем же заключается общее между символом и символизируемым понятием, где *tertium comparationis*[1] этого предполагаемого сравнения. Иной раз нам удается найти его при более близком рассмотрении, но бывает и так, что оно остается для нас непонятным. Далее, кажется странным то, что, если символ есть сравнение, то почему это сравнение нельзя открыть путем ассоциаций, и что сновидец не знает ничего об этом сравнении и пользуется им, не зная о нем. Более того, он и не желает признать это сравнение, когда ему на него указывают. Отсюда вы можете заключить, что символическое отношение — это сравнение особого рода, основание его для нас не совсем еще ясно. Может быть, для выяснения его в дальнейшем удастся найти некоторые указания.

Количество предметов, изображаемых символически в сновидении, невелико. Человеческое тело в целом, родители, дети, братья и сестры, рождение, смерть, нагота и еще немногое. Единственно типичное изображение человека в целом представляет собой *дом*, как правильно указал Шернер, придавший этому символу непомерно большое значение. В сновидении иногда случается, что спускаешься по фасаду дома, иной раз с наслаждением, иной раз со страхом. Дома с совершенно гладкими стенами изображают мужчин, а имеющие балконы и другие виднеющиеся части, за которые можно ухватиться — женщин. Родители появляются во сне в виде *императора* и *императрицы*, короля и королевы или других высокопоставленных лиц: в этом случае сновидение преисполнено чувства почтения. Оно проявляет меньше нежности по отношению к детям, братьям и сестрам; последние символизируются в виде маленьких *зверенышей, паразитов*. Роды почти регулярно изображаются каким-нибудь отношением к *воде;* или бросаются в воду или вылезают из нее, спасают кого-нибудь из воды или кто-нибудь спасает из воды самого видевшего сон, что указывает на материнское отношение к этому лицу. Умирание во сне заменяется *отъездом, поездкой, поездом,* смерть — различными, неясными, как бы нерешительными намеками, нагота изображается при помощи *платья* или *форменной одежды*. Вы видите, как тут стирается граница между символическим изображением и намеком.

---

[1] [Третье в сравнении (лат.), то есть общее в двух сравниваемых между собой явлениях, служащее основанием для сравнения.]

В сравнении со скудностью этого перечисления может показаться странным тот факт, что объекты и содержания другого порядка изображаются при помощи необыкновенно богатой символики, а именно все, что касается сексуальной жизни, гениталий, половых процессов и половых сношений. При этом выясняется удивительное несоответствие. Для немногих обозначаемых объектов имеется невероятное количество символов, так что каждый из объектов может быть выражен при помощи многочисленных, почти равнозначных символов. При толковании получается картина, вызывающая у всех впечатление непристойности. Значение символов оказывается чрезвычайно однообразным в противоположность большому разнообразию искажений сновидения. Всем, кто об этом узнает, это решительно не нравится, но что же поделаешь?

Так как мы сейчас на этих лекциях впервые касаемся вопросов половой жизни, то я считаю своим долгом сообщить вам, в какой форме я нахожу нужным излагать эту тему. Психоанализ не видит причин, почему о ней допустимо было бы говорить только намеками, а не вполне открыто; он не считает нужным стыдиться обсуждения такой важной темы и полагает, что прилично и корректно называть все настоящими именами: именно таким образом он надеется скорее всего устранить возникновение всяких посторонних, отвлекающих мыслей. То обстоятельство, что в аудитории находятся представители обоих полов, разумеется, не может ничего изменить. Подобно тому, как не может быть науки *in usum delphini*, так и не может быть ее специально для девочек-подростков, и мои слушатели-дамы одним своем присутствием в этой аудитории доказывают, что ждут к себе такого же серьезного отношения, как это имеет место по отношению к слушателям-мужчинам.

Сновидение изображает мужские гениталии несколькими различными символами, в которых по большей части вполне очевидно общее основание для сравнения. Прежде всего видную роль в изображении всех мужских гениталий в целом играет священное число «три». Более привлекающая внимание и более интересная для обоих полов часть гениталий — мужской орган — символически заменяется, во-первых, предметами, сходными с ним по форме, то есть длинными, торчащими вверх, как, например, *палки, зонтики, деревья, шесты* и т. п. Далее, предметами, имеющими с обозначаемыми предметами сходство проникать в те-

ло и причинять ранения, то есть всякого рода острое оружие, *ножи, кинжалы, копья, сабли,* а также огнестрельное оружие: *ружья, пистолеты* и очень подходящий по форме своей *револьвер.* В страшных снах девочек большую роль играет преследование со стороны мужчины, вооруженного ножом или револьвером. Это может быть самый частый случай символики сновидения, который вам теперь нетрудно будет понять. Также вполне понятно, что мужской орган заменяется предметом, из которого течет вода: *водопроводным краном, чайником, фонтаном* и другими предметами, обладающими способностью вытягиваться в длину, как, например, *висячими лампами, выдвигающимися карандашами* и т. п. Вполне понятное представление об этом органе является также причиной того, что *карандаши, ручки, пилочки для ногтей, молотки и другие инструменты* служат несомненными символами мужского полового органа.

Благодаря удивительной способности мужского органа подниматься в направлении, противоположном действию силы притяжения, то есть одному из проявлений эрекции, он изображается символически в виде *воздушного шара, аэроплана,* а в последнее время в виде *воздушного корабля цеппелина.* Но сновидение умеет символически изображать эрекцию и иным, гораздо более внушительным способом. Придавая половому органу значение самой существенной черты, характеризующей всю личность, сновидение приписывает личности способность *летать.* Не огорчайтесь, пожалуйста, что все нам известные, часто такие прекрасные сны о полетах имеют значение эрекционных снов, сопровождающихся общим сексуальным возбуждением. Среди исследователей-психоаналитиков П. Федерн (1914) доказал, что такое толкование не может подлежать никакому сомнению. Но также и столь восхваляемый за осторожность Маурли Волд, экспериментировавший со сновидениями, придавая искусственное положение рукам и ногам спящего, и стоявший совершенно в стороне от психоанализа, быть может, даже не слыхавший о нем ничего, пришел в своих исследованиях к тому же выводу. Не возражайте, что и женщинам может присниться, что они летают. Вспомните лучше, что наши сновидения представляют собой исполнения желаний и что очень часто у женщин бывает сознательное или бессознательное желание быть мужчиной. А всякому знающему анатомию будет вполне понятно, что и женщина может реализовать это желание посредством таких же

ощущений, как и мужчина. Женщина имеет в своем половом аппарате тоже маленький орган, вполне похожий на мужской, называемый клитором, и орган этот играет в детстве и в возрасте перед началом половой жизни ту же роль, что и мужской.

К числу менее понятных мужских сексуальных символов относятся *пресмыкающиеся* и *рыбы*, на первом месте известный символ *змеи*. Далее, очень трудно понять, почему *шляпа* и *пальто* приобрели такое же символическое значение, но последнее не подлежит ни малейшему сомнению. Наконец, возникает еще вопрос: можно ли считать символическим замещение мужского органа каким-нибудь другим, например, рукой или ногой. Я полагаю, что общая связь всего хода мыслей сновидения, с одной стороны, и соответствующие аналогии у женщин, с другой, заставляют это сделать.

Женские половые органы изображаются символически при помощи всех предметов, имеющих с ними общее свойство — ограничивать полое пространство, которое может быть чем-либо заполнено. Такими являются: *шахты, копи, пещеры*, далее — *сосуды, бутылки, коробки, табакерки, шкатулки, чемоданы, ящики, карманы* и т. п. Так же *корабль* относится к их разряду. Некоторые символы скорей относятся к матке, чем к гениталиям женщины, например: *шкафы, печи* и, главным образом, *комнаты*. Символика комнаты соприкасается здесь с символикой дома. *Двери* и *ворота* приобретают в свою очередь значение символов половых отверстий. Но и материалы также могут быть символами женщин так же, как и предметы, сделанные из этого материала, как-то: *стол* и *книга*. Из числа животных можно указать как несомненные женские символы на *улитку* и *раковину*, из числа частей тела — на *рот*, как образ полового отверстия, из строений — на *церковь* и *капеллу*. Как видите, далеко не все эти символы одинаково понятны.

К числу гениталий нужно отнести также и груди, которые, как и ягодицы женского тела, изображаются при помощи *яблок, персиков* и вообще *плодов*. Волосы на гениталиях обоего пола сновидение описывает при помощи *леса* и *кустарника*. Сложностью топографии женских половых частей объясняется тот факт, что часто они изображаются в виде *ландшафта*, со скалами, лесом и водой[1], между тем как вну-

---

[1] [Сновидение с ландшафтной символикой приводится ниже, в 12-й лекции.]

шительный механизм мужского полового аппарата служит причиной того, что символами его могут быть всевозможные, с трудом поддающиеся описанию *сложные машины.*

Заслуживает быть упомянутой еще шкатулка для *драгоценностей* как символ женских гениталий; *драгоценностью, сокровищем* называются любимые лица и во сне; *сладости* часто изображают половое наслаждение. Самоудовлетворение обозначается часто, как всякого рода *игра,* также и *игра на рояле.* Типичным символическим изображением онанизма является движение, при котором *скользишь* или *скатываешься,* а также когда *обрываешь ветку.* Особенно замечателен символ *выпадения* или *вырывания зуба.* Прежде всего он обозначает кастрацию в наказание за онанизм. Специальные символы для изображения полового акта в сновидениях менее многочисленны, чем можно было бы ожидать на основании вышеизложенного. Здесь следует указать такие ритмические действия, как *танцы, верховая езда, подъемы на гору,* а также переживания, связанные с насилием, что *кого-нибудь переехали, раздавили.* Сюда же относятся и *некоторые ремесленные работы* и, понятно, *угрозы оружием.*

Вы не должны представлять себе употребление и раскрытие значения этих символов чем-то очень простым. При этом возможны всяческие случайности, противоречащие нашим ожиданиям. Так, например, кажется маловероятным, что половые различия во всех этих символических изображениях не проявляются резко. Некоторые символы имеют значение полового органа вообще, безразлично какого — мужского или женского, — например, *маленький ребенок, маленький* сын, *маленькая* дочь. Иной раз преимущественно мужской символ может употребляться для обозначения женских гениталий и наоборот. Это невозможно понять без более близкого знакомства с развитием сексуальных представлений у человека. В некоторых случаях может только показаться, что символы имеют двоякое значение; самые яркие из символов, как *оружие, карман, ящик,* не могут употребляться в таком бисексуальном значении.

Теперь я буду исходить не из символизируемого представления, а из символа, и дам обзор тех областей, из которых большею частью берутся символы. К этому я прибавлю еще некоторые дополнения, особенно принимая во внимание символы, в которых непонятны свойства, общие как для символу, так и для символизируемого предмета.

Таким темным символом является *шляпа*, быть может, вообще головной убор, который обыкновенно имеет мужское значение, но может иметь также и женское. Точно так же *пальто* обозначает мужчину, однако не всегда, может быть, в половом отношении. Вы имеете право спросить: почему[1]? Свисающий *галстук*, не входящий в состав женского костюма, имеет определенное значение мужского символа. *Белое белье, полотно* символизирует вообще женское начало. *Платье, форменная одежда*, как мы уже слышали, имеет значение наготы, форм тела; *башмак, туфля* – символизируют женские гениталии. *Стол* и *дерево* как материал были уже упомянуты как непонятные, но безусловно женские символы. *Лестница* всякого рода или подъем по ней — несомненный символ полового акта. Вдумавшись, мы должны будем обратить внимание на ритмичность движений при ходьбе и при половом акте как на общий признак, может быть, также на возрастание возбуждения и одышку по мере того, как поднимаешься вверх.

Мы уже упомянули о *ландшафте* как о символе, изображающем женские гениталии. *Гора* и *скала* – символы мужского органа. *Сад* – часто употребляемый символ женских гениталий. *Плод* имеет значение груди, а не ребенка. *Дикие звери* означают чувственно возбужденных людей, кроме того, дурные инстинкты, страсти. *Цветы* и *цветение* обозначают гениталии женщины или — в более специальном случае — девственность. Не забудьте, что цветы действительно представляют собой гениталии растений.

Комната уже известна нам как определенный символ. Образ этот может еще детализироваться в том отношении, что окна, входы и выходы комнаты могут получить значение отверстий тела. Также подходит под эту символику подробность, *открыта* или *закрыта* комната, а открывающий *ключ* является несомненным мужским символом.

Таков фактический материал символики сновидения. Он еще не полон и его можно было бы углубить и расширить. Но я думаю, вам и этого будет вполне достаточно, а может быть, даже надоело. Вы спросите: неужели я в самом деле живу, окруженный сексуальными символами? Неужели все предметы, которые меня окружают, вся одежда, ко-

---

[1] [В другом месте Фрейд говорит, что образование этого символа можно объяснить созвучием слов *Mann* (мужчина) и *Mantel* (пальто). Дальнейшее обсуждение этого символа см. в 29-й лекции.]

торую я надеваю, все вещи, которые беру в руки, представляют собой только сексуальные символы и ничего другого? Во всем этом имеется действительно достаточно поводов для того, чтобы с изумлением задавать вопросы, и первый из них: откуда же нам узнать значение этой символики сновидений, о которой сновидец или не дает нам совсем никаких сведений или, в лучшем случае, далеко недостаточные?

Я вам отвечу: это можно узнать из различных источников — из сказок, мифов, водевилей и острот, из фольклора, то есть науки о нравах, обычаях, поговорках и песнях народов, употребляемых в поэзии и в обыденной жизни, в выражениях нашего языка. Здесь повсюду встречается та же символика, и во многих из указанных случаев мы ее понимаем безо всяких указаний. Если мы подробно станем изучать эти источники, то найдем столько параллелей к символике сновидений, что твердо уверимся в правильности нашего толкования.

Как уже говорилось, по мнению Шернера, человеческое тело часто изображается символически в виде дома. При детальном развитии этого символа окна, двери и ворота получают значение входных отверстий во внутренние полости тела; фасад гладкий или с балконом и выступами, чтобы можно было ухватиться за них, имеет значение поверхности мужского или женского тела; но эта же символика встречается и в выражениях нашей речи, когда мы фамильярно приветствуем близкого приятеля словами: *«altes Haus»* [старина, буквально: старый дом], когда мы говорим о том, чтоб дать кому-нибудь хорошенько по куполу или относительно другого лица утверждаем, что у него «крыша поехала». В анатомии отверстия тела так и называются *воротами тела.*

На первый взгляд может показаться поразительным то обстоятельство, что родители в сновидении фигурируют в виде императорской или королевской четы. Но мы находим параллели этому в сказках. Разве не возникает у нас мысль, что в начале многих сказок вместо: жили-были *царь с царицей,* в сущности должно было бы быть: «жили-были отец с матерью». В семье мы часто называем детей принцами, а самого старшего сына кронпринцем. Короля называют *царем-батюшкой.* Маленьких детей мы в шутку называем *клопами* и говорим сочувственно: *«Бедный клопик».*

Вернемся к символике дома. Когда мы пользуемся во сне выступами домов, чтобы ухватиться за них, то разве это не напоминает известное народное выражение относительно

сильно развитого бюста: «У нее есть за что *ухватиться*». Но народ выражается в таких случаях еще иначе, он говорит: «Die hat viel *Holz* vor dem Hause» [буквально: «У нее много *дров* перед домом»], как будто желая этим прийти на помощь в истолковании дерева как женского, материнского символа.

По поводу дерева я должен еще добавить следующее: мы не можем понять, каким образом этот предмет стал символом материнского, женского начала. Но здесь нам приходит на помощь сравнительная филология. Немецкое слово *Holz* одного корня с греческим νλη, что означает сырой материал, сырье. Тут мы имеем дело с довольно частым случаем, когда общее название материи, в конце концов, сохранилось за одним только ее видом. Далее вы знаете, что в океане существует остров, называемый *Мадейрой*. Это название дали острову португальцы, когда открыли его, потому что весь остров был в то время покрыт лесом. Дерево по-португальски называется *madeira*. Но вы ведь легко узнаете, что *madeira* не что иное, как слегка измененное латинское слово *materia*, что опять-таки обозначает материю вообще. А *materia* происходит от слова *mater* — мать. Материя, из которой сделана какая-нибудь вещь, составляет как бы материнскую часть ее. В этом древнем представлении отражается символическое значение дерева для обозначения женщины-матери.

Рождение в сновидении изображается всегда в связи с водой: или падают в воду или выходят из воды, что обозначает: рождают или рождаются. Не следует забывать, что этот символ оправдывается вдвойне ссылкой на историю развития. Не только тем, что все млекопитающие, в том числе и человек, произошли от водных животных — это довольно далекая аналогия, но и тем, что каждое млекопитающее животное, каждый человек провел первый период своего существования в воде в качестве эмбриона в околоплодной жидкости во чреве матери и, родившись, вышел из воды. Я не хочу утверждать, что сновидец знает это; напротив, я держусь того мнения, что ему и незачем это знать. Он, вероятно, знает что-нибудь другое, что ему рассказали в детстве, но я буду утверждать, что и это его знание не имело никакого значения в деле образования символа. В детстве ему, наверное, рассказали, что детей приносит аист, но откуда он их берет? Из пруда, из колодца, то есть опять-таки из воды. Один из моих пациентов графского происхождения сообщил, что, когда в детстве ему рассказали

об этом, он вдруг куда-то исчез на все послеобеденное время. Наконец его нашли на самом берегу пруда в саду у замка, он лежал, приникнув личиком к поверхности воды, и усердно искал на дне маленьких деток.

В мифах о рождении героя, которые О. Ранк подверг сравнительному исследованию, самый древний из них — миф о царе Саргоне из Агады, около 2800 лет до Р. Х., — преобладающую роль играют мотивы бросания в воду и спасения из воды. Ранк открыл, что таким образом изображается рождение, в точности как это происходит во сне. Если во сне сновидец спасает какую-нибудь женщину из воды, то это значит, что он считает себя ее матерью или матерью вообще; в мифах лицо, спасающее из воды ребенка, признает себя этим фактом настоящей его матерью. В известном анекдоте смышленого еврейского мальчика спрашивают, кто был матерью Моисея? Он не задумываясь отвечает: принцесса. Но как же так, возражают ему, ведь она его вытащила из воды. Это *она* так говорит, отвечает мальчик, показывая, что правильно понял миф[1].

Отъезд обозначает в сновидении смерть, умирание. Также принято отвечать детям на вопрос, куда девался умерший человек, отсутствие которого они чувствуют, что он *уехал*. И опять я согласен с мнением, что символ сновидения происходит от этого способа как-нибудь отделаться от расспросов ребенка. Поэт[2] пользуется такой же символикой, говоря о загробной жизни как о таинственной стране, откуда еще не вернулся ни один *путник*. В обыденной жизни мы тоже говорим о последнем пути. Всякий знакомый с древним ритуалом знает, каким серьезным, например, в древнеегипетской религии было царившее там представление о путешествии в страну смерти. До нас дошла во многих списках «Книга мертвых», которою, как «Бедекером»[3] снабжали в эту дорогу мумию. С тех пор как кладбища были отдалены от жилищ, последнее путешествие умерших стало реальным фактом.

Символика гениталий также не составляет особенности, присущей лишь сновидению. Каждому из вас, вероят-

---

[1] [Это «правильное толкование мифа» Фрейд положил в основу своей последней завершенной работы «Человек Моисей и монотеистическая религия».]

[2] [Шекспир в »Гамлете», III акт, 1-я сцена.]

[3] [Известный путеводитель для туристов.]

но, случалось быть невежливым и назвать какую-нибудь женщину *старой колодой*, быть может, вовсе не зная, что пользуется при этом символом гениталий. В Новом Завете сказано: женщина — *сосуд* скудельный. Святое писание евреев благодаря своему стилю, близкому к поэтическому, полно сексуально-символических выражений, которые понимались всегда правильно и толкование которых, например, в Песне Песней, привело ко многим недоразумениям. В более поздней древнееврейской литературе очень распространено изображение женщины в виде дома, в котором дверь изображает половое отверстие. Например, в случае отсутствия девственности муж жалуется, что нашел *двери отпертыми*. Также и символ стола, как обозначение женщины, известен из этой литературы. Жена говорит о своем муже: «Я ему приготовила стол, *но он его перевернул*». Хромые дети будто бы происходят от того, что муж переворачивает стол. Эти факты я привожу из статьи Л. Леви из Брюнна «Сексуальная символика библии и талмуда» (1914).

Этимологи поясняют, каким образом в сновидении корабль означает женщину. Они говорят, что *кораблем* (Schiff) сначала назывался глиняный сосуд, и это было то же слово, что и *овца* (Schaff). Греческое сказание о Периандре из Коринфа и жене его Мелиссе подтверждает нам, что *печь* означает женщину и матку. Когда, по Геродоту, тиран вызвал тень горячо любимой, но убитой им из ревности супруги, чтобы получить от нее нужные сведения, покойница удостоверила себя, напомнив, что Периандр *поставил свой хлеб в холодную печь*, намекая на событие, которое не могло быть известно никому, кроме нее. В изданной Ф. С. Крауссом *«Anthropophyteia»*, неисчерпаемом источнике всего, что касается половой жизни народов, можно узнать, что в одной немецкой местности существует следующее выражение о женщине, разрешившейся от бремени: *«У нее обвалилась печь»*. Приготовление огня и все, имеющее к нему отношение, насквозь пропитано сексуальной символикой. Пламя всегда представляет собой мужские гениталии, а место, где горит огонь, очаг — женское лоно.

Быть может, вас удивляет, что ландшафты в сновидении так часто изображают женские гениталии. В таком случае мифологи могут вам рассказать, какую роль в понятиях и культах древних народов играла *мать-земля* и какое громадное влияние оказала эта символика на их представления, связанные с земледелием. То обстоятельство, что ком-

ната (Zimmer) во сне изображает женщину (Frauenzimmer) вы, пожалуй, склонны будете объяснить выражением нашего языка, пользующегося словом *Frauenzimmer* (баба) вместо *Frau*, то есть заменяет человеческую личность предназначенным для нее помещением. Подобным же образом мы говорим о «Высокой Порте»[1], понимая под этим султана и его правительство; также и имя древнеегипетского властелина – *фараон* означает «большой двор». (В Древнем Востоке дворы между двойными воротами города образуют места, где все собираются, как на рыночной площади в классическом мире). Однако я думаю, что такое объяснение слишком поверхностно. Мне кажется более вероятным, что комната стала символом женщины как пространство, включающее в себе человека. Такое значение понятия «дом» нам уже известно; на основании данных мифологии и поэтического стиля мы можем присоединить к числу дальнейших символов женщины *город, замок, дворец, крепость*. Легче всего было бы разрешить этот вопрос изучением сновидений лиц, не знающих и не понимающих немецкого языка. В течение последних лет я лечил преимущественно иностранцев, и, насколько я помню, в их сновидениях комната имела значение женщины, хотя на их родном языке нет выражений, соответствующих немецкому *Frauenzimmer*. Имеются и другие доказательства того, что символические отношения не ограничиваются особенностями и свойствами языка, что, впрочем, утверждал уже старый исследователь сновидений Шуберт (1862). Однако ни один из известных мне сновидцев не был абсолютно незнаком с немецким языком, а поэтому разрешение этого вопроса я должен предоставить тем психоаналитикам, которые исследуют лиц в других странах, говорящих только на своем языке.

Среди символов, изображающих мужские гениталии, почти нельзя встретить ни одного, который бы не встречался среди шуточных или простонародных выражений или в поэтическом языке, особенно у древних классических поэтов. К их числу относятся не только символы, встречающиеся в сновидениях, но и новые, например, различные инструменты, главным образом плуг. Впрочем, касаясь символического изображения мужского начала, мы

---

[1] [Устаревшее дипломатическое выражение для обозначения османского двора в Константинополе до 1923 года; заимствовано из турецкого через французский.]

затрагиваем очень обширную и горячо оспариваемую область, от углубления в которую из экономии времени мы хотим воздержаться. Только одному символу – числу «три», особенно выделяющемуся среди всех других, мне хотелось бы уделить еще немного внимания[1]. Еще неясно, не обусловлена ли святость этого числа указанным символическим отношением. Но не подлежит никакому сомнению, что многие встречающиеся в природе, разделенные на три части предметы наподобие, например, трилистника, благодаря такому символическому значению были избраны гербами и эмблемами. Также разделенная на три части так называемая французская лилия и странный герб двух так далеко лежащих друг от друга островов, как Сицилия и остров Мен, *Triskeles* (три полусогнутые ноги, расходящиеся из одного центра) представляют собой лишь стилизацию мужских гениталий. Изображения мужских гениталий в древности считались самыми сильными защитными средствами *(Apotropaea)* против вредоносных влияний, и с этим связан также тот факт, что во всех современных амулетах, приносящих счастье, легко узнать генитальные или сексуальные символы. Рассмотрим, например, такого рода коллекцию, которую обыкновенно носят в виде маленьких серебряных брелоков: лист трилистника из четырех листков, свинку, гриб, подкову, лесенку и трубочиста. Четырехлистник заменяет трилистник, символ, действительно отвечающий своему назначению, свинья – старый символ плодородия; гриб, несомненно, символ пениса; существует порода грибов, которая своим классификационным именем *(phallus impudicus)* обязана бросающемуся в глаза сходству с мужским органом; подкова похожа на очертание женских половых органов, а трубочист, несущий лесенку, подходит к этой компании, потому что то, что он делает, в простонародье сравнивают с половым актом, см. *Anthropophyteia*. С лестницей его мы уже познакомились в сновидении как с сексуальным символом: тут приходит нам на помощь немецкое выражение, показывающее, что слово *steigen* (подниматься) употребляется в специфически сексуальном значении. Говорят: *«den Frauen nachsteigen»* (волочиться за женщинами) и «ein alter *Steiger*» (старый волокита). По-французски ступенька на-

---

[1] [См. также 14-ю лекцию.]

зывается *«la marche»*, имеется вполне аналогическое выражение для обозначения старого повесы *«un vieux marcheur»*. В связи с этим, вероятно, находится также и тот факт, что при половом акте у многих крупных зверей самец *взбирается, поднимается* на самку.

Символическое изображение онанизма в виде обрывания ветки не только совпадает с вульгарным обозначением онанистического акта, но имеет также распространенные мифологические параллели. Особенно замечательно, однако, изображение онанизма — или, лучше сказать, наказания за него, кастрации — посредством выпадения или вырывания зуба, так как в фольклоре имеется аналогичное представление, может быть, известное только очень немногим из тех людей, которые видят такие сны. Мне кажется, что столь распространенное у многих народов обрезание является несомненным эквивалентом и заменой кастрации. И вот нам сообщают, что в то время как в Австралии некоторые дикие племена совершают обрезание в форме ритуала при наступлении половой зрелости (во время празднеств по случаю инициации), их близкие соседи заменили этот акт вышибанием зуба.

На этом я заканчиваю свое изложение. То, что я рассказал, — только отдельные примеры; нам больше известно об этом предмете, но вы можете себе представить, насколько содержательнее и интереснее было бы такое исследование, если бы его проводили не дилетанты, каковыми являемся мы, а настоящие специалисты в области мифологии, антропологии, филологии и фольклора. Тут напрашиваются некоторые выводы, которые, не будучи исчерпывающими, вызывают много интересных соображений.

Во-первых, мы встречаемся здесь с тем фактом, что сновидец использует символические выражения, о которых в бодрствующем состоянии он не знает и не узнает. Это так же удивительно, как если бы вдруг открыли, что ваша прислуга знает санскритский язык, хотя вам известно, что она родилась в богемской деревне и никогда его не изучала. Этот факт невозможно объяснить при помощи наших психологических воззрений. Мы можем утверждать только одно: знание символики не сознается сновидцем, оно принадлежит к его бессознательной душевной жизни. Но и это положение оказывается неудовлетворительным. До сих пор мы чувствовали необходимость предположить наличие бессознательных стремлений, о которых нам ничего неизвестно,

временно или постоянно. Но теперь речь идет о чем-то большем, о бессознательном знании, мышлении, сравнении двух различных объектов, приводящем к тому, что один предмет может заменяться другим. Сравнения эти не делаются каждый раз заново, а имеются раз и навсегда уже готовыми. Это доказывает сходство их у различных лиц, сходство сохраняющееся, быть может, несмотря на различие языка.

Откуда же может взяться у тех, кто этим не занимался, такое знание символических отношений? Только часть символов объясняется общепринятым выражениями языка, многочисленные параллели из других областей по большей части были неизвестны сновидцу, и нам лишь с трудом удавалось их разыскать.

Во-вторых, эти символические отношения не представляют собой ничего такого, что было бы характерно только для сновидца или для работы сновидения, благодаря которой они проявились. Ведь нам известно, что этой же символикой пользуются мифы, сказки, народы в своих поговорках и песнях, общепринятое словоупотребление и поэтическая фантазия. Область символики необыкновенно велика, символика сновидений составляет только часть ее; даже нецелесообразно приступать к изложению всей этой проблемы, исходя из сновидения. Многие символы, употребляемые в других областях, в сновидениях встречаются очень редко или вовсе не встречаются; некоторые же символы сновидений встречаются не во всех других областях, а только в той или иной. Создается впечатление, что тут мы имеем дело со старым, утерянным уже способом выражения, от которого в различных областях сохранилось кое-что: одно в одном месте, другое в другом, а третье, быть может, в слегка измененной форме, одновременно в нескольких областях. Мне вспоминается в этом отношении фантазия одного интересного душевнобольного, сочинившего собственный «основной язык» и считавшего все эти символические отношения остатками того языка[1].

В-третьих, вам, должно быть, бросилось в глаза, что символика во всех названных областях отнюдь не только сексуальная, между тем как в сновидении символы употребляются для выражения почти исключительно сексуальных

---

[1] [Имеется в виду председатель судебной коллегии Шребер, историю болезни которого проанализировал Фрейд (1911*c*).]

объектов и отношений. И это нелегко объяснить. Не могло ли быть так, что изначально сексуальные символы получили впоследствии другое применение и не связан ли с этим постепенный переход от символического изображения к несимволической форме. Если заниматься только символикой сновидений, то, очевидно, невозможно ответить на эти вопросы. Можно только придерживаться предположения, что существуют особенно тесные взаимоотношения между настоящими символами и сексуальностью.

В этом отношении в последние годы нам дано было очень важное указание. Филолог Г. Шпербер (Упсала), работающий независимо от психоанализа, доказал, что в образовании и развитии языка принимали самое большое участие сексуальные потребности. Первоначальные звуки языка имели целью призывать особи другого пола, а в дальнейшем развитие корней языка имело отношение к работе первобытного человека. Работы эти производились сообща и сопровождались ритмически повторяемыми словами. При этом на работу переносился сексуальный интерес. Первобытный человек как бы облегчал себе работу, делал ее приятной, относясь к ней как к эквиваленту и замене половой деятельности. Произносимое при совместной работе слово получало, таким образом, двоякое значение, обозначая как половой акт, так и саму деятельность. Со временем слово лишилось своего сексуального значения и зафиксировалось на этой работе. Несколько поколений спустя то же самое произошло с новым словом, имевшим до того сексуальное значение и примененным к новому виду работы. Таким путем образовалось известное число корней языка, имевших сексуальное происхождение. Если вышеизложенная точка зрения верна, то перед нами открывается возможность понять символику сновидения. Мы могли бы понять, почему в сновидении, сохранившем кое-что из этих древних отношений и условий, встречается так много символов для обозначения сексуального, почему вообще оружие и инструменты символизируют «мужское», а материал и то, что обрабатывают – «женское», символические отношения были бы в таком случае отражением древнего словесного тождества; вещи, которые некогда назывались так же, как гениталии, могли бы теперь во сне стать их символами.

Из приведенных параллелей в символике сновидений вы можете также оценить особенности психоанализа, бла годаря которым он может привлечь к себе всеобщий инте-

рес в такой мере в какой ни психология, ни психиатрия этого не могут сделать. При психоаналитической работе завязываются отношения со многими другими гуманитарными науками, с мифологией и филологией, с фольклором и психологией масс и с теологией, изучение которых обещает самые ценные результаты. Вам будет понятно, почему на почве психоанализа появился журнал, поставивший себе исключительной задачей разработку этих научных дисциплин в свете психоанализа; журнал *«Imago»*, основанный в 1912 году под редакцией Ганса Захса и Отто Ранка. До сих пор эти отношения складывались так, что психоанализ больше давал, чем получал. Несомненно, и он выигрывал от того, что его своеобразные результаты приобретали большую достоверность благодаря тому, что находили подтверждение в других областях науки; но в целом психоанализ предложил те технические приемы и общие подходы, применение которых оказалось таким плодотворным в других областях. Душевная жизнь отдельного человеческого существа дает при психоаналитическом исследовании те сведения, при помощи которых мы можем разрешить или, по крайней мере, осветить многие загадки из жизни народных масс.

Кстати, я вам еще не сообщил, при каких условиях мы можем глубже всего заглянуть в тайны этого предполагаемого «основного языка», из какой области науки мы узнали о нем больше всего. А пока вы этого не знаете, вы не можете оценить всего значения этого предмета. Областью этой было учение о неврозах, материалом — симптомы и другие проявления болезни нервнобольных, для выяснения и лечения которых и был создан психоанализ.

Рассматривая вопрос с четвертой точки зрения, мы возвращаемся опять к началу и направляемся по ранее намеченному нами пути. Мы уже сказали, что если бы даже не было цензуры сновидения, сон все-таки оставался бы для нас непонятным, потому что нам предстояла бы еще задача перевести символический язык сновидения на язык нашего бодрствующего мышления. Символика, следовательно, является вторым независимым моментом искажения сновидения наряду с цензурой. Напрашивается мысль, что для цензуры сновидения очень удобно пользоваться символикой, так как последняя приводит к тем же последствиям, то есть к тому, что сновидение становится странным и непонятным.

Скоро выяснится, не натолкнемся ли мы при дальнейшем изучении сновидения на еще один момент, способствующий искажению сновидения. Но я не хотел бы оставлять тему символики сновидений, не коснувшись еще раз того загадочного явления, что она встретила такой резкий отпор со стороны образованных людей в то время, как распространенность символики в мифе, религии, искусстве и в языке не подлежит никакому сомнению. Уж не виновата ли в этом опять-таки связь с сексуальностью?

ОДИННАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Работа сновидения[1]

Уважаемые дамы и господа! Если вы усвоили сущность цензуры сновидений и символического изображения, то, хотя вы и не вполне разрешили вопрос об искажении сновидений, но уже в состоянии понять большинство сновидений. Вы можете пользоваться обоими, дополняющими друг друга, техническими приемами, вызывая у сновидца различные ассоциативные мысли, пока не проникнете от заменяющего представления к настоящему, и подставляя на основании собственных знаний на место символов их действительное значение. Ниже мы еще коснемся некоторых возникающих при этом сомнений.

Теперь мы можем снова вернуться к той работе, которую мы пытались сделать в свое время, но тогда у нас не хватило на это средств. Я имею в виду вопрос об отношении между элементами сновидения и их собственным содержанием, изучая который мы установили четыре вида таких отношений: части вместо целого, приближение или намек, символическое отношение и наглядное изображение слова. Теперь мы предпримем то же самое, но в большем масштабе, сравнивая явное содержание сновидения в целом с найденным посредством толкования скрытым содержанием сновидения.

---

[1] [В «Толковании сновидений» (1900а) работе сновидения посвящена вся VI глава (более трети книги).]

Надеюсь, что вы никогда уже больше не перепутаете одно с другим. Если вы добьетесь этого, то достигните, вероятно, большего в смысле понимания сновидения, чем большинство читателей моей книги «Толкование сновидений». Позвольте напомнить вам еще раз, что работа, превращающая скрытый сон в явный, называется *работой сновидения.* А работа, идущая в противоположном направлении, стремящаяся добраться до скрытого содержания сновидения, исходя из явного, составляет нашу *работу толкования.* Работа толкования стремится устранить работу сновидения. Даже сновидения детского типа, признанные нами совершенно очевидным исполнением желания, все-таки испытали на себе некоторую работу сновидения в виде перевода этого желания в реальность и в большинстве случаев также перевода мыслей в зрительные образы. Здесь не нужно никакого толкования, а достаточно одного только возвращения к первоначальной форме этих двух видов превращения. То, что в других сновидениях работа сновидения добавляет в их содержание, мы называем *искажением сновидения,* и наша работа толкования стремится устранить именно его.

Благодаря сравнению большого числа толкований сновидений я в состоянии последовательно показать вам, что именно проделывает работа сновидения над материалом, состоящим из скрытых мыслей сновидения. Но прошу вас не связывать с этим особых ожиданий. Это только описание, которое следует выслушать со спокойным вниманием.

Первое достижение работы сновидения состоит в *сгущении*[1]. Под этим мы понимаем тот факт, что явное сновидение по содержанию своему короче, чем скрытое, то есть представляет собой своего рода сокращенный перевод последнего. Иной раз сгущения может и не быть, но обычно оно имеется, а очень часто оно даже невероятно велико. Но никогда не бывает обратного, то есть не бывает случаев, чтобы явное сновидение было по объему и содержанию больше скрытого. Сгущение происходит благодаря тому, что: 1) некоторые скрытые элементы вообще опускаются; 2) только самая небольшая часть некоторых комплексов скрытого сновидения переходит в явное содержание; 3) скрытые элементы, имеющие нечто общее, соединяются, сливаются в одно целое в явном содержании сновидения.

---

[1] [Сгущение обсуждается в разделе А в VI главе «Толкования сновидений» (1900*a*) на большом количестве примеров.]

Если хотите, можете сохранить название «сгущение» только для этого последнего процесса. Действие его можно продемонстрировать особенно легко. Вы без труда вспомните, как случалось в наших собственных сновидениях, что несколько различных лиц сгущаются в одно. Такое «смешанное лицо» похоже, например, на А., но одето, как Б., совершает какое-нибудь действие, какое, помнится, делал В., и при этом еще каким-то образом знаешь, что лицо это есть Г. Посредством такого смешивания, разумеется, подчеркивается нечто общее у всех этих четырех лиц. Подобным же образом можно составить смесь из различных предметов или местностей, если только выполнено условие, требующее, чтобы эти предметы или каждая в отдельности местность имели между собой нечто общее, подчеркиваемое в скрытых мыслях сновидения. Это что-то вроде нового и мимолетного образования понятия, ядро которого составляет это общее. Благодаря тому, что отдельные, сгущенные единицы накладываются одна на другую, обычно создается неясная, расплывчатая картина, похожая на ту, что получается, если на одной и той же пластинке сделать несколько фотографических снимков.

Очевидно, для работы сновидения очень важно создавать такое смешанные образования, и мы можем доказать, что необходимые для этого общие признаки создаются нарочно там, где их раньше не было, например, при выборе словесного выражения для какой-либо мысли. Мы уже встречались с такими сгущениями и смешениями; они играют роль в образовании некоторых обмолвок. Вспомните про молодого человека, который собирался *пробидеть* даму. Кроме того, имеются еще остроты, механизм образования которых сводится к такого рода сгущению[1]. Но независимо от этого можно утверждать, что такой процесс представляет собой нечто совершенно необыкновенное и странное. Образование смешанных персонажей в сновидении, правда, похоже на некоторые продукты нашей фантазии, которая легко соединяет в одно целое части, в действительности не связанные между собой, как, например, кентавры и сказочные животные в древней мифологии или на картинах Бёклина. «Творческая» фантазия вообще не может изобрести ничего нового, а толь-

---

[1] [Фрейд обсуждает этот механизм в первом разделе главы II работы «Острота и ее отношение к бессознательному» (1905*c*) и подтверждает его многими примерами.]

ко соединяет чуждые друг другу части в одно целое. Однако в работе сновидения странным является следующее: материал, которым располагает работа сновидения, состоит из мыслей, и некоторые из них, хоть и неприличны, неприемлемы, но все же вполне правильно образованы и выражены. Мысли эти при помощи работы сновидения переводятся в другую форму, и очень странным и непонятным кажется то, что при таком переводе, как бы при изложении на другом языке или другим шрифтом, находят применение средства слияния и комбинации. В переводе обычно стараются сохранить различия, имеющиеся в тексте, и не смешивать то, что имеет сходство. А работа сновидений, наоборот, старается сгустить две различных мысли, подобно тому, как это делается в остроте, которая стремится найти многозначное слово, чтобы соединить обе мысли. Не стоит пытаться сразу понять этот ход, но он может иметь большое значение для нашего понимания работы сновидения.

Хотя сгущение делает сновидение неясным, все-таки не возникает впечатления, что оно является результатом действия цензуры сновидения. Скорее хочется объяснить его механическими или экономическими моментами; однако приходится принимать в расчет и цензуру.

Результаты деятельности сгущения могут быть совершенно исключительными. При его помощи удается порой соединить в одном явном сновидении две совершенно различных скрытых мысли, так что можно получить кажущееся вполне удовлетворительным толкование сновидения и при этом пропустить еще одно возможное толкование.

Следствием сгущения является также и то, что в отношениях между скрытыми и явными сновидениями не сохраняется простое соответствие между элементами того и другого. Один явный элемент соответствует одновременно многим скрытым и, наоборот, один скрытый элемент может принимать участие в нескольких явных, как бы в виде скрещивания. При толковании сновидения оказывается также, что не все, имеющее отношение к какому-либо одному явному элементу, должно непременно приходить в голову непосредственно одно за другим. Часто для этого приходится ждать, пока все сновидение не будет истолковано.

Итак, работа сновидения совершает необычайную по форме транскрипцию мыслей сновидения, она производит не перевод их слово за словом или знак за знаком и не выбор по определенному правилу, как, например, когда повторя-

ются только согласные какого-нибудь слова, а гласные пропускаются; это и не то, что можно назвать представительством, когда всякий раз вместо многих элементов извлекается только один; здесь имеет место что-то другое и притом гораздо более сложное.

Во-вторых, работа сновидения выражается в *смещении*[1]. В этом вопросе мы, к счастью, уже выполнили подготовительную работу: мы знаем, что оно всецело является делом цензуры сновидения. Оно проявляется двояким образом: во-первых, в том, что какой-нибудь скрытый элемент замещается не собственной же частью, а чем-то отдаленным, то есть намеком, а во-вторых, в том, что психический акцент переходит с важного элемента на другой, незначительный, так что весь смысл сновидения меняется, и оно производит странное впечатление.

Замещение при помощи намека встречается также и в нашем мышлении во время бодрствования, однако здесь все же есть различие. В мышлении во время бодрствования намек должен быть легко понятен, и то, что заменяет настоящее содержание, должно иметь по смыслу отношение к этому настоящему содержанию. И острота часто пользуется намеком, отказываясь от ассоциаций по содержанию и заменяя их необычными внешними ассоциациями, например, по созвучию или вследствие двусмысленности и т. п. Однако при этом сохраняется требование понятности: острота лишилась бы всего своего эффекта, если бы нельзя было проделать обратный путь от намека к настоящему содержанию мысли[2]. Но намек в сновидении, выраженный при помощи смещения, свободен от всех этих ограничений. Связь его с элементом, который он заменяет, самая внешняя и самая отдаленная, поэтому он непонятен, и если его разъяснить, то это объяснение производит впечатление неудачной шутки или кажется надуманной, притянутой за уши трактовкой. Цензура сновидения только в таком случае достигает цели, когда невозможно найти обратный путь от намека к настоящему содержанию мыслей сновидения.

---

[1] [Оно является темой раздела Б в VI главе «Толкования сновидений» (1900a), но упоминается также и во многих других частях книги.]

[2] [Механизм намека при образовании остроты с большим числом примеров изложен в 11-м разделе главы II работы «Острота и ее отношение к бессознательному» (1905c).]

Смещение акцента как средство выражения мысли нигде не встречается. При мышлении в бодрствующем состоянии мы иной раз допускаем его, чтобы добиться комического эффекта. Впечатление ошибки, которое оно производит, возникнет у вас, если я напомню вам анекдот про одного деревенского кузнеца, который совершил очень тяжкое преступление, заслуживающее смертной казни. Суд постановил, что он должен понести наказание за совершенное преступление, но так как в деревне был только один кузнец, и его было некем заменить, но имелось трое портных, то вместо кузнеца был повешен один из них.

Психологически интереснее всего третье проявление работы сновидения. Оно состоит в том, что мысли переводятся в зрительные образы[1]. Постараемся не упустить из вида, что не все в мыслях сновидения испытывает такое превращение, кое-что сохраняет свою форму и появляется в явном содержании сновидения в виде мысли или известного факта; зрительные образы являются также не единственной формой.

Однако они представляют собой существенную сторону в образовании сновидения, которая, как нам уже известно, по своему постоянству занимает второе место, а что касается отдельных элементов сновидения, то мы уже познакомились с «наглядным изображением слов» (7-я лекция).

Конечно, это нелегкая работа. Чтобы составить себе представление о связанных с нею трудностях, вообразите, что вы взяли на себя обязанность заменить какую-нибудь политическую передовицу в газете рядом иллюстраций, то есть вместо того чтобы писать буквами, вы вернулись бы к древнему способу изображения мысли посредством рисунков. Поскольку в этой статье речь идет о лицах и конкретных предметах, вы легко и, может быть, даже с выгодой замените их рисунками, но вы столкнетесь с трудностями при изображении отвлеченных понятий и всех частей речи, указывающих на взаимоотношение мыслей, как-то предлогов, союзов и т. п. При изображении отвлеченных понятий, вы сумеете себе помочь, пользуясь всевозможными искусственными приемами. Вы, например, попытаетесь изложить текст статьи другими словами, может быть, несколько необычными и содержащими больше конкретных понятий,

---

[2] [Этот вопрос наиболее детально рассматривается в разделе В в главе VI «Толкования сновидений» (1900*a*).]

пригодных для изображения. Далее, вы вспомните, что большинство абстрактных понятий является утратившими яркость конкретными представлениями, и поэтому там, где это только возможно, воспользуетесь первоначальным конкретным значением таких слов. Вы будете при этом рады, если сможете изобразить обладание объектом (Besitzen) в виде действительного физического сидения на нем (Daraufsitzen). Так же происходит работа сновидений. При таких условиях вряд ли можно предъявлять большие требования в смысле точности изображения. Вы согласитесь, что работа сновидений над таким, например, трудно поддающимся изображению в виде рисунка явлением, как нарушение супружеской верности (Ehebruch), заменила этот поступок каким-нибудь другим разрывом или переломом (Bruch), например, переломом ноги (Beinbruch)[1]. Таким пу-

---

[1] При корректуре этой книги мне случайно попалась в руки газетная заметка, которую привожу здесь как неожиданную иллюстрацию вышеизложенного:

БОЖЬЯ КАРА (Перелом руки за нарушение супружеской верности)

Анна М., жена ополченца, обвинила Клементину К. в *нарушении супружеской верности*. В обвинении говорится, что К. находится с Карлом М. в преступной связи, в то время как собственный муж К. на войне, откуда он даже присылает ей ежемесячно семьдесят крон. К. получила от мужа пострадавшей уже довольно *много денег*, между тем как она сама с ребенком вынуждена *жить в нужде и терпеть голод*. Товарищи мужа рассказывали ей, что К. посещает с М. рестораны и кутит там до поздней ночи. Однажды обвиняемая спросила мужа пострадавшей в присутствии многих солдат, скоро ли он разведется со своей «старухой» и переедет к ней. Жена дворника дома, где живет К., неоднократно видела мужа пострадавшей в полном неглиже в квартире К.

На суде в Леопольдштадте К. *отрицала*, что знакома с М., а об интимных отношениях между ними не могло быть и речи.

Однако свидетельница Альбертина. М. показывала, что она неожиданно застала К. при том, как та целовала мужа пострадавшей.

Допрошенный уже при первом разборе дела М. тогда отрицал интимную связь с обвиняемой. Вчера судье было представлено *письмо*, в котором свидетель отказывается от своих показаний, данных при первом разборе дела, и *сознается*, что до июня месяца поддерживал любовную связь с К. При первом разборе он только потому отрицал свои отношения с обвиняемой, что перед разбором дела она явилась к нему и *на коленях умоляла* спасти ее и ничего не говорить. «Теперь же – писал свидетель, – я чувствую потребность откровенно сознаться перед судом, так как я *сломал левую руку* и вижу в этом *Божью кару* за мое преступление».

Судья установил, что срок преступления *прошел*, вследствие чего пострадавшая *взяла* свою жалобу *обратно*, а обвиняемая была оправдана.

тем вы сумеете до некоторой степени компенсировать неуклюжесть выражения мыслей посредством рисунка, призванного заменить буквенное выражение. Для изображении частей речи, означающих взаимоотношения мыслей, вроде «потому что, поэтому, но» и т. д., у вас не будет нужных средств; поэтому соответствующие части текста пропадут при вашем переводе мыслей на язык рисунков. Точно так же благодаря работе сновидения содержание мыслей сновидения растворяется в его сыром материале предметов и действий. Вы будете довольны, если вам удастся хоть слегка намекнуть посредством мелких деталей рисунка на определенные, не поддающиеся изображению отношения. Точно так же работе сновидения удается выразить кое-что из содержания скрытых мыслей сновидения при помощи формальных особенностей явного содержания сновидения, например, в его ясности или невразумительности, разделения на несколько частей и т. п. Число частей, на которые распадается сновидение, обыкновенно соответствует числу главных тем, ходу и порядку мыслей в скрытом сновидении; короткое вступительное сновидение служит часто предисловием или мотивировкой главного, более развернутого сновидения; придаточное предложение в мыслях сновидения замещается в явном сновидении посредством смены сцен и т. п. Таким образом, форма сновидения отнюдь не лишена всякого значения, а также должна быть подвергнута толкованию. Несколько снов в течение одной ночи часто имеют то же значение и указывают на усилие как-нибудь получше справиться с назойливым раздражителем. Даже в одном и том же сновидении особенно трудный элемент может быть изображен посредством «дублирования»[1] нескольких одинаковых символов.

Если продолжать сравнение мыслей сновидения с замещающим их явным содержанием, то можно узнать много такого, чего мы вовсе не ожидали, например, что бессмыслица и абсурдность сновидений имеют свое значение. Более того, в этом пункте противоречие между медицинским и психоаналитическим пониманием сновидения обостряется до последней степени. С медицинской точки зрения сновидение бессмысленно, так как душевная деятельность,

[1] [Филологический термин для обозначения двух различных слов, имеющих одинаковую этимологию.]

создающая сновидение, лишена всякой критики; с нашей же точки зрения, напротив, сновидение становится бессмысленным тогда, когда содержащаяся в мыслях сновидения критика хочет сказать: это бессмыслица. Хороший пример представляет известное нам сновидение о посещении театра (три билета за 1 гульден 50 крейцеров). Выраженная таким путем мысль обозначает: «Не имеет никакого смысла так рано выходить замуж».

Точно так же при работе над толкованием мы узнаем и начинаем понимать, что именно соответствует сомнению и неуверенности сновидца в том, встречался ли в сновидении некий элемент или нет, был ли именно этот элемент или какой-либо другой. Как правило, ничто не соответствует этой неуверенности и сомнению в скрытых мыслях сновидения; они возникают под действием цензуры сновидения и могут быть приравнены к не вполне удавшейся попытке уничтожить этот элемент сновидения.

К числу самых поразительных открытий толкования сновидений относится также тот способ, посредством которого работа сновидения разрешает противоречия, заключавшиеся в скрытом содержании сновидения. Мы уже знаем, что совпадения в скрытом материале заменяются в явном содержании сновидения посредством сгущения в один элемент. Но и с противоположностями работа сновидений поступает точно так же, как с совпадениями, они особенно часто выражаются одним и тем же явным элементом. Элемент явного содержания, способный выражать и нечто противоположное, может в равной мере иметь как свое настоящее значение, так и противоположное или даже одновременно оба значения; только по общему смыслу можно решить, на каком значении следует остановиться в данном случае. В связи с этим находится тот факт, что в сновидении нельзя найти изображения отрицания «нет», по крайней мере, недвусмысленного.

На желанную для нас аналогию этого странного явления в работе сновидения указывает лингвистика. Некоторые лингвисты утверждают, что в самых древних языках противоположности вроде: сильный–слабый, светлый–темный, большой–маленький – выражаются одним и тем же корневым словом («О противоположном значении первых слов»). Так, например, на древнеегипетском языке *ken* первоначально означало «сильный» и «слабый». Во избежание недоразумений, при употреблении таких амбивалент

ных слов в разговоре пользовались особым тоном или сопровождающими речь жестами, в письме прибавляли так называемый детерминатив, то есть особый, не произносившийся при чтении рисунок. *Ken* – сильный писалось таким образом, что после буквенных знаков помещалось еще изображение прямостоящего человечка; если же *ken* понималось в смысле слабый, то следовал рисунок, изображающий бессильно согнувшегося человечка. Только уже позже. посредством незначительных изменений одинаково первоначально звучащего слова получилось два обозначения противоположностей. Из *ken* «сильный–слабый» образовались *ken* – сильный и *kan* – слабый. Не только древнейшие языки в своем позднейшем развитии, но и гораздо более молодые, даже еще и теперь живые языки сохранили много следов этого старого противоположного смысла первоначальных корней. Сообщу вам несколько примеров по К. Абелю (1884)[1].

В латинском языке такими все еще амбивалентными словами являются: *altus* – (высокий–низкий) и *sacer* – (святой–нечестивый).

Как примеры изменения одного и того же корня, привожу: *clamare* – кричать, *clam* – тихо, тайно; *siccus* – сухой, *succus* – сок. В немецком языке: *Stimme* – голос. *stumm* – немой.

Если сравнить родственные языки, то можно найти много примеров: Английский: *lock* – закрывать, немецкий – *Loch, Lücke* – дыра, люк. Английский: *cleave* – раскалывать, немецкий *kleben* – клеить.

Английское слово *without*, означающее собственно «с-без». теперь употребляется только в смысле «без»: то, что *with* помимо смысла прибавки имеет еще и смысл отнимания, следует из соединений: *withdraw, withhold*. Точно так же немецкое слово *wieder*.

Еще одна особенность работы сновидения находит свою параллель в лингвистике. В древнеегипетском, как и в других, более поздних языках, встречается обратный порядок звуков в слове того же значения. Такие примеры между английским и немецким языками следующие: *Topf* – *Pot* (гор-

---

[1] [О монографии Абеля «О противоположном значении первых слов» Фрейд написал статью (1910е), из которого взята значительная часть представленного здесь материала. К этой теме он возвращается еще раз в 15-й лекции.]

шок); *boat* – *tub* (лодка); *hurry* – (спешить) – *Ruhe* (покой); *Balken* (бревно) – *Kloben* (полено); *wait* (ждать) – *täuwen*.

Между латинским и немецким: *capere* – *packen* (хватать), *ren* – *Niere* (почка).

Инверсии, которые здесь происходят с отдельными словами, совершаются работой сновидения в самых разнообразных формах. Мы уже знаем случаи превращения смысла в противоположный, замещение посредством противоположного. Но, кроме того, в сновидениях встречаются превращения в противоположные ситуации взаимоотношений между лицами, то есть все происходит как бы в «перевернутом мире». В сновидении нерёдко заяц стреляет в охотника. Далее, встречаются инверсии в последовательности событий, так что то, что является предшествующей причиной, в сновидении занимает место после вытекающего из нее следствия. Сцена разыгрывается как в представлении захудалого любительского театра, когда герой падает, а вслед затем из-за кулис раздается выстрел, который должен его убить. Или же встречаются сновидения, в которых все элементы расположены в обратном порядке и, чтобы понять смысл сновидения, нужно поставить последний элемент на первое место, а первый – на последнее. Вы помните, что еще при изучении символики сновидений мы установили, что идти или падать в воду так же, как и выходить из воды, имеет одно и то же значение, то есть рожать или родиться, и что подниматься по лестнице означает то же самое, что спускаться по ней. Вполне понятно, что искажение сновидений существенно выигрывает от такой свободы в способах изображения.

Эти черты работы сновидения можно назвать *архаическими*. Такими же чертами отличаются древние системы способов выражения мыслей, языков, письма и несут с собой те же трудности, о которых еще речь будет ниже, в критическом обзоре[1].

А теперь приведу несколько других точек зрения. В работе сновидений дело сводится к тому, чтобы выраженные словами скрытые мысли превратить в чувственные образы, большей частью зрительного характера. Однако наши мысли произошли именно от таких чувственных образов; их исходный материал и предшествующую ступень составляли

[1] [См. 13-ю лекцию.]

чувственные впечатления, точнее сказать, образы-воспоминания о таких впечатлениях. С воспоминаниями затем связываются слова, из которых составляются мысли. Работа сновидений, таким образом, заставляет мысли пойти *по регрессивному* пути[1], сводит на нет их развитие, и при такой регрессии должно исчезнуть все то, что было приобретено в ходе развития от образов воспоминания к мыслям.

Вот в чем состоит работа сновидений. Интерес к явному сновидению должен отойти на задний план по сравнению с теми процессами, о которых мы узнали при изучении этой работы. Но я хочу посвятить еще несколько слов этому явному содержанию сновидения, которое одно только и дано нам непосредственно в сновидении.

Вполне естественно, что явное содержание сновидения потеряло для нас свой интерес. Нам должно быть совершенно безразлично, хорошо ли оно составлено или распадается на ряд отдельных картин без всякой внутренней связи. Если даже оно внешне как будто имеет вполне определенный смысл, мы все же знаем, что эта внешняя сторона возникла в результате искажения сновидения и может иметь так же мало отношения к внутреннему содержанию сновидения, как фасад итальянской церкви к ее конструкции и силуэту. Иной раз и фасад этот имеет свое значение, когда в нем содержится важная часть скрытых мыслей сновидения в мало или даже в совсем неискаженном виде. Но мы лишены возможности узнать это, пока не подвергнем сновидение толкованию и не составим себе суждение о том, в какой мере здесь имело место искажение. Такое же сомнение вызывает и тот случай, когда кажется, что два элемента сновидения находятся в тесной связи. Такая связь может служить намеком на то, что и соответствующие этим элементам скрытые мысли сновидения тоже можно связать, но в других случаях можно убедиться, что, наоборот, то, что связано в мыслях, разъединено в сновидении.

В общем, никогда не следует пытаться объяснить одну часть явного содержания из другой, как если бы сновидение было связно выстроено и представляло собой прагматическое изложение мыслей. Его скорее можно сравнить с искусственным мрамором из Брешии, составленным из различных кусков камня, при помощи связывающего их це-

---

[1] [Тему регрессии Фрейд подробно обсуждает в 22-й лекции.]

мента, так что получающиеся при этом узоры не соответствуют первоначальным составным частям. Часть работы сновидения, так называемая *вторичная переработка*[1] действительно направлена на то, чтобы составить из ближайших результатов работы сновидения нечто целое, приблизительно совместимое внутри себя. При этом весь материал располагается в совершенно не соответствующем смыслу порядке, а там, где это кажется нужным, делаются еще вставки.

С другой стороны, нельзя переоценивать значение работы сновидения и приписывать ей слишком многое. Деятельность ее исчерпывается перечисленными процессами; она не может сделать ничего большего, чем сгустить, сместить акцент, изобразить наглядно и подвергнуть все вторичной обработке. Все выражения, содержащие суждение, критику, удивление, выводы, не относятся к работе сновидения; только в редких случаях они выражают размышления по поводу сновидения, а большей частью они составляют отрывки скрытых мыслей сновидения, переведенных в явное содержание в более или менее измененном виде и приспособленных к общему его содержанию. Работа сновидения не может также создавать целых речей и фраз. За весьма малыми исключениями, речи в сновидении представляют собой подражание или составлены из речей, которые слышали или сами произносили в тот день, когда видели сон, и которые вошли в состав скрытых мыслей сновидения в качестве материала или побудителей сновидения. Точно так же работа сновидения не может делать арифметических вычислений, все встречающиеся в явном сновидении вычисления представляют собой набор чисел, только похожий на вычисление, не имеющий, однако, никакого смысла, и их истоки опять-таки находятся в скрытых мыслях сновидения. При таких условиях нет ничего удивительного в том, что интерес, вызванный работой сновидения, скоро устремляется на скрытые мысли сновидения, которые представлены в явном сновидении в более или менее искаженном виде. Но нельзя согласиться, чтобы пренебрежительное отношение к явному содержанию сновидения заходило так далеко, что с точки зрения теории скрытые мысли сновидения ставились бы на место самого

[1] [Это является темой раздела И в главе VI «Толкования сновидений» 1900*a*).]

сновидения и высказывания о сновидении, по сути, относились бы лишь к его скрытым мыслям. Странно, что стало возможным злоупотребление результатами психоанализа, приведшее к подобного рода путанице. «Сновидением» можно назвать только результат работы сновидения, то есть ту *форму*, в которую переводятся скрытые мысли сновидения благодаря его работе.

Работа сновидения — процесс совершенно своеобразный, и до сих пор не было известно ничего подобного ему в душевной жизни. Такое сгущение, смещение, регрессивное превращение мыслей в зрительные образы являются чем-то новым в психологии, их открытие в достаточной мере вознаграждает психоанализ за все труды. Из приведенных параллелей к работе сновидений вы можете видеть, что раскрывается глубокая связь психоаналитического исследования с другими отраслями науки, особенно с историей развития языка и человеческого мышления. Представление о том, какое еще значение приобретают эти взгляды, вы сможете составить себе, когда узнаете, что механизмы образования сновидений являются прототипом механизмов образования невротических симптомов.

Я знаю также, что мы еще не можем пока постичь все значение для психологии новых данных, заключающихся в этих работах. Укажем только на то, какие новые доказательства относительно существования бессознательных душевных актов содержатся в них — а ведь такими являются скрытые мысли сновидения — и какие неожиданно широкие перспективы для изучения бессознательной душевной жизни открывает нам толкование сновидений.

Но теперь, пожалуй, будет своевременным привести вам несколько небольших примеров сновидений, к чему вы уже подготовлены всем вышеизложенным.

ДВЕНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Примеры анализа сновидений

Уважаемые дамы и господа! Не разочаровывайтесь, если я снова предложу вам фрагменты толкования сновидений, вместо того чтобы пригласить вас участвовать в толковании хорошего большого сновидения. Вы скажете, что вы имеете на это право после стольких приготовлений и выскажете убеждение, что после удачного истолкования стольких тысяч сновидений должна была бы образоваться возможность собрать ряд прекрасных примеров сновидений. которые позволили бы продемонстрировать все наши взгляды относительно работы и мыслей сновидений. Это верно. но возникает слишком много трудностей на пути к удовлетворению нашего желания.

Я должен вам прежде всего сознаться, что никто не занимается толкованием сновидений в качестве своей основной профессии. Но когда вообще занимаются толкованием сновидений? При случае без специальных целей можно заняться сновидениями близкого друга или работать над своими собственными сновидениями в течение некоторого времени, чтобы научиться вести психоаналитическую работу. по большей же части имеешь дело со сновидениями нервнобольных, подвергающихся аналитическому лечению. Сновидения этих последних представляют собой великолепный материал и ни в чем не уступают сновидениям здоровых людей, однако техника лечения заставляет нас подчинять толкование сновидений терапевтическим целям и оставлять без внимания большое число сновидений после того, как из них извлекаешь нечто, имеющее терапевтическое значение. Некоторые сновидения, встречающиеся во время лечения, вообще не поддаются полному истолкованию. Так как они исходят из всей совокупности еще незнакомого нам психического материала, то понять их удается только по окончании лечения. Сообщение таких сновидений сделало бы необходимым раскрытие всех тайн невроза; но это для нас невозможно, так как мы занимаемся сновидениями только с целью подготовки к изучению неврозов..

Вы, конечно, отказались бы от этого материала и хотели бы скорее услышать о толковании сновидений здоровых

людей или своих собственных. Но это недопустимо из-за содержания сновидений. Невозможно так беспощадно обнажать ни самого себя, ни другого, если пользуешься его доверием, как этого требует подробное толкование сновидений, которые, как вы уже знаете, касаются самых интимных сторон личности. Кроме этого затруднения в получении материала для такого сообщения, нужно учитывать и другое. Вы знаете, что сновидения кажутся чуждыми даже самому сновидцу, не говоря уже о посторонних людях, незнакомых с ним. В нашей литературе нет недостатка в хороших и подробных анализах сновидений; я сам опубликовал несколько анализов в контексте историй болезни[1]; быть может, наилучшим примером толкования сновидения является описание О. Ранком двух взаимосвязанных сновидений молодой девушки, занимающих около двух печатных страниц, тогда как анализ их охватывает 76 страниц. Мне понадобился бы целый семестр, чтобы развернуть перед вами такую работу. Если берешься за довольно длинное и сильно искаженное сновидение, то приходится давать столько пояснений, приводить столько материала, состоящего из возникающих по поводу этого сновидения мыслей и воспоминаний, делать так много отступлений, что лекция о таком сновидении оказалась бы совершенно неясной и неудовлетворительной. Я вынужден поэтому просить вас довольствоваться тем, что легче осуществить, то есть сообщением кратких фрагментов сновидений невротических лиц, на которых можно частично познакомиться с той или другой особенностью сновидения в отдельности. Легче всего продемонстрировать символы сновидений, затем некоторые особенности регрессивного изображения сновидений. Что же касается каждого из нижеследующих сновидений, то я вам укажу, почему я считал необходимым его сообщить.

1. Сновидение состоит только из двух простых картин: *его дядя курит папиросу, хотя сегодня суббота; какая-то женщина гладит и ласкает его (сновидца), как будто он ее ребенок.*

Относительно первой картины сновидец (еврей) замечает, что дядя его религиозен и никогда не совершал и не

---

[1] [Наиболее значительными примерами этого являются оба сновидения в анализе пациентки «Доры» (1905e) и детское сновидения «Волкова» (1918b). Последний случай был описан до появления настоящей лекции, но опубликован позднее.]

совершил бы подобного греха. Относительно женщины из второй картины ему приходит в голову только его собственная мать. Очевидно, что эти две картины или мысли нужно привести в связь одну с другой. Но как это сделать? Так как сновидец решительно отрицает возможность подобного поступка со стороны своего дяди, то весьма естественно допустить здесь «если». «Если дядя, этот святой человек, стал бы в субботу курить папиросу, то и я бы мог допустить, чтобы меня ласкала моя мать». Это значит, что материнская ласка представляет собой такой же недопустимый поступок, как курение в субботу. Вы помните мои слова о том, что при работе сновидений отпадают все соотношения между мыслями сновидений, они растворяются в составляющем их сыром материале, и задача толкования состоит в том, чтобы снова восстановить опущенные отношения.

2. Благодаря моим публикациям о сновидениях я в известном смысле стал общественным консультантом по вопросам, касающимся сновидений, и в течение уже многих лет получаю со всех сторон письма, в которых мне сообщают сновидения или просят высказать мое мнение о них. Я, разумеется, благодарен тем, кто в придачу к сновидению прилагает материал, дающий возможность толкования, или сам предлагает подобное толкование. К такой категории сновидений относится сновидение врача из Мюнхена, относящееся к 1910 году. Я привожу его здесь, потому что оно доказывает, насколько сновидение недоступно пониманию, если сновидец не дает нам соответствующих сведений. Я ведь полагаю, что вы в принципе считаете идеальным такое толкование сновидений, при котором символы заменяются соответствующими значениями, и охотно отодвинули бы в сторону технику ассоциаций к сновидению: от этого вредного заблуждения мне и хочется вас освободить.

«13 июля 1910 года поутру мне снится: *я еду на велосипеде по улице в Тюбингене, как вдруг коричневая такса пускается за мной в погоню и хватает меня за пятку; проехав некоторое расстояние, я слезаю с велосипеда, сажусь на ступеньку и начинаю колотить животное, которое крепко уцепилось зубами.* (У меня нет неприятного чувства от укуса и от всей сцены.) *Напротив сидят две старые дамы, которые, улыбаясь, смотрят на меня. Тогда я просыпаюсь и, как часто уже случалось, в этот момент перехода в состояние бодрствования все сновидение становится мне ясным*».

Тут мало что можно передать при помощи символов. Но тот, кто видел этот сон, сообщает нам следующее. «В последнее время я влюбился в одну девушку, встречаю ее только на улице, но ни разу не имел возможности завязать с ней знакомство. Самым приятным для меня предлогом к знакомству могла быть такса, так как я очень люблю животных, и эта черта казалась мне особенно симпатичной и у девушки». Сновидец тут же прибавляет, что он неоднократно с большой ловкостью и часто, к удивлению окружающих, вмешивался в борьбу грызущихся между собой собак. Таким образом мы узнаем, что понравившаяся ему девушка всегда появлялась в сопровождении этой необыкновенной собаки. Но девушка эта выпала из явного содержания сновидения, осталась только ассоциативно связанная с нею собака. Может быть, место девушки заняли старые улыбающиеся ему дамы. Не хватает дальнейших сведений для выяснения этого пункта. То обстоятельство, что он в сновидении едет на велосипеде, является только повторением припомнившегося ему положения. Он встречал эту девушку с собакой только тогда, когда ехал на велосипеде.

3. Если у кого-нибудь умер любимый родственник, то после этого ему долгое время снятся сны особого рода, в которых известный ему факт смерти вступает в самые необыкновенные компромиссы с потребностью воскресить близкого человека. То случается так, что хотя усопший и мертв, однако продолжает жить, потому что он не знает, что он умер, а если бы узнал, то тогда бы умер окончательно; то он полумертв и полужив и имеет признаки обоих этих состояний. Такие сны не следует называть просто бессмысленными, потому что воскрешение из мертвых так же приемлемо в сновидениях, как например, в сказках, и оно встречается, как самое обыкновенное явление. Поскольку мне приходилось анализировать такие сновидения, оказывалось, что они способны дать разумное решение, но столь достойное уважения желание вернуть умершего к жизни умудряется пользоваться для этого самыми странными способами. Я предлагаю вам здесь подобного рода сновидение, которое звучит довольно странно и бессмысленно и анализ которого обнаружит перед вами многое из того, к чему вы уже подготовлены нашими теоретическими объяснениями. Вот сновидение человека, потерявшего много лет тому назад своего отца.

Отец умер, но был выкопан и выглядит плохо. С тех пор он продолжает жить, и сновидец делает все, что в его силах,

чтобы покойник не заметил этого. (Далее сновидение переходит на другие явления, по-видимому, не имеющие ничего общего с этим вопросом.)

Отец умер, это мы знаем. Что он был выкопан, не соответствует действительности, которую не приходится принимать во внимание и по отношению ко всему последующему. Но сновидец рассказывает: когда он вернулся с похорон отца, у него разболелся зуб. Он хотел поступить с этим зубом по предписанию еврейского религиозного учения: если тебя мучает зуб, то вырви его, и отправился к зубному врачу. Тот, однако, сказал: зуб не следует вырывать, нужно только немного потерпеть. Я положу кое-что, чтобы убить нерв, через три дня приходите опять, я это выну.

«Это "вынимание", — сказал вдруг сновидец, — это и есть выкапывание».

Неужели он прав? Правда, это не совсем так, а только приблизительно, потому что сам зуб не извлекается, а из него только вынимается что-то, что омертвело. Но подобных неточностей можно ожидать от работы сновидения на основании того, что нам известно из других анализов. В таком случае сновидец сгустил, слил воедино умершего отца и убитый, но все же сохраненный зуб. И нет ничего удивительного в том, что в явном сновидении получилось нечто бессмысленное, потому что не может же подходить к отцу все то, что можно сказать о зубе. В чем же состоит это *tertium comparationis* между зубом и отцом, которое делает возможным такое сгущение?

И тем не менее это должно происходить именно так, потому что сновидец продолжает рассказывать, что, как ему известно, если видишь во сне выпадение зуба, то это означает, что кто-нибудь умрет в семье.

Мы знаем, что это популярное толкование неверно или, по крайней мере, верно только в шуточном смысле. Тем более поражает нас то обстоятельство, что развивающаяся таким образом тема обнаруживается и в других отрывках содержания сновидения.

Сновидец без дальнейших расспросов начинает рассказывать о болезни и смерти отца и о своих отношениях с ним. Отец долго болел, уход и лечение стоили ему, сыну, много денег. И тем не менее ему ничего не было жалко, он никогда не терял терпения, у него никогда не появлялось желания, чтобы все поскорей окончилось. Он хвастает, что проявлял по отношению к отцу истинно еврейское почтение

и строго выполнял все требования еврейского закона. Однако не бросается ли нам в глаза противоречие в мыслях, относящихся к сновидению? Он отожествил отца с зубом. По отношению к зубу он хотел поступить по еврейскому закону, гласящему, что зуб нужно вырвать, если он причиняет беспокойство и боль. Но и по отношению к отцу он хотел поступить согласно предписанию закона, который, однако, в этом случае требует не обращать внимания ни на беспокойство, ни на издержки, всю тяжесть взять на себя и не допускать никаких неприязненных мыслей по отношению к причиняющему боль объекту. Разве сходство не было бы гораздо более несомненным, если бы он действительно проявил по отношению к больному отцу такие же чувства, как по отношению к больному зубу, то есть желал бы, чтобы скорая смерть положила конец его излишнему, страдальческому существованию.

Я не сомневаюсь, что именно таково было его отношение к отцу во время длительной болезни и что хвастливые уверения в его богобоязненном пиетете направлены на то, чтобы отвлечь внимание от этих воспоминаний. При таких условиях обыкновенно появляется желание смерти по отношению к тому, кто причиняет нам все эти страдания, и это желание скрывается под маской мыслей сострадания, например: это было бы для него только избавлением. Но заметьте, что в данном случае в самих скрытых мыслях сновидения мы перешагнули через какую-то границу. Первая часть их, несомненно, была бессознательна только временно, то есть во время образования сновидения, а неприязненные душевные движения против отца, вероятно, были всегда бессознательны[1], быть может, происходили еще с детских лет и во время болезни отца, замаскировавшись, иной раз робко проскальзывали в сознание. С еще большей уверенностью мы можем утверждать это относительно других скрытых мыслей, которые, несомненно, принимают участие в содержании сновидения. В сновидении нельзя найти ничего, что говорило бы о враждебных чувствах к отцу. Но если мы проследим до корней подобные враждебные чувства к отцу в детской жизни, то вспомним, что страх перед отцом появляется потому, что отец уже с самых ранних лет противится сексуальным проявлением мальчика и, как

[1] [Эта мысль получит дальнейшее развитие в конце 13-й лекции.]

правило, проделывает это снова из социальных соображений при наступлении половой зрелости. Такое отношение к отцу имеется и у нашего сновидца: к его любви к отцу примешивалось немало уважения и страха, берущих начало от раннего сексуального запугивания.

Дальнейшие положения явного сновидения объясняются комплексом онанизма. *«Он плохо выглядит»* – хотя и относится к словам зубного врача, что будет некрасиво, если вырвать зуб на видном месте, но это же относится одновременно и к плохому виду, которым молодой человек выдает или опасается, что выдаст свою чрезмерную сексуальную деятельность в период наступления половой зрелости. Сновидец не без облегчения для самого себя перенес этот плохой вид с себя на отца—уже известный вам случай обращения в работе сновидения. *С тех пор он продолжает жить* покрывается желанием воскресить отца, как и обещанием зубного врача, что зуб уцелеет. Но особенно ловко составлено предложение: видевший сон делает все, что в его силах, *чтобы отец этого не заметил* – с таким расчетом, чтобы вызвать у нас желание дополнить, — что он умер. Но единственно разумное дополнение вытекает из комплекса онанизма, где само собой разумеется, что юноша делает все, что может, чтобы скрыть от отца проявления своей половой жизни. Вспомните, наконец, что сновидения, вызванные раздражением от больных зубов, мы должны всегда толковать, как онанистические и выражающие страх перед наказанием за онанизм.

Вы видите теперь, как возникло это непонятное сновидение. Произошло странное и приводящее в заблуждение сгущение, все мысли исходят из среды латентного хода мыслей и сложились в двусмысленные заменяющие образования для самых глубоких и отдаленных из этих мыслей.

4. Мы уже неоднократно пробовали найти объяснение тем трезвым и банальным сновидениям, в которых нет следов бессмысленного и странного, но относительно которых встает вопрос: для чего вообще видишь во сне такую чепуху? Я хочу привести новый пример такого рода, три составляющих одно целое сновидения одной молодой дамы, снившихся ей в одну и ту же ночь.

а) *Она проходит через переднюю своего дома и разбивает до крови голову о низко висящую люстру.*

Нет никаких воспоминаний, ничего соответствующего в действительности. То, что она рассказывает по этому по-

воду, ведет совсем по другому пути. «Вы знаете, как сильно у меня выпадают волосы. "Дитя, — сказала мне вчера мать, — если так будет продолжаться дальше, то у тебя голова будет похожа на попу"». Итак, голова здесь занимает место другой части тела. Люстру мы легко можем понять символически и без ее помощи; все предметы, которые могут вытягиваться в длину, являются символом мужского органа. Речь, следовательно, идет о кровотечении на нижней части тела, появившемся вследствие удара о пенис. Это могло бы иметь еще другое значение; мысли, пришедшие ей в дальнейшем в голову, показывают, что дело идет о предположении, будто менструация является следствием полового акта с мужчиной, часть сексуальной теории, которой придерживается много молодых девушек.

б) *Она видит в винограднике глубокую яму и знает, что яма эта образовалась оттого, что вырвали большое дерево.* Она замечает при этом, что дерева у нее нет. Она хотела сказать, что дерева она во сне не видала, но эта же фраза служит для выражения другой мысли, которая дает полную убедительность символическому толкованию. Это сновидение относится к другой части инфантильной сексуальной теории, к убеждению в том, что девочки первоначально имели такие же гениталии, как и мальчики, и что их теперешняя форма образовалась позже вследствие кастрации (вырывание дерева).

в) *Она стоит у ящика своего письменного стола, в котором ей все так хорошо знакомо, что она сейчас же узнает, если кто-нибудь в нем рылся.*

Ящик письменного стола, как и всякий ящик, сундук, коробочка — женские гениталии. Она знает, что по гениталиям можно узнать об имевшем место половом акте (как она думает, и о прикосновениях), и давно уже боялась такого разоблачения. Я думаю, что во всех трех сновидениях ударение нужно поставить на знании. Она вспоминает о времени своих детских сексуальных исследований, результаты которых заставляли ее очень гордиться[1].

5. Вот еще немного символики. Но на этот раз я должен предварить мой рассказ кратким изложением всей психической ситуации. Один господин, который провел ночь

[1] [Детские исследования и теории сексуальности обсуждаются в 13-й лекции.]

любви с женщиной, описывает свою партнершу как одну из тех материнских натур, у которых при половом общении с мужчиной непреодолимо прорывается желание иметь ребенка. Но условия любовной связи требовали осторожности, благодаря которой оплодотворяющее извержение семени удаляется от женского лона. Проснувшись после этой ночи, женщина рассказывает о следующем сновидении.

На улице ее преследует офицер в красной фуражке. Она убегает от него, поднимается вверх по лестнице, а он все идет за ней. Сильно задыхаясь, она достигает своего жилища и хлопает за собой дверью. Он остается снаружи, и когда она смотрит на него в дверной глазок, он сидит по ту сторону двери на скамье и плачет.

В преследовании офицера с красной фуражкой и в том, как она, задыхаясь, поднимается по лестнице, вы, конечно, узнаете изображение полового акта. Примером так часто применяемого в сновидении превращения в противоположное может служить то, что дама эта в сновидении закрывает дверь перед преследователем, потому что в действительности мужчина удержался от окончания полового акта. Точно так же она перенесла на партнера свою грусть, так как он, а не она, плачет в сновидении, чем делается намек на истечение семени.

Вам, наверное, уже приходилось слышать, что психоанализ утверждает, будто все сновидения имеют сексуальное значение. Но вы сами имели возможность убедиться в неправильности такого упрека. Вы познакомились со сновидениями, выражающими желания, в которых речь идет об удовлетворении самых очевидных потребностей голода, жажды, тоски по свободе, вы встречали сновидения, выражающие нетерпение, и «сновидения об удобстве», а также чисто корыстолюбивые и эгоистические. Но в любом случае вам следует помнить как результат психоаналитического исследования тот факт, что сильно искаженные сновидения преимущественно, но опять-таки не исключительно, выражают сексуальные желания.

6. У меня имеется особая причина привести вам побольше примеров применения символов в сновидении. При нашей первой встрече я уже жаловался на то, как трудно при преподавании психоанализа устраивать демонстрации и таким путем давать слушателю возможность самому составить определенное убеждение, и теперь вы со мной, наверное, согласитесь. Однако отдельные положе-

ния психоанализа находятся в такой тесной связи друг с другом, что убеждение легко может распространиться с одного пункта на большую часть всего учения. Относительно психоанализа можно было бы сказать, что кто дает ему хотя бы один палец, того он держит уже за всю руку. Кто ясно понимает причины ошибочных действий, тот уж по логике вещей не может не поверить и во все остальное. Вторым столь же доступным пунктом является символика сновидений. Я изложу вам уже опубликованное сновидение женщины из простонародья, жены вахтера, которая, наверное, никогда не слыхала ничего о символике сновидений и о психоанализе. Судите сами, можно ли назвать произвольным и искусственным толкование этого сновидения при помощи сексуальной символики.

...Затем кто-то в ворвался в квартиру, и она в страхе звала на помощь вахтера. Но он пошел с двумя «бродягами» тихо и мирно в церковь, к которой вело несколько ступеней. Позади церкви возвышалась гора, сверху же – густой лес. На вахтере были шлем, круглый воротник и плащ. У него была темная борода. Оба бродяги, которые мирно шли вместе с вахтером, носили мешкообразные передники вокруг бедер. От церкви вела дорога в гору. Эта дорога обросла по обеим сторонам травой и кустарником, становившимися все гуще и на вершине горы превращавшимися в небольшой лесок.

Вы без труда узнаете применяемые символы. Мужской половой орган изображен в виде трех лиц, женский в виде ландшафта с капеллой, горой и лесом. Вы опять встречаетесь со ступеньками, как символами полового акта. То, что в сновидении называется горой, имеет в анатомии то же название, а именно *mons veneris*, лобок.

7. Еще одно сновидение, которое можно разъяснить, подставив значение символов, замечательное и убедительное благодаря тому, что сновидец сам перевел все символы, хотя у него не было никаких предварительных теоретических знаний в области толкования сновидений. Такой образ действий весьма необычен и неизвестно, чем он вызван.

Он гуляет со своим отцом в каком-то месте, наверное, на Пратере, потому что видна ротонда, перед ней маленькая пристройка, к ней привязан воздушный шар, который, однако, кажется довольно мягким, вялым. Отец спрашивает его: к чему все это? Он этому удивляется, но объясняет ему. Затем они входят во двор, в котором разложен большой жестяной лист. Отец

хочет отломать себе большой кусок от листа, но сначала оглядывается, не заметит ли этого кто-нибудь. Он говорит ему, что ему следует только сказать об этом смотрителю, и тогда он может взять себе без всяких колебаний. Лестница с этого двора ведет в шахту, стены которой мягко обиты, вроде как в кожаном кресле. В конце этой шахты находится длинная платформа и далее начинается новая шахта...

Видевший сон сам истолковывает: ротонда, это — мои гениталии, воздушный шар перед ней — мой пенис, на мягкость которого мне приходится жаловаться. Следует поэтому дать более детальный перевод: ротонда — это ягодицы. которые ребенок регулярно относит к числу гениталий, — а маленькая пристройка впереди, это — мошонка. Во сне отец его спрашивает: что это такое, то есть о цели и функции гениталий. Вполне естественно повернуть такое положение вещей наоборот, так что он сам выступает в роли задающего вопрос. Так как такой расспрос отца никогда не имел места, то эту мысль сновидения следует понимать, как желание, и придать ему условную форму: «Если бы я попросил отца объяснить мне все о сексуальном». Мы скоро найдем в другом месте продолжение этой мысли.

Двор, на котором разложена жесть, не следует сначала понимать как символ, он представляет собой торговое помещение отца. По мотивам соблюдения тайны я подменил «жестью» другой материал, которым торгует отец, не изменив в остальном ни в чем дословную передачу сновидений. Сновидец вступил в дело отца и был чрезвычайно поражен теми скорее некорректными приемами, на которых большей частью зиждется получение прибыли. Поэтому продолжение упомянутой выше мысли сновидения должно было гласить следующее (если бы я его спросил): «Он бы меня обманул так же, как он обманывает своих клиентов». По поводу ломки жести, которая изображает деловую нечестность, сам сновидец дает еще одно объяснение — что она означает онанизм. Это не только давно нам уже известно, но и отлично совпадает с тем обстоятельством, что тайна онанизма выражается посредством противоположного (что это можно делать открыто). Далее нашим ожиданиям вполне соответствует и тот факт, что онанизм опять-таки приписывается отцу, как и расспросы в первой сцене сновидения. Шахту он толкует, ссылаясь на мягкую обивку стен, как вагину. По собственной инициативе я добавляю, что обычно спуск и поднятие в вагине обозначают половой акт.

Деталь, состоящую в том, что за первой шахтой следует длинная платформа, а затем новая шахта, он сам объясняет биографически. Он имел долгое время половые сношения, затем прекратил их вследствие наступившего торможения, а теперь надеется при помощи лечения снова начать половую жизнь.

8. Оба следующих сновидения, принадлежащие иностранцу с весьма полигамными наклонностями, я сообщаю вам в доказательство того, что собственное «я» фигурирует в каждом сновидении даже тогда, когда оно скрыто в явном содержании. Чемоданы в сновидении представляют собой женские символы.

а) *Он уезжает, его багаж доставляется в экипаже на вокзал, очень много чемоданов один на другом, среди них два больших черных, два образцовых чемодана. В утешение он кому-то говорит: «Ну, эти ведь едут только до вокзала».*

Он действительно путешествует с очень большим количеством багажа, но также рассказывает во время лечения очень много историй с женщинами. Два черных чемодана соответствуют двум брюнеткам, играющим в настоящее время главную роль в его жизни. Одна из них собиралась ехать за ним в Вену, но по моему совету он ей послал отказ по телеграфу.

б) Сцена на таможне: *один из пассажиров открывает свой чемодан и говорит, равнодушно куря папиросу: «Тут ничего нет». Таможенный чиновник как будто верит ему, но опускает еще раз руку и находит что-то особенно запрещенное. Тогда пассажир смиренно говорит: «Тут ничего не поделаешь».* Он сам является пассажиром, а я — таможенным чиновником. Обычно он очень откровенен в своей исповеди, но однажды решил утаить от меня одну новую связь с дамой, потому что вполне правильно полагал, что она мне знакома. Неприятное положение быть уличенным он переносит на другое лицо, так что как будто сам он не фигурирует в этом сновидении.

9. Вот пример символа, о котором я еще не упомянул: *он встречает свою сестру в обществе еще двух приятельниц, тоже двух сестер. Он подает обеим руку, а сестре не подает.*

Никакой связи с действительным событием. Его мысли уносятся к тому времени, когда он думал над своими наблюдениями по поводу того, что у девочек так поздно развиваются груди. Итак, обе сестры, это — женские груди, которые он хотел бы пощупать рукой, если бы только они не принадлежала его сестре.

10. А вот пример символики смерти в сновидении: *он ходит с двумя людьми, имена которых он знает, но по пробуждении забыл, по очень высокому крутому железному мостику. Вдруг те двое исчезли, и он видит человека, похожего на привидение, в шапке и в полотняном костюме. Он спрашивает у него, не телеграфист ли тот? Нет. Или возница? Нет. Тогда он идет дальше,* переживает во время сновидения еще сильный страх и, проснувшись, продолжает сновидение, фантазируя о том, что железный мост вдруг ломается и он летит в пропасть.

Лица, в отношении которых подчеркивается, что они незнакомы и их имена забыты, — по большей части близкие люди. У сновидца есть две сестры: если он когда-либо желал им обеим смерти, то было бы вполне правильно, если бы ему за это пришлось испытать страх смерти. Относительно телеграфиста он замечает, что такие люди всегда приносят плохие вести. Судя по форме, это мог бы быть также фонарщик, который, однако, тушит фонари, подобно тому, как гений смерти тушит факел жизни. По поводу возницы он ассоциирует стихотворение Уланда о морской поездке короля Карла[1] и вспоминает опасное морское путешествие с двумя товарищами, во время которого он разыгрывал роль короля из стихотворения. По поводу возницы ему приходит в голову несчастный случай, имевший недавно место, и глупая поговорка: «Жизнь — это цепной мост».

11. Другим примером изображения смерти может служить сновидение: *неизвестный господин подает за него визитную карточку с черной каймой.*

12. Во многих отношениях вас может заинтересовать следующее сновидение, которое, правда, предполагает невротическое состояние: *он едет по железной дороге, поезд останавливается в поле. Он думает, что грозит катастрофа, нужно подумать о том, чтобы спастись, проходит через все отделение поезда и убивает всех, кого встречает: кондукторов, машинистов и т. д.*

По этому поводу — воспоминания о рассказе некоего друга. На какой-то линии в Италии перевозили в полукупе

---

[1] [В стихотворении Уланда корабль, на котором король Карл и его рыцари плывут в Святую Землю, неожиданно попадает в шторм. Двенадцать рыцарей, один за другим, жалуются на свое положение; король молча удерживает руль и направляет корабль в безопасное место.]

душевнобольного, но по недосмотру впустили к нему пассажира. Душевнобольной убил спутника. Он, следовательно, отожествлял себя с этим больным и обосновывает свое право на это тем, что временами его мучает навязчивое представление, что он должен «избавиться от соучастников». Потом он сам находит лучшую мотивировку, которая приводит к поводу, вызвавшему сновидение. Вчера в театре он снова увидел девушку, на которой хотел жениться, но бросил ее, потому что она дала ему повод к ревности; при той интенсивности, до которой у него доходит ревность, он действительно сошел бы с ума, если бы на ней женился. Это значит, он считает ее так мало заслуживающей доверия, что ему пришлось бы убивать из-за ревности всех людей, с которыми он встречался. Хождение через ряд комнат, в данном случае — купе, уже известно нам, как символ состояния в браке[1] (противоположность единобрачию — Einehe)

По поводу остановки поезда в открытом поле и опасений катастрофы он рассказывает: когда однажды во время поездки на поезде произошла подобная внезапная остановка не на станции, одна дама, заявила, что, может быть, предстоит столкновение поездов и в таком случае самым целесообразным было бы убежать (die Beine hoch zu geben — поднять вверх ноги). Это «ноги вверх» играло, однако, роль на многочисленных прогулках и экскурсиях на лоне природы, которые он предпринимал с той девушкой во время первого счастливого периода любви. Это еще один новый довод за то, что он должен был бы сойти с ума, чтобы теперь на ней жениться. Я мог считать несомненным, зная ситуацию, что у него все еще таилось это желание быть таким сумасшедшим.

---

[1] [Этот символ нигде до сих пор в «Лекциях» не упоминался. В «Толковании сновидений» (1900*a*), напротив, в начале раздела E главы VI сказано, что бегство через комнаты может означать бордель или гарем, или же (в качестве противоположности) единобрачие.]

ТРИНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Архаические черты и инфантилизм сновидения

Уважаемые дамы и господа! Позвольте мне снова начать с полученного нами результата, а именно, что скрытые мысли сновидения под влиянием цензуры сновидения приобретают другую форму выражения. Скрытые мысли представляют собой не что иное, как известные нам сознательные мысли нашей жизни во время бодрствования; новая форма выражения благодаря многообразным своим особенностям нам непонятна. Мы уже сказали, что она обращается к тем состояниям нашего интеллектуального развития, которые мы давно уже преодолели, — к языку рисунков, к символическим отношениям понятий, быть может, к таким отношениям, которые существовали еще до развития современного языка, на котором мы мыслим. Поэтому мы назвали способ выражения работы сновидения *архаической или регрессивной.*

Отсюда вы можете сделать заключение, что благодаря углубленному изучению работы сновидения нам, должно быть, удастся добыть ценные указания о малоизвестных началах нашего интеллектуального развития. Я надеюсь, что так оно и случится, однако эта работа до сих пор и не начиналась. Работа сновидений возвращает нас к доисторическому времени двоякого рода: во-первых, это — индивидуальный доисторический период, детство; во-вторых, поскольку каждый индивид в своем детстве, так или иначе вкратце повторяет развитие человеческого рода, это — филогенетически доисторическая эпоха. Допускаю, что, быть может, нам удастся установить, какая именно часть скрытых душевных процессов происходит из индивидуального периода и какая из филогенетической доисторической эпохи. Так, например, мне кажется, что символическое взаимоотношение представлений, которому никогда не обучался отдельный человек, можно с полным основанием считать филогенетическим наследием.

Однако это не единственная архаическая черта сновидения. Все вы, вероятно, знаете из собственного опыта об удивительной амнезии детства. Я здесь имею в виду тот факт, что первые годы жизни — до пятого, шестого или восьмого года — не оставляют в нашей памяти таких следов, как

последующие переживания. Хотя и встречаются отдельные лица, которые могут похвастаться непрерывными воспоминаниями, начиная с раннего возраста до последнего момента, но гораздо чаще встречается противоположное положение, когда у людей имеются провалы в памяти. Мне кажется, что этот факт не возбуждал удивления, которого он заслуживает. В два года ребенок умеет хорошо говорить, вскоре обнаруживается, что он ориентируется в сложных душевных ситуациях и высказывает суждения, которые ему много лет спустя повторяют близкие, так как сам он их забыл. И при этом память в первые годы жизни эффективнее, потому что она менее перегружена. Нет также никаких оснований считать функцию памяти особенно высокой или нелегкой душевной деятельностью, напротив, можно встретить хорошую память у лиц очень низко стоящих интеллектуально[1].

Как на вторую замечательную особенность, дополняющую эту первую, укажу вам на то, что из пустоты забвения, окутывающего первые детские годы, выплывают отдельные хорошо сохранившиеся, большей частью наглядно воспринимаемые воспоминания, сохранение которых в памяти ничем не оправдывается. Из материала наших впечатлений, касающихся последующей жизни, память делает определенный выбор. Она сохраняет все важное и теряет неважное. Но совсем иначе обстоит дело с сохранившимися детскими воспоминаниями; они не соответствуют непременно значительным переживаниям детских лет или же таким, которые могли бы казаться важными с детской точки зрения. Часто они настолько банальны и незначительны, что мы с удивлением спрашиваем себя: почему забвение пощадило именно эту подробность переживания? Я пытался в свое время при помощи анализа исследовать загадку детской амнезии и нарушающих ее остатков воспоминаний и пришел к заключению, что и у ребенка в памяти осталось только самое важное. Дело только в том, что благодаря уже знакомым вам процессам сгущения и особенно смещения это важное заменено в воспоминаниях другим, тем, что кажется неважным. Поэтому я назвал эти детские воспоминания *покрывающими воспоминаниями;* из них при помощи основательного анализа можно извлечь все забытое.

---

[1] [Более подробное обсуждение ранней детской амнезии можно найти во втором из «Трех очерков по теории сексуальности» (1905*d*).]

Во время психоаналитического лечения ставится задача восполнить пробелы в детских воспоминаниях, и поскольку лечение удается хотя бы отчасти, а это бывает часто, мы можем восстановить содержание забытых переживаний детских лет. Впечатления эти в действительности никогда не были забыты, они только были недоступны, скрыты, принадлежали к области бессознательного. Но случается и так, что они самопроизвольно всплывают из бессознательного, а именно в связи со сновидениями. Оказывается, что душевная жизнь во время сновидений находит доступ к этим скрытым, инфантильным переживаниям. В литературе описаны прекрасные примеры такого рода, и я сам имел возможность опубликовать подобный случай. Однажды мне снилось в связи с некоторыми обстоятельствами одно лицо, которое, должно быть, оказало мне услугу и которое я видел ясно перед собой. Это был одноглазый человек, низкого роста, толстый, с глубоко сидящей между плечами головой. Из общей связи всех деталей я заключил, что это был врач. К счастью, я имел возможность расспросить мою тогда еще бывшую в живых мать, как выглядел врач в той местности, где я родился и которую оставил в возрасте трех лет, и узнал от нее, что он был одноглазый, короткий, толстый, с глубоко сидящей между плечами головой, а также получил сведения о том, при каком забытом мною несчастном случае он оказал мне помощь. Такая возможность распоряжаться забытым материалом первых детских лет представляет другую архаическую черту сновидения.

То же самое относится и к другой загадке, на которую мы с вами натолкнулись. Вы помните, с каким удивлением воспринималось открытое нами положение, что побудителями сновидений являются энергетические злобные и разнузданные сексуальные желания, сделавшие необходимыми цензуру и искажение сновидений. Когда мы толковали такое сновидение человеку, видевшему его, и он в самом лучшем случае не оспаривал наше толкование, то он все-таки постоянно задавал вопрос, откуда у него взялось такое желание, так как он чувствовал чуждость этого желания и сознавал прямо противоположное. Нам незачем беспокоиться о доказательствах происхождения этих желаний. Эти злобные побуждения исходят из прошлого, нередко из не очень далекого прошлого. Легко доказать, что когда-то они были известны и сознаваемы, хотя сегодня это не так. Женщина, сновидение которой означает, что она хотела бы уви-

деть мертвой свою единственную, теперь уже семнадцатилетнюю, дочь, открывает при нашей помощи, что действительно было время, когда она этого желала[1]. Ребенок явился плодом несчастного, вскоре распавшегося брака. Когда мать еще носила дочь в своем чреве, она однажды после бурной сцены с мужем начала колотить себя в припадке ярости кулаками по животу, чтобы убить в нем ребенка. Сколько существуют матерей, любящих в настоящее время очень нежно, даже слишком нежно своих детей, с неудовольствием встретивших их появление на свет и желавших тогда прекратить их жизнь в зародыше; больше того, такое желание они даже претворяют в различные, к счастью, безвредные поступки. Источником ставшего впоследствии загадочным желания смерти любимого существа явилось, таким образом, раннее отношение к нему.

Отец, сновидение которого должно быть истолковано в том смысле, что он желает смерти своему любимому старшему ребенку, должен согласиться с тем, что когда-то такое желание не было ему чуждо. Когда этот ребенок был еще младенцем, отец, недовольный своим браком, часто думал, что если бы это маленькое существо, которое ничего для него не значит, умерло, то он снова был бы свободен и лучше бы воспользовался своей свободой. Можно доказать, что в большинстве случаев такое же происхождение имели чувства ненависти: это воспоминания о чем-то, принадлежащем прошлому, что когда-то было сознательным и играло свою роль в душевной жизни. Из этого вы захотите сделать заключение, что таких желаний и таких сновидений не должно быть в тех случаях, когда в отношениях с каким-либо лицом переживания подобного рода не имели места, когда отношение к нему с самого начала были ровным. Я готов согласиться с таким выводом, но хочу предупредить вас, чтобы вы имели в виду не дословный текст сновидений, а его смысл после толкования. Может случиться, что сновидение о смерти любимого человека представляет собой только страшную маску, но означает нечто совсем другое, или что любимый человек только заменяет другое лицо.

---

[1] [Это сновидение также можно найти в «Толковании сновидений» (1900*a*), где возраст девушки трижды упоминается как «пятнадцать лет» (словами, а не числом). Число «семнадцать» в немецких изданиях данных лекций, очевидно, следует отнести на счет типографской опечатки.]

Но то же положение дел вызовет у вас другой, гораздо более серьезный вопрос. Вы скажете: «Если даже это желание смерти когда-то и шевелилось в душе и память подтверждает это, то ведь это еще недостаточное объяснение. Такое желание уже давно преодолено, сегодня оно может сохраниться в бессознательном только как воспоминание, лишенное аффекта, но совсем не как прочное побуждение. Да, ничто не свидетельствует о существовании такого побуждения. Почему же сновидение вообще нам о нем напоминает?» Вопрос ваш действительно правилен; попытка ответить на него завела бы нас далеко и заставила прояснить нашу позицию по одному из самых значительных пунктов учения о сновидении. Но я вынужден оставаться в пределах нашей темы и не могу слишком распространяться. Примиритесь поэтому с этим временным воздержанием[1]. Удовлетворимся же фактическим указанием на то, что это преодоленное желание, как доказано, является побудителем сновидения, и будем продолжать исследование вопроса о том, можно ли вывести другие враждебные желания из переживаний прошлого.

Остановимся на желаниях устранить кого-нибудь из жизни, которые в большинстве случаев мы можем объяснить безграничным эгоизмом сновидца. Очень часто можно доказать, что такого рода желание является причиной образования сновидения. Всякий раз, когда в жизни кто-то становится на нашем пути, а при сложности жизненных отношений это случается очень часто, сновидение тотчас же готово убить его, будь это отец, мать, брат или сестра, или супруг и т. д. Нас сильно удивляла испорченность человеческой природы, и мы, разумеется, не хотели безоговорочно примириться с правильностью этого результата толкования сновидения. Но раз нам указывают, что происхождение этих желаний следует искать в прошлом, то мы легко открываем такой период индивидуального прошлого, когда подобный эгоизм и желания по отношению к самым близким лицам не представляют собой ничего странного. Это период детства, именно первых лет его, который позже окутывается амнезией. В этот период ребенок часто проявляет такой эгоизм в самых резких формах, но, кроме того, на каждом шагу обнаруживает явные побуждения, или, правильней, остат-

[1] Фрейд возвращается к этой проблеме в конце данной лекции.

ки таких эгоистических побуждений. Ребенок прежде всего любит самого себя и только позже научается любить других, жертвовать другим чем-то из своего «я». Даже и тех, кого он как будто любит, он любит лишь потому, что нуждается в них, не может их лишиться, то есть опять-таки из эгоистических мотивов. Только позже любовное побуждение освобождается от эгоизма. Фактически ребенок *научается любить посредством эгоизма*.

В этом отношении поучительно будет сравнить психическую установку ребенка по отношению к братьям и сестрам и родителям. У маленького ребенка вовсе не обязательна любовь к братьям и сестрам, часто он их открыто не любит. Не подлежит сомнению, что он ненавидит в них своих конкурентов, и хорошо известно, как часто такая установка сохраняется безо всяких изменений в течение многих лет, до юношеского возраста и даже позже. Очень часто она сменяется или, правильней сказать, совмещается с нежностью, но враждебная установка является, по-видимому, закономерно более ранней. Легче всего ее наблюдать у детей в возрасте от двух с половиной до четырех и пяти лет, когда в семье появляется новый ребенок. По большей части он встречает очень нелюбезный прием. Выражения вроде: «Я его не люблю, пусть аист его унесет», — раздаются довольно часто. В дальнейшем всякий благоприятный случай дает повод к тому, чтобы унизить пришельца и даже попытки покалечить его, а то и прямые покушения на его жизнь не являются чем-то неслыханным. Если разница в возрасте менее значительна, то при пробуждении более интенсивной душевной деятельности ребенок обнаруживает своего конкурента и к нему приспособляется. Если разница больше, то новый ребенок может с самого начала вызвать определенные симпатии как интересный объект, своего рода живая кукла, а при разнице в возрасте в восемь и более лет, особенно у девочек, могут проявляться уже заботливые материнские побуждения. Но, откровенно говоря, если в каком-нибудь сновидении открываешь желание смерти брата или сестры, то не приходится считать его загадочным и без труда удается найти его прототип в детском возрасте, а довольно часто и в более поздние годы совместной жизни.

Вероятно, нет ни одной детской комнаты, среди обитателей которой не царили бы сильные конфликты. Мотивами их является борьба за любовь родителей, за обладание общими вещами, за место в комнате. Враждебные побуж-

дения направляются против старших и младших сестер и братьев. Мне кажется, это Бернард Шоу высказал мысль, что если существует кто-нибудь, кого молодая английская дама ненавидит больше всех, больше, чем свою мать, то это родная старшая сестра[1]. В этом афоризме, однако, есть что-то, что нам кажется странным. В крайнем случае, мы еще могли бы понять ненависть и конкуренцию между братьями и сестрами, но каким образом могут проникнуть чувства ненависти в отношения между дочерью и матерью, между родителями и детьми?

Это отношение, несомненно, оценивается как более благополучное также и детьми. Оно соответствует и нашим ожиданиям: нам кажется гораздо более предосудительной недостаточная любовь между родителями и детьми, чем между братьями и сестрами. В первом случае мы, так сказать, чтим что-то святое, чего не видим во втором случае. Однако ежедневное наблюдение показывает, как часто чувства между родителями и взрослыми детьми отличаются от созданного общественного идеала, сколько в них накопилось враждебности, готовой прорваться, если их не сдерживали бы пиететы и нежные душевные переживания. Мотивы этих чувств общеизвестны и имеют тенденцию отделять лиц одного пола друг от друга — дочь от матери, отца от сына. Дочь находит в лице матери авторитет, который ограничивает ее волю и на которую возложена задача провести в жизнь требуемый обществом отказ от сексуальной свободы, а в отдельных случаях мать является также и конкуренткой, которая противится вытеснению. То же самое, но в еще более резкой форме, повторяется между сыном и отцом. В лице отца для сына воплощается всякое насильственное социальное принуждение; отец закрывает ему путь к проявлениям своей воли, к раннему сексуальному наслаждению и к пользованию фамильным достоянием там, где оно имеется. В случае престолонаследия ожидание смерти отца вырастает до трагических размеров. В меньшей опасности кажется взаимоотношение между отцом и дочерью, матерью и сыном. Последнее представляет собой чистейший пример неизменной нежности, не нарушенной никакими эгоистическими соображениями[2].

---

[1] [Джон Таннер в пьесе «Человек и сверхчеловек», II акт.]

[2] [Этот пункт Фрейд более детально обсуждает в «Новом цикле лекций», см. 33-ю лекцию.]

Для чего я говорю об этих банальных и общеизвестных вещах? Потому что имеется определенное стремление отрицать их значение и гораздо чаще, чем это бывает в действительности, считать воплощенным требуемый обществом идеал. Но гораздо лучше, если правду скажет психолог, нежели доверить эту задачу цинику. Во всяком случае, это отрицание относится только к реальной жизни. Но литературе и драматической поэзии предоставляется свободно пользоваться мотивами, вытекающими из нарушения этого идеала.

Поэтому нам нечего удивляться, что сновидения у многих лиц обнаруживают желание устранить родителей, а именно родителя того же пола, что и сновидец. Можно предполагать, что оно имеется и в бодрствующем состоянии и иной раз даже осознается, когда может спрятаться под маской другого мотива, как в нашем третьем примере, под состраданием к бесполезным мучениям отца. Редко одно только враждебное чувство определяет отношения, гораздо чаще оно уступает место более нежным побуждениям, которыми оно подавляется, и ждет, пока сновидение как бы его изолирует. То, что сновидение показывает нам благодаря такой изоляции в преувеличенном виде, снова свертывается, включаясь после нашего толкования в общую жизненную связь (Sachs, 1912, 569). Но мы находим такое желание в сновидении также и в тех случаях, когда оно не имеет никаких оснований в жизни и где взрослый никогда бы в нем не признался в бодрствующем состоянии. Причина этого кроется в том, что самый глубокий и постоянный мотив отчуждения, особенно между лицами одного пола, проявляется уже в раннем детском возрасте.

Я имею в виду соперничество в любви, имеющее явно подчеркнутый половой характер. Сын, будучи еще маленьким ребенком, проявляет особенную нежность к матери, которую считает своей собственностью, и видит в отце конкурента, который оспаривает у него это исключительное обладание. Точно так же маленькая дочь видит в матери человека, мешающего ее нежным отношениям к отцу, и занимает место, которое с радостью заняла бы сама девочка. Наблюдения показывают, до каких ранних лет доходит такая установка, которую мы называем *эдиповым комплексом,* потому что в этой легенде реализуются, с минимальным ослаблением, оба крайних желания, вытекающих из положения сына: убить отца и взять в жены мать. Я не хочу ут-

верждать, что эдиповым комплексом исчерпываются отношения детей к родителям, они могут оказаться гораздо сложней. Эдипов комплекс может быть также более или менее сильно выражен, он может даже принять противоположную форму выражения, но он остается неизменным и очень значительным фактором душевной жизни ребенка, и скорее рискуешь недооценить его значение и связанное с ним развитие, чем переоценить. Впрочем, дети часто реагируют эдиповой установкой на инициативу родителей, которые довольно часто руководствуются в своем любовном выборе половым различием, так что отец предпочитает дочь, а мать – сына, или же в случае охлаждения в браке заменяют ими обесцененный объект их прежней любви[1].

Нельзя сказать, что мир благодарен психоаналитическому учению за открытие эдипова комплекса. Наоборот, оно вызвало самый резкий протест со стороны взрослых, и люди, которые упустили возможность принять участие в отрицании этого предосудительного или запрещенного посредством табу чувственного отношения, исправили впоследствии свой промах, обесценив этот комплекс посредством его перетолкования[2]. По моему твердому убеждению, в нем нечего отрицать и нечего приукрашивать. Необходимо примириться с фактом, который сама греческая легенда признает как неумолимый рок. Интересно, в свою очередь, отметить, что исключенный из реальной жизни эдипов комплекс предоставлен поэзии, как бы отдан в ее полное распоряжение. О. Ранк в тщательно разработанном сочинении доказал, что именно эдипов комплекс дал драматической поэзии много мотивов, в виде бесконечных его вариаций, ослабленных и так или иначе замаскированных, то есть в таком искажении, в котором мы узнаем результат действия цензуры. Этот эдипов комплекс мы можем, таким образом, приписать тем лицам, которым в дальнейшей жизни посчастливилось избежать конфликта со своими родителями, и в тесной связи с эдиповым мы находим так называемый *комплекс кастрации*[3], реакцию на приписываемое отцу сексуальное запугивание или подавление ранней инфантильной сексуальной деятельности.

---

[1] [Намного подробнее Фрейд обсуждает эдипов комплекс в 21-й лекции.]

[2] [Это, разумеется, намек на отход от психоанализа Адлера и Юнга.]

[3] [Он более точно объяснен в 20-й лекции.]

Так как все проведенные до настоящего времени исследования приводят нас к изучению детской душевной жизни, то можно ожидать, что происхождение другой части запретных желаний сновидения, чрезмерных сексуальных побуждений, объяснится таким же образом. У нас возникает, таким образом, стремление изучить развитие детской сексуальной жизни, и при этом из многочисленных источников мы узнаем следующее: прежде всего недопустимой ошибкой является отрицание сексуальной жизни у ребенка и предположение, что сексуальность появляется только ко времени полового созревания вместе с созреванием гениталий. Наоборот, у ребенка с самого начала имеется богатая сексуальная жизнь, во многих отношениях отличающаяся от той, которая впоследствии считается нормальной. То, что мы называем «извращением» в жизни взрослых, отличается от нормального, во-первых, выходом за пределы своего вида (пропасть между животным и человеком), во-вторых, выходом за пределы, воздвигаемые чувством отвращения, в-третьих, выходом за пределы инцеста (запрета на получение сексуального удовлетворения с близкими кровными родственниками), в-четвертых, запретом на гомосексуальные отношения и в-пятых, перенесение функции гениталий на другие органы и части тела. Все эти ограничения существуют не с самого начала, а создаются постепенно в ходе развития и воспитания. Маленький ребенок не знает их. Он еще не знает глубокой бездны между человеком и животными, и высокомерие, с которым человек относится к животному, развивается у него позже. Сначала ребенок не проявляет и отвращения к экскрементам, а лишь медленно, под давлением воспитания, обучается этому; он не придает особого значения различию полов, а приписывает им обоим одинаковый вид гениталий; он направляет свои первые сексуальные вожделения и свое любопытство на ближайших и самых любимых по другим основаниям лиц: на родителей, сестер, братьев, няню; и, наконец, у него проявляется то, что потом снова прорывается при наибольшей силе любовных отношений, а именно, что он получает удовольствие не только от половых органов, но от многих других участков тела, обладающих такой же чувствительностью, он доставляет себе аналогичные ощущения наслаждения и, таким образом, они могут играть роль гениталий. Ребенка поэтому можно назвать «полиморфно извращенным», и если у него проявляются толь-

ко следы подобных побуждений, то это происходит, с одной стороны, благодаря их незначительной интенсивности в сравнении с более поздними годами жизни, а с другой стороны, потому, что воспитание тут же энергично подавляет все сексуальные проявления ребенка. Это подавление продолжается, так сказать, в теории, так как взрослые стараются вовсе не замечать одной части сексуальных проявлений ребенка, а другую часть лишают ее сексуальной природы, перетолковывая ее проявления и приходя, таким образом, к полному отрицанию всей сексуальности. Часто одни и те же люди только что негодовали в детской против дурных сексуальных привычек детей, а вслед затем отстаивают за письменным столом сексуальную чистоту тех же самых детей. Там, где дети предоставлены самим себе или подпадают под влияние соблазна, они нередко проявляют довольно значительные сексуальные извращения. Разумеется, взрослые правы, относясь к этому несерьезно, как к ребячеству и «шалостям», потому что ребенок не может быть вполне ответственен ни перед требованиями нравов, ни перед судом закона, но все же эти явления существуют, они имеют определенное значение как признаки врожденной конституции и как благоприятствующие причины позднейшего развития; они объясняют нам многое в вопросе о сексуальной жизни ребенка и тем самым о сексуальной жизни человека вообще. Если мы, таким образом, находим, что за нашими искаженными сновидениями скрываются все эти извращенные побуждения, то это имеет только то значение, что сновидение и в этой области совершило возврат к инфантильному состоянию.

Среди этих запретных желаний особого упоминания заслуживают инцестуозные, то есть направленные на совершение полового акта с родителями, братьями и сестрами. Вы знаете, какое отвращение чувствует или по крайней мере проявляет человеческое общество к такого рода половым отношениям и с какой энергией подчеркиваются лежащие на них запреты. Прилагались огромные старания, чтобы объяснить этот страх перед инцестом. Одни полагали, что природа, преследуя свои цели улучшения расы, психически воплощенные в этом запрете, предупреждает таким образом ухудшение расовых признаков; другие утверждали, что совместная жизнь с раннего детства притупляет половое вожделение к лицам, о которых идет речь. Но в обоих случаях избежание инцеста было бы автоматически обес-

печено, и совершенно непонятно, к чему в таком случае все эти строгие запреты, которые скорее указывают на присутствие сильного вожделения. Психоаналитические изыскания совершенно определенно доказали, что инцестуозный выбор объекта является, как правило, первым и обычным и что лишь позже против него вырастает сопротивление, происхождение которого нельзя вывести, исходя из индивидуальной психологии[1].

Сопоставим вместе все, что дало нам углубление в детскую психологию для лучшего понимания сновидения. Мы не только обнаружили, что сновидению доступны забытые детские переживания, но видели, что душевная жизнь ребенка, со всеми ее особенностями, ее эгоизмом, ее инцестуозным выбором объекта и т. д. продолжает свое существование в сновидении, то есть в бессознательном, и что сновидение каждую ночь приводит нас на эту инфантильную ступень развития. Таким образом, подтверждается, что *бессознательное в душевной жизни есть инфантильное*. Странное впечатление, что в человеке таится так много дурного, начинает ослабевать. Это страшно дурное представляет собой просто первоначальное, примитивное, инфантильное душевной жизни, проявление которого мы можем наблюдать у ребенка, но отчасти не замечаем, вследствие слабости всех этих проявлений, отчасти не принимаем всерьез, потому что не требуем от ребенка нравственной зрелости. Так как сновидение низводит психическую жизнь до этой ступени, то может показаться, что оно содействовало проявлению в нас злого начала. Но это только кажущееся, пугающее нас заблуждение. На самом деле мы вовсе не такие дурные, как можно было бы думать на основании толкования сновидений.

Если дурные душевные движения, проявляющиеся в наших сновидениях, суть только инфантилизмы, возврат к началу нашего нравственного развития, так как сновидение делает нас просто детьми в области мышления и чувствования, то благоразумие подсказывает, что нам нечего стыдиться этих дурных сновидений. Но благоразумие составляет только одну часть душевной жизни, кроме него в душе происходит еще многое, что неблагоразумно, а потому и быва-

---

[1] [Вся эта тема инфантильной сексуальности еще раз, более подробно, обсуждается в 20-й и 21-й лекциях.]

ет так, что мы совершенно неблагоразумно стыдимся наших сновидений. Мы подвергаем их цензуре сновидений, стыдимся их, огорчаемся, когда в виде исключения какому-нибудь из этих желаний случайно удается проникнуть в сознание в такой искаженной форме, что мы его должны узнать; более того, мы иной раз стыдимся искаженных сновидений так же, как если бы они были для нас понятными. Вспомните негодование той славной старой дамы по поводу ее не истолкованного сновидения о «любовных услугах» Вопрос еще не исчерпан и возможно, что при дальнейшем изучении дурного начала в сновидениях мы придем к другому выводу и к другой оценке человеческой природы.

В результате всего исследования мы приходим к положениям, которые, однако, только кладут начало новым загадкам и новым сомнениям. Во-первых, регрессия работы сновидения не только формальна, но и материальна. Она не только переводит наши мысли в примитивную форму выражения, но и воскрешает все особенности нашей примитивной душевной жизни, старое всемогущество «я», первые проявления нашей сексуальной жизни, даже наше старое интеллектуальное содержание, когда мы можем видеть в символах проявление этого содержания. И, во-вторых, все то старое инфантильное, что когда-то самодержавно господствовало в нас, мы должны теперь отнести к бессознательному, наше представление о котором следует теперь изменить и расширить. Бессознательное уже не является названием того, что скрыто в настоящую минуту, бессознательное представляет собой особое душевное царство со своими собственными душевными движениями, собственным способом выражения и свойственными ему душевными механизмами, не действующим при обычных условиях. Но скрытые мысли сновидения, которые мы угадываем благодаря толкованию сновидения, принадлежат не к этому царству; они, скорее, такие, какие могли бы у нас возникнуть и в бодрствующем состоянии. Но они все же бессознательны; как же разрешается это противоречие? Мы начинаем подозревать, что здесь надо произвести подразделение. Нечто исходящее из нашей сознательной жизни и носящее признаки ее — мы называем это дневными остатками — соединяется с чем-то из другой области бессознательного для образования сновидения. Между этими двумя составляющими осуществляется работа сновидения. Влияние присоединяющегося бессознательного на дневные остатки явля-

ется условием регрессии. В этом заключается самое глубокое понимание сущности сновидения, которое мы можем достичь, пока мы не исследовали другие области душевной жизни. Но скоро придет время дать специальное название и точнее определить особенности бессознательного качества скрытых мыслей сновидения, в отличие от бессознательного из царства инфантильного[1].

Мы можем, естественно, также поставить вопрос: что толкает психическую деятельность во время сна на такую регрессию? Почему она не справляется с нарушающими сон душевными раздражениями иным путем? И если благодаря цензуре сновидения она вынуждена пользоваться для маскировки старой, теперь уже непонятной, формой выражения мыслей, то каким целям служит возрождение старых, теперь уже преодоленных побуждений, желаний, особенностей характера, то есть регрессия содержания, присоединяющаяся к регрессии формы? Единственный удовлетворяющий нас ответ указал бы, что только таким путем может образоваться сновидение, что иначе невозможно динамически прекратить раздражение сновидения. Но права на такой ответ у нас пока еще нет.

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Исполнение желания

Уважаемые дамы и господа! Не следует ли мне вкратце показать вам весь пройденный нами путь? Не напомнить ли вам, как мы, пользуясь нашей техникой, наткнулись на искажение сновидений и сначала раздумывали над тем, как нам обойти это искажение, и благодаря изучению инфантильных сновидений приобрели самые важные сведения о сущности сновидения? И как мы, далее, вооруженные результатами этого исследования, приступили непосредственно к изучению искажения сновидения и, надеюсь, шаг за шагом одолели его? Однако мы должны признаться, что

---

[1] [Этот вопрос вновь поднимается в конце 14-й лекции.]

найденное нами тем и другим путем не совсем совпадает. Перед нами теперь встает задача сопоставить оба результата и сравнить один с другим.

И тем и другим путем мы пришли к тому, что работа сновидений состоит по существу в превращении мыслей в галлюцинаторное переживание. Как это происходит, является загадкой, но она относится уже к общей психологии и не должна нас здесь занимать. Из детских сновидений мы узнали, что работа сновидения стремится к устранению нарушающего сон душевного раздражения путем исполнения желания. Ничего подобного мы не могли утверждать относительно искаженных сновидений до того, как мы научились их толковать. Но с самого начала мы рассчитывали, что сумеем распространить и на искаженные сновидения точку зрения, принятую по отношению к инфантильным. Первым подтверждением этого предположения было сделанное нами открытие, что по существу все сновидения представляют собой детские сны, работают над инфантильным материалом, над детскими побуждениями и при помощи детских психических механизмов. Одолев проблему искажения сновидений, мы должны приступить к исследованию того, можно ли распространить взгляд на сновидения, как на исполнение желаний, и на искаженные сны.

Мы только недавно произвели толкование целого ряда сновидений, но совершенно не принимали во внимание исполнение желания. Я убежден, что вам при этом неоднократно навязывался вопрос: куда же девалось исполнение желания, которое, как утверждают, составляет цель всей работы сновидения? Этот вопрос заслуживает внимания: он стал любимым вопросом наших неспециалистов-критиков. Как вы знаете, у человечества есть какое-то инстинктивное стремление оказывать сопротивление всему новому в области мысли. Такое сопротивление выражается, между прочим, в том, что новая идея сейчас же низводится до самых незначительных размеров, если возможно, суживается до степени какого-нибудь лозунга. В новом учении о сновидениях таким лозунгом стало исполнение желаний. Дилетант задает вопрос: где исполнение желания? Едва услышав, что сновидение должно выражать исполнение какого-нибудь желания, дилетант задает этот вопрос и тут же разрешает его в отрицательном смысле. Он припоминает бесчисленное множество собственных случаев, в которых сновидение сопровождалось неприятным чувством, нарастающим до

мучительного страха, так что утверждение психоаналитического учения о сновидениях кажется чрезвычайно невероятным. Нам нетрудно ответить, что при искаженных сновидениях исполнение желания не может проявляться открыто, а его необходимо еще поискать и поэтому до толкования сновидения невозможно и указать на него. Мы знаем также, что желания этих искаженных сновидений являются запретными, они отвергнуты цензурой, существование их и было причиной искажения сновидения и поводом к тому, что цензура сновидений проявила свое действие. Но критика-дилетанта очень трудно убедить в том, что нельзя поднимать вопроса об исполнении желания до того, как еще не закончено толкование сновидения. Но он об этом постоянно забывает. Его отрицательное отношение к теории исполнения желания представляет собой в сущности только следствие влияния цензуры сновидения, замещение и результат отклонения этих желаний сновидения, подвергнутых цензуре.

Разумеется, у нас тоже возникает потребность найти объяснение тому, что встречается так много сновидений с мучительным содержанием и в особенности снов, сопровождающихся страхами. При этом мы впервые сталкиваемся с проблемой аффектов в сновидении, заслуживающей особого изучения, но не входящей, к сожалению, в программу наших занятий. Если сновидение есть исполнение желания, то мучительные ощущения не должны были бы иметь в нем место; в этом отношении критики-дилетанты как будто правы. Но нужно принять во внимание три вида осложнений, о которых не подумали эти критики.

Во-первых, работе сновидения, возможно, не вполне удалось осуществить исполнение желания, так что часть мучительного аффекта мыслей сновидения сохраняется в явном содержании сновидения. Анализ в этом случае показал бы, что эти мысли сновидения были гораздо мучительней, чем образовавшееся из них сновидение. Это всякий раз удается доказать. Мы тогда соглашаемся с тем, что работа сновидения не достигла своей цели, подобно тому, когда под влиянием жажды видишь во сне, что пьешь, но этим не достигаешь цели утолить жажду. Ее продолжаешь испытывать, и необходимо проснуться, чтобы напиться. А между тем это было самое настоящее сновидение, в его сущности ничего не изменилось. Мы должны сказать: *«Ut desint vires, tamen*

est laudanda voluntas»[1]. Ясно проявляемое намерение заслуживает, по крайней мере, похвалы. Далеко не редки такие неудачные случаи. Этому содействует то, что работе сновидения гораздо труднее изменить в желательном для нее смысле аффекты, чем содержание; аффекты нередко оказываются очень упорными. Тогда случается, что работа сновидения переделала мучительное содержание мыслей сновидения, между тем как мучительный аффект прорывается в еще неизменном виде. В таких сновидениях аффект совершенно не соответствует содержанию, и наши критики могут сказать, что сновидение так далеко от исполнения желания, что даже безобидное содержание может в нем мучительно ощущаться. На такое неразумное замечание мы возразим, что именно в таких сновидениях тенденция работы сновидения к исполнению желания проявляется особенно ясно, именно благодаря ее изолированности. Ошибка происходит от того, что тот, кто не знает неврозов, представляет себе связь между содержанием и аффектом слишком тесной и поэтому не может понять, что содержание может измениться, а относящийся к нему аффект остается при этом неизменным.

Второй, гораздо более важный и глубокий момент, также недооцениваемый дилетантами, состоит в следующем. Исполнение желания должно было бы безусловно доставить удовольствие, но спрашивается, кому? Разумеется, тому, кто имеет это желание. Но, как нам уже известно, отношение сновидца к своим желаниям отличается некоторыми особенностями. Он их отбрасывает, подвергает цензуре, — короче говоря, они ему неприятны. Поэтому их исполнение может доставить ему не удовольствие, а противоположное чувство. Опыт показывает, что это противоположное чувство проявляется в виде страха. Сновидца в отношении его к своим желаниям, выразившимся в сновидениях, можно сравнить с существом, состоящим из двух лиц, тесно между собою связанных. Вместо дальнейших рассуждений я расскажу вам известную сказку, в которой вы встретите то же отношение. Одна добрая фея обещает бедной супружеской чете, мужу и жене, что она исполнит первые их три желания. Счастливые, они собираются старательно выбрать

[1] [Пусть недостало сил, похвалы достойно усердие (лат.). Овидий, «Письма из ссылки», III, 4, 79.]

эти три желания. Но жена соблазняется запахом жареных сосисок, доносящимся из соседней хижины, и желает получить парочку таких сосисок. Сосиски неожиданно оказываются тут как тут; и вот исполнилось первое желание. Тогда муж сердится и в раздражении высказывает пожелание, чтобы сосиски повисли у жены на носу. Это также немедленно исполняется, и нет никакой возможности удалить сосиски с их нового местопребывания, – вот уже исполнилось и второе желание, но уже желание мужа; жене исполнение этого желания очень не нравится. Вы знаете, что происходит дальше в сказке. Так как оба они, в сущности, составляют одно, мужа и жену, то третье желание сводится к тому, чтобы сосиски покинули нос жены. Мы могли бы использовать эту сказку еще много раз в связи с другими явлениями; пусть она послужит нам здесь иллюстрацией возможности такого положения, при котором исполнение желания одного вызывает неприятное чувство у другого, если между ними обоими нет согласия[1].

Теперь нам нетрудно прийти к лучшему пониманию страшных снов. Мы прибегнем к еще одному наблюдению и остановимся на предположении, в пользу которого можно привести много доводов. Наблюдения показывают, что нередко страшные сны имеют содержание, совершенно свободное от искажения, так сказать, не прошедшее через цензуру. Страшный сон представляет собой нередко откровенное исполнение желания, разумеется, не одобряемого, а отвергнутого желания. На место цензуры заступает страх. В то время как про инфантильное сновидение можно сказать, что оно является откровенным исполнением допустимого желания, а об обыкновенном искаженном сновидении – что оно представляет замаскированное исполнение вытесненного желания, по отношению к страшному сновидению можно применить формулу, что оно изображает откровенное исполнение вытесненного желания. Страх является признаком того, что вытесненное желание оказалось сильней, чем цензура, что оно, несмотря на ее сопротивление, все-таки проявилось или было готово проявиться. Мы понимаем, что исполнение такого желания является для нас, находящихся на стороне цензуры сновидения, только

[1] [Эта сказка упоминается также в работе Фрейда «Жуткое» (1919*h*), однако в другом контексте.]

поводом к мучительным ощущениям и к защите. Появляющийся при этом в сновидении страх есть, если хотите, страх перед силой этих, обычно сдерживаемых, желаний. Почему эта защита появляется в форме страха, не удается выяснить при изучении одной только психологии сновидений; очевидно, нужно изучать чувство страха по другим источникам[1].

Все, что справедливо по отношению к неискаженным страшным сновидениям, мы можем предполагать также и для таких сновидений, которые претерпели некоторое частичное искажение, и вообще в других неприятных сновидениях, мучительные ощущения которых, вероятно, соответствуют в некотором приближении чувству страха. Страшное сновидение обычно ведет к пробуждению: чаще всего мы просыпаемся еще до того, как вытесненное желание сновидения, несмотря на сопротивление цензуры, добивается полного осуществления. В этом случае задача сновидения оказывается невыполненной, но сущность его от этого не меняется. Мы сравнили сновидение с ночным сторожем, охраняющим наш сон, чтобы ничто ему не помешало. Но бывает положение, когда сторож вынужден разбудить спящих, а именно когда он чувствует себя слишком слабым, чтобы быть в состоянии одному устранить опасность. И все-таки иной раз нам удается продолжать спать даже тогда, когда сновидение становится сомнительным и начинает превращаться в страшное. Мы говорим себе во сне: «Ведь это только сон», — и продолжаем спать.

Когда же случается так, что желание сновидения оказывается в состоянии преодолеть цензуру? Условия, благоприятствующие этому, могут найтись как со стороны желания сновидения, так и со стороны его цензуры. Иной раз желание может по неизвестным причинам стать слишком сильным, тут возникает впечатление, что вина за это изменение соотношения действующих сил чаще падает на цензуру сновидения. Мы уже слышали, что цензура работает в каждом отдельном случае с различной интенсивностью и относится к каждому элементу в отдельности с различной степенью строгости; теперь мы хотели бы прибавить еще одно положение, а именно что она вообще очень изменчива и не всегда одинаково строга против одного и того же не-

[1] [Это тема 25-й лекции.]

приемлемого для нее элемента. Если случается так, что она чувствует себя бессильной против какого-нибудь желания сновидения, угрожающего захватить ее врасплох, то вместо искажения она пользуется последним оставшимся в ее распоряжении средством — прервать сон под влиянием нарастающего страха.

Заметим тут, что мы вообще еще не знаем, почему эти дурные отвергнутые желания дают о себе знать как раз в ночное время, чтобы нарушить наш сон. Ответ может свестись лишь к предположению, учитывающему свойство состояния сна. Днем эти желания находятся под тяжелым давлением цензуры, как правило, не дающей им возможности проявиться в каком-нибудь действии. В ночное время эта цензура, вероятно, как и все другие интересы душевной жизни, совершенно перестает действовать, или, по крайней мере, сильно понижается благодаря единственному желанию спать. Запретные желания и обязаны этому понижению цензуры в ночное время тем, что получают возможность снова оживать. Нервные больные, страдающие бессонницей, сознаются, что первоначально они сами хотели своей бессонницы. Они не решались заснуть, потому что боялись своих сновидений, то есть последствий ослабления цензуры. Нетрудно убедиться, что такая приостановка деятельности цензуры не означает еще большой неосторожности. Состояние сна парализует нашу подвижность; все наши злостные намерения, даже если они начинают шевелиться, могут привести только к практически совершенно безвредному сновидению, и на такое именно успокоительное состояние указывает чрезвычайно благоразумное замечание спящего, хотя и принадлежащее к душевной деятельности ночью, однако, не к самому сновидению: «Это только сон». А потому предоставим ему свободу действий и будем спать дальше.

Если, в-третьих, вы вспомните о нашем представлении сновидца, борющегося со своими желаниями, в виде двух отдельных, но каким-то образом тесно связанных между собой лиц, то допустите и другую возможность, благодаря которой исполнение желания может быть связано с чем-то в высшей степени неприятным, а именно с наказанием. И здесь нам может опять помочь сказка о трех желаниях: жареные сосиски, преподнесенные на тарелке, были прямым исполнением желания первого лица — жены; сосиски, прикрепленные к ее носу, представляют исполнение же-

лания второго лица — мужа, но одновременно и наказание за глупое желание женщины. Далее при неврозах мы найдем также мотивировку еще и третьего, имеющегося в сказке, желания. В душевной жизни человека встречается много таких тенденций претерпеть наказание: они очень сильны и их можно считать ответственными за некоторую часть мучительных сновидений. Может быть, вы станете теперь утверждать, что, пожалуй, таким образом, от хваленого исполнения желания остается не очень-то много. Но, рассмотрев поближе вопрос, вы согласитесь, что не правы. Положение о том, что сновидение — это исполнение желания, переживание страха и исполнение наказания, является еще в достаточной мере суженным по сравнению со всем разнообразием того, чем мог бы быть сон, по мнению некоторых авторов. К этому еще нужно прибавить, что страх — это прямая противоположность желанию, что противоположности особенно близки друг к другу ассоциативно, а в бессознательном, как мы уже слышали, совпадают. Далее, что и наказание является исполнением желания, но другого — цензурирующего лица.

Итак, вашим возражениям против теории исполнения желания я в общем не сделал никаких уступок. Но мы обязаны доказать исполнение желания в любом искаженном сновидении и, понятно, не откажемся от разрешения этой задачи. Вернемся к уже истолкованному нами сновидению о трех плохих театральных билетах за один гульден 50 крейцеров, который нас уже многому научил. Надеюсь, вы его еще не забыли. Дама, муж которой сообщил ей днем, что ее подруга Элиза, моложе ее всего только на три месяца, стала невестой, видит во сне, что сидит с мужем в театре. Одна сторона партера почти пуста. Ее муж рассказывает ей, что Элиза с женихом собирались также пойти в театр, но не могли, так как достали плохие места, три за один гульден пятьдесят. Она говорит, что в этом нет никакого несчастья. Мы догадались, что мысли сновидения выражали досаду на то, что она так рано вышла замуж, и недовольство своим мужем. Нам любопытно узнать, каким образом эти мрачные мысли превращены в исполнение желания и где кроется след его в явном содержании сновидения. Мы уже знаем, что элемент «слишком рано, поспешно» устранен из сновидения цензурой. Намеком на это является пустой партер. Загадочное «три за один гульден пятьдесят» становится теперь более понятным благо-

даря символике, с которой мы за это время познакомились[1].

Эти «три» в самом деле обозначает мужа, и явный элемент сновидения легко перевести так: купить себе мужа на приданое. («За мое приданое я могла бы себе купить в десять раз лучшего»). Замужество, очевидно, заменено посещением театра. «Слишком ранняя покупка билетов в театр» прямо так и заменяет слишком раннее замужество. Но эта замена является делом исполнения желания. Наша дама не была постоянно так недовольна своим ранним замужеством, а только в тот день, когда она получила известие, что подруга ее сделалась невестой. В свое время она гордилась своим ранним замужеством и чувствовала в этом свое превосходство над подругой. Наивные девушки, став невестами, нередко выражают радость по поводу того, что они скоро могут пойти в театр на все, до тех пор им запрещенные, пьесы и все увидеть. Доля страсти к подглядыванию или любопытства, которая здесь проявляется, сначала, несомненно, была страстью к сексуальному подглядыванию, обращенной на половую жизнь, особенно родителей, и затем стала сильным мотивом, толкающим девушек на раннее замужество. Таким образом, посещение театра становится лежащим на поверхности намеком на замужество. В своем теперешней досаде по поводу раннего замужества она возвращается, таким образом, к тому времени, когда оно было для нее исполнением желания, потому что удовлетворяло страсть к подглядыванию, и теперь под влиянием этого прежнего желания она в сновидении заменяет мысль о замужестве посещением театра.

Мы можем сказать, что это не самый удачный пример для доказательства скрытого исполнения желания. Аналогичным образом мы должны были бы поступать и при других искаженных сновидениях. Я не смогу вам это продемонстрировать, но выражу только свое убеждение, что это удается во всех случаях. Но я хочу остановиться подробнее на этом пункте теории. Опыт научил меня, что именно этот пункт учения о сновидениях подвергается наибольшим нападкам и что с ним связывается много недоразумений и воз-

---

[1] [Еще одно лежащее на поверхности толкование этих «трех» для бездетной женщины я не упоминаю, поскольку данный анализ не дал соответствующего материала.]

ражений. Кроме того, у вас, может быть, сложится впечатление, что я как будто отчасти отказался от того, что утверждал раньше, высказывая теперь взгляд, что сновидение представляет собой исполненное желание или нечто противоположное, то есть осуществление какого-то страха или наказания; и вы думаете, что теперь как раз удобный случай для того, чтобы вынудить меня пойти на дальнейшие уступки. Я также слышал упрек, что излагаю вещи, которые мне лично кажутся очевидными, слишком сжато и потому недостаточно убедительно.

Если кто-нибудь следует за нами в учении о толковании сновидений до этого места и соглашается со всеми его утверждениями, то он все же часто останавливается на вопросе об исполнении желания: допустим, что сновидение всегда имеет смысл, и этот смысл может быть открыт при помощи психоаналитической техники, почему же он должен быть, вопреки очевидности, непременно втиснут в формулу исполнения желания? Почему смысл этого ночного мышления не может быть так же разнообразен, как смысл дневного мышления, и тогда сновидение один раз может соответствовать исполненному желанию, другой раз, как вы сами утверждаете, чему-нибудь противоположному, осуществленному опасению; далее оно может выражать какое-нибудь намерение — предупреждение, соображение с доводами за и против чего-нибудь или упрек, укор совести, попытку приготовиться к тому, что предстоит сделать и т. д. Почему всегда должно иметься только одно желание или, самое большее, его противоположность?

Можно было бы подумать, что расхождение в этом вопросе, если во всем остальном соглашаешься, не так уж существенно. Достаточно того, что мы открыли смысл сновидения и пути для того, чтобы его распознать; в сравнении с этим не имеет большого значения, если нам пришлось ограничить этот смысл; но это неверно. Недоразумение в этом пункте касается самой сущности нашего познания сновидения и ставит под вопрос его значение для объяснения неврозов. Кроме того, та форма уступчивости, которая в коммерческом мире ценится как «сговорчивость», в научном вопросе неуместна и даже вредна.

Первый мой ответ на вопрос: почему сновидение не может иметь много значений в указанном смысле, — гласит, как обыкновенно в таких случаях: я не знаю, почему бы это не могло быть так. Я не имел бы ничего против. Одна толь-

ко мелочь противоречит такому более широкому и удобному пониманию сновидения, а именно, что этого не бывает в действительности. Второй мой ответ подчеркнет, что и мне самому не чуждо предположение, приписывающее сновидению разнообразные формы мышления и интеллектуальных процессов. В одной истории болезни я однажды описал сновидение, являвшееся три ночи подряд и более не повторявшееся и объяснил этот случай тем, что сновидение это соответствовало *намерению*, которому незачем было снова являться после того, как оно было исполнено[1]. Позже я опубликовал сновидение, соответствовавшее определенному признанию[2]. Как же я могу все-таки возражать и настаивать, что сновидение всегда представляет собой только исполнение желания?

Я это делаю, потому что не хочу допустить глупого недоразумения, которое может лишить нас всех результатов нашей работы над сновидением, недоразумения, состоящего в том, что сновидение путают с его скрытыми мыслями и утверждают о самом сновидении то, что относится только и исключительно к этим мыслям. Совершенно верно, что сновидение может представлять все перечисленные нами выше психические акты: намерение, предупреждение, соображение, приготовление, попытку разрешить задачу и т. д., а также может быть само заменено ими. Но если вы присмотритесь, то узнаете, что все это верно только по отношению к скрытым мыслям, превратившимися в сновидение. Из толкования сновидения вы знаете, что бессознательное мышление человека занято такими намерениями, приготовлениями, соображениями и т. д., из которых работа сновидения впоследствии и создает само сновидение. Если вы пока не интересуетесь работой сновидения, а интересуетесь бессознательной деятельностью человека, то вы игнорируете работу сновидения и утверждаете, практически совершенно правильно, что сновидение соответствует предупреждению, намерению и т. п. В практической психоаналитической работе это нередко случается. По большей части стремятся к тому, чтобы снова разрушить форму сновидения и вместо него восстановить общую связь скрытых мыслей, из которых составлено сновидение.

---

[1] [См. анализ случая «Доры» (1905*e*).]

[2] [«Сновидение как доказательство» (1913*a*).]

Итак, мы совершенно между прочим узнаем из оценки значения скрытых мыслей сновидения, что все эти названные сложные душевные акты могут протекать бессознательно; результат грандиозный и ошеломляющий.

Но вернемся к нашей теме. Вы будете правы, если уясните себе, что пользовались только сокращенными выражениями, и если не будете думать, что упомянутое разнообразие содержания относится к сущности сновидения. Если вы говорите о «сновидении», то под этим должны понимать или явное содержание сновидения, то есть продукт работы сновидения, или самое большее, саму работу сновидения, то есть тот психический процесс, который формирует из скрытых мыслей сновидения его явное содержание. Всякое другое употребление этого слова вносит путаницу понятий, которая может иметь только дурные последствия. Если, высказывая определенные положения, вы имеете в виду скрытые мысли, стоящие за сновидением, то скажите это прямо и не вносите в проблему сновидений неясности из-за неточности выражений, которыми вы пользуетесь. Скрытые мысли сновидения составляют тот материал, который работа сновидений превращает в явное сновидение. Почему же вы непременно хотите смешивать материал с работой, формирующей его? Какие в таком случае у вас преимущества перед теми, кто знал только продукт этой работы и никак не мог понять, откуда она берется и как совершается?

Единственно существенным в сновидении является работа сновидения, оказавшая влияние на скрытые мысли сновидения. В теории мы не имеем права игнорировать работу сновидения, хотя в некоторых практических ситуациях и можем позволить себе ею пренебречь. Аналитическое наблюдение, кроме того, показывает, что работа сновидения никогда не ограничивается тем, чтобы перевести эти мысли в уже известную вам архаическую или регрессивную форму выражения. Она всегда прибавляет еще что-то, что не имеет отношения к дневным скрытым мыслям, но что является собственно мотором в образовании сновидения. Это непременное добавление и есть бессознательное желание, для исполнения которого преобразуется содержание сновидения. Таким образом, сновидение может быть чем угодно — предупреждением, намерением, подготовкой и т. д., поскольку вы будете принимать во внимание те мысли, которые оно передает; но оно всегда пред-

ставляет собой исполнение бессознательного желания и ничто иное, если вы будете его рассматривать, как результат работы сновидения. Сновидение также не может никогда быть просто предупреждением, намерением, а является всегда намерением и т. п., переведенным при помощи бессознательного желания в архаическую форму выражения и преобразованным для исполнения этих желаний[1]. Одна характерная черта — исполнение желаний — постоянна; другая может меняться; она может быть также и каким-либо желанием, так что сновидение изображает исполнение какого-то скрытого дневного желания при помощи бессознательного желания.

Сам я прекрасно все это понимаю, но не знаю, удалось ли мне сделать и вам все это понятным. Кроме того, мне это трудно доказать вам. С одной стороны, это невозможно сделать без тщательного анализа большого числа сновидений, а с другой стороны, нельзя с достаточной убедительностью изложить этот самый щекотливый и значительный пункт нашего понимания сновидения, не приводя его в связь с тем, о чем речь будет ниже. Можете ли вы вообще допустить, чтобы при столь тесной связи всех явлений можно было проникнуть глубоко в природу одного явления, не останавливаясь на других, подобных ему? Так как нам еще ничего не известно о невротических симптомах, ближайших родственниках сновидения, то в данном случае мы должны удовлетвориться достигнутым. Я хочу только разъяснить вам еще один пример и привести еще одно новое соображение.

Обратимся опять к сновидению о трех театральных билетах за один гульден 50 крейцеров, к которому я возвращался уже неоднократно. Могу вас уверить, что взял его сначала в качестве примера безо всяких особых намерений. Скрытые мысли сновидения вам известны. Досада на то, что дама так поспешила с замужеством, явившаяся при известии, что подруга только теперь стала невестой; плохое мнение о муже; мысль, что ей достался бы лучший, если бы она только подождала. Желание, создавшее сновидение из

[1] [Употребление множественного числа — «этих желаний» — во всех немецких изданиях кажется не вполне осмысленным. Возможно, речь идет об опечатке, на самом деле должно быть написано «этого желания». К сожалению, рукопись оригинала тоже недостаточно ясна, но допускает такое предположение.]

этих мыслей, нам уже известно, это страсть к подглядыванию, к тому, чтобы иметь возможность пойти в театр, весьма вероятно, происходящая от детского любопытства, желание узнать, наконец, что же такое происходит, когда выходишь замуж. Это любопытство, как известно, направлено у детей всегда на сексуальную жизнь родителей; оно имеет инфантильное происхождение и, еще сохраняясь в более позднем возрасте, представляет собой влечение, корни которого уходят в инфантильный период. Но известие, полученное днем, не дало повода к пробуждению этой страсти к подглядыванию, а только вызвало досаду и сожаление. Сначала это желание не входило в скрытые мысли сновидения, и мы могли включить результат толкования этого сновидения в анализ больной, не обращая внимания на это желание. Но досада сама по себе не была способна вызвать сновидение: оно не могло образоваться из мысли «Как глупо было так рано выходить замуж», пока эта мысль не разбудила прежнего желания увидеть, наконец, что происходит, когда выходишь замуж. Тогда это желание образовало содержание сновидения, заменив замужество посещением театра и придав ему форму прежнего исполнения желания: «Так, я могу идти в театр и видеть все запрещенное, а ты этого не можешь. Я замужем, а ты должна ждать». Таким образом, настоящая ситуация вещей была обращена в свою противоположность, давний триумф был поставлен на место нового поражения. Помимо этого, удовлетворение страсти к подглядыванию слилось с эгоистическим удовлетворением победы над соперницей. Это удовлетворение определяет явное содержание сновидения, в котором она действительно сидит в театре, между тем как подруга не может туда проникнуть. К этой ситуации, дающей удовлетворение, прибавлены, в виде неподходящих и непонятных модификаций, те части содержания сновидения, за которыми прячутся скрытые мысли сновидения. Толкование сновидений должно не обращать внимания на то, что служит изображению исполнения желания, а реконструировать мучительные скрытые мысли сновидения из этих намеков.

Соображение, которое я хочу еще привести, должно привлечь ваше внимание к выдвинутым теперь на первый план скрытым мыслям сновидения. Прошу вас не забывать, что мысли эти, во-первых, не сознаются сновидцем, во-вторых, они совершенно понятны и связаны, так что их можно вполне понимать как реакцию на то дневное впечатление,

которое послужило поводом к сновидению, в-третьих, что качественно они могут обладать ценностью любого побуждения или интеллектуальной операции. Эти мысли я назову теперь более точно *«дневными остатками»*, независимо от того, признается ли в них сновидец или нет. Я теперь различаю дневные остатки и скрытые мысли сновидения, называя скрытыми мыслями в согласии с тем, как мы это делали и раньше, все то, что мы узнавали при толковании сновидения, между тем как название «дневные остатки» сохраняется только для части скрытых мыслей сновидения. Далее, наше понимание приводит к тому, что к этим дневным остаткам нечто прибавляется, а именно то, что принадлежало также и бессознательному, сильное, но вытесненное желание, и это оно сделало возможным образование сновидения. Влияние этого желания на дневные остатки создает другую часть скрытых мыслей сновидения, а именно ту, которая уже не кажется разумной и понятной с точки зрения душевной жизни в бодрствовании.

Чтобы охарактеризовать отношение дневных остатков к бессознательному желанию, я пользовался сравнением, которое могу здесь только повторить. Во всяком предприятии необходимо участие капиталиста, который берет на себя расходы, и предпринимателя, имеющего идею и умеющего ее осуществить. Роль капиталиста в образовании сновидения играет всегда только бессознательное желание; оно доставляет психическую энергию для образования сновидения; предпринимателем является дневной остаток, который распоряжается всеми расходами. Но возможен и такой случай, что сам капиталист имеет идею и знает дело, или предприниматель обладает капиталом. Это упрощает практическую ситуацию, но затрудняет ее теоретическое понимание. В экономике будут всегда разлагать это одно лицо на два его аспекта, на капиталиста и предпринимателя, и таким образом восстановят то основное положение, из которого исходило наше сравнение. При образовании сновидения бывают такие же вариации, но я предоставляю вам самим проследить их в деталях. Пойти дальше мы тут уже не сможем, потому что вас, вероятно, давно занимает вопрос, который вполне заслуживает нашего внимания. «Разве, — таков ваш вопрос, — дневные остатки в таком же смысле бессознательны, как бессознательное желание, которое должно к ним присоединиться, чтобы сделать их способными образовать сновидение?» Ваша догадка правильна.

Здесь кроется самая суть всего дела. Они не в таком же смысле бессознательны. Желание сновидения принадлежит другому бессознательному, тому, которое известно нам благодаря своему инфантильному происхождению и благодаря особым механизмам своего действия. Вполне уместно различать эти два вида бессознательного и дать им различные названия. Но подождем лучше с этим, пока мы поближе не познакомимся с явлениями из области неврозов. Нас упрекают в фантастичности уже за одно бессознательное, — так что же нам скажут, если мы сознаемся, что нам необходимы еще и два вида бессознательного?[1]

Но здесь мы остановимся. Мы опять-таки услышали только о чем-то незаконченном, но разве у нас не рождается надежда, что эти знания должны будут продолжать развиваться дальше и приведут к новым открытиям, которые сделаем или мы сами, или другие уже после нас? Да разве мы сами не узнали уже достаточно нового и поразительного?

ПЯТНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Обзор и критика

Уважаемые дамы и господа! Мы не можем оставить область сновидений, не коснувшись самых обычных сомнений и колебаний, связанных с нашим новым пониманием этих явлений. Вероятно, самые внимательные из вас уже накопили кое-какой материал по этому поводу.

1. Возможно, что у вас создалось впечатление, будто результаты нашей работы по толкованию сновидений, несмотря на тщательное соблюдение всех технических правил, все же содержат еще столько неопределенного, что не удается

---

[1] [Вопрос о различном использовании слова «бессознательный» имеет большое значение для теорий Фрейда. Он неоднократно затрагивает его в этих лекциях. Очевидно, он уже тогда ощущал определенное неудобство. В действительности он пересмотрел свои взгляды на всю эту проблему несколькими годами позже в работе «Я и Оно» (1923*b*). Это новое понимание изложено в 31-й лекции «Нового цикла».]

сделать достоверный перевод явного содержания сновидения на язык его скрытых мыслей. В доказательство этого вы укажете на то, что, во-первых, никогда нельзя узнать, следует ли понимать тот или другой элемент сновидения в прямом смысле или символически, потому что если то или другое представление имеет значение символа, то ведь оно еще не теряет и своего прямого смысла. Но если нет объективной точки зрения, руководясь которой можно было бы разрешить этот вопрос, то в таком случае толкование сновидения зависит от произвола толкователя. Далее, вследствие совпадения противоположностей при работе сновидений остается всегда невыясненным, следует ли понимать определенный элемент сновидений в положительном или в отрицательном смысле, в прямом или в обратном значении. А это — новый повод для проявления произвола толкователя. В-третьих, вследствие так часто встречающегося в сновидении всякого рода превращения в противоположность, толкователь сновидения может всегда в любом желательном ему месте сновидения предпринять такое превращение. Наконец, вы сошлетесь на мои слова, что редко бываешь уверенным в том, что найденное толкование сновидения является единственно возможным. Всегда существует опасность проглядеть еще какое-нибудь вполне допустимое толкование. При таких условиях вы придете к заключению, что произволу толкователя предоставляется неограниченная свобода, совершенно несовместимая с объективной точностью результатов. Или же вы предположите, что ошибка кроется не в сновидении, но что несостоятельность нашего толкования сновидения объясняется неправильностью наших взглядов и исходных положений.

Весь приведенный вами материал безупречен, но я полагаю, что он все же не оправдывает ваших заключений в том и в другом отношении, то есть о том, что толкование сновидений по нашему методу совершенно произвольно, и о том, что недостатки результатов ставят под вопрос его правомерность. Если понятие «произвол» толкователя вы согласитесь заменить словами — его ловкость, опыт, понимание, то я с вами соглашусь. От такого рода личного момента мы не можем отказаться, особенно в столь трудной задаче, как толкование сновидений. Но ведь и в других областях науки происходит то же самое. Невозможно помешать тому, чтобы один человек не владел бы хуже техникой работы, чем другой, или не мог бы как-нибудь лучше использовать ее.

А все, что производит впечатление произвола, например, при толковании символов, устраняется благодаря тому, что обычно взаимосвязь между мыслями сновидений, между сновидением и жизнью сновидца и всей психологической ситуацией, в которой имеет место сновидение, заставляет остановить свой выбор на одном из возможных толкований и отбросить другие, как неподходящие. Заключение же, что наши положения неверны по причине несовершенства толкования сновидений, опровергается соображением о том, что различное истолкование или неопределенность сновидения является естественной его особенностью, вполне отвечающей нашим ожиданиям.

Вспомним о нашем утверждении, что работа сновидения переводит мысли сновидения на язык примитивного способа выражения мысли, аналогичной письму при помощи рисунков. Но все эти примитивные системы выражения мыслей страдают такой же неопределенностью и двусмысленностью, хотя это и не дает нам права сомневаться в их пригодности. Вы уже знаете, что совпадение противоположностей при работе сновидений аналогично так называемому «противоположному значению первых слов» в самых древних языках. Лингвист Р. Абель (1884), открывший нам эту точку зрения, предупреждает, чтобы мы не думали, будто мысли, передаваемые посредством таких амбивалентных слов одним лицом другому, становились вследствие этого двусмысленными. Тон и жест в общей связи произносимой речи устраняли всякое сомнение в том, какой из двух противоположных смыслов имел в виду говорящий. В письме, где жест отпадал, он заменялся дополнительным непроизносимым знаком, например, рисунком бессильно опустившегося на корточки или прямо стоящего человечка, в зависимости от того, обозначает ли имеющий двойной смысл иероглиф *кен* прилагательное «слабый» или «сильный». Таким путем устранялось недоразумение, несмотря на то, что звуки и знаки допускали много различных смыслов.

Старые системы выражения, например, письменность этих древнейших языков, обнаруживают некоторые неопределенности, не допустимые в нашем письме. Так, в некоторых семитских языках обозначаются только согласные звуки. Опущенные гласные звуки читатель должен дополнить сообразно своим знаниям и общей связи текста. Хотя и не совсем такое явление, но очень сходное с этим, встре-

чается в иероглифической письменности, вот почему нам неизвестно произношение древнеегипетского языка. Священное письмо египтян отличается еще одной неопределенностью. Так, например, пишущему дозволено произвольно располагать рисунки по своему желанию справа налево или слева направо. При чтении нужно соблюдать правило, что читать следует в ту сторону, куда обращены лица фигур, птиц и т. п. Но пишущий мог расположить рисунки в вертикальные ряды, а при надписях на небольших предметах он позволял себе изменять порядок рисунков в зависимости от эстетических соображений и требований заполнить определенное пространство. Но больше всего в иероглифах затрудняет то, что слова в них не отделены одно от другого. Рисунки тянутся в строку на равном расстоянии один от другого, и в общем нельзя узнать, относится ли какой либо рисунок к предыдущему слову или составляет начало нового. В персидской клинописи, напротив, отдельные слова разделяются косым клином.

Безусловно древние, но употребляемые еще и теперь 400 миллионами людей язык и письмо, это – китайские. Не думайте, что я его знаю; я только осведомлялся о нем, потому что надеялся найти аналогии с неопределенностями сновидения. И я не обманулся в моих ожиданиях. Китайский язык полон таких неопределенностей, которые способны внушить нам страх. Как известно, он состоит из определенного количества слогов, произносимых в отдельности или комбинируемых попарно. Один из главных диалектов состоит из приблизительно 400 звуков такого рода. А так как количество слов этого диалекта равняется приблизительно 4000 словам, то выходит, что каждый звук в среднем имеет десять различных значений, одни меньше, а другие больше. Далее, имеется много средств избежать двусмысленности, так как, исходя только из общего хода мыслей, невозможно угадать, какое из десяти значений слога хочет вызывать у слушателя говорящий. К числу этих средств относится соединение двух звуков в одно составное слово и употребление четырех различных «тонов», в которых произносятся эти звуки[1]. Для нашего сравнения еще интересно

[1] [По-видимому, имеет место логическая ошибка в рассуждении: количество двусложных слов, то есть комбинаций из 400 слогов по 2 будет равно 400x399= 159600, то есть значительно превышает количество слов диалекта.]

то обстоятельство, что в этом языке почти нет грамматики. Ни об одном из односложных слов нельзя определенно сказать, существительное ли оно, или глагол, или прилагательное, и нет никаких изменений слов, по которым можно было бы различить пол, число, окончание, время или образ действия. Язык состоит, так сказать, из одного только сырого материала, подобно тому, как язык, которым мы выражаем наши мысли, благодаря устранению выражения отношений разлагается работой сновидения на сырой материал. В китайском языке во всех тех случаях, когда имеется неопределенность, выбор предоставляется пониманию слушателя, который при этом руководится общим смыслом. Я записал себе, как пример, китайскую поговорку, которая в дословном переводе гласит: «Мало что видеть, много что удивительно».

Это нетрудно понять. Это может означать: чем меньше кто-нибудь видел, тем больше находит он удивительного, или: есть много чему удивляться для того, кто мало видел. Различие между этими двумя, отличающимися только в грамматическом отношении, переводами, разумеется, не принимается во внимание. Несмотря на эти неопределенности, как нас уверяют, китайский язык является очень хорошим средством выражения мыслей. Следовательно, неопределенность не всегда ведет непременно к двусмысленности.

Мы должны, однако, признаться, что в системе выражения сновидения дело обстоит гораздо менее благоприятно, чем во всех этих древних языках и письменностях. Потому что в основе своей эти языки предназначены для сообщений, то есть рассчитаны на то, чтобы каким бы то ни было путем быть понятым при помощи каких бы то ни было средств. Но как раз у сновидения эта особенность отсутствует. Сновидение не хочет никому ничего сообщать, оно не является средством сообщения мыслей, наоборот, оно рассчитано на то, чтобы оставаться непонятным. Поэтому нам нечего удивляться и смущаться, если окажется, что известное число двусмысленностей и неопределенностей сновидения не поддаются разъяснению. В качестве несомненного результата нашего сравнения у нас остается только убеждение, что такого рода неопределенности, какими хотели воспользоваться, как возражением против правильности нашего толкования сновидений, являются постоянным признаком всех примитивных систем выражения мысли.

Только опыт и упражнение могут показать, как далеко в действительности простирается наша способность понимать сновидения. Я полагаю, очень далеко, и сравнение результатов, получаемых правильно обученными аналитиками, подтверждает мой взгляд. Широкая публика дилетантов, в особенности, неспециалисты из научного мира любят, как известно, вследствие всех этих трудностей и отсутствия научной уверенности с чувством превосходства хвастать своим скептицизмом. Я думаю, что они не правы. Быть может, не всем им известно, что подобное положение имело место в истории расшифровки ассиро-вавилонских надписей. Было время, когда общественное мнение сильно склонялось к тому, чтобы считать исследователей шарлатанами. Но в 1857 году Королевское азиатское общество провело испытание, разрешающее всякое сомнение. Оно предложило четырем самым видным исследователям клинописи Ролинсону, Хинксу, Фоксу Тэлботу и Опперту прислать в напечатанном конверте независимые переводы только что найденной надписи, и после сравнения всех четырех переводов оно смогло объявить, что сходство их настолько велико, что вполне оправдывает доверие к уже достигнутому и дает уверенность в достижении дальнейших успехов. Тогда постепенно прекратились насмешки ученых дилетантов, и с тех пор уверенность в возможности чтения клинописных документов сильно возросла.

2. Другой ряд соображений, вызывающих сомнение, тесно связан с впечатлением, от которого, вероятно, не совсем свободны и вы, что мы неоднократно вынуждены принять такие варианты толкования сновидений, которые кажутся нам вычурными, искусственными, притянутыми за волосы, то есть насильственными или даже смешными или похожими на шуточные. Такие заявления делаются так часто, что я возьму наугад последнее из известных мне. Итак, слушайте: В свободной Швейцарии недавно лишен был своей должности директор семинарии из-за того, что он занимается психоанализом. Он заявил протест, и одна бернская газета опубликовала экспертизу, данную о нем школьным начальством. Из этого документа я выбираю несколько фраз, касающихся психоанализа: «Далее поражает искусственное и надуманное во многих примерах, находящихся в упомянутой книге доктора Пфистера из Цюриха... Собственно говоря, должно бы поражать, что директор семинарии без всякой критики соглашается с подобными утвер-

ждениями и с мнимыми доказательствами». Эти фразы выдаются за решение «беспристрастного суждения». Я думаю, что «искусственно» скорей это беспристрастие. Примем эти заявления с мыслью, что даже и беспристрастному суждению не помешает быть немного более знакомым с предметом и глубже продумать вопрос.

Действительно, производит освежающее впечатление, когда видишь, как быстро и безошибочно судят люди по первому впечатлению о каком-нибудь запутанном вопросе из психологии бессознательного. Интерпретации кажутся им надуманными и неестественными, они им не нравятся и, следовательно, неверны, да и все толкование никуда не годится; при этом не мелькает даже мимолетной мысли о другой возможности: у этого толкования есть все основания казаться именно таким, в связи с чем возникает и дальнейший вопрос о том, каковы же эти основания.

Обсуждаемый факт относится главным образом к результатам смещения, которое вам известно, как самое сильное средство цензуры сновидения. При помощи смещения цензура сновидения создает замещающие образования, которые мы назвали намеками. Но это такие намеки, которые нелегко узнать, исходя из которых нелегко найти обратный путь к «настоящему» и которые связаны с этим «настоящим» самыми странными, неупотребительными, внешними ассоциациями. Во всех этих случаях речь идет о таких вещах, которые должны быть скрыты, которые должны оставаться в тайне; этого хочет достичь цензура сновидений. Но нельзя же ожидать, что спрятанное найдется на своем обычном месте, где ему обыкновенно и полагается находиться. Действующие сегодня пограничные комиссии в этом отношении хитрее, чем швейцарское школьное управление. В поисках документов и набросков планов они не довольствуются тем, что осматривают папки и карманы, а принимают во внимание также и возможность того, что шпионы и перебежчики могут спрятать эти запрещенные вещи в самых сокровенных местах своей одежды, где им, безусловно, не место, например между двойными подошвами сапог. Если скрытые вещи там находят, то их, во всяком случае, не только очень энергично искали, но также и нашли.

Если мы признаем возможность самых отдаленных, самых своеобразных, то странных, то кажущихся остроумными, связей между элементом сновидения и явным замещающим его элементом, то опираемся при этом на большой

опыт примеров, разъяснение которых, как правило, найдено не нами. Часто совершенно невозможно самому находить такие толкования: ни один разумный человек не мог бы догадаться об имеющихся у сновидца ассоциативных связях. Сновидец или сразу дает нам перевод благодаря непосредственно пришедшей ему в голову мысли: он ведь может это сделать, потому что у него же и возникло это замещающее образование; или же он дает нам так много материала, что не требуется уж очень большого остроумия, чтобы найти толкование: оно напрашивается само собой. Если же сновидец не помогает нам тем или другим образом, то соответствующий явный элемент так и остается навсегда непонятным. Позвольте рассказать вам еще один недавно встретившийся мне случай. Одна из моих пациенток во время лечения лишилась отца. С тех пор она пользуется всяким удобным случаем, чтобы воскресить его во сне. В одном из ее сновидений отец появляется в связи с другими событиями, не имеющими большого значения, и говорит: *«Теперь четверть двенадцатого, полчаса двенадцатого, три четверти двенадцатого»*. Для объяснения этого странного явления у нее явилась только мысль, что отец бывал доволен, когда взрослые дети аккуратно являлись к общему столу. Это, несомненно, имело связь с элементом сновидения, но не позволяло сделать никаких заключений относительно его происхождения. Тогда имелось подозрение, оправдываемое общей ситуацией лечения, что в том сновидении принимало участие тщательно подавленное критическое возмущение против любимого и обожаемого отца. О дальнейшем ходе возникающих у нее мыслей, как будто совсем отдалившихся от сновидения, она рассказывает, что вчера в ее присутствии много говорилось о психологии, и один родственник высказал замечание: во всех нас продолжает жить *первобытный человек* (Urmensch). Теперь все становится понятным: это дало ей прекрасный повод к тому, чтобы снова воскресить умершего отца. Она сделала его в сновидении *человеком, живущим по часам* (Uhrmensch), заставив его возвещать каждые четверть часа пополудни.

В этом примере вам невольно бросится в глаза сходство с остротой, и действительно довольно часто случалось, что остроту видевшего сновидения принимали за остроумие толкователя. Встречаются еще и другие примеры, в которых вовсе не так легко решить, имеешь ли дело с остротой или со сновидением. Но вы вспоминаете, что такое же сомнение яв-

ялось у нас по поводу некоторых ошибок при оговорке. Один господин рассказывает, что ему снилось, будто дядя поцеловал его, когда они сидели в его, дядином, *автомобиле*. Тут же он дает и толкование. Это означает *аутоэротизм* (термин из учения о либидо, обозначающий удовлетворение без постороннего объекта). Не позволил ли себе подшутить над нами этот господин и выдал за сновидение пришедшую ему в голову остроту? Не думаю: ему это действительно приснилось. Но откуда же берется это поразительное сходство? Этот вопрос в свое время увел меня в сторону с моего пути, возложив на меня необходимость подвергнуть тщательному исследованию саму остроту[1]. При этом оказалось, что острота образуется благодаря тому, что предсознательная[2] мысль на миг попадает во власть бессознательной переработки, после которой она возникают в виде остроты. Под влиянием бессознательного эта мысль подвергается воздействию господствующих там механизмов, сгущению, смещению, то есть тех же процессов, которые, как мы обнаружили, участвуют в работе сновидения, и этой общности нужно приписать сходство между остротой и сновидением в тех случаях, где оно имеет место. Но непреднамеренная «острота сновидения» в противоположность настоящей остроте не доставляет удовольствия. «Острота сновидения» производит на нас впечатление плохой, неудачной шутки, она не вызывает смеха, оставляет нас равнодушными[3].

В этом отношении мы идем по стопам античного толкования сновидений, оставившего нам наряду со многими негодными и хорошие примеры толкования сновидения, которые мы не могли бы превзойти. Расскажу вам одно исторически важное сновидение, которое сообщают с некоторыми изменениями Плутарх и Артемидор из Дальтиса, приписывая его Александру Великому. Когда Александр осаждал упорно защищаемый город Тир (322 г. до н. э.), он однажды видел во сне танцующего сатира. Толкователь сновидений *Аристандр*, находившийся при войске, истолковал ему этот сон, разложив слово «сатир» на σα Τνροφ (твой Тир) и поэтому обещал ему триумф над городом. Александр, побуждаемый этим толкованием, продолжал осаду и в конце концов взял Тир.

---

[1] [«Острота и ее отношение к бессознательному» (1905*c*).]

[2] [Это обозначение обсуждается ниже, в 19-й лекции.]

[3] [Ср. главу VI «Остроты» (1905*c*). В данной работе этот момент уже упоминался в 11-й лекции.]

Толкование, которое кажется искусственным, было несомненно верно.

3. Особое впечатление, как я живо себе представляю, производит на нас сообщение, что против нашего понимания сновидения раздавались возражения со стороны таких лиц, которые сами как психоаналитики долгое время занимались толкованием сновидений. Было бы слишком необыкновенно, если бы такой повод к новым заблуждениям остался неиспользованным и, таким образом, благодаря смешению понятий и неправильным обобщениям, создались взгляды, которые по своей неправильности мало в чем уступают медицинскому пониманию сновидения. Один из них вам уже известен. Согласно этому взгляду, сновидение пытается приспособиться к настоящему и разрешить задачи, предстоящие в будущем, то есть следует «проспективной» тенденции (Maeder, 1912). Мы уже указали, что в основе этого взгляда лежит подмена сновидения его скрытыми мыслями, то есть исходит из игнорирования работы сновидения. В качестве характеристики бессознательной психической деятельности, к которой относятся скрытые мысли, этот подход, с одной стороны, не является чем-то новым; с другой – не является исчерпывающим, потому что бессознательная психическая деятельность, помимо подготовки к будущему, направлена еще и на многое другое. На еще большем смешении, кажется мне, основано утверждение, что за каждым сном стоит «клаузула[1] смерти». Я не знаю точно, что должна обозначать эта формула, но предполагаю, что за ней скрывается смешение сновидений со всей личностью сновидца.

Ничем не оправдываемое обобщение, основанное на нескольких хороших примерах, содержится в положении, что существует так называемое психоаналитическое и другое, – так называемое апагогическое, не обращающее внимания на влечения и стремящееся к отражению высших душевных процессов (Silberer, 1914). Подобного рода сны имеются, но вы напрасно стали бы стараться распространить этот взгляд хотя бы только на большинство сновидений. После всего, что вы слышали, вам покажется совершенно непонятным утверждение, что все сновидения допускают бисексуальное толкование, как совпадение двух

---

[1] [Юридический термин, означающий оговариваемое условие в договоре.]

течений, заслуживающих название мужского и женского (Adler, 1910). Разумеется, имеются отдельные сны такого рода, и вы узнаете позже, что эти сны имеют то же строение, что и определенные истерические симптомы. Я упоминаю обо всех этих открытиях новых общих признаков сновидения, чтобы предостеречь вас от них или, по крайней мере, чтобы не оставить у вас места для сомнения по поводу того, что я о них думаю.

4. В один прекрасный день была поставлена под вопрос объективная ценность исследования сновидения, так как было сделано наблюдение, что пациенты, находящиеся в анализе, приспосабливают содержание своих снов к любимым теориям своих врачей; одним снятся преимущественно сексуальные влечения, другим — стремление к могуществу, а третьим — новое рождение (Штекель). Ценность этого наблюдения снижается, если учесть, что люди видели сны еще до того как появилось психоаналитическое лечение, которое могло влиять на их сновидения, и что теперешние пациенты видели также сны и до лечения. Фактическое содержание этого нового открытия легко признать вполне понятным и совершенно безразличным для теории сновидения. Дневные остатки, возбуждающие сновидение, исходят из самых глубоких жизненных интересов во время бодрствования. Если слова врача и данные им указания приобрели для анализируемого большое значение, то они входят в круг дневных остатков, могут стать психическими раздражителями, побуждающими к образованию сновидения, наравне с другими аффективными неудовлетворенными интересами дня и влияют так же, как соматические раздражения, действующие на спящего во время сна. Подобно другим побудителям сновидения, вызванные врачом мысли могут проявиться в явном содержании или могут быть раскрыты в его скрытых мыслях. Мы уже знаем, что можно экспериментально вызвать сновидения или, правильней сказать, ввести в сновидение часть его материала. Таким образом, благодаря такому влиянию на пациента аналитик играет роль экспериментатора, подобно Маурли Волду, придававшему членам испытуемого определенное положение.

Часто удается оказать влияние на то, *о чем* может быть сновидение какого-нибудь лица, но никогда нельзя повлиять на то, *что* именно ему приснится. Механизм работы сновидения и бессознательное желание его не поддаются никакому влиянию. При оценке соматических раздражений

сновидений мы уже установили, что своеобразие и самостоятельность сновидений проявляется в реакции, которой сновидение отвечает на влиявшие на него физические или душевные раздражения. Итак, обсуждаемое здесь положение, подвергающее сомнению объективность исследования сновидений, основано опять-таки на подмене сновидения его материалом.

Вот и все, уважаемые дамы и господа, что я хотел рассказать вам о проблеме сновидения. Вы уже догадываетесь, что я многое пропустил, и сами убедились, что почти по всем затрагиваемым вопросам я высказался неполно. Причина этого кроется в связи феноменов сновидения с неврозами. Мы изучали сновидение, как введение в учение о неврозах, что было безусловно правильней, чем если бы мы поступали наоборот. Но подобно тому, как сновидение служит подготовкой к пониманию неврозов, так, с другой стороны, правильная оценка сновидения может быть усвоена только после знакомства с невротическими явлениями[1].

Не знаю, что вы об этом думаете, но уверяю вас, что не жалею о том, что так долго удерживал ваше внимание на проблеме сновидения и уделил ему так много из находящегося в нашем распоряжении времени. Ни на каком другом объекте нельзя так быстро убедиться в правильности тех положений, на которых зиждется психоанализ. Чтобы доказать, что симптомы какого-нибудь невротического заболевания имеют смысл, преследуют какую-нибудь цель и вытекают из обстоятельств жизни больного, нужна напряженная работа многих месяцев и даже лет. И напротив, в течение нескольких часов удастся, быть может, доказать то же самое относительно сначала непонятного, запутанного сновидения и подтвердить все положения психоанализа: бессознательность душевных процессов, особые механизмы, которым они подчиняются, и силу влечений, которые в них проявляются. А если мы сопоставим полную аналогию строения сновидения и невротического симптома с быстротой превращения спящего и видящего сон человека в бодрствующего и разумного, то у нас появится уверенность, что и невроз основан только на изменениях в игре душевных сил[2].

---

[1] [Фрейд снова возвращается к теме сновидений в первой (29-й) лекции «Нового цикла».]

[2] [В конце последней (28-й) лекции данного цикла Фрейд вновь обращается к теме сновидений.]

Часть 3
ОБЩАЯ ТЕОРИЯ НЕВРОЗОВ
(1917 [1916–1917])

ШЕСТНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Психоанализ и психиатрия

Уважаемые дамы и господа! Меня очень радует, что мы встретились с вами снова после годичного перерыва и можем продолжить наши беседы. В прошлом году я познакомил вас с психоаналитической разработкой проблем ошибочных действий и сновидений. Теперь я хотел бы изложить вам наше понимание невротических явлений, которые, как вы вскоре обнаружите, имеют много общего как с теми, так и с другими. Но я скажу вам заранее, что на этот раз я не могу предоставить вам такое же положение по отношению ко мне, какое вы занимали в прошлом году. Тогда мне важно было не сделать ни одного шага, не согласовав его с вашим суждением; я вступал с вами в спор, считался с вашими возражениями и признавал вас и ваш «здравый смысл» высшей решающей инстанцией. Дальше так продолжаться не может по очень простой причине. Ошибочные действия и сновидения как определенные явления не были вам чужды; можно сказать, что у вас имелся такой же большой опыт, как у меня, или вы легко могли приобрести такой же опыт. Однако область невротических явлений вам совершенно чужда; поскольку вы сами не являетесь врачами, у вас не существует никакого другого доступа в эту область, кроме моих сообщений, а какова же ценность даже самого верного суждения, если нет знакомства с материалом, подлежащим суждению.

Однако я не хочу быть понятым в том смысле, что я собираюсь читать вам догматические лекции и добиваюсь того, чтобы вы приняли на веру мои слова. Такое недоразумение было бы величайшей несправедливостью по отно-

шению ко мне. Я не собираюсь навязывать вам своих убеждений, я хочу разбудить вашу мысль и поколебать предубеждения. Если вы из-за незнания материала не можете выработать самостоятельного взгляда, то вам не следует ни верить, ни отрицать. Вы должны внимательно слушать и не противиться воздействию того, что я вам рассказываю. Убеждения складываются не так легко, а если они приобретены без особого труда, то скоро оказываются лишенными всякой ценности и неспособны к сопротивлению. Право на убеждение приобретает только тот, кто, подобно мне, в течение многих лет работал над этим же самым материалом, и тот, кто сам пережил и приобрел такой же новый и изумительный опыт. На что вообще годятся эти скороспелые убеждения в интеллектуальной области, эти молниеносные уверования и мгновенные отказы от них? Разве вы не видите, что *«coup de foudre»*[1] исходит из совершенно другой — аффективной области? Даже от наших пациентов мы вовсе не требуем, чтобы они приходили к нам с готовым убеждением или были бы сторонниками психоанализа. Это часто вызывает у нас даже недоверие. Самая желательная для нас установка пациентов — доброжелательный скептицизм. Попробуйте и вы спокойно проникнуться психоаналитическим пониманием, наряду с общепризнанным или психиатрическим, пока, наконец, нам не представится случай, когда эти два различных понимания повлияют друг на друга, когда вы сможете их сравнить и объединить в одно окончательное убеждение.

С другой стороны, у вас ни на минуту не должно возникнуть и мысли, что излагаемое мною психоаналитическое понимание является спекулятивной системой. Психоаналитическое понимание — это продукт опыта и является либо прямым выражением наблюдения, либо результатом его переработки. Дальнейшие успехи нашей науки покажут, насколько достаточна и верна эта переработка, а пока я после почти двух с половиной десятилетий напряженного труда и достигнув довольно престарелого возраста[2], безо всякого хвастовства могу утверждать, что работа, давшая в результате все эти наблюдения, была тяжелой, интенсивной и углубленной. У меня часто складывалось впечатление,

---

[1] [Любовь с первого взгляда (фр.).]

[2] [Фрейду тогда было около шестидесяти лет.]

что наши противники абсолютно не хотят принимать во внимание такого происхождения наших наблюдений, словно они предполагают, что тут дело только в субъективных взглядах, которым всякий, по своему усмотрению может противопоставить свои собственные. Такое поведение противников мне не совсем понятно. Возможно, это происходит вследствие того, что обычно врачи так мало уделяют внимания нервнобольным, так невнимательно относятся к их жалобам, что им кажется странной возможность узнать что-нибудь ценное из этих рассказов, то есть им странно производить над больными тщательные наблюдения. Кстати, пользуюсь случаем и обещаю вам, что в моих лекциях я буду мало полемизировать, особенно с отдельными лицами. Я никак не могу согласиться с правильностью того положения, что спор — отец всех вещей. Я полагаю, что это положение, основанное на греческой софистике, так же как и она, грешит переоценкой диалектики. Мне же, напротив, казалось, что в целом так называемая научная полемика довольно бесплодна, не говоря уже о том, что она почти всегда ведется крайне лично. Несколько лет назад и я мог похвалиться тем, что только с одним единственным исследователем (Лёвенфельдом в Мюнхене) я однажды вступил в настоящий научный спор[1]. Дело кончилось тем, что мы сделались друзьями и остаемся ими до настоящего времени. Однако я уже не повторял такого опыта, потому что не был уверен в подобном исходе[2].

Вы, пожалуй, подумаете, что такое уклонение от литературной дискуссии говорит о большой нетерпимости ко всяким возражениям, самомнении или, как выражаются на нашем любезном научном языке, «чудачестве». На это я вам отвечу, что если вы когда-нибудь придете к некоему убеждению благодаря тяжелому труду, то вы будете также чувствовать себя вправе с некоторым упорством оставаться при своем убеждении. Далее, я могу указать на то, что в ходе моей работы я изменял свои взгляды на некоторые важные вопросы, заменял их другими, о чем, разумеется, всякий раз заявлял публично. Каков же результат этой откровенности?

---

[1] [Этот спор касался ранней теории Фрейда о страхе, которую он сформулировал в своей первой работе о неврозе страха (1895*b*).]

[2] [В этом пассаже содержится намек на недавние противоречия с Адлером и Юнгом.]

Одни вообще не знают о внесенных мною самим поправках и еще и теперь критикуют меня за те положения, которые уже давно потеряли для меня прежнее значение. Другие упрекают меня именно за это непостоянство моих взглядов и на этом основании объявляют, что я не заслуживаю доверия. И не правда ли, кто по нескольку раз меняет свои взгляды, тот вообще не заслуживает доверия, потому что легко допустить, что он может ошибаться и в своих последних мнениях? А того, кто крепко держится за однажды высказанное и не скоро уступает возражениям, объявляют упрямым чудаком. Как же можно в силу таких противоположных суждений критики поступать иначе, как не оставаться самим собой и вести себя так, как диктует собственное мнение? На это я и решился, и ничто не в состоянии помешать мне вводить в мое учении те изменения и переделки, которых требует мой все растущий опыт. В основополагающих взглядах мне до сих пор ничего не приходилось менять и я надеюсь, что так оно и останется в будущем[1].

Итак, мне предстоит изложить вам психоаналитические взгляды на невротические явления. Естественнее всего начать с изученных уже феноменов как вследствие их аналогий, так и контраста. Для начала рассмотрим симптоматическое действие, которое я наблюдаю у многих пациентов во время приема. С теми, кто является к нам на прием только для того, чтобы за четверть часа излить перед нами страдания своей долгой жизни, врач-психоаналитик мало что может сделать. Его более глубокое знание затрудняет возможность высказать заключение, какое бы сделал другой врач: «Вы здоровы», и дать совет: «Проведите небольшой курс водолечения». Один наш коллега на вопрос, как он поступает с больными, являющимися к нему на прием, ответил, пожимая плечами: он налагает на них произвольный штраф в размере стольких-то крон. Поэтому не удивляйтесь,

[1] [Возможно, наиболее важное изменение взглядов Фрейда на момент написания этих лекций касалось его теории чисто травматического происхождения неврозов. Он отказался от нее и подчеркивал роль врожденной силы потребностей и большое влияние фантазий. За этим последуют другие различные изменения в его теории, в том числе в его понимании природы тревоги и сексуального развития женщины. Позднее Фрейд прежде всего пересмотрел теорию влечений и ввел новую структурную модель психики. Все эти новые взгляды представлены в »Новом цикле лекций по введению в психоанализ».]

услышав, что даже у очень занятых психоаналитиков в часы приема обыкновенно является не очень много народу. Я устроил между моим кабинетом и приемной двойную дверь и обил ее войлоком. Цель этого приспособления не вызывает никаких сомнений. Нередко случается, что пациенты, входя в кабинет из приемной, забывают закрыть за собой дверь и поэтому почти всегда обе двери остаются открытыми. Заметив это, я довольно нелюбезным тоном настаиваю на том, чтобы пациент — даже если это какой-нибудь элегантный господин или очень расфранченная дама — вернулся и исправил свою ошибку. Мое замечание производит впечатление неуместного педантизма. Мне случалось попадать впросак с подобного рода требованием, когда дело касалось лиц, которые не могут прикасаться к дверным ручкам и довольны, когда сопровождающие освобождают их от необходимости такого прикосновения. Но в большинстве случаев я оказывался правым, потому что тот, кто оставляет дверь из приемной в кабинет врача открытой, принадлежит к невоспитанным людям и не заслуживает любезного приема. Не возражайте сразу, не выслушав всего до конца. Такая небрежность со стороны пациента имеет место только тогда, когда он находился в приемной один и следовательно, оставляет за собой пустую комнату, и никогда не случается, если вместе с ним ждут приема еще другие, посторонние. В последнем случае он прекрасно понимает, что не в его интересах, чтобы подслушали то, что он будет говорить врачу, и никогда не забывает тщательно закрывать за собой обе двери.

Детерминированное таким образом упущение пациента не является бессмысленным, случайным и даже незначительным, потому что, как мы увидим, оно отражает отношение входящего к врачу. Пациент принадлежит к большому числу тех, кто хочет видеть во враче светский авторитет, желает быть ослепленным и запуганным. Может быть, узнавая по телефону, в каком часу ему лучше всего прийти, он представлял себе толпу ждущих помощи, как перед магазином Юлиуса Майнля[1]. И вот он входит в пустую, к тому же чрезвычайно скромно обставленную приемную, и это его потрясает. Он хочет заставить врача поплатиться за то, что

[1] [Сеть продовольственных магазинов, перед которыми в военное время стояли очереди покупателей.]

собирался отнестись к нему с таким большим избытком почтения, и вот он не закрывает дверей между приемной и кабинетом врача. Этим он как бы хочет сказать врачу: «Ах, ведь здесь никого нет и, вероятно, никто и не придет, пока я буду здесь находиться». Он продолжал бы держаться и во время приема невоспитанно и неуважительно, если бы с самого же начала его заносчивость не наткнулась на резкий отпор.

В анализе этого маленького симптоматического действия вы не найдете ничего такого, чего бы вы уже не знали: утверждения, что оно не случайно, а имеет свою причину, смысл и определенную цель, что оно имеет связь с определенным душевным переживанием, и что оно как незначительный признак свидетельствует о важном душевном процессе. Но прежде всего этот проявившийся таким образом процесс неизвестен сознанию того, кто его совершает, потому что никто из этих пациентов, оставивших открытыми обе двери, не согласился бы с тем, что этим упущением он собирался показать мне свое непочтение. Иной, пожалуй, припомнит чувство разочарования при входе в пустую приемную, но связь между этим впечатлением и последовавшим затем симптоматическим действием, несомненно, так и осталась неведомой его сознанию.

Теперь привлечем этот небольшой анализ симптоматического действия к наблюдению за одной больной. Мой выбор останавливается на пациентке, воспоминание о которой у меня свежо в памяти, а также потому, что ее можно описать относительно кратко. Изложение некоторых подробностей является неизбежным в любом подобном сообщении.

Молодой офицер, ненадолго приехавший в отпуск домой, обращается ко мне с просьбой о лечении его тещи, которая, несмотря на самые благоприятные условия жизни, отравляет существование себе и своим близким, одержимая бессмысленной идеей. Я знакомлюсь с 53-летней хорошо сохранившейся, любезной и простой в обращении дамой, которая охотно и свободно рассказывает мне следующее. Она живет в деревне в счастливейшем браке со своим мужем, управляющим большой фабрикой. Она не устает хвалить любезность и заботливость своего мужа. Тридцать лет тому назад она вышла замуж по любви, и с тех пор между супругами не было ни одного недоразумения, разногласия или повода к ревности. Двое ее детей счастливы в браке, ее

муж и отец ее детей из чувства долга не хочет уйти на покой. Год тому назад случилось нечто весьма невероятное и непонятное ей самой, а именно: она не колеблясь поверила анонимному письму, в котором ее безупречный муж обвинялся в любовной связи с молодой девушкой, и с тех пор счастье ее рухнуло. В деталях события развивались таким образом: у нее была горничная, с которой она, возможно, слишком часто вела интимные разговоры. Эта девушка преследовала другую с злобной ненавистью, поскольку та гораздо большего достигла в жизни, хотя по своему происхождению стояла не выше ее. Вместо того чтобы поступить на службу, другая девушка сумела получить коммерческое образование, поступила на фабрику и вследствие недостатка персонала из-за призыва служащих на военную службу завоевала хорошее положение. Она теперь уже жила на самой фабрике, вращалась среди господ и даже называлась барышней. Отставшая на жизненном поприще школьная подруга, разумеется, была готова наговорить про нее всякую мерзость. Однажды наша дама вела со своей горничной беседу об одном старом господине, гостившем у них, о котором знали, что он не живет со своей женой, а имеет связь с другой. Сама не зная как это случилось, она вдруг сказала: «Для меня это было бы самым ужасным, если бы я узнала, что мой добрый муж тоже имеет “связь”». На следующий день она получает по почте анонимное письмо, написанное измененным почерком, в котором сообщалось это известие, как бы ею накликанное. Она решила (и вероятно правильно), что это письмо — дело рук ее озлобленной горничной, потому что любовницей мужа, в письме называлась именно та барышня, которую преследовала и ненавидела ее служанка. Но хотя она тотчас же увидела насквозь всю интригу и знала в своей округе достаточно примеров того, как мало доверия заслуживают такие трусливые доносы, все же произошло так, что письмо это ее тотчас же сразило. Ее охватило страшное возбуждение, и она сейчас же послала за мужем и осыпала его жесточайшими упреками. Муж со смехом отрицал обвинение и сделал самое лучшее, что только можно было сделать в его положении. Он позвал домашнего и фабричного врача, который постарался успокоить несчастную женщину. Дальнейшие действия мужа и врача были также вполне благоразумны. Горничной было отказано, однако мнимая соперница осталась. С тех пор больная неоднократно успокаивалась настолько, что больше не верила содержанию

анонимного письма, однако это успокоение не было никоим образом полным и продолжительным. Достаточно было ей услышать имя этой барышни или встретить ее на улице, как с ней случался новый припадок недоверия, боли и упреков.

Вот история болезни этой славной женщины. Не надо иметь большого психиатрического опыта, чтобы понять, что в противоположность многим нервнобольным она изобразила свою болезнь скорей в слишком смягченном виде, то есть как мы говорим: она диссимулировала, и что в сущности она никогда не переставала верить в обвинения анонимного письма.

Каким будет отношение психиатра к случаю болезни такого рода? Мы уже знаем, как он повел бы себя по отношению к симптоматическому действию пациента, не затворившего дверь в приемную. Он объясняет это случайностью, лишенной психологического интереса и потому его не касающейся. Но такое отношение нельзя распространить и на случай заболевания ревнивой женщины. Симптоматическое действие кажется чем-то безразличным, но в симптоме болезни нельзя не видеть чего-то значительного. Он связан с интенсивным субъективным страданием, он объективно грозит разрушить совместную жизнь супругов; он является поэтому неоспоримым предметом психиатрического интереса. Психиатр сначала старается охарактеризовать симптом указанием на его существенное свойство. Саму по себе идею, от которой страдает эта женщина, нельзя назвать бессмысленной: ведь бывает же, что немолодые мужья завязывают любовные отношения с молодыми девушками. Но бессмысленно и непонятно нечто другое. У пациентки нет никакого другого основания, кроме утверждения анонимного письма, верить тому, что ее нежный и верный супруг относится к этой вовсе не редкой категории мужей. Она знает, что это письмо не является достаточно доказательным аргументом, она в состоянии вполне удовлетворительно объяснить его происхождение и, следовательно, она должна была бы уверить себя, что у нее нет никакого основания для ревности; она себе это и говорит, но тем не менее она страдает так, как если бы она признавала эту ревность обоснованной. Идеи такого рода, недоступные логическим и основывающимся на реальности доводам, принято называть бредовыми идеями. Эта славная женщина страдает, таким образом,

бредом ревности. Такова, пожалуй, самая существенная характеристика этого случая заболевания.

После констатации этого первого факта наш психиатрический интерес к настоящему случаю возрастает еще в большей степени. Если нельзя покончить с бредовой идеей ссылкой на реальность, то возможно, что она и не обусловлена реальными причинами. Откуда же она происходит? Встречаются бредовые идеи самого различного содержания: почему же содержание бреда в нашем случае составляет как раз ревность? У каких личностей развиваются бредовые идеи и, в частности, бредовые идеи ревности? Тут мы хотели бы послушать, что скажет нам психиатр, но здесь-то он и не оправдает наших надежд. Он остановится вообще только на одном из наших вопросов. Он станет изучать историю семьи этой женщины и может быть, даст нам следующий ответ: бредовые идеи бывают у таких лиц, в семье которых неоднократно встречались такие же или иные психические заболевания. Другими словами, если у этой женщины развилась бредовая идея, то у нее было к этому наследственное предрасположение. Несомненно, это коечто объясняет, но разве это все, что мы хотим узнать? Разве это все, что способствовало возникновению болезни? Должны ли мы удовлетвориться предположением, что развитие бреда преследования вместо какого-нибудь другого бреда — вопрос безразличный, необъяснимый или зависящий от случайности? И следует ли нам понимать положение о том, что влияние наследственности имеет преобладающее значение также и в отрицательном смысле, а именно что совершенно безразлично, какие переживания потрясли эту душу, раз ей было предопределено когда-нибудь заболеть бредовым помешательством? Вы захотите узнать, почему научная психиатрия не желает нам дать дальнейших объяснений. Но я вам отвечу: плут тот, кто дает больше, чем имеет. Психиатр не знает пути, ведущего к дальнейшему разъяснению такого случая. Он должен довольствоваться диагнозом и, несмотря на богатый опыт, не может быть вполне уверен в прогнозе дальнейшего течения болезни.

Но может ли психоанализ в этом случае достичь большего? Несомненно; надеюсь показать вам, что даже в таком трудно поддающемся исследованию случае он может открыть нечто такое, что сделает возможным более глубокое понимание. Во-первых, прошу вас обратить внимание на ту незначительную деталь, что пациентка прямо спровоциро-

вала анонимное письмо, на котором зиждется ее бредовая идея, сказав накануне устроившей всю интригу девушке, что для нее было бы величайшим несчастьем, если бы ее муж имел любовную связь с молодой девушкой. Этим она и навела служанку на мысль послать ей анонимное письмо. Таким образом, бредовая идея приобретает известную независимость от письма: она уже раньше существовала у больной в виде опасения — или желания. Прибавьте к этому еще то, что дали два часа анализа других незначительных намеков, хотя пациентка и отнеслась очень отрицательно к требованию сообщить все приходящие ей в голову мысли и воспоминания, после того, как она рассказала всю свою историю. Она утверждала, что ей ничего в голову не приходит, что она уже все сказала, и после двух часов анализа, попытка лечения должна была быть прекращена, потому что она объявила, что чувствует уже себя здоровой и уверена. что болезненная идея уже больше не появится. Разумеется, она это говорила только из-за сопротивлению и страха перед продолжением анализа. Однако в течение этих двух часов она все же дала несколько пояснений, допускающих и даже требующих определенного толкования, и это толкование бросает яркий свет на происхождение ее бреда ревности. Она сама была сильно влюблена в молодого человека, в того самого зятя, по настоянию которого она обратилась ко мне в качестве пациентки. Об этой влюбленности она ничего не знала или, может быть, знала очень мало; при существовавших родственных отношениях эта влюбленность легко могла скрываться под маской безобидной нежности. На основании нашего опыта нам не трудно представить себе душевные переживания этой 53-летней порядочной женщины и хорошей матери. Такая влюбленность, как нечто чудовищное и невозможное, не могла быть осознанной; но, бессознательная, она все же сохранялась в душе и лежала на ней тяжелым гнетом. Что-то должно было с ней случиться, какой-нибудь выход должен был быть найден, и самое простое облегчение мог дать механизм «смещения», который всегда принимает участие в образовании бреда ревности. Если не только она, старая женщина, влюблена в молодого человека, но и ее старый муж поддерживает любовную связь с молодой девушкой, то она становится свободной от упреков совести в неверности. Фантазия о неверности мужа была, следовательно, охлаждающим компрессом на ее жгучую рану. Ее собственная любовь не была ею осознана,

но отражение этого чувства, приносившее ей такие выгоды, навязчиво осознавалось ею в виде бреда. Все доводы против него, разумеется, были бесплодны, потому что они были направлены против отражения, а не самого первичного образа, которому оно было обязано своей силой и которое оставалось скрытым и недосягаемым в бессознательном.

Теперь давайте подытожим все, что дал нам для понимания этого случая заболевания короткий и наткнувшийся на затруднения психоанализ. Разумеется, при условии. что наши изыскания были верными, чего я не могу здесь вынести на ваш суд. Во-первых, бредовая идея уже не представляет собой нечто бессмысленное и непонятное, она имеет смысл, мотив и связана с аффективным переживанием больной. Во-вторых, она является неизбежной реакцией на бессознательный душевный процесс, угадываемый по другим признакам, и именно этой связи она обязана своим бредовым характером, своей устойчивостью против логических и реальных нападок-опровержений. Она является даже чем-то желанным, своего рода утешением. В-третьих, переживание, лежащее в основании болезни, недвусмысленно определяет развитие именно бредовой идеи ревности, а не какой-либо другой. Вы помните, что накануне больная высказала интриганке мысль, что для нее было бы самым ужасным, если бы ее муж оказался неверен ей. Вы увидели также обе аналогии с проанализированным нами симптоматическим действием, имеющие большое значение для объяснения смысла или намерения и для понимания бессознательного.

Разумеется, этим не дается ответа на все вопросы, которые мы можем поставить по поводу данного случая. Этот случай заболевания изобилует еще многими проблемами, часть из которых представляется пока вообще неразрешимыми, и другими, которые не могут быть решены из-за неблагоприятных условий. Например, почему этой счастливой в браке женщиной овладевает чувство влюбленности к зятю и почему облегчение, которое могло быть достигнуто и другим образом, осуществляется при помощи такого отражения, проекции своего состояния на мужа? Не подумайте, что такие вопросы могут возникнуть только из праздного любопытства. У нас уже имеется некоторый материал для возможного ответа на них. Пациентка находится в том критическом возрасте, когда женщины испытывают неже-

лательное внезапное повышение сексуальных потребностей, и уже этого одного могло бы быть достаточно. Или к этому могло еще присоединиться то, что ее верный добрый супруг уже в течении нескольких лет не обладает той сексуальной способностью, в которой нуждалась хорошо сохранившаяся женщина для своего удовлетворения. Опыт показал нам, что как раз такие мужья, верность которых в этих случаях вполне естественна, отличаются особой нежностью в обращении со своими женами и необыкновенной предусмотрительностью к их нервным страданиям. Далее, далеко не безразлично то, что именно молодой супруг дочери стал объектом этой патологической влюбленности. Сильная эротическая привязанность к дочери, обусловленная в конечном счете сексуальной конституцией матери, находит свое развитие в таком превращении. Быть может, будет не лишним напомнить вам, что отношения между тещей и зятем всегда казались посторонним особенно щекотливыми и у первобытных народах давали повод к очень строгим предписаниям запретов и «избегания» друг друга[1]. Эти отношения часто переходят культурные границы как в положительную, так и в отрицательную сторону. Какой именно из этих трех моментов проявил свое действие в нашем случае, только ли два из них или все три вместе, — этого я вам, разумеется, сказать не могу лишь потому, что мне не удалось продолжить анализ этого случая более двух часов.

Теперь я замечаю, уважаемые дамы и господа, что я говорил вам все время о таких вещах, к пониманию которых вы еще не подготовлены. Я это сделал для того, чтобы провести сравнение между психиатрией и психоанализом. Но теперь я могу вас спросить об одном: заметили ли вы хоть какое-нибудь противоречие между этими двумя дисциплинами? Психиатрия не пользуется техническими методами психоанализа, она не пробует исходить из содержания бредовых идей и, указывая на наследственность, она дает нам лишь очень общую и отдаленную этиологию, вместо того чтобы открыть нам более частные и близкие причины. Но разве в этом кроется противоречие или противоположность? Разве это не является скорее усовершенствованием? Разве признание наследственности противоречит значению переживания, разве оба момента не объединяются самым дей-

[1] [Ср. «Тотем и табу» (1912–1913).]

ственным образом? Вы согласитесь со мной, что по существу в психиатрической работе нет ничего такого, что могло бы противоречить психоаналитическому исследованию. Поэтому психоанализу противятся психиатры, а не психиатрия. Психоанализ соотносится с психиатрией приблизительно так же, как гистология с анатомией: одна изучает внешнюю форму органов, другая — строение тканей и элементарных частей. Трудно себе даже представить противоречие между этими двумя видами изучения, одно из которых является продолжением другого. Вы знаете, что в настоящее время анатомия считается основой научной медицины, но было время, когда было запрещено вскрывать человеческие трупы для изучения внутреннего строения человеческого тела, так же как в настоящее время кажется предосудительным заниматься психоанализом, чтобы узнать о движениях душевной жизни. И можно предвидеть, что не в очень далеком будущем мы начнем понимать, что никакая научная психиатрия невозможна без хорошего знания глубинных, бессознательных процессов душевной жизни.

Быть может, среди вас найдутся и сторонники столь ненавистного психоанализа, которым было бы приятно, если он сможет оправдать себя и с другой, терапевтической стороны. Вы знаете, что наша теперешняя психиатрическая терапия не в состоянии влиять на бредовые идеи. Может ли психоанализ достичь этого благодаря своему пониманию механизма образования симптомов? Нет, пока он этого не в силах сделать, он так же беспомощен — по крайней мере пока, против этих страданий, как и всякая другая терапия. Хотя мы и можем понять, что происходило с больными, у нас нет, однако, средств разъяснить это самим больным. Вы слышали, что мне удалось только начать анализ этих бредовых идей. Станете ли вы поэтому утверждать, что анализ является непригодным для таких случаев, поскольку он не дает результатов? Я так не считаю. Мы имеем право и даже обязаны продолжать исследования, не считаясь с непосредственным полезным эффектом. В конце концов — мы не знаем, когда и где — каждая частица знания превратится в умение, в том числе и в терапевтическое. Если бы психоанализ оказался таким же безуспешным при всех других формах нервных и душевных заболеваний, как и при бредовых идеях, то он все-таки имел бы право на существование как незаменимое средство научного исследования. Хотя тогда мы оказались бы не в состоянии пользоваться им; ведь че-

ловеческий материал, на котором мы хотим учиться, — это живые люди, имеющие собственную волю и нуждающиеся в известных побуждениях, чтобы принимать участие в работе, и которые отказали бы нам в своем содействии. Позвольте мне поэтому закончить сегодня сообщением, что имеются обширные группы нервных страданий, при которых превращение нашего лучшего понимания в терапевтическое умение подтвердилось на деле, и что при известных условиях мы достигаем при этих обыкновенно тяжело поддающихся лечению заболеваниях таких успехов, которые не уступают никаким другим в области общей терапии[1].

СЕМНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Смысл симптомов

Уважаемые дамы и господа! На прошлой лекции я говорил вам, что клиническая психиатрия уделяет мало внимания формам проявления и содержанию отдельного симптома, а психоанализ именно с него и начинает свое исследование и приходит к выводу, что симптом имеет определенный смысл и находится в связи с переживаниями больного. Смысл невротических симптомов открыт сперва Й. Брейером благодаря изучению и счастливому излечению случая истерии, ставшего с тех пор знаменитым (1830–1982). Совершенно верно, что и П. Жане независимо от него доказал то же самое; французскому исследователю принадлежит даже литературное первенство, потому что Брейер опубликовал свои наблюдения только десятилетие спустя, когда он сотрудничал со мной. Впрочем для нас должно быть довольно безразлично, кому принадлежит это открытие, потому что, как вы знаете, любое открытие делается больше, чем один раз, и ни одно не делается сразу, а успех все равно не сопровождает настоящих заслуг. Америка не носит имени Колумба. До Брейера и Жа-

[1] [Психоанализ как психотерапевтический метод лечения будет рассматриваться в 28-й лекции.]

не великий психиатр Лере[1] высказал мнение, что мы могли бы понять даже смысл бреда душевнобольных, если мы умели бы его перевести. Сознаюсь, что долгое время я был склонен очень высоко оценивать заслуги П. Жане в объяснении невротических симптомов, потому что он понимал их как выражение *«idées inconscientes»*[2], владеющих больными. Но после этого Жане высказывался с такой большой сдержанностью, как будто он хотел признаться, что для него бессознательное было не больше, чем оборотом речи, вспомогательным средством, *«une façon de parler»*[3]: под этим он не подразумевал ничего реального. С тех пор я перестал понимать то, что говорит Жане, но думаю, что он совершенно напрасно лишил себя многих заслуг.

Итак, невротические симптомы имеют свой смысл подобно ошибочным действиям, сновидениям и так же связаны с жизнью лиц, у которых проявляются эти симптомы. Это важное понимание я хочу пояснить вам на нескольких примерах. Я могу лишь утверждать, но не доказать, что именно так обстоит дело всегда и во всех случаях. Тот, кто попытается приобрести собственный опыт, сможет в этом убедиться. Но по некоторым причинам я возьму эти примеры не из области истерии, а из области другого, очень странного и по существу очень близкого к ней невроза, о котором я должен вам сказать несколько вступительных слов. Этот так называемый невроз навязчивости не так популярен, как всем известная истерия: он, если можно выразиться, не так вызывающе шумлив, является, скорее, частным делом больного, почти совершенно отказывается от соматических проявлений и все свои симптомы создает в душевной области. Невроз навязчивости и истерия представляют собой именно те формы невротических заболеваний, на изучении которых сначала и был построен психоанализ и в лечении которых наша терапия празднует свои победы. Но невроз навязчивости, при котором отсутствует этот загадочный скачок из душевного в телесное, благодаря психоаналитическому исследованию стал более ясным и знакомым, чем истерия, и мы узнали, что определенные крайние невротические черты проявляются при нем гораздо резче.

---

[1] [Франсуа Лере (Leuret, 1834, 131).]
[2] [Бессознательные идеи (фр.).]
[3] [Оборот речи (фр.).]

Невроз навязчивых состояний проявляется в том, что больные заняты мыслями, которыми в сущности они не интересуются, чувствуют в себе импульсы, кажущиеся им чуждыми и побуждения к действиям, выполнение которых хотя и не доставляет им никакого удовольствия, но отказаться от них они совершенно не могут. Мысли (навязчивые представления) могут сами по себе быть бессмысленными или же только безразличными для данного индивидуума, часто они совершенно нелепы, но во всяком случае они являются результатом напряженной, изнурительной для больного умственной деятельности, которой он отдается очень неохотно. Против собственной воли он вынужден копаться в своей душе и раздумывать, как будто речь идет о самых важных жизненных его задачах. Импульсы, которые больной ощущает в себе, могут производить впечатление детских и бессмысленных, но по большой части они имеют устрашающее содержание, вроде искушения к совершению тяжелых преступлений, так что больной не только отрицает их как чуждые, но и с ужасом бежит от них и защищается от их выполнения посредством запретов, отказов и ограничений своей свободы. При этом никогда дело не доходит до реального выполнения этих преступных навязчивых импульсов; в результате всегда победу одерживают бегство и осторожность. То, что больной действительно претворяет в действие — так называемые навязчивые действия — это очень безобидные, несомненно, незначительные проявления, большей частью повторения, церемониальные украшения обыденной жизни, из-за которых такие необходимые жизненные отправления, как, например, отход ко сну, умывания, туалет, прогулки становятся крайне продолжительными и превращаются в почти неразрешимые задачи. При различных формах и случаях невроза навязчивых состояний болезненные представления, импульсы и действия присутствуют далеко не в равных частях; обычно в картине преобладает тот или другой момент, который и дает имя болезни, однако общие черты всех этих форм очевидны.

Это, несомненно, ужасное страдание. Я полагаю, что самой необузданной психиатрической фантазии не удалось бы придумать ничего подобного, и если бы мы не видели это ежедневно, то вряд ли бы смогли поверить. Но не подумайте, что вы сможете помочь больному, если станете его уговаривать, чтобы он отвлекся, не занимался этими глупыми мыслями и сделал бы что-нибудь разумное вместо та-

ких пустяков. Он сам очень хотел бы того же, потому что сознание его совершенно ясно, он разделяет ваше мнение о его навязчивых симптомах, да и сам вам об этом рассказывает. Он только не может иначе; то, что прорывается в действие при неврозе навязчивых состояний, делается с такой энергией, с которой не может сравниться ни одно явление нормальной душевной жизни. Больной может сделать только одно: сдвинуть, заменить, поставить вместо одной глупой идеи какую-нибудь другую, несколько ослабленную, перейти от одного отказа или запрета к другому, вместо одного церемониала выполнить другой. Он может сместить навязчивость, но не может освободиться от нее совершенно. Способность симптомов смещаться далеко от своей первоначальной формы является главной характеристикой его заболевания; кроме того, бросается в глаза, что противоположности (полярности), которыми полна душевная жизнь, проявляются в его состоянии особенно резко разделенными. Наряду с навязчивостями положительного или отрицательного содержания, в интеллектуальной области возникает сомнение, постепенно разъедающее то, что обычным образом представляется неоспоримым. Все это вместе ведет ко все возрастающей нерешительности, к отсутствию энергии, к ограничению свободы. При этом страдающий навязчивостью невротик первоначально имеет очень энергичный характер, часто отличается необыкновенным своенравием и, как правило, в интеллектуальном отношении одарен выше среднего. По большей части он достигает высокого уровня этического развития, отличается чрезмерной совестливостью, корректен больше обыкновенного. Можете себе представить, каких трудов стоило хотя бы отчасти разобраться в этой противоречивой смеси особенностей характера и симптомов болезни. Пока мы не стремимся ни к чему другому, как к пониманию некоторых симптомов этой болезни и возможности их истолкования.

Быть может, имея в виду наше обсуждение, вы захотите узнать, как относится современная психиатрия к проблемам невроза навязчивых состояний. Но это жалкое зрелище. Психиатрия дает название различным видам навязчивости, но кроме этого не говорит о них ничего больше. Зато она подчеркивает, что носители этих симптомов «дегенераты». В этом мало удовлетворительного, в сущности это оценка, осуждение, а не объяснение. Следует полагать, что именно у таких неординарных людей как раз и встречают-

ся всевозможные странности. Мы даже считаем, что лица, у которых развиваются такие симптомы, должны по своей природе быть иными, нежели прочие люди. Но нам хочется спросить: являются ли они больше «дегенератами», чем другие нервные больные, например истерики или больные психозами? Очевидно, что эта характеристика опять-таки слишком общая. Можно даже засомневаться в ее правильности, если узнать, что такие симптомы встречаются у выдающихся людей, способных к особенно высоким и значимым для общества достижениям. Обычно мы знаем мало интимного о великих людях из-за их собственной скрытности и лживости их биографов, но все же случается, что кто-либо из них, как, например, Эмиль Золя, обладает фанатичной любовью к правде, и тогда мы узнаем, сколькими многими странными навязчивыми привычками страдал он всю свою жизнь[1].

Психиатрия нашла в этом случае выход, говоря о *«dégénčres supérieurs»*[2]. Прекрасно, но психоанализ нам показал, что эти странные симптомы навязчивости, как и другие страдания и у других не дегенератов, можно надолго устранить. Мне самому это неоднократно удавалось.

Я хочу вам привести только два примера анализа симптома навязчивости: один из давнишнего наблюдения, который я не могу заменить лучшим, и другой, встретившийся мне недавно. Я ограничиваюсь таким небольшим числом примеров, поскольку при таком сообщении приходится быть очень обстоятельным, входить во все подробности.

Одна дама, в возрасте около тридцати лет, страдавшая тяжелыми явлениями навязчивости, которой бы я, возможно, смог помочь, если бы предательский случай не расстроил моей работы — может быть, я вам еще расскажу об этом — среди прочего проделывала по несколько раз в день следующее навязчивое действие. Она выбегала из своей комнаты в соседнюю, останавливалась там на определенном месте у стоящего посреди комнаты стола, звонила горничной, давала ей какое-нибудь незначительное поручение или даже отсылала ее ни с чем и убегала к себе назад. Это, конечно, был не тяжелый болезненный симптом, но он все же вызы-

---

[1] [Э. Тулуз, «Эмиль Золя, медико-психологическое исследование», Париж, 1896.]

[2] [Высшие дегенераты (фр.).]

вал любопытство. Объяснение вскрылось самым естественным образом, не допускающим ни сомнений, ни возражений и безо всякого участия врача. Я даже не знаю, как мог бы я прийти к какому-нибудь предположению относительно смысла этого навязчивого действия, к какому-либо возможному его истолкованию. Сколько я ни спрашивал больную: «Почему вы это делаете? Какой это имеет смысл?» — она отвечала: «Я не знаю». Но однажды, после того как мне удалось побороть одно ее важное принципиальное опасение, она вдруг осознала и рассказала все, что имело отношение к этому навязчивому действию. Более десяти лет тому назад она вышла замуж за человека гораздо старше ее, который оказался импотентом в первую брачную ночь. Бесчисленное множество раз он прибегал из своей комнаты к ней, чтобы повторить попытку, но всякий раз безуспешно. Утром он с досадой сказал: «Будет стыдно перед горничной, когда она будет оправлять постель», — схватил бутылку красных чернил, случайно находившуюся в комнате, и вылил ее содержимое на простыню, но не на такое место, где могло бы находиться подобное пятно. Сначала я не понял, что общего между этим воспоминанием и навязчивым действием, о котором идет речь, так как я находил сходство только в повторном беганин из одной комнаты в другую, а также в появлении горничной. Тогда пациентка подвела меня к столу во второй комнате и указала мне на большое пятно на скатерти. Она пояснила также, что становится возле стола таким образом, чтобы вызванная горничная не могла не заметить пятна. Тут уже не приходится больше сомневаться в тесной связи между сценой в брачную ночь и настоящим навязчивым действием; но на этом примере можно научиться еще многому.

Прежде всего ясно, что пациентка отождествляет себя со своим мужем; она играет его роль, подражая его беготне из одной комнаты в другую. Далее, придерживаясь нашего сравнения, мы должны согласиться, что она замещает кровать и простыню столом и скатертью. Это могло бы показаться чем-то произвольным, но ведь мы не без пользы изучали символику сновидений. В сновидении часто видят стол, который, однако, нужно истолковать, как кровать. Стол и кровать вместе составляют внешние атрибуты брачной жизни, поэтому одно может легко заместить другое.

Таким образом, можно считать доказанным, что навязчивые действия имеют смысл; они как будто представ-

ляют из себя изображение, повторение той значительной сцены. Но нас ничто не заставляет остановиться на таком внешнем объяснении; если мы исследуем более подробно отношение между этой сценой и навязчивым действием, то, вероятно, нам откроется нечто более глубокое, именно цель, преследуемая навязчивым действием. Ядро последнего, очевидно, составляет приглашение горничной, которой она показывает пятно, в противоположность замечанию ее мужа: «Будет стыдно перед горничной». Муж, роль которого она исполняет, таким образом не стыдится девушки — пятно находится на своем месте. Мы видим, следовательно, что она не просто повторила сцену, а продолжила ее и при этом исправила, превратила в правильную, устранив обман. Но вместе с этим она исправляет и другое, что было так мучительно в ту ночь и что потребовало для выхода из положения красных чернил, — импотенцию. Навязчивое действие, следовательно, заявляет: «Нет, это неверно, ему нечего стыдиться горничной, он не был импотентом»; в настоящем действии оно изображает это желание осуществившимся, как это происходит в сновидениях, и служит намерению возвысить мужа над его тогдашней неудачей.

К этому можно прибавить все то, что я мог бы рассказать вам об этой женщине, правильней сказать: все, что мы о ней знаем, указывает нам путь к такому толкованию самого по себе непонятного навязчивого действия. Женщина уже много лет не живет вместе со своим мужем и борется с желанием начать судебный процесс о разводе. Но не может быть речи о том, чтобы она освободилась от мужа; она вынуждена оставаться ему верной, отдаляется от света, чтобы избежать искушения, она извиняет его в своей фантазии и возвеличивает. Более того, самая глубокая тайна ее болезни состоит в том, что благодаря ей она прикрывает мужа от дурной славы, оправдывает свою раздельную от него жизнь и делает для него возможным вести покойную отдельную жизнь. Таким образом, анализ безобидного навязчивого действия ведет нас по прямому пути к самому глубокому ядру заболевания, но в то же время открывает нам значительную долю тайны невроза навязчивости вообще. Я охотно задерживаю ваше внимание на этом случае, потому что в нем соединяются условия, которых по справедливости нельзя требовать от всех случаев. Здесь сама больная сразу нашла толкование симптома, без наведения или вмешательства со

стороны врача-аналитика, и оно осуществилось благодаря связи с переживанием, не принадлежащим забытому периоду детства, как это обыкновенно бывает, а случившимся в зрелом возрасте и оставшимся неизгладимым в ее воспоминании. Все те возражения, которые критика приводит обыкновенно против нашего толкования симптомов, не применимы к этому отдельному случаю. Разумеется, дело у нас обстоит не всегда так хорошо[1].

И вот еще что! Не бросилось ли вам в глаза, как это незаметное навязчивое действие привело нас к интимным сторонам жизни пациентки? Женщина вряд ли может рассказать что-либо более интимное, чем историю ее первой брачной ночи, и неужели это не имеющая особого значения случайность, что мы пришли именно к интимностям половой жизни? Правда, это могло быть результатом того, что я выбрал именно этот случай. Не будем спешить с нашим заключением и обратимся ко второму, совершенно другого рода примеру часто встречающегося действия, а именно к церемониалу укладывания спать.

Девятнадцатилетняя цветущая одаренная девушка, единственная дочь родителей, которых она превосходит своим образованием и интеллектуальным развитием, была шаловливым и задорным ребенком, а в течение последних лет без каких-либо видимых внешних причин превратилась в нервнобольную. Она проявляет большую раздражительность, особенно по отношению к матери, всегда недовольна, удручена, склонна к нерешительности, к сомнениям и, наконец, сознается что больше не может ходить одна по площадям и большим улицам. Мы не станем много заниматься сложной картиной ее болезни, требующей по крайней мере двух диагнозов, агорафобии и невроза навязчивости, а остановимся на том, что у этой девушки развился церемониал при укладывании спать, который заставляет страдать ее родителей. Можно сказать, что в известном смысле у каждого нормального человека существует свой церемониал при укладывании спать, или что требуются определенные условия, невыполнение которых мешает ему заснуть; каждый человек облекает переход от бодрствующего состояния ко

[1] [Сокращенное изложение этого случая, но с некоторыми дополнительными подробностями, можно найти в работе Фрейда «Навязчивые действия и религиозные отправления» (1907*b*).]

сну в определенные формы и одинаковым образом повторяет их каждый вечер. Но все условия, которые требуются здоровому человеку для засыпания, можно понять и разумно оправдать, и если внешние обстоятельства требуют изменения, то он легко и без особых усилий подчиняется им. В отличие от этого патологический церемониал не податлив, он настаивает на своем ценой самых больших жертв, он также прикрывается рациональными доводами и при поверхностном рассмотрении кажется, что он отличается от нормального только некоторой преувеличенной педантичностью. Но если присмотреться поближе, то замечаешь, что это покрывало рациональности слишком коротко, что церемониал содержит требования, далеко выходящие за рациональные оправдания, и другие требования, прямо противоречащие им. Наша пациентка как на причину ее ночных предосторожностей указывает на то, что она нуждается в покое и, чтобы заснуть, должна устранить все источники шума. С этой целью она поступает двояким образом: останавливает большие часы в ее комнате, все другие часы удаляются из комнаты, она не выносит даже присутствия своих крохотных часов на браслете в ночной тумбочке. Цветочные горшки и вазы расставляются на письменном столе так, чтобы ночью они не упали, не разбились и не нарушили ее сна. Она знает, что эти меры могут иметь только кажущееся оправдание требованием покоя; тиканье маленьких часов не было бы слышно, даже если бы они оставались лежать на ночном столике, и все мы по опыту знаем, что однообразное тиканье стенных часов никогда не мешает спать, а скорее действует усыпляюще. Она также соглашается с тем, что опасение, будто цветочные горшки и вазы, оставленные на своем обычном месте, могут сами свалиться и разбиться ночью, лишено всякой вероятности. По поводу других требований церемониала она уже не ссылается на необходимость покоя и тишины. Действительно, требование, чтобы дверь между ее комнатой и спальней родителей оставалась полуоткрытой, чего она добивается тем, что просовывает различные предметы в открытую дверь, кажется, напротив, может стать источником шумов, нарушающих тишину. Но самые важные требования ритуала касаются кровати. Подушка у изголовья кровати не должна касаться деревянной спинки кровати. Маленькая подушечка может лежать на этой большой подушке не иначе, как образуя ромб, голову свою она тогда укладывает как раз по длинной диагонали

этого ромба. Перина («Duchent», как мы говорим в Австрии), перед тем, как ей укрыться, должна быть взбита так, чтобы край ее у ног сделался толще, и тогда она, разглаживая, снова выравнивает это скопление перьев в одном месте.

Позвольте мне пропустить другие, часто очень мелкие подробности этого церемониала; они не дадут нам ничего нового и уведут слишком далеко от наших целей. Однако имейте в виду, что все это происходит не так уж гладко. Ее не оставляет опасение, что не все сделано, как следует; все должно быть проверено, повторено, сомнение овладевает ею то по поводу одной, то по поводу другой меры предосторожности, и в результате у нее уходит два часа, в течение которых девушка не может спать сама и не дает уснуть испуганным родителям.

Анализ этих мучений протекал не так просто, как анализ навязчивого действия у нашей первой пациентки. Я вынужден был делать девушке наводящие намеки и предлагать толкования, которые она всякий раз отклоняла решительным «нет» или принимала с презрительным сомнением. Но за этой первой отрицательной реакцией последовал период, когда она сама размышляла над предложенными возможными толкованиями, подбирала соответствующие им мысли, воспроизводила воспоминания, устанавливала связи до тех пор, пока, исходя из собственной работы, не согласилась со всеми толкованиями. По мере того как это происходило, она все меньше выполняла все навязчивые меры предосторожности и еще до окончания лечения отказалась от всего церемониала. Вы должны также знать, что аналитическая работа в том виде, как мы ее теперь ведем, прямо исключает последовательную проработку отдельного симптома до окончательного его выяснения. Наоборот, всякий раз приходится оставлять какую-нибудь одну тему в полной уверенности, что снова придешь к ней в другой связи. Толкование симптома, которое я вам сейчас сообщу, является, таким образом, синтезом результатов, получение которых, прерываемое другой работой, занимает много недель и месяцев.

Постепенно наша пациентка начинает понимать, что во время своих приготовлений к ночному сну она устраняла часы как символ женских гениталий. Часы, которые могут иметь и другие символические толкования, приобрели эту генитальную роль в связи с периодичностью процессов и одинаковыми интервалами. Женщина может похвастать-

ся тем, что менструации у нее наступают с правильностью часового механизма. Но наша пациентка в особенности боялась того, что тиканье часов помешает ей спать. Тиканье часов можно сравнить с пульсацией клитора при сексуальном возбуждении[1]. Это мучительное для нее ощущение действительно неоднократно заставляло ее просыпаться, а теперь этот страх перед эрекцией выражался в требовании удалить от себя на ночь все идущие часы. Цветочные горшки и вазы, как и все сосуды, также являются женскими символами. Мера предосторожности, принимаемая для того, чтобы они ночью не упали и не разбились, не лишена, следовательно, определенного смысла. Нам известен широко распространенный обычай разбивать при помолвке какой-нибудь сосуд или тарелку. Каждый из присутствующих берет себе осколок, что с точки зрения брачных обычаев, предшествовавших моногамии, можно понимать как отказ от притязаний на невесту[2]. В связи с этой частью церемониала у девушки всплыло одно воспоминание и появилось много разных мыслей. Однажды в детстве она упала со стаканом или глиняным горшком в руке, порезала себе пальцы так, что сильно шла кровь. Когда она выросла и узнала факты из области сексуальных отношений, у нее появилось тревожная мысль, что в брачную ночь у нее не пойдет кровь и она окажется не девственницей. Меры предосторожности против того, чтобы вазы не разбились, означают, следовательно, отрицание всего комплекса, связанного с девственностью и кровотечением при первом половом акте, а также отрицание страха кровотечения, равно как и противоположного ему страха, то есть не иметь его. Все эти меры имели только самое отдаленное отношение к предупреждению шума.

Главный смысл этого церемониала она угадала в один прекрасный день, когда вдруг поняла значение предписания, чтобы подушка не касалась спинки кровати. Она сказала, что подушка всегда была для нее женщиной, а вертикальная деревянная спинка — мужчиной. Следовательно, она хотела — магическим способом, добавим — разделить мужчину и женщину, то есть разлучить родителей, не до-

---

[1] [Подобную взаимосвязь Фрейд обсуждает в своей работе о случае паранойи (1915*f*).]

[2] [Ср. со ссылкой на «групповой брак» в «Тотем и табу» (1912–1913).]

пустить их до супружеских отношений. Раньше, до введения церемониала, она старалась достичь той же цели прямым образом. Она симулировала страх или пользовалась имеющейся склонностью к страху для того, чтобы не давать закрывать дверей между спальней родителей и детской. Это требование сохранилось еще и в ее настоящем церемониале. Таким путем она создала себе возможность подслушивать родителей, но в результате у нее развилась однажды бессонница, продолжавшаяся несколько месяцев. Не вполне довольная таким способом мешать родителям, она добивалась иногда того, чтобы самой спать в супружеской кровати между отцом и матерью. «Подушка» и «спинка кровати» действительно не могли соединиться.

Наконец, когда она была уже такая большая, что не могла удобно умещаться в кровати между родителями, то сознательной симуляцией страха она добивалась того, что мать менялась с ней кроватями и уступала свое место возле отца. Эта ситуация стала исходным пунктом фантазий, влияние которых чувствовалось в церемониале.

Если подушка была женщиной, то встряхивание перины до тех пор, пока все перья не оказывались внизу и не образовывали набухания, тоже обретает смысл. Это означало делать женщину беременной; она, однако, не забывала сгладить эту беременность, потому что в течение многих лет она находилась под постоянным страхом, что сексуальные отношения родителей приведут к появлению ребенка и создадут ей таким образом конкурента. С другой стороны, если большая подушка является женщиной, матерью, то маленькая головная подушечка может быть только дочерью. Почему же она должна класть подушки в виде ромба, а голову помещать как раз посредине этого ромба? Мне без труда удалось напомнить ей, что на всех настенных росписях ромб является руническим знаком открытых женских гениталий. Она сама играла в таком случае роль мужчины, отца, и своей головой заменяла мужской член. (Ср. обезглавливание как символику кастрации).

«Какая дичь, — скажете вы, — заполняет голову этой непорочной девушки». Согласен, но не забывайте, что я этих вещей не сочинил, а только истолковал. Такой церемониал укладывания спать также представляет собой нечто странное, и вы не можете не признать соответствия между церемониалом и фантазиями, открытыми при помощи толкования. Но для меня важнее обратить ваше внимание на то,

что в церемониале отразилась не одна фантазия, а несколько, имеющих, однако, общее ядро. А также на то, что требования церемониала повторяют сексуальные желания то в положительном, то в отрицательном смысле и служат отчасти их замещением, а отчасти защитой от них.

Из анализа этого церемониала мы могли бы получить еще больше, если бы связали его с другими симптомами больной. Но мы не пойдем по этому пути. Удовлетворитесь кратким указанием на то, что эта девушка находится во власти эротической привязанности к отцу, начало которой относится к раннему детству. Быть может, поэтому она так нелюбезна со своей матерью. Мы не можем также не обратить внимания на то, что анализ этого симптома опять привел нас к сексуальной жизни больной. Возможно, чем чаще мы будем понимать смысл и цель невротических симптомов, тем меньше это будет вызывать у нас удивление.

Итак, на двух приведенных примерах я вам показал, что невротические симптомы, подобно ошибочным действиям и сновидениям, имеют смысл и что они тесно связаны с переживаниями пациентов. Могу ли я рассчитывать, что вы поверите мне в этом чрезвычайно важном положении на основании двух примеров? Нет. Но можете ли вы от меня требовать, чтобы я приводил вам другие примеры до тех пор, пока вы не заявите, что убедились? Тоже нет, потому что при той обстоятельности, с которой я излагаю каждый отдельный случай, мне пришлось бы посвятить исчерпывающему изложению только одного этого раздела учения о неврозах пятичасовую лекцию. Поэтому я ограничусь только иллюстрацией моего утверждения, а в остальном отсылаю вас к имеющимся в литературе сообщениям, к классическим толкованиям симптомов, в первую очередь Брейера (истерия[1]), к захватывающим разъяснениям совершенно темных симптомов так называемой *dementia praecox* (раннее слабоумие) К. Г. Юнга (1907), относящимся к тому времени, когда этот исследователь был только психоаналитиком и не хотел быть пророком и, наконец, ко всем другим работам, заполнившим с тех пор наши журналы. Именно в такого рода исследованиях у нас нет недостатка. Анализ, толкование, перевод невротических симптомов до того захватил психоаналитиков, что в первое время они не уделяли достаточного внимания другим проблемам неврозов.

---

[1] [«Этюды об истерии» (1895*d*).]

Кто из вас возьмет на себя такой труд, тот несомненно получит глубокое впечатление от обилия доказательств. Но он натолкнется также и на затруднения. Как мы узнали, смысл симптома кроется в его связи с переживанием больного. Чем более индивидуален симптом, тем скорей можем мы ждать установления этой связи. Тогда возникает прямая задача найти для бессмысленной идеи и бесцельного действия такую ситуацию в прошлом, в которой эта идея получает свою обоснованность, а действие — целесообразность. Навязчивое действие нашей пациентки, подбегавшей к столу и звонившей горничной, как раз представляет собой образец такого рода симптомов. Но достаточно часто встречаются симптомы совершенно иного характера. Их нужно назвать «типичными» симптомами болезни, во всех случаях они проявляются почти одинаково, индивидуальные различия у них исчезают или настолько незначительны, что их трудно связать с индивидуальными переживаниями больных и соотнести с конкретными пережитыми ситуациями. Давайте снова обратимся к неврозу навязчивых состояний. Сам церемониал укладывания спать у нашей второй пациентки имеет много типичного, однако в нем содержится достаточно индивидуальных черт, чтобы сделать возможным так называемое *историческое* толкование. Но все больные, страдающие навязчивыми состояниями, имеют склонность к повторению, ритмическому выполнению действий и их изолированию от других. Большинство из них слишком часто моется. У больных, страдающих агорафобией (топофобия, боязнь пространства), которую мы больше не относим к неврозу навязчивости, а определяем как тревожную истерию, в картине болезни повторяются с утомительным однообразием одни и те же черты. Эти больные боятся закрытого пространства, больших открытых площадей, далеко простирающихся улиц и аллей. Они чувствуют себя в безопасности, когда их сопровождают знакомые или за ними едет экипаж и т. д. Эту общую основу некоторые больные дополняют индивидуальными чертами, можно сказать, капризами, в отдельных случаях прямо противоречащих друг другу. Один пугается только узких улиц, другой — широких, один может ходить только тогда, когда на улице мало людей, другой — когда много. Истерия при всем своем богатстве индивидуальных черт также имеет в избытке общие типичные симптомы, которые, как кажется, не допускают простого исторического объяснения. Нельзя

забывать, что это те самые типичные симптомы, которыми мы руководствуемся при постановке диагноза. Если в одном случае истерии нам действительно удалось свести какой-либо типичный симптом к одному определенному переживанию или к цепи подобных переживаний, например в истерической рвоте, увидеть следствие вызвавших отвращение впечатлений, то мы начинаем путаться, когда в другом случае рвоты анализ вскрывает ряд переживаний совершенно другого рода, по-видимому, оказывающих такое же действие. Скоро начинает казаться, что у истериков рвота случается по неизвестным причинам, а открытые психоанализом исторические основы являются только предлогами, которые при случает использует эта внутренняя необходимость.

Таким образом, мы приходим к огорчительному выводу, что хотя и можем удовлетворительно объяснить смысл индивидуальных невротических симптомов их связью с переживаниями, наше искусство изменяет нам, когда дело касается гораздо более распространенных типичных симптомов неврозов. К этому нужно прибавить, что я еще не познакомил вас со всеми трудностями, которые возникают при последовательном проведении исторического толкования симптомов. Я и не хочу этого делать, поскольку, хотя у меня и нет намерения что-либо приукрашивать или скрывать от вас, мне незачем с самого начала наших совместных исследований вызывать у вас растерянность и смущение. Совершенно верно, что мы сделали только первоначальный шаг к пониманию значения симптомов, но мы будем крепко придерживаться приобретенного и шаг за шагом продвигаться дальше в объяснении еще непонятного. Попробую утешить вас соображением, что все же вряд ли можно допустить коренное различие между одним и другим типом симптомов. Если индивидуальные симптомы так очевидно зависят от переживаний больного, то для типичных симптомов остается возможность, что они зависят от типичного переживания, общего для всех людей. Другие постоянно повторяющиеся черты невроза могут быть общими реакциями, навязанными больному природой болезненного изменения, как, например, повторение или сомнение при неврозе навязчивых состояний. Короче говоря, у нас нет еще основания для того, чтобы уже заранее унывать; посмотрим, что будет в дальнейшем.

В учении о сновидениях мы сталкиваемся с подобной же трудностью. В наших прежних беседах о сновидениях я не мог этого касаться. Явное содержание сновидения бывает чрезвычайно разнообразным и индивидуально изменчивым, и мы подробно показали, что можно извлечь из этого содержания при помощи анализа. Но наряду с этим встречаются сновидения, которые также называются «типичными», одинаковые у всех людей сновидения однообразного содержания, толкование которых наталкивается на такого же рода трудности. Таковы сны о падении, полетах, парении в воздухе, плавании, связанности и скованности, наготе и другие известные страшные сны, требующие в разных случаях различных толкований, причем их однообразие и типичность не находят своего объяснения. Но даже и в этих сновидениях мы наблюдаем, как общая основа оживляется благодаря индивидуально меняющимся особенностям и, вероятно, расширение наших представлений легко позволит объяснить также и эти сновидения теми особенностями жизни сновидений, которые мы открыли на материале других сновидений[1].

ВОСЕМНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Фиксация на травме. Бессознательное

Уважаемые дамы и господа! В прошлый раз я сказал, что мы будем продолжать нашу работу, исходя не из наших сомнений, а из наших открытий. Мы еще ничего не сказали о двух самых интересных следствиях, вытекающих из обоих примеров анализа.

Первое: обе пациентки производят впечатление, как будто они *фиксированы* на известной части своего прошлого и не могут от него освободиться, а потому остаются чуждыми и настоящему, и будущему. Они прячутся в своей болезни, как в прежние времена люди укрывались в мона-

[1] [См. отрывок о «типичной» травме в «Толковании сновидений» (1900*a*).]

стыре, чтобы доживать там свою тяжелую жизнь. Для нашей первой пациентки такую участь уготовил по сути расторгнутый брак с ее мужем. При помощи симптомов болезни она продолжает поддерживает отношения со мужем. Мы научились понимать те голоса, которые встают на его защиту, прощают его, возвышают, оплакивают его потерю. Несмотря на то, что она мóлода и могла бы понравиться другим мужчинам, она приняла все реальные и воображаемые (магические) меры, для того, чтобы сохранить верность мужу. Она не показывается в свете, относится небрежно к своей внешности, но она также не в состоянии быстро подняться с кресла, в котором сидит[1], она отказывается подписать свою фамилию, никому не может сделать подарка, мотивируя это тем, что никто не должен ничего от нее получать.

У нашей второй пациентки, молодой девушки, ту же роль сыграла эротическая привязанность к отцу, развившаяся в годы, предшествовавшие наступлению зрелости. Она также пришла к выводу, что не может выйти замуж, пока она так тяжело больна.

Мы можем предположить, что она так тяжело заболела, чтобы не быть вынужденной выходить замуж и остаться с отцом.

Мы не можем обойти вопроса о том, каким образом, какими путями, под влиянием каких мотивов развивается такое странное и связанное с ограничениями отношение к жизни?

Допустим, что такое поведение представляет собой общий признак невроза, а не особенное свойство у этих больных. Это в самом деле общая, практически очень значительная черта всякого невроза. Первая истеричная больная Брейера была подобным же образом фиксирована на переживаниях того времени, когда она ухаживала за своим тяжело больным отцом. Несмотря на свое выздоровление, она в известном смысле покончила с жизнью, хотя стала здоровой и трудоспособной, но не выполнила нормального предназначения женщины. При помощи анализа мы можем открыть у каждого нашего больного, что он перенесся благодаря симптомам болезни и их последствиям в определенный период своего прошлого. В огромном большинстве случаев его вы-

[1] [В другом описании этого случая (1907*b*) Фрейд более подробно описывает и объясняет данный симптом.]

бор упал даже на очень раннюю эпоху жизни, на время его детства, и как ни смешно это звучит, даже на период младенчества.

Самую подходящую аналогию нашим нервным больным представляют заболевания, возникающие особенно часто в настоящее время благодаря войне, — так называемые травматические неврозы. Такие случаи бывали, разумеется, и до войны, после железнодорожных крушений и других грозящих жизни опасностей. Травматические неврозы не представляют собой то же самое, что самостоятельно развившиеся неврозы, которые мы исследуем и лечим при помощи анализа: нам не удалось еще осветить их с нашей точки зрения, и я надеюсь, когда-нибудь выяснить вам, что является причиной этого ограничения[1]. Но по отношению к этому одному указанному пункту мы можем подчеркнуть полное сходство обоих неврозов. Травматические неврозы носят явные признаки того, что в основе их лежит фиксация на моменте травматического несчастного случая. В сновидениях больных регулярно повторяется травматическая ситуация; там, где встречаются истериформные припадки, допускающие анализ, можно узнать, что припадок соответствует полному перенесению больного в эту ситуацию. Положение такое, как будто больные не покончили с этой травматической ситуацией, как будто она стоит еще перед ними как реальная задача, с которой они еще не справились, и мы вполне серьезно соглашаемся с таким пониманием; оно показывает нам путь к определенному взгляду на душевные процессы, который мы называем *экономическим*[2]. Выражение «травматический» имеет только такой экономический смысл. Так мы называем такое переживание, которое в течение короткого времени вносит в душевную жизнь настолько огромное увеличение раздражений, что их изживание и переработка не удаются обычным путем, вследствие чего наступают длительные нарушения в распределении энергии.

Эта аналогия наводит нас на мысль называть травматическими также такие переживания, на которых, по-видимому, фиксирована душевная жизнь наших нервнобольных. Таким образом, для нас становится ясным простое условие,

---

[1] [Травматические неврозы будут обсуждаться в 24-й лекции.]
[2] [Далее (в 22-й лекции) Фрейд вернется к этому еще раз.]

необходимое для развития невротических заболеваний. Невроз следует уподобить травматическому заболеванию и возникновение его объяснить невозможностью изжить слишком сильное аффективное переживание. К этому действительно сводилась первая формула, в которой Брейер и я в 1893–1895 годах определили теоретические результаты наших новых наблюдений[1]. К такому пониманию очень подходит случай нашей первой пациентки, молодой женщины, разлученной со своим мужем. Она не могла примириться с неосуществимостью ее брака и застряла на этой травме. Но наш второй случай – девушки, чувство которой фиксировано на ее отце, показывает нам, что эта формула недостаточна. С одной стороны, такая влюбленность маленькой девочки в своего отца представляет собой нечто столь обычное и так часто преодолимое, что название «травматический» лишилось бы всякого содержания. С другой стороны, история больной показывает нам, что эта первая эротическая фиксация прошла, по-видимому, сначала без всякого вреда и только много лет спустя проявилась опять в симптомах невроза навязчивости. Мы предвидим тут осложнения, большее богатство заболеваний, но мы также допускаем, что от травматической точки зрения нам не придется отказаться как от ошибочной, ее нужно будет привести в связь и подчинить другим условиям.

На этом мы оставляем путь, по которому до сих пор шли. Пока он не ведет нас дальше, а нам нужно узнать еще многое другое, прежде чем мы сможем найти его правильное продолжение[2]. Заметим еще по вопросу о фиксации на определенном периоде прошлого, что такая фиксация выходит далеко за пределы невроза. Всякий невроз содержит ее, но она не всегда ведет к неврозу, не всегда с ним совпадает или возникает на пути его развития. Образцовым примером фиксации на прошлом является печаль, которая приводит к полному безразличию к настоящему и к будущему. Но даже, по мнению не специалиста, печаль редко отличается от невроза, но зато встречаются неврозы, которые можно назвать патологической формой печали[3].

---

[1] [Краткое изложение этих наблюдений и теории представлены в докладе Фрейда «О психическом механизме истерических феноменов» (1893*b*).]

[2] [Эта тема будет вновь продолжена в 22-й лекции.]

[3] [См. работу Фрейда «Печаль и меланхолия» (1917*e*). В 26-й лекции тема меланхолии будет вкратце затронута еще раз.]

Случается также, что травматическое событие, потрясающее все основы жизни, так парализующе действует на людей, что они теряют всякий интерес к настоящему и будущему и их душевная жизнь надолго заполняется прошлым; однако вовсе не обязательно, чтобы эти несчастные заболели неврозом. Мы не станем поэтому переоценивать значения этой черты для характеристики невроза, как бы она ни была постоянна и важна.

Теперь перейдем ко второму результату нашего анализа, относительно которого у нас нет опасения, что в дальнейшем нам придется ограничить его значение. Мы сообщили, какие бессмысленные действия совершала наша первая пациентка и с какими интимными воспоминаниями ее жизни она их связывала; далее мы сравнили отношения между теми и другими и открыли цель навязчивого действия, исходя из его связей с воспоминаниями. Но мы оставили в стороне один момент, заслуживающий нашего глубокого внимания. Пока пациентка повторяла навязчивое действие, она не имела понятия, что этим она восстанавливает связь с прошлым воспоминанием. Эта связь между тем и другим оставалась для нее скрытой; говоря правду, она должна была ответить, что не знает, по каким побуждениям она делает это, затем под влиянием лечения вдруг случилось так, что она открыла эту связь и могла о ней сказать. Но она все еще не знала о цели, для которой она совершает это навязчивое действие, цели, заключающейся в том, чтобы исправить мучительный отрывок прошлого и поднять на более высокий уровень любимого мужа. Прошло немало времени и стоило немало трудов, пока она поняла и созналась, что только такой мотив мог быть движущей силой навязчивого действия.

Связь со сценой в несчастную брачную ночь и мотив нежности вместе составляют у больной то, что мы назвали «смыслом» навязчивого действия. Но в то время, как она совершала навязчивое действие, смысл этот оставался ей неизвестным, как по отношению к причине (откуда), так и по отношению к цели (куда). В ее душе происходили, следовательно, какие-то бессознательные процессы, а навязчивое действие было результатом их влияния; в нормальном душевном состоянии она сознавала это влияние, но до ее сознания не доходило представление о психических предпосылках, обусловливающих его. Она вела себя точно так, как загипнотизированный, которому Бернгейм внушил,

чтобы пять минут спустя после своего пробуждения он открыл в палате зонтик, и который выполнил это внушение в состоянии бодрствования, не умея объяснить мотивы своего поступка. Мы имеем в виду такое именно положение, когда говорим о существовании *бессознательных душевных процессов.* Пусть кто-либо другой в мире опишет эти факты более корректным научным образом, и мы тогда охотно откажемся от нашего предположения о существовании бессознательных душевных процессов. А до того мы будем настаивать на этом положении и с удивлением, пожимая плечами, отказываемся понимать, когда нам возражают, что бессознательное не представляет собой в данном случае в научном смысле нечто реальное, а что это только *une façon de parler.* Непонятно, как это нечто нереальное оказывает такое реально ощутимое влияние, как навязчивое действие?

В сущности, то же самое мы находим и у второй пациентки. У нее возникло навязчивое требование, согласно которому подушка не должна прикасаться к стенке кровати, и больная должна выполнять это требование, хотя не знает, откуда оно взялось, что означает и каким мотивам оно обязано своей силой. Для выполнения этого требования совершенно безразлично, относится ли больная к нему равнодушно или возмущается против него, злится на него, решает ли нарушить его. Требование должно быть выполнено, и напрасно спрашивать, почему. Нужно сознаться, что в этих симптомах невроза навязчивости, в этих представлениях и импульсах, возникающих неизвестно откуда, оказывающих такое сопротивление всем влияниям нормальной душевной жизни, производящих на самого больного впечатление гостей – насильников из чужого мира, бессмертных, вмешавшихся в суетную толпу смертных, заключается ясное указание на особую, отграниченную от всего остального, область душевной жизни. От них ведет неизбежный путь к существованию в душе бессознательного, и именно поэтому клиническая психиатрия, признающая только психологию сознания, не может с ними сделать ничего другого, как только видеть в них признаки особого рода вырождения. Разумеется, навязчивые представления и импульсы сами по себе не бессознательны, и выполнение навязчивых действий воспринимается сознанием. Если бы они не проникли в сознание, они не стали бы симптомами. Но психические предпосылки их существования, которые мы открываем при помощи анализа, связи, в которые мы их вводим при по-

средстве толкования, остаются бессознательными по крайней мере до того, пока мы, пользуясь аналитической работой, не открываем их сознанию больного.

Теперь допустите, что установленный в обоих наших случаях означенный факт подтверждается во всех симптомах всех невротических заболеваний, что всюду и всегда больному известен смысл симптомов, что анализ регулярно открывает в них продукты бессознательных процессов, которые, однако, могут при разнообразных благоприятных условиях превратиться в сознательные, и вы поймете, что в психоанализе мы не можем обойтись без бессознательного в психике и привыкли оперировать с ним как с чем-то чувственно осязаемым. Но, может быть, вы также поймете, как мало способны судить об этом вопросе все те, кому бессознательное известно только как понятие, кто никогда не занимался анализом и толкованием сновидений и не раскрывал смысла и цели невротических симптомов.

Повторяю еще раз: возможность открыть при помощи аналитического толкования смысл невротических симптомов является неопровержимым доказательством существования или, если вам угодно, необходимости предположить существование бессознательных душевных процессов.

Но это не все. Благодаря второму открытию Брейера, по-моему, более содержательному, не встретившему признания, мы узнаем еще больше о зависимости между бессознательными и невротическими симптомами. Суть дела не только в том, что смысл симптомов всегда остается бессознательным, а в том, что между этой бессознательностью и возможностью существования симптомов имеется отношение заместительства. Вы меня сейчас поймете. Вместе с Брейером я утверждаю следующее: всякий раз, как мы наталкиваемся на симптом, мы можем сделать заключение, что у больного имеются определенные бессознательные процессы, заключающие в себе смысл симптома. Но вместе с тем, для того чтобы существовал этот симптом, требуется, чтобы смысл его был бессознательным. Из сознательных процессов никогда не образуются симптомы; как только соответствующие бессознательные душевные процессы стали сознательными — симптом должен исчезнуть. Вы узнаете здесь сразу путь к терапии, к уничтожению симптомов. Таким путем Брейер действительно вылечил свою истерическую пациентку, то есть освободил ее от симптомов: он открыл технику, помогавшую привести в сознание

бессознательные процессы, содержавшие смысл симптома, и симптомы исчезли.

Это открытие сделано было Брейером не в результате спекулятивных соображений, а благодаря счастливому наблюдению, ставшему возможным потому только, что больная пошла ему навстречу. Вы теперь не должны стараться понять это, воспринимая как что-то знакомое, а признать в этом новый основной факт, при помощи которого будет объяснено многое другое. Позвольте мне потому повторить то же самое в других выражениях.

Симптомообразование представляет собой замену чего-то другого, что не могло проявиться. Определенные душевные процессы должны были бы нормальным образом развиться так, чтобы они были известны сознанию. Но этого не случилось, но зато из прерванных и каким-то образом нарушенных процессов, вынужденных остаться бессознательными, произошел симптом. Случилось как бы нечто вроде замены; если удастся восстановить то, что было до замены, то вместе с этим терапия невротических симптомов и разрешит свою задачу.

Открытие Брейера остается до настоящего времени основой психоаналитической терапии. Положение, что симптомы исчезают, если их бессознательные связи доходят до сознания, подтвердилось всеми дальнейшими исследованиями, несмотря на то, что при попытке практического применения этого положения наталкиваешься на самые замечательные неожиданные осложнения. Наша терапия действует таким образом, что превращает бессознательное в сознательное, и действие это сохраняется постольку, поскольку терапия в состоянии совершать такое превращение.

Поспешим теперь сделать маленькое отступление, дабы предупредить опасность, что у вас возникнет представление об этой психотерапевтической работе, как о чем-то очень легком. Судя по тому, что мы говорили до сих пор, невроз является следствием своего рода незнания, неведения о душевных процессах, о которых следовало бы знать. Это стало бы чем-то сродни известному учению Сократа, согласно которому даже порок является следствием незнания. Однако опытному в психоанализе врачу очень легко угадать, какие именно душевные движения остаются неосознанными у того или другого больного. Ему поэтому нетрудно было бы вылечить больного, сообщив ему то, что он сам знает, и этим избавить от патогенного незнания. По

крайней мере, часть бессознательного смысла симптомов таким образом легко вскрыть, а о другой части — о связи симптомов с переживаниями больных — врач, разумеется, не может догадаться, поскольку он не знает этих переживаний и должен ждать, пока сам больной не вспомнит о них и не расскажет ему. Но в некоторых случаях этому находится замена. Можно расспросить родственников о переживаниях больного, и они часто способны определить, какие из них были травматическими. Может быть, они даже сообщат о таких переживаниях, о которых больной ничего не знает, потому что они случились в очень ранние годы его жизни. Соединив эти два приема, можно было бы надеяться за короткое время и малыми усилиями ликвидировать патогенное незнание больного.

Да, если бы дело обстояло так! Мы приобрели опыт, которого поначалу вовсе не ожидали. Знание знанию рознь; существуют различные виды знания, вовсе неравноценные психологически. *Il y a fagots et fagots*[1], – как говорится у Мольера. Знание врача не тождественно знанию больного и оно не может оказать такого же воздействия. Если врач сообщает больному свое знание, то это не приводит ни к каким результатам. Нет, так говорить было бы неверно. Результатом этого является не исчезновение симптомов, а то, что запускается аналитический процесс, первыми признаками которого часто являются возражения больного. Это означает, что теперь больной знает нечто, чего он до сих пор не знал, то есть смысл своих симптомов; и все же он знает об этом смысле так же мало, как и раньше. Таким образом, мы обнаружили, что существует разного рода незнание. Чтобы понять, в чем состоит их различие, нам необходимо до известной степени углубить наши психологические знания[2]. При этом наше положение о том, что знание смысла симптомов ведет к освобождению от них, остается верным. Вся суть в том, что знание должно быть основано на внутреннем изменении в душе больного, которое может быть достигнуто только посредством психической целенаправленной работы. Здесь мы сталкиваемся с проблемами, которые скоро сведутся к *динамике* образования симптомов.

---

[1] [Есть вещи и вещи (фр.). Мольер, «Мнимый больной», I акт, 5-я сцена.]

[2] [Фрейд еще раз возвращается к этому вопросу в 27-й лекции.]

Уважаемые дамы и господа, я теперь должен поднять вопрос о том, не кажется ли вам то, что я вам говорил, слишком темным и сложным? Не запутываю ли я вас тем, что так часто отказываюсь от ранее сказанного и ограничиваю его, развиваю определенный ход мыслей и затем прерываю его? Было бы очень жаль, если бы это было так. Но я испытываю большое отвращение к упрощениям за счет истины и не имею ничего против того, чтобы у вас создалось впечатление о разносторонности и спутанности нашего предмета; думаю также что не будет большой беды в том, если по поводу каждого пункта я сообщу вам больше, чем вы можете использовать в данную минуту. Мне ведь понятно, что всякий слушатель и читатель воспринимает, сокращает и упрощает изложенное и извлекает из него то, что он хотел бы запомнить. До известной степени верно, что чем богаче было представленное содержании, тем больше от него и остается. Позвольте мне надеяться, что, несмотря на все второстепенные моменты, вы сумели ясно понять суть моих сообщений о смысле симптомов, о бессознательном и о связи между ними. Вы, вероятно, также поняли, что в дальнейшем мы будем стараться продвигаться в двух направлениях: во-первых, мы постараемся узнать, как люди заболевают, приобретают невротическую жизненную установку, что является клинической проблемой; и во-вторых, нам нужно будет выяснить, каким образом из предпосылок невроза развиваются болезненные симптомы, что остается проблемой душевной динамики. И где-нибудь должна быть точка пересечения обеих проблем.

Я не хотел бы сегодня продолжать дальше, но поскольку наше время еще не закончилось, я собираюсь обратить ваше внимание на другую черту наших обоих анализов, оценить которую в полной мере можно будет лишь в дальнейшем, а именно на изъяны воспоминаний или амнезии. Вы уже слышали, что задачу психоаналитического лечения можно сформулировать как превращение всего патологически бессознательного в сознательное. Теперь вас, может быть, удивит, если вы услышите, что эту формулировку можно заменить другой: заполнение всех пробелов в воспоминаниях больных, в уничтожении их амнезий. Это по сути одно и то же. Таким образом, амнезии невротика приписывается важная связь с возникновением симптомов. Но если вы рассмотрите первый случай нашего анализа, то такая оценка амнезии покажется вам неоправданной. Больная не забыла сцены, с которой связано ее навязчивое действие,

наоборот, живо ее помнит, и в то же время ничто другое забытое не принимает участия в развитии этого симптома. Положение вещей у второй нашей пациентки, девушки с навязчивым церемониалом, менее ясно, но в целом похоже. Она тоже не забыла своего поведения в прошлом: того, что она требовала оставлять открытыми двери между спальней родителей и ее комнатой и что она устранила мать с ее места на супружеском ложе; она вспоминает это очень ясно, хотя с нерешительностью и неохотно. Нам может показаться странным только то, что выполняя бесчисленное множество раз навязчивое действие, наша первая пациентка *ни разу* не заметила его сходства с переживаниями первой брачной ночи и что у нее не возникли воспоминания об этих переживаниях, когда ее прямо спрашивали о мотивах этих навязчивых действий. То же самое относится и к девушке, у которой церемониал и вызвавшие его причины связаны с одной и той же воспроизводимой каждый вечер ситуацией. В обоих случаях нет настоящей амнезии. Нет никакой амнезии, никакого пробела в воспоминаниях, но прервана связь, которая должна была бы вызвать воспроизведение и появление воспоминания. Для невроза навязчивых состояний достаточно такого нарушения памяти; при истерии же дело обстоит иначе. Этот последний невроз характеризуется в большинстве случаев массивными амнезиями. Обыкновенно при анализе каждого отдельного истерического симптома обнаруживается целая цепь жизненных впечатлений, которые при воскрешении в памяти определяются больными, как явно забытые. С одной стороны, эта цепь тянется до самых ранних лет жизни, так что в истерической амнезии нетрудно узнать непосредственное продолжение инфантильной амнезии, скрывающей от нас, нормальных людей, начало нашей душевной жизни. С другой стороны, мы с удивлением узнаем, что могут быть забыты и самые последние переживания больных, в особенности амнезия захватывает, если не совсем поглощает, причины развития или усиления болезни. Из общей картины такого свежего воспоминания обыкновенно исчезают важные детали, или они заменяются ложными воспоминаниями. Почти всегда случается так, что лишь перед самым окончанием анализа всплывают определенные воспоминания о недавно пережитом, которые до того времени задерживались в бессознательном и вызывали чувствительные пробелы в общей связи воспоминаний.

Как было сказано, такая ограниченная способность к воспоминанию характерна для истерии, симптомами которой бывают состояния (истерические припадки), не оставляющие в памяти никаких следов. Поскольку при неврозе навязчивых состояний дело обстоит иначе, то вы можете из этого заключить, что амнезия связана с психологическим характером истерических изменений, а не является общим свойством неврозов. Значение этого различия ограничивается следующим соображением. Под понятием «смысл» симптома мы объединили двоякого рода представления: откуда он берется и куда, к чему, он ведет, то есть, впечатления и переживания, которые его порождают, и цели, которым он служит.

Вопрос, откуда берется симптом, разъясняется впечатлениями, которые сначала неизбежно были сознательными, а затем благодаря забвению могут стать бессознательными. Но цель симптома, его направленность каждый раз представляет собой эндопсихический процесс, который первоначально мог быть сознательным, но не менее вероятно, что он никогда не был в сознании и оставался бессознательным. Поэтому не так важно, захватила ли амнезия и причину переживаний, на которых зиждется симптом, как это имеет место при истерии; цель симптома, его направленность, которая с самого начала была бессознательной, определяет его зависимость от бессознательного как при истерии, так и не в меньшей степени при неврозе навязчивых состояний.

Этим подчеркиванием бессознательного в душевной жизни мы вызвали ярость самых злых духов критики психоанализа. Не удивляйтесь этому и не думайте, что сопротивление нашему учению объясняется только трудностью понимания понятия бессознательного или относительной недоступностью его для личного опыта. Я считаю, что это сопротивление имеет более глубокие причины. В течение веков наивному самолюбию человечества пришлось претерпеть со стороны науки два больших оскорбления. Первое оскорбление было ему нанесено, когда наука открыла, что наша земля — вовсе не центр мироздания, а только маленькая частичка мировой системы, всю величину которой человек едва в состоянии охватить в своем представлении. Оно связано с именем Коперника, хотя уже александрийская наука утверждала нечто подобное. Второе оскорбление состояло в том, что биологическое исследование разрушило мнимые преимущества сотворения человека и указало на его

происхождение из животного царства и на неискоренимость его животной природы. Эта переоценка произошла под влиянием Ч. Дарвина, Уоллеса и их предшественников не без жестокого сопротивления современников. Третье и самое чувствительное оскорбление человеческому ореолу величия причинит психологическое исследование, желающее доказать, что «я» не является господином даже в собственном доме и вынуждено довольствоваться жалкими сведениями о тем, что происходит в его бессознательной душевной жизни. Но и этот призыв к скромности исходит не впервые и не только от нас, психоаналитиков; однако, по-видимому, нам суждено отстаивать его самым настойчивым образом и подтвердить фактическим материалом, доступным пониманию каждого. Отсюда общее возмущение против нашей науки, отказ от всякой академической вежливости и освобождение оппозиции от всякого сдерживания беспристрастной логики, а к тому же еще на нашу долю выпало нарушить спокойствие этого мира еще и другим образом, о чем вы скоро услышите.

ДЕВЯТНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Сопротивление и вытеснение[1]

Уважаемые дамы и господа! Чтобы дальше продвинуться в нашем понимании неврозов, нам нужно расширить опыт и рассмотреть два новых факта. Оба они весьма примечательны и в свое время поразили своей неожиданностью. Однако благодаря нашим прошлогодним беседам эти факты не будут для вас неожиданными[2].

Во-первых, если мы беремся вылечить больного, освободить его от болезненных симптомов, то он оказывает нам сильное, упорное, длящееся в течение всего лечения сопротивление. Это настолько странный факт, что вряд ли он вы-

[1] [Наиболее глубоко Фрейд раскрывает тему вытеснения в своей работе «Вытеснение» (1915*d*) и в части IV работы «Бессознательное» (1915*e*).]

[2] [Понятие сопротивления представлено уже в 7-й лекции. Второй факт описан в конце данной лекции.]

зовет у вас доверие. Родным больного мы предпочитаем ничего об этом не говорить, потому что они понимают это только как нашу отговорку, позволяющую снять с себя вину за длительность или неуспех лечения. Так же и больной выказывает все проявления этого сопротивления, не сознавая его, и можно говорить о большом успехе, если нам удается довести больного до понимания этого сопротивления и необходимости считаться с ним. Подумайте только: больной, который сам так страдает от своих симптомов и мучает своих близких, который готов пожертвовать столько времени, денег, усилий по преодолению себя, чтобы освободиться от этих симптомов, этот больной оказывает сопротивление своему врачу в интересах своей болезни! Каким невероятным должно казаться такое утверждение! И тем не менее это так, и когда нам указывают на невероятность этого, нам остается только ответить, что нам известны аналогичные явления и что человек, ищущий у зубного врача избавления от невыносимой зубной боли, невольно отталкивает руку этого врача, когда та приближается к больному зубу с щипцами.

Сопротивление больных принимает очень разнообразные формы, чрезвычайно утонченные, часто с трудом уловимые, изменчивые в своих проявлениях. Врачу необходимо соблюдать большую осторожность и не проявлять очень большой доверчивости. В психоаналитической терапии мы применяем технику, знакомую нам из толкования сновидений. Мы требуем от больного, чтобы он пришел в состояние спокойного самонаблюдения, не останавливаясь в мыслях на чем-нибудь определенном, сообщая нам все, что ему удается уловить в себе внутренним восприятием — чувства, мысли, воспоминания — в том же порядке, в каком они ему приходят в голову. При этом мы предупреждаем его, чтобы он не поддавался мотиву, направленному на выбор или устранение тех или других пришедших в голову мыслей, даже если они кажутся *слишком неприятными* или *нескромными* для того, чтобы их можно было высказать, или *слишком неважными, не относящимися к делу, или бессмысленными* настолько, что их незачем сообщать. Мы постоянно повторяем ему, чтобы он, не углубляясь, старался отдаваться поверхностным мыслям в его сознании, чтобы он старался устранить всякую критику по отношению к тому, что он находит, и убеждаем его, что успех лечения и главным образом его длительность зависят от добросовестности, с кото-

рой он будет выполнять эти основные технические правила анализа[1]. Из техники толкования сновидений нам известно, что именно такие мысли, против которых возникают перечисленные возражения и сомнения, обычно содержат материал, ведущий к раскрытию бессознательного.

Выдвигая это основное техническое правило, мы сначала достигаем того, что все сопротивление направляется против него. Больной всякими способами старается ускользнуть от этого требования. То он утверждает, что ему ничего не приходит в голову, то говорит, что у него такой наплыв мыслей, что он ничего не может уловить. Далее мы с неудовольствием и удивлением замечаем, что он уступил тому или другому критическому возражению; он выдает себя теми длительными паузами, которые он допускает в своих речах. Он сознается, что не может этого сказать, стыдится и считается с таким мотивом, несмотря на данное обещание говорить все. Или ему пришло что-то в голову, но это касается не его, а другого лица, и поэтому он не может рассказать. Или на этот раз ему пришло в голову, уж, право, слишком неважное, слишком глупое и слишком бессмысленное, не мог же он, мол, думать, что должен останавливаться на такого рода мыслях, и так далее в бесчисленных вариациях, в ответ на что приходится объяснять, что говорить все — значит действительно говорить все без исключения.

Почти не бывает больного, который не пытался бы сохранить для себя какую-нибудь область, чтобы преградить к ней доступ терапевтическому исследованию. Один больной, которого я должен отнести к наиболее интеллигентным, неделями умалчивал об интимных любовных отношениях, и когда я потребовал от него объяснений по поводу нарушения им священного правила психоанализа, в защиту свою сослался на то, что полагал, будто эта одна история — его личное дело. Разумеется, аналитическое лечение не допускает такого права на убежище. Попробуйте-ка в таком городе, как Вена, допустить исключение для какой-ни-

---

[1] [Фрейд упоминает это основное правило уже в связи с толкованием сновидений в 7-й лекции. Интересное замечание о более глубоких причинах, препятствующих выполнению этого правила, содержится в работе «Торможение, симптом и тревога» (1924*d*), ближе к концу главы VI, где Фрейд указывает на особые трудности в этом плане у больных неврозом навязчивости. См. также след. примечание.]

будь площади, вроде Высокого рынка или Церкви св. Стефана, исключение в том отношении, что там нельзя никого арестовать, и постарайтесь затем поймать какого-нибудь известного преступника. Вы не найдете его ни в каком другом месте, как только в этом убежище. Однажды я осмелился разрешить такого рода исключительное право одному господину, трудоспособность которого объективно была очень важна, потому что он находился под служебной присягой, запрещавшей ему рассказывать другим лицам о некоторых вещах. Хотя он и был доволен результатом лечения, однако я – нет, и я решил не повторять этого опыта в подобных условиях.

Больные неврозом навязчивости прекрасно умеют сделать непригодными это техническое правило благодаря тому, что относятся к нему чересчур добросовестно и со свойственными им сомнениями[1]. Тревожным истерикам иной раз удается довести эти правила *ad absurdum*[2] тем, что они воспроизводят лишь ассоциации, настолько удаленные от искомого бессознательного, что от них нет никакой пользы для анализа. Но я не намерен вводить вас в разбор этих технических трудностей. Важно, что в конце концов настойчивостью и выдержкой удается отвоевать у сопротивления известную долю подчинения техническому правилу, и тогда это сопротивление переносится на другую область. Оно появляется в виде интеллектуального сопротивления, борется при помощи аргументов, пользуется трудностями и неправдоподобными положениями, которые нормальное, но не осведомленное мышление находит в теориях психоанализа. Тогда нам приходится слышать в одном соло всю ту критику и все те возражения, которые хором раздаются на страницах научной литературы. Поэтому все, что нам говорят извне, звучит для нас как хорошо знакомое. Это настоящая буря в стакане воды. Но с пациентом можно говорить: он просит нас, чтобы мы наставляли его, обучали, опровергали, указывали ему литературу, при помощи которой он был бы в состоянии приобрести дальнейшие знания. Он с удовольствием готов стать сторонником психоанализа, но при том условии, что анализ пощадит его лично. Но мы узнаем в этой любознательности сопротивление, укло-

---

[1] [См. предыдущее примечание.]

[2] [До абсурда (лат.).]

нение от наших специальных задач и отвергаем ее. У невротика, страдающего навязчивостью, мы должны ждать особой тактики сопротивления. Он как будто не оказывает сопротивления свободному развитию анализа, так что в загадках этого случая заболевания достигается все большая ясность, но в конце концов мы начинаем удивляться, что этому разъяснению не соответствует никакой практический успех в виде ослабления симптома. Тогда мы можем обнаружить, что сопротивление переместилось на сомнение, сопутствующее неврозу навязчивости, и с этой позиции успешно ведет с нами борьбу. Больной сказал себе приблизительно следующее: «Все это прекрасно и интересно, я с удовольствием посмотрю, что будет дальше. Это очень изменило бы мою болезнь, если бы все это было верно. Но я вовсе не верю, что все это так, а пока я этому не верю, это не отражается на моей болезни». Так это может длиться долго, пока не доберешься до этого потайного места, и тут начинается решительная борьба.

Интеллектуальные виды сопротивления еще не самые худшие, над ними всегда берешь верх. Но пациент умеет, оставаясь в рамках анализа, создавать такие формы сопротивления, преодоление которых составляет одну из самых трудных технических задач. Вместо того чтобы вспоминать, он воспроизводит такие установки и чувства, которые при помощи так называемого «переноса»[1] ему удается использовать как средства сопротивления против врача и лечения. Если больной — мужчина, то он обыкновенно берет этот материал из своих отношений с отцом, на место которого он ставит врача и таким образом создает поводы к сопротивлению, исходя из своего стремления к личной и интеллектуальной самостоятельности, из своего честолюбия, стремящегося исключительно к тому, чтобы стать как отец, или превзойти его, из своего нежелания второй раз в жизни взять на себя бремя благодарности. Временами возникает впечатление, что у больного имеется намерение доказать, что врач не прав, заставить врача почувствовать свое бессилие, одержать над ним верх, что совершенно отодвигает на задний план другое, лучшее, намерение покончить с болезнью. Женщины в целях сопротивления умеют мастерски использовать нежный, имеющий эротический характер пере-

[1] [Этому явлению посвящена вся 27-я лекция.]

нос чувства на врача. При известной выраженности этой склонности угасает всякий интерес к действительной ситуации лечения, не исполняется ни одно из обязательств, взятых ею на себя при начале его, и никогда не отступающая ревность, как и огорчение, вследствие неизбежного, хотя и бережного отказа в ответном чувстве со стороны врача, должны содействовать ухудшению личных отношений к врачу и, таким образом, исключить одну из самых могучих действующих сил анализа.

Не следует односторонне осуждать сопротивления такого рода. Они содержат так много из прошлого больного и воспроизводят это в такой убедительной форме, что становятся наилучшей опорой анализа, если удается при помощи умело использованной техники придать им желательное направление. Заметим только, что больной пользуется этим материалом сначала в целях сопротивления и на первый план выдвигает свое враждебное отношение к лечению. Можно также сказать, что это особенности характера, установок «я», которые пускаются в ход для того, чтобы не допустить в состоянии больного изменений, составляющих цель лечения. При этом выясняется, как такие черты характера развились в связи с условиями, вызвавшими развитие самого невроза, в качестве реакции против их требований; при этом выясняются черты характера, которые при других условиях не могли бы совсем проявиться, или во всяком случае не проявились бы в таком объеме, благодаря чему их можно назвать латентными. У вас не должно сложиться впечатления, будто эти сопротивления представляют какую-то неожиданную опасность для психоаналитического воздействия. Нет, мы знаем, что эти сопротивления должны проявиться: мы недовольны тогда, когда вызываем их недостаточно ясно и не можем прояснить их больному. И, наконец, мы понимаем, что преодоление этих сопротивлений составляет самую существенную работу анализа, ту ее часть, которая только одна и дает нам уверенность, что мы чего-то достигли у больного.

Прибавьте к этому, что больной пользуется любой возникающей во время лечения случайностью, чтобы помешать ходу работы, что он злоупотребляет всяким отвлекающим внешним событием, всяким враждебным анализу заявлением какого-нибудь авторитета из своего круга, случайным или осложняющим невроз органическим заболеванием, даже всяким улучшением своего состояния, как по-

водом к тому, чтобы ослабить свои старания, — и вы получите приблизительную, но все еще не полную картину форм и средств сопротивления, в борьбе с которыми протекает всякий анализ. Я так подробно остановился на этом пункте, потому что собираюсь сказать вам, что указанный опыт с сопротивлением невротиков стараниям врача устранить симптомы болезни лег в основу нашего динамического понимания неврозов. Брейер и я сам первоначально занимались психотерапией при помощи гипноза: первую пациентку[1] Брейер лечил только в состоянии гипнотического внушения. Сознаюсь, что тогда работа шла легче, приятнее и гораздо быстрее. Но результаты были капризны и непродолжительны, поэтому в конце концов я отказался от гипноза. И тогда я понял, что настоящее понимание этих аффективных переживаний было невозможно, пока прибегали к помощи гипноза. Гипнотическое состояние не позволяло врачу заметить существование сопротивления. Оно отодвигало сопротивление на задний план, освобождало определенную область для аналитической работы и нагромождало это сопротивление на границах этой области так, что они становились непроницаемыми, подобно тому, что при неврозе навязчивости происходит с сомнением. Поэтому я и мог сказать, что настоящий анализ начался с отказа от помощи гипноза.

Если констатация сопротивления имеет такое большое значение, то мы можем здесь выразить осторожное сомнение: не слишком ли часто мы обращаемся к понятию сопротивления. Может быть, встречаются случаи неврозов, в которых ассоциации не возникают по другим причинам, может быть, доводы, приводимые против наших положений, заслуживают и в самом деле внимания по своему содержанию, и мы действуем неправильно, отбрасывая интеллектуальную критику анализируемых с такой легкостью в сторону как сопротивление. Да, уважаемые господа, но мы не так-то легко пришли к такому выводу. Мы имели возможность наблюдать таких критикующих пациентов при возникновении и по исчезновении сопротивления. В ходе лечения сопротивление постоянно меняет свою интенсивность; оно всегда вырастает, когда приближаешься к новой теме, достигает наибольшей силы при максимальной высоте раз-

[1] [См. 18-ю лекцию.]

работки этой темы и падает, когда тема исчерпана. Если не совершать особого технического промаха, то никогда не приходится иметь дело с сопротивлением больного во всем возможном у него объеме. Поэтому мы могли убедиться, что один и тот же человек в течение анализа бесчисленное множество раз меняет свою критическую направленность, то оставляя ее, то возвращаясь к ней. Если нам предстоит перенести в сознание больного особенно мучительную для него часть бессознательного материала, то он становится до крайности критически настроенным; если он до того многое понимал и со многим соглашался, то теперь все эти завоевания как будто сведены на нет. В своем стремлении к оппозиции во что бы то ни стало он может представлять полную картину аффективно нарушенного человека. Если удается помочь ему преодолеть это новое сопротивление, то он снова обретает способность к постижению и пониманию. Его критика, следовательно, не является самостоятельной, требующей уважения функцией, она подчинена его аффективным установкам и управляется его сопротивлением. Если ему что-нибудь не нравится, то он с большим остроумием может защищаться от этого и казаться тонким критиком; но если ему что-нибудь выгодно, то он может в этом вопросе проявить большое легковерие. Может быть, все мы немногим лучше его; анализируемый только потому так ясно проявляет эту зависимость интеллекта от аффективной жизни, что во время анализа мы ставим его в очень затруднительное положение.

Каким образом мы считаемся с наблюдением, что больной так энергично противится уничтожению болезненных симптомов и восстановлению нормального течения его душевных процессов? Мы говорим себе, что столкнулись тут с большими силами, оказывающими сопротивление изменению состояния больного; это, вероятно, те же силы, которые в свое время вызвали болезненное состояние. При образовании симптомов, должно быть, происходили какие-то процессы, которые мы можем реконструировать по собственному опыту разгадывания этих симптомов. Нам уже известно из наблюдений Брейера, что предпосылкой существования симптома является невозможность нормальным образом довести какой-либо душевный процесс до конца, чтобы он мог стать сознательным. Симптом представляет собой замену того, что не было завершено. Теперь мы знаем, к какой точке мы должны при-

ложить предполагаемую силу. Должен был возникнуть мощный отпор, чтобы помешать упомянутому бессознательному процессу проникнуть в сознание; он так и остался бессознательным. Как бессознательный он обладает способностью образовать симптом. Тот же отпор во время психоаналитического лечения противостоит стремлению перенести бессознательное в сознательное. Мы это ощущаем как сопротивление. Патогенный процесс, проявляющийся в виде сопротивления, заслуживает названия *«вытеснения»*.

Об этом процессе вытеснения мы должны составить себе определенное представление. Он является предпосылкой к симптомообразованию, но в то же время он представляет собой нечто такое, подобного чему мы не знаем. Если мы возьмем за образец импульс, душевный процесс, имеющий стремление превратиться в действие, то мы знаем, что он может быть отвергнут, и мы называем это осуждением или отказом. При этом у него отнимается энергия, которой он обладает; он становится бессильным, но может сохраниться как воспоминание. Весь этот процесс протекает под контролем сознания «я». Но совсем иначе обстоит дело, если мы представим себе, что тот же самый импульс подчинился бы вытеснению. Тогда бы он сохранил свою энергию, а воспоминания о нем не сохранилось; сам процесс вытеснения совершился бы также незаметно для «я». Такое сравнение, однако, не приближает нас к пониманию сущности вытеснения.

Я изложу вам те теоретические соображения, которые оказались самыми подходящими, чтобы придать более определенное содержание понятию вытеснение. Для этого нам необходимо первым делом перейти от чисто описательного понимания слова «бессознательный» к систематическому пониманию этого слова[1]. Это значит, что мы решаемся заявить, что сознательность или бессознательность какого-нибудь психического процесса составляет только одно из его свойств, иногда не лишенное двусмысленности. Если некий процесс остался бессознательным, то такое отстранение его от сознания является, может быть, только признаком постигшей его судьбы, а не воплощением этой судьбы. Чтобы представить себе ясней эту судьбу, мы до-

[1] [См. последнее примечание к 14-й лекции.]

пускаем, что всякий душевный процесс – в этом отношении должно быть допущено исключение, о котором речь будет ниже[1] – существует сначала в бессознательной фазе, или стадии, и только пройдя ее, переходит в сознательную фазу, подобно тому, как фотографический портрет представляет собой сперва негатив и затем посредством позитивного процесса переходит в изображение. Однако не из всякого негатива непременно должен получаться позитив, и в равной мере не обязательно, чтобы всякий бессознательный душевный процесс непременно превратился в сознательный. Нам удобнее выразиться следующим образом: каждый отдельный процесс сперва принадлежит психической системе бессознательного и при определенных условиях может перейти в систему сознательного.

Самое приблизительное и наиболее удобное для нас представление об этой системе – это пространственное представление. Мы сравниваем систему бессознательного с большой передней, в которой копошатся все душевные движения, подобно каким-то существам. К этой передней примыкает другая комната, более узкая, вроде салона, в котором обитает сознание. Но на пороге между обеими комнатами стоит на посту страж, который тщательно разглядывает каждое душевное движение в отдельности, подвергает его цензуре и, если оно ему не нравится, не впускает в салон. Вы понимаете, что невелика разница, отгоняет ли страж какое-нибудь душевное движение уже с самого порога или выбрасывает это душевное движение обратно за порог после того, как оно уже проникло в салон. Все зависит только от бдительности стража и от его своевременного распознавания этого движения. Придерживаясь такого образного сравнения, мы можем более детально разработать нашу номенклатуру. Душевные движения, находящиеся в передней бессознательного, недоступны взору сознания, пребывающего во второй комнате; они сначала остаются бессознательными. Когда же им удается добраться до порога и их снова отгоняет оттуда страж, то они становятся уже неспособными проникнуть в сознание: тогда мы называем их *вытесненными*. Но даже пропущенные стражем через порог душевные движения еще не становятся обязатель-

[1] [Исключением, о котором Фрейд больше не упоминает, несомненно, является внешнее чувственное восприятие.]

о сознательными: они могут стать таковыми лишь в том лучае, если им удается привлечь к себе взоры сознания. Потому мы с полным правом называем эту вторую комнату истемой *предсознательного.* Процесс осознания сохранят тогда свой чисто описательный смысл. Но судьба вытесения каждого душевного движения состоит в том, что это вижение не пропускается стражем из системы бессознаельного в систему предсознательного. Это тот же страж, которым мы сталкиваемся в виде сопротивления, когда тараемся устранить вытеснение при помощи аналитического лечения.

Но я знаю, вы скажете мне, что эти представления и приблизительны, и фантастичны, и в научном изложении совершенно недопустимы. Я знаю, что они приблизительны; более того, мы знаем, что они неверны, и если мы не очень ошибаемся, то у нас уже готова лучшая замена[1]. Не знаю, покажутся ли вам и эти представления в такой же мере фантастичными. Пока это вспомогательные представления, вроде человечка Ампера[2], плавающего в электрическом токе, и ими не следует пренебрегать, чтобы лучше понять наблюдаемые явления, поскольку они годятся как пояснительные средства. Уверяю вас, что эти приблизительные представления о двух комнатах, о страже на пороге между ними и о сознании, как наблюдателе в конце второго зала, все-таки довольно близко подходят к действительному положению вещей. Мне хотелось бы услышать от вас признание, что наши названия: *бессознательное, предсознательное, сознательное* менее способны ввести в заблуждение и скорее оправдываются, чем другие, которые предлагают или употребляют, как-то: *подсознательный, околосознательный, внутрисознательный* и т. п.

Будет еще важнее, если вы напомните, что устройство душевного аппарата, какое я предположил для объяснения симптомов невроза, должно было бы иметь общее значение и, следовательно, отражать и нормальные функции. В этом отношении вы совершенно правы. Мы теперь не можем проследить за этими выводами, но наш интерес к психологии

---

[1] [Что имел здесь в виду Фрейд, непонятно.]

[2] [А.-М. Ампер (1775–1836) – один из основателей теории электромагнетизма, использовал в своих самых ранних экспериментах человечка из магнетика, чтобы показать отношение между электричеством и магнетизмом.]

симптомообразования чрезвычайно возрастает, когда благодаря изучению патологических условий открывается перспектива познакомиться со столь глубоко скрытыми нормальными душевными процессами.

Впрочем, разве вы не узнаете, на чем основывается наше предположение о двух системах, взаимоотношении их друг к другу и к сознанию? Ведь страж между бессознательным и предсознательным — не что иное, как *цензура*, от которой, как мы уже знаем, зависит образование явного содержания сновидения. Дневные остатки, в которых мы открыли побудителей сновидения, представляют собой предсознательный материал, испытавший ночью в состоянии сна влияние бессознательных и вытесненных желаний и вместе с ними благодаря их энергии сумевший образовать латентное сновидение. Этот материал, попав во власть бессознательной системы, подвергся переработке — сгущению и смещению, которые при нормальной душевной жизни, то есть в предсознательной системе, неизвестны или допустимы только в исключительных случаях. Это различие в формах деятельности стало для нас характерным признаком обеих систем; отношение к сознанию, которое примыкает к предсознательному, является для нас признаком принадлежности к той или другой из двух систем[1]. Ведь сновидение уже не патологическое явление; в условиях сна оно может быть у всех здоровых людей. Такая гипотеза о структуре душевного аппарата, которая сразу объясняет нам как образование сновидения, так и образование невротического симптома, имеет неоспоримое право быть принятой во внимание и по отношению к нормальной душевной жизни.

Вот все, что мы желаем здесь сказать о вытеснении. Но оно составляет только необходимую предпосылку к симптомообразованию. Мы знаем, что симптом является заменой чего-то, чему помешало вытеснение. Но от вытеснения до понимания этого заменяющего образования еще далеко. С другой стороны, в связи с констатацией вытеснения возникают новые вопросы: какого рода душевные движения подлежат вытеснению, какими силами оно выполняется, из каких мотивов исходит? По этому поводу нам до сих пор известно только одно. При исследовании сопротивления мы слышали, что оно исходит из сил, принадлежащих «я», из

---

[1] [См. обсуждение в конце 13-й и в 14-й главах.]

явных и латентных особенностей характера. Следовательно, они-то именно и позаботились о процессе вытеснения или, по меньшей мере, они принимали в нем участие. Все прочее нам пока неизвестно.

Тут нам приходит на помощь второй установленный нами факт, о котором я говорил. На основании данных анализа мы в общих чертах можем указать, что составляет цель невротических симптомов. Но и в этом для вас не окажется ничего нового. Я показал вам уже это на двух случаях невроза. Разумеется, что значат два случая? Вы имеете право требовать, чтобы вам это показывалось двести, бесчисленное множество раз. Беда только в том, что я не могу этого сделать. Здесь опять вступает в свои права личный опыт или вера, опирающаяся в этом пункте на единодушные указания всех психоаналитиков.

Вы помните, что в тех двух случаях, симптомы которых мы подвергли подробному исследованию, анализ посвятил нас в самую интимную сторону сексуальной жизни этих больных. В первом случае мы, кроме того, особенно ясно поняли цель, тенденцию исследуемого симптома; может быть, во втором случае она несколько прикрыта одним моментом, о котором речь будет ниже. То, что мы видели на этих двух примерах, показали бы нам и все другие случаи, если бы мы их проанализировали. Анализ всякий раз привел бы нас к сексуальным переживаниям и желаниям больного, и всякий раз мы должны были бы установить, что симптомы служат одной и той же цели. Таковую цель мы открываем в удовлетворении сексуальных желаний; симптомы служат сексуальному удовлетворению больных, они являются заменой такого удовлетворения, которого они лишены в жизни.

Припомните навязчивые действия нашей первой пациентки. Женщина лишается своего горячо любимого мужа, с которым она не может разделить жизнь вследствие его недостатков и слабостей. Она должна остаться ему верной, она не может заменить его другим. Ее симптом в форме навязчивого действия дает ей то, чего она жаждет, возвышает ее мужа, отрицает, исправляет его слабости, прежде всего его импотенцию. Этот симптом является, в сущности, исполнением желания, вполне похожим на сновидение, и именно — чего нельзя всегда утверждать относительно сновидения — исполнением эротического желания. Что касается нашей второй пациентки, то вы, по крайней мере, могли

понять, что ее церемониал стремится помешать половому сожительству родителей или не допустить до того, чтобы от этого сожительства родился новый ребенок. Вы, вероятно, также догадались, что она, в сущности, стремится к тому, чтобы занять место матери. Следовательно, опять-таки устранение помех половому удовлетворению и исполнение собственных сексуальных желаний. О намечающихся осложнениях речь будет ниже.

Уважаемые господа! Я хотел бы избежать необходимости впоследствии вводить отступления относительно общего характера настоящих моих утверждений, и поэтому я обращаю ваше внимание на то, что все, что здесь говорится о вытеснении, о симптомообразовании и о значении симптома, было выяснено при трех формах невроза — тревожной истерии, конверсионной истерии и неврозе навязчивости — и сначала касалось только этих форм заболевания. Эти три расстройства, которые мы обыкновенно объединяем в одну группу *«неврозов переноса»*[1], ограничивают вместе с тем поле деятельности психоаналитической терапии. Остальные неврозы изучены психоанализом гораздо меньше; невозможность оказать терапевтическое воздействие была причиной того, что одна определенная группа неврозов была обойдена. Не забудьте также, что психоанализ еще очень молодая наука, что он требует много труда и времени для подготовки и что еще совсем недавно он держался всего на одном человеке. И все же мы намереваемся со всех возможных сторон приблизиться к пониманию и других расстройств, не относящихся к неврозам переноса. Надеюсь, что я еще смогу показать вам, насколько расширяются наши положения и результаты, приспосабливаясь к этому новому материалу, и вы увидите, что эти дальнейшие исследования привели не к противоречиям, а к установлению единства на более высоком уровне[2]. Если, следовательно, все, что здесь говорится, имеет отношение к трем неврозам переноса, то позвольте мне сначала новым замечанием повысить ценность симптомов. Сравнительное исследование поводов заболевания дает результат, который можно сформулировать следующим образом: эти лица заболевают вследствие *неудачи* в каком-либо отношении, когда реаль-

---

[1] [Объяснение этого термина приводится в более поздней лекции.]

[2] [См. изложение нарцизма в 26-й лекции.]

ность лишает их возможности удовлетворить сексуальные желания[1]. Вы замечаете, как эти оба результата прекрасно совпадают. В таком случае симптомы действительно можно рассматривать как замену недостающего в реальной жизни удовлетворения.

Разумеется, возможны еще многие возражения против положения, что невротические симптомы представляют собой замену полового удовлетворения. Я хочу сегодня остановиться еще на двух возражениях. Если вы сами подвергаете аналитическому исследованию большое число невротиков, то, покачав головой, возразите мне: «Но ведь в целом ряде случаев это вовсе не оправдывается; кажется, что в этих случаях симптомы, наоборот, стремятся к тому, чтобы совершенно исключить или прекратить возможность полового удовлетворения». Я не стану оспаривать верности вашего толкования. С точки зрения психоанализа дело часто оказывается сложнее, чем хотелось бы. Если бы оно обстояло так просто, то, возможно, не было бы нужды в психоанализе, чтобы пролить на него свет. Действительно, в некоторых чертах церемониала у нашей второй пациентки можно усмотреть этот аскетический характер, враждебный сексуальному удовлетворению, например, в том, что она удаляет часы (это имеет магическое значение избегания ночных эрекций) и в том, что она хочет предохранить от падения и ломки посуду (это равносильно защите ее девственности). В других случаях постельного церемониала, которые я имел возможность анализировать, этот отрицательный характер был выражен гораздо сильнее; весь церемониал мог состоять только из защитных мер против сексуальных воспоминаний и искушений. Однако в психоанализе мы часто обнаруживали, что противоположности не означают противоречия. Мы могли бы расширить наше утверждение: симптомы направлены или на сексуальное удовлетворение или на борьбу с ним, причем при истерии преобладает в общем положительный, удовлетворяющий желание характер, при неврозе навязчивости — отрицательный, аскетический. Эта двойственность или биполярность, благодаря которой симптомы могут служить как сексуальному удовлетворению, так и борьбе с ним, прекрасно объясняется некоторыми особенностями их механизма, о которых мы еще не упоми-

[1] [Эта взаимосвязь более подробно обсуждается в 22-й лекции.]

нали. Они являются, как мы услышим, результатом компромисса, происшедшего из столкновения двух противоположных стремлений, и представляют как вытесненное, так и вытесняющее, также принимавшее участие в их образовании. При этом то одна, то другая сторона может быть представлена в большей степени, и только в редких случаях влияние какой-нибудь из них исчезает полностью. При истерии в одном и том же симптоме достигается совпадение обеих целей. При неврозе навязчивости обе части распадаются; симптом распадается тогда на два периода, состоит из двух действий, совершаемых одно за другим и устраняющих друг друга[1].

Нам не так легко будет справиться с другим сомнением. Если вы просмотрите большое количество толкований симптомов, то сначала у вас сложится мнение, что понятие о замене сексуального удовлетворения при этом чрезвычайно расширено. Вы также не упустите случая подчеркнуть, что эти симптомы не предлагают никакого реального удовлетворения, что часто они ограничиваются оживлением какого-нибудь ощущения или изображением какой-нибудь фантазии из сексуального комплекса. Далее, что означенное сексуальное удовлетворение носит часто детский недостойный характер, приближается к акту мастурбации или напоминает нечистоплотные привычки, от которых отучают детей. Кроме того, вы выразите свое удивление еще и по поводу того, что за сексуальное удовлетворение хотят выдать то, что должно было быть описано как удовлетворение жестоких или отвратительных и даже заслуживающих названия противоестественных страстей. По этим вопросам мы не сможем понять друг друга, пока не подвергнем основательному исследованию половую жизнь человека и не установим при этом, что имеет право называться сексуальным.

[1] [Соответствующие примеры содержатся в разделе Д 1-й части описания случая «Крысина» (1909*d*).]

ДВАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Сексуальная жизнь человека[1]

Уважаемые дамы и господа! Казалось бы, не приходится сомневаться в том, что следует понимать под «сексуальным». Прежде всего сексуальное представляет собой нечто неприличное, что-то такое, о чем не принято говорить. Мне рассказали, что ученики знаменитого психиатра старались убедить своего учителя в том, что симптомы истеричек часто изображают сексуальные переживания. С этой целью они подвели его к кровати одной истерички, припадки которой с несомненной ясностью изображали процесс родов. Однако он уклончиво ответил: «Нет, ведь роды не представляют собой ничего сексуального». Разумеется, не во всех случаях роды должны быть непременно чем-то неприличным.

Я замечаю, вам не нравится, что я в таких серьезных вопросах позволяю себе шутить. Но это уже не совсем шутка. Говоря серьезно, не так-то легко определить, что составляет содержание понятия «сексуальный». Может быть, единственно верным было бы сказать: все, что связано с различием обоих полов, — но такое определение вы найдете бесцветным и слишком широким. Если вы в центр внимания поставите факт полового акта, то, может быть, скажете, что сексуальным является все, что проделывается с целью получения наслаждения с телом, особенно с половыми органами другого пола и, в конце концов, направлено на соединение гениталий и выполнение полового акта. Но в таком случае вы действительно недалеки от отожествления сексуального с неприличным, и роды в самом деле не относятся к сексуальному. Если же вы примете за ядро сексуальности функцию продолжения рода, то рискуете исключить из этого понятия большое число актов, не имеющих целью продолжение рода и тем не менее безусловно сексуальных, как, например, мастурбация и даже поцелуй. Но мы уже

[1] [Основная работа Фрейда на эту тему — «Три очерка по теории сексуальности» (1905*d*), в издания которой он на протяжении последующих двадцати лет вносил дополнения и исправления. Материал этой и следующей лекций взят преимущественно из этой работы.]

привыкли к тому, что попытки давать определения всегда приводят к затруднениям; откажемся же от мысли, что в данном случае это может получиться. Мы подозреваем, что в развитии понятия «сексуальный» произошло нечто такое, что по удачному выражению Г. Зильберера, повлекло за собой *«ошибку наложения»*[1]. В целом мы ведь не совсем уже не разбираемся в том, что называется сексуальным.

Требованиям практической жизни будет отвечать приблизительно следующая формулировка: сексуальным называется то, что содержит в себе представление о различии полов, о переживании наслаждения, о функции продолжения рода и что носит характер чего-то неприличного, что необходимо скрывать. Но в науке такого определения недостаточно. Потому что путем тщательных исследований, ставших возможными благодаря преодолению себя и самопожертвованию, мы познакомились с группой людей, «сексуальная» жизнь которых самым резким образом отклоняется от обычных средних представлений. Одни из этих «извращенных» исключили из своей программы, так сказать, различие полов. Только лица одного с ними пола могут возбудить у них сексуальные желания, лица другого пола, особенно же их половые органы, вообще не являются для них сексуальным объектом, а в крайних случаях даже вызывают отвращение. Тем самым, разумеется, они отказались от всякого участия в продолжении рода. Таких лиц мы называем гомосексуальными, или инвертированными. Обычно это мужчины и женщины, часто, хотя и не всегда, безупречно образованные, интеллектуально и морально высокоразвитые, но они отягчены только этим роковым отклонением. Устами своих научных защитников они выдают себя за особую вариацию человеческого рода, за «третий пол», который имеет одинаковое право на существование наряду с обоими другими. Быть может, нам представится еще случай критически разобрать их притязания. Разумеется, они не представляют собой, как они утверждают, отборную часть человечества, и среди них встречается столько же малоценных и никчемных индивидов, как и среди тех, кто в половом отношении чувствует себя иначе.

---

[1] [Зильберер (Silberer, 1914, 161) хотел описать такой феномен, когда человек иной раз полагает, что видит перед собой один предмет, тогда как на самом деле воспринимает два перекрывающих друг друга предмета.]

Эти извращенные обращаются со своим половым объектом, по крайней мере, так же, как нормальные люди со своим. Но далее следует длинный ряд отклонений от нормы, при которых сексуальная деятельность все больше и больше отдаляется от того, что кажется желанным разумному человеку. По разнообразию и странностям их можно сравнить с причудливыми уродцами, которых П. Брейгель нарисовал в картине искушения святого Антония, или с давно забытыми богами и верующими, которых Г. Флобер заставил проноситься в длинных процессиях перед взором набожного, кающегося грешника[1]. Эти извращения нам необходимо как-то классифицировать, чтобы избежать путаницы. Мы разделяем их на таких, у которых, как у гомосексуалистов, изменился сексуальный объект, и на таких, у которых перемена коснулась прежде всего сексуальной цели. К первой группе принадлежат те, которые отказались от соединения гениталий и при сексуальном акте заменили гениталии партнера какой-нибудь другой частью или областью тела; при этом они игнорируют недостатки органического устройства, и для них не является помехой отвращение. (Рот, задний проход вместо влагалища). Далее следуют другие, у которых, хотя и сохранился интерес к гениталиям, но не из-за сексуальных, а других функций, в которых гениталии принимают участие чисто анатомически и по своему расположению. По ним мы узнаем, что функции выделения, которые при воспитании ребенка были отнесены на задний план как неприличные, оказываются в состоянии всецело привлечь к себе сексуальный интерес. Затем идут другие, те, кто вообще отказался от гениталий как от объектов и поставил на место желанного объекта другую часть тела — женскую грудь, ногу или косу. Далее следуют те, для которых и часть тела не имеет никакой сексуальной ценности, но зато все желания сосредоточиваются на какой-нибудь части туалета, на обуви, на каком-нибудь предмете нижнего белья, — фетишисты. Следующее место в этом ряду занимают лица, которые, хотя и испытывают желания к объекту в целом, но предъявляют к нему совершенно определенные странные или отвратительные требования, включая и требование, чтобы объект этот превратился в без-

[1] [«Искушение святого Антония» Флобера, часть V последней редакции.]

защитный труп, и превращающие его в своей преступной навязчивости в такой труп, чтобы получить возможность насладиться им. Но довольно ужасов из этой области. Во главе другой компании извращенных стоят такие, для которых целью сексуальных желаний является то, что нормально составляет только вступительные и подготовительные действия, а именно: разглядывание и ощупывание представителя другого пола или рассматривание его при совершении им интимных отправлений, или обнажение таких частей собственного тела, которые должны быть прикрыты, в смутной надежде быть вознагражденным подобным же актом со стороны партнера. Затем следуют загадочные садисты, нежному влечению которых известна только одна цель — доставлять боль и мучения своему объекту, начиная с легкого унижения и кончая тяжелыми телесными повреждениями, и как бы для равновесия их антиподы — мазохисты, для которых единственное удовольствие состоит в том, чтобы испытывать в символической и в реальной форме всевозможные унижения и муки от любимого объекта. Есть и другие, у которых соединяются и переплетаются несколько таких ненормальных условий, и, наконец, нам предстоит еще узнать, что каждая из этих групп проявляется в двух различных формах: наряду с теми, кто ищет сексуального удовлетворения в реальности, существуют еще и те, кто довольствуется воображаемым удовлетворением и кому вообще не нужен реальный объект, так как они могут заменить его фантазией.

При этом не подлежит ни малейшему сомнению, что в этих безумствах, странностях и мерзостях действительно проявляется сексуальность этих людей. Не только они сами именно так понимают свои переживания и определенно чувствуют в них замену нормальных сексуальных проявлений, но и мы должны сказать, что все это играет в их жизни ту же роль, что в нашей — нормальное сексуальное удовлетворение, что они приносят этому те же, часто громадные жертвы и, как в общем, так и в частном, удается проследить, где эти ненормальности соприкасаются с нормальным и где они удаляются от него. Вы также не можете не заметить, что характер неприличия, свойственный сексуальности вообще, встречается и здесь, но по большей части он усиливается до степени позора.

Каково же, уважаемые дамы и господа, наше отношение к этим необычным видам сексуального удовлетворе-

ния? В нашем негодовании, в выражении нашего личного отвращения и в уверениях, что такие пороки нам чужды, толку мало. Да никто нас об этом и не спрашивает. Ведь в конце концов это такая же область явлений нашей жизни, как и всякая другая область. Нетрудно опровергнуть уклончивость и отрицание, что это, мол, редкие исключения, курьезные случаи. Наоборот, речь идет об очень частых, широко распространенных феноменах. Но если бы кто-нибудь начал утверждать, что эти явления не должны сбивать нас с толку в наших взглядах на сексуальную жизнь, потому что все они представляют из себя нарушения и отклонения сексуального влечения, то был бы уместен серьезный ответ. Если мы не в состоянии понять эти болезненные формы сексуальности и не можем привести их в связь с нормальной сексуальной жизнью, то мы не понимаем также и нормальной сексуальности. Короче, перед нами стоит неизбежная задача дать полное теоретическое объяснение возможности возникновения так называемых перверсий и их связи с так называемой нормальной сексуальностью.

В этом нам могут помочь один высказанный в науке взгляд и два новых факта. Этим взглядом мы обязаны Ивану Блоху (1902–1903); он доказал несостоятельность того мнения, что все эти извращения — «признаки дегенерации», так как такие отклонения от сексуальной цели, такие ослабления отношений к сексуальному объекту существовали всегда, во все известные нам времена, у всех народов, как у самых примитивных, так и у самых цивилизованных, и иногда эти извращения пользовались даже всеобщим признанием и считались вполне допустимыми. А два новых факта были открыты при психоаналитическом исследовании невротиков; они должны повлиять самим решительным образом на наше понимание сексуальных перверсий.

Мы сказали, что невротические симптомы представляют собой замену сексуального удовлетворения, и я упомянул, что подтверждение этого положения анализом симптомов наткнется на некоторые трудности. Оно верно только в том случае, если мы в понятие «сексуальное удовлетворение» включим также и так называемое извращенное сексуальное удовлетворение, потому что именно такое толкование симптомов напрашивается поразительно часто. Притязание гомосексуалистов, или инвертированных, на исключительность тотчас пропадает, когда выясняется, что у каждого невротика удается доказать наличие гомосексу-

альных побуждений, и что в этом скрытом извращении выражается большое число симптомов. Те, кто сами называют себя гомосексуалистами, представляют собой сознательно и открыто инвертированных, и число их очень невелико по сравнению с количеством латентных гомосексуалистов. Мы должны, однако, рассматривать выбор лиц своего пола в качестве сексуального объекта как постоянно встречающуюся разновидность любовной жизни и научиться придавать ему особенно большое значение. Разумеется, этим не уничтожается различие между явной гомосексуальностью и нормальным отношением к объекту: практическое значение этого различия сохраняется, но теоретическая ценность его чрезвычайно уменьшается. Мы даже полагаем, что одно заболевание, которое мы не относим уже к числу неврозов переноса, а именно, паранойя, наступает закономерно, вследствие попытки защититься от слишком сильных гомосексуальных стремлений[1]. Может быть, вы еще помните, что одна из наших пациенток изображала в своем навязчивом действии мужчину, своего оставленного мужа; у невротических женщин такое проявление симптомов от лица мужчины совершенно обычно. Если его и нельзя причислить к проявлениям гомосексуальности, то оно все-таки имеет много общего с ее предпосылками.

Как вам, вероятно, известно, симптомы истерического невроза могут проявляться во всех системах органов и нарушать все функции. Анализ показывает, что при этом проявляются все извращения, стремящиеся заменить гениталии другими органами. Эти органы выступают тогда в роли заместителей гениталий; именно благодаря симптоматике истерии мы и пришли к выводу, что необходимо приписать органам тела, кроме их функциональной роли, еще сексуальную, эрогенную, и что они оказываются не в состоянии выполнить своего функционального назначения, если это другое сексуальное, эрогенное назначение их овладевает ими слишком сильно[2]. Бесчисленные ощущения и иннервации, составляющие симптомы истерии, в органах, казалось бы, ничего общего с сексуальностью не имеющих, раскрывают перед нами свою природу как реализация извращен-

---

[1] [Паранойя обсуждается также в 26-й лекции.]

[2] [Это положение подробнее изложено в работе Фрейда о психогенном нарушении зрения (1910I).]

ных сексуальных побуждений, под влиянием которых другие органы организма приобрели значение половых органов. Далее, мы видим, в какой мере органы питания и выделения становятся носителями сексуального побуждения. Это, следовательно, все то же, что нам показали перверсии, только в них это можно было видеть без особого труда и сомнений, между тем как при истерии мы должны совершить обходный путь через толкование симптомов и, кроме того, приписывать извращенные сексуальные побуждения не сознанию индивидов, а отнести их к области бессознательного.

Самые важные из многочисленных симптомов, в которых проявляется невроз навязчивости, оказывается, развиваются под давлением слишком сильных садистских, то есть извращенных по своей цели сексуальных побуждений, причем симптомы эти в соответствии со структурой невроза навязчивости служат преимущественно защите от этих желаний или выражают борьбу между удовлетворением и защитой. Но и само удовлетворение при этом оказывается не обделенным: оно проявляется в поведении больных обходным путем и охотно направляется против них же самих, превращая их в самоистязателей. Другие формы невроза, при которых больной беспрерывно копается в собственной душе, соответствуют чрезмерной сексуализации актов, которые обычно служат подготовкой на пути к нормальному сексуальному удовлетворению, как-то: желания разглядывать, ощупывать, исследовать. Все значение страха прикосновения и навязчивого мытья рук находит объяснение именно в этом. Большое количество навязчивых действий сводится к замаскированному повторению и видоизменению мастурбации, которая, как известно, в виде единообразного действия сопровождает самые разнообразные формы сексуального фантазирования[1].

Мне не стоило бы большого труда указать вам на еще более тесные взаимоотношения между извращением и неврозом, но я полагаю, что для наших целей сказано уже достаточно. Однако после того как мы познакомились с таким объяснением образования симптомов, нам нужно опасаться переоценки частоты и интенсивности извращенных наклон-

---

[1] [Механизм развития навязчивых действий детально описан в работе «Навязчивые действия и религиозные отправления» (1907*b*).]

ностей у людей. Вы слышали, что можно заболеть неврозом вследствие невозможности получить нормальное сексуальное удовлетворение. При такой реальной невозможности потребность перемещается на ненормальные пути сексуального возбуждения. Вы поймете позже, как это происходит. Во всяком случае, вам понятно, что при таком *«коллатеральном»* оттоке все эти извращенные побуждения должны казаться более сильными, чем они были бы, если бы нормальное сексуальное удовлетворение не наткнулось ни на какое реальное сопротивление. Впрочем, подобное же влияние необходимо принять и в случаях явных перверсий. В некоторых случаях они провоцируются или активируются благодаря тому, что на пути нормального удовлетворения сексуального влечения возникают слишком большие трудности, вследствие временных обстоятельств или постоянных социальных установлений[1]. В других случаях склонность к извращению совершенно не зависит от таких благоприятствующих моментов, а представляет, так сказать, нормальную форму сексуальной жизни для данного лица.

Может быть, в настоящую минуту у вас создалось впечатление, что мы скорее запутали, чем прояснили отношение между нормальной и извращенной сексуальностью. Но примите во внимание следующее соображение: если верно, что реальное затруднение или лишение нормального сексуального удовлетворения может вызвать у некоторых лиц извращенные наклонности, которые не проявлялись бы при других условиях, то приходится предполагать, что у этих лиц имеется нечто такое, что идет навстречу этим извращениям; или, если хотите, они присутствуют у этих лиц в латентной форме. Но таким образом мы приходим ко второму новому факту, о котором я вам говорил[2]. Психоаналитическое исследование вынуждено было также заняться сексуальной жизнью ребенка, потому что воспоминания и мысли, приходящие в голову при анализе симптомов[3], регулярно приводили к годам раннего детства. Заключения, к которым мы пришли, впоследствии подтвердились одно за другим пу-

---

[1] [Последний пункт подробно обсуждается в работе «“Культурная” половая мораль и современная нервозность» (1908*d*).]

[2] [Первый факт – значительная роль извращенной сексуальности в возникновении неврозов. Нижеследующее уже затрагивалось в 13-й лекции.]

[3] [У взрослых.]

тем непосредственных наблюдений над детьми[1]. И тогда оказалось, что все наклонности к извращениям имеют свои корни в детстве, что у детей есть предрасположенность ко всем этим извращениям, и дети проявляют их соответственно своей незрелости, короче говоря, что извращенная сексуальность представляет собой только усиленную, разложенную на отдельные побуждения инфантильную сексуальность.

Теперь, хотя вы и увидите извращения в новом свете и не сможете не признать их связи с сексуальной жизнью человека, но ценою каких поразительных открытий и мучительных для вашего чувства рассогласований вы это узнаете! Несомненно, что сначала вы будете все оспаривать: и тот факт, что у детей есть что-то такое, что приходится считать сексуальностью, и правильность наших наблюдений, и наши основания находить в поведении детей нечто родственное тому, что затем осуждается как извращения. Поэтому разрешите мне прежде разъяснить вам мотивы вашего сопротивления, а затем уже изложить итоги наших наблюдений. Полагать, что у детей нет никакой сексуальной жизни — сексуального возбуждения, потребностей и своего рода удовлетворения, — а появляется она у них внезапно, в возрасте между 12–14 годами, было бы с точки зрения биологии также невероятно и бессмысленно, как утверждать, что дети рождаются на свет без гениталий, а последние вырастают у них только к периоду половой зрелости. То, что у них к этому времени просыпается, — это функция продолжения рода, которая пользуется для своих целей уже имеющимся физическим и душевным материалом. Вы совершаете ошибку, смешивая сексуальность с функцией продолжения рода, и благодаря этому закрываете себе пути к пониманию сексуальности, извращений и неврозов. Но эта ошибка тенденциозна. Источником ее, как это ни удивительно, является то, что вы сами были детьми и подвергались влиянию воспитания. Общество вынуждено в числе своих самых главных задач в области воспитания поставить задачу укротить, ограничить и подчинить индивидуальной воле, идентичной социальному требованию, сексуальное влечение, когда оно впервые обнаруживается в виде стремления к продолжению

---

[1] [Наиболее раннее из таких наблюдений — случай «маленького Ганса» (1909*b*).]

рода. Интересы общества требуют также отодвинуть это развитие до тех пор, пока ребенок не достигнет известной степени интеллектуальной зрелости, потому что вместе с полным прорывом сексуального влечения приходит конец влиянию воспитания. В противном случае влечение прорвало бы все преграды и смело бы возведенное с таким трудом здание культуры. И задача укротить это влечение не так легка, она удается то слишком плохо, то слишком хорошо. Основной мотив человеческого общества в конечном итоге оказывается экономическим: так как у него не хватает жизненных средств, чтобы содержать своих членов без помощи их труда, то оно должно ограничить число своих членов и энергию их отклонить от сексуальных переживаний в сторону труда. Вечная, исконная и длящаяся до настоящего времени жизненная необходимость[1].

Опыт, должно быть, показал воспитателям, что задача сделать сексуальную волю нового поколения управляемой разрешима только в том случае, когда влиять на нее начинают в очень раннем возрасте, не дожидаясь бури при наступлении половой зрелости, начинают свое вмешательство в сексуальную жизнь ребенка, пока эта буря только подготавливается. С этой целью ребенку запрещают и внушают отвращение почти ко всем видам инфантильных сексуальных проявлений: ставится идеальная цель сделать жизнь ребенка асексуальной и со временем доходят до того, что считают ее действительно асексуальной, и затем наука провозглашает это своей теорией. Чтобы не впасть в противоречие со своей верой и со своими целями, не замечают сексуальных проявлений ребенка, что вовсе не так уж легко, или удовлетворяются в науке тем, что придают им другое объяснение. Ребенок считается чистым, невинным, а кто описывает это иначе, тому как безбожному нечестивцу бросается обвинение в оскорблении нежных и святых чувств человечества.

Только одни дети непричастны к этим условностям, с бесконечной наивностью проявляют они свои животные права и постоянно показывают, что им еще нужно пройти путь к чистоте. Замечательно, однако, что те, кто отрицает детскую сексуальность, отнюдь не отказываются от воспитания и строжайше преследуют проявления того, что отрицают, называя это *«детскими дурными привычками»*. Боль-

---

[1] [См. 1-ю лекцию.]

шой теоретический интерес представляет также тот факт, что период жизни, резче всего противоречащий предрассудку об асексуальности детства, детские годы до пяти- или шестилетнего возраста, окутаны у большинства людей покрывалом амнезии, разорвать которое по-настоящему может только аналитическое исследование, хотя оно и проницаемо для отдельных образов сновидений.

А теперь изложу вам то, что наиболее отчетливо позволяет распознать сексуальную жизнь ребенка. Позвольте мне удобства ради ввести еще понятие *либидо*. Либидо, совершенно аналогичное *голоду*, обозначает силу, с которой проявляется влечение, в данном случае сексуальное, подобно голоду при влечении к принятию пищи. Другие понятия, такие, как сексуальное возбуждение и удовлетворение, не нуждаются в объяснении. Вы сами легко поймете, что сексуальные проявления грудного младенца наиболее трудны для толкования и, вероятно, вы используете это как возражение. Эти толкования возникают как следствие аналитических исследований, исходящих из симптома. Первые сексуальные побуждения проявляются у ребенка в связи с другими важными для жизни функциями. Главный его интерес, как вы знаете, направлен на принятие пищи: если он, насытившись, засыпает у груди, у него появляется выражение счастливого удовлетворения, которое позже повторяется после переживания сексуального оргазма. Однако этого было бы слишком мало для обоснования вывода. Но мы замечаем, что младенец готов повторять акт принятия пищи, вовсе не требуя новой пищи, следовательно, он это совершает, не будучи во власти голода. Мы говорим, что он сосет, и то обстоятельство, что при этом он опять-таки засыпает с блаженным выражением лица, показывает нам, что акт *сосания* сам по себе дал ему удовлетворение. Как известно, он скоро устраивается таким образом, что не засыпает прежде, чем вдоволь насосавшись. На сексуальную природу этого сосания впервые указал один старый детский врач в Будапеште, доктор Линднер (1879). Лица, ухаживающие за ребенком, далекие от того, чтобы занять какую-либо теоретическую позицию в этом вопросе, по-видимому, придерживаются такого же взгляда на это сосание. Они не сомневаются в том, что ребенок сосет только для своего удовольствия, относят это сосание к дурным привычкам ребенка и, применяя неприятные воздействия, заставляют ребенка отка-

заться от этого, если он добровольно не желает бросить эту привычку. Таким образом, мы узнаем, что ребенок совершает действия, не имеющие никакой другой цели, кроме получения удовольствия. Мы полагаем, что сначала он переживает это удовольствие при приеме пищи, но вскоре учится отделять его от сопутствующего обстоятельства. Это удовольствие мы можем объяснить только возбуждением зоны рта и губ, называем эти части *эрогенными зонами*, а полученное при сосании удовольствие определяем как *сексуальное*. Несомненно, что нам придется еще поспорить о том, насколько правильно такое наименование.

Если бы младенец мог объясняться, он, наверное, объявил акт сосания материнской груди самым важным в жизни. Применительно к себе он не так уж не прав, потому что этим актом он сразу удовлетворяет обе великие жизненные потребности. Не без чувства крайнего удивления узнаем мы позже из психоанализа, какое большое психическое значение сохраняет этот акт на всю жизнь. Сосание материнской груди становится исходным пунктом всей сексуальной жизни, недостижимым прообразом всякого сексуального удовлетворения в будущем, к которому в тяжелые времена часто возвращается фантазия. В него включено и представление о материнской груди как о первом объекте сексуального влечения; я не могу вам передать, как огромно значение этого первого объекта при выборе в будущем всякого другого объекта, какое глубокое влияние оказывает он со всеми своими превращениями и замещениями на самые отдаленные области нашей душевной жизни. Но сначала младенец отказывается от этого первого объекта в акте сосания и заменяет его частью собственного тела. Ребенок сосет палец, собственный язык. Благодаря этому он становится независимым от внешнего мира в получении удовольствия и, кроме того, для усиления удовольствия привлекает еще возбуждение второй зоны тела. Не все эрогенные зоны одинаково чувствительны; поэтому, когда младенец, как сообщает Линднер, при обследовании собственного тела открывает особенно возбудимые части своих гениталий и тем самым открывает путь от сосания к онанизму, то этот момент превращается в переживание особенной важности.

Благодаря выяснению значения сосания мы познакомились уже с двумя решающими признаками инфантильной сексуальности. Она развивается в связи с удовлетворением важных органических потребностей и проявляется

аутоэротически, то есть она ищет и находит свои объекты в собственном теле. То, что яснее всего проявилось при приеме пищи, повторяется отчасти при выделениях. Мы заключаем, что младенец испытывает ощущения наслаждения при мочеиспускании и испражнении, и что скоро он начинает стараться совершать эти акты так, чтобы они доставляли ему возможно большее удовольствие от соответствующих эрогенных зон слизистых оболочек. В этом пункте, как тонко указала Лу Андреас-Саломе (1916), внешний мир впервые выступает против него в виде мешающей, враждебной его стремлению к наслаждению силы и дает ему возможность предчувствовать будущую внешнюю и внутреннюю борьбу. От своих выделений он должен освободиться не в желанный для него момент, а когда этого захотят другие. Чтобы заставить его отказаться от этого источника удовольствия, ему объясняют, что все касающееся этой функции неприлично и необходимо скрывать от других. В этом случае он должен впервые заменить наслаждение социальным приличием. Его отношение к выделениям сначала совсем иное. Он не ощущает отвращения к своему калу, оценивает его как часть своего тела, с которым нелегко расстаться и пользуется им как первым «подарком», чтобы отличить лиц, которых он особенно ценит. И даже после того как воспитанию удалось отучить его от этих склонностей, он переносит высокую оценку свою с кала на «подарок» и на «деньги». Свои подвиги при мочеиспускании он, по-видимому, рассматривает, напротив, с особенной гордостью[1].

Я знаю, что вам уже давно хочется прервать меня и крикнуть: «Довольно гадостей! Акт испражнения, по-вашему, является источником удовольствия и сексуального удовлетворения, которое испытывает уже младенец. Кал — ценная субстанция, задний проход — своего рода гениталии! Этому мы не верим, но мы понимаем, почему педиатры и педагоги отвергли психоанализ и его результаты». Нет, уважаемые господа! Вы только забыли, что я хочу изложить вам факты инфантильной сексуальной жизни в связи с фактами сексуальных перверсий. Почему вам нельзя знать, что задний проход действительно берет на себя при половом

---

[1] [Отношения между калом и деньгами обсуждаются Фрейдом в его двух работах об анальной эротике (1908*b*, 1917*c*).]

акте у многих взрослых, гомосексуальных и гетеросексуальных, роль влагалища? И что встречается очень много лиц, испытывающих всю свою жизнь сладострастные ощущения при испражнении и описывающих эти ощущения как довольно сильные. Что касается интереса к акту дефекации и удовольствия при разглядывании акта дефекации другого лица, то вам это могут подтвердить сами дети, когда им уже несколько лет от роду и они в состоянии рассказать об этом. Разумеется, вы не должны сначала систематически запугивать детей, в противном случае они прекрасно понимают, что им следует умолчать об этом. А что касается остального, чему вы не хотите верить, то я отсылаю вас к результатам анализа и непосредственного наблюдения за детьми и должен сказать, что не видеть всего или видеть иначе – это прямо своего рода искусство. Я не имею ничего против того, чтобы вам резко бросилось в глаза родство между детской сексуальностью и сексуальными извращениями. Собственно говоря, это само собою разумеется; если у ребенка имеется вообще сексуальная жизнь, то она должна носить характер извращенной, потому что, кроме немногих темных намеков, у ребенка нет ничего того, что превращает сексуальность в функцию продолжения рода. С другой стороны, всем извращениям свойственна та черта, что они отказываются от цели продолжения рода. Мы и называем сексуальные проявления извращениями именно в тех случаях, когда в них отсутствует цель продолжения рода и преследуется только как независимая и самостоятельная цель получения наслаждения. Вы понимаете, следовательно, что перелом и поворотный пункт в развитии сексуальной жизни состоит в подчинении ее целям продолжения рода. Всему, что имеет место до момента этого поворота, так же как и всему, что ускользнуло от него, что служит только целям удовольствия, дают мало почтенное имя «извращения» и презирают, как таковое.

Позвольте мне поэтому продолжать мое сжатое изложение инфантильной сексуальности. То, что я рассказал вам о двух системах органов (пищеварительной и выделительной), я мог бы дополнить, принимая во внимание остальные системы. Сексуальная жизнь ребенка исчерпывается удовлетворением целого ряда парциальных влечений, независимо друг от друга стремящихся к получению удовольствия частью от своего собственного тела, частью уже от внешнего объекта. Вскоре среди этих органов вполне определенно выделяются гени-

тали; у некоторых людей получение удовольствия от собственных гениталий, без помощи гениталий другого лица или без объекта тянется без перерыва от младенческого онанизма до онанизма по необходимости в период полового созревания и затем продолжается еще неограниченное время и в дальнейшем. Впрочем, с темой онанизма мы не так скоро покончим; этот предмет следует рассмотреть со многих сторон.

Несмотря на мою готовность как можно больше сократить тему, я все же должен сказать вам еще кое-что о *сексуальных исследованиях* ребенка. Они слишком характерны для детской сексуальности и имеют слишком большое значение для симптоматики неврозов[1]. Детские сексуальные исследования начинаются очень рано, иногда еще до трехлетнего возраста. Они начинаются не с различия полов[2], не имеющего для ребенка никакого значения, так как он — по крайней мере, мальчики — приписывает обоим полам одинаковые мужские гениталии. Если мальчик открывает влагалище у маленькой сестрички или подруги по играм, то он сначала пытается отрицать то, что воспринимает своими органами чувств, потому что он не может себе представить человеческое существо без столь ценной для него части. Позже он пугается открытой им возможности, и тогда начинают оказывать свое влияние прежние угрозы, благодаря слишком интенсивному занятию со своим маленьким органом. Он попадает во власть комплекса кастрации[3], образование которого принимает большое участие в развитии его характера, если он остается здоровым, и его невроза, если он заболевает, и в оказываемом им сопротивлении, если он подвергается лечению психоанализом. Относительно маленьких девочек мы знаем, что они считают себя тяжко обделенными, посколь-

---

[1] [См. работу «Об инфантильных сексуальных теориях» (1908*c*).]

[2] [Это и связанное с ним допущение в начале следующего абзаца Фрейд позже исправил в примечании к работе «Психические последствия анатомического различия между полами» (1925*j*). Так он объясняет, что, во всяком случае, у девочек, сначала возникает проблема анатомического различия полов, а лишь затем — вопрос о том, откуда берутся дети.]

[3] [Который уже упоминался, см. 13-ю лекцию. Первые подробные размышления Фрейда о комплексе кастрации содержатся в описании случая «Маленького Ганса» (1909*b*). Отношение к эдипову комплексу наиболее подробно изложено в двух более поздних работах, «Крушение эдипова комплекса» (1924*d*) и «Психические последствия анатомического различия между полами» (1925*j*).]

ку у них нет большого и заметного пениса, что они завидуют в этом отношении мальчикам, и главным образом по этим мотивам у них развивается желание быть мужчиной — желание, снова всплывающее затем в неврозе, когда он развивается вследствие неудачи, которую они потерпели в своей женской роли. Впрочем, клитор у девочки в детском возрасте играет вполне роль пениса, он является носителем особой возбудимости, местом получения аутоэротического удовлетворения. Превращение маленькой девочки в женщину во многом зависит от того, переносится ли своевременно и полностью эта чувствительность клитора на вход во влагалище. В случаях так называемой сексуальной анестезии клитор упорно сохраняет свою чувствительность.

Сексуальный интерес ребенка обращается вначале на проблему, откуда берутся дети, — ту же проблему, которая составляет суть вопроса фиванской Сфинкс и пробуждается в основном благодаря эгоистическим опасениям при рождении нового ребенка. Ответ, даваемый в детской, что детей приносит аист, вызывает недоверие даже у маленьких детей гораздо чаще, чем мы об этом думаем. Ощущение, что взрослые обманывают его, скрывая истину, во многом способствует одиночеству ребенка и развитию его самостоятельности. Но ребенок не в состоянии собственными средствами разрешить эту проблему. Его недоразвитая сексуальная конституция ставит предел способности ребенка к познанию. Сначала он полагает, что дети происходят от того, что в пище съедают что-то особенное, и к тому же он не знает, что только женщины могут иметь детей. Позже он узнает об этом ограничении и отказывается от мысли, что ребенок происходит от еды: эта мысль сохраняется только в сказке. Подрастающий ребенок скоро замечает, что отец, вероятно, играет некоторую роль при рождении ребенка, но не может угадать, какую именно. Если он случайно становится свидетелем полового акта, то видит в нем попытку совершить насилие, борьбу, садистское неправильное понимание коитуса. Но сначала он не приводит этот акт в связь с появлением ребенка. Когда он открывает следы крови на постели и на белье матери, то в этом также видит доказательства, что отец нанес матери ранение. В более поздние годы он подозревает, что половой орган мужчины принимает существенное участие в появлении ребенка, но не может приписать этой части тела никакой другой функции, кроме мочеиспускания.

С самого начала все дети единодушны в том, что рождение ребенка должно произойти через кишечник, что ребенок, следовательно, появляется на свет, как ком кала. Только после обесценивания всех анальных интересов эта теория оставляется и заменяется предположением, что открывается пупок или что местом рождения является область между грудями. Таким образом, продолжая свои исследования, ребенок приближается к знанию сексуальных фактов или проходит мимо них в своем неведении до тех пор, пока в годы, предшествующие наступлению половой зрелости, не получит, как правило, неполное и унизительное разъяснение, которое нередко оказывает на него травматическое воздействие.

Вы, вероятно, слышали, что в психоанализе понятие сексуального претерпело неподобающее расширение с целью сохранить положение о сексуальном происхождении неврозов и сексуальном значении симптомов. Теперь вы можете сами судить о том, насколько это расширение ошибочно. Мы лишь настолько расширили понятие сексуальности, чтобы оно могло также охватить сексуальную жизнь извращенных и детей. Это значит, что мы вернули ему его настоящий объем. То, что называют сексуальностью вне психоанализа, относится только к ограниченной, служащей целям продолжения рода, к так называемой нормальной сексуальной жизни.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

Развитие либидо и сексуальная организация

Уважаемые дамы и господа! Я нахожусь под впечатлением того, что мне не удалось вполне убедительно разъяснить вам значение извращений для нашего понимания сексуальности. Поэтому я хотел бы, насколько могу, исправить и дополнить изложенное.

Дело обстоит вовсе не так, как будто одни только извращения вынудили нас внести изменения в понятии «сексуальность», вызвавшие такие резкие возражения в наш адрес. Еще больше этому способствовало изучение инфантильной сек-

суальности, а совпадение ее с извращенной формой сексуальности сыграло для нас решающую роль. Но проявления инфантильной сексуальности, как они ни очевидны в более поздние годы детства, становятся все менее определенными и ясными по мере приближения к их истокам. Тот, кто не хочет обращать внимания на историю развития и аналитическую связь, будет оспаривать в этих начальных проявлениях характер сексуального и вместо этого признавать за ними какой-либо другой недифференцированный характер. Не забывайте, что пока у нас нет общепринятого признака сексуальной природы какого-нибудь процесса, если не считать принадлежности его к функции продолжения рода, но такое понимание мы считаем слишком узким. Биологические критерии, наподобие предложенных В. Флиссом (1906) периодов в 23 и 28 дней, еще очень спорны; химические особенности сексуальных процессов, существование которых мы можем только предполагать, должны быть еще открыты. А сексуальные извращения взрослых, напротив, представляют собой нечто осязаемое и вполне определенное. Как показывает уже их общепринятое наименование, они являются несомненно сексуальными процессами. Их можно назвать признаками дегенерации или как-нибудь иначе, но никто еще не находил в себе мужества отнести их к чему-либо другому, а не к феноменам сексуальной жизни. Они одни дают нам право утверждать, что сексуальность и продолжение рода не совпадают, потому что совершенно очевидно, что все они игнорируют цель продолжения рода.

В этом отношении я вижу небезынтересную параллель. В то время как большинство психологов отождествляет понятия «сознательный» и «психический», мы вынуждены расширить понятие «психический» и признать существование психического, не являющегося сознательным. То же самое, когда другие считают совершенно идентичным «сексуальным» и «относящийся к продолжению рода», — или, если хотите, «генитальный», — в то время как мы не можем не признать существование «сексуального», которое не «генитально» и не имеет ничего общего с продолжением рода. Это только формальное сходство, однако оно не лишено глубокого основания.

Но если существование сексуальных извращений является таким убедительным доказательством в этом вопросе, почему оно уже и прежде не оказало своего действия и не способствовало выяснению этого вопроса? Я, право, не мо-

ги этого объяснить. Причина, как мне кажется, кроется в том, что к сексуальным извращениям относятся особенным образом, и это отношение перенеслось также на теорию и мешает ее научной оценке. Словно никто не может забыть, что эти извращения представляют собой не только что-то отвратительное, но и чудовищное, опасное, как будто их считают чем-то соблазнительным и в глубине души вынуждены бороться со своей завистью к тем, кто ими наслаждается, подобно тому, как в известной пародии на Тангейзера карающий ландграф сознается:

> В гроте Венеры забыл он честь и долг!
> Удивительно, с нашим братом этого не случается[1].

В действительности извращенные представляют собой жалкие существа, которые очень дорого расплачиваются за свое труднодостижимое удовлетворение.

То обстоятельство, что акт извращенного удовлетворения в большинстве случаев все же кончается полным оргазмом и выделением половых продуктов, является несомненным признаком его сексуального характера, несмотря на всю странность акта и его целей. Но это, разумеется, является только следствием того, что данное лицо — взрослый человек. У ребенка оргазм и половые выделения невозможны, они заменяются намеками на подобные процессы, которые опять-таки не признаются несомненно сексуальными. Чтобы дополнить оценку сексуальных извращений, я должен добавить еще кое-что. Как они ни опорочены, как резко ни противопоставляются нормальной сексуальной деятельности, простое наблюдение показывает, что та или другая извращенность почти всегда имеется в сексуальной жизни нормального человека. Даже поцелуй может тоже быть назван извращенным актом, потому что он состоит из соединения двух эрогенных зон рта вместо двух гениталий, и никто не отказывается от него как от извращения. Например, на сцене он допускается как смягченный намек на половой акт. Но именно поцелуй может легко стать его полным выражением, а именно, когда он так интенсивен, что непосредственно сопровождается выделением из гениталий и оргазмом, что происходит вовсе не редко. Кроме того,

[1] [Из Иоганна Нестройя (1801–1862).]

можно еще наблюдать, что для одного непременным условием полового наслаждения является ощупывание и разглядывание объекта, а другой в момент наивысшего сексуального возбуждения щипает и кусается, что самое большое возбуждение у любящего вызывают не всегда гениталии, а какая-нибудь другая часть тела и тому подобное в бесконечном разнообразии.

Не имеет никакого смысла выделять лиц с такими чертами из ряда нормальных и причислять к извращенным, а, наоборот, все яснее начинаешь сознавать, что сущность извращений состоит не в отступлении от сексуальной цели, не в замене гениталий и даже не всегда в изменении объекта, а только в той исключительности, с которой совершаются эти отступления и из-за которых оказывается отодвинут в сторону половой акт, служащий продлению рода. Поскольку же извращенные действия вплетаются в совершение нормального полового акта как ощущения, подготовляющие или усиливающие остроту его, они, собственно, перестают быть извращениями. Разумеется, благодаря фактам такого рода пропасть между нормальной и извращенной сексуальностью сильно уменьшается. Само собой оказывается, что нормальная сексуальность произошла от чего-то, что уже существовало до нее, отбрасывая одни стороны этого материала как непригодные и объединяя другие с тем, чтобы подчинить их новой цели, цели продления рода.

Прежде чем мы воспользуемся нашим знакомством с извращениями, чтобы исходя из более точных и ясных предположений снова углубиться в изучение инфантильной сексуальности, я должен обратить ваше внимание на одно очень существенное различие между обоими. Извращенная сексуальность обыкновенно великолепно сконцентрирована, все действия ведут к одной, по большей части единственной цели, одно частичное влечение одерживает верх, и либо можно обнаружить только его проявления, либо оно подчинило своим целям все другие влечения. В этом отношении между извращенной и нормальной сексуальностью нет другого различия, кроме того, что господствующие парциальные влечения и соответствующие им сексуальные цели у них различны. И в том и в другом случае господствует, так сказать, хорошо организованная тирания, но только здесь захватила власть одна семья, а там — другая. Инфантильная сексуальность, напротив, в общем не так центри-

рована и организована; отдельные парциальные влечения ее пользуются одинаковыми правами, и каждое стремится к достижению удовольствия на свой страх и риск. Как отсутствие, так и наличие такого центрирования, разумеется, вполне согласуется с фактом, что и извращения, и нормальная сексуальность произошли от инфантильной. Впрочем, встречаются случаи извращенной сексуальности, имеющие гораздо большее сходство с инфантильной благодаря тому, что многочисленным парциальным влечениям независимо друг от друга удается достичь своих целей или, лучше сказать: им удается сохранить свои цели. В таких случаях правильней говорить об инфантилизме сексуальной жизни, чем об извращениях.

После такой подготовки мы можем приступить к обсуждению предложения, которого нам не избежать. Нам скажут: «Почему вы упрямо настаиваете на том, чтобы называть сексуальностью уже те неопределенные, по вашему же собственному свидетельству, детские проявления, из которых только впоследствии развивается сексуальность? Почему вы не хотите удовлетвориться физиологическим описанием и просто сказать, что уже у младенца наблюдаются поступки, такие, как сосание или задержка экскрементов, обнаруживающие, что он ищет *удовольствия от функционирования органов!* Тогда вы избежали бы оскорбляющего всякое чувство предположения о сексуальной жизни маленького ребенка». Да, уважаемые господа, мне нечего возразить против удовольствия от функционирования органов; я знаю, что самое большое наслаждение сексуального соединения представляет собой удовольствие, связанное с функционированием гениталий. Но можете ли вы мне сказать, когда это первоначально индивидуальное удовольствие от функционирования органов приобретает сексуальный характер, который оно, несомненно, имеет в более поздние фазы развития? Разве мы больше знаем об удовольствии от функционирования органов, чем о сексуальности? Вы мне ответите, что сексуальный характер присоединяется тогда, когда гениталии начинают играть свою роль; понятие «сексуальный» совпадает с понятием «генитальный». Вы отклоните даже возражение, касающееся извращений, указав мне на то, что в большинстве случаев извращений все сводится к тому, чтобы испытать генитальный оргазм, хотя бы и не путем соединения гениталий, а как-нибудь иначе. Вы займете еще более выгодную позицию, если исключите из ха-

рактеристики сексуального отношение к продолжению рода, ставшее вследствие извращений несостоятельным, и выдвинете на первый план деятельность половых органов. Но в таком случае мы окажемся недалеки друг от друга: половые органы только противопоставляются другим органам. Но что вы возразите против многочисленных фактов, которые доказывают, что для получения удовольствия можно заменить гениталии другими органами, как, например, при нормальном поцелуе, в практике извращений, при истерической симптоматике? При последнем неврозе самым обычным явлением оказывается смещение раздражений, ощущений и иннервации, даже процесса эрекции, нормально происходящих в гениталиях, на другие отдаленные области тела (например, вверх на голову и лицо). Дойдя, таким образом, до того, что у вас не останется ни одного признака для характеристики сексуального, вы должны будете решиться последовать моему примеру и распространить обозначение «сексуальное» также и на действия маленьких детей, стремящихся к получению удовольствия от функционирования органов.

Примите далее во внимание еще два соображения в мою пользу. Как вы знаете, мы называем сексуальными сомнительные и не поддающиеся определению действия маленьких детей, имеющие целью получить удовольствие, потому что мы приходим к ним путем анализа, исходя из симптомов, через неоспоримо сексуальный материал. Согласен, что отсюда не следует, что эти действия детей должны быть обязательно сексуальными. Но возьмите аналогичный случай. Представьте себе, что у нас нет возможности наблюдать развитие двух двудольных растений, яблони и гороха, из их семени, но и в том и в другом случае мы имеем возможность проследить в обратном направлении их развитие от вполне развитого индивида растения до первого зародыша с двумя зародышевыми листами. Оба зародышевых листка выглядят совершенно неразличимо, в обоих случаях они совершенно одинаковы. Следует ли мне предполагать, поэтому, что они действительно одинаковы, и что специфическое различие между яблоней и горохом сказывается позже уже в развитых растениях? Не будет ли правильней с биологической точки зрения полагать, что это различие имеется уже в зародыше, хотя я и не могу обнаружить его в зародышевых листьях? Но ведь то же самое делаем мы, когда называем сексуальным удовольствие, получаемое младенцем от тех

его действий, о которых говорилось выше. Вопрос о том, может ли всякое удовольствие от функционирования органов быть названо сексуальным, или наряду с сексуальным имеется удовольствие еще и другого характера, не заслуживающее этого названия, я здесь обсуждать не могу. Я слишком мало знаю об удовольствии от функционирования органов и об условиях его возникновения, и при регрессивном характере анализа вообще не приходится удивляться, если в конце концов наткнешься на моменты, не поддающиеся определению в настоящее время.

Но это не все! Вы очень мало выиграли бы, утверждая сексуальную чистоту ребенка, даже если бы вы убедили меня, что лучше рассматривать все эти действия ребенка как несексуальные. Потому что начиная с третьего года жизни сексуальная жизнь ребенка не подлежит сомнению; к тому времени гениталии уже начинают проявлять некоторую активность, появляется, может быть, закономерно период детской мастурбации, то есть генитального удовлетворения. Душевные и социальные проявления сексуальной жизни могут быть тоже налицо: выбор объекта, нежное предпочтение, оказываемое некоторым лицам, даже преимущественный выбор лиц одного какого-нибудь пола, ревность были установлены беспристрастным наблюдением независимо от психоанализа и до его появления и могут быть подтверждены всяким наблюдателем, желающим это видеть. Вы возразите, что сомневались не в раннем пробуждении нежности, а только в том, что нежность носит «сексуальный» характер. Хотя дети в возрасте от трех до восьми лет уже научились скрывать половой характер своей нежности, но если вы будете внимательны, то сможете все-таки получить достаточно доказательств «чувственных» целей этой нежности, а то, чего вам еще не хватает, дадут в большем количестве аналитические исследования. Сексуальные цели этого периода жизни находятся в самой тесной связи с одновременными исследованиями сексуальности, примеры которых я вам приводил. Извращенный характер некоторых из этих целей зависит, разумеется, от конституциональной незрелости ребенка, не открывшего еще цели акта совокупления.

Приблизительно с шестого до восьмого года жизни наблюдается затишье и регресс в сексуальном развитии, заслуживающий в наиболее благоприятных в культурном отношении случаях названия латентного периода. Такого

латентного периода может и не быть, с ним не должен непременно быть связан перерыв сексуальной деятельности и сексуального интереса по всей линии. Большая часть переживаний и душевных движений за время до наступления латентного периода подвергается иногда инфантильной амнезии, упомянутому уже забвению, окутывающему наши первые годы, и делает их чуждыми нам. В каждом психоанализе выплывает задача воскресить воспоминания об этом забытом периоде жизни; поневоле напрашивается предположение, что заключающиеся в этих воспоминаниях зачатки сексуальной жизни составляют мотив этого забывания, то есть что это забвение является результатом вытеснения.

С трехлетнего возраста сексуальная жизнь ребенка обнаруживает большое сходство с жизнью взрослого человека: она отличается от последней, как уже известно, отсутствием твердой организации с приматом гениталий, неизбежными чертами извращения и, разумеется, гораздо меньшей интенсивностью всего влечения. Но самая интересная в теоретическом отношении фаза сексуального или, как мы лучше скажем, либидинозного развития лежит позади этого момента времени. Это развитие протекает так быстро, что прямому наблюдению, вероятно, никогда не удалось бы ухватить его мимолетные картины. Только при помощи психоаналитического исследования неврозов удалось угадать еще более ранние фазы развития либидо. Это, несомненно, только конструкции, но если вы будете практиковать психоанализ, то найдете, что эти конструкции необходимы и полезны. Скоро вы поймете, почему патология раскрывает нам тут такие отношения, которых мы не можем заметить у нормального объекта.

Итак, мы можем теперь показать, как складывается сексуальная жизнь ребенка, прежде чем устанавливается примат гениталий, который подготовляется в течение первой инфантильной эпохи до наступления латентного периода и окончательно организуется перед наступлением половой зрелости. В этот ранний период существует особого рода неустойчивая организация, которую мы можем назвать догенитальной. В этой фазе на первом плане стоят не генитальные частичные влечения, а *садистские* и *анальные*. Противоположность женского и мужского еще не играет в это время никакой роли; ее место занимает противоположность между *активным* и *пассивным*, которую можно назвать предшественницей сексуальной полярности, с ко-

торой она впоследствии и сливается. То, что из проявлений этой фазы кажется нам мужским, когда мы рассматриваем их с точки зрения генитальной фазы, оказывается выражением влечения к овладению, легко переходящего в жестокость. Стремления, имеющие пассивную цель, связываются с очень значительными к тому времени эрогенными зонами, сосредоточенными у выхода кишечного канала. Сильно проявляется влечение к разглядыванию и знанию; гениталии принимают участие в сексуальной жизни, в сущности, только в роли органа выделения мочи. У частичных влечений нет недостатка в объектах, но все эти объекты не соединяются непременно в одном объекте. Анально-садистская организация является ближайшей ступенью к фазе примата генитальности. Более подробное изучение показывает, сколько из этой фазы сохраняется в более поздней окончательной форме проявления сексуальности и какими путями ее частичные влечения вынужденно вливаются в новую генитальную фазу организации либидо[1]. За анально-садистской фазой развития либидо нам открывается более ранняя и более примитивная ступень цивилизации, на которой главную роль играет эрогенная зона рта. Вы уже догадываетесь, что сексуальное проявление в форме сосания принадлежит этой фазе, и остается только удивляться пониманию древних египтян, в искусстве которых ребенок, также и божественный Хорус, изображается с пальцем во рту. Абрахам (1916) недавно сделал несколько сообщений о том, какие следы в сексуальной жизни последующих лет оставляет эта примитивная оральная фаза.

Уважаемые дамы и господа! Могу допустить, что последние сообщения о сексуальной организации вас скорее обременили, нежели просветили. Может быть, я опять слишком углубился в подробности. Но имейте терпение: то, что вы только что слышали, станет для вас более ценным при последующем пользовании. Придерживайтесь пока точки зрения, что сексуальная жизнь — как мы говорим, функция либидо — появляется не как нечто готовое и не растет, сохраняя один и тот же вид, а проходит ряд следующих одна за другой фаз, не похожих друг на друга; следовательно, мы имеем тут процесс неоднократно повторяющегося разви-

[1] [Позднее Фрейд поместил «фаллическую» фазу между анально-садистской и генитальной ступенями организации, см. «Инфантильная генитальная организация», 1923*e*.]

тия, как из гусеницы в бабочку. Поворотным пунктом развития является подчинение всех сексуальных частичных влечений примату гениталий и вместе с этим подчинение сексуальности функции продолжения рода. До того существует, так сказать, рассредоточенная сексуальная жизнь, самостоятельное проявление отдельных частичных влечений, стремящихся к наслаждению от функционирования органов. Эта анархия смягчается благодаря появлению «догенитальных» организаций, сперва анально-садистской фазы, до нее – оральной, может быть, самой примитивной. К делу присоединяются разнообразные, еще не вполне известные, процессы, при помощи которых одна организационная ступень переходит в другую, более позднюю и более высокую. В одной из следующих лекций мы узнаем, какое значение для понимания неврозов имеет тот факт, что либидо проходит такой длительный и многоступенчатый путь.

Сегодня мы проследим еще одну сторону этого развития, а именно отношение частичных сексуальных влечений к объекту. Вернее, мы сделаем беглый обзор этого развития с тем, чтобы подольше остановиться на довольно позднем его результате. Итак, некоторые компоненты сексуального влечения с самого начала находят объект и сохраняют его, как, например, влечение к овладению (садизм), влечение к разглядыванию и познанию. Другие, более явно связанные с определенными эрогенными зонами тела, имеют объект только в начале, пока они еще присоединяются к несексуальным функциям человеческого организма и отказываются от него, когда освобождаются от этих функций. Таким является первый объект орального компонента сексуального влечения, материнская грудь, удовлетворяющая потребность ребенка в пище. В акте сосания эротический компонент, до того попутно удовлетворяемый при кормлении грудью, становится самостоятельным, отказывается при этом от постороннего объекта, заменяя его каким-нибудь участком собственного тела. Оральное влечение становится *аутоэротическим*, подобно анальному и другим эрогенным влечениям, бывшим таковыми с самого начала. Дальнейшее развитие имеет, коротко говоря, две цели: во-первых, освободиться от аутоэротизма, снова заменить собственное тело как объект посторонним объектом, и, во-вторых, объединить различные объекты отдельных влечений, заменив их одним объектом. Разумеется, это удается, толь-

ко если этот единственный объект опять-таки представляет собой целое, похожее на собственное тело. Такой процесс не может произойти без того, чтобы некоторые аутоэротические влечения не были бы оставлены как непригодные.

Процессы нахождения объекта весьма запутанны и до сих пор не были описаны с определенной ясностью и последовательностью. Для наших целей нам следует подчеркнуть, что если процесс в известной степени завершился в течение детских лет до наступления латентного периода, найденный объект оказывается почти тем же, что и первый объект, благодаря присоединению объекта орального стремления к удовольствию[1]. Если это не материнская грудь, то все-таки мать. Мы называем мать первым объектом *любви*. Мы говорим о любви, когда выдвигаем на первый план психическую сторону сексуальных влечений и отодвигаем назад или хотим на минуту забыть лежащие в основании их телесные или «чувственные» импульсы влечений. К тому времени, когда мать становится объектом любви, у ребенка уже началась психическая работа вытеснения, которая лишает его знания о некоторой части его сексуальных целей. К этому выбору матери объектом любви присоединяются все то, что под именем «эдипова комплекса» приобрело такое большое значение в психоаналитическом объяснении неврозов и, может быть, сыграло немаловажную роль в сопротивлении психоанализу.

Вот вам небольшом инцидент, случившийся во время этой войны: врач, один из смелых молодых последователей психоанализа, находится где-то на немецком фронте в Польше и обращает на себя внимание коллег тем, что ему однажды удается оказать неожиданное воздействие на больного. В ответ на расспросы он сознается, что работает методом психоанализа, и должен согласиться поделиться своими знаниями с товарищами. И вот, все врачи корпуса, товарищи и начальники собираются каждый вечер, чтобы послушать тайные учения анализа. Некоторое время все обстоит благополучно, но после того как он рассказал слушателям об эдиповом комплексе, встает один из начальников и заявляет, что этому он не верит, что со стороны лектора гнусно рассказывать такого рода вещи им, храбрым мужчинам и отцам семейства, сражающимся за свое отечество,

[1] [Это будет более детально обсуждаться в 26-й лекции.]

и что он запрещает продолжение лекции. Этим дело окончилось. Аналитик просил о переводе его в другую фронтовую часть. По моему мнению, дело обстоит плохо, если немецкая победа нуждается в такой «организации» науки, и немецкая наука нелегко перенесет такую организацию.

Конечно, вы с нетерпением хотите узнать, каково содержание этого страшного эдипова комплекса. Само имя вам говорит об этом. Вы все знаете греческое сказание о царе Эдипе, которому судьбою было предопределено убить своего отца и взять в жены мать, который делает все, чтобы избежать исполнения предсказаний оракула, и когда узнает, что он все-таки по незнанию совершил эти два преступления, в наказание выкалывает себе глаза. Надеюсь, многие из вас сами пережили потрясающее действие трагедии, в которой Софокл переработал этот сюжет. Произведение аттического поэта изображает, как благодаря искусно затягивающемуся и опять возбуждаемому под влиянием все новых улик следствию постепенно раскрывается давно совершенное Эдипом преступление; в этом отношении оно имеет известное сходство с ходом психоанализа. В течение диалога происходит так, что ослепленная мать-супруга Иокаста сопротивляется продолжению расследования. Она ссылается на то, что многим людям случается видеть во сне, будто они имеют сношение со своей матерью, но что на сны не стоит обращать внимания. Мы обращаем на сны серьезное внимание, особенно на типичные, такие, которые снятся многим людям, и не сомневаемся, что упоминаемое Иокастой сновидение тесно связано со странным и со страшным содержанием сказания.

Приходится удивляться, что трагедия Софокла не вызывает у слушателя справедливой реакции возмущения и протеста, сходной и гораздо более оправданной, чем реакция на рассказ нашего простоватого военного врача. Потому что в сущности эта трагедия — безнравственная пьеса, она снимает с человека моральную ответственность, показывает божественные силы как зачинщика преступления и бессилие нравственных побуждений человека, сопротивляющихся преступлению. Можно была бы подумать, что сказание представляет собой обвинение против богов и судьбы, и в руках критического и неверующего в богов Еврипида трагедия, вероятно, и свелась бы к таким обвинениям. Но у верующего Софокла не может быть и речи о таком использовании сказания; все трудности разрешает богобоязненная изворотли-

вость, утверждающая, что высшей нравственностью является подчинение воле богов, даже тогда, когда они совершают преступление. Я не могу согласиться с тем, что эта мораль составляет одно из достоинств пьесы, но она безразлична для впечатления, производимого трагедией. Слушатель реагирует не на эту мораль, а на тайный смысл и содержание сказания. Он реагирует так, как будто открыл путем самоанализа в себе комплекс Эдипа и разоблачил волю богов и предсказание оракула как собственное бессознательное, замаскированное под возвышенное. Он как будто вспоминает желание устранить отца и вместо него сделать женой свою мать и глубоко этим возмущается. И слова поэта понимает так, как будто тот хотел сказать: «Напрасно ты противишься своей ответственности и уверяешь, что боролся с этими преступными намерениями. Ты все-таки виноват потому, что не смог их уничтожить; они продолжают существовать в тебе бессознательно». И в этом заключается психологическая правда. Даже если человек вытеснил свои преступные побуждения в бессознательное и хотел бы убедить себя, что он за них не отвечает, он все-таки вынужден чувствовать эту ответственность как чувство вины от не известной ему причины[1].

Не подлежит никакому сомнению, что в эдиповом комплексе приходится видеть самый главный источник чувства вины, которое так часто мучает невротиков. Но больше того: в этюде о зачатках человеческой религии и нравственности, опубликованном мною в 1913 году под названием «Тотем и табу», у меня возникло предположение о том, что у всего человечества в целом сознание своей вины — первоисточник религии и нравственности — возникло в начале исторической жизни человечества из эдипова комплекса. Я хотел бы подробней остановиться на этой теме, но лучше откажусь от этого. Трудно оставить эту тему, если уж начал о ней говорить, но мы должны вернуться к индивидуальной психологии.

Что можно узнать о комплексе Эдипа при непосредственном наблюдении над ребенком в период его выбора объекта, до наступления латентного периода? Нетрудно заметить, что маленький мужчина хочет всецело владеть матерью только для самого себя, чувствует присутствие отца как помеху, злится, когда отец позволяет себе нежности

[1] [Ср. с абзацем в конце 13-й лекции.]

по отношению к матери, выражает свое удовольствие, когда отец уезжает или находится в отсутствии. Часто он выражает словами свои чувства, обещает матери, что женится на ней. Скажут, что это все ничто в сравнении с деяниями Эдипа, но на самом деле этого вполне достаточно, это то же самое, только в зародыше. Наблюдение часто затемняется благодаря тому, что при других обстоятельствах тот же ребенок проявляет большую нежность к отцу, но только противоположные — или лучше сказать: *амбивалентные*[1] — чувства, которые привели бы взрослого к конфликту, у маленького ребенка долгое время прекрасно уживаются, подобно тому, как затем в бессознательном они всегда умещаются рядом. Станут возражать также, что поведение маленького ребенка исходит из эгоистических мотивов и не дает права предполагать существования эротического комплекса. Мать заботится о всех потребностях ребенка, и потому в его интересах, чтобы она уже больше ни о ком не думала. И это верно, но скоро становится ясно, что в этом положении, как и в подобных ему, эгоистический интерес[2] представляет только повод, которым пользуются эротические побуждения. Однако эротическая природа привязанности к матери не возбуждает никакого сомнения, когда ребенок проявляет самое откровенное сексуальное любопытство по адресу матери, требует чтобы ночью его пустили вместе с нею спать, стремится к тому, чтобы присутствовать при ее туалете или даже делает попытки соблазнить ее, как это часто может заметить и со смехом рассказать мать. Нельзя также забывать, что мать проявляет такую же заботливость и по отношению к дочери, не достигая при этом такого же результата[3], и что нередко отец соперничает с ней в заботах о мальчике, но ему, однако, не удается стать столь же значимым, как мать. Короче говоря, никакой критикой невозможно исключить из ситуации момента полового предпочтения. С точки зрения эгоистических интересов со стороны маленького мужчины было бы неразумно захотеть иметь к своим услугам только одного человека, когда можешь иметь двух.

---

[1] [См. далее, 26-ю лекцию.]

[2] [Этот термин часто встречается в 26-й лекции; там же приводится замечание редактора по этому поводу.]

[3] [См. след. прим.]

Как вы замечаете, я обрисовал вам только отношение мальчика к отцу и к матери. У маленькой девочки эти отношения с некоторыми необходимыми изменениями принимают совершенно такую же форму[1]. Нежная привязанность к отцу, потребность устранить как лишнюю мать и занять ее место, кокетство, пользующееся средствами более позднего периода женственности, образуют у маленькой девочки такую прелестную картину, которая заставляет забыть о серьезности и о возможных тяжелых последствиях, таящихся в этой детской ситуации. Нельзя забывать еще и того, что родители нередко сами оказывают решающее влияние на пробуждение эдиповой направленности благодаря тому, что сами подпадают под влияние полового притяжения и там, где имеется много детей, отец самым явным образом оказывает нежное предпочтение дочери, а мать — сыну. Но и этот момент не может серьезно поколебать самостоятельную природу детского эдипова комплекса. Когда появляются еще дети, эдипов комплекс разрастается в семейный комплекс. Опять-таки по мотивам, опирающимся на эгоистические стремления, он с неприязнью встречает появление этих братьев и сестер и в своих желаниях, не задумываясь, устраняет их. Обыкновенно дети заявляют об этих чувствах ненависти куда чаще, чем о чувствах, исходящих из родительского комплекса. Если такого рода желание исполняется и смерть уносит нежелательного нового члена семьи, то из анализа в более поздние годы жизни можно узнать, каким важным переживанием были для ребенка этот случай смерти, хотя он мог и не сохраниться в памяти этого ребенка. Ребенок, отодвинутый рождением другого ребенка на второй план, в первое время почти совсем изолированный от матери, с трудом может забыть эту обиду; у него рождаются чувства, которые у взрослого можно было бы назвать глубоким ожесточением и которые часто становятся причиной длительного отчуждения. Мы уже упоминали далее, что сексуальные исследования со всеми их последствиями обыкновенно присоединяются к этому новому жизненному опыту ребенка. С подрастанием этих братьев и сестер отношение к ним испытывает самые зна-

[1] [Лишь много лет спустя Фрейд отдал должное асимметрии эдиповых отношений у различных полов. Его более поздние взгляды представлены в 33-й лекции «Нового цикла».]

чительные изменения. Мальчик вместо неверной матери может избрать объектом своей любви сестру; между несколькими братьями, ухаживающими за младшей сестренкой, уже в детской создается положение враждебного соперничества, имеющее такое большое значение для последующей жизни. Маленькая девочка находит в старшем брате замену отцу, не заботящемуся о ней позже с такой нежностью, как в первые годы жизни, или же младшая сестра заменяет ей ребенка, которого она тщетно хотела иметь от отца.

Такие и другие подобного же рода отношения открывает, помимо всякого влияния психоанализа, непосредственное наблюдение за детьми и оценка их хорошо сохранившихся воспоминаний о детских годах. Отсюда, между прочим, вы сделаете заключение, что возрастное положение ребенка среди братьев и сестер является, безусловно, важным моментом для его дальнейшей жизни, которое всегда должно приниматься во внимание в каждой биографии. Но, что гораздо важней, благодаря этому легко постижимому объяснению, вы не сможете без улыбки вспомнить всего того, что говорит наука для объяснения инцестуозного запрета. Чего только тут не придумывали! Что половая склонность благодаря совместному сожительству с детства отклоняется от членов другого пола той же семьи или что во избежание вырождения биологическая тенденция находит своего психического представителя во врожденном отвращении к инцесту! Причем совершенно забывают о том, что не было бы, конечно, необходимости в таком неумолимом запрете законом, правами и обычаями, если бы против кровосмесительных искушений существовали какие-либо надежные естественные ограничения. Истина как раз в противоположном. Первый выбор объекта у людей всегда инцестуозен, у мужчины направлен на мать и сестру, и требуется самый строгий запрет, чтобы устранить из действительности эту детскую склонность, продолжающую оказывать влияние в жизни. У живущих еще теперь примитивных, диких народов инцестуозные запреты еще гораздо более строги, чем у нас, и недавно Т. Райк доказал в блестящей работе, что у дикарей смысл обычаев, связанных с наступлением возмужалости, изображающих вторичное рождение, состоит в освобождении мальчиков от инцестуозной привязанности к матери и в примирении их с отцом.

Мифология показывает вам, что, по-видимому, страшный для человека инцест без всяких опасений допускается для богов, а из древней истории вы можете узнать, что инцестуозный брак с сестрой был священным законом для властелина (у древних фараонов, у инков в Перу). Речь идет, следовательно, только о преимуществе, которое запрещено для простого народа.

Кровосмесительство с матерью — одно преступление Эдипа, отцеубийство — другое. Кстати сказать, это также те два больших преступления, которые запрещаются первыми социально-религиозными постановлениями людей, тотемизмом[1]. Перейдем теперь от непосредственного наблюдения над ребенком к аналитическому исследованию взрослых, заболевших неврозом. Что даст анализ для дальнейшего изучения эдипова комплекса? Это можно сказать в двух словах. Он открывает его точно таким, каким рисует его сказание, он показывает, что каждый невротик сам был Эдипом или, что то же самое, в виде реакции на этот комплекс, стал Гамлетом[2]. Разумеется, аналитическое изображение эдипова комплекса представляет собой увеличение и огрубление того, что в детстве было только слабым наброском. Ненависть к отцу, желание ему смерти — уже не робкие намеки; в нежности к матери открывается цель обладать ею как женщиной. Можем ли мы допустить такие резкие и крайние движения чувства в нежные детские годы, или анализ благодаря вмешательству какого-то нового момента вводит нас в заблуждение? Нетрудно найти этот момент. Всякий раз, когда кто-нибудь, будь то даже историк, рассказывает о прошлом, нужно принимать во внимание, что помимо воли он привносит в прошлое кое-что из настоящего или из промежуточных периодов и таким образом искажает картину этого прошлого. В том случае, когда дело касается невротика, возникает даже вопрос, действительно ли такое помещение настоящего в прошлое лишено всякого намерения. Позднее мы познакомимся с его мотивами и должны будем считаться с фактом «фантазирования назад»[3] в эпоху самого далекого прошлого. Мы легко откры-

---

[1] [Ср. работу «Тотем и табу» (1912–1913).]

[2] [Первые опубликованные комментарии Фрейда к «Гамлету» и «Царю Эдипу», а также понятие эдипова комплекса содержатся в «Толковании сновидений» (1900*a*), в разделе Г (b) главы V.]

[3] [См. последнюю часть 23-й лекции.]

ваем, что ненависть к отцу усиливается рядом мотивов, проистекающих из более поздних периодов жизни и отношений, что сексуальные желания по отношению к матери выливаются в такие формы, которые должны были быть чуждыми ребенку. Но напрасно было бы стараться объяснить весь эдипов комплекс «фантазированием назад» и относить к более поздним годам. Инфантильное ядро, так же, как и большая или меньшая часть надстройки над ним, сохраняются, как это подтверждает непосредственное наблюдение за ребенком.

Клинический факт, проступающий вслед за установленной анализом формой эдипова комплекса, имеет огромнейшее практическое значение. Мы узнаем, что с наступлением половой зрелости, когда впервые проявляется в полной силе сексуальное влечение, снова всплывают старые семейные и инцестуозные объекты и становятся снова либидинозными[1]. Инфантильный выбор объекта был только слабой прелюдией, хотя и указывающей направление выбора объекта в эпоху полового созревания. Здесь разыгрываются очень интенсивные чувственные процессы в направлении эдипова комплекса или как реакция на него, которые, однако, в большей части своей протекают вне сознания, так как их исходные положения стали невыносимыми для сознания. Начиная с этого времени индивид должен посвятить себя великой задаче отхода от родителей, только по разрешении которой он перестает быть ребенком и становится членом общества. Для сына задача состоит в том, чтобы отделить либидинозные желания от матери с тем, чтобы использовать их для выбора реального постороннего объекта любви, и примириться с отцом, если он до того враждовал с ним, или чтобы освободиться от давления отцовского авторитета, если он в виде реакции на детский протест находится в слишком большом подчинении отцу. Такие задачи стоят перед всяким; замечательно, как редко удается разрешить их идеальным образом, то есть корректно как в психологическом, так и в социальном отношении. Невротикам же вовсе не удается этот отход от родителей: сын всю жизнь склоняется перед авторитетом отца и не в состоянии перенести свое либидо на посторонний сексуальный объект. При

---

[1] [То есть катектированными; понятие катексиса, то есть заряженности психической энергией — одно из основных положений теории Фрейда.]

соответствующем изменении отношений такою же может быть участь дочери. В этом смысле эдипов комплекс по праву считается ядром неврозов.

Вы догадываетесь, как бегло касаюсь я большого числа практически и теоретически важных отношений, имеющих связь с эдиповым комплексом. Я не останавливаюсь также на его вариациях и на возможных превращениях в противоположность[1]. О его более отдаленных связях я хочу только еще заметить, что он оказал огромное влияние на поэтическое творчество. Отто Ранк (1912*b*) доказал в своей заслуживающей признания книге, что драматические писатели всех времен черпали свои сюжеты из эдипова и инцестуозного комплексов, из их вариаций и маскировок. Должно также быть упомянуто, что оба преступных желания эдипова комплекса были признаны настоящими представителями безудержных влечений еще задолго до психоанализа. В сочинениях энциклопедиста Дидро вы найдете знаменитый диалог *«Племянник Рамо»*, который переведен на немецкий язык самим Гёте. Там вы можете прочесть следующую замечательную фразу: *«Si le petit sauvage était abandonnẹ ŕ lui-mẹme, qu'il conservât toute son imbécillité et qu'il réunît au peu de raison de l'enfant au berceau la violence des passions de l'homme de trente ans, il tordrait le col ŕ son pčre et coucherait avec sa mčre»*. («Если бы маленький дикарь был предоставлен самому себе так, чтобы он сохранил всю свою глупость и присоединил к ничтожному разуму ребенка в колыбели неистовство страстей тридцатилетнего мужчины, он свернул бы шею отцу и улегся бы с матерью».)

Но кое-чего я не могу не затронуть. Мать-супруга Эдипа недаром напомнила нам о сновидении. Помните ли вы еще результаты наших анализов сновидений, а именно что образующие сновидение желания так часто бывают по своей природе извращенными, инцестуозными или выдают неожиданную враждебность по отношению к близким и любимым родным? Тогда мы оставили без объяснений вопрос о том, откуда берутся эти злобные душевные движения. Теперь уже вы сами можете догадаться об этом. Это ранние детские размещения либидо, объектные катексисы, давно оставленные в сознательной жизни, оказавшиеся еще суще-

---

[1] [Этот последний пункт Фрейд подробнейшим образом анализирует в главе III работы «Я и Оно» (1923*b*).]

ствующими во сне и в известном смысле дееспособными. А поскольку такие сновидения — извращенные, инцестуозные, проникнутые чувством смертельной ненависти — бывают у всех людей, а не только у невротиков, то мы должны сделать заключение, что и нормальные люди проделали путь развития через извращения и объектные вложения эдипова комплекса, что это путь нормального развития, что невротики показывают нам только в увеличенном и огрубленном виде то, что анализ сновидений открывает и у здорового. А это одна из причин, почему изучением сновидений мы занялись раньше, чем исследованием невротических симптомов.

ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Взгляды на развитие и регрессию. Этиология

Уважаемые дамы и господа! Мы слышали, что либидо как функция проделывает длительное развитие, прежде чем начать нормально служить делу продолжения рода. Я хотел бы рассказать вам, какое значение имеет этот факт для образования неврозов.

Я думаю, что в полном согласии с учениями общей патологии мы можем полагать, что такое развитие заключает в себе двоякую опасность, во-первых, *задержки* и, во-вторых, *регрессии*. Это значит, что при общей склонности биологических процессов к вариативности должно будет случиться так, что не все подготовительные фазы протекают одинаково хорошо и преодолеваются полностью: отдельные части функции надолго задерживаются на этих прежних ступенях, и ко всей картине развития примешивается известная степень задержки ее.

Поищем в других областях аналогии этих процессов. Если целый народ оставляет места своего поселения и ищет новые, как это часто бывало в прежние периоды истории человечества, то несомненно, что никогда народ этот не приходит на новое место своего поселения в полном своем составе. Не считая других потерь, всегда непременно бывало так, что небольшие толпы или группы кочевников оста-

навливались по дороге и поселялись на этих остановках, в то время как главная масса отправлялась дальше. Или же, беря более близкие примеры, вам известно, что у млекопитающих самцов мужские зародышевые железы, находящиеся сперва глубоко внутри полости живота к определенному времени внутриутробной жизни начинают спускаться и попадают почти непосредственно под кожу тазового конца. Следствием такого блуждания является то, что у многих индивидов мужского пола один из этих парных органов остается в тазовой полости или что он постоянно находится в паховом канале, который оба органа должны пройти на своем пути или, по крайней мере, что канал этот остается открытым, хотя при нормальном развитии он зарастает после того, как зародышевые железы окончательно меняют свое положение. Когда я молодым студентом проделывал свою первую научную работу под руководством фон Брюкке, я занимался изучением происхождения задних нервных корешков в спинном мозгу маленькой, очень архаической по своему строению рыбы. Я нашел, что нервные волокна этих корешков выходят из больших клеток в заднем роге серого вещества, чего нет уже у других животных, обладающих спинным мозгом. Но вскоре после этого я открыл, что такие нервные клетки находятся вне серого вещества на всем протяжении до так называемых спинальных ганглиев заднего корешка, из чего я заключил, что клетки этих скоплений ганглиев перешли из спинного мозга в корешковую часть нервов. Это подтверждает и история развития; но у этой маленькой рыбы весь путь изменений отмечен оставшимися клетками[1]. При более глубоком рассмотрении вам нетрудно будет открыть слабые пункты этого сравнения. Мы скажем поэтому прямо, что для каждого сексуального стремления в отдельности считаем возможным такой ход развития, при котором некоторые части его остаются на прежней ступени развития, в то время как другим удается достичь конечной его цели. При этом вы видите, что мы представляем себе каждое такое побуждение как поток, который тянется с самого начала жизни и который мы в известном смысле искусственно разлагаем на отдельные по-

[1] [Фрейд здесь вкратце излагает свои ранние работы. Он опубликовал список с краткими резюме своих научных работ с 1877-го по 1897 год, в котором учтены как эти, так и все остальные важные неврологические работы.]

следовательные сдвиги. Ваше впечатление, что это представление нуждается еще в дальнейшем выяснении, вполне правильно, но попытка в этом направлении завела бы нас слишком далеко. Позвольте нам еще установить, что такую остановку частичного влечения на более ранней ступени развития следует называть *фиксацией* (влечения).

Вторая опасность такого постепенного развития заключается в том, что даже те части, которые развились дальше, легко могут вернуться обратным путем на одну из этих прежних ступеней, что мы называем *регрессией*. Влечение окажется вынужденным к такой регрессии, когда выполнение его функции, то есть достижение удовлетворения, в более поздней или более совершенной форме натыкается на сильное сопротивление. Напрашивается предположение, что существует известная зависимость между фиксацией и регрессией. Чем сильнее фиксация где-либо на пути развития, тем скорее функция будет отступать перед внешними трудностями посредством регрессии до ступени этой фиксации, тем меньше сопротивляемости окажется, следовательно, у развившейся функции по отношению к внешним препятствиям, мешающим правильному ее выполнению. Представьте себе, что, если народ, кочуя, оставил сильные отряды на стоянках своего кочевого пути, то тем, кто ушел вперед, легче будет отступать назад до этих остановок, в случае если они потерпят поражение или наткнутся на очень сильного врага. Но вместе с тем они тем легче подвергнутся опасности потерпеть поражение, чем большее число своих они оставили на своем кочевом пути.

Для вашего понимания невроза важно, чтобы вы не теряли из виду это отношение между фиксацией и регрессией. Тогда вы приобретаете твердую почву в вопросе о причинах неврозов, в вопросе об этиологии неврозов, к рассмотрению которого мы скоро приступим.

Сначала мы остановимся еще на регрессии. Судя по тому, что вам известно о развитии функции либидо, вы можете ожидать два рода регрессии: возврата к первым объектам, в которые было вложено либидо, как известно, инцестуозным по природе, и возврата общей сексуальной организации к прежним ступеням развития. Оба вида встречаются при неврозах переноса и играют большую роль в их механизме. Особенно же возврат к первым инцестуозным объектам либидо представляет собой черту, повторяющуюся у невротиков с прямо утомительной регулярностью. Гораз-

до больше можно сказать о регрессиях либидо, если рассматривать также и другую группу неврозов, так называемых нарциссических, чего мы не намерены делать в настоящее время[1]. Эти расстройства вскрывают перед нами еще другие, до сих пор не упомянутые процессы развития функции либидо и соответственно этому показывают нам еще новые виды регрессии. Но мне кажется, что тут я должен предупредить вас, чтобы вы не путали *регрессию* и *вытеснение,* и должен помочь вам выяснить взаимоотношение между этими двумя процессами. Вытеснение, как вы помните, это такой процесс, при котором психический акт, способный проникнуть в сознание, то есть принадлежащий системе Псз, становится бессознательным, то есть отодвигается обратно в систему Бсз[2]. И точно так же мы называем вытеснением тот случай, когда бессознательный психический акт вообще не впускается в ближайшую предсознательную систему, а отвергается цензурой на пороге сознания. Понятие вытеснения не имеет, следовательно, никакого отношения к сексуальности; прошу вас это себе заметить. Оно обозначает чисто психологический процесс, который мы можем еще лучше охарактеризовать, дав ему название *топического.* Этим мы хотим сказать, что он относится к предполагаемым психическим пространственным представлениям, или, если мы снова откажемся от этих грубых вспомогательных представлений, к построению душевного аппарата из особых психических систем.

Проводя это сравнение, мы теперь только замечаем, что слово «регрессия» мы до сих пор употребляли не в его обычном, а в совершенно особом, специальном значении. Если вы придадите ему его обычный смысл — возврат от более высокой ступени развития к более низкой, — то и вытеснение может войти в такое понятие о регрессии, потому что и оно может быть описано как возврат к более ранней и глубинной ступени развития психического акта. Дело только в том, что при вытеснении это обратное направление процесса не представляет для нас никакого интереса, потому что мы называем вытеснением в *динамическом* смысле, и тот случай, когда психический акт удерживается на низкой ступени

[1] [Они обсуждаются в 26-й лекции.]

[2] [Псз и Бсз — сокращенные обозначения предсознательной и бессознательной психической системы.]

бессознательного. Вытеснение — понятие топически-динамическое, регрессия — чисто описательное. То, что мы до сих пор называли регрессией и приводили в связь с фиксацией, мы понимали как возврат либидо к более ранним этапам его развития, следовательно, процесс, по сути своей совершенно отличный от вытеснения и совершенно от него независимый. Мы не можем также назвать регрессию либидо чисто психическим процессом и не знаем, какую локализацию приписать ей в психическом аппарате. Если она и оказывает сильнейшее влияние на душевную жизнь, то все же органический фактор в ней наиболее значителен.

Разъяснения такого рода, уважаемые господа, должны казаться несколько сухими. Обратимся к клинике, чтобы показать их более впечатляющее применение. Вы знаете, что истерия и невроз навязчивости являются двумя главными представителями группы неврозов переноса. Хотя при истерии и встречается регулярно регрессия либидо к первичным инцестуозным сексуальным объектам, но не бывает регрессии к более ранней ступени сексуальной организации. Зато на долю вытеснения выпадает главная роль в истерическом механизме. Если мне позволено будет дополнить какой-нибудь конструкцией наши теперешние определенные знания об этом неврозе, то я мог бы следующим образом описать факты: объединение парциальных влечений под приматом гениталий закончено, но результаты его встречают сопротивление со стороны системы предсознательного, примыкающей к сознанию. Генитальная организация значима для бессознательного, но не для предсознательного, и такое отвержение этой организации со стороны предсознательного создает картину, имеющую некоторое сходство с состоянием до наступления примата гениталий. Но все же это нечто совершенно другое. Из двух видов регрессий либидо гораздо более примечательна регрессия на более раннюю фазу сексуальной организации. Так как при истерии ее нет, а все наше понимание неврозов находится еще под слишком сильным влиянием результатов изучения истерии, предшествовавшего по времени, то значение регрессии либидо выяснилось для нас гораздо позже, чем значение вытеснения. Будем поэтому готовы к тому, что наши взгляды еще больше расширятся и подвергнутся переоценке, если мы включим в круг нашего исследования, кроме истерии и невроза навязчивости, еще и другие, нарциссические неврозы.

При неврозе навязчивости, напротив, регрессия либидо на ступень анально-садистской организации является самым замечательным и решающим фактором проявления симптомов болезни. Любовный импульс должен тогда замаскироваться садистским импульсом. Навязчивое представление: «Я хотел бы тебя убить», — в сущности, означает (если его освободить от некоторых, не случайных, а необходимых добавлений) только одно: «Я хотел бы насладиться твоею любовью». Прибавьте сюда еще то, что одновременно произошла регрессия объектов, так что эти импульсы относятся только к самым близким и любимым лицам, то сможете себе представить тот ужас, который вызывают у больного эти навязчивые представления, и в то же время о том, насколько чуждыми они кажутся его сознательному мышлению. Но и вытеснение также принимает большое участие в механизме этого невроза, которое, однако, не легко прояснить в таком беглом введении, как наше. Регрессия либидо без вытеснения никогда не дала бы невроза, а вылилась бы в какое-нибудь извращение. Отсюда вы видите, что вытеснение является именно тем процессом, который наиболее свойственен неврозу и характеризует его лучше всего. Но, может быть, мне представится еще случай изложить вам то, что мы знаем о механизме извращений, и вы увидите тогда, что и здесь ничего не происходит так просто, как это хотелось бы сконструировать[1].

Уважаемые господа! Я полагаю, что вы, скорее всего, примиритесь с только что изложенным относительно фиксации и регрессии либидо, если вы будете считать их подготовкой к исследованию этиологии неврозов. Об этом я сделал только одно сообщение, а именно, что люди заболевают неврозом, если они лишаются возможности удовлетворять свое либидо, то есть когда они терпят в этом неудачу, как я выразился, и эти симптомы и являются заменой удовлетворения, в котором им отказано. Разумеется, это означает вовсе не то, что всякий отказ в либидинозном удовлетворении делает невротиком всякого, кого он касается, а только то, что во всех исследованных случаях невроза можно доказать присутствие момента такой неудачи или отказа. Положение это не имеет обратной силы. Вы, наверное,

[1] [Это, по-видимому, один из пунктов, вернуться к которому, как Фрейд замечает в конце лекций, он так и не смог из-за недостатка времени.]

поняли, что это утверждение не открывает еще всей тайны этиологии неврозов, а только подчеркивает важное и непременное условие заболевания.

Теперь нельзя знать, придавать ли при дальнейшем обсуждении этого положения преимущественное значение природе неудачи или особенностям того, кто ее переживает. Неудача эта редко бывает всесторонней и абсолютной; чтобы стать патогенной, она должна захватить именно тот способ удовлетворения, которого только и требует этот человек и на какое он только и способен. В общем, имеется много способов выносить лишения либидинозного удовлетворения, не заболевая из-за этого. Во-первых, нам известны люди, которые могут без всякого вреда для себя переносить такие лишения; они не чувствуют себя тогда счастливыми, они страдают от тоски, но они не заболевают. Затем мы должны принять во внимание, что именно сексуальные влечения отличаются большой *пластичностью,* если так можно выразиться. Одним влечением можно заменить другое, одно может приобрести интенсивность других: если реальность отказывает в удовлетворении одного влечения, то удовлетворение какого-нибудь другого влечения может вполне вознаградить за это лишение. Они относятся друг к другу как сеть сообщающихся, наполненных жидкостью каналов, несмотря на то, что подчинены примату генитального аппарата, что вовсе не так легко объединить в одном представлении. Далее, парциальные влечения сексуальности, так же как составленные из них сексуальные стремления, обладают большой способностью менять свой объект, заменять его другим, в том числе таким, который легче достигнуть; эта способность смещаться и готовность принимать суррогаты должна сильно противодействовать патогенному влиянию отказа. Из числа этих процессов, защищающих от заболевания вследствие лишения, один приобрел особенно большое культурное значение. Он состоит в том, что сексуальное стремление отказывается от своей цели, состоящей в получении удовольствия от удовлетворения парциального влечения или влечения к продолжению рода и ставит себе другую цель, имеющую только генетическую связь с той, от которой пришлось отказаться, но саму по себе уже не сексуальную, заслуживающую названия социальной. Этот процесс мы называем «сублимацией», принимая при этом общепринятую оценку, ставящую социальные цели выше, чем эгоистические сексуальные. Сублимация, впрочем, представляет из себя только частный

случай присоединения сексуальных стремлений к иным, несексуальным. Мы еще вернемся к нему в связи с другими вопросами[1].

Теперь у вас может сложиться впечатление, что благодаря всем этим средствам, помогающим перенести лишение, оно потеряло всякое значение. Но это не так, оно сохраняет свою патогенную силу. В целом средства противодействия оказываются недостаточными. Количество неудовлетворенного либидо, которое в среднем могут переносить люди, ограничено. Пластичность, или свободная подвижность, либидо не у всех сохранена полностью, и сублимация может захватить только известную часть либидо, не говоря уже о том, что многие люди обладают лишь незначительной способностью к сублимации. Важнейшим из ограничений является, очевидно, ограничение подвижности либидо, так как оно делает удовлетворение индивида зависимым от достижения очень незначительного числа целей и объектов. Вспомните только о том, что несовершенное развитие либидо оставляет очень обширные, иногда и многократные фиксации либидо на ранних фазах его организации и нахождения объекта, по большей части неспособных к реальному удовлетворению, и вы узнаете в фиксации либидо второй могущественный фактор, который присоединяется к отказу, чтобы стать причиной болезни. Прибегая к схематическому сокращению, вы можете сказать, что фиксация либидо является предрасполагающим внутренним фактором этиологии неврозов, а отказ — случайным, внешним.

Пользуюсь здесь случаем предупредить вас, чтобы вы не становились на какую-либо из сторон в совершенно излишнем споре. В науке очень принято выхватывать часть истины, ставить ее на место целого и бороться в ее пользу со всем остальным, не менее верным. Таким путем от психоаналитического движения откололись уже несколько направлений, из которых одно признает только эгоистические влечения, отрицая зато сексуальные, другое придает значение только влиянию реальных жизненных задач, игнорируя значение индивидуального прошлого, и т. п.[2] И вот здесь имеется повод к подобному же противопоставлению и возникновению спорного вопроса: являются ли неврозы *экзогенными*

---

[1] [См. окончание следующей лекции.]

[2] [Фрейд подразумевает здесь школы Адлера и Юнга. См. также 34-ю лекцию из «Нового цикла».]

или *эндогенными* заболеваниями, неизбежным следствием определенной конституции или продуктом известных вредных (травматических) жизненных впечатлений и, в частности, вызываются ли они фиксацией либидо (и вообще сексуальной конституцией) или возникают под давлением неудачи и отказа? Эта дилемма кажется мне в общем не более толковой, чем другая, которую я вам мог бы предложить: является ли ребенок следствием оплодотворения отцом или следствием зачатия со стороны матери? Вы справедливо скажете, что оба условия необходимы. В вопросе о причинах невроза отношения если не совсем такие же, то все же очень похожие. При рассмотрении этих причин случаи невротических заболеваний располагаются в один ряд, в пределах которого оба момента – сексуальная конституция и переживания, или если хотите: фиксация либидо и отказ в удовлетворении – представлены так, что один из них увеличивается по мере того, как другой уменьшается. На одном конце ряда находятся крайние случаи, о которых вы с убеждением можете сказать: эти люди заболели бы в любом случае вследствие особенностей развития их либидо, каковы бы ни были их переживания и как бы заботливо ни щадила их жизнь. На другом конце помещаются случаи, о которых вы, наоборот, должны судить как о таких, которые, наверное, избегли бы болезни, если бы жизнь их не поставила в то или другое положение. В случаях, находящихся в пределах ряда, большая или меньшая степень предрасположения сексуальной конституции накладывается на большую или меньшую степень вредности жизненных требований. Их сексуальная конституция не привела бы их к неврозу, если бы им не пришлось испытать подобных переживаний, и эти переживания не подействовали бы на них травматически, если бы у них были другие отношения либидо. Я, пожалуй, мог бы допустить в этом ряду некоторый перевес для значения предрасполагающих моментов, но и эта уступка зависит от того, как далеко вы растянете границы нервозности.

Уважаемые господа! Предлагаю вам назвать такого рода ряды *дополнительными рядами*[1] и предупреждаю вас, что нам доведется еще образовать и другие подобные ряды.

---

[1] [Фрейд использует здесь это обозначение в первый раз, хотя это понятие родственно другому, а именно понятию «этиологическое уравнение», которое он использовал еще более двадцати лет назад; оно появляется еще несколько раз, в том числе в «Новом цикле».]

Упорство, с которым либидо держится за определенные объекты и направления, так сказать, *вязкость* либидо кажется нам самостоятельным, индивидуально изменчивым, совершенно неизвестно от чего зависящим фактором, значение которого для этиологии неврозов мы не должны недооценивать. Но не следует и переоценивать глубину этой связи. Точно такая же «вязкость» либидо – вследствие неизвестных причин – встречается при многих условиях и у нормального человека и составляет предопределяющий момент у людей, являющихся в известном смысле противоположностью нервнобольным, у извращенных. Еще до эпохи психоанализа было известно (Binet, 1888), что в анамнезе извращенных довольно часто обнаруживается очень раннее впечатление ненормальной направленности влечения или выбора объекта, на котором либидо этого лица застряло на всю жизнь. Часто нельзя сказать, благодаря чему это впечатление способно так интенсивно притягивать либидо. Я расскажу вам из личного опыта случаи этого рода. Один человек, для которого гениталии и другие прелести женщины не имеют никакого значения, но который может испытать непреодолимое сексуальное возбуждение только от обутой ноги особой формы, вспоминает одно переживание в шестилетнем возрасте, ставшее решающим для фиксации его либидо. Он сидел на скамеечке возле гувернантки, у которой брал уроки английского языка. У этой гувернантки, старой, сухой, некрасивой девы с водянисто-голубыми глазами и вздернутым носом, в тот день болела нога, и она поэтому положила ее, обутую в шелковую туфлю, на подушку. Верхняя часть ноги при этом была самым тщательным образом закутана. Такая сухая, жилистая нога, какую он тогда видел у гувернантки, после робкой попытки нормальных сексуальных проявлений при наступлении половой зрелости стала его единственным сексуальным объектом, и его охватывало неодолимое влечение, если к этой ноге присоединялись и другие черты, напоминавшие тип гувернантки-англичанки. Но благодаря такой фиксации своего либидо, этот человек стал не невротиком, а, как мы говорим, извращенным, фетишистом ноги[1]. Вы видите поэтому, что хотя чрезмерная и к тому же преждевременная фиксация либидо является непременной причиной неврозов, однако круг

[1] [Ср. работу Фрейда «Фетишизм» (1927*e*).]

ее действия распространяется далеко за пределы неврозов. И это условие само по себе является таким же мало решающим, как упомянутый прежде отказ в удовлетворении.

Проблема причины неврозов, похоже, усложняется. В действительности психоаналитическое исследование знакомит нас с новым моментом, не принятым во внимание в нашем этиологическом ряду, который лучше всего наблюдать в тех случаях, когда хорошее самочувствие вдруг нарушается невротическим заболеванием. У таких лиц всегда находятся признаки борьбы противоположных желаний или, как мы привыкли говорить, психического *конфликта*. Часть личности отстаивает известные желания, другая противится им и отклоняет их. Не бывает неврозов без такого конфликта. В этом, казалось бы, нет ничего особенного. Вы знаете, что наша душевная жизнь беспрерывно сотрясается конфликтами, которые нам приходится разрешать. Поэтому должны сложиться особенные условия для того, чтобы такой конфликт стал патогенным. И у нас возникает вопрос. каковы же эти условия, между какими душевными силами разыгрывается этот патогенный конфликт, каково отношение этого конфликта к другим моментам, обусловливающим болезнь.

Надеюсь, что могу дать на эти вопросы удовлетворительные ответы, хотя бы и схематически сокращенные. Конфликт вызывается отказом в удовлетворении благодаря тому, что либидо, лишенное этого удовлетворения, вынуждено теперь искать новых путей и новых объектов. Необходимым условием конфликта является то, что эти новые пути и объекты вызывают неудовольствие одной части личности, которая налагает вето, делающее сперва невозможным новый способ удовлетворения. Отсюда идет далее путь к симптомообразованию, который мы проследим ниже[1]. Отвергнутые либидинозные побуждения оказываются в состоянии окольными путями добиться своей цели, хотя им и приходится сделать уступки сопротивлению в виде известных искажений и смягчений. Такими обходными путями являются пути симптомообразования. Симптомы составляют новое или заменяющее удовлетворение, сделавшееся необходимым благодаря факту отказа или неудачи.

Значение психического конфликта можно выразить другими словами: для того, чтобы *внешний* отказ в удовле-

---

[1] [В следующей лекции.]

творении стал патогенным, к нему должен присоединиться еще и *внутренний* отказ. Разумеется, внешний и внутренний отказ относится к различным путям и объектам. Внешний отказ лишает одной возможности удовлетворения, внутренний же отказ хочет исключить другую возможность, вокруг которой и разыгрывается конфликт. Я предпочитаю этот способ изложения, потому что он имеет еще скрытое содержание. В нем содержится намек на вероятность того, что внутренние задержки в древние эпохи человеческого развития произошли от реальных внешних препятствий[1].

Но каковы те силы, из которых исходит сопротивление либидинозным стремлениям, что представляет собой другая сторона в патогенном конфликте? Вообще говоря, это силы, исходящие из не сексуальных влечений. Мы объединяем их в понятии «влечения "я"»; однако психоанализ неврозов переноса не открывает нам прямого пути к их дальнейшему разложению, мы можем до некоторой степени познакомиться с ними в лучшем случае по тому сопротивлению, на которое наталкивается психоанализ. Патогенным конфликтом, следовательно, является конфликт между влечениями Я и сексуальными влечениями. В целом ряде случаев может показаться, что возможен конфликт и между различными чисто сексуальными стремлениями; но по существу это одно и то же, потому что из двух находящихся в конфликте сексуальных стремлений одно всегда, так сказать, находит оправдание со стороны Я, между тем как другое вызывает отпор со его стороны. Следовательно, все сводится опять-таки к конфликту между Я и сексуальностью.

Уважаемые господа! Очень часто, когда психоанализ приписывал какой-нибудь душевный процесс проявлению сексуальных влечений, то ему с досадливым возмущением указывали, что человек состоит не из одной сексуальности, что в душевной жизни существуют еще и другие влечения и интересы, кроме сексуальных, что нельзя «все» сводить к сексуальности и т. п. Очень приятно иной раз быть того же мнения, что и противники. Психоанализ никогда не забывал, что существуют и несексуальные влечения, он построен на резком разделении сексуальных влечений и вле-

---

[1] [Ср. с высказываниями в 23-й лекции. В целом вопрос об отказе в удовлетворении как причине невроза изложен Фрейдом в работе «О типах невротического заболевания» (1912*c*).]

чений Я, и еще до того как стали раздаваться возражения. он утверждал, что неврозы происходят не от сексуальности. а что они обязаны своим происхождением конфликту между Я и сексуальностью. У него нет и никакого разумного мотива для того, чтобы оспаривать существование и значение влечений Я, в то время как сам он изучает в болезни и в жизни роль сексуальных влечений. Дело заключается в том, что на его долю выпало в первую очередь заниматься изучением сексуальных влечений, потому что благодаря неврозам переноса эти влечения оказались самыми доступными изучению, и потому, что ему пришлось изучать то, чем пренебрегли другие.

Неверно также, что психоанализ вовсе не интересовался несексуальной частью личности. Как раз отделение Я от сексуальности должно дать нам возможность с особенной ясностью понять, что и влечения Я также проделывают значительный путь развития, которое протекает не совсем независимо от развития либидо и, в свою очередь, влияет на последнее. Мы знаем, правда, о развитии Я гораздо меньше, чем о развитии либидо, потому что только изучение нарциссических неврозов[1] сулит возможность понять строение Я. Все же имеется уже заслуживающая внимания попытка Ференци (1913) теоретически выстроить фазы развития Я. и по меньшей мере в двух местах мы имеем твердые точки опоры для того, чтобы судить об этом развитии. Мы не думаем, что либидинозные интересы с самого начала находятся в противоречии с интересами самосохранения; напротив, на каждой ступени развития Я будет стремиться оставаться в согласии с соответствующей сексуальной организацией и подчинять ее себе. Смена отдельных фаз развития либидо следует, вероятно, согласно определенной программе, но нельзя не согласиться с тем, что на течение этого развития может быть оказано влияние со стороны Я и что должен быть допущен известный параллелизм, определенное соответствие фаз развития Я и либидо; более того. нарушение этого соответствия могло бы стать патогенным моментом. С нашей точки зрения весьма важно, что происходит с Я, когда в каком-нибудь месте на пути развития либидо остается сильная фиксация. Я может примириться с такой фиксацией, и тогда оно делается в соответствующей

---

[1] [Они обсуждаются в 26-й лекции.]

мере извращенным или, что то же самое — инфантильны. Но оно может также отрицательно отнестись к такому закреплению либидо, и тогда Я приобретает *«вытеснение»* там, где у либидо имеется *«фиксация»*.

Таким путем мы узнаем, что третий фактор этологии неврозов, *склонность к конфликтам* в такой же мере зависит от развития Я, как и от развития либидо. Таким образом, наше понимание причин неврозов дополнилось. На первом месте как самое общее условие стоит отказ в удовлетворении, далее — фиксация либидо, благодаря которой последнее устремляется в определенном направлении и, в-третьих, склонность к конфликтам, зависящая от развития Я, благодаря которому отклоняются некоторые проявления либидо. Положение, следовательно, уже не так запутано и уже не так в нем трудно разобраться, как это, вероятно, вам казалось по мере того, как я подвигался вперед в моем изложении. Однако, пожалуй, окажется, что это еще не все. Мы должны прибавить к сказанному еще кое-что новое и подробнее детализировать уже известное.

Чтобы продемонстрировать вам влияние развития Я на образование конфликта и вместе с тем на причину неврозов, я хотел бы привести вам пример, хотя и вымышленный, однако, вполне возможный. Ссылаясь на заглавие комедии Нестроя, я охарактеризую этот пример заглавием: «В подвале и на первом этаже». В подвале живет дворник, на первом этаже — богатый знатный человек. У обоих имеются дети, и допустим, что дочери домовладельца разрешается играть без надзора с ребенком пролетария. Легко может случиться, что игры детей примут «испорченный», сексуальный, характер, что они будут играть «в папу и маму», разглядывать друг друга при совершении интимных отправлений и раздражать друг у друга гениталии.

Дочь дворника, которая, несмотря на свои пять или шесть лет, имела возможность подглядеть кое-что из сексуальной жизни взрослых, может при этом сыграть роль соблазнительницы. Этих переживаний достаточно, даже если они недолго длятся, чтобы вызвать у детей определенные сексуальные побуждения, которые после прекращения общей игры на протяжении нескольких лет выразятся в мастурбации. До этого момента их переживания будут сходны, но результат у этих детей будет чрезвычайно различен. Дочь дворника будет продолжать мастурбацию до наступления менструации, затем прекратит ее без особых усилий, несколь-

ко лет спустя найдет себе любовника и, может быть, родит ребенка, пойдет по тому или другому жизненному пути, на котором, может быть, достигнет положения известной актрисы и в конце концов пробьется в аристократию. Вероятно, судьба ее окажется менее блестящей, но во всяком случае она выполнит свое назначение в жизни, не пострадав от преждевременного проявления своей сексуальности, свободная от неврозов. Иначе обстоит дело с дочерью домовладельца. Она еще ребенком начнет подозревать, что сделала что-то скверное; спустя какое-то время, может быть, лишь после тяжелой борьбы, откажется от удовлетворения с помощью мастурбации, но все-таки в ее душе сохранится какая-то удрученность. Когда в девичьи годы она сможет узнать кое-что о половом общении людей, то отвернется от всего этого с непонятным отвращением и захочет остаться в неведении. Вероятно, она не сможет теперь устоять перед вновь охватившим ее непреодолимым желанием отдаться мастурбации, относительно которой она не осмеливается обратиться ни к кому за помощью. В годы, когда она могла бы понравиться мужчине как женщина, у нее прорвется невроз, который лишит ее возможности вступить в брак и осуществить цель жизни. Если при помощи анализа удастся разобраться и понять этот невроз, то окажется, что эта хорошо воспитанная интеллигентная девушка с высокими душевными запросами совершенно вытеснила свои сексуальные побуждения, но что эти побуждения бессознательно для нее застряли на безобидных переживаниях с подругой детства.

Различие в судьбах обеих подруг, несмотря на одинаковые переживания, происходит от того, что у одной из них Я проделало развитие, не имевшее места у другой. Дочери дворника сексуальные проявления казались такими же естественными и само собой понятными, как и в детстве. Дочь же домовладельца испытала влияние воспитания и прониклась его требованиями. Ее «я» создало себе из воспринятых им впечатлений и побуждений идеал женской чистоты и непорочности, с которым несовместимы сексуальные переживания; ее интеллектуальное образование понизило ее интерес к женской роли, какая ей предназначена. Благодаря этому более высокому моральному, интеллектуальному развитию ее Я, она впала в конфликт с требованиями своей сексуальности.

Я хочу сегодня остановиться еще на одном пункте развития «я» — как по причине далеких перспектив, откры-

вающихся благодаря ему, так и потому, что то, о чем будет речь, оправдывает так охотно применяемое нами строгое, но не очевидное разделение между влечениями «я» и сексуальными влечениями. В оценке развития «я» и либидо мы должны выдвинуть на первый план точку зрения, на которую до сих пор не часто обращали внимание. И то, и другое представляет собой в сущности унаследованное, сокращенное повторение развития, пройденного всем человечеством в течение очень долгого времени, начиная с первобытных времен. Мне кажется, что это *филогенетическое* происхождение развития либидо вполне очевидно. Подумайте только, что у одного какого-нибудь класса животных генитальный аппарат находится в теснейшей связи со ртом, у другого неотделим от аппарата выделений, у третьего связан с органами движения – все эти данные прекрасно описаны в ценной книге В. Бельше (1911–1913). У животных можно видеть все формы извращений, закрепленных в их сексуальной организации. Но у человека филогенетическая точка зрения затемняется тем обстоятельством, что нечто в принципе унаследованное вновь приобретается в процессе индивидуального развития – вероятно, потому, что те же самые обстоятельства, которые некогда вызвали необходимость приобретения новых свойств, продолжают еще существовать и действовать на каждого в отдельности. Я сказал бы. что в свое время они оказали творческое влияние, теперь они вызывают к жизни уже созданное. Кроме того, не подлежит никакому сомнению, что ход предначертанного развития может быть у каждого в отдельности нарушен и изменен новым непосредственным влиянием извне. Но мы знаем силу, которая вынудила человечество пойти по пути такого развития и продолжает оказывать свое давление в том же направлении: эта сила – все тот же отказ в удовлетворении со стороны реальности или, если называть ее настоящим именем: жизненная *необходимость* (∴Av≤γχη). Это – суровая воспитательница, и она добилась от нас многого. Невротик принадлежит к числу тех детей, у которых эта суровость привела к плохим последствиям, но такая опасность имеется при всяком воспитании. Такое признание жизненной необходимости как двигателя развития не должно. впрочем, побудить нас отрицать значение «внутренних тенденций развития», если таковые можно доказать.

Большого внимания заслуживает тот факт, что реальная нужда неодинаково действует на сексуальные влечения и вле-

чения к самосохранению. Влечения к самосохранению и все с ними связанное легче поддаются воспитанию; их удается рано подчинить требованиям необходимости и направить их развитие согласно указаниям реальности. Это понятно, потому что они никаким другим образом не могут добиться обладания нужными им объектами; без этих объектов индивид должен погибнуть. Сексуальные влечения трудно поддаются воспитанию, потому что с самого начала у них не существует необходимости в объекте. Поскольку они, как бы паразитируя, опираются на другие функции организма и аутоэротически удовлетворяются собственным телом, то остаются поначалу вне сферы воспитательного влияния реальной необходимости, и у большинства людей в каком-нибудь определенном отношении на всю жизнь сохраняют этот характер своеволия и недоступности воздействию — то, что мы называем «неразумностью». Подверженность воспитательному воздействию, как правило, подходит к концу с того момента, как в юном человеке просыпаются с полной силой сексуальные потребности. Это известно воспитателям, и они соответствующим образом действуют; но, может быть, благодаря результатам психоанализа, их удастся убедить, что главное внимание воспитания необходимо перенести на первые детские годы, начиная с младенческих лет. Часто к четырехлетнему или пятилетнему возрасту маленький человек уже закончен и только постепенно проявляет то, что уже в нем заложено.

Чтобы оценить полностью указанное различие между этими двумя группами влечений, мы должны начать издалека и привести одно из тех рассуждений, которые по характеру своему можно назвать *экономическими*. Тут мы вступаем в одну из самых важных, но, к сожалению, и самых темных областей психоанализа. Мы ставим вопрос: можно ли найти одну главную цель в работе нашего душевного аппарата, — и с некоторым приближением отвечаем на этот вопрос, что целью этой работы является переживание удовольствия. Как кажется, вся наша душевная деятельность стремится к тому, чтобы получать удовольствие и избегать неудовольствия, что она совершенно автоматически регулируется *принципом удовольствия*. Больше всего на свете мы хотели бы узнать, каковы же условия возникновения удовольствия и неудовольствия, однако это нам не удается. Одно только можно с уверенностью утверждать, а именно, что удовольствие *каким-то образом* связано

с уменьшением, понижением или угасанием имеющегося в душевном аппарате количества раздражений, а неудовольствие – с их повышением. Исследование самого интенсивного удовольствия, доступного человеку, удовольствия при осуществлении полового акта, не оставляет места сомнению в этом пункте. Так как при таких процессах удовольствия речь идет о судьбе *количества* душевного раздражения или энергии, то рассуждения такого рода мы называем экономическими. Мы замечаем, что можем описать задачу и деятельность душевного аппарата иным образом и в более общей формуле, нежели подчеркиванием момента получения удовольствия. Мы можем сказать, что душевный аппарат служит цели справиться с воспринимаемыми им извне и изнутри раздражениями и возбуждениями и освободиться от них[1]. Что касается сексуальных влечений, то совершенно очевидно, что в начале и в конце их развития они стремятся к получению удовольствия. Они сохраняют без изменения эту первоначальную свою функцию.

К тому же стремятся первоначально и другие влечения «я», но под влиянием наставницы-необходимости влечения «я» скоро научаются заменить принцип удовольствия какой-либо модификацией. Задача избегать неудовольствия приобретает почти такое же значение, как задача испытывать удовольствие; Я узнает, что неизбежно приходится отказываться от непосредственного удовлетворения, отложить момент удовольствия, покорно переносить некоторую долю неудовольствия и вообще отказаться от определенных источников удовольствия. Воспитанное таким образом «я» становится «разумным», оно не подчиняется вполне принципу удовольствия, а следует *принципу реальности*, который, в сущности, тоже стремится к удовольствию, хотя и уменьшенному и отсроченному, но зато вполне надежному благодаря учету реальности.

Переход от принципа удовольствия к принципу реальности является одним из важнейших успехов развития «я». Мы знаем уже, что сексуальные влечения поздно и неохотно проделывают эту часть развития «я», и позже мы услышим еще, какие последствия имеет для человека тот факт.

---

[1] [Временами Фрейд обозначает эту гипотезу как «принцип константности». См. прим. к 23-й лекции об отношениях «принципа константности» и «принципа удовольствия».]

что его сексуальность довольствуется таким непрочным отношением к реальности. А в заключение — еще одно относящееся сюда замечание. Если «я» человека, как и либидо, имеет свою историю развития, то вас не может поразить и тот факт, что бывают и «регрессии “я”». И вам интересно будет узнать, какую роль в невротических заболеваниях может играть такое возвращение «я» к более ранним фазам развития.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ

Пути симптомообразования

Уважаемые дамы и господа! Для дилетанта сущность болезни составляют симптомы, а излечение состоит в устранении симптомов. Для врача же очень важно различать болезнь и симптомы, и, по его мнению, устранение симптомов еще не является излечением болезни. Но то реальное, что остается от болезни после устранения ее симптомов, — это способность образовывать новые симптомы. Поэтому давайте встанем пока на точку зрения дилетанта и будем считать, что исследование симптомов равносильно пониманию болезни.

Симптомы — тут речь идет, разумеется, о психических (или психогенных) симптомах и психическом заболевании — представляют собой вредные для жизни или, по крайней мере, бесполезные акты, на которые страдающий ими человек часто жалуется как на отвратительные, связанные для него с неприятностями и мучениями. Главный вред их заключается в тех душевных затратах, с которыми они сопряжены сами, и в дальнейших затратах, которые необходимы для их преодоления. Обе эти траты при интенсивном симптомообразовании могут привести к крайнему обеднению личности в том, что касается находящейся в ее распоряжении душевной энергии, а вместе с этим и психическим параличом личности во всех ее важных жизненных задачах. Так как этот результат зависит главным образом от *количества* расходуемой энергии, то вы легко поймете, что «быть больным» — это, по существу, практическое понятие. Но ес-

ли вы встанете на теоретическую точку зрения и не будете обращать внимание на эти количества, то вы легко можете утверждать, что все мы больны, то есть невротичны, потому что существование условий, способствующих симптомообразованию, можно выявить и у нормальных людей.

О невротических симптомах нам известно, что они являются следствием конфликта, разыгрывающегося благодаря новому виду удовлетворения либидо. Обе силы, раздвоившись, встречаются опять в симптоме, как бы примиряются благодаря компромиссу при симптомообразовании. Поэтому симптом так устойчив: он поддерживается с двух сторон. Мы знаем также, что одной из двух сторон конфликта является неудовлетворенное, отвергнутое реальностью либидо, вынужденное искать иных путей для своего удовлетворения. Если реальность остается неумолимой даже тогда, когда либидо готово принять другой объект вместо запретного, то оно в конце концов вынуждено направиться по пути регрессии и добиваться удовлетворения в рамках какой-нибудь из уже преодоленных организаций либидо или с одним из прежних объектов, от которого оно до этого уже отказалось. На путь регрессии либидо увлекает фиксация, которая осталась в каком-нибудь месте его развития.

Тут пути, ведущие к перверсии и к неврозу, резко расходятся. Если эти регрессии не вызывают возражений со стороны Я, то дело не доходит до невроза и либидо добивается какого-нибудь реального, хотя и ненормального удовлетворения. Если же Я, которое располагает не только сознанием, но и доступом к моторной иннервации, а вместе с тем и к реализации душевных стремлений, не согласно на такие регрессии, то создается конфликт. Либидо как бы отрезано и должно попытаться найти какую-то возможность отступления туда, где оно могло бы найти отток для своей энергии соответственно требованиям принципа удовольствия. Оно должно выйти из-под власти Я. Однако такой выход оказывается для него возможным благодаря фиксациям на регрессивном, уже пройденном им пути развития, от которых Я в свое время защищалось при помощи вытеснения. Заняв в своем обратном движении эти вытесненные позиции, либидо снова выходит из-под власти Я и его законов, но при этом отказывается и от всего достигнутого воспитанием благодаря влиянию этого Я. Оно было послушно, пока надеялось на удовлетворение; под двойным давлением внутреннего и внешнего запрета оно становится

непослушным и вспоминает прежние лучшие времена. Таков его неизменный, по существу, характер. Представления, на которые либидо теперь переносит свою энергию, принадлежат к системе бессознательного и подчиняются возможным в нем процессам, особенно сгущению и смещению. Таким образом создаются положения, совершенно сходные с обстоятельствами образования сновидений. Подобно тому, как сложившемуся в бессознательном настоящему сновидению, представляющему собой исполнение бессознательной желанной фантазии, приходит на помощь частица (пред)сознательной деятельности, выполняющей функцию цензуры и, согласно указаниям последней, допускает в виде компромисса образование явного сновидения — так мысли и желания, представляющие либидо[1] и в бессознательном, вынуждены считаться с силой предсознательного Я. Возражение, поднявшееся в Я против либидо, принимает форму «противодействия»[2] либидо и заставляет его выбрать такой способ выражения, который одновременно выражал бы Я. Таким образом, возникает симптом в виде много раз искаженного производного бессознательного либидинозного исполнения желания, представляя собой искусно подобранную двусмысленность с двумя совершенно противоречащими друг другу значениями. Только в этом последнем пункте и заключается различие между образованием сновидения и образованием симптома, потому что предсознательное намерение при образовании сновидений направлено только на то, чтобы уберечь сон, не пропустить в сознание ничего, что могло бы его нарушить, но не в том, чтобы ответить бессознательному желанию: «Нет, напротив!» Осуществление этого намерения допускает большую терпимость, потому что положение спящего внушает меньше опасений. Выход в реальность закрыт уже самим состоянием сна.

Вы видите, что существование фиксаций дало либидо возможность отступления при возникновении конфликта. Регрессивное вложение либидо в эти фиксации ведет к тому, что для либидо открывается выход или возможность удовлетворения в обход вытеснения, при котором сохраняются условия компромисса. Обходным путем, через бессоз-

---

[1] [То есть психическая репрезентация либидо, понимаемого как нечто соматическое.]

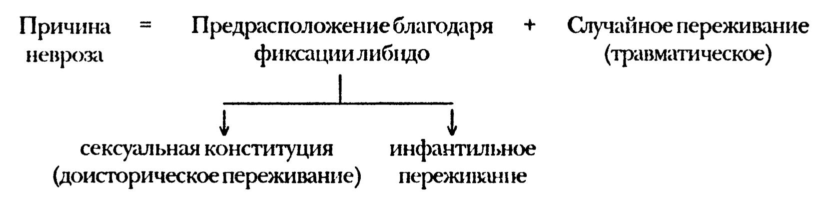
[2] [Сила, действующая вопреки первичной энергии влечений.]

нательное и старые фиксации либидо, наконец, удается добиться реального удовлетворения, хотя и чрезвычайно ограниченного и едва заметного. Позвольте мне сделать еще два замечания по поводу такого конечного исхода. Во-первых, обратите внимание, как тесно здесь связаны либидо и бессознательное, с одной стороны, и Я, сознание и реальность — с другой, хотя в самом начале они вовсе не составляют одного целого, и примите во внимание мое заявление о том, что все сказанное здесь и рассматриваемое в дальнейшем относится только к образованию симптомов при истерическом неврозе.

Где же либидо находит те фиксации, в которых оно нуждается, чтобы преодолеть вытеснения? В проявлениях и переживаниях инфантильной сексуальности, в оставленных частичных стремлениях и объектах периода детства, от которых оно уже было отказалось. К ним-то либидо возвращается снова. Этот период детства имеет двоякое значение; с одной стороны, в это время впервые проявляются те направления влечений, с которыми ребенок явился на свет в виде врожденного предрасположения, и, во-вторых, благодаря внешним влияниям, случайным переживаниям в нем проснулись и стали активными другие его влечения. Я полагаю, что наше право делать такое подразделение не подлежит никакому сомнению. Проявления врожденного предрасположения не могут вызвать сомнения критики, но психоаналитический опыт вынуждает нас допустить, что чисто случайные переживания детства в состоянии оставить фиксации либидо. Я не вижу в этом никаких теоретических трудностей. Конституциональные предрасположения несомненно представляют собой следы влияния переживаний далеких предков, и когда-то они были благоприобретенными: без такого благоприобретения нет наследственности. И можно ли думать, что такие приобретения, передающиеся затем по наследству, прекратятся как раз у рассматриваемого нами поколения? Поэтому не следует, как это часто случается, полностью пренебрегать значением инфантильных переживаний по сравнению со значением переживаний предков и с периодом собственной зрелости, а, наоборот, им следует дать особую оценку. Они влекут за собой тем более тяжелые последствия, что попадают на период незаконченного развития и благодаря именно этому обстоятельству обладают способностью оказывать особенно сильное травматическое действие. Работы Ру в области механики

развития показали нам, что укол в зародышевую ткань, находящуюся в периоде деления клеток, ведет к серьезным нарушениям развития. А такое же ранение, причиненное личинке или уже вполне развившемуся животному, переносится без вреда.

Фиксация либидо взрослого, которую мы ввели в этиологическое уравнение неврозов как представителя конституционального фактора, таким образом, теперь распадается для нас на два дальнейших момента — на унаследованное предрасположение и на предрасположение, приобретенное в раннем детстве. Мы знаем, что схема всегда по душе учащемуся. Изобразим поэтому все эти отношения в одной схеме:

Наследственная сексуальная конституция предоставляет нам большое разнообразие предрасположений в зависимости от того, какой силой обладает то или другое врожденное парциальное влечение само по себе или в соединении с другими влечениями. Сексуальная конституция вместе с фактором инфантильного переживания образует опять «дополнительный ряд» подобно уже известному ряду между предрасположением к случайным переживанием у взрослого. Здесь, как и там, встречаются такие же крайние случаи и те же отношения между этими двумя факторами у представителей этих крайних случаев. Тут сам собой напрашивается вопрос, не обусловлена ли самая очевидная форма регрессии либидо, то есть та, которая ведет к прежним ступеням сексуальной организации, преимущественно наследственно-конституциональным моментом; но ответ на этот вопрос лучше отложить, пока наши наблюдения не охватят большее число форм невротических заболеваний.

Остановимся на том факте, что аналитическое исследование показывает связь между либидо невротиков и их инфантильными сексуальными переживаниями. Оно придает им видимость огромного значения для жизни и заболевания людей. Такое значение сохраняется за ними в полном объеме, когда речь идет о терапевтической работе. Но если

отложить эту задачу в сторону, то мы все-таки должны признать, что здесь кроется опасность недоразумения, которое могло бы ввести нас в заблуждение, показывая жизнь лишь со стороны невротической ситуации. Необходимо уменьшить значение инфантильных переживаний в том отношении, что либидо вернулось к ним в порядке *регрессии*, после того как оно было изгнано со своих более поздних позиций. Но тогда напрашивается уже противоположное заключение, что эти либидинозные переживания в свое время не имели никакого значения, а приобрели его только вследствие регрессии. Вспомните, что при обсуждении эдипова комплекса мы уже изложили наше отношение к подобной альтернативе.

И на этот раз нам нетрудно будет найти решение вопроса. Замечание, что вложение либидо в инфантильные переживания — а следовательно, и патогенное их значение — усиливается в значительной мере благодаря регрессии либидо, несомненно вполне верно, но оно привело бы к заблуждению, если его считать единственно определяющим. Необходимо принимать во внимание и другие соображения. Во-первых, наблюдения показывают с ясностью, исключающей всякое сомнение, что инфантильные переживания имеют свое самостоятельное значение, и это значение сказывается уже в детские годы. Ведь встречаются и детские неврозы, при которых момент временного сдвига назад по необходимости очень сокращается или совершенно отпадает, так как заболевание возникает непосредственно вслед за травматическим переживанием. Изучение этих инфантильных неврозов предупреждает опасные недоразумения в понимании неврозов взрослых, подобно тому, как сновидения детей дали нам ключ к пониманию сновидений взрослых[1]. Неврозы встречаются у детей очень часто, гораздо чаще, чем об этом думают. Их нередко не замечают, видят в них признак испорченности и плохих привычек, часто их подавляют авторитетом воспитания, но ретроспективно их легко распознать. Чаще всего они проявляются в форме *тревожной истерии*. При случае мы узнаем еще, что означает это название. Когда в дальнейшей жизни у человека развив-

[1] [См. 8-ю лекцию. Фрейд, несомненно, имел здесь в виду анализ «Волкова» (1918*b*), который он к этому времени уже завершил, но еще не опубликовал.]

ается какой-нибудь невроз, то всегда при помощи анализа можно обнаружить, что он является прямым продолжением этого только намечавшегося неясного детского заболевания. Но, как сказано, встречаются случаи, в которых такая детская нервозность тянется без всякого перерыва всю жизнь и превращается в тяжелую болезнь. Несколько примеров детских неврозов мы имели возможность проанализировать еще на самом ребенке — в актуальном состоянии[1]; но гораздо чаще нам приходилось довольствоваться тем, что больной уже в зрелом возрасте давал нам возможность изучить его детский невроз, причем мы должны были не упускать из виду некоторые поправки и предосторожности.

Во-вторых, нужно сказать, что было бы непонятно, почему либидо так регулярно возвращается к временам детства, если там нет ничего, что могло бы иметь для него притягательную силу. Фиксация, которую мы предполагаем в определенных пунктах пути развития, может иметь содержание только в том случае, если мы допустим, что в нее вложено определенное количество либидинозной энергии. Наконец, я могу вам напомнить, что и здесь между интенсивностью и патогенным значением инфантильных и более поздних переживаний существует такое соотношение, как и в уже изученных нами прежде «дополнительных рядах». Встречаются случаи, в которых вся тяжесть причин заболевания падает на сексуальные переживания детства, в которых эти впечатления оказывают несомненно травматическое действие и не нуждаются при этом ни в каком другом содействии, кроме того, что им может оказать в своем незрелом состоянии обычная сексуальная конституция. Но наряду с этими случаями существуют и такие, в которых главное значение имеют более поздние конфликты, и аналитическое подчеркивание детских впечатлений, безусловно, кажется результатом регрессии; следовательно, бывают крайние случаи «задержки развития» или «регрессии», а между ними — любая степень взаимодействия обоих факторов.

Эти отношения представляют определенный интерес для педагогики, которая ставит своей задачей предупреждение невротических заболеваний путем своевременного вмешательства в сексуальное развитие ребенка. Пока все внимание педагогов обращено преимущественно на инфан-

[1] [Ср. историю случая «маленького Ганса» (1906*b*).]

тильные переживания, они полагают, что сделано все для профилактики нервных заболеваний, если заботятся о том, чтобы это развитие было замедлено, и чтобы ребенок был избавлен от такого рода переживаний. Но мы уже знаем, что условия, являющиеся причиной заболевания, оказываются сложнее, и на них нельзя оказать всестороннего влияния, если принимать во внимание только один фактор. Строгая охрана детства лишается своего значения, потому что она бессильна против конституционального фактора; кроме того, ее труднее осуществить, чем полагают воспитатели, и она влечет за собой две новых опасности, значение которых нельзя недооценивать: что таким образом можно добиться слишком больших результатов, а именно этим создаются благоприятные условия для чрезмерного сексуального вытеснения, вредного впоследствии; и что она выпускает ребенка в жизнь неспособным оказать сопротивление ожидаемому в период полового созревания напору сексуальных требований[1]. Таким образом, остается весьма сомнительным, насколько полезной может оказаться профилактика детства, и не обещает ли другое отношение к действительности лучших перспектив для предупреждения неврозов.

А теперь вернемся к симптомам. Они создают замену невозможного удовлетворения путем регрессии либидо к прежним временам, с чем неразрывно связано возвращение либидо к прежним ступеням развития выбора объекта или сексуальной организации. Мы слышали уже раньше, что невротик застрял где-то в своем прошлом[2]; теперь мы знаем, что это прошлое составляет период, когда его либидо не было лишено удовлетворения, когда он был счастлив. Он долго ищет в истории своей жизни, пока не найдет такой период, хотя бы для этого он должен был вернуться к своему младенчеству, каким он его вспоминает или воображает на основании более поздних побуждений. Симптом каким-то образом повторяет эту форму удовлетворения в раннем детстве, но в виде, искаженном цензурой, исходящей из конфликта, обыкновенно превращенном в ощущение страдания, и с примесью элементов из переживаний, послуживших поводом к заболеванию. Вид удовлетворения,

[1] [Фрейд подробно останавливается на этой проблеме в 34-й лекции.]
[2] [См., например, начало 18-й лекции.]

которое приносит симптом, заключает в себе много странного. Мы не обращаем внимания на то, что эта форма удовлетворения остается неизвестной лицу, которое ощущает это предполагаемое удовлетворение скорее как страдание и повод к жалобам. Это превращение происходит за счет психического конфликта, под давлением которого и должен образоваться симптом. То, что для индивида было когда-то удовлетворением, должно в настоящее время вызывать его сопротивление или отвращение. Нам известен незаметный, но поучительный пример такого изменения ощущений. Тому же ребенку, который с жадностью сосал молоко из материнской груди, несколько лет спустя молоко обыкновенно становится противным, и воспитателю стоит много труда преодолеть у ребенка это чувство. Но оно усиливается до степени отвращения, если молоко или напиток, с которым оно смешано, покрывается пенкой. Пожалуй, весьма вероятно, что эта пенка вызывает воспоминание о столь желанной некогда материнской груди. Между этими столь противоположными явлениями лежит переживание отлучения, подействовавшее травматически.

Есть еще что-то, благодаря чему симптомы кажутся нам странными и непонятными в качестве средства либидинозного удовлетворения. Они нам вовсе не напоминают ничего такого, от чего мы при нормальных условиях обычно ждем удовлетворения. Они чаще всего игнорируют объект и тем самым отказываются от связи с внешней реальностью. Мы понимаем это как следствие отхода от принципа реальности и возвращения к принципу удовольствия. Но в то же время это возврат к своего рода расширенному аутоэротизму, который предоставлял первое удовлетворение сексуальному влечению. Вместо изменения во внешнем мире мы находим изменение в организме, то есть внутреннее действие вместо внешнего, приспособление вместо поступка, что опять-таки соответствует регрессии, имеющей очень большое значение в филогенетическом отношении. Мы поймем это только в связи с новым явлением, с которым нам еще предстоит познакомиться благодаря аналитическому исследованию образования симптомов. Далее, мы припоминаем, что в образовании симптомов участвовали те же процессы бессознательного, что и при образовании сновидений, сгущение и смещение. Симптом, как и сновидение, изображает что-то осуществленным, дает удовлетворение наподобие инфантильного, но

благодаря крайнему сгущению это удовлетворение может быть сведено к одному какому-нибудь ощущению или иннервации благодаря крайнему смещению ограничено одной маленькой подробностью из всего либидинозного комплекса. Нет ничего удивительного в том, что нередко и мы испытываем трудности при распознании в симптоме предполагаемого и всякий раз подтверждающегося либидинозного удовлетворения.

Я уже говорил вам, что нам предстоит узнать еще коечто новое: это действительно нечто поразительное и смущающее. Вы уже знаете, что посредством анализа мы, исходя из симптомов, знакомимся с инфантильными переживаниями, на которых фиксировано либидо и из которых создаются симптомы. И вот поразительно то, что эти инфантильные сцены не всегда верны. Более того, в большинстве случаев они неверны, а в отдельных случаях находятся в прямом противоречии с исторической правдой. Вы видите, что это открытие больше, чем какое-нибудь другое, способно дискредитировать или анализ, приведший к таким результатам, или больных, на сообщениях которых построен анализ и все понимание неврозов. Кроме того, с этим связано еще нечто, способное привести в смущение. Если бы вскрытые психоанализом инфантильные переживания были всегда реальны, то мы бы чувствовали, что стоим на твердой почве; если бы они оказались всегда фальшивыми, вымыслами и фантазиями больных, то нам нужно было бы оставить эту колеблющуюся почву и искать спасения на другой. Но ни то, ни другое не соответствует истине, а положение дел таково, что сконструированные и припоминаемые в анализе детские переживания один раз бесспорно лживы, а другой раз столь же несомненно верны, а в большинстве случаев составляют смесь истины и лжи. Симптомы, таким образом, то представляют собой изображения действительно имевших место переживаний, которым можно приписать влияние на фиксацию либидо, то изображение фантазий больного, понятно, совершенно не подходящих для этой этиологической роли. В этом трудно разобраться. Первое указание мы находим, может быть, в сходном открытии, а именно что отдельные детские воспоминания, которые уже давно, до всякого анализа, сохраняются в сознании больного, также могут быть ложны или, по крайней мере, представлять собою обильную смесь истины и лжи. Здесь доказательство неправильности редко встречается с труд-

ностями, и таким образом, мы, по крайней мере, спокойны относительно того, что в этом неожиданном разочаровании виноват не анализ, а — так или иначе — больные.

После некоторого размышления мы легко поймем, что нас так смущает в этом вопросе. Это недостаточно серьезная оценка реальности, пренебрежительное отношение к различию между реальностью и фантазией. Нас смущает соблазн поддаться чувству обиды за то, что больные морочат нас своими измышлениями. Действительность кажется нам чем-то бесконечно далеким от выдумок и заслуживает у нас совершенно другой оценки. Такой же точки зрения в своем нормальном мышлении придерживается и больной. Когда он сообщает материал, который ведет от симптомов к желанной ситуации, придуманной по образцу детских переживаний, то сначала мы, правда, еще сомневаемся, идет ли дело о фантазии или о действительности. Позже, по некоторым признакам у нас появляется возможность отличать фантазию от действительности, и перед нами встает задача сообщить об этом и больному. При этом дело никогда не обходится без трудностей. Если мы сразу с самого начала открываем ему, что он теперь собирается обнаружить фантазии, которыми он окутал историю своего детства подобно тому, как всякий народ окутывает сказаниями свой доисторический период, то мы замечаем, что у него самым нежелательным для нас образом вдруг пропадает интерес к продолжению темы. Он тоже хочет узнать то, что действительно было и презирает всякую «фантазию». Если же мы предоставляем ему до окончания этой части работы верить, что мы занимаемся исследованием реальных событий его детских лет, то мы рискуем, что он потом будет упрекать нас в ошибке и высмеивать наше мнимое легковерие. Он долго не может понять наше предложение не делать различия между фантазией и действительностью и не заботиться сначала о том, представляют ли собой детские переживания, которые нужно выяснить, то или другое. И тем не менее, именно такое отношение к этим душевным продуктам единственно правильное. И у них есть своего рода реальность: несомненным представляется тот факт, что больной создал себе такие фантазии, и факт этот едва ли имеет для его невроза меньшее значение, чем если бы он действительно пережил содержание этих фантазий. Эти фантазии имеют *психическую* реальность в противоположность *материаль-*

ной, и постепенно мы научаемся понимать, что в *мире неврозов решающей является психическая реальность.*

Среди событий, всегда повторяющихся в юношеских переживаниях невротиков и, по-видимому, почти всегда имеющих место, некоторые приобретают особенно большое значение, почему я и думаю, что их стоит особенно подчеркнуть. Как примеры такого рода я перечисляю: наблюдение родительского полового сношения, совращение каким-нибудь взрослым человеком и угроза кастрации. Большой ошибкой было бы полагать, что у них никогда нет материальной реальности, наоборот, часто можно при помощи опроса старших родственников установить вне всякого сомнения такую реальность. Так, например, нередко случается, что родители или няня грозят маленькому мальчику, который играет со своим органом и не знает еще, что такого рода занятия нужно скрывать, что ему отрежут этот орган или грешную руку. Часто при опросе родители в этом сознаются, так как думают, что таким запугиванием делали что-то целесообразное; у многих сохраняются вполне точные, сознательные воспоминания об этой угрозе, особенно тогда, когда она относится к более поздним годам. Когда мать или другая женщина высказывают такую угрозу, то ее исполнение они перекладывают на отца или врача. В знаменитом «Растрепе» франкфуртского педиатра Гофмана, который обязан своим успехом пониманию сексуальных и других комплексов детского возраста, вы видите кастрацию смягченной, замененной отрезанием опухшего пальца в наказание за упрямое сосание. Но кажется в высшей степени невероятным, чтобы детям угрожали кастрацией так часто, как это выглядит при анализе невротиков. Мы довольствуемся пониманием того, что ребенок создает в своей фантазии такую угрозу на основании намеков, при помощи знания, что аутоэротическое удовлетворение запрещено, а также под влиянием открытия женских гениталий. Точно так же никоим образом не исключена возможность, что маленький ребенок, пока не допускают у него понимания и памяти, становится свидетелем полового акта родителей и других взрослых не только в пролетарских семьях, и нельзя отказаться от мысли, что ребенок *впоследствии* может понять это впечатление и на него реагировать. Если же это сношение описывается в самых подробных деталях, представляющих трудности для наблюдения, или если оно оказывается, как это часто бывает, сношением сзади, *more*

ferarum[1], то не остается никакого сомнения в том, что эта фантазия имеет отношение к наблюдению сношений у животных (собак), и мотивировкой ее является неудовлетворенная страсть к подглядыванию у ребенка в годы полового созревания. Высшее проявление такого рода составляют фантазии о наблюдении полового акта родителей во время пребывания в материнской утробе еще до рождения. Особый интерес представляют фантазия о соблазне, потому что слишком часто это — не фантазия, а реальное воспоминание. Но, к счастью, она все-таки не так часто реальна, как это показалось сначала по результатам анализа. Соблазнение со стороны старших или одновозрастных детей случается все-таки чаще, чем со стороны взрослых; и если у девочек, которые рассказывают о таком событии в истории своего детства, в роли соблазнителя довольно часто выступает отец, то ни фантастическая природа этого обвинения, ни вызывающий его мотив не подлежат никакому сомнению[2]. Такой фантазией о соблазне в тех случаях, когда никакого соблазна не было, ребенок обыкновенно прикрывает аутоэротический период своих сексуальных проявлений. Он избавляет себя от стыда за мастурбацию тем, что в фантазии перемещает желанный объект в эти ранние времена. Не подумайте, впрочем, что сексуальное злоупотребление ребенком со стороны ближайших родственников-мужчин относится всецело к области фантазии. Большинству аналитиков, наверное, приходилось иметь дело с такими случаями, в которых подобные отношения были реальным фактом и могли быть установлены вне всякого сомнения; они относились к более поздним годам детства и только были перенесены в более ранние.

Возникает впечатление, что такие события в детстве почему-то требуются, что они с железной необходимостью входят в состав невроза. Если они имеются в реальности, то хорошо; если реальность отказала в них, то они составляются из намеков и дополняются фантазией. Результат один и тот же, и до настоящего времени нам не удалось доказать, что существует какое-нибудь различие в последствиях в зависимости от того, принимает ли в событиях детства большее участие реальность или фантазия. Здесь имеется опять-

---

[1] [Подобно животным (лат.).]

[2] [Фрейд более подробно излагает эту тему в 33-й лекции «Нового цикла».]

таки одно из часто упоминавшихся ранее дополнительных отношений; правда, это самое странное из всех известных нам. Откуда берется потребность в таких фантазиях и материал для них? Относительно влечений, составляющих их источник, не может быть сомнения, но нуждается в объяснении факт, что всякий раз создаются фантазии одного и того же содержания. У меня готов ответ, но я знаю, что он вам покажется слишком смелым. Я полагаю, что эти *первичные фантазии* – так я хотел бы назвать их и еще некоторые другие – представляют собой филогенетическое достояние. Индивид в этих фантазиях выходит за пределы собственного переживания, доходя до переживаний доисторических времен в тех случаях, когда его собственное переживание стало слишком рудиментарным. Мне кажется весьма возможным, что все, что нам рассказывается в анализе как фантазия – соблазнение детей, вспышки сексуального возбуждения при наблюдении родительского полового акта, угрозы кастрации – или, вернее, кастрация – были когда-то в первобытной человеческой семье реальностью, и что фантазирующий ребенок пробелы в индивидуальной правде восполнил доисторической правдой. У нас неоднократно возникало подозрение, что психология неврозов сохранила из древнего периода человеческого развития больше, чем все другие источники[1].

Уважаемые дамы и господа! Только что сказанное побуждает нас поближе рассмотреть происхождение и значение того рода душевной деятельности, которая называется «фантазией»[2]. Как вам известно, ее все очень высоко ценят, хотя не уясняют себе вполне место, занимаемое ею в душевной жизни. По этому поводу я могу сказать вам следующее. Как вы знаете, воздействие внешней необходимости постепенно научает Я человека считаться с реальностью и следовать принципу реальности, и при этом ему приходится временно или навсегда отказаться от различных объектов своего стремления к удовольствию – не только сексуальному. Но отказ от удовольствия человеку удается всегда с трудом, это соверша-

[1] [Это рассуждение о «первичной фантазии» и возможности передачи ее по наследству основано преимущественно на результатах анализа случая «Волкова» (1918*b*).]

[2] [Важнейшие высказывания Фрейда о фантазии содержатся в работах «Поэт и фантазирование» (1908е) и «Истерические фантазии и их отношение к бисексуальности» (1908а).]

ется не без своего рода возмещения. Поэтому человек сохранил особую душевную деятельность, в области которой допускается дальнейшее существование всех этих источников и всех оставленных путей достижения удовольствия, от которых пришлось отказаться, — такую форму существования, в которой они освобождаются от требований реальности и от того, что мы называем «проверкой реальности». Всякое стремление принимает тотчас же форму представления, заключающего в себе исполнение желания; несомненно, что исполнение желания в фантазии дает известное удовлетворение, хотя при этом сохраняется знание того, что речь идет не о реальности. Поэтому в деятельности фантазии человек снова наслаждается свободой, лишенной всякого внешнего принуждения, от которой он в действительности давно отказался. Ему удается попеременно быть наслаждающимся животным и затем опять разумным существом. Он не может довольствоваться тем скудным удовлетворением, которое ему удается отвоевать у действительности. «Невозможно вообще обойтись без вспомогательных конструкций», — сказал однажды Т. Фонтане. Творения душевной области фантазии находят полную параллель в создании «заповедников», «природных парков» там, где требования земледелия, путей сообщения и промышленности грозят быстро до неузнаваемости изменить первоначальный вид земли. Природные парки сохраняют то древнее состояние, которое в других местах повсюду с сожалением принесено в жертву требованиям необходимости. Там все может расти и разрастаться, как хочет, даже бесполезное, даже вредное. Такой отнятый у принципа реальности заповедник представляет собой душевная область фантазии.

Самые известные продукты фантазии — это уже знакомые нам так называемые «сны наяву», грезы, воображаемые удовлетворения честолюбивых, выражающих манию величия, эротических желаний, разрастающихся тем роскошней, чем большей скромности или терпения требует действительность. В них с очевидностью проявляется сущность счастья, изживаемого в фантазии, восстановление независимости получения наслаждения от одобрения реальности. Мы знаем, что такие сны наяву составляют прообраз и ядро ночных сновидений. Ночное сновидение, в сущности, представляет собой не что иное, как сон наяву, использованный благодаря ночной свободе влечений и искаженный ночной формой душевной деятельности. Мы уже примирились с мыслью, что

и грезы не должны непременно быть сознательными, что бывают и бессознательные грезы. Такие бессознательные грезы становятся как источником ночных сновидений, так и источником невротических симптомов.

Значение фантазий для симптомообразования станет вам ясно из следующего. Мы сказали, что в случае неудачи либидо регрессивно перемещается на оставленные им позиции, на которых оно застряло в некотором количестве. Мы не отказываемся от этого и не вводим поправок, но нам нужно ввести связующее звено. Каким образом либидо находит путь к этим местам своей фиксации? Все оставленные объекты и направления либидо оставлены не во всех смыслах. Они или их производные еще с известной интенсивностью сохраняются в образах фантазии. Либидо достаточно обратиться назад в область фантазии, чтобы оно нашло там открытый путь ко всем вытесненным фиксациям. Эти фантазии пользовались известным попустительством, между ними и Я, как ни резки противоречия, нет конфликта, пока соблюдено одно определенное условие. Условие это, по природе своей *количественное,* нарушается благодаря обратному притоку либидо к фантазиям. Благодаря этому притоку количество энергии, связанной с фантазиями, так повышается, что они становятся очень требовательными и проявляют стремление к реализации. Но тогда конфликт между ними и Я становится неизбежным. Независимо от того, были ли они до того предсознательными или сознательными, они теперь подлежат вытеснению со стороны Я и предоставлены влиянию притяжения бессознательного. От бессознательных фантазий либидо переносится теперь к их первоисточникам в бессознательном, к местам собственной фиксации либидо.

Возврат либидо к фантазиям составляет переходную ступень на пути к симптомообразованию, заслуживающую особого обозначения. К. Г. Юнг дал ей очень подходящее название интроверсии[1], но совершенно нецелесообразно придал этому названию еще и другое значение. Мы остановимся на том, что интроверсия означает отход либидо от возможного реального удовлетворения и усиленное вложение[2] его в безобидные до сих пор фантазии. Интровертированный чело-

---

[1] [Юнг использовал это обозначение некоторое время только для *dementia praecox* (ср. Jung, 1911).]

[2] [То есть вклад дополнительного количества психической энергии.]

век еще не невротик, но он находится в неустойчивом состоянии; при ближайшем изменении соотношения внутренних сил у него должны развиться симптомы, если он не найдет другого выхода для накопившегося у него либидо. Нереальный же характер невротического удовлетворения и игнорирование различия между фантазией и действительностью уже предопределены пребыванием на ступени интроверсии.

Вы, наверно, заметили, что в последних рассуждениях я ввел новый фактор в последовательность этиологической цепи, а именно количество, величину энергии, о которой идет речь: с этим фактором нам еще всюду придется считаться. Чисто количественного анализа этиологических условий, или, другими словами, одного только *динамического* понимания душевных процессов еще недостаточно – нужно еще принять во внимание *экономическую* точку зрения. Мы должны сказать себе, что конфликт между двумя стремлениями не возникнет, пока не будет достигнута определенная интенсивность вложений энергии, даже если содержательные условия давно сложились. Точно так же патогенное значение конституциональных факторов зависит от того, насколько *больше* во врожденной конституции заложено одного влечения, чем другого: можно себе даже представить, что врожденные конституции людей качественно одинаковы и отличаются одна от другой только количественным соотношением влечений. Не менее решающим является количественный момент и в вопросе о сопротивляемости невротическим заболеваниям. Она зависит от того, *какое количество* неиспользованного либидо может находиться у человека в свободном состоянии и какую часть своего либидо он может отклонить от сексуального с целью сублимации. Конечная цель человеческой деятельности, которую в качественном отношении можно описать, как стремление к получению удовольствия и избежание неудовольствия, с экономической точки зрения представляется задачей, состоящей в том, чтобы справиться с действующим в душевном аппарате количеством возбуждения (массой раздражения) и не допустить его до такого застоя, который вызовет неудовольствие[1].

---

[1] [Здесь Фрейд, по-видимому, приравнивает «принцип удовольствия» к «принципу константности», хотя в другом месте, где он приводил рассуждения на эту тему, он указывал на сомнительность такого уподобления. Впоследствии он четко развел оба принципа, см. «Экономическая проблема мазохизма» (1924*c*).]

Вот то, что я хотел сказать вам о симптомообразовании при неврозах. Но, чтобы не забыть, еще раз точнее подчеркну: все сказанное здесь относится только к образованию симптомов при истерии. Уже при неврозе навязчивости — при сохранении основных положений — многое происходит по-другому. Внутренние сопротивления требованиям влечений, о которых шла речь и при истерии, при неврозе навязчивости выступают на первый план и, благодаря так называемым «реактивным образованиям», преобладают во всей клинической картине. Такие же и еще дальше идущие отступления мы открываем при других неврозах, в которых исследование механизмов образования симптомов еще никоим образом не закончено.

Но прежде чем отпустить вас сегодня, я хотел бы на минуту обратить ваше внимание на одну сторону жизни фантазии, заслуживающую общего внимания. Есть обратный путь от фантазии к реальности, это путь искусства. В сущности своей художник — это инвертированный человек, которому недалеко и до невроза. Его обуревают очень сильные порывы влечений, он хотел бы иметь почести, могущество, богатство, славу и женскую любовь: но у него не хватает средств достигнуть этого удовлетворения. А потому он уходит, как и всякий неудовлетворенный, от действительности и переносит все свое либидо и весь свой интерес на желанные образы своей фантазии, откуда может открыться путь к неврозу. Нужны совпадения многих условий, чтобы развитие его не направилось всецело в эту сторону: ведь известно, что именно художники вследствие невроза часто страдают частичным торможением своей трудоспособности. Их конституция, наверное, характеризуется большой склонностью к сублимации и некоторой слабостью вытеснений, детерминирующих конфликт. Обратный же путь к реальности художник находит следующим образом. Он не единственный, кто живет в фантазии. Срединное царство фантазии получило признание всего человечества, и всякий испытывающий лишения ждет от него облегчения и утешения. Но для не художника возможность получать удовольствие от источников фантазии очень ограничена. Неумолимость вытеснений заставляет их довольствоваться только теми незначительными грезами, которые еще могут быть ими осознаны. Истинный же художник имеет в своем распоряжении нечто большее. Во-первых, он умеет так обрабатывать свои грезы, что они утрачивают все слишком лич-

ное, отталкивающее посторонних, и могут благодаря этому доставлять удовольствие другим. Он также умеет их настолько смягчить, что нелегко заметить их происхождение из запретных источников. Он обладает, далее, загадочным умением придавать форму определенному материалу и обрабатывать его до тех пор, пока материал не станет верным отображением его фантазии, и затем он умеет связать столько чувства удовольствия с этим отображением его бессознательной фантазии, что благодаря этому, по крайней мере, временно, преодолеваются и уничтожаются вытеснения. Если он может совершить все это, то он дает возможность и другим людям снова черпать утешение и облегчение от сделавшихся недоступными в их бессознательном источников наслаждения, вызывает их восхищение и благодарность и достигает *посредством* деятельности своей фантазии того, чего раньше достигал только в своей фантазии: почестей, могущества и женской любви.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦИЯ

Общая нервозность

Уважаемые дамы и господа! После того как в последних беседах мы завершили такую трудную часть работы, я оставляю на время этот предмет и обращаюсь к вам со следующим.

Мне известно, что вы недовольны. Вы представляли себе курс «Введение в психоанализ» иначе. Вы надеялись услышать о примерах, взятых из жизни, а не теорию. Вы скажете мне, что только единственный раз, когда я изложил вам параллель «в подвале и на первом этаже», вы кое-что поняли о причинах неврозов, но лучше было бы, если бы это были настоящие наблюдения, а не вымышленная история. Или, когда в самом начале я описал вам два — надеюсь, не вымышленных — симптома, изложил вам объяснение их и отношение к жизни больных, то вам стал ясен «смысл» симптомов; вы надеялись, что я буду продолжать

в том же духе. Но вместо этого я излагал вам пространные, расплывчатые теории, да и то не полностью, а частями, добавляя к ним все новые отрывки, пользовался понятиями, которых вам не разъяснял, переходил от описательного изложения к динамическому пониманию, от последнего к так называемому «экономическому», причем вам было трудно понять, какие из примененных терминов имеют одинаковое значение и какие заменяют друг друга только для благозвучия, выдвигал перед вами такие общие точки зрения, как принцип удовольствия и реальности, и филогенетически унаследованное, и вместо того чтобы действительно познакомить вас с общими научными положениями, я развертывал перед вашим взором что-то такое, что все больше удалялось от вас.

Почему же я не начал введение в теорию неврозов с того, что вам самим известно о нервозности и что давно уже привлекало ваше внимание? Почему я не начал с особенностей существа нервнобольных, с их неразумных реакций на человеческое обращение и на внешние влияния, с их раздражительности, с их неожиданных вспышек и непригодности к жизни? Почему не повел вас шаг за шагом к пониманию нервозности начиная с более простых повседневных форм и доходя до проблем загадочных, крайних явлений?

Да, нельзя сказать, чтобы вы были неправы. Я вовсе не в таком восхищении от моего искусства изложения, чтобы приписывать особую прелесть каждому его недостатку. Я сам думаю, что можно было бы сделать иначе и с большей пользой для вас; это и входило в мои планы. Но не всегда удается привести в исполнение разумные намерения. Часто в самом материале заключается что-то такое, что оказывается сильней и заставляет оставить первоначальные намерения. Даже такой скромный труд, как распределение хорошо известного материала, не всецело подчиняется воле автора; он идет, как хочет, и лишь позже можно спросить себя, почему оно вышло так, а не иначе.

Одна из причин указанных недочетов моего изложения, вероятно, та, что название «Введение в психоанализ» не подходит уже к этой части, в которой речь идет о неврозах. Введение в психоанализ составляет изучение ошибочных действий и сновидения; учение о неврозах — это уже сам психоанализ. Не думаю, чтобы мне удалось в такое короткое время познакомить вас с содержанием учения о неврозах иначе, чем в такой сконцентрированной форме. Вопрос

сводился к тому, чтобы в общей связи разъяснить вам смысл и значение симптомов, внешние и внутренние условия и механизм их образования. Я попытался это сделать: в этом заключается приблизительно ядро того, что составляет теперь учение психоанализа. При этом пришлось много говорить о либидо и его развитии и кое-что о развитии Я. Из введения вы познакомились с исходными положениями нашей техники и с основными взглядами на бессознательное и на вытеснение (сопротивление). На одной из ближайших лекций (26-й) вы узнаете, в чем психоаналитическая работа находит свое органическое продолжение. А до того я не скрыл от вас, что все наши сведения основаны на изучении одной единственной группы нервных расстройств, так называемых неврозов переноса. Даже механизм симптомообразования я проследил только для истерического невроза. Если вы и не приобрели солидных познаний и не запомнили всех мелочей, то все же, я надеюсь, у вас сложилась картина того, какими средствами работает психоанализ, каких он касается вопросов и каких достиг результатов.

Я приписал вам пожелание, чтобы я начал описание неврозов с поведения нервнобольных, с описания того, как они страдают от своих неврозов, как они борются с ними и приспосабливаются к ним. Это, несомненно, интересный и достойный познания предмет, не очень трудный, но сомнительно, стоит ли начинать с него. Рискуешь не обнаружить бессознательного, не заметить при этом большего значения либидо и судить обо всех отношениях так, как они кажутся Я нервнобольного. А то, что это Я — не беспристрастная и не заслуживающая полного доверия сторона, совершенно очевидно. Именно Я ведь и составляет силу, отрицающую бессознательное, сводящую его до состояния вытесненного, как же можно поверить, что оно правильно отнесется к этому бессознательному? Среди этого вытесненного на первом плане находятся отвергнутые требования сексуальности; само собой разумеется, что мы не можем открыть их объем и значение, исходя из того, как их понимает Я. С того момента как для нас начинает проясняться позиция вытеснения, мы должны остерегаться, чтобы не поставить судьей в этом споре одну из спорящих сторон, к тому же еще и победоносную. Мы боимся, что показания Я введут нас в заблуждение. Если верить Я, то нужно допустить, что оно было активным во всех отношениях, оно само хотело и создало все свои симптомы. Мы

знаем, что оно позволяет себе быть довольно-таки пассивным, но хочет это скрыть и приукрасить. Правда, оно не всегда решается на такую попытку; при симптомах невроза навязчивости оно должно признать, что ему противостоит что-то чуждое, от которого оно с трудом защищается.

Кого не удерживают такие предостережения принимать за чистую монету все подделки Я, тому, наверно, все легко дается, и он избавлен от всего того сопротивления, которое оказывается психоанализу за то, что он подчеркивает бессознательное, сексуальность и пассивность Я; тот, подобно Альфреду Адлеру (1912), может утверждать, что «нервный характер» и есть причина, а не следствие невроза, но он не сумеет объяснить ни одной детали образования симптома и ни одного сновидения.

Вы спросите: нельзя ли как-нибудь справедливо оценить участие Я в нервозности и в симптомообразовании, явно не пренебрегая при этом открытыми психоанализом факторами? Я отвечаю: понятно, это возможно, и когда-нибудь так и будет; но такое начало – не в традициях работы психоанализа. Можно даже предсказать, когда эта задача встанет перед психоанализом. Встречаются неврозы, в которых Я принимает гораздо более интенсивное участие, чем в нами изученных: мы называем их «нарциссическими». Аналитическая обработка этих расстройств даст нам возможность судить беспристрастно и справедливо об участии Я в невротическом заболевании[1].

Но одно из отношений Я к его неврозу до того очевидно, что с самого начала могло быть принято во внимание. Как кажется, оно повторяется во всех случаях; но ясней всего оно видно при расстройстве, которого мы еще далеко не понимаем, – при *травматическом неврозе*. Вы должны знать, что в причинах и в механизме всевозможных форм неврозов всегда повторяются одни и те же моменты, но только в одном случае главное значение для симптомообразования принадлежит одному из этих моментов, в другом случае – другому. Это подобно составу театральной труппы, в которой у каждого своя роль: герой, близкий друг, интриган и т. п.; но каждый изберет для своего бенефиса свою пьесу. Так и фантазии, превращающиеся в симптомы, нигде не проявляются ясней, чем при истерии; противоположные

[1] [Фрейд подробнее обсуждает эту тему в 26-й лекции.]

чувства и реактивные образования Я господствуют в картине невроза навязчивости; то, что мы назвали *вторичной переработкой* сновидения, занимает первое место в паранойе и т. д.

Таким образом, при травматических неврозах, особенно таких, которые возникают от ужасов войны, для нас совершенно очевидно выясняется эгоистический мотив Я. стремящийся к защите и пользе, который не может в одиночку создать болезнь, но дает свое согласие на нее и, когда она уже развилась, поддерживает ее. Мотив этот хочет уберечь Я от опасностей, угроза которых и послужила поводом к заболеванию, и не допустит выздоровления прежде, чем будет исключена возможность повторения этой опасности или только после того, как больной получил возмещение за перенесенную опасность.

Но такое же участие в развитии и существовании неврозов Я принимает и во всех других случаях. Мы уже сказали, что симптом поддерживается также и со стороны Я, потому что у него есть и такая сторона, благодаря которой он предоставляет удовлетворение вытесняющей тенденции Я. Кроме того, разрешение конфликта посредством симптомообразования является самым удобным и самым приемлемым выходом для принципа удовольствия; такой выход несомненно избавляет Я от излишней, большой и мучительной внутренней работы. Бывают случаи, когда даже врач должен сознаться, что разрешение конфликта в форме невроза представляет собой самое безобидное и самое допустимое в социальном отношении решение. Не удивляйтесь, если услышите, что сам врач становится на сторону болезни, с которой он должен бороться. Врачу незачем во что бы то ни стало проявлять узость фанатика здоровья, он знает, что на свете бывает не только невротическое бедствие, но также и реальное страдание, которое нельзя прекратить, что необходимость может потребовать от человека принести в жертву свое здоровье, и он знает, что такой жертвой одного человека предупреждаются бесконечные несчастья многих. Если поэтому можно сказать, что невротик всякий раз совершает *бегство в болезнь* от конфликта, то нужно признать в некоторых случаях, что такое бегство полностью оправдано, и врач, понявший такое положение вещей, должен молча и щадя больного отойти в сторону.

Но в дальнейшем изложении мы не будем касаться этих исключительных случаев. При обычных средних условиях

мы знаем, что благодаря отступлению в невроз Я получает известного рода внутреннюю *выгоду от болезни*. К ней присоединяется в некоторых случаях осязаемое внешнее преимущество, более или менее ценимое в реальной жизни. Посмотрите на самый частый случай такого рода. Женщина, с которой муж грубо обращается, беспощадно используя ее, находит почти всегда выход в неврозе, если предрасположение делает это для нее возможным. Если она слишком труслива или слишком нравственна, чтобы тайно находить утешение с другим, если она недостаточно сильна, чтобы, несмотря ни на какие внешние препятствия оставить его, если у нее нет надежды добывать самой средства к существованию, и, если она, кроме того, благодаря своим сексуальным переживаниям привязана к этому грубому человеку. Тогда ее болезнь становится оружием борьбы против него, оружием, которым она может воспользоваться как средством защиты, и которым она может злоупотребить в целях мести. Она может жаловаться на свою болезнь, а на свой брак она, вероятно, жаловаться не осмеливалась. В лице врача она находит соучастника, она заставляет беспощадного мужа щадить ее, тратиться на нее, позволять ей временные отлучки из дому, а вместе с тем и освобождение от супружеского деспотизма. Там, где такая внешняя или случайная выгода от болезни довольно значительна и не может найти какую-нибудь реальную замену, вы не будете высокого мнения о возможности оказать влияние на невроз посредством терапии.

Вы меня упрекнете, что сказанное мною о выгоде от болезни, безусловно, говорит в пользу взгляда, который я сам же считаю неверным, что именно Я хочет и создает невроз. Допустим, что это означает только то, что Я мирится с неврозом, которому не может помешать, и делает из него самое лучшее, если из него вообще можно что-то сделать. Это только одна сторона дела, хотя и приятная. Поскольку с неврозом связаны преимущества, Я с ним мирится, но у него имеются не только преимущества. Обычно скоро выясняется, что Я совершило невыгодную сделку, согласившись на невроз. Оно слишком дорого заплатило за облегчение конфликта, и ощущения страдания, которые связаны с симптомами, являются, может быть, эквивалентной заменой мук конфликта, но, вероятно, еще с большим количеством неудовольствия. Я хотело бы освободиться от неудовольствия симптомов, не отказываясь в то же время от выгоды от бо-

лезни, но этого, однако, оно не в состоянии сделать. При этом оказывается, что оно было совсем не таким активным, как считало себя, — постараемся это запомнить.

Уважаемые господа, когда вам как врачам придется иметь дело с невротиками, то вы скоро откажетесь от мысли, что те больные, которые сильнее всего ноют и жалуются на свою болезнь, охотнее всего идут навстречу оказываемой им помощи и проявляют самое незначительное сопротивление лечению. Скорее наоборот. Но вы легко поймете, что все, что вносит вклад в выгоду от болезни, усиливает сопротивление от вытеснения и увеличивает терапевтические трудности. К той доле выгоды от болезни, которая рождается, так сказать, вместе с симптомом, нам следует, однако, прибавить еще одну, которая возникает позже. Если такая психическая организация, как болезнь, существовала долгое время, то она в конце концов ведет себя, как самостоятельное существо; она проявляет нечто вроде инстинкта самосохранения, между нею и другими сторонами душевной жизни вырабатывается своего рода *modus vivendi*[1] — даже со сторонами, по существу своему враждебными ей; почти всегда бывает так, что в некоторых отношениях болезнь оказывается полезной и применимой, так что она как бы приобретает *вторичную функцию*, укрепляющую ее существование. Вместо примера из патологии возьмите яркий пример из обыденной жизни. Прилежный рабочий, зарабатывающий себе на содержание, благодаря несчастному случаю на работе превращается в калеку; с работой теперь кончено, но со временем потерпевший получает маленькую пенсию и научается пользоваться своим уродством, как нищий. Его новое, хотя и ухудшенное, состояние основано теперь именно на том, что лишило его прежних средств к существованию. Если вы можете исправить его уродство, то тем лишите его поддержки; возникает вопрос: способен ли он уже приступить к своей прежней работе? То, что соответствует при неврозе такому вторичному использованию болезни, мы можем присоединить к первичному как *вторичную* выгоду от болезни[2].

---

[1] [Образ жизни (лат.).]

[2] [Вопрос о выгоде от болезни подробно обсуждается в истории болезни «Доры» (1905*e*). Там Фрейд в длинном примечании, добавленном в 1923 году, вносит поправки в своей собственный анализ случая и дает наиболее ясное изложение данной проблемы.]

Но в общем я хотел бы сказать, чтобы вы не оценивали слишком низко практическое значение выгоды от болезни и не придавали бы ей слишком большого значения в теоретическом отношении. Не считая упомянутых раньше исключений, выгода от болезни напоминает примеры «ума животных», иллюстрированные Оберлендером в «*Fliegende Blätter*». Араб едет на верблюде по узкой тропинке, высеченной на крутом склоне горы. На повороте дороги он вдруг встречается со львом, готовым сделать прыжок. Он не видит выхода: с одной стороны сверху крутой склон горы, с другой – пропасть; повернуть и убежать невозможно; он считает себя погибшим. Но иначе поступает животное. Вместе с всадником верблюд делает прыжок в пропасть – и лев остается ни с чем. Обычно помощь, оказываемая неврозом, дает не лучший результат для больного. Вероятно, это происходит потому, что разрешение конфликта путем симптомообразования – это автоматический процесс, который не соответствует требованиям жизни и при котором человек отказывается от использования своих лучших и высших сил. Если бы был выбор, то следовало бы предпочесть погибнуть в честном бою с судьбой.

Уважаемые дамы и господа, я должен, однако, разъяснить вам еще другие мотивы, по которым в своем изложении теории неврозов я не исходил из обычной нервозности. Может быть, вы подумаете, что я сделал это потому, что в таком случае мне трудно было бы доказать сексуальную причину неврозов, но тут вы ошибаетесь. Чтобы прийти к такому взгляду при неврозах переноса нужно проделать всю работу толкования симптомов. При обычных формах, при так называемых *актуальных неврозах*[1], этиологическое значение сексуальной жизни является явным и легко доступным наблюдению фактом. Я наткнулся на этот факт свыше двадцати лет тому назад, когда однажды поставил себе вопрос: почему при расспросе нервнобольных их сексуальные проявления не принимаются во внимание? Тогда я принес в жертву этим исследованиям мою популярность у больных, но после недолгих усилий я в состоянии был уже сформулировать положение, что при нормальной *vita*

[1] [Определение «актуальный», характеризующее эту группу неврозов, означает, что их причины происходят исключительно из настоящего, а не из прошлого, как при психоневрозах.]

sexualis[1] не бывает невроза — я подразумеваю: актуального невроза[2]. Правда, это положение слишком игнорирует индивидуальные различия между людьми, оно отличается к тому же неопределенностью, неотделимой от представления о «нормальном», но для общей ориентировки оно до сих пор сохраняет свою значимость. Я дошел тогда до того. что установил специфическое взаимоотношение между определенными формами нервозности и особыми вредными сексуальными проявлениями, и я не сомневаюсь, что я мог бы теперь повторить те же наблюдения, если бы располагал таким же клиническим материалом. Часто я узнавал, что мужчина, довольствовавшийся определенным родом неполного сексуального удовлетворения, например онанизмом, заболевал определенной формой актуального невроза и что этот невроз быстро уступал место другому, когда он переходил к другому, столь же мало удовлетворительному сексуальному режиму. Я был тогда в состоянии угадать по изменениям в состоянии больного перемену в образе сексуальной жизни. Тогда же я научился упорно оставаться при моих предположениях, пока не преодолевал нежелания пациентов быть откровенными и не заставлял их подтвердить мои предположения. Верно и то, что они предпочитали обращаться к другим врачам, которые не расспрашивали с таким усердием об их сексуальной жизни.

И уже тогда от меня не могло ускользнуть, что причина заболевания не всегда сводилась к сексуальной жизни. Если один заболевал непосредственно от какого-нибудь сексуального момента, то другой заболевал от того, что терял свое состояние или перенес истощающую органическую болезнь. Объяснение этого разнообразия пришло позже, когда нам стало понятно предполагаемое взаимоотношение между Я и либидо, и объяснение это становилось тем более удовлетворительным, чем глубже было наше понимание. Некий человек заболевает неврозом только тогда, когда его Я теряет способность перенести свое либидо на что-нибудь. Чем сильнее Я, тем легче выполнить ему эту задачу: всякое ослабление Я, по каким бы то ни было причинам, должно

---

[1] [Сексуальной жизни (лат.).]

[2] [Пассаж из одной работы о сексуальности как факторе этиологии неврозов (1906*a*). Фрейд высказывал этот взгляд еще раньше, ср. его работу о неврозе страха (1895*b*), где содержится многое из того, что здесь заново формулируется.]

привести к таким же последствиям, как и слишком большое возрастание требований либидо, то есть сделать возможным невротическое заболевание. Есть еще более тесные, еще не вошедшие в наш кругозор, связи между Я и либидо, и поэтому я не привлекаю их здесь для объяснения[1]. Для нас остается существенным и проясняющим тот факт, что в каждом случае, независимо от того, каким путем развилась болезнь, в образовании симптомов невроза участвует либидо, что указывает на ненормальное применение последнего.

Теперь, однако, я должен обратить ваше внимание на коренное различие между симптомами актуальных неврозов и психоневрозов, из которых первая группа, то есть неврозы переноса, до сих пор нас так занимала. В обоих случаях симптомы происходят от либидо, то есть представляют собой ненормальное применение его, замену удовлетворения. Но симптомы актуальных неврозов — давление в голове, ощущение боли, состояние раздражения в каком-нибудь органе, ослабление или задержка функции — не имеют никакого «смысла», никакого психического значения. Они проявляются не только по преимуществу телесно, как, например, истерические симптомы, но они представляют собой и сами по себе исключительно телесные процессы, при которых отпадает развитие всех сложных уже известных нам душевных механизмов. Они действительно являются тем, чем так долго считали психоневротические симптомы. Но каким же образом они могут соответствовать применениям либидо, которое мы считаем действующей силой психики? Уважаемые господа, это очень просто. Позвольте мне напомнить одно из первых возражений, которое приводилось против психоанализа. Говорили, что психоанализ старается дать чисто психологическую теорию невротических проявлений, а это дело совершенно безнадежное, потому что психологические теории никогда не могут объяснить болезни. Изволили забыть, что сексуальная функция является так же чем-то только психическим, как и чем-то только соматическим. Она оказывает влияние и на телесную, и на душевную жизнь. Если в симптомах психоневрозов мы увидели выражение нарушений психического влияния сексу-

---

[1] [Несомненно, это намек на обсуждаемую в 26-й лекции тему нарцизма.]

альной функции, то нас не удивит, если в актуальных неврозах мы найдем непосредственные соматические следствия сексуальных нарушений.

Медицинская клиника дает нам для понимания последних ценное указание, которое принимали во внимание различные исследователи. Актуальные неврозы обнаруживают в деталях своей симптоматики так же, как и в своей способности влиять на все системы органов и на все функции несомненное сходство с болезненными состояниями, наступающими как при хроническом влиянии поступающих извне ядовитых веществ, так и при быстром лишении их, то есть с интоксикациями и с состоянием абстиненции. Обе группы расстройств обнаруживают еще большее сходство благодаря таким состояниям, которые мы научились объяснять также действием ядовитых веществ, но не введенных в организм извне, а образовавшихся в процессе собственного обмена веществ как, например, при базедовой болезни. Я полагаю, что, судя по этим аналогиям, мы должны видеть в неврозах следствие нарушения сексуального обмена веществ, потому ли, что таких сексуальных токсинов производится больше, чем может усвоить данное лицо, или потому, что внутренние или даже психические условия не допускают правильного устранения из организма этих веществ. Народная мудрость издавна придерживалась такого взгляда на природу сексуального желания, она называет любовь «опьянением», объясняет влюбленность действием любовного напитка, при этом перенося действующее начало в известном смысле во внешний мир. Это могло бы послужить для нас поводом к тому, чтобы вспомнить об эрогенных зонах и об утверждении, что сексуальное возбуждение может возникнуть в самых различных органах. Впрочем, слова «сексуальный обмен веществ» или «химизм сексуальности» представляет для нас понятие без содержания; мы об этом ничего не знаем и не можем даже решить — следует ли нам предполагать существование двух сексуальных веществ, которые получили бы тогда названия «мужского» и «женского»[1], или мы можем удовлетвориться *одним* сексуальным токсином, в котором следует видеть носителя всех раздражений либидо. Созданное нами науч-

---

[1] [В «Новом цикле» (33-я лекция) Фрейд решительно отвергает это предположение.]

ное здание психоанализа в действительности является надстройкой, которая когда-нибудь будет стоять на своем органическом фундаменте; но нам он пока неизвестен.

Психоанализ как науку характеризует не разрабатываемый им предмет, а техника, при помощи которой он работает. Без особых усилий психоанализ можно применять с успехом к истории культуры, к науке о религии и к мифологии так же, как и к учению о неврозах. Целью его является не что иное, как раскрытие бессознательного в душевной жизни. Проблемы актуальных неврозов, симптомы которых, вероятно, возникают вследствие токсического воздействия. не дают возможности применения психоанализа, он немного может дать для их объяснения и должен уступить эту задачу биологическому медицинскому исследованию. Теперь вы, может быть, лучше поймете, почему я не расположил в другом порядке мой материал. Если бы я обещал вам «Введение в учение о неврозах» то, несомненно, более правильным был бы путь от простых форм актуальных неврозов к сложным психическим заболеваниям вследствие нарушения либидо. При изложении актуальных неврозов я должен был бы описать с разных сторон то, что мы узнали или считаем, что знаем о них; а при психоневрозах речь зашла бы о психоанализе, как о главнейшем техническом средстве для прояснения этих состояний. Но я объявил и намеревался прочесть «Введение в психоанализ»; для меня было важнее. чтобы вы получили представление о психоанализе, чем некоторые знания о неврозах, и поэтому мне не следовало выдвигать на первый план бесполезные для психоанализа актуальные неврозы. Думаю также, что я сделал для вас более благоприятный выбор, потому что психоанализ благодаря своим глубоким исходным положениям и обширным связям с различными науками заслуживает того, чтобы привлечь интерес каждого образованного человека; а учение о неврозах – это лишь раздел медицины, один из многих.

Однако вы вполне законно ожидаете, что мы должны будем проявить некоторый интерес и к актуальным неврозам. Нас принуждает к этому их близкая связь с психоневрозами. Поэтому я хочу сообщить вам, что мы различаем три чистых формы актуальных неврозов: *неврастению, невроз страха* и *ипохондрию.* Но и это положение не свободно от возражений. Хотя все эти названия и очень употребительны, однако содержание их неопределенно и неустойчиво. Есть врачи, которые противятся всяким подразделениям

в путаном мире невротических явлений, всякому выделению клинических единиц, индивидуальных картин болезни и даже не признают разделение на актуальные неврозы и психоневрозы. Я полагаю, что они заходят слишком далеко и пошли не по тому пути, который ведет к прогрессу. Иногда названные формы неврозов встречаются в чистом виде, но чаще они образуют друг с другом смешанные формы с психоневротическим расстройством. Такие смешанные формы не должны заставлять нас отказываться от разделения их на отдельные клинические единицы. Вспомните различие между учением о минералах и учением о камнях в минералогии. Минералы описываются как индивиды, несомненно, на основании того факта, что они часто встречаются в виде кристаллов, резко отграниченных от окружающей среды. Камни состоят из смеси минералов, которые, конечно, соединились не случайно, а вследствие условия их образования. В учении о неврозах мы еще слишком мало понимаем, чтобы создать нечто подобное учению о камнях. Но мы, несомненно, поступим правильно, если сначала выделим из общей массы знакомых нам клинических индивидов такие, которые можно сравнить с минералами.

Примечательное отношение между симптомами актуальных неврозов и психоневрозов дает нам важное указание для понимания образования симптомов последних; симптом актуальных неврозов часто составляет ядро и подготовительную ступень психоневротического симптома. Яснее всего можно наблюдать такое отношение между неврастенией и неврозом переноса, названным «конверсионной истерией»; между неврозом страха и тревожной истерией, а также между ипохондрией и формами, о которых будет говориться как о парафрении (*dementia praecox* и *paranoia*). Возьмем для примера случай истерической головной боли или боли в крестце. Анализ показывает нам, что путем сгущения и смещения она стала заместителем удовлетворения целого ряда либидинозных фантазий или воспоминаний. Но эта боль была когда-то реальной, и тогда она была прямым сексуально-токсическим симптомом, телесным выражением либидинозного возбуждения. Мы абсолютно не хотим утверждать, что такое ядро имеют все истерические симптомы, но остается несомненным тот факт, что именно так случается особенно часто, и что всякие — нормальные или патологические — влияния либидинозных возбуждений на организм преимущественно ста-

новятся ядром для образования симптомов истерии. Эти возбуждения играют в таком случае роль той песчинки, которую улитка обволакивает слоями перламутра. Таким же образом психоневрозы пользуются преходящими признаками сексуального возбуждения, сопровождающими сексуальный акт, как самым удобным и подходящим материалом для симптомообразования.

Подобный процесс представляет особый диагностический и терапевтический интерес. У лиц, предрасположенных к неврозу, но не страдающих настоящим неврозом, нередко бывает, что болезненное изменение организма — от воспаления или ранения — вызывают работу симптомообразования; тогда имеющийся в реальности симптом быстро берет на себя роль представителя всех тех бессознательных фантазий, которые только того и ожидали, чтобы овладеть им как средством выражения. Врач изберет в таком случае тот или другой терапевтический путь; он захочет устранить органическую основу симптома, не заботясь о его шумливой невротической переработке, или он будет бороться против развившегося благодаря данной случайности невроза, не обращая внимания на его органический повод. Успех покажет правильность той или иной формы терапевтического вмешательства; в таких смешанных случаях невозможно дать общие предписания.

ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Тревога[1]

Уважаемые дамы и господа! То, что я вам сказал на последней лекции об общей нервозности, наверное, покажется вам самым неполным и недостаточным из моих сообще-

[1] [Первое подробное изложение этой темы Фрейдом содержится в одной работе о неврозе страха (1895*b*), а последнее — в работе «Торможение, симптом и тревога» (1926*d*). Хотя эта лекция, как указывает Фрейд в своем предисловии, на момент ее прочтения представляла собой наиболее исчерпывающее изложение проблемы тревоги, он все же в дальнейшем пересмотрел свои взгляды по многим важным пунктам. Его окончательная позиция изложена в 32-й лекции «Нового цикла».]

ний. Я это знаю и думаю, что ничто не удивило вас так, как тот факт, что при этом не было речи о тревоге, на которую жалуется большинство нервнобольных, считая ее самым ужасным своим страданием, и которая действительно достигает у них громадной интенсивности и ведет к самым безумным действиям. Но, по крайней мере, в этом вопросе я не хочу быть кратким, напротив, я решил особенно подробно остановиться на проблеме тревоги у нервнобольных и детально ее изложить.

Саму по себе тревогу мне незачем вам описывать. Каждому из нас приходилось на собственном опыте познакомиться с этим ощущением, или правильнее говоря, с этим аффективным состоянием. Но я думаю, что никто никогда не ставил серьезно вопроса, почему именно нервнобольные испытывают тревогу в большей степени, чем другие люди. Может быть, это считалось само собою понятным: ведь обыкновенно употребляют слова — «нервный» и «боязливый» одно вместо другого, как будто бы они имеют одно и то же значение. Но на это мы не имеем никакого права; встречаются люди боязливые, но вовсе не нервные, а с другой стороны — есть нервнобольные, страдающие многими симптомами, среди которых нет склонности к тревоге.

Но, как бы там ни было, несомненно то, что проблема тревоги — это узловой пункт, где сходятся самые разнообразные и важные вопросы, загадка, разрешение которой должно пролить массу света на всю нашу душевную жизнь. Не стану утверждать, что могу вам дать полное разрешение этой загадки. Но вы, наверное, ожидаете, что психоанализ подходит и к этой теме совсем иначе, чем официальная медицина. Там, по-видимому, интересуются прежде всего тем, какими анатомическими путями возникает состояние тревоги. Утверждают, что *medulla oblongata*[1] приходит в состояние раздражения, и больной узнает, что он страдает неврозом *nervus vagi*[2]. *Medulla oblongata* — очень серьезный и красивый объект. Я отлично помню, сколько времени и труда много лет тому назад я посвятил его изучению. Но теперь я должен сказать, что мне неизвестно ничего, что было бы безразличней для психологического понимания тревоги, чем знание нервного пути, по которому проходят ее возбуждения.

---

[1] [Продолговатый мозг (лат.).]

[2] [Блуждающий нерв (лат.).]

Можно много сказать о тревоге, вообще не касаясь нервозности. Вы меня сразу поймете, если такую тревогу я назову *реальным* страхом в противоположность *невротической* тревоге. Реальная тревога кажется нам чем-то очень рациональным и понятным. Мы можем о ней сказать, что она является реакцией на восприятие внешней опасности, то есть ожидаемого предвидимого повреждения, что она связана с рефлексом бегства и что в ней можно видеть выражение влечения к самосохранению. При каких условиях, то есть перед какими объектами и в каких ситуациях появляется тревога, зависит, разумеется, по большей части от состояния нашего знания и от имеющегося у нас чувства собственных сил по отношению к внешнему миру. Для нас совершенно понятно, что дикарь боится пушки и пугается солнечного затмения, между тем как белый человек, умеющий обращаться с этим орудием и предвидеть такое событие, в этих условиях совершенно свободен от тревоги. В другой раз большее количество знания как раз вызывает тревогу, потому что дает возможность заранее знать об опасности. Так, дикарь, испугается следов в лесу, ничего не говорящих неосведомленному, но указывающих дикарю на близость хищного зверя, а опытный мореплаватель будет с ужасом рассматривать облачко на небе, кажущееся незначительным пассажиру, но предвещающее моряку приближение урагана.

При более глубоком размышлении нужно, однако, сознаться, что мнение о том, что реальный страх разумен и целесообразен, нуждается в основательной проверке. Единственно целесообразным поведением перед угрожающей опасностью была бы спокойная оценка собственных сил в сравнении с величиной угрозы и затем решение о бегстве или защите, или даже может быть, о собственном нападении в зависимости от того, что сулит больше надежд на благополучный исход. Но в таком случае не остается места для тревоги; все, что происходит, произошло бы так же хорошо и, вероятно, еще лучше, если бы дело не дошло до развития тревоги. Вы видите также, что если тревога чрезмерно велика, то она оказывается крайне нецелесообразной, она парализует всякое действие, в том числе и бегство. Обычно реакция на опасность состоит из смеси аффекта тревоги и реакции защиты. Испуганное животное боится и бежит, но целесообразным при этом является «бегство», а не «страх».

Возникает искушение утверждать, что развитие тревоги никогда не является чем-то целесообразным; тщатель-

ный анализ ситуации тревоги, может быть, поможет лучшему пониманию. Первым в ней является *готовность* к опасности, выражающаяся в повышенном сенсорном внимании и в моторном напряжении. Эту готовность ожидания нужно, не задумываясь, признать большим преимуществом, отсутствие же ее может иметь серьезные последствия. Из нее исходит, с одной стороны, моторное действие — сначала бегство, на более высокой ступени — деятельная защита, с другой стороны, — то, что мы ощущаем как состояние тревоги. Чем больше развитие тревоги ограничивается только подготовкой, одним только сигналом[1], тем легче совершается переход от готовности к тревоги к действию, тем целесообразней протекает весь процесс. Поэтому в том, что мы называем тревогой, целесообразным мне кажется *готовность к тревоге,* а нецелесообразным — *развитие чувства тревоги.*

Я избегаю вдаваться в вопрос, имеют ли в нашем языке понятия тревога, страх, испуг одинаковое или разное значение. Я только полагаю, что тревога описывает состояние, не обращая внимания на объект, между тем как страх обращает все внимание именно на объект. Испуг, напротив, имеет, по-видимому, действительно особое значение, а именно, подчеркивает действие опасности при отсутствии переживания готовности к тревоге. Таким образом, можно сказать, что человек защищается от испуга посредством тревоги.

Вероятно, вы уже заметили некоторую неопределенность и многообразие значения слова «тревога». Обыкновенно под тревогой понимают субъективное состояние, в которое попадают в результате переживания «развития тревоги», и такое состояние называют аффектом. Что в динамическом отношении представляет собой аффект? Во всяком случае, нечто очень сложное, составленное из частей. Аффект, во-первых, включает определенные моторные иннервации или оттоки энергии, во-вторых, известные ощущения двоякого рода — восприятие имевших место моторных действий и непосредственные ощущения удовольствия и неудовольствия, придающие аффекту, как говорят, его основной тон. Но я не думаю, чтобы все перечисленное со-

---

[1] [Представление о тревоге как о »сигнале» появляется ниже в этой же лекции, а также в «Новом цикле».]

ставляло сущность аффекта. При некоторых аффектах кажется, что можно заглянуть поглубже и открыть, что Ядро, объединяющее перечисленный ансамбль, состоит из повторения какого-нибудь определенного, имеющего большое значение переживания. Таким переживанием может быть очень раннее впечатление общего характера, которое нужно отнести к доисторическому времени не индивида, а рода. Другими словами, состояние аффекта имеет ту же конструкцию, что и истерический припадок, образуя, как и последний, осадок воспоминания. Истерический припадок можно, таким образом, сравнить с новообразованным индивидуальным аффектом, нормальный аффект — с общей истерией, ставшей наследственной[1].

Не думайте, что высказанные мною взгляды на аффект является общепризнанным достоянием психологии. Наоборот, это понимание выросло на почве психоанализа и признано только там. То, что вы можете, узнать об аффектах в психологии, например, теория Джеймса-Ланге, для нас, психоаналитиков, является чем-то просто непонятным и не подлежащим обсуждению. Но и наше знание об аффектах мы считаем не вполне достоверным; это только первая попытка сориентироваться в этой темной области. Но я продолжаю: что касается аффекта тревоги, то нам кажется, что мы знаем, какое раннее впечатление он воспроизводит. Мы думаем, что такое соединение переживания неудовольствия, стремления к разрядке и телесных ощущений имеет место во время *акта рождения,* ставшего прообразом действия смертельной опасности и с тех пор воспроизводимого нами в виде состояния тревоги. Невероятное усиление раздражения вследствие прекращения обновления крови (внутреннего дыхания) является в тот момент причиной переживания тревоги, первая тревога, таким образом, имеет токсическое происхождение. Название «тревога» (Angst) — *angustiae* — теснота, теснина (Enge) подчеркивает признак стеснения дыхания, возникающего в тот момент в реальной ситуации и впоследствии постоянно повторяющегося в аффекте тревоги. Мы признаем также весьма значительным и тот факт, что это первое состояние тревоги произошло вследствие отделения от матери. Разумеется, мы убежде-

[1] [Эту оценку истерического припадка Фрейд предложил в одной из своих ранних работ по этой теме (1909*a*).]

ны, что предрасположение к повторению этого первого состояния тревоги так основательно привито организму благодаря бесконечному ряду поколений, что отдельный индивид не может быть свободен от аффекта тревоги даже тогда, когда он, как легендарный Макдуф, «был вырезан из живота матери»[1], то есть не переживал акта рождения. Мы не можем сказать, что служит прообразом тревоги у не млекопитающих животных, но зато мы и не знаем, какой комплекс ощущений эквивалентен нашей тревоги у этих созданий.

Может быть, вам интересно будет услышать, как может кому-нибудь прийти в голову мысль, что акт рождения является источником и прообразом аффекта тревоги. Спекулятивное рассуждение принимало в этом самое незначительное участие; скорее, это было заимствование у наивного мышления простого народа Когда много лет тому назад мы, молодые больничные врачи, сидели за обеденным столом ресторана, ассистент акушерской клиники рассказал, какая веселая история случилась на последнем экзамене акушерок. Одну кандидатку спросили, какое имеет значение, когда во время родов в отходящих родовых водах обнаруживается меконий (экскременты, первородный кал), и она, не задумываясь, ответила: что ребенок испытывает тревогу. Ее осмеяли и срезали. Но в глубине души я встал на ее сторону и начал догадываться, что несчастная женщина из народа правильным чутьем открыла очень значительную связь между явлениями.

Теперь перейдем к невротической тревоге. Какие новые формы проявления и соотношения дает нам тревога у нервнобольных? Тут можно всего много описать. Во-первых, мы находим общую боязливость, так сказать, свободно парящую тревогу, готовую привязаться к любому более или менее подходящему представлению, оказывающий влияние на суждение, пользующуюся всяким ожиданием, подстерегающую всякий благоприятный случай, чтобы найти себе оправдание. Такое состояние мы называем «страхом ожидания» или «тревожным ожиданием». Лица, страдающие такого рода тревогой, предвидят из всех возможностей самую страшную, истолковывают всякую случайность как примету несчастий, используют всякую неопределенность

[1] [Шекспир, «Макбет», V акт, 7-я сцена.]

только в дурном смысле. Наклонность к такому ожиданию несчастий встречается как черта характера у многих людей, которых вообще нельзя считать больными, их считают слишком трусливыми или пессимистами; необыкновенная степень тревожного ожидания, однако, указывает, как правило, на нервное заболевание, названное мною *«неврозом страха»*, и я причисляю его к актуальным неврозам[1].

Другая форма тревоги в противоположность только что описанной является психически связанной[2] с определенными объектами или ситуациями. Это тревога, присущая разнообразным и часто очень странным *«фобиям»*. Стенли Холл, видный американский психолог, взял на себя недавно труд представить нам весь ряд этих фобий под великолепными греческими названиями. Это звучит как перечисление десяти египетских казней, но только число их гораздо больше десяти[3]. Послушайте, что только может стать объектом, или содержанием фобии: темнота, открытое место, свободные площади, кошки, пауки, гусеницы, змеи, мыши, гроза, острые предметы, кровь, закрытые помещения, человеческая толпа, одиночество, переход через мост, морская поездка, езда по железной дороге и т. д. При первой попытке сориентироваться в этой сутолоке проще всего различить три группы. Некоторые из объектов или ситуаций, внушающих тревогу, представляют и для нас, нормальных людей что-то жуткое, имеют какое-то отношение к опасности, и эти фобии кажутся нам понятными, хотя и преувеличенными по своей силе. Так, большинство из нас испытывает чувство отвращения при столкновении со змеей. Фобия змей, можно сказать, – явление общечеловеческое и Ч. Дарвин очень ярко описал, как он не мог удержаться от страха перед приближающейся к нему змеей, хотя и прекрасно знал, что защищен от нее толстым стеклом[4]. Ко второй группе мы относим те случаи, в которых сохранилось еще отношение к какой-то опасности, хотя мы привыкли не придавать ей значения и не выставлять ее на первый план. Сюда относится большинство фобий ситуаций. Мы знаем, что при поездке по железной дороги имеется больше шансов пострадать от несчастного

---

[1] [Ср. первоначальное описание Фрейдом невроза страха (1895*b*).]
[2] [А не свободно плавающей.]
[3] [Стенли Холл (1914) насчитал 132 фобии.]
[4] [Чарльз Дарвин (1889, 40).]

случая, чем дома, а именно от железнодорожного крушения, знаем также, что корабль может утонуть, причем обыкновенно погибают и пассажиры, но мы не думаем об этих опасностях и без страха едем и по железной дороге, и на корабле. Нельзя отрицать и того, что можно упасть в реку, если мост рухнет как раз в тот момент, когда через него проходят, но это случается так редко, что такой случай вовсе не приходится принимать во внимание, как реальную опасность. И одиночество имеет свои опасности, и мы избегаем его при известных обстоятельствах; но и речи быть не может о том, чтобы мы ни при каких условиях не могли перенести его даже ни на один момент. То же самое относится к толпе, к закрытому помещению, к грозе и т. п. Чуждым в этих фобиях невротиков нам кажется не столько их содержание, сколько их интенсивность. Страх при фобии прямо неописуем! И иной раз у нас возникает впечатление, будто невротики боятся вовсе не тех вещей и ситуаций, которые при известных условиях могут и у нас вызывать страх и которые они называют таким же именем.

Остается еще третья группа фобий, которых мы вообще не можем понять. Если крепкий взрослый мужчина не может от страха пройти по улице или площади своего родного хорошо знакомого города, если здоровой, хорошо развитой женщиной овладевает панический страх от того, что края ее платья коснулась кошка или через комнату прошмыгнула мышь, то как мы можем установить связь с опасностью, которая все же существует, очевидно, у страдающего фобией? В относящихся сюда случаях фобии животных не может быть речи об усилении общечеловеческих антипатий, потому что, как бы для демонстрации противного, встречается множество людей, которые не могут видеть кошки, чтобы не поманить ее к себе и не погладить. Мышь, которую боятся женщины, в то же время служит лучшим ласкательным именем; иная девушка, которая с удовольствием слушает, когда ее так называет любимый человек, с ужасом вскрикивает, когда видит так же называемое миленькое маленькое существо. Что касается мужчины, страдающего страхом улиц и площадей, то его поведение мы можем объяснить только тем, что он ведет себя, как малое дитя. Благодаря воспитанию детей прямо приучают избегать таких опасных ситуаций, и наш больной агорафобией действительно огражден от страха, когда кто-нибудь сопровождает его через площадь.

Обе описанные здесь формы тревоги, свободно парящее тревожное ожидание и тревога, связанная с фобиями, независимы друг от друга. Одна не составляет высшую ступень другой, вместе они встречаются только в виде исключения и то как бы случайно. Самая сильная общая тревожность не должна непременно проявляться в фобиях; лица, вся жизнь которых ограничена агорафобией, могут быть совершенно свободны от пессимистического тревожного ожидания. Некоторые из фобий, например, страх площадей, страх перед железной дорогой приобретаются только в более поздние годы, другие, вроде страха темноты, грозы, животных, — по-видимому, остаются с детства. Страхи первого рода подобны тяжелым болезням; последние кажутся странностями, капризами. Кто проявляет страх последнего рода, у того следует предполагать еще другие подобные страхи. Должен прибавить, что все эти фобии мы относим к *тревожной истерии*, то есть рассматриваем их как расстройство, родственное известной конверсионной истерии[1].

В третьей форме невротической тревоги мы сталкиваемся с загадкой, состоящей в том, что мы совершенно теряем из виду связь между тревогой и угрожающей опасностью. Такая тревога возникает, например, при истерии, сопровождая истерические симптомы, или при различных условиях возбуждения, при которых хотя мы и могли ожидать проявления какого-нибудь аффекта, но менее всего аффекта тревоги, или, наконец, как приступ свободной тревоги, независимо от каких-либо условий и одинаково непонятного как для нас, так и для больного. О какой-либо опасности или каком-либо поводе, который мог быть использован и раздут в мнимую опасность, не может быть и речи. При этих спонтанных припадках мы узнаем, что комплекс, который мы называем состоянием тревоги, способен расколоться на части. Весь приступ может быть заменен одним только интенсивно выраженным симптомом, дрожью, головокружением, сердцебиением, одышкой, а обычное чувство, в котором мы узнаем тревогу, может при этом совсем отсутствовать или быть неясным. И все же эти состояния, описанные нами, как «эквиваленты тревоги», во всех кли-

[1] [Первое пространное обсуждение тревожной истерии содержится в описании Фрейдом случая «маленького Ганса» (1909*b*).]

нических и этиологических отношениях можно приравнять к тревоге.

Теперь возникают два вопроса. Можно ли невротическую тревогу, при которой опасность не играет никакой роли или очень незначительную, привести в связь с реальным страхом, всегда являющимся реакцией на опасность? И как понимать невротическую тревогу? Пока мы будем держаться предположения: там, где есть тревога, должно быть что-то такое, что ее внушает.

Клиническое наблюдение дает много указаний для понимания невротической тревоги, значение которых я хочу вам изложить.

а) Нетрудно установить, что тревожное ожидание, или общая боязливость находится в тесной зависимости от определенных процессов в сексуальной жизни, иначе говоря, от определенного применения либидо. Самый простой и поучительный пример этого рода представляют собою люди, испытывающие так называемое неполное возбуждение, при котором сильное сексуальное возбуждение не получает достаточной разрядки, не приводит к удовлетворяющему концу. Так бывает, например, у мужчины во время жениховства и у женщин, мужья которых недостаточно потентны или из осторожности сокращают или обрывают половой акт. При таких условиях либидинозное возбуждение исчезает, а вместо него появляется тревога, как в форме тревожного ожидания, так и в приступах страха и их эквивалентах. Прерывание полового акта в целях предохранения, став режимом сексуальной жизни, так часто становится у мужчин, а еще чаще – у женщин причиной невроза страха, что во врачебной практике рекомендуется в таких случаях прежде всего доискиваться этой этиологии. При этом можно бесчисленное количество раз убедиться, что когда прекращаются отклонения в сексуальной жизни, невроз страха исчезает.

Факт наличия связи между сексуальным воздержанием и состоянием тревоги, насколько мне известно, не оспаривается даже врачами, стоящими далеко от психоанализа. Однако я могу себе легко представить, что будет сделана попытка выдвинуть обратную зависимость и защищать взгляд, что дело идет о людях, и без того склонных к боязливости и поэтому воздержанных в сексуальном отношении. Против этого вполне определенно говорит поведение женщин, сексуальные проявления которых по своей природе пассив-

ны, то есть обусловливаются отношением мужа. Чем темпераментнее, чем более склонна к сексуальному общению женщина и чем более способна она испытывать сексуальное удовлетворение, тем скорее она будет реагировать явлениями тревоги на импотенцию мужа или на *coitus intermptus*[1], между тем как то же самое у бесчувственных женщин или женщин, характеризующихся малым количеством либидо, играет гораздо меньшую роль.

Такое же значение для развития состояний тревоги имеет так горячо рекомендуемое в настоящее время сексуальное воздержание, разумеется, лишь в том случае, если либидо, которому отказано в удовлетворяющей разрядке, достаточно сильно и не может быть большей частью изжито посредством сублимации. Решающим моментом при возникновении заболевания всегда являются количественные факторы. Также и там, где дело касается не болезни, а проявлений характера, легко заметить, что сексуальное ограничение идет рука об руку с определенной трусливостью и осторожностью, между тем как бесстрашие и отвага связаны со свободным удовлетворением сексуальной потребности. Как ни меняются и ни усложняются эти отношения благодаря разнообразным культурным влияниям для среднего человека остается фактом, что тревога связана с сексуальным ограничением.

Я сообщил вам еще далеко не все наблюдения, подтверждающие интересную связь между либидо и тревоги. Сюда относится, например, еще и влияние на заболевания страхом определенных периодов жизни, к которым следует приписать усиление продукции либидо, как, например, периоды наступления половой зрелости или менопаузы. В некоторых состояниях возбуждения можно также непосредственно наблюдать смешение либидо и тревоги и в конце концов замены либидо тревогой. От всех этих фактов возникает двоякое впечатление. Во-первых, что дело идет о накоплении либидо, которое лишено нормального применения, во-вторых, что здесь, безусловно, находишься в области соматических процессов. Сначала неясно, каким образом из либидо образуется тревога, можно только установить факт, что либидо отсутствует, а на его месте наблюдается тревога.

---

[1] [Прерванный половой акт (лат.).]

б) Второе указание мы заимствуем из анализа психоневрозов, в частности, истерии. Мы слышали, что при этом заболевании нередко возникает страх в сопровождении симптомов, но также и не связанная тревога, проявляющаяся в виде приступа или длительного состояния тревоги. Больные не умеют сказать, чего они боятся, и связывают тревогу посредством явной вторичной обработки с подходящими фобиями смерти, сумасшествия, удара. Если мы подвергнем анализу положение, от которого произошла тревога или сопровождаемые страхом симптомы, то мы обыкновенно можем указать, какой нормальный психический процесс здесь отсутствует и заменен феноменом тревоги. Выразимся иначе: мы строим бессознательный процесс так, как будто бы он не подвергся вытеснению и без задержки проник в сознание. Этот процесс тоже сопровождался бы каким-то определенным аффектом и тут, к нашему удивлению, мы узнаем, что этот аффект, сопровождающий нормальный процесс, после вытеснения всегда заменяется тревогой, независимо от своего качества. Если мы, следовательно, имеем дело с истерическим состоянием тревоги, то его бессознательный коррелят может быть душевным движением такого же характера, то есть страхом, стыдом, смущением, но также и позитивным либидинозным возбуждением или враждебным, агрессивным, вроде ярости и досады. Тревога является, следовательно, разменной монетой, на которую меняются или могут обмениваться аффекты, если соответствующие представления подлежат вытеснению[1].

в) С третьим фактом мы познакомились у больных с навязчивыми действиями, которые, удивительным образом, как будто не страдают от тревоги. Если мы попробуем помешать им при выполнении их навязчивых действий, их умывания, их церемониала или если они сами решаются попробовать отказаться от какой-нибудь из своих навязчивостей, то ужасная тревога заставляет их подчиниться этой навязчивости. Мы понимаем, что тревога была прикрыта навязчивым действием и что это действие выполнялось, чтобы избежать тревоги. При неврозе навязчивости тревога, которая должна была возникнуть, заменяется образованием симптома и, если мы обратимся к истерии, то найдем

[1] [Ср. дискуссию в работе «Вытеснение» (1915*d*).]

такое же взаимоотношение и при этом неврозе, то есть вследствие процесса вытеснения появляется или тревога в чистом виде, или тревога и образование симптомов или более совершенное образование симптомов без тревоги. Казалось бы, следовательно, будет правильно сказать, в отвлеченном смысле, что симптомы образуются вообще для того, чтобы избежать неминуемого в противном случае появления тревоги. Благодаря такому пониманию тревога как бы попадает в центр нашего интереса в проблеме неврозов.

Из наблюдений при неврозе страха мы заключили, что отклонение либидо от его нормального применения, благодаря которому развивается тревога, происходит на почве соматических процессов. Из анализа истерии и невроза навязчивости вытекает добавление, что отказ психической инстанции может вызвать такое же отклонение либидо с тем же результатом. Вот и все, что мы знаем о происхождении невротической тревоги. Это звучит еще довольно неопределенно, но пока я не вижу пути, который мог бы повести нас дальше. Кажется, еще труднее разрешить вторую задачу, то есть установить связь между невротической тревогой как ненормальным применением либидо и реальным страхом, соответствующим реакции на опасность. Можно было бы подумать, что речь идет о совершенно различных вещах и тем не менее у нас нет средства различать в нашем ощущении невротическую тревогу и реальный страх.

Искомая связь устанавливается, наконец, если мы исходим из неоднократно утверждаемого предположения о противопоставлении Я и либидо. Как мы знаем, развитие тревоги является реакцией Я на опасность и сигналом для обращения в бегство, поэтому для нас весьма естественно предположить, что при невротической тревоге Я предпринимает такую же попытку бегства от требований своего либидо и относится к этой внутренней опасности так, как если бы она была внешняя. Таким образом, оправдывается предположение, что там, где имеется тревога, имеется что-то такое, чего страшатся. Аналогию можно провести и дальше. Подобно тому, как попытка к бегству от внешней опасности сменяется стойкостью и целесообразными мерами защиты, так и невротическое развитие тревоги уступает образованию симптомов, которые локализуют эту тревогу.

Теперь трудность понимания переносится на другой пункт. Тревога, которая обозначает бегство Я от своего либидо, происходит от этого же самого либидо. Это не совсем

ясно и содержит напоминание о том, что в сущности либидо какого-нибудь лица составляет его частицу и не может ему противопоставляться как нечто внешнее. Нам неясна еще топическая динамика развития тревоги, неясно, какие душевные энергии при этом тратятся и из каких психических систем они заимствуются. Я не обещаю вам ответить и на этот вопрос, но не упустим возможности пойти по двум другим следам и воспользуемся при этом снова непосредственным наблюдением и аналитическим исследованием, чтобы помочь отвлеченным рассуждениям. Обратимся к вопросу развития тревоги у ребенка и к происхождению невротической тревоги, связанной с фобиями.

Боязливость ребенка является чем-то обычным, и очень трудно различить, невротическая ли это тревога или реальный страх. Больше того, поведение ребенка ставит под вопрос ценность такого различения. Потому что, с одной стороны, нас ничуть не удивляет, если ребенок боится всех чужих лиц, новых положений и предметов, и очень легко объяснить эту реакцию его слабостью и незнанием. Мы, следовательно, приписываем ребенку большую склонность к реальному страху и считаем его чем-то целесообразным, как если бы ребенок явился на свет с такой унаследованной боязливостью. В этом отношении он лишь копировал бы поведение первобытного человека и современного дикаря, испытывающего, вследствие своего незнания и беспомощности, страх перед всем новым и перед тем, что нам уже знакомо и не внушает тревоги. И это полностью соответствовало бы нашему ожиданию, если бы у ребенка, хотя бы отчасти, были такие же фобии, какие мы могли бы допустить в те первобытные времена человеческой истории.

С другой стороны, мы не можем не заметить, что не все дети боязливы в равной мере и что как раз те дети, которые проявляют особую пугливость перед всевозможными объектами и ситуациями, впоследствии оказываются больными. Невротическое предрасположение проявляется, следовательно, в явно выраженной склонности к реальному страху. Боязливость кажется чем-то первичным и приходишь к заключению, что ребенок, а позже подросток боится напряжения своего либидо, потому именно, что он всего боится. Развитие тревоги из либидо тем самым отвергалось бы, и проследив условия развития реального страха, можно было бы последовательно прийти к точке зрения, что сознание собственной слабости и беспомощности — по терми-

нологии А. Адлера, неполноценности — являются последней причиной невроза, если такое сознание сохраняется с детства и до зрелого возраста.

Это звучит так просто и так подкупающе, что имеет право на наше внимание. Правда, это перенесло бы загадку нервозности в другую плоскость. Сохранение чувства неполноценности — а вместе с ним условие тревоги и симптомообразования — кажется таким несомненным, что скорее нуждается в объяснении, каким образом, хотя бы в виде исключения, может иметь место то, что мы называем здоровьем. Однако, что показывает тщательное наблюдение боязливости у детей? Маленький ребенок боится прежде всего чужих людей; ситуация приобретает для него значение лишь благодаря участию в ней людей, а предметы вообще начинают играть такую роль только позже. Но этих чужих ребенок боится вовсе не потому, что предполагает у них злые намерения и сравнивает свою слабость с их силой, то есть видит в них опасность для своего существования, для своей безопасности или угрозу, что они причинят ему боль. Такой недоверчивый, напуганный господствующим в мире агрессивным влечением ребенок является довольно неудачной теоретической конструкцией. Ребенок пугается чужого образа, потому что настроен на то, чтобы увидеть облик близкого и любимого лица, по существу — матери. В тревогу превращается его разочарование и тоска, то есть не нашедшее применения либидо, которое в то время не может быть удержанным в свободно парящем состоянии и проявляется поэтому в виде тревоги. Вряд ли может быть делом случая, что в этой ситуации, являющейся прообразом детской тревоги, повторяется условие возникновения первого состояния тревоги во время акта рождения, а именно отделения от матери[1].

Первые фобии ситуаций у ребенка являются страхом темноты и одиночества: первое из них часто сохраняется на всю жизнь, обоим обще отсутствие любимого лица, то есть матери. Я слышал, как ребенок, который боялся темноты, кричал в соседнюю комнату: «Тетя, говори со мной, я боюсь». — «Но что тебе от этого? Ведь ты меня не видишь?» — «Когда кто-то говорит, становится светлее». Тос-

[1] [Значение отделения от матери как один из факторов возникновения тревоги более подробно изложено в VIII главе работы «Торможение, симптом и тревога» (1926*d*).]

ка в темноте превращается, таким образом, в боязнь темноты. Мы далеки от того, чтобы считать невротическую тревогу чем-то вторичным и частным случаем реального страха, наоборот, мы видим, что у маленького ребенка характер реального страха принимает нечто такое, что имеет одинаковую существенную черту с невротической тревогой — образование от не нашедшего себе применения либидо. Настоящего реального страха у ребенка как будто не бывает. Во всех тех ситуациях, которые впоследствии могут стать условиями фобий: на высотах, на узких тропинках, над водой, на железных дорогах, на корабле — ребенок не испытывает страха и проявляет его тем меньше, чем меньше он понимает. Было бы очень желательно, чтобы ребенок имел побольше жизненных защитных инстинктов; тем самым была бы очень облегчена задача присмотра за ребенком, цель которой — предотвратить опасности, угрожающие ему. В действительности же ребенок переоценивает свои силы и ведет себя бесстрашно, потому что не знает опасности. Он будет бегать по краю берега у самой воды, взлезет на карнизы окон, будет играть острыми предметами и с огнем — короче, будет делать все, что может причинить ему вред и вызвать беспокойство его нянек. И если в конце концов у него просыпается реальный страх, то это является, безусловно, делом воспитания, так как нельзя допустить, чтобы он научился всему на собственном опыте.

Если встречаются дети, которые во многом идут навстречу воспитанию, прививающему страх, и сами обнаруживают опасности, о которых их не предупреждали, то для объяснения этого вполне достаточно представления о присутствии в их конституции сильной либидинозной потребности или об их избалованности либидинозным удовлетворением в раннем возрасте. Нет ничего удивительного в том, что среди этих детей находятся и будущие нервнобольные; мы знаем, что возникновению невроза очень благоприятствует неспособность переносить в течение длительного времени более или менее значительный застой либидо. Вы замечаете, что при этом сохраняет свои права и конституциональный момент, который мы, впрочем, никогда и не думали оспаривать. Мы восстаем только против того, что некоторые, выдвигая конституциональный момент, не обращают внимания на все остальные и вводят его даже и там, где, согласно общим результатам наблюдений и ана-

лиза, ему совсем не может быть места или он должен занять последнее место.

Позвольте нам сделать заключение из наблюдений над боязливостью детей: инфантильный страх имеет очень мало общего с реальным страхом, и, наоборот, очень родственен невротической тревоге взрослых. Как и последняя, он развивается из не нашедшего применения либидо и заменяет недостающий объект любви внешним предметом или положением. Теперь вы с удовольствием услышите, что анализ *фобий* даст нам мало нового. При фобиях происходит то же самое, что и при детском страхе: не нашедшее применения либидо беспрерывно превращается в кажущийся реальный страх и таким образом маленькая внешняя опасность заменяет требование либидо. В этом сходстве нет ничего странного, потому что детские фобии являются не только прообразом более поздних, которые мы причисляем к «тревожной истерии», но и прямой предпосылкой и прелюдией их. Всякая истерическая фобия сводится к какому-нибудь детскому страху и продолжает его, даже если имеет другое содержание, и должна быть иначе названа. Различие обоих расстройств кроется в механизме. У взрослых для превращения либидо в тревогу недостаточно того, что оно в виде тоски на короткий миг остается без применения. Он уже давно научился удерживать такое либидо в состоянии свободного парения или находить ему другое применение. Но если либидо принадлежит какому-нибудь психическому переживанию, подвергшемуся вытеснению, то создаются такие же условия, как у ребенка, у которого еще нет разделения на сознательное и бессознательное и благодаря регрессии либидо к инфантильной фобии как бы открывается проход, по которому легко совершается превращение либидо в тревогу. Как вы помните, мы много говорили о вытеснении[1], но при этом всегда имели в виду только судьбу представления, подлежащего вытеснению, разумеется, потому, что ее легче узнать и представить. Мы все время не обращали внимания на то, что происходит с аффектом, связанным с вытесненным представлением, а теперь мы узнаем, что ближайшая участь аффекта состоит в том, что он превращается в тревогу и что при нормальном течении он проявился бы именно в качестве таковой. Но это превраще-

---

[1] [В 19-й лекции.]

ние аффекта — гораздо более важная часть процесса вытеснения. Не так-то легко это излагать, потому что мы не можем утверждать, что существуют бессознательные аффекты в таком же смысле, в каком мы говорим о бессознательных представлениях[1]. Какое-нибудь представление остается все тем же, сознательно оно или бессознательно; мы можем указать, что соответствует бессознательному представлению. Но аффект представляет собой процесс разрядки, и о нем приходится судить совсем иначе, чем о представлении; что ему соответствует в бессознательном, определить нельзя, не вдаваясь в глубокие соображения и в выяснение наших предпосылок о психических процессах. Этого мы здесь предпринять не можем. Но сохраним полученное впечатление, что развитие тревоги тесно связано с системой бессознательного.

Я сказал, что превращение в тревогу, или лучше — разрядка в форме тревоги, составляет ближайшую участь подвергшегося вытеснению либидо. Я должен прибавить: не единственную или окончательную. При неврозах развиваются такие процессы, которые стараются связать это развитие тревоги и которым и удается это различными способами. При фобиях, например, можно совершенно ясно различить две фазы невротического процесса. Первая фаза состоит в вытеснении и превращении либидо в тревогу, которая связывается с внешней опасностью. Вторая состоит в построении всех мер предосторожности и предупреждения, благодаря которым должно быть предупреждено соприкосновение с этой опасностью, воспринимаемой как внешняя. Вытеснение соответствует попытке к бегству Я от либидо, воспринимаемого как опасность. Фобию, которая в этом случае заменяет либидо, можно сравнить с окопами, укрывающими от внешней опасности. Слабая сторона системы защиты при фобиях заключается, разумеется, в том, что крепость, настолько усилившаяся извне, с внутренней стороны осталась открытой для нападения. Проекция опасности со стороны либидо во внешний мир никогда не удается вполне[2]. При других неврозах употребляются другие

---

[1] [Дальнейшие подробности на *эту* тему содержатся в работе «Бессознательное» (1915*e*) и в «Я и Оно» (1923*b*).]

[2] [Специальные сведения о структуре фобий содержатся в финальной части работы «Вытеснение» (1915*d*) и в разделе IV работы «Бессознательное» (1915*e*).]

системы защиты: против возможности развития тревоги. Это очень интересная часть психологии неврозов; к сожалению, мы отклонились бы слишком далеко от нашей темы, остановившись на ней подробней, и для этого потребовались бы более глубокие специальные знания. Но я хочу добавить еще только одно. Я уже говорил вам о «контркатексисе», к которому Я прибегает при вытеснении и которое Я должно беспрерывно поддерживать, чтобы удержалось вытеснение. На этот контркатексис возлагается и задача провести в жизнь различные формы защиты против развития тревоги после вытеснения. Но вернемся к фобиям. Могу сказать, что теперь нам ясно, что недостаточно стараться объяснить в них только одно содержание и интересоваться только тем, почему это тот или другой объект или ситуация становятся предметом фобии. Содержание фобии имеет для нас приблизительно такое же значение, какое явный фасад сновидения имеет для сновидения. Соблюдая необходимые ограничения, нужно согласиться с тем, что среди содержания фобий, как подчеркивает Стенли Холл, находятся и такие, которые могут стать объектом тревоги благодаря филогенетическому унаследованию С этим совпадает и то, что многие из этих страшных вещей могут установить свою связь с опасностью только путем символического взаимоотношения.

Мы убедились, таким образом, какое, можно сказать, центральное положение занимает проблема тревоги среди вопросов психологии неврозов. У нас возникло глубокое впечатление от того, насколько развитие тревоги тесно связано с судьбами либидо и с системой бессознательного Только один пункт кажется нам стоящим особняком, как пробел в нашем понимании, а именно, тот трудно оспариваемый факт, что реальный страх следует рассматривать как выражение влечения Я к самосохранению[1].

---

[1] [Этот пункт обсуждается в конце следующей лекции.]

ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ

Теория либидо и нарцизм

Уважаемые дамы и господа! Мы неоднократно и лишь недавно снова имели дело с отделением влечений Я от сексуальных влечений. Сначала вытеснение показало нам, что между теми и другими влечениями может возникнуть противоречие, что сексуальные влечения оказываются в таком случае формально побежденными и вынуждены добиваться удовлетворения регрессивным путем, получая возмещение за поражение благодаря своей непреодолимости. Далее мы узнали, что отношение тех и других влечений к их наставнице-необходимости различно с самого начала, вследствие чего они не проделывают одинакового развития и не находятся в одинаковом отношении к принципу реальности. Наконец, мы полагаем, что сексуальные влечения связаны гораздо более тесными узами с состоянием аффекта страха, чем влечения Я, — результат, который только в одном важном пункте кажется неполным. Поэтому для его усиления мы укажем еще только на тот замечательный факт, что неудовлетворение голода и жажды, двух самых элементарных влечений к самосохранению, никогда не имеет следствием превращение их в страх, между тем как превращение неудовлетворенного либидо в тревогу, как мы слышали, принадлежит к числу наиболее известных и чаще всего наблюдаемых феноменов.

Ничто не может поколебать нашего права отделять влечения Я от сексуальных влечений. Оно основано на существовании сексуальной жизни, как особого проявления индивида. Может возникнуть только вопрос о том, какое значение мы придаем этому разделению и насколько глубоким считаем его. Но ответ на этот вопрос будет зависеть от результата исследований того, в какой мере сексуальное влечение ведет себя в областях соматической и душевной иным образом, чем другие влечения, которые мы ему противопоставляем, и насколько значительны последствия, вытекающие из этих различий. У нас, разумеется, нет никакого основания утверждать, что между двумя группами влечений действительно имеется различие, пусть и нелегко уловимое. Обе группы выступают лишь как названия источ-

ников энергии индивида, и обсуждение вопроса о том, являются ли оба в своей сущности одним и тем же, или чем-то существенно различным, а если одним и тем же, то когда именно они отделились друг от друга, не может вестись относительно понятий, а только относительно тех биологических фактов, которые обозначаются этими понятиями. Пока мы слишком мало знаем об этом, а если бы знали и больше, то к аналитическим задачам это не имело бы отношения.

Мы, очевидно, очень мало выигрываем от того, что по примеру Юнга станем подчеркивать первоначальное единство всех влечений и назовем проявляющуюся в них энергию «либидо»[1]. Так как сексуальную функцию не удается устранить из душевной жизни никакими искусственными приемами, то мы были бы вынуждены говорить о сексуальном и асексуальном либидо. Однако название либидо нужно сохранить по праву для влечений сексуальной жизни, как мы это и делали до сих пор.

Я думаю поэтому, что вопрос, как далеко следует вести безусловно правильное разделение на сексуальные влечения и на влечения к самосохранению, для психоанализа большого значения не имеет, да он в этом и не компетентен. Впрочем, в биологии имеются различные указания на то, что это разделение содержит что-то очень важное. Ведь сексуальность — единственная функция живого организма, выходящая за пределы индивида и составляющая его связь с родом. Совершенно очевидно, что выполнение этой функции не всегда полезно отдельному существу, а взамен необыкновенно высокого наслаждения подвергает его опасности, угрожающей его жизни и довольно часто лишающей ее. По-видимому, необходимы совершенно особенные, отличные от других процессы обмена веществ, чтобы сохранять часть индивидуальной жизни в виде предрасположения в целях передачи потомству. Наконец, отдельное существо, которое считает себя самым важным, а в своей сексуальности видит только средство своего удовлетворения наряду с другими удовлетворениями, с биологической точки зрения является только эпизодом в длинном ряду поколений, кратковременным придатком зародышевой плазмы, одаренной виртуальным бессмертием, подобно временно-

[1] [Cp. Jung (1911).]

му владельцу майората, который продолжает существовать после его смерти[1].

Однако психоаналитическое объяснение неврозов не нуждается в таких широких обобщениях. Прослеживая по отдельности сексуальные влечения и влечения Я, мы нашли ключ к пониманию группы неврозов переноса. Мы свели их к той основной ситуации, что сексуальные влечения вступили в борьбу с влечениями самосохранения или, говоря хотя и менее точным языком биологии, одна позиция Я как самостоятельного существа вступила в борьбу с другой его позицией как звена в ряде поколений. До такого раздвоения дело доходит, наверно, только у человека, и потому неврозы в целом составляют его преимущество перед животными. Слишком сильное развитие либидо и ставшее, по-видимому, благодаря этому возможным развитие богатой душевной жизни, вероятно, создали условия для такого конфликта. Само собой разумеется, что в этом кроются причины и тех громадных успехов, благодаря которым человек поднялся над своей общностью с животными, так что его склонность к заболеванию неврозом является обратной стороной его одаренности. Но это только общие места, отвлекающие нас от нашей задачи.

В нашей работе мы исходили до сих пор из предположения, что мы в состоянии отличать влечения Я от сексуальных влечений по их проявлениям. При неврозах переноса это удавалось без труда. Энергию, которую Я отдает объектам своих сексуальных стремлений, мы назвали *«либидо», а* все другие виды энергии, исходящие из влечений самосохранения, — *«интересами»*[2], и нам удалось составить себе первое представление о механизмах душевных сил благодаря исследованию вложений либидо, их превращений и их конечной судьбы. Неврозы переноса доставили нам самый подходящий материал. Неизвестными нам оставались Я. его состав из различных структур, их построение и спо-

---

[1] [Фрейд развивает эту биологическую аргументацию в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920*g*), особенно в главе VI.]

[2] [В этой лекции Фрейд совершенно очевидно стремится развести «интересы Я» (влечение к самосохранению) и «либидо Я» (нарциссическое либидо). Вскоре после публикации этих лекций он изменил свои взгляды и объявил («По ту сторону принципа удовольствия», 1920g, глава VI), что нарциссическое либидо следует отождествлять с влечением к самосохранению. В более поздних работах термин «интерес» больше не встречается.]

соб функционирования, и мы могли предполагать, что только анализ других невротических заболеваний помог бы нам это понять.

Мы давно уже начали распространять психоаналитические взгляды на другие заболевания. Уже в 1908 году К. Абрахам после обмена мнениями со мной высказал предположение, что главным признаком *dementia praecox* (причисляемой к психозам) является то, *что при ней нет вложения либидо в объекты* («Die psychosexuellen Differenzen der Hysterie und der Dementia praecox»). Но тогда встал вопрос: что же происходит с либидо дементных больных, отвернувшихся от объектов? К Абрахам не замедлил дать ответ. Оно обращается на Я, и *это рефлекторное обращение является источником бреда величия* при *dementia praecox*. Бред величия можно безусловно сравнить с известной в любовной жизни сексуальной переоценкой объекта. Таким образом, мы впервые поняли черту психотического расстройства через его соотношение с нормальной любовной жизнью.

Скажу вам сразу, эти первые взгляды Абрахама удержались в психоанализе и легли в основу нашей позиции по отношению к психозам. Со временем укрепилось представление, что либидо, которое мы находим привязанным к объектам, которое является выражением стремления получить удовлетворение от этих объектов, может оставить эти объекты и поставить на их место собственное Я; эти представления развивались постепенно все с большой последовательностью. Название для такого применения либидо — *нарцизм* – мы позаимствовали у описанного П. Некке извращения, при котором взрослый индивид обращается с собственным телом с нежностью, которую обыкновенно проявляют к другому сексуальному объекту[1].

Но скоро появилась мысль, что если существует такая фиксация либидо на собственном теле и собственной личности, то это не может быть исключительным и маловажным явлением. Гораздо вероятнее, что такой нарцизм является общим и первоначальным состоянием, из которого только позднее развивается любовь к объекту, причем из-за этого нарцизм вовсе не должен исчезнуть. Из истории развития объектного либидо можно припомнить, что многие сексуальные влечения сначала удовлетворяются на собст-

---

[1] [Наиболее значительное изложение Фрейдом концепции нарцизма содержится в его работе, посвященной этому вопросу (1914*c*).]

венном теле, как мы говорили: *аутоэротизм,* и, что эта склонность к аутоэротизму является причиной отставания развития сексуальности в сторону принципа реальности. Таким образом, аутоэротизм оказался сексуальным проявлением нарциссической стадии размещения либидо.

Короче говоря, мы составили себе представление об отношении либидо Я к объектному либидо, которое я разъясню вам сравнением из зоологии. Вспомните тех простейших живых существ, которые состоят из мало дифференцированного комочка протоплазматического вещества. Они протягивают отростки, называемые псевдоподиями, в которые переливают вещество своего тела. Но они могут также обратно втянуть эти отростки и свернуться в комок. Вытягивание отростков мы сравниваем с перенесением либидо на объекты, между тем как главная масса либидо может остаться на Я, и мы полагаем, что при нормальных условиях либидо Я может превратиться в объектное либидо, а объектное либидо может возвратиться к Я.

С помощью таких представлений мы можем объяснить большое число душевных состояний или, выражаясь скромнее, описать их языком теории либидо, — состояний, которые мы должны причислить к нормальной жизни, как, например, душевные переживания при влюбленности, при органическом заболевании и во сне. По отношению к состоянию сна мы сделали предположение, что оно сводится к уходу от внешнего мира и к установке на желание спать. То, что проявляется в сновидении как ночная душевная деятельность, как мы обнаружили, служит желанию спать и, кроме того, находится во власти исключительно эгоистических мотивов. Теперь, соответственно теории либидо, мы утверждаем, что сон есть состояние, в котором оставляются все вложения в объекты как либидинозные, так и эгоистические, и возвращаются к Я. Не проливает ли это новый свет на отдых во сне и вообще на природу усталости? Состояние блаженной изоляции во время внутриутробной жизни, которое нисходит каждую ночь на спящего, восполняется, таким образом, и со стороны психики. У спящего снова установилось первобытное состояние распределения либидо, полный нарцизм, при котором либидо и интересы Я объединены и не поддаются различению в самодостаточном Я.

Тут уместны два замечания. Во-первых, чем отличаются понятия нарцизм и эгоизм? Я думаю, что нарцизм является либидинозным дополнением эгоизма. Когда говорят

об эгоизме, то имеют в виду только пользу индивида: когда говорят о нарцизме, то принимают во внимание и его либидинозное удовлетворение. Их можно проследить порознь в целом ряде явлений как практические мотивы. Можно быть абсолютно эгоистичным и в то же время сохранять сильные либидинозные вложения в объекты, поскольку либидинозные удовлетворения от объекта относятся к потребностям Я. Эгоизм будет тогда следить за тем, чтобы стремление к объекту не причинило вреда Я Можно быть эгоистичным и при этом также очень сильно нарциссическим, то есть иметь очень незначительную потребность в объекте как в плане того, что касается ее прямого сексуального удовлетворения, или удовлетворения тех высших, исходящих от сексуальной потребности стремлений, которые выражает противопоставление «любви» и «чувственности». Во всех этих отношениях эгоизм является чем-то само собой понятым, постоянным, нарцизм же — меняющимся элементом. Противоположность эгоизма — *альтруизм;* понятно, что он не совпадает с либидинозным вложением в объекты, а отличается от него отсутствием стремления к сексуальному удовлетворению. Но при сильной влюбленности альтруизм совпадает с либидинозным вложением в объект. Обыкновенно сексуальный объект привлекает к себе часть нарцизма Я, это становится заметным в виде так называемой «сексуальной переоценки» объекта. Если к этому прибавляется еще альтруистическое переключение от эгоизма на сексуальный объект, то сексуальный объект становится чрезмерно могучим; он как бы поглотил Я.

Я думаю, что для вас будет отдыхом, если после сухой. по существу, фантастики науки я приведу вам поэтическое изображение экономической[1] противоположности нарцизма и влюбленности. Я заимствую его из «Западно-восточного дивана» Гёте.

Зулейка:

Раб, народ и угнетатель,
Вечны в беге наших дней.
Счастлив мира обитатель
Только личностью своей.

---

[1] [То есть касающееся количественных факторов затрачиваемой энергии.]

Жизнь расходуй, как сумеешь,
Но иди своей тропой.
Всем пожертвуй, что имеешь,
Только будь самим собой.

Хатем:

Да, я слышал это мненье,
Но иначе я скажу:
Счастье, радость, утешенье –
Все в Зулейке нахожу.
Чуть она мне улыбнется,
Мне себя дороже нет.
Чуть, нахмурясь, отвернется –
Потерял себя и след.
Хатем кончился б на этом,
К счастью, он сообразил:
Надо срочно стать поэтом
Иль другим, кто все же ей мил.
(Перевод В. Левика

Второе замечание составляет дополнение к теории сновидений. Мы не можем себе объяснить возникновение сновидения, если не допустим предположения, что вытесненное бессознательное получило известную независимость от Я, так что оно не подчиняется желанию спать и сохраняет свои вложения даже и тогда, когда все зависящие от Я вложения в объекты оставлены для сна. Тогда только можно понять, что это бессознательное пользуется ночным прекращением или снижением деятельности цензуры и что оно может овладеть дневными остатками, чтобы, пользуясь ими, образовать запретное желание сновидения. С другой стороны, дневные остатки частью своего противодействия предписанному желанием спать оттоку либидо обязаны существующей уже связи с этим вытесненным бессознательным. Этой важной в динамическом отношении чертой мы дополним наше понимание образования сновидений[1].

Органическое заболевание, болезненное раздражение, воспаление органов создают состояние, имеющее послед-

[1] [Эта тема подробнее рассматривается в работе Фрейда «Метапсихологическое дополнение к теории сновидений» (1917*d*).]

ствием отделение либидо от его объектов. Вернувшееся к Я либидо сосредоточивается на нем в виде усиленного вложения в заболевшую часть тела. Можно решиться на утверждение, что при таких условиях отход либидо от своих объектов бросается в глаза больше, чем потеря эгоистических интересов к внешнему миру. Тут, кажется, открывается путь к пониманию ипохондрии, при которой какой-нибудь орган подобным же образом занимает Я, хотя мы не можем заметить в нем болезненных изменений.

Но я должен устоять перед искушением продолжать дальше или выяснять другие положения, которые нам становятся понятными или легко подаются описанию, если допустить переход объектного либидо в Я. Я поступаю так потому, что чувствую потребность ответить на два возражения, которые, как мне кажется, вас теперь занимают. Во-первых, вы желаете потребовать от меня объяснений: почему я хочу непременно и во время сна, и в болезни, и в подобных ситуациях различать либидо и интерес, сексуальные влечения и инстинкты, в то время как на основании наблюдений вполне достаточно было бы предположить существование одной только однородной энергии, которая, будучи свободно подвижной, вкладывается то в объект, то в Я, служа то одному влечению, то другому. И, во-вторых, как я могу решиться считать отделение либидо от объекта источником патологического состояния, если подобный переход объектного либидо в либидо Я — или, говоря более общо, энергию Я — является нормальным, процессом душевной динамики, постоянно повторяющимся каждую ночь.

На это можно ответить: ваше первое возражение звучит хорошо. Обсуждение состояния сна, болезни, влюбленности само по себе, вероятно, никогда бы не привело нас к различению либидо Я и объектного либидо или либидо и интереса. Но при этом вы не принимаете во внимание исследований, из которых мы исходили и в свете которых мы теперь рассматриваем обсуждаемые душевные положения. Различение между либидо и интересом, то есть между сексуальными влечениями и влечениями к самосохранению, стало для нас необходимым, когда мы начали понимать тот конфликт, из которого происходят неврозы переноса. Отказаться после этого от такого различения мы не можем. Предположение, что объектное либидо может превратиться в либидо Я, что, следовательно, приходится счи-

таться с либидо Я, казалось нам единственно возможным и способным разрешить загадку так называемых нарциссических неврозов, например *dementia praecox*, и уяснить их сходство и различие по сравнению с истерией и неврозом навязчивости. Мы применяем к болезни, сну и влюбленности то, что вполне оправдало себя в других случаях. Мы можем продолжить такое применение и посмотреть, чего мы этим достигнем. Единственное утверждение, не являющееся прямым выводом из нашего аналитического опыта, состоит в том, что либидо остается либидо независимо от того, направлено ли оно на объекты или на собственное Я, и что оно никогда не превращается в эгоистический интерес так же, как и не может быть обратного. Это утверждение, однако, означает то же самое, что и рассмотренное выше критическое разделение на сексуальные влечения и влечения Я, которого мы будем придерживаться из эвристических мотивов, пока оно, возможно, не окажется неправильным.

Ваше второе возражение ставит правильный вопрос, но идет по ложному пути. Разумеется, перенесение объектного либидо на Я патогенно не непосредственно, ведь мы знаем, что это происходит всякий раз перед засыпанием и снова прекращается по пробуждении. Маленькое протоплазматическое животное втягивает свои отростки, чтобы при ближайшем случае снова выпустить их. Но совершенно иное представляет собой случай, когда определенный очень энергичный процесс приводит к вынужденному изъятию либидо из объектов. Ставшее нарциссическим либидо в таком случае не может найти обратного пути к объектам, и это ограничение подвижности либидо становится, несомненно, патогенным. Получается, что скопление нарциссического либидо сверх определенного количества непереносимо. Мы можем себе представить, что именно потому дело дошло до вложения в объекты, что Я должно было отдать свое либидо, чтобы не заболеть от чрезмерного его скопления. Если бы в наш план входило подробное изучение *dementia praecox*, я показал бы вам, что процесс, отрывающий либидо от объектов и преграждающий ему обратный путь к ним, близок к процессу вытеснения и должен рассматриваться как его дополнение. Но прежде всего вы почувствовали бы под ногами почву, узнав, что условия этого процесса, насколько мы теперь знаем, идентичны с процессами вытеснения. Конфликт, по-видимому, тот же самый и разыгрывается между теми же силами, а если исход его другой, нежели при исте-

рии, то причина этому может лежать только в различии предрасположения. Развитие либидо имеет у этих больных слабое место в другой своей фазе: фиксация, которая, как вы помните, имеет решающее значение и создает возможность прорыва для симптомообразования, находится в другом месте, вероятно, в стадии примитивного нарцизма, к которому в своем конечном исходе возвращается *dementia praecox*. Примечательно, что мы должны допустить места фиксации либидо для всех нарциссических неврозов, возвращающихся к гораздо более ранним фазам развития, чем при истерии и неврозе навязчивости. Но вы слышали, что понятия, выработанные нами при изучении неврозов переноса, оказались достаточными и для ориентации в гораздо более тяжелых в практическом отношении нарциссических неврозах. Черты сходства идут очень далеко; в сущности, это — область тех же явлений. Но вы можете себе представить, какой безнадежной кажется попытка объяснить уже относящиеся к психиатрии заболевания для того, кто не пользуется для этой задачи аналитическим знанием неврозов переноса.

Картина симптомов *dementia praecox*, впрочем, очень изменчивая, определяется не исключительно симптомами, которые происходят вследствие вытеснения либидо от объектов и скопление его в виде нарциссического либидо в Я. Большое место занимают другие феномены, которые сводятся к стремлению либидо вернуться вновь к объектам, что соответствует попытке восстановления или излечения. Последние симптомы бросаются в глаза даже более ярко; они имеют несомненное сходство с симптомами истерии, иногда невроза навязчивости, но отличаются от них во всех отношениях. Кажется, что либидо при *dementia praecox* в своем стремлении снова вернуться к объектам, то есть к представлениям объектов, действительно кое-что из них улавливает, но как бы одну только их тень, я хочу сказать, одни только относящиеся к ним словесные представления. В этом месте я не могу больше распространяться об этом, но думаю, что такое поведение либидо, стремящегося обратно, дало нам возможность увидеть, в чем заключается настоящее различие между сознательным и бессознательным представлением[1].

---

[1] [Лишь затронутый здесь вопрос об основополагающем различии между сознательными и бессознательными представлениями Фрейд подробнее разбирает в разделе VII своей работы «Бессознательное» (1915*e*).]

Тут я ввожу вас в область, в которой следует ожидать ближайших успехов аналитической работы. С тех пор, как мы решили использовать понятие *либидо Я*, нарциссические неврозы стали нам доступны. Перед нами встала задача найти динамическое объяснение этих расстройств и в то же время пополнить наши знания о душевной жизни, достигнув понимания Я. Психология Я, которая составляет нашу цель, должна быть основана не на данных нашего самонаблюдения, а, как и при либидо, на анализе его болезненных нарушений и распада. Вероятно, когда будет выполнена эта большая работа, мы будем не очень высокого мнения о нашем нынешнем знании о судьбе либидо, почерпнутых из неврозов переноса. Но зато мы в ней и не продвинулись далеко. Нарциссические неврозы едва ли поддадутся той технике, которой мы пользовались при неврозах переноса. Вы скоро узнаете, почему. С нарциссическими неврозами получается всегда так, что после небольшого продвижения вперед мы доходим до стены, которая заставляет нас остановиться. Вам известно, что и при неврозах переноса мы наталкивались на подобные же препятствия, но нам удавалось разрушить их по частям. При нарциссических неврозах сопротивление оказывается непреодолимым. Самое большее нам удается бросить любопытный взгляд через стену, чтобы проследить, что творится по ту сторону. Наши технические методы, следовательно, должны быть заменены другими. Мы не знаем, удастся ли нам такая замена, хотя и с этими больными у нас нет недостатка в материале. Они многое говорят, хотя и не дают ответа на наши вопросы, и пока мы вынуждены толковать их слова с помощью того понимания, которое мы приобрели, изучая симптомы неврозов переноса. Сходство достаточно велико, чтобы обеспечить нам начальный успех. Остается открытым вопрос — насколько эта техника окажется достаточной.

Присоединяются еще и другие трудности, мешающие нашему продвижению. Нарциссические заболевания и примыкающие к ним психозы могут быть разгаданы только такими наблюдателями, которые прошли школу аналитического исследования неврозов переноса. Но наши психиатры не изучают психоанализ, а нам, психоаналитикам, доводится наблюдать слишком мало психиатрических случаев. Должно еще подрасти поколение психиатров, прошедших школу психоанализа как подготовительной науки. Начало этому положено в настоящее время в Америке, где очень

многие видные психиатры читают студентам лекцию о психоаналитическом учении и где владельцы психиатрических лечебниц и директора психиатрических больниц стараются вести наблюдения над своими больными в духе этих учений. Все же и нам несколько раз посчастливилось бросить взор через нарциссическую стену и в дальнейшем я хочу вам рассказать, что нам удалось подсмотреть.

Форма заболевания паранойей, хроническим систематическим умопомешательством, занимает колеблющееся место в классификационных попытках современной психиатрии. Ее близкое родство с *dementia praecox* не подлежит, однако, никакому сомнению. Я позволил себе однажды предложить объединить паранойю и *dementia praecox* под общим названием *парафрения*[1]. Различные формы паранойи в зависимости от их содержания описываются как бред величия, бред преследования, любовный бред (эротомания), бред ревности и т. д. От психиатрии нам не приходится ждать попыток дать объяснение. В качестве примера такой попытки, хотя и устаревшего и неполноценного, я приведу вам объяснение, позволяющее выводить один симптом из другого при помощи интеллектуальной рационализации. Больной, который исходно считает, что его преследуют, делает заключение из этого преследования, что он, должно быть, представляет собой особо важную личность, и поэтому у него развивается бред величия. Для нашего аналитического понимания бред величия является непосредственным следствием возвеличения Я благодаря изъятию либидинозных вложений из объектов, вторичный нарцизм как следствием возвращения к первоначальному нарцизму раннего детства. Но на случаях бреда преследования мы сделали некоторые наблюдения, которые заставили нас пойти по определенному пути. Прежде всего, наше внимание было привлечено тем обстоятельством, что в преобладающем большинстве случаев преследователь был того же пола, что и преследуемый. Этому можно было дать еще самое невинное объяснение, но в некоторых хорошо изученных случаях стало ясно, что лицо того же пола, наиболее любимое в нормальное время, с момента заболевания превратилось в преследователя. Дальнейшее развитие становится возмож-

---

[1] [Впервые Фрейд ввел этот термин в анализе случая Шребера (1911c) где он наиболее обстоятельно обсуждает случай паранойи.]

ным благодаря тому, что любимое лицо заменяется другим на основании определенного психологического средства, например, отца заменяет учитель, начальник. На основании таких все увеличивающихся в числе фактов мы пришли к заключению, что *paranoia persecutoria* (бред преследования) является формой, в которой индивид защищается от гомосексуального стремления, ставшего слишком сильным. Превращение нежности в ненависть, которое, как известно, может стать источником серьезной опасности для жизни любимого и ненавистного объекта, соответствует тогда превращению либидинозных побуждений в страх, являющийся постоянным результатом процесса вытеснения. Вот, например, опять-таки последний случай из моих наблюдений такого рода. Одного молодого врача пришлось выслать из родного города, потому что он угрожал жизни сыну профессора в университете того же города, бывшему до того его лучшим другом. Этому своему прежнему другу он приписывал поистине дьявольские намерения и демоническое могущество. Он был виновником всех несчастий, случившихся за последние годы в семье больного, всех семейных и социальных неудач. Но этого мало, злой друг и его отец профессор, вызвали войну и привели в страну русских. Он совершил тысячу преступлений, заслуживающих смертной казни, и наш больной был убежден, что со смертью преступника наступил бы конец всем несчастьям. И все же старая нежность к другу была так сильна, что парализовала его руку, когда однажды ему подвернулся случай на самом близком расстоянии подстрелить врага. В течение коротких бесед, которые были у меня с ним, выяснилось, что дружеские отношения между обоими начались давно, еще в гимназические годы. По меньшей мере, один раз были перейдены границы дружбы. Проведенная вместе ночь дала повод к полному сексуальному сношению. К женщинам у нашего больного никогда не было тех чувств, которые соответствовали бы его возрасту и его привлекательности. Один раз он был обручен с красивой и знатной девушкой, но помолвка расстроилась, потому что невеста не встретила нежности у жениха. Несколько лет спустя его болезнь проявилась как раз в тот момент, когда ему впервые удалось вполне удовлетворить женщину. Когда эта женщина с благодарностью и в самозабвении обняла его, он вдруг почувствовал загадочную боль, как будто от острого надреза вокруг крыши черепа. Позже он истолковал это ощущение, будто у него сделан

был надрез, посредством которого открывают мозг при вскрытии. И так как его друг стал патологоанатомом, то он немедленно открыл, что только этот друг для искушения мог подослать к нему эту женщину. С этого момента у него открылись глаза и на другие преследования, жертвой которых он стал благодаря стараниям бывшего друга.

Но как же обстоит дело в тех случаях, в которых преследователь не того же пола, что и преследуемый, и которые, по-видимому, противоречат нашему объяснению бреда преследования, как защиты от гомосексуального либидо? Некоторое время тому назад я имел возможность исследовать такой случай и в кажущемся противоречии обнаружил подтверждение; молодая девушка, считавшая, что ее преследует мужчина, с которым она имела два нежных свидания, фактически имела сначала бредовую идею по отношению к женщине, в которой можно видеть заместительницу матери. Только после второго свидания она сделала еще один шаг и, отделив эту идею от женщины, перенесла ее на мужчину. Условия наличия того же пола у преследователя было, тем самым, выполнено и в этом случае. В своих жалобах другу и врачу пациентка не упомянула об этой предварительной стадии развития, что создало видимость противоречия нашему пониманию паранойи[1].

Гомосексуальный выбор объекта первоначально ближе к нарцизму, чем гетеросексуальный. Если затем требуется отвергнуть слишком сильное гомосексуальное побуждение, то возвращение к нарцизму происходит особенно легко. У меня до сих пор было очень мало поводов рассказать вам об основных положениях любовной жизни, насколько они нам стали известны, я не могу этого восполнить и теперь. Хочу только упомянуть, что выбор объекта, дальнейший шаг в развитии либидо после нарциссической стадии, может быть сделан по двум различным типам: либо по *нарциссическому* типу, когда место собственного Я занимает по возможности похожий на него объект, или по *типу опоры*, когда лица, ставшие дорогими вследствие удовлетворения других жизненных потребностей, избираются также и объектами либидо. В сильной фиксации либидо на нарциссическом типе выбора объекта мы видим предрасположение к явной гомосексуальности.

---

[1] [Подробное сообщение об этом случае Фрейд опубликовал незадолго до прочтения лекций (1915*f*).]

Вы помните, что на первой нашей лекции в этом семестре я рассказал вам случай бреда ревности у одной женщины. Теперь, когда мы уже так близки к концу семестра, вам, наверное, хотелось бы услышать, как мы с психоаналитической точки зрения объясняем бредовую идею. Но я могу вам сказать по этому поводу меньше, чем вы ожидаете. То обстоятельство, что бредовая идея не уступает ни логическим доказательствам, ни реальным фактам, объясняется, как и навязчивость, ее отношением к бессознательному, которое представлено в сознании бредовой или навязчивой идеей и таким образом удерживается вне сознания. Различие между обоими основано на различной топике и динамике обоих расстройств.

Как при паранойе, так и при меланхолии, которая описана в различных клинических формах, мы нашли позицию, с которой можно рассмотреть внутреннюю структуру расстройства. Мы узнали, что самообвинения, которыми самым безжалостным образом мучает себя меланхолик, в сущности, относятся к другому лицу: утерянному сексуальному объекту, или который по своей вине потерял для них значимость. Отсюда мы могли сделать заключение, что, хотя меланхолик и изъял свое либидо из объекта, но, благодаря процессу, который следует назвать «нарциссической идентификацией», объект этот воздвигнут в собственном «я», как бы спроецирован на «я». В этом месте я могу вам дать только образное представление, а не топически-динамическое описание[1]. При этом с собственным «я» обращаются так же, как с оставленным объектом, и оно претерпевает все те агрессивные действия и выражения желания мести, которые предназначались объекту. И склонность меланхоликов к самоубийству становится понятнее, если принять во внимание, что озлобление больного одним ударом поражает и собственное «я», и любимо-ненавистный объект. При меланхолии так же, как и при других нарциссических расстройствах, в резкой форме проявляется одна черта эмоциональной жизни, которую со времени Блейлера мы привыкли называть *амбивалентностью*. Мы понимаем под этим проявление противоположных нежных и враждебных чувств в адрес одного и того же лица. Во время этих лекций я, к со-

---

[1] [Подробное изложение содержится в работе «Печаль и меланхолия» 1917*e*).]

жалению, не имел возможности рассказать вам больше об амбивалентности чувств.

Кроме нарциссической идентификации, бывает еще истерическая, известная нам с давних пор[1]. Я сам хотел бы иметь возможность сформулировать различие между тем и другим видом идентификации в нескольких ясных определениях. О периодической и циклической формах меланхолии я расскажу вам кое-что, о чем вы, наверное, с удовольствием послушаете. При благоприятных условиях оказывается возможным — я два раза проделал этот опыт — при помощи аналитического лечения в свободный от болезни промежуток времени предупредить повторение состояния такого же или противоположного настроения. При этом узнаешь, что и при меланхолии и мании дело идет об особом роде разрешения конфликта, исходные предпосылки которого безусловно совпадают с предпосылками других неврозов. Можете себе представить, сколько еще психоанализу предстоит открыть в этой области.

Я сказал вам также, что благодаря анализу нарциссических расстройств мы надеемся узнать состав нашего «я» и его построение из различных инстанций. В одном месте мы положили этому начало[2]. Из анализа бреда наблюдения мы сделали вывод, что в «я», действительно, имеется инстанция, которая беспрерывно наблюдает, критикует и сравнивает, противопоставляя себя другой части «я». Мы полагаем поэтому, что больной выдает нам еще не вполне оцененную правду, когда жалуется, что каждый его шаг выслеживается и наблюдается, каждая мысль объявляется во всеуслышанье и критикуется. Он ошибается только в том, что переносит эту неприятную ему силу во внешний мир, как нечто ему чуждое. Он чувствует в своем «я» господство какой-то инстанции, сравнивающей его действительное «я» и его деятельность с каким-то *идеалом Я,* который он создал себе в ходе своего развития. Мы полагаем также, что это идеальное Я создалось для того, чтобы вернуть довольство собой, связанное с первичным инфантильным нарцизмом, но претерпевшее в дальнейшем так много разочарований и огорчений. Наблюдающая за самим собой инстанция известна нам как цензор «я»,

---

[1] [Различие между этими двумя типами идентификации объясняется в работе «Печаль и меланхолия» (1917*e*).]

[2] [Ср. третий раздел из «Введения понятия "нарцизм"» (1914*c*).]

как совесть; это та же инстанция, которая ночью выполняет обязанности цензуры сновидения, от которой исходят вытеснения недопустимых желаний.

Когда она распадается при «бреде наблюдения», то она раскрывает нам свое происхождение от влияния родителей, воспитателей и социальной среды, от идентификации себя с некоторыми из этих лиц, служащих идеалом.

Таковы некоторые результаты, полученные нами к настоящему времени при применении психоанализа к нарциссическим расстройствам. Они, несомненно, еще очень незначительны и лишены той четкости, которая может быть достигнута только при глубоком и точном знакомстве с новой областью. Всеми этими результатами мы обязаны использованию понятия либидо Я или нарциссического либидо, с помощью которого мы перенесли на нарциссические неврозы взгляды, подтвердившиеся при неврозах переноса. Но теперь вы зададите вопрос: возможно ли, чтобы нам удалось все нарушения нарциссических расстройств и психозов подчинить теории либидо, что мы везде обнаруживаем причастность к заболеванию либидинозного фактора душевной жизни и никогда не считали ответственным за него изменение функции влечения к самосохранению? Уважаемые дамы и господа, мне кажется, нет необходимости спешить с решением этого вопроса, и для этого еще не наступило время. Мы можем спокойно предоставить это дальнейшему научному прогрессу. Меня не удивило бы, если бы открылось, что возможность оказывать патогенное влияние составляет действительно преимущество либидинозных влечений, так что теория либидо будет в состоянии торжествовать по всей линии, начиная с самых простых актуальных неврозов и кончая самым тяжелым психотическим отчуждением от реальности. Ведь нам известно, что самой характерной чертой либидо является его сопротивление реальному миру, судьбе. Но я считаю весьма вероятным, что влечения Я вторично захватываются патогенными импульсами либидо и вынуждены содействовать нарушению функции. И я не могу усмотреть несостоятельности нашего направления исследования и в том случае, если бы мы узнали впоследствии, что в случаях тяжелых психозов влечения Я могут пойти по ложному пути даже первичным образом; будущее покажет это, по крайней мере, вам.

А мне позвольте еще на одну минуту вернуться к тревоге, чтобы осветить оставшееся там темное место. Мы сказали,

что с установленным взаимоотношением между тревогой и либидо не согласуется тот неоспоримый факт, что реальный страх перед лицом опасности является выражением влечения к самосохранению. Но как обстояло бы дело, если бы оказалось, что аффект тревоги исходит не из эгоистических влечений «я», а из либидо «я»? Ведь состояние тревоги, во всяком случае, нецелесообразно, и ее нецелесообразность становится очевидной, когда она достигает более высокой степени. Тогда она мешает действию — будь то бегство или защита, — единственно целесообразному и служащему цели самосохранения. Если же мы припишем аффективную часть реального страха либидо «я», а действия — влечения к самосохранению, то мы устраним все теоретические трудности. Впрочем, вы, конечно, не думаете серьезно, что человек убегает, *потому что* испытывает тревогу? Нет, испытывают тревогу и обращаются в бегство вследствие одной общей причины, которая возникает, когда замечают опасность. Люди, пережившие в жизни большие опасности, рассказывают, что они вовсе не боялись, а только действовали, например: выстрелили, наставив дуло ружья на дикого зверя, что, несомненно, и было самым целесообразным.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Перенос

Уважаемые дамы и господа! Так как мы приближаемся к концу наших бесед, у вас появляется определенная надежда, в которой вы не должны обмануться. Вы, вероятно, думаете, что не для того же я водил вас по всем дебрям психоаналитического материала, чтобы в конце концов отпустить вас, не сказав ни слова о терапии, на которой основана возможность вообще заниматься психоанализом. Да я и не могу не коснуться этой темы, потому что при этом вы посредством наблюдения познакомитесь с новым фактом, без которого ваше понимание изучаемых болезней осталось бы весьма и весьма неполным.

Я знаю, что вы не ждете от меня в этих лекциях руководства по технике проведения анализа в терапевтических целях. Вы хотите только в самых общих чертах узнать, каким образом действует психоаналитическая терапия и чего приблизительно она может достигнуть. Узнать это вы имеете неоспоримое право. Но я не хочу вам это рассказывать, а настаиваю на том, чтобы вы догадались сами.

Подумайте! Вы познакомились с самыми существенными условиями заболевания, а также со всеми факторами, действующими на заболевшего человека. Где же здесь место для терапевтического воздействия? Во-первых, имеется наследственная предрасположенность, о которой нам нечасто приходится говорить, так как она энергично подчеркивается другими, и мы не можем сказать тут ничего нового. Но не думайте, что мы недооцениваем ее значение: именно как терапевты, мы довольно ясно чувствуем ее силу. Во всяком случае, мы ничего не можем изменить в этом отношении; наследственная предрасположенность остается и для нас чем-то окончательным, готовым, что кладет предел всем нашим стараниям. Затем имеется влияние ранних детских переживаний, которое в анализе мы привыкли выдвигать на первый план, эти переживания относятся к прошлому; мы не можем их устранить. Далее, то, что мы объединили в понятии «реальная несостоятельность» или несчастливо сложившаяся жизнь — недостаток любви, бедность, семейные раздоры, неудачный брак, неблагоприятные социальные отношения и строгость нравственных требований, под гнетом которых находится человек. Тут открывается широкое поприще для действенной терапии, к которой прибегал, по словам венских народных преданий, император Иосиф — то есть вмешательство могущественного благотворителя, перед волей которого склоняются люди и исчезают всякие затруднения. Но кто такие мы, чтобы включить такую благотворительность в арсенал наших терапевтических средств? Будучи сами бедными и беспомощными в социальном отношении, вынужденные добывать средства к существованию нашей врачебной деятельностью, мы даже не в состоянии отдавать наши силы неимущим, как это могут делать другие врачи при других методах лечения. Для этого наша терапия отнимает слишком много времени и длится слишком долго. Но, может быть, вы ухватитесь за один из перечисленных моментов и подумаете, что там найдете область применения нашего воздействия. Если нрав-

ственные ограничения, налагаемые обществом, являются частью испытываемых больным лишений, то лечение может дать больному мужество или даже прямо указать ему, чтобы он преступил эти преграды и добился удовлетворения и выздоровления, отказавшись от осуществления столь высокочтимого и столь же часто не исполняемого обществом идеала. Человек выздоравливает, «давая волю» своей сексуальности. Правда, при этом на аналитическое лечение падает тень, что оно не служит целям общественной морали. То, что оно дает одному, оно отнимает у общества.

Но кто дал вам такие неверные сведения? Не может быть и речи о том, чтобы совет — дать волю своей сексуальности — мог играть какую-нибудь роль в аналитической терапии. Уже потому, что сами мы объявили, что у больных имеется упорный конфликт между либидинозными побуждениями и сексуальным вытеснением, между чувственной и аскетической направленностью. Этот конфликт не разрешается тем, что одной направленности помогают одержать верх над другой. Мы видим, что у нервнобольного победу одержал аскетизм, вследствие этого подавленное сексуальное влечение находит себе выход в симптоме. Если бы мы теперь, наоборот, добились победы чувственности, то отодвинутое в сторону сексуальное вытеснение должно было найти себе замену в симптомах. Ни одно из этих двух решений не может покончить с внутренним конфликтом, всякий раз какая-нибудь сторона осталась бы неудовлетворенной. Только в немногих случаях конфликт так неустойчив, что такой фактор, как сочувствие врача той или другой стороне, может оказать решающее влияние, и такие случаи, в сущности, не нуждаются в аналитическом лечении. Люди, на которых врач может так повлиять, нашли бы этот путь и без помощи врача. Вы знаете, что если молодой человек, живущий в воздержании, решается на незаконную половую связь или неудовлетворенная женщина вознаграждает себя с другим мужчиной, то они обыкновенно не ждут разрешения врача и тем более аналитика.

В данном вопросе упускают из вида один существенный момент, а именно, что нельзя смешивать патогенный конфликт невротика с нормальной борьбой душевных побуждений, выросших на одной и той же психологической почве. В данном случае борьба разыгрывается между двумя силами, из которых одна достигла уровня подсознательного и сознательного, а другая задержалась на уровне бес-

сознательного. Поэтому не может быть найден выход из конфликта; борющиеся так же не могут добраться друг до друга, как белый медведь и кит в известном примере. Разрешение конфликта может быть найдено только тогда, когда оба встречаются на одной и той же почве. Я думаю, что единственной задачей терапии является добиться именно этого.

Кроме того, уверяю вас, что вы плохо осведомлены, если полагаете, что советы и руководство в житейских делах образуют составную часть аналитического воздействия на больного. Напротив, мы по возможности избегаем такой менторской роли и ничего так не хотим, как того, чтобы больной сам принимал свои решения. С этой целью мы и требуем, чтобы решения по всем важным жизненным вопросам относительно выбора профессии, хозяйственных предприятий, заключение брака или развода, были отложены, пока еще длится лечение, и приведены в исполнение только по его окончании. Сознайтесь же, что дело обстоит совсем не так, как вы себе представляли. Только с некоторыми очень молодыми или совсем беспомощными и неуравновешенными больными мы не можем провести желанного ограничения. У них мы должны комбинировать врачебную деятельность с педагогической; мы тогда сознаем свою ответственность и ведем себя с соответствующей осторожностью[1].

Из усердия, с которым я защищаюсь от упрека, что нервнобольного побуждают во время аналитического лечения «дать себе волю», вам не следует делать вывода, что мы влияем на него в пользу общественной нравственности. Это нам по меньшей мере так же чуждо, как и противоположное. Хотя мы не реформаторы, а только наблюдатели, но мы не можем отказаться от критического наблюдения и считаем невозможным встать на сторону условной сексуальной морали и высоко ценить тот способ, которым общество старается практически разрешить проблемы сексуальной жизни. Мы можем сделать простой расчет, согласно которому то, что общество считает своей нравственностью, стоит больших жертв, чем заслуживает, и что образ действия общества не зиждется на искренности и не свидетельствует об уме. Мы не скрываем от наших пациентов этой критики, мы при-

---

[1] [Эта мысль получает дальнейшее развитие в 34-й лекции.]

учаем их к свободному, без предрассудков обсуждению сексуальных отношений, как и всяких других, и когда они по окончании лечения становятся самостоятельными и по собственному разумению решаются занять какую-нибудь среднюю позицию между тем, чтоб полностью «дать себе волю» или предаться безудержному аскетизму, то мы не чувствуем угрызений совести ни за один из этих исходов. Мы говорим себе, что тот, кто с успехом сам воспитал в себе стремление к правде, тот навсегда защищен от опасностей безнравственности, если даже его мерило нравственности в каком-нибудь отношении и отличается от принятого в обществе. Впрочем, мы остерегаемся от переоценки значения воздержания в лечении неврозов. Лишь в небольшом числе случаев можно положить конец патогенной «несостоятельности» и соответствующему застою либидо путем достижимых без особый усилий сексуальных отношений.

Вы не можете, следовательно, объяснить терапевтического действия психоанализа разрешением сексуального удовольствия. Поищите другое объяснение. Мне кажется, что, отклоняя ваше предположение, я в то же время одним замечанием навел вас на верный путь. Мы, должно быть, приносим пользу больным тем, что заменяем бессознательное сознательным, переводим бессознательное в сознательное. И действительно, так оно и есть. Переводя бессознательное в сознательное, мы уничтожаем вытеснение, устраняем условия симптомообразования, превращаем патогенный конфликт в нормальный, который должен найти какое-нибудь разрешение. Мы вызываем у больного только одно психическое изменение, и наша помощь действенна настолько, насколько глубоко это изменение. Там, где нельзя уничтожить вытеснения или аналогичный психический процесс, там нашей терапии делать нечего.

Цель наших стараний мы можем выразить в различных формулах: осознание бессознательного, уничтожение вытеснений, восполнение пробелов амнезии, — все это одно и то же. Но, может быть, вас не удовлетворит это признание. Вы представляли себе выздоровление нервнобольного иначе, а именно, что он становится другим человеком после того, как подвергся утомительной работе психоанализа. А тут оказывается, что весь результат состоит только в том, что у больного теперь несколько меньше бессознательного и несколько больше сознательного. Но вы, вероятно, недооцениваете значение такого внутреннего изме-

кения. Излеченный нервнобольной стал действительно другим человеком, но по существу он, разумеется, остался тем же самым, то есть он стал таким, каким он в лучшем случае мог бы быть при самых благоприятных условиях. А это очень много. Если вы услышите, что необходимо сделать, какие нужны усилия, чтобы добиться этого, кажущегося незначительным, изменения душевной жизни больного, то значение такого различия в психическом уровне покажется вам весьма правдоподобным.

Отступаю на минуту от темы, чтобы спросить вас: знаете ли вы, что такое каузальная терапия? Так называют лечебное мероприятие, которое направлено не против болезненных проявлений, а ставит себе целью устранить причину болезни. Является ли психоаналитическая терапия каузальной или нет? Ответ не прост, но, может быть, позволит убедиться, что такая постановка вопроса не имеет большого значения. Поскольку психоаналитическая терапия не ставит своей первой задачей устранение симптома, она действует как каузальная. В другом отношении вы можете сказать, что она не каузальная. Вы уже давно проследили причинную цепь явлений от вытеснения и далее до врожденных влечений, до их относительной интенсивности в конституции и отклонения процесса их развития. Допустим, мы бы имели возможность химическим путем вмешаться в этот механизм, уменьшать или увеличивать количество имеющегося в данном случае либидо или усиливать одно влечение за счет другого, это была бы в настоящем смысле каузальная терапия, для которой анализ проделал бы необходимую предварительную разведывательную работу. Но, как вы знаете, в настоящее время не может быть и речи о таком воздействии на пути преобразований либидо, наша психическая терапия применяется по отношению к другому звену в цепи этих явлений, не к ясно видимым корням феномена, но все же к достаточно далекому от симптомов звену, ставшему нам доступным благодаря весьма примечательному обстоятельству.

Итак, что мы должны сделать, чтобы заменить у нашего пациента бессознательное сознательным? Однажды мы сказали, что это очень просто. Нам следует только угадать это бессознательное и сказать больному о нем. Но мы знаем, что это недальновидное заблуждение. Наше знание о бессознательном неравноценно знанию больного; если мы сообщаем ему наше знание, то он обладает им не *вместо* сво-

его бессознательного, а *наряду* с ним, и это ничего не меняет. Мы должны себе представить это бессознательное топическим, должны найти его в воспоминании больного, там, где оно возникло благодаря вытеснению. Это вытеснение необходимо устранить, и тогда легко может совершиться замена бессознательного сознательным. Но как же устранить такое вытеснение? Тут наша задача вступает во вторую фазу. Сначала нужно найти вытеснение, затем устранить сопротивление, поддерживающее это вытеснение.

Как устранить сопротивление? Точно так же: обнаружив его, разъяснить пациенту. Сопротивление тоже исходит из вытеснения, из того же самого, которое мы хотим разрешить, или из имевшего место раньше. Сопротивление возникает из противодействия, призванного вытеснить неприемлемые душевные движения. Следовательно, мы делаем теперь то же самое, что уже с самого начала хотели делать: угадываем, находим толкование и сообщаем его; но теперь делаем это в нужном месте. Противодействие или сопротивление исходит не от бессознательного, а от «я», которое является нашим сотрудником даже тогда, когда это противодействие неосознанно. Мы знаем, что речь тут идет о двойном смысле слова «бессознательный». С одной стороны, как феномена, с другой стороны, как системы. Это кажется очень трудным и темным; но ведь это только повторение, не правда ли[1]? Мы уже давно к этому подготовлены, мы ждем, что больной откажется от этого сопротивления, оставит свое противодействие, если мы при помощи нашего толкования разъясним это противодействие. С какими движущими силами работаем мы в этом случае? Во-первых, мы пользуемся стремлением пациента выздороветь, побудившим его подчиниться нашей совместной работе. Во-вторых, мы прибегаем к помощи его интеллекта, который мы поддерживали при помощи толкования. Не подлежит никакому сомнению, что интеллекту больного легче распознать сопротивление и найти соответствующую замену вытесненному, если мы сообщаем ему соответствующие представления. Если я вам скажу: посмотрите на небо, там можно увидеть воздушный шар, то вы его скорее найдете, чем если я вас попрошу только посмотреть наверх, не уви-

[1] [См. последнее примечание к 14-й лекции, где вводятся прежние упоминания; там же находится и указание на более поздние, пересмотренные взгляды Фрейда на этот вопрос.]

дите ли вы там чего-нибудь. Так и студенту, который в первый раз смотрит в микроскоп, преподаватель сообщает, что он должен там увидеть, в противном случае он там вовсе не видит этого, хотя это все там есть и все это можно увидеть.

А теперь факт[1]. При многих формах нервных заболеваний — при истерии, неврозе страха, неврозе навязчивости — наши предположения оправдываются. Благодаря обнаружению вытеснения, открытию сопротивлений, указаниям на вытесненное действительно удается разрешить задачу, то есть преодолеть сопротивление, уничтожить вытеснение и превратить бессознательное в сознательное. При этом у нас складывается вполне определенное впечатление о том, как в душе больного разыгрывается сильная борьба за преодоление каждого сопротивления, нормальная душевная борьба на одной и той же психологической почве между мотивами, желающими сохранить противодействие и противоположными им, готовыми от него отказаться. Первые — это старые мотивы, создавшие в свое время вытеснения; среди последних находятся вновь появившееся, которые, будем надеяться, разрешат конфликт в желательном для нас смысле. Нам удалось вновь оживить старый конфликт вытеснения и подвергнуть пересмотру завершенный когда-то процесс. В качестве нового материала мы прибавляем, во-первых, напоминание, что прежнее решение привело к болезни, во-вторых, обещание, что другое решение откроет путь к выздоровлению и, наконец, грандиозное изменение всех обстоятельств со времени того первого вытеснения. Тогда «я» было слабо, инфантильно и, может быть, имело основание усмотреть опасность в требованиях либидо, теперь оно окрепло, обогащено опытом и, кроме того, имеет под рукой помощника в лице врача. Мы можем поэтому надеяться, что приведем обновленный конфликт к лучшему исходу, нежели вытеснение, и, как сказано, при истериях, неврозах страха и навязчивости результат принципиально оправдывает это.

Однако имеются формы болезни, при которых, несмотря на сходство условий, наши терапевтические мероприятия никогда не имеют успеха. И в них дело шло о первоначальном конфликте между «я» и либидо, приведшем к вытеснению, хотя топически его можно охарактеризовать

[1] [См. вводный абзац к данной лекции.]

иначе; и в этих случаях возможно выявить участки, на которых в жизни больного произошли вытеснения; мы применяем те же способы, готовы дать те же обещания, оказываем ту же помощь сообщением ожидаемых представлений, и опять-таки разница во времени между настоящим и теми вытеснениями как будто благоприятствует иному исходу конфликта. И тем не менее нам не удается уничтожить сопротивление и устранить вытеснение. Эти пациенты — параноики, меланхолики, больные *dementia praecox* остаются в общем незатронутыми и нечувствительны к психоаналитической терапии. Почему же это так? Не вследствие недостатка интеллекта, известное количество интеллектуальной работоспособности, разумеется, требуется от наших пациентов, но в этом, например, нет недостатка, и у параноиков, способных к остроумным комбинациям. У них мы находим также и все другие влечения. Меланхолики, например, в высокой степени сознают, что они больны, и поэтому тяжело страдают, чего нет у параноиков, но от этого они не становятся доступнее. Мы стоим тут перед непонятным фактом, вызывающим у нас сомнение в том, действительно ли мы понимаем все условия достижения успеха в терапии других неврозов.

Если мы остановимся на наших занятиях с истериками и невротиками, страдающими навязчивостями, то вскоре встретимся с другим фактом, к которому мы никоим образом не подготовлены. Мы не можем не заметить, что эти больные ведут себя по отношению к нам весьма своеобразно. Мы полагали, что учли все силы, которые приходится принимать во внимание при лечении, вполне осознали ситуацию между нами и пациентом, что все это поддается учету, как в арифметической задаче, и тут оказывается, что в эти отношения проникло что-то, прежде вовсе не принимавшееся во внимание. Это неожиданное новое, само по себе многообразно, и я опишу сначала только более частые и более понятные формы его проявления.

Мы начинаем замечать, что пациент, которому следовало бы искать выхода из своего болезненного конфликта, проявляет исключительный интерес к личности врача. Все, что связано с этой личностью, кажется ему более значительным, чем его собственные дела, и отвлекает его внимание от болезни. Общение с больным становится поэтому в течение некоторого времени очень приятным; больной чувствует себя очень обязанным, старается где только можно

выказать свою благодарность, проявляет утонченность и качества своего существа, которые мы бы у него, может быть, и не искали бы. Врач составляет себе тоже благоприятное мнение о пациенте и благодарит случай, давший ему возможность оказать помощь особенно ценной личности. Если врачу случается поговорить с родственниками пациента, то он с удовольствием слышит, что эти симпатии обоюдны. Дома пациент без устали расхваливает врача и открывает у него все новые качества. «Он грезит вами, слепо доверяет вам; все, что вы говорите, для него откровение». Иногда кто-нибудь из этого хора выражается резче и говорит: «Уже прямо надоело, он не говорит ни о чем другом, кроме вас, и всегда вы у него на языке».

Мы надеемся, что врач оказывается достаточно скромным, чтобы объяснить эту оценку своей личности пациентом теми надеждами, которые он подает больному и расширением интеллектуального горизонта последнего теми изумительными и освобождающими откровениями, с которыми связано лечение. При таких условиях анализ делает поразительные успехи, пациент понимает то, на что ему намекают, углубляется в выдвигаемые лечением задачи, в изобилии всплывает у него материал воспоминаний и мыслей. Он поражает врача уверенностью и меткостью своих толкований. А врач может только с удовольствием констатировать, как охотно больной воспринимает все новые психологические идеи, которые обыкновенно вызывают самые ожесточенные возражения со стороны здоровых. Хорошим отношениям во время аналитической работы соответствует также объективное признаваемое всеми улучшение состояния больного.

Но не все время стоят такие ясные дни, в один прекрасный день небосклон покрывается тучами. В ходе лечения возникают затруднения; пациент утверждает, что ему ничего не приходит в голову. Складывается отчетливое впечатление, что он больше не интересуется работой и что он с легким сердцем отказался от предписанного требования говорить все, что ему приходит в голову, не поддаваясь никаким критическим соображениям. Он держит себя так, как будто он не лечится, как будто между ним и врачом не было никакого уговора; ясно видно, что он чем-то внутренне занят, но хочет скрыть это в себе. Создается положение, опасное для лечения. Несомненно, что перед нами сильное сопротивление. Но что же тут произошло?

Если мы в состоянии прояснить ситуацию, то обнаруживаем причину помехи в интенсивном нежном чувстве, возникшем у больного к врачу, не оправдываемом ни поведением врача, ни сложившимися во время лечения взаимоотношениями. От личных обстоятельств обоих участников зависит, в какой форме эта нежность выражается и к каким целям она стремится. Если дело касается молодой девушки и молодого человека, то у нас создается впечатление нормальной влюбленности, нам кажется вполне понятным, что девушка влюбилась в мужчину, с которым она продолжительное время остается наедине и обсуждает интимности своей жизни, который занимает по отношению к ней выгодное положение человека, оказывающего помощь, и из-за этого, вероятно, упустим из виду, что от невротической девушки, скорее, следует ожидать неспособности любить. Чем меньше будут походить личные отношения врача и пациента на этот предполагаемый случай, тем страннее покажется нам тот факт, что мы, тем не менее, всегда будем находить те же взаимоотношения в области чувств. Можно еще допустить, если молодую несчастную в своем браке женщину охватывает серьезная страсть к ее еще свободному врачу, если она готова добиться развода, чтобы принадлежать ему, или, в случае социальных препятствий, она не останавливается перед тем, чтобы вступить с ним в тайную любовную связь. Подобные вещи случаются также и вне психоанализа, но при данных условиях можно с удивлением услышать заявления от женщин и девушек, указывающие на вполне определенные отношения к терапевтической проблеме: они, мол, всегда знали, что их может излечить только любовь, и с самого начала лечения ожидали, что благодаря этим отношениям им, наконец, будет подарено то, чего жизнь лишала их до сих пор. Только из-за этих надежд они так старались в ходе лечения и преодолевали все трудности, связанные с рассказом о себе. Мы со своей стороны прибавим: и так легко понимали все, чему обыкновенно так трудно поверить. Но это признание поражает нас; оно опрокидывает все наши расчеты. Неужели же мы упустили самое важное?

И в самом деле, чем больше у нас опыта, тем меньше мы можем противиться внесению этой поправки, позорящей нашу ученость. Первый раз можно было подумать, что аналитическое лечение случайно наткнулось на помеху вследствие события, не входившего в его планы и не им выз-

ванного. Но если такое нежное отношение пациента к врачу повторяется в каждом новом случае, если оно проявляется при самых неблагоприятных условиях, при прямо-таки гротескных недоразумениях, даже у престарелых женщин, даже по отношению к седому мужчине, даже там, где, по нашему мнению, не может быть никакого соблазна, то мы вынуждены отказаться от мысли о случайной помехе и признать, что речь идет о феномене, тесно связанном с серьезностью заболевания.

Новый факт, который мы должны таким образом признать против воли, мы называем *переносом*. Под этим мы понимаем перенос чувств на личность врача, потому что не допускаем, чтобы положение, созданное лечением, оправдало возникновение таких чувств. Скорее мы допускаем, что вся эта готовность испытывать чувства исходит от чего-то другого, она уже имелось у больной, и при аналитическом лечении была перенесена на личность врача. Перенос может проявиться в виде бурного требования любви или в более умеренных формах: вместо желания быть возлюбленной, у молодой девушки может возникнуть желание стать любимейшей дочерью старого мужчины. Либидинозное стремление может смягчиться и вызвать предложение неразрывной, но идеальной нечувственной дружбы. Некоторые женщины умеют сублимировать перенос и так видоизменить его, что он приобретает своего рода жизнеспособность; другие вынуждены проявлять его в грубом, первичном, большею частью невозможном виде. Но, в сущности, это всегда одно и то же и невозможно ошибиться в источниках его происхождения.

Прежде чем мы поставим себе вопрос, куда нам отнести этот факт переноса, дополним его описание. Как обстоит дело с пациентами-мужчинами? Уже там можно бы надеяться избежать неприятного вмешательства различия полов и взаимного влечения их. Ответ гласит: не намного иначе, чем у пациентов-женщин. Та же привязанность к врачу, та же переоценка его качеств, то же полное увлечение его интересами, та же ревность по отношению ко всем, кто близок ему в жизни. Сублимированные формы перенесения между мужчиной и мужчиной встречаются постольку чаще, а непосредственные сексуальные требования постольку реже, поскольку явная гомосексуальность отступает в жизни на задний план перед другим использованием компонентов этих влечений. У пациентов-мужчин врач наблюда-

ет чаще, чем у женщин, форму переноса, которая, как кажется на первый взгляд, противоречит всему вышеописанному: враждебный или *негативный* перенос.

Уясним себе прежде всего, что у пациента с самого начала лечения появляется перенос, и некоторое время он составляет самый мощный рычаг аналитической работы. Его не ощущаешь и незачем о нем думать, пока он оказывает благоприятное действие на совместно проводимый анализ. Но когда перенос превращается в сопротивление, следует обратить на него внимание и признать, что он изменил свое отношение к лечению по двум различным и противоположным причинам: во-первых, когда оно в виде нежной склонности настолько усилилось и настолько ясно выдает признаки своего происхождения из сексуальной потребности, что вызвало против себя внутреннее сопротивление, и, во-вторых, если оно состоит из враждебных, а не нежных душевных движений. Обыкновенно враждебные чувства проявляются позже, чем нежные; в своем одновременном существовании они хорошо отражают амбивалентность чувств, господствующую в большинстве наших интимных отношений друг к другу. Враждебные чувства имеют такое же значение в чувственной привязанности, как и нежные, подобно тому, как упрямство означает такую же зависимость, как и послушание, хотя и выражается в противоположных поступках. Для нас не может быть сомнения в том, что враждебные чувства к врачу заслуживают названия «переноса», потому что ситуация лечения никоим образом не дает достаточного повода для их развития; необходимое понимание негативного переноса убеждает нас таким образом, что мы не ошиблись в нашем суждении о позитивном, или нежном, переносе.

Откуда берется перенос, какие трудности он нам создает, как нам преодолеть их и какую пользу из них, в конце концов, мы можем извлечь, — все это должно быть предметом подробного обсуждения в техническом руководстве по анализу и может быть только слегка затронуто мною сегодня. Совершенно исключено, чтобы мы уступили требованиям пациента, имеющим своим источником перенос, и было бы бессмысленно недружелюбно или возмущенно отклонять его; мы преодолеваем перенос, указывая больному, что чувство его исходит не из настоящей ситуации и относится не к личности врача, а что они только воспроизводят то, что с ним было уже когда-то прежде. Тем самым мы вынуждаем его превратить повторение в воспоминание.

14*

Тогда перенос, неважно, нежный или враждебный, казавшийся самой большой угрозой лечению, становится лучшим его орудием, с помощью которого открываются сокровенные тайники душевной жизни. Но я хотел бы еще добавить несколько слов, чтобы освободить вас от чувства недоумения по поводу возникновения этого неожиданного феномена. Нам не следует забывать, что болезнь пациента, к анализу которого мы приступаем, вовсе не представляет собой нечто законченное, окаменелое, а продолжает расти и развиваться как живое существо. Начало лечения не кладет конец этому развитию, но как только лечение захватывает больного, то оказывается, что все новое творчество болезни направляется на одно, а именно, на отношение к врачу. Перенос, таким образом, можно сравнить с слоем камбия между сердцевиной дерева и корой, который обеспечивает образование новой ткани и рост ствола в толщину. Когда перенос достигает этого значения, то работа над воспоминаниями больного отступает на задний план. Правильно было бы сказать, что имеешь дело уже не с прежней болезнью пациента, а с заново созданным переделанным неврозом, заменившим первый. Это новое издание старой болезни можно было бы проследить с самого начала, можно было видеть, как она развивается и растет, и особенно хорошо в ней разобраться, потому что сам находишься в ее центре как объект. Все симптомы больного утратили свое первоначальное значение, приспособились к новому смыслу, имеющему отношение к переносу. Или остались только те симптомы, которым удалась такая переработка. Но преодоление этого нового искусственного невроза совпадает с освобождением от болезни, которую начали лечить, с - разрешением нашей терапевтической задачи. Человек, ставший в своем отношении к врачу нормальным и свободным от влияния вытесненных влечений, остается таким и в своей частной жизни, после того, как врач отстранил себя.

Такое исключительное, центральное для лечения значение имеет перенос при истерии, тревожной истерии и неврозе навязчивости, которые поэтому вполне правильно объединены под названием *неврозов переноса*. Кто получил полное впечатление о факте переноса из аналитической работы, тот больше не может сомневаться в том, какой характер имеют те подавленные душевные движения, которые находят свое выражение в симптомах этих неврозов, и не станет требовать более веских доказательств их либи-

динозного происхождения. Мы можем сказать: наше убеждение в том, что симптом представляют собой замещающее удовлетворение либидинозных влечений, окончательно окрепло благодаря явлению переноса.

Теперь у нас есть полное основание исправить наше прежнее динамическое понимание процесса излечения и привести его в согласие с нашими новыми взглядами. Когда больной преодолевает нормальный конфликт с сопротивлениями, которые мы ему открыли в анализе, то он нуждается в могучем побуждении, которое повлияло бы на его решение в желательном для нас смысле, на решение, ведущее к выздоровлению. В противном случае могло бы случиться и так, что он решился бы на повторение прежнего исхода и снова вытеснил бы то, что уже введено в сознание. Решающим моментом в борьбе становится тогда не его интеллектуальное понимание, для такого действия — оно недостаточно сильно и свободно, а исключительно его отношение к врачу. Поскольку его перенос носит позитивный характер, он придает авторитет врачу, проявляется в вере и в понимании слов врача. Без такого переноса или в случае негативного переноса он и слушать не стал бы врача и его доказательств. Вера при этом повторяет историю своего развития; сначала она является отпрыском любви и не нуждается в доказательствах. Позже он уделяет столько места аргументам, что начинает проверять их, даже если их приводит любимый человек. Доказательства без такой поддержки не имели никакого значения и у большинства людей не имеют его никогда в жизни. В общем, человек с интеллектуальной стороны доступен воздействию лишь постольку, поскольку он способен на либидинозную привязанность к объекту. У нас есть полное основание видеть в степени его нарцизма предел возможности влиять на него при помощи самой лучшей аналитической техники и опасаться этого ограничения.

Способность направлять на других людей либидинозную привязанность к объектам должна быть признана за всеми нормальными людьми. Склонность упомянутых невротиков к переносу представляет собой лишь крайнее преувеличение этого присущего всем свойства Но было бы очень странно, если бы столь распространенная и значимая черта характера человека никогда не была бы замечена и использована. И это действительно произошло. Бернгейм с тонкой проницательностью обосновал учение о гипноти-

ческих явлениях положением, что все люди каким-нибудь образом поддаются внушению, отличаются «внушаемостью». Его внушаемость представляет собой не что иное, как слишком узко понятую склонность к переносу, так что в ней нет места для негативного переноса; но Бернгейм никогда не мог сказать, что такое, собственно, внушение и как оно происходит. Оно было для него основополагающим фактом, происхождение которого он не мог доказать. Он не открыл зависимости *«suggestibilité»* от сексуальности, от проявлений либидо. И мы должны заметить, что в нашей технике мы отказались от гипноза только для того, чтобы снова открыть внушение в виде переноса.

Теперь я умолкаю и предоставляю слово вам. Я замечаю, что у вас так сильно напрашивается возражение, что оно лишило бы вас способности слушать, если вам не дать возможность его высказать: «Итак, вы, наконец, сознались, что работаете при помощи внушения, как гипнотизер. Мы уже давно это думали. Но в таком случае к чему же все эти обходные пути? Через воспоминание прошлого, вскрытие бессознательного, толкование и обратный перевод искажений, огромная затрата труда времени и денег, если оказывается, что действует только внушение? Почему вы не внушаете прямо борьбу с симптомами, как это делают другие честные гипнотизеры. И потом, если вы хотите оправдаться тем, что на вашем обходном пути вы сделали много значительных психологических открытий, недоступных при непосредственном внушении, кто может поручиться за верность ваших открытий? Не являются ли они также результатом внушения и именно непреднамеренного; не можете ли вы навязать больному в этой области все, что вы захотите, и что покажется вам правильным?»

То, что вы мне тут возражаете, очень интересно и не должно остаться без ответа. Но сегодня я дать ответа не могу, на это не хватает времени. Поэтому до следующего раза. Вы увидите, я смогу ответить. А сегодня я должен закончить то, что начал. Я обещал при помощи факта переноса объяснить вам, почему наши терапевтические старания при нарциссических неврозах не увенчиваются успехом.

Я могу это сделать в нескольких словах, и вы увидите, как легко разрешается загадка и как хорошо все согласуется между собой. Наблюдение показывает, что больные нарциссическими неврозами вовсе не обладают способностью к переносу или обладают лишь недостаточными остатками

этой способности. Больные отказываются от врача не из враждебности, а из равнодушия. Поэтому они не поддаются его влиянию; их не трогает, на них не производит никакого впечатления то, что он говорит, поэтому у них не может образоваться механизм выздоровления, который мы создаем при других неврозах, не происходит обновление патогенного конфликта и преодоление сопротивления, создающего вытеснение. Они остаются такими, какие были. Они уже не раз делали самостоятельные попытки к самоизлечению, приведшие к патологическим результатам; тут мы не в силах ничего изменить.

На основании наших клинических впечатлений, полученных от этих болезней, мы утверждали, что у них должна отсутствовать привязанность к объектам и объектное либидо должно превратиться в либидо Я. На основании этого признака мы отличаем их от первой группы невротиков (истерия, неврозы страха и навязчивости). И поведение их при терапевтических попытках подтверждает наше предположение. Они не проявляют переноса и потому недоступны нашим мероприятиям, не могут быть излечены нами.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Аналитическая терапия[1]

Уважаемые дамы и господа! Вы знаете, о чем у нас сегодня будет речь. Вы меня спросили, почему мы в психоаналитической терапии не пользуемся прямым внушением, если соглашаемся, что наше влияние основано на переносе, то есть на внушении; и в связи с этим вы выразили сомнение, можем ли мы ручаться за объективность наших психологических открытий при таком преобладании внушения. Я обещал дать вам подробный ответ.

Прямым внушением является внушение, направленное против проявления симптомов, борьба между вашим

[1] [Эта лекция содержит наиболее подробное изложение Фрейдом теории терапевтического воздействия психоанализа]

авторитетом и мотивами болезни. При этом вы не обращаете внимания на эти мотивы, требуете от больного лишь того, чтобы он подавил их проявление в виде симптомов. Нет никакой принципиальной разницы, гипнотизируете вы больного при этом или нет. Бернгейм опять-таки со свойственной ему проницательностью утверждал, что самым существенным в явлении гипноза является внушение, а сам гипноз наступает уже как следствие внушения, как внушенное состояние[1], и он прибегал преимущественно к внушению в бодрствующем состоянии, которое может давать те же результаты, что и внушение при гипнозе.

Что бы хотели вы услышать сначала в ответ на этот вопрос — то, что говорит опыт, или теоретические соображения?

Начнем с первого. Я был учеником Бернгейма, которого я посетил в 1889 году в Нанси и книгу которого о внушении я перевел на немецкий язык[2]. В течение многих лет я практиковал гипнотическое лечение, сначала прибегая к внушению запрета, а позже я комбинировал его с расспросом пациента по Брейеру. Так что я могу на основании собственного большого опыта судить об успехах гипнотической и суггестивной терапии. Если согласно старинной врачебной формуле идеальная терапия должна быть быстрой, надежной и не неприятной для больного, то метод Бернгейма отвечал, по крайней мере, двум из этих требований. Проводить этот метод лечения можно было быстрее, то есть несказанно быстрее, чем аналитический, и он не доставлял больному ни труда, ни боли. Для врача же со временем становилось тягостным однообразие — во всех случаях совершенно одинаковым образом, при помощи тех же приемов запрещать проявление самых разнообразных симптомов, не понимая ни смысла их, ни значения. Это была работа подмастерья, а не научная деятельность, и напоминала магию, заклинания и фокусы; но это не принималось во внимание в сравнении с интересами больного. Но третьего упомянутого качества в этом методе не было: надежным он не был ни в каком отношении. К одному больному его удавалось

---

[1] [Позднее Фрейд отказался от этих взглядов Бернгейма. Ср. его примечание в работе «Психология масс и анализ Я» (1921*c*).]

[2] [Фрейд перевел всего две книги Бернгейма: «De la suggestion et de ses applications a la thérapeutique» (1886, переведена в 1888–1889) и «Hypnotisme, suggestion et psychothérapie» (1891, переведена в 1892).]

применить, а к другому — нет; у одного удавалось достичь многого, у другого — мало, и неизвестно, почему. Еще хуже, чем капризность метода, было отсутствие продолжительного успеха. По истечении некоторого времени, если доводилось вновь услышать о больном, оказывалось, что прежняя болезнь возвратилась или же на смену ей явилась другая. Снова можно начать лечение гипнозом. А с другой стороны, опытные люди предостерегали не лишать больного, в силу частого повторения гипноза, самостоятельности и не приучать его к этому лечению, как к наркотическому средству. Допускаю, что иной раз результат не оставлял желать лучшего; после небольших усилий достигался полный и длительный успех. Но оставалось неизвестно, от чего зависел такой благоприятным исход. Однажды случилось так, что тяжелое состояние, которое я уже совсем было устранил посредством непродолжительного гипнотического лечения, снова вернулось у больной в совершенно том же виде, после того как больная безо всякого повода с моей стороны рассердилась на меня; после примирения с ней я вновь и теперь гораздо основательней уничтожил все болезненные явления, но они все же опять появились, когда она снова отдалилась от меня. В другой раз случилось так, что больная, которой я неоднократно оказывал помощь гипнозом от ее нервных страданий, во время лечения особенно упорного случая внезапно заключила меня в свои объятия. Это должно заставить всякого, независимо от его желания, заняться вопросом о природе и происхождении авторитета врача при внушении.

Таковы данные опыта. Они показывают, что, отказавшись от прямого внушения, мы не потеряли ничего незаменимого. Теперь же разрешите мне прибавить к этому и некоторые соображения. Применение гипнотической терапии не требует большой работы ни от больного, ни от врача. Терапия вполне соответствует оценке неврозов, которой еще придерживается большинство врачей. Врач говорит нервнобольному: «Да у вас ведь ничего нет, это только нервное явление, а потому я могу освободить вас от ваших страданий несколькими словами за несколько минут». Такая способность при помощи небольшого непосредственного усилия передвигать тяжелый груз, не прибегая к помощи соответствующих приспособлений, противоречит нашему энергетическому образу мыслей. Поскольку условия сопоставимы, опыт учит, что такой фокус при неврозах не удает-

ся. Но я знаю, что этот довод не является неопровержимым; имеются и «исключения».

В свете знаний, которые мы приобрели благодаря психоанализу, можно следующим образом описать различие между гипнотическим и психоаналитическим внушением: гипнотическая терапия старается что-то закрыть и затушевать в душевной жизни, а аналитическая — что-то раскрыть и устранить. Первая работает, как косметика, а вторая — как хирургия, первая пользуется внушением для того, чтобы запретить симптомы, она усиливает вытеснение, но оставляет неизменными все процессы, приведшие к образованию симптомов. Аналитическая терапия идет вглубь к корням, к конфликтам, из которых произошли симптомы, и пользуется внушением, чтобы изменить исход этих конфликтов. Гипнотическая терапия оставляет больного бездеятельным и неизмененным, а потому в той же мере неспособным к сопротивлению при всяком новом поводе к заболеванию. Аналитическое лечение возлагает на врача и на больного трудную задачу по устранению внутреннего сопротивления. Душевная жизнь больного, преодолевая эти сопротивления, меняется навсегда, поднимается на более высокую ступень развития и остается защищенной против новых возможностей заболевания. Эта работа преодоления составляет самую существенную сторону аналитического лечения, больной должен ее проделать, а врач помогает ему в этом при помощи внушения, действующего в *воспитательном духе.* Поэтому правильно утверждали, что психоаналитическое лечение — это своего рода *довоспитание.*

Я надеюсь, что теперь объяснил вам, чем отличается наш способ применения терапевтического внушения от единственного возможного способа при гипнотической терапии. Если понимать внушение как перенос, становится также понятной и капризность, характерная для гипнотической терапии, между тем как аналитическая поддается расчету до последних своих пределов. При применении гипноза мы зависим от способности больного к переносу, не имея при этом возможности оказывать влияние на нее. У лица, подвергающегося гипнозу, может быть отрицательный перенос или, как это чаще всего бывает, амбивалентный. Он может защищаться от переноса своими особыми установками; мы об этом ничего не знаем. В психоанализе мы работаем над самим переносом, устраняем то, что ему противодействует, готовим себе инструмент, с помощью кото-

рого мы хотим оказывать влияние. Таким образом, нам открывается возможность совершенно иначе использовать силу внушения: мы получаем власть над нею. Не больной сам внушает себе то, что ему угодно, а мы направляем его внушение, поскольку вообще больной поддается его влиянию. Теперь вы скажете, что безразлично, назовем ли мы движущую силу нашего анализа переносом или внушением; все равно остается опасность, что внушаемость пациента делает сомнительной объективную достоверность наших открытий. То, что оказывается полезным для терапии, приносит вред исследованию. Именно это возражение чаще всего приводилось против психоанализа, и нужно сознаться, что, если оно и неверно, то все же его нельзя отклонить, как бессмысленное. Если бы оно было справедливо, то психоанализ оказался бы ничем иным, как особенно хорошо замаскированным, особенно действенным видом суггестивной терапии, и нам не следовало бы серьезно относиться ко всем его утверждениям, касающимся жизненных условий, психической динамики бессознательного. Именно такого мнения и придерживаются противники; особенно все, что касается сексуальных переживаний, если даже не сами эти переживания, мы будто бы «внушаем» больным, после того как подобные комбинации возникли в нашей собственной испорченной фантазии. Эти возражения легче опровергнуть ссылкой на опыт, чем при помощи теории. Кто сам вел психоанализ, тот имел возможность бесконечное число раз убедиться в том, что нельзя больному внушать таким образом. Нетрудно, разумеется, сделать больного сторонником известной теории, и тем самым заставить его принимать участие в возможной ошибке врача. Он ведет себя при этом как всякий другой, как ученик, но таким путем можно повлиять на его интеллект, но не на его болезнь. Разрешить его конфликты и преодолеть его сопротивление удается только тогда, когда врач говорит ему о таких возможных у него представлениях, которые совпадают с его реальностью Все несоответствующие предположения врача в течение анализа отпадают, от них следует отказаться и заменить более правильными. Тщательная техника помогает предупреждать возможность преждевременных успехов под влиянием внушения но ничего нет опасного в том, что такие успехи имеют место, потому что первый успех не может никого удовлетворить. Нельзя считать анализ законченным, если не объяснены все темные места данного случая, не воспол-

нены все пробелы воспоминаний, не обнаружены все поводы к вытеснению. В слишком ранних успехах обычно видят скорее помеху, чем содействие психоаналитической работе, и сводят на нет эти успехи тем, что устраняют перенос, на котором они основаны. В принципе именно эта черта отличает аналитическое лечение: от чисто суггестивного, и благодаря ей аналитические результаты освобождаются от подозрения в том, что это только успехи от внушения. При всяком другом суггестивном лечении перенос тщательно оберегается, оставляется нетронутым; при аналитическом лечении он сам становится объектом лечения и разлагается на все формы своего проявления. К концу аналитического лечения сам перенос должен быть устранен, и если тогда сохраняется или наступает положительный результат, то он основан не на внушении, а на достигнутом с его помощью преодолении внутренних сопротивлений, на происшедшей внутренней перемене больного.

Возникновению отдельных внушений противодействует то, что во время лечения мы беспрерывно должны бороться с сопротивлениями, которые превращаются в отрицательные (враждебные) переносы. Мы не упустим также возможность напомнить, что большое количество частичных результатов анализа, в которых можно было бы заподозрить продукты внушения, подтверждаются с совершенно другой стороны, не вызывающей никаких возражений. В нашу пользу говорят случаи слабоумных и паранойяльных больных, которые находятся, разумеется, вне всякого подозрения в смысле возможности оказания на них суггестивного воздействия. То, что эти больные рассказывают нам относительно истолкования символов и фантазий, проникших в их сознание, точно совпадает с результатами наших исследований бессознательного невротиков, страдающих неврозами переноса, и таким образом подтверждает объективную верность наших толкований, часто подвергающихся сомнению. Полагаю, что вы не ошибетесь, если в этом пункте поверите анализу.

Мы дополним теперь наше описание механизма исцеления, облачив его в формулы теории либидо. Невротик не способен к наслаждению, потому что его либидо не направлено на реальный объект, и он не работоспособен, потому что должен употребить большую часть своей энергии на то, чтобы удержать либидо в состоянии вытеснения и защитить себя от его напора. Он стал бы здоровым, если бы конфликт меж-

ду его «я» и либидо прекратился, и его «я» снова могло бы распоряжаться его либидо. Терапевтическая задача состоит, следовательно, в том, чтобы освободить либидо от его временных, отнятых у «я» связей и подчинить их опять «я». Где же находится либидо невротика? Его легко найти, оно привязано к симптомам, дающими ему временно единственно возможную замену удовлетворения. Нужно, следовательно, овладеть симптомами, раскрыть их содержание, то есть сделать как раз то, что требует от нас больной. Чтобы раскрыть содержание симптомов, необходимо вернуться к моменту их возникновения, оживить снова конфликт, из которого они произошли, и дать ему другой исход при помощи влечений, которых больной не имел тогда в своем распоряжении. Этот пересмотр процесса вытеснения лишь отчасти удается совершить над воспоминаниями тех процессов, которые повели к вытеснению. Решающая часть работы проделывается за счет того, что в отношениях с врачом в «переносе» создают новое «издание» старых конфликтов, в которых больной пытается вести себя так же, как он вел себя когда-то, в то время как, используя все имеющиеся в наличии душевные силы больного, его вынуждают поступать иначе. Перенос становится, таким образом, полем битвы, на котором сталкиваются все борющиеся между собой силы.

Все либидо, как и все противодействующее ему, концентрируется на отношениях с врачом; при этом симптомы неизбежно лишаются своего либидо. Вместо настоящей болезни пациента наступает искусственно созданная болезнь переноса, а место различных нереальных объектов либидо занимает опять-таки фантастический объект личности врача. Но новая борьба вокруг этого объекта поднимается при помощи врачебного внушения на высшую психическую ступень, она протекает как нормальный душевный конфликт. Отчуждение между «я» и либидо прекращается благодаря тому, что удается избежать нового вытеснения и снова восстанавливается душевное единство больного. Если либидо снова отделяется от своего временного объекта в лице врача, то оно не может вернуться к своим прежним объектам, а остается в распоряжении «я». Силами, против которых велась терапевтическая борьба, являются, с одной стороны, отвращение «я» к известным направлениям либидо, выражающееся в виде склонности к вытеснению, а с другой стороны, вязкость или прилипчивость либидо, которое неохотно покидает свои объекты.

Терапевтическая работа, таким образом, распадается на две фазы: в первой фазе либидо оттесняется от симптомов к переносу и там концентрируется, а во второй фазе борьба ведется вокруг этого нового объекта, и либидо от него освобождается. Решающее для благоприятного исхода лечения изменение заключается в устранении вытеснения при этом новом конфликте, так что либидо не может ускользнуть от «я» при помощи бегства в бессознательное. Это становится возможным благодаря изменению «я», которое происходит под влиянием врачебного внушения. Благодаря работе толкования, превращающей бессознательное в сознательное, «я» увеличивается за счет этого бессознательного: благодаря соответствующему объяснению оно легче мирится с требованиями либидо и склонно допустить для него какое-то удовлетворение, а его страх перед требованиями либидо уменьшается благодаря возможности частично освободиться от него посредством сублимации. Чем больше процессы при лечении совпадают с этим идеальным описанием, тем большим будет успех психоаналитической терапии. Предел этому успеху может положить недостаточная подвижность либидо, противящаяся тому, чтобы оставить объекты и упорство нарцизма, не позволяющего переносу на объекты выйти за определенные границы. Может быть, мы еще лучше поймем динамику процесса излечения, заметив, что мы улавливаем все либидо, ушедшее из-под власти «я», если при помощи переноса привлекаем часть его к себе.

Вполне уместно предупредить, что из распределения либидо, образовавшегося во время лечения, нельзя делать заключения о применении его во время болезни. Допустим, что нам удалось благодаря созданию и разрешению переноса чувства с отца на врача, счастливо закончить случай заболевания, но все же было бы неправильно заключить, что больной и раньше страдал от такой бессознательной привязанности к отцу. Отцовский перенос является только полем битвы, на котором мы одолеваем либидо больного, которое было направлено туда с других своих позиций. Это поле битвы не должно непременно совпадать с одним из важных укреплений врага. Защита вражеской столицы не должна происходить непременно у ее ворот. Лишь после того как устранен перенос в мыслях, можно реконструировать то построение либидо, которое имело место во время болезни

С точки зрения теории либидо мы можем сказать последнее слово по поводу сновидения. Сновидения невротиков, как и их ошибочные действия и свободные ассоциации помогают нам угадать смысл симптомов и обнаружить размещение либидо. В форме исполнения желания они показывают нам, какие именно желания подверглись вытеснению и к каким объектам привязалось либидо, отнятое у «я». Поэтому в психоаналитическом лечении толкование сновидения играет большую роль и в некоторых случаях в течение долгого времени составляет главное содержание работы. Мы уже знаем, что само по себе состояние сна влечет за собой известное ослабление вытеснения. Благодаря такому уменьшению давления вытесненное душевное движение получает возможность найти в сновидении гораздо более ясное выражение, чем то, которое в течение дня предоставляет ему симптом. Изучение сновидения становится, таким образом, самым удобным путем для ознакомления с вытесненным бессознательным, которому принадлежит и отнятое у «я» либидо.

Сновидения невротиков ни в каком отношении не отличаются от сновидений нормальных людей; их, может быть, даже вообще нельзя отличать друг от друга. Было бы нелепо объяснять сновидения невротиков так, чтобы сказанное о них не относилось бы так же и к сновидениям нормальных. Поэтому надо сказать, что различие между здоровьем и неврозом существует только днем, но не распространяется на сновидения. Мы вынуждены перенести и на здорового человека целый ряд предположений, которые вытекают из связи между сновидениями и симптомами у невротика. Мы не можем отрицать, что и в душевной жизни здорового человека существует то же самое, что делает возможным образование как сновидений, так и симптомов, и мы должны из этого сделать вывод, что и у здорового человека происходят вытеснения, что и он делает известные усилия, чтобы их сохранить, что его система бессознательного скрывает вытесненные, но обладающие энергии ей душевные движения, и что *часть его либидо не находится в распоряжении его «я»*. И здоровый человек, следовательно, является потенциальным невротиком, но сновидение, по-видимому, представляет единственный симптом, который у него может образоваться. Если в бодрствующем состоянии подвергнуть более тщательному рассмотрению его душевную жизнь, то можно открыть явления, опровергаю-

щие эту видимость, то есть, что эта якобы здоровая жизнь нарушается огромным числом незначительных и не имеющих практического значения симптомов.

Различие между психическим здоровьем и неврозом ограничивается практическими соображениями и определяется в зависимости от результата, то есть от того, обладает ли данное лицо в достаточной мере способностью наслаждаться и работоспособностью. Оно сводится, вероятно. к отношению между оставшимся свободным и связанным. благодаря вытеснению, количеством энергии и имеет количественный, а не качественный характер. Мне незачем вам напоминать, что этот взгляд теоретически обосновывает принципиальную излечимость неврозов, несмотря на то. что в основе их лежит конституциональная предрасположенность.

Вот все, что мы можем заключить для характеристики здоровья из того факта, что сны здоровых людей похожи на сны невротиков. Относительно самого сновидения приходится сделать и другой вывод: мы не должны рассматривать его вне его отношения к невротическим симптомам, не должны думать, что сущность его исчерпывается формулой перевода мыслей в архаическую форму выражения, а должны допустить, что оно показывает нам действительно имеющееся размещение либидо и вложения в объекты.

Мы скоро подойдем к концу. Быть может, вы разочарованы, что в лекции о психоаналитической терапии я рассказал вам только теоретические взгляды и ничего не говорил об условиях, при которых начинают лечение, и об успехах. которых оно достигает. Но я опускаю и то и другое, первое — потому что не собираюсь давать вам практического руководства к ведению психоанализа, и второе — потому что меня удерживают от этого различные мотивы. В начале наших бесед я подчеркнул, что при благоприятных условиях мы добиваемся таких терапевтических успехов, которые не уступают самым лучшим успехам в области лечения внутренних болезней. Я могу еще прибавить, что такие успехи не могли бы быть достигнуты никаким другим способом лечения. Если бы я сказал больше, то возбудил бы подозрение, что хочу заглушить рекламой голоса, выражающие порицание. Против психоаналитиков неоднократно даже на публичных конгрессах высказывалась угроза со стороны «коллег»-медиков, что собранием случаев аналитических неудач и причиненного вреда они откроют страждущей публике глаза

на малоценность этого метода лечения. Но такое собрание независимо от злобного, доносительского характера этой меры не дало бы возможности составить себе правильное суждение о терапевтической действенности анализа. Аналитическая терапия, как вы знаете, молода, понадобилось много времени, чтобы выработать ее технику и это могло произойти только во время работы и под влиянием растущего опыта. Вследствие трудности обучения врач, начинающий заниматься психоанализом, предоставлен в большей мере, чем другой специалист, своей собственной способности совершенствоваться, и успехи его первых лет никогда не могут дать основания для суждения о том, что может дать аналитическая терапия.

В первое время применения психоанализа многие терапевтические попытки не удались потому, что они были сделаны в таких случаях, которые вообще не подходили для этого метода и которые мы в настоящее время исключаем в ходе решения вопроса о показаниях к анализу. Но эти показания могли быть установлены только на основании опыта. В свое время мы не знали наперед, что определенные формы паранойи и *dementia praecox* оказываются недоступными лечению, и врачи имели право применять этот метод в виде пробы при всех заболеваниях. Но большинство неудач тех первых лет произошло не по вине врача и не вследствие неподходящего выбора объекта, а вследствие неблагоприятных внешних условий. Мы обсуждали только внутренние сопротивления пациента, которые неизбежны и преодолимы. Внешние сопротивления, поставленные анализу условиями жизни больного и его окружающих, имеют незначительный теоретический интерес, но большую практическую важность. Психоаналитическое лечение можно сравнить с хирургическим вмешательством, которое тоже требует благоприятных условий для удачного осуществления. Вы знаете, какие меры предосторожности должен предпринять хирург: соответствующее помещение, хорошее освещение, ассистенты, устранение родственников и т. д. Поставьте же себе вопрос, сколько этих операций закончилось бы благополучно, если бы они производились в присутствии всех членов семьи, сующих свой нос в операционное поле и громко вскрикивающих при всяком надрезе ножом. При психоаналитическом лечении всякое вмешательство родственников является опасностью, с которой не знаешь, как бороться. Имеешь оружие против внутренних

сопротивлений пациента, которые признаешь необходимыми, но как бороться против внешних сопротивлений? Против родственников пациента не помогают никакие объяснения, их нельзя убедить держаться в стороне от всего дела и никогда нельзя быть с ними заодно, потому что рискуешь потерять доверие больного, который требует, чтобы лицо, пользующееся его доверием, было на его стороне. Кто вообще знает, какие распри часто раздирают семью, тот и будучи аналитиком не удивится, узнав, что родные больного часто гораздо меньше заинтересованы в его выздоровлении, чем в том, чтобы он остался таким, каков есть. Там, где невроз связан с конфликтом между членами семьи, здоровый недолго раздумывает над выбором между собственным интересом и выздоровлением больного. Нечего удивляться, что муж недоволен лечением жены, в котором, как он имеет основание предполагать, разворачивается длинный список его прегрешений; мы и не удивляемся этому, но не можем себя упрекать, если наши старания не увенчаются успехом или преждевременно обрываются, потому что к сопротивлению больной прибавляется сопротивление ее мужа. Мы вознамерились осуществить что-то такое, что при данных условиях оказалось невыполнимым.

Вместо многих случаев расскажу вам только один, в котором я из врачебных соображений вынужден был взять на себя роль пострадавшего. Много лет тому назад я приступил к аналитическому лечению молодой девушки, которая уже долгое время из-за страха не могла одна выходить на улицу и не могла одна оставаться дома. Больная постепенно призналась, что ее фантазией овладело случайно сделанное наблюдение относительно нежных отношений между ее матерью и состоятельным другом дома. Но она была столь неловкой — или столь хитрой, — что намекнула матери на то, что обсуждалось во время аналитического сеанса: изменив свое отношение к матери, она настаивала на том, чтобы только мать избавляла ее от страха оставаться одной, и со страхом преграждала ей дорогу к двери, когда мать хотела уйти из дома. Мать сама раньше очень страдала от нервов, но несколько лет тому назад излечилась в гидропатической лечебнице. Заметим, что в той лечебнице она познакомилась с этим господином, с которым вступила в связь, удовлетворявшую ее во всех отношениях. Пораженная бурными требованиями девушки, мать *вдруг* поняла, какое значение имеет страх ее дочери. Она позволила себе заболеть, чтобы

сделать мать своей пленницей и лишить ее свободы передвижения, необходимой для встречи с возлюбленным. Быстро решившись, мать покончила с вредным лечением. Девушка была переведена в лечебницу для нервнобольных и там в течение многих лет демонстрировалась как несчастная жертва психоанализа. Так же долго обо мне ходила дурная молва вследствие плохого исхода лечения этого случая. Я сохранял молчание, потому что считал себя связанным долгом врачебной тайны. Долгое время спустя я узнал от коллеги, посетившего ту лечебницу и видевшего там эту девушку с агорафобией, что отношения между матерью и богатым другом дома известны всему городу, и пользуются одобрением мужа и отца. Так что лечение было принесено в жертву этой «тайне». В годы, предшествовавшие войне, когда наплыв больных изо всех стран сделал меня независимым от милости или немилости родного города, я следовал правилу не начинать лечения больного, который не был бы *sui juris*[1], независимым от других в своих жизненных отношениях. Не всякий аналитик может себе это позволить. Может быть, вы сделаете вывод из моих предостережений против родственников, что для психоанализа нужно изъять больных из их семей, то есть ограничить эту терапию обитателями санатория для нервных больных. Я с вами, однако, не могу согласиться: гораздо лучше, если больные, поскольку они не находятся в состоянии тяжелого истощения, остаются во время лечения в тех же условиях, в которых им предстоит бороться с поставленными им задачами. Только родные не должны своим поведением лишать больных этого преимущества и вообще оказывать враждебное противодействие стараниям врача. Но как заставить действовать в нужном направлении недоступные нам факторы! Вы, вероятно, также догадываетесь, насколько результаты лечения зависят от социальной среды и уровня культуры семьи.

Не правда ли, это открывает печальные перспективы действенности психоанализа как терапии, даже если подавляющее большинство наших неудач мы сможем объяснить такими мешающими внешними факторами! Друзья анализа советовали нам ответить на перечень неудач психоанализа составленной нами статистикой успехов. Я не соглашался и на это. Я указывал, что статистика не имеет никакой цены,

---

[1] [Самостоятельным (лат.).]

если сравниваемые ею единицы слишком разнородны, и случаи невротического заболевания, которые подвергались лечению, были на самом деле не равноценны в самых различных отношениях. Кроме того, период наблюдений был слишком короток, чтобы иметь возможность судить о стойкости выздоровления[1], а о многих случаях вообще нельзя было делать сообщений. Это относилось к больным, скрывавшим как свою болезнь, так и свое лечение, их выздоровление также должно было оставаться тайной. Но сильней всего удерживало то, что в вопросах терапии люди ведут себя крайне иррационально, так что нет никаких надежд добиться от них чего-нибудь разумными средствами. Терапевтическое открытие или встречается с опьяняющим восторгом и одушевлением, как было, например, когда Кох сделал достоянием общественности свой первый туберкулин против туберкулеза[2], или с глубочайшим недоверием, как это было с действительно благодетельной прививкой Дженнера, имеющей еще и теперь своих непримиримых врагов. Против психоанализа имелось явное предубеждение. Если излечишь тяжелый случай, то можешь услышать: это не доказательство, за такое время он сам бы выздоровел. А когда больная, которая пережила уже четыре цикла (депрессивного) расстройства и мании и во время паузы после меланхолии прошла у меня лечение, три недели спустя вновь впала в манию, то все члены семьи так же, как и крупный врачебный авторитет, к которому обратились за советом, были убеждены, что новый приступ может быть только следствием сделанной попытки анализа. Против предубежденности ничего нельзя сделать, вы это можете видеть на тех предубеждениях, которые одна группа ведущих войну народов проявляет против другой. Самое благоразумное – ждать и предоставить времени побороть эти предубеждения. В один прекрасный день те же самые люди начинают совсем иначе думать о тех же самых вещах: остается темной тайной, почему они раньше этого не думали.

Возможно, что предубежденность против аналитической терапии уже идет на убыль. В пользу этого говорит беспрерывное распространение аналитических учений, увеличение в некоторых странах числа врачей, лечащих

[1] [К этому вопросу Фрейд возвращается в «Новом цикле», где он неоднократно говорит о терапевтической ценности психоанализа.]

[2] [В 1890 году; ожидания, возлагавшиеся на туберкулин, не оправдались.]

анализом. Когда я был молодым врачом, я встретился с такой же бурей негодования врачей против лечения гипнотическим внушением, которое теперь «трезвые головы» противопоставляют психоанализу. Гипнотизм, однако, как терапевтическое средство, не сделал того, что обещал вначале: мы, психоаналитики, можем считать себя его законными наследниками и не забываем, что обязаны ему воодушевлением и теоретическими объяснениями. Приписываемый психоанализу вред ограничивается в сущности проходящими явлениями вследствие обострения конфликта, если анализ проводится неловко или если он обрывается посредине. Вы слышали подробный отчет о том, что мы делаем с больными, и можете составить собственное суждение о том, способны ли наши действия причинить длительный вред. Злоупотребление анализом возможно в разных формах, особенно опасным средством в руках недобросовестного врача является перенос. Но от злоупотребления не застраховано никакое лечебное средство или мероприятие: если нож не режет, он не может служить исцелению.

Уважаемые дамы и господа! Я подошел к концу. И если я сознаю, что меня самого удручают те многочисленные недостатки лекций, которые я вам читал, то это больше, чем обычный в таких случаях оборот речи. Больше всего мне жалко, что я несколько раз обещал вернуться к какой-либо затронутой теме в другом месте, а затем общая связь изложения не давала мне возможности исполнить обещание. Я взялся познакомить вас с чем-то еще незаконченным, находящимся в процессе развития, и мое сокращенное изложение тоже получилось неполным. В некоторых местах я собрал материал для какого-нибудь вывода, но так его и не сделал. Но я и не рассчитывал сделать из вас специалистов, я хотел только просветить вас и пробудить у вас интерес.

НОВЫЙ ЦИКЛ ЛЕКЦИЙ ПО ВВЕДЕНИЮ В ПСИХОАНАЛИЗ (1933[1932])

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:

1933 Вена, Международное психоаналитическое издательство, 255 страниц.
1934 *G. S*, т. 12, 149–345.
1940 *G. W.*, т. 15, IV + 207 страниц.

Весной 1932 года Психоаналитическое издательство в Вене оказалось в очень стесненном положении, и Фрейду пришла в голову мысль помочь ему посредством издания нового цикла «Лекций по введению в психоанализ». В конце мая были готовы первая и последняя лекции, а вся работа была завершена в конце августа. Отпечатанная книга поступила в продажу 6 декабря, за месяц до официальной даты издания.

Эти лекции отличаются от первого цикла лекций во многих отношениях, в том числе тем, что они никогда не были прочитаны слушателям и не предназначались для этого. Как пишет Фрейд в своем предисловии (подтверждая продолжающуюся сквозную нумерацию лекций), они не представляют собой что-то самостоятельное, а задуманы как дополнение. Невозможно не заметить, насколько они отличаются друг от друга по своему характеру. Первая лекция о сновидении – не что иное, как воспроизведение соответствующего раздела из прежнего цикла. Третья, четвертая и пятая лекции (о структуре психики, о тревоге и теории влечений, а также о женской психологии), напротив, предлагают совершенно новый материал и новые теории; в третьей и четвертой лекциях Фрейд излагает теоретические воззрения такого уровня сложности, которого пятнадцать лет назад он тщательно избегал. Оставшиеся лекции (вторая и две последних) имеют опять-таки совсем иной характер. В них обсуждается ряд тем, с которыми психоанализ сталкивается лишь косвенно, и к тому же, так сказать, в общедоступной манере.

Это отнюдь не означает, что они тривиальны или неинтересны. Они лишь требуют иного рода и иной степени внимания, чем все

остальные лекции. Чем бы ни интересовался читатель, будь то мнение Фрейда о телепатии, воспитании, религии или коммунизме, или же его последние концепции Сверх-Я, тревоги, влечения к смерти или доэдиповой фазы у девочек — обсуждение всех этих тем он найдет в данных лекциях.

Предисловие автора

«Лекции по введению в психоанализ» были прочитаны в зимние семестры 1915/16 и 1916/17 годов в одной из аудиторий Венской психиатрической больницы слушателям с разных факультетов. Лекции, принадлежащие к первой половине, являются импровизациями, которые затем были сразу же перенесены на бумагу, а лекции из второй половины были написаны во время летнего пребывания в Зальцбурге и потом зачитаны зимой перед слушателями. У меня тогда еще был дар фонографической памяти.

В отличие от них эти новые лекции никогда не зачитывались перед аудиторией. Мой возраст освободил меня от обязанности демонстрировать принадлежность к университету, пусть и весьма периферическую, посредством чтения лекций, а хирургическая операция лишила меня возможности выступать в качестве оратора. Лишь игра фантазии позволяет мне в ходе последующего изложения перенестись в аудиторию, она может помочь мне при углублении в предмет не утратить связь с читателем.

Эти новые лекции ни в коем случае не должны занять место прежних. Они не являются чем-то самостоятельным, что могло бы обрести свой собственный круг читателей, а выступают как продолжение и дополнение, распадаясь в своем отношении к более ранним лекциям на три группы. К первой группе принадлежат новые разработки тем, обсуждавшихся пятнадцать лет назад и требующих благодаря углублению нашего понимания и изменению взглядов иного изложения, то есть критического пересмотра. Две другие группы включают именно расширения, затрагивая такие вещи, которые к моменту прочтения первых лекций в психоанализе либо не существовали, либо были слишком мало изучены, чтобы оправдать наличие отдельного заголовка. Неизбежным, но и небесполезным образом некоторые из но-

вых лекций соединяют в себе свойства той и другой группы.

Зависимость этих новых лекций от «Лекций по введению» выражается также и в том, что их нумерация продолжается. Первая из входящих в этот том имеет номер 29. Опять-таки профессиональному аналитику они предлагают немного нового, а обращены к тому большому числу образованных людей, от которых можно ожидать благожелательного, хотя и сдержанного интереса к своеобразию и достижениям молодой науки. Также и на этот раз моим ведущим намерением было не поступаться ничем ради видимости простоты, полноты и завершенности, не утаивать проблемы, не отрицать пробелы и слабые места. Ни в какой другой области науки невозможно хвастаться намерением проявлять разумность и умеренность. Повсюду это намерение воспринимается как само собой разумеющееся, публика и не ждет ничего другого. Знакомясь с трудом по астрономии, читатель не почувствует разочарования или превосходства над наукой, натолкнувшись на границы, за которыми знание о космосе распыляется в туманность. Только в психологии дело обстоит иначе, здесь конституциональная непригодность человека к осуществлению научного исследования проявляется в полной мере. Похоже, от психологии требуют не прогресса в познании, а какого-то другого удовлетворения; каждая нерешенная проблема, каждое слабое место становится поводом для упреков.

Тот, кто любит науку всей душой, должен пережить и эти невзгоды.

Фрейд. Вена, лето 1932 г.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Пересмотр теории сновидений

Уважаемые дамы и господа! Я снова собрал вас вместе после более чем пятнадцатилетнего перерыва, чтобы обсудить, что нового, а может быть, и лучшего внесено за это время в психоанализ, и считаю во многих отношениях оправданным и уместным обратить ваше внимание прежде всего на состояние теории сновидений. В истории психоанализа она занимает особое место, означает некий поворотный пункт; благодаря ей психоанализ сделал шаг от психотерапевтического метода к глубинной психологии. С тех пор теория сновидений остается самым характерным и самым своеобразным в этой молодой науке, не имеющим аналогов в остальных наших знаниях, участком целины, отвоеванным у суеверий и мистики. Необычность выдвигаемых утверждений придает ей роль «шибболета»[1], позволяющего различить тех, кто смог стать приверженцем психоанализа, и тех, для кого он навсегда остался непостижим. Для меня самого она была надежным ориентиром в те трудные времена, когда непознанные составляющие неврозов постоянно смущали мои неокрепшие суждения. И сколь часто я ни начинал сомневаться в правильности своих шатких познаний, всякий раз, когда мне удавалось преобразовать бессмысленное, запутанное сновидение в правильный и понятный процесс в душе сновидца, я снова обретал уверенность в том, что иду по верному пути.

Таким образом, для нас представляет особый интерес на примере теории сновидений проследить, с одной стороны, какие метаморфозы произошли за это время в психоанализе, с другой — какие успехи достигнуты в понимании и оценке этой теории со стороны общества. Сразу же предупреждаю, что вы будете разочарованы в обоих случаях.

Давайте перелистаем выпуски «Международного журнала по (лечебному) психоанализу», в которых с 1913 года издаются основополагающие работы в нашей области. В более ранних томах вы найдете постоянную рубрику «О тол-

---

[1] [Шибболет (евр. «колос», Кн. Судей, XII, 6) — в переносном смысле означает «особенность», «отличие».]

ковании сновидений» с многочисленными статьями, касающимися различных аспектов теории сновидений. Но чем дальше, тем реже встречаются такие статьи, пока, наконец, постоянная рубрика совсем не исчезнет. Аналитики ведут себя так, как будто им больше нечего сказать о сновидении, как если бы учение о снах было завершено. Однако если вы спросите, что о толковании сновидений думают те, кто смотрит на него со стороны, – многочисленные психиатры и психотерапевты, греющие руки на нашем костре и не считающие необходимым выразить благодарность за гостеприимство, так называемые образованные люди, охотно подхватывающие научные сенсации, литераторы и широкая публика, то ответ будет еще менее удовлетворительным. Некоторые положения стали общеизвестны, среди них и такие, которых мы никогда не выдвигали, вроде утверждения о том, что все сновидения имеют сексуальную природу, а такие важные вещи, как принципиальное различие между явным содержанием и скрытыми мыслями сновидения, или понимание того, что страшные сны не противоречат такой функции сна как исполнение желаний, или невозможность толкования сна, если не располагаешь ассоциациями сновидца, но прежде всего признание того, что суть сновидения – это процесс работы сновидения, – все это все так же чуждо всеобщему сознанию, как и тридцать лет тому назад. Я могу говорить так, потому что за это время получил огромное количество писем, авторы которых предлагают свои сны для толкования или требуют сведений о природе сновидения, утверждая, что прочли «Толкование сновидений» (1900*a*), и тем не менее каждое предложение выдает их полное непонимание нашего учения о снах. Это побуждает нас еще раз последовательно изложить все, что мы знаем о сновидениях. Вы помните, что в прошлый раз мы посвятили целый ряд лекций тому, чтобы показать, как подойти к пониманию этого до сих пор еще не объясненного психического феномена.

Итак, если пациент во время психоанализа сообщает нам о каком-то своем сновидении, мы предполагаем, что тем самым он сделал нам одно из тех сообщений, к которым его обязывает процедура аналитического лечения. Сообщение это делается, конечно, неподходящими средствами, так как само по себе сновидение – это не социальное проявление и не средство общения. Мы не понимаем, что хотел сказать нам сновидец, да и сам он знает это не лучше.

Здесь мы сразу сталкиваемся с необходимостью принять решение: свидетельствует ли сновидение о том, что, как уверяют нас не психоаналитически ориентированные врачи, сновидец плохо спал и не все части его мозга в одинаковой степени находились в состоянии покоя, а часть из них под влиянием неизвестных раздражителей стремилась продолжать работу, но могла делать это лишь неполноценным способом. Если это так, то мы вправе не заниматься больше этим бесполезным психическим продуктом нарушений ночного покоя. Что полезного для наших намерений можно ожидать от его исследования? Или же, заметим себе, мы с самого начала принимаем другое решение. Мы вполне произвольно исходим из постулата, что даже это непонятное сновидение должно быть полноправным, осмысленным и ценным психическим актом, который мы можем использовать при анализе, как и всякое иное сообщение пациента. Правы ли мы, покажет только успех предприятия. Если нам удастся превратить сновидение в значимое высказывание, то мы обретем перспективу узнать что-то новое, получить сообщения такого рода, которые иначе остались бы для нас недоступными.

Теперь, однако, перед нами встают все трудности нашей задачи и загадки нашей темы. Как нам преобразовать сновидение в такое нормальное сообщение и как объяснить то, что часть внешних проявлений пациента принимает форму непонятную и для него, и для нас?

Вы видите, уважаемые дамы и господа, что на этот раз я иду путем не генетического, но догматического изложения. Нашим первым шагом будет формулирование новой установки по отношению к проблеме сновидения путем введения двух новых понятий. То, что называют сновидением, мы назовем текстом сновидения, или *явным* сновидением, а то, что мы ищем, предполагаем, так сказать, позади сновидения, — латентными, *скрытыми* мыслями сновидения. Тогда обе наши задачи мы можем обозначить следующим образом: мы должны явное сновидение преобразовать в латентное и предположить, как в душевной жизни сновидца это последнее превращается в первое. Первая часть — практическая задача, задача *толкования сновидений*, которая требует определенной техники; вторая — теоретическая, она должна объяснить предполагаемый процесс *работы сновидения* и может быть только теорией. И технику толкования, и теорию работы сновидения требуется создать заново.

С чего же мы начнем? Я думаю, начнем с техники толкования сновидений; это будет нагляднее и произведет на вас более живое впечатление.

Итак, пациент рассказал сон, который мы должны истолковать. Мы выслушали его спокойно, не пускаясь в размышления. Что мы делаем теперь? Мы решили, что менее всего следует заботиться о том, что мы услышали, то есть о *явном* содержании сновидения. Конечно, это явное содержание обладает всевозможными свойствами, которые нам отнюдь не безразличны. Оно может быть связным, гладким по композиции, как стихотворение, или непонятно запутанным, почти как бред, может содержать абсурдные элементы или остроты и кажущиеся глубокомысленными умозаключения, может казаться сновидцу ясным и отчетливым или смутным и расплывчатым, его образы могут обладать полной силой чувственного восприятия или быть похожими на тени, на неясное дуновение, в одном сновидении могут сойтись самые разные персонажи, распределенные по различным местам. Наконец, сновидение может быть иметь нейтральный эмоциональный тон или сопровождаться сильнейшим радостным или болезненным возбуждением — не думайте, что мы совсем не придаем значения этому бесконечному многообразию явного содержания, позднее мы к нему вернемся и найдем в нем много пригодного для толкования, но сейчас оставим его и пойдем главным путем, ведущим к толкованию сновидения. Это значит, что мы попросим сновидца освободиться от впечатления явного сновидения, направить свое внимание от целого к отдельным частям содержания сновидения и предложим последовательно сообщать нам, что ему приходит в голову по поводу каждой из этих них, какие у него возникают ассоциации, когда он рассматривает их по отдельности.

Согласитесь, что это особая техника, а не привычный способ обращаться с сообщением или высказыванием? Конечно, вы догадались также, что за этим подходом кроются предпосылки, которые еще не были высказаны. Но идем дальше. В какой последовательности мы предложим пациенту рассматривать отдельные части его сновидения? Здесь перед нами открывается несколько путей. Мы можем следовать простому хронологическому порядку, соответствующему пересказу сновидения. Этот метод, скажем так, — самый строгий, классический. Или мы можем посоветовать сновидцу прежде всего искать в сновидении *дневные остатки*, по-

скольку опыт учит нас, что почти в каждое сновидение входит какой-то остаток воспоминания или намек на событие предшествующего дня, часто на несколько событий, и, проследив эти связи, мы сразу найдем переход от кажущегося столь удаленным мира сна к реальной жизни пациента. Или же мы предложим ему начать с тех элементов содержания сновидения, которые ему запомнились вследствие особой отчетливости и чувственной силы. А мы знаем, что именно эти элементы особенно легко вызывают ассоциации. Не имеет значения, каким из этих способов мы получим искомые ассоциации.

И вот мы располагаем этими ассоциациями. Они крайне разнообразны: воспоминания о вчерашнем дне, дне, предшествовавшем сну, и о давно минувших временах, размышления, обсуждения с различными «за» и «против», признания и вопросы. Некоторые из них словно бьют из пациента ключом, перед другими он некоторое время медлит. Большинство их обнаруживает четкую связь с каким-либо элементом сна; неудивительно, поскольку они как раз из этих элементов исходят, однако бывает, что пациент предваряет их словами: «Кажется, это не имеет никакого отношения к сну, я говорю это потому, что пришло в голову».

Слушая этот поток ассоциаций, замечаешь, что они имеют много общего с содержанием сновидения, а не являются просто исходными пунктами. Они бросают удивительный свет на все части сновидения, заполняют пробелы между ними, делают понятными их странные комбинации. Наконец, проясняется отношение между ними и содержанием сновидения. Сновидение оказывается сокращенной выжимкой из ассоциаций, полученной по не выясненным пока еще правилам, а его элементы — произвольными представителями какого-то множества. Несомненно, благодаря нашей технике мы получили то, что замещается сновидением, в чем и заключается психическая ценность сновидения, но что уже больше не обнаруживает странных особенностей сновидения, его необычности и запутанности.

Однако поймите меня правильно! Ассоциации к сновидению — это еще не скрытые мысли сна. Последние содержатся в ассоциациях, как кристалл в питательном растворе, но все же не полностью. С одной стороны, ассоциации дают гораздо больше, чем требуется нам для формулировки скрытых мыслей сна, а именно все рассуждения, переходы, связи, которые интеллект пациента должен произве-

сти, чтобы приблизиться к мыслям сновидения. С другой стороны, ассоциация часто останавливается как раз перед подлинными мыслями сновидения, лишь приблизившись к ним и намекая на них. Тогда мы сами вступаем в дело, дополняем намеки, делаем неопровержимые выводы, высказываем то, чего пациент лишь коснулся в своих ассоциациях. Это похоже на то, как если бы мы позволили себе шутя и произвольно играть с материалом, предоставленным нам сновидцем, и злоупотребляя этим, привнося в толкование такой смысл, который нельзя из них получить; однако путем абстрактных рассуждений нелегко доказать правомерность нашего подхода. Лучше сами попробуйте проанализировать какой-нибудь сон, или углубитесь в хорошо описанный в нашей литературе пример, и вы убедитесь, сколь обоснована такая техника толкования.

Если при толковании сновидения мы зависим вообще и в первую очередь от ассоциаций сновидца, то по отношению к определенным элементам содержания сна мы действуем вполне самостоятельно и прежде всего потому, что иначе нельзя, поскольку тут, как правило, ассоциации дают сбой. Мы и раньше отмечали, что это всегда относится к особенным содержаниям, они не очень многочисленны, и накопленный опыт учит нас, что их следует понимать и толковать как *символы* чего-то другого. В сравнении с другими элементами сна им можно приписать постоянное значение, которое необязательно должно быть однозначным, объем которого определяется особыми, привычными для нас правилами. Поскольку мы умеем переводить эти символы, а сновидец — нет, хотя он сам их употребил, то может случиться, что смысл сновидения станет для нас совершенно ясен еще до всяких попыток его толкования, как только мы выслушали пересказ сновидения, в то время как сновидец еще стоит перед загадкой. Однако о символике, наших знаниях о ней, о проблемах, которые она нам предлагает, я уже так много говорил в предыдущих лекциях, что сегодня нет нужды повторять[1].

Таков, стало быть, наш метод толкования сновидений. Следующий, вполне оправданный вопрос звучит так: можно ли с его помощью толковать все сновидения? И ответ на него: нет, не все, но столь многие, что можно быть уверен-

---

[1] [См. 10-ю лекцию.]

ным в пригодности и оправданности метода. Но почему не все? Недавно полученный ответ дает нам нечто важное для понимания психических условий образования сновидения: потому что работа толкования осуществляется против сопротивления, которое может меняться от едва заметных величин до степени непреодолимой преграды, по крайней мере, для доступных нам сейчас средств воздействия. Нельзя не заметить проявлений этого сопротивления в процессе работы. В некоторых случаях ассоциации возникают без промедлений, и уже первая или вторая из них несет разъяснение. В других случаях пациент останавливается и медлит, прежде чем выскажет ассоциацию, и тогда часто приходится выслушивать длинную цепь приходящих ему в голову ассоциаций, прежде чем появится нечто подходящее для понимания сновидения. Мы обоснованно полагаем, что чем длиннее и извилистее цепь ассоциаций, тем сильнее сопротивление. То же влияние мы прослеживаем в забывании сновидений. Довольно часто бывает, что пациент, несмотря на все усилия, не может вспомнить какой-нибудь из своих снов. Однако после того как мы на каком-то этапе аналитической работы устраним затруднение, нарушавшее отношение пациента к анализу, забытое сновидение неожиданно припоминается. Сюда же относятся еще два наблюдения. Случается довольно часто, что из какого-то сновидения сначала выпадает фрагмент, который затем прибавляется как дополнение. Это следует понимать в качестве попытки забыть этот фрагмент. Опыт показывает, что как раз этот фрагмент имеет наибольшее значение; мы полагаем, что его сообщению противодействовало более сильное сопротивление, чем сообщению других. Далее, мы часто замечаем, что сновидец старается воспрепятствовать забыванию своих сновидений, записывая их непосредственно после пробуждения. Мы можем сказать ему, что это бесполезно, потому что сопротивление, у которого он отвоевал текст сновидения, смещается тогда на ассоциации и делает явное сновидение недоступным для толкования. При таких условиях не стоит удивляться, если дальнейшее усиление сопротивления вообще подавит ассоциации, не допуская тем самым толкования сновидения.

Из этого всего мы делаем вывод, что сопротивление, замечаемое нами при работе над толкованием сновидения, должно участвовать и в возникновении сновидения. Прежде всего различаются сновидения, возникающие при незна-

чительном или, напротив, высоком давлении сопротивления. Но и это давление меняется от места к месту и на протяжении одного сна; это оно виновато в появлении лакун, неясностей, запутанности, которые могут нарушить связность самого прекрасного сновидения.

Однако что именно оказывает сопротивление и против чего оно направлено? Сопротивление для нас является верным признаком какого-то конфликта. Здесь, видимо, есть некая сила, стремящаяся что-то выразить, и другая, которая призвана не допустить этого. То, что затем появляется в виде явного сновидения, может соединять в себе все решения, в которых сконцентрировалась эта борьба двух стремлений. В одном месте удалось одной из этих сил пробиться и выразить то, что она хотела, в другом, наоборот, противоборствующей инстанции посчастливилось полностью стереть задуманное сообщение или заменить его чем-то, что не несет на себе никакого его следа. Наиболее частым и характерным для образования сновидения является превращение конфликта в компромисс, так что сообщающая инстанция хотя и может сказать то, что ей хотелось, однако не так, как ей хотелось, а лишь смягченно, искаженно и непонятно. Итак, если сновидение неверно передает мысли сновидения, если оно нуждается в толковании, чтобы перебросить мост через пропасть между ними, то это заслуга сопротивляющейся, тормозящей и ограничивающей инстанции, которую мы вывели из сопротивления при толковании сновидений. До тех пор пока мы изучали сновидение как изолированный феномен, независимо от родственных ему психических образований, мы называли эту инстанцию *цензурой снов.*

Вы давно знаете, что эта цензура не является чем-то специфическим для сновидений, поскольку конфликт двух психических инстанций, которые мы — неточно — обозначаем как бессознательное вытесненное и сознательное, вообще управляет нашей психической жизнью, и сопротивление толкованию сновидения, как признак цензуры сновидения, есть не что иное, как сопротивление вытеснения, благодаря которому эти обе инстанции отделяются друг от друга. Вы знаете также, что из их конфликта при определенных условиях возникают другие психические образования, которые так же, как и сновидение, являются результатом компромиссов, и не будете настаивать, чтобы я повторил вам здесь все, что содержится во введении в тео-

рию неврозов, и продемонстрировал то, что мы знаем об условиях образования таких компромиссов. Вы поняли, что сновидение – патологический продукт, первое звено в ряду, включающем истерический симптом, навязчивое представление, бредовую идею, но отличается от других своей текучестью и тем, что возникает в условиях, присущих нормальной жизни. Так что будем держаться того мнения, что жизнь сновидения – как сказал еще Аристотель – это способ работы души в состоянии сна. Состояние сна порождает отход от реального внешнего мира, создавая условия для развития психоза. Самое тщательное изучение тяжелых психозов не позволит нам открыть иного признака, более характерного для этого болезненного состояния. Но при психозе отход от реальности осуществляется двумя способами: либо вытесненное бессознательное становится сверхсильным настолько, что одолевает привязанное к реальности сознательное, либо реальность несет столь непереносимые страдания, что подвергнутое угрозе Я в отчаянном протесте бросается в объятия бессознательных влечений. Безобидный психоз сна есть следствие сознательно желаемого и лишь временного отхода от внешнего мира, он исчезает с возобновлением отношений с этим миром. При изоляции спящего происходит также перераспределение его психической энергии; часть затрат на вытеснение, которая обычно расходовалась на усмирение бессознательного, может быть сэкономлена, потому что даже если бы бессознательное воспользовалось своей относительной свободой для проявления активности, то оказалось бы, что путь к двигательной сфере ему закрыт, а доступно лишь безвредное галлюцинаторное удовлетворение. Вот теперь и может образоваться сновидение; однако наличие цензуры сновидения показывает, что и во время сна сохраняется все еще достаточное сопротивление вытеснения.

Здесь открывается путь для ответа на вопрос, имеет ли сновидение тоже какую-то функцию, доверена ли ему какая-то полезная работа. Лишенный раздражений покой, который хотело бы создать состояние сна, подвергается угрозам с трех сторон: более случайным образом со стороны внешних раздражителей во время сна и со стороны дневных интересов, которые не пропадают, и неизбежно – со стороны неудовлетворенных вытесненных влечений, подкарауливающих возможность проявиться вовне. Вследствие ночного ослабления вытеснения могла бы существо-

вать опасность, что покой сна будет нарушен всякий раз, когда внешнее или внутреннее возбуждение могло бы присоединиться к одному из источников бессознательных влечений. Процесс сновидения позволяет направить продукт такого взаимодействия в русло безвредного галлюцинаторного переживания, обеспечивая тем самым продолжение сна. В том, что иногда развитие тревоги в сновидении будит спящего, нет никакого противоречия с данной функцией; это, скорее, сигнал того, что сторож считает ситуацию слишком опасной и думает, что не справится с ней. Нередко при этом еще во сне звучит успокоение, призванное предотвратить наше пробуждение: это всего лишь сон!

Вот то, что я хотел сказать вам, уважаемые дамы и господа, о толковании сновидений, задача которого вести от явного сновидения к скрытым мыслям сновидения. Как только это удается, интерес практического анализа к сновидению по большей части угасает. Сообщение, полученное в форме сновидения, прибавляется к другим, и анализ идет дальше. Нам интересно еще немного задержаться на теме сновидения; нас привлекает возможность изучить процесс превращения скрытых мыслей сновидения в явное сновидение. Мы называем его работой сновидения. Вы помните, я столь подробно описал его в предыдущих лекциях[1], так что в сегодняшнем обзоре могу ограничиться самыми кратким изложением.

Итак, процесс работы сновидения есть нечто совершенно новое и необычное, ничего подобного раньше не было известно. Он впервые позволил нам заглянуть в процессы, происходящие в системе бессознательного, показал, что они совершенно иные, чем то, что мы знаем о нашем сознательном мышлении, которому они должны казаться неслыханными и ошибочными. Значение этих открытий возросло с обнаружением того, что при образовании невротических симптомов действуют те же механизмы (мы не решаемся сказать: мыслительные процессы), которые преобразуют скрытые мысли сновидения в явное сновидение.

При дальнейшем изложении я не смогу избежать известной схематичности. Предположим, что в некотором случае нам известны все те скрытые, более или менее аффективно заряженные мысли, которыми после осуществления тол-

[1] [См. 11-ю лекцию.]

кования сна заменено явное сновидение. Тогда нам бросается в глаза различие между ними, и это различие уведет нас далеко. Почти все эти мысли сновидения узнаются или признаются сновидцем; он признается, что думал так в этот или в другой раз или мог бы так думать. Только одна-единственная из них вызывает у него возражения: она ему чужда, возможно, даже противна; возможно, он отвергает ее в страстном возбуждении. Теперь нам стало ясно, другие мысли принадлежат сознательному, вернее сказать, предсознательному мышлению; они могли бы возникнуть и в бодрствующем состоянии, возможно, они появились в течение дня. Однако эта единственная отрицаемая мысль или, вернее, это единственное побуждение — дитя ночи; оно относится к бессознательному сновидца, а потому отвергается им и отбрасывается. Оно должно было дожидаться ослабления вытеснения ночью, чтобы каким-то образом проявиться. Это проявление всегда смягчено, искажено, замаскировано; без работы по толкованию сновидения мы бы его не нашли. Благодаря связи с другими, не вызывающими возражения мыслями сновидения это бессознательное влечение в неприметном маскирующем облачении прокрадывается через ограничение цензуры; с другой стороны, предсознательные мысли сновидения благодаря этой связи обретают возможность занимать душевную жизнь и во время сна. Так что у нас не остается сомнения: это бессознательное побуждение и есть подлинный творец сновидения, оно обеспечивает психическую энергию для образования сновидения. Как и любое другое влечение, оно стремится ни к чему иному, как к своему удовлетворению, и наш опыт толкования сновидений также показывает, что в этом и заключается смысл всех сновидений. В любом сновидении влечение должно предстать как осуществленное. Оторванность душевной жизни во сне от реальности и возникающая благодаря этому возможность регрессии к примитивным механизмам позволяют галлюцинаторно пережить желаемое удовлетворение влечения как реальное. Вследствие той же самой регрессии представления в сновидении заменяются зрительными образами, скрытые мысли сновидения, таким образом, драматизируются и иллюстрируются.

Из этой части работы сновидения мы узнаем о некоторых наиболее ярких и особенных чертах сновидения. Я повторю порядок образования сновидения. Исходное состояние: желание спать, намеренный уход от внешнего мира.

15*

Два его следствия для душевного аппарата: во-первых, возможность проявления более древних и примитивных способов работы, то есть регрессии, во-вторых, ослабление вытеснения сопротивления, тяготеющего над бессознательным. Вследствие этого последнего момента появляется возможность образования сновидения, которую и используют поводы — оживившиеся внутренние и внешние раздражители. Возникшее таким путем сновидение становится компромиссным образованием и имеет двойную функцию: с одной стороны, оно удовлетворяет Я, поскольку служит желанию спать, устраняя раздражения, нарушающие сон; с другой стороны, сновидение позволяет вытесненному влечению найти возможное в этих условиях удовлетворение в форме галлюцинаторного исполнения желания. Однако весь допускаемый спящим Я процесс образования сновидения проходит в условиях цензуры, которую осуществляет частично сохранившееся вытеснение. Изложить проще этот процесс я не могу, он не проще. Но теперь я могу двигаться дальше в описании работы сновидения.

Еще раз назад к скрытым мыслям сновидения! Их самый сильный элемент — вытесненное влечение, которое, опираясь на случайные наличные раздражители и на остатки дневных впечатлений, находит в скрытых мыслях свое выражение, пусть смягченное и замаскированное. Как и любое влечение, оно также стремится к удовлетворению посредством действия, однако путь в двигательную сферу закрыт для него физиологическим механизмом состояния сна; оно вынуждено пробиваться в обратном направлении к восприятию и довольствоваться галлюцинаторным удовлетворением. Скрытые мысли сна преобразуются, таким образом, в совокупность чувственных образов и зрительных сцен. На этом пути с ними происходит то, что кажется нам столь новым и странным. Все те языковые средства, которыми выражаются более тонкие мыслительные отношения — союзы, предлоги, склонения и спряжения, — отпадают, поскольку для них нет изобразительных средств; как в примитивном языке без грамматики, здесь представлен лишь сырой материал мышления, абстрактное сведено к конкретному, лежащему в его основе. То, что получается в результате, легко может показаться бессвязным. Оно соответствует как архаической регрессии в душевном аппарате, так и требованиям цензуры, когда изображение определенных объектов и процессов в значительной степени осуществляется

с помощью символов, чуждых сознательному мышлению. Но еще дальше простираются другие изменения, происходящие с элементами мыслей сновидения. Те из них, которым удается найти хоть какую-нибудь точку соприкосновения, *сгущаются* в новые единства. При замене мыслей образами несомненное предпочтение отдается тем из них, которые поддаются такому объединению, сгущению; как если бы действовала некая сила, подвергающая материал сжатию. В результате сгущения один элемент явного сновидения может затем соответствовать множеству элементов в скрытых мыслях сновидения, и наоборот, какой-нибудь один элемент мыслей сновидения может быть представлен большим количеством образов в сновидении.

Еще примечательнее другой процесс — *смещение* или перенос акцента, который сознательным мышлением воспринимается лишь как ошибка мышления или как средство остроумия. Отдельные представления мыслей сновидения далеко не равноценны, они имеют различные по величине аффективные нагрузки и в соответствии с этим расцениваются как более или менее важные, заслуживающие интереса. Работой сновидения эти представления отделяются от присоединенных к ним аффектов; аффекты развиваются сами по себе, они могут сместиться на что-то другое, сохраниться, претерпеть изменения, вообще не проявиться в сновидении. Важность представлений, лишившихся аффекта, проявляется в чувственной силе образов сновидения, но мы замечаем, что этот акцент со значимых элементов перешел на индифферентные, так что в сновидении на переднем плане в качестве главного оказывается то, что в мыслях сновидения играет лишь второстепенную роль, и, наоборот, существенное из мыслей сновидения находит в сновидении только поверхностное, неясное отражение. Никакая другая часть работы сновидения не вносит такой большой вклад в то, чтобы сделать его чуждым и непонятным для сновидца. Смещение является главным средством *искажения сновидения,* которому подвергаются мысли сновидения под влиянием цензуры.

После этих воздействий на мысли сновидения оно почти готово. После того, как сновидение всплывает в сознании в качестве объекта восприятия, добавляется еще один весьма непостоянный момент, так называемая вторичная переработка. Мы обращаемся со сновидением так, как мы вообще привыкли обращаться содержаниями нашего вос-

приятия, — пытаемся заполнить пробелы, установить связи, довольно часто допускаем при этом грубые ошибки. Но эта, казалось бы, рационализирующая деятельность, в лучшем случае придающая сновидению гладкий вид, пусть и не соответствующий его действительному содержанию, также может быть и опущена или же проявиться в весьма скромных масштабах, открывая взору все трещины и разрывы сновидения. С другой стороны, не следует забывать, что и работа сновидения осуществляется не всегда одинаково энергично: достаточно часто она ограничивается лишь определенными фрагментами мыслей сновидения, остальные же проявляются в сновидении в неизмененном виде. Тогда создается впечатление, будто в сновидении производятся тончайшие и сложнейшие интеллектуальные операции, размышления, проявляется остроумие, делаются выводы, решаются проблемы, в то время как все это — результаты нашей нормальной умственной деятельности, которая могла происходить как днем накануне сновидения, так и ночью, которая не имеет с работой сновидения ничего общего и не обнаруживает ничего, характерного для сновидения. Нелишне также еще раз подчеркнуть противоречие, существующее внутри самих мыслей сновидения между бессознательными влечениями и дневными остатками. В то время, как последние представляют все многообразие наших душевных актов, первое, будучи собственно мотором образования сна, обычно оканчивается исполнением желания.

Все это я мог бы сказать вам еще пятнадцать лет тому назад, думаю, что и действительно говорил это тогда. А теперь давайте подведем итоги, какие изменения и новые взгляды появились за этот промежуток времени.

Я уже говорил вам, что опасался, как бы вы не сочли, что этого действительно мало, и что вам будет непонятно, почему я заставил вас выслушать одно и то же дважды, а себя снова говорить об этом. Но ведь минуло пятнадцать лет, и я надеюсь, что таким способом легче всего будет восстановить с вами контакт. Опять-таки это элементарные вещи, имеющие столь решающее значение для понимания психоанализа, что их можно охотно послушать и во второй раз, а то, что они и пятнадцать лет спустя остались практически теми же, само по себе достойно внимания.

В литературе этого времени вы, естественно, найдете множество подтверждений и детальных изложений, из ко-

торых я намереваюсь привести вам лишь некоторые. При этом я упомяну также, что уже было известно ранее. Это относится в основном к символике и изобразительным средствам сновидений. Итак, внимание: совсем недавно медики одного американского университета отказались признать психоанализ как науку на том основании, что он не предлагает экспериментальные доказательства. Такой же упрек они могли бы выдвинуть и в адрес астрономии, ведь экспериментировать с небесными телами особенно затруднительно, приходится ограничиваться наблюдениями. Тем не менее именно венские исследователи положили начало экспериментальному подтверждению нашей символики сновидений. Некий доктор Шрёттер еще в 1912 году обнаружил, что если лицам, находящимся в глубоком гипнозе, дается задание увидеть во сне сексуальные отношения, то в сновидении, спровоцированном таким образом, сексуальный материал заменяется известными нам символами.

Например: одной женщине было дано задание увидеть во сне половые отношения с подругой. В ее сновидении подруга явилась с *дорожной сумкой*, на которой была приклеена записка: «Только для дам». Еще более впечатляют опыты Бетльгейма и Гартманна (1924), работавших с больными с так называемым корсаковским синдромом спутанности. Они рассказывали им истории с грубо сексуальным содержанием и наблюдали за искажениями, возникавшими в ответ на требование воспроизвести рассказанное. При этом опять возникали знакомые нам символы половых органов и половых сношений, среди прочих символ лестницы, о котором авторы оправдано замечают, что сознательному желанию подмены он вряд ли был бы доступен.

X. Зильберер в одной весьма интересной серии опытов (1909, 1912) показал, что работа сновидения буквально поражает тем, с какой очевидностью она переводит абстрактные мысли в зрительные образы. Когда он в состоянии усталости и сонливости пытался заставить себя выполнять умственную работу, то мысль часто ускользала от него, а вместо нее появлялось видение, которое очевидно было ее заменой.

Простой пример: «Я думаю о том, — говорит Зильберер, — что намереваюсь исправить в одной статье корявое место». Видение: «Вижу себя строгающим кусок дерева». В этих опытах часто происходило так, что содержанием видения становилась не мысль, требующая переработки, но

его собственное субъективное состояние усилия, то есть то, что относится к состоянию, а не к предметности. Зильберер обозначает это как «функциональный феномен». Пример сразу пояснит вам, что имеется в виду. Автор пытается сравнить между собой точки зрения двух философов на некую проблему. Но в его сонном состоянии одна из этих точек зрения все время ускользает от него, и, наконец, у него возникает видение, что он добивается справки у какого-то мрачного секретаря, который, склонившись над письменным столом, сначала не замечает его, а затем взирает на него недовольно и собирается отказать. Вероятно, самими условиями опыта объясняется то обстоятельство, что видение, вызванное таким способом, столь часто является результатом самонаблюдения.

Задержимся еще на символах. Были такие, которые мы, казалось, распознали, но нас смущал тот факт, что мы не могли объяснить, как именно *этот* символ получил именно *это* значение. В подобных случаях особенно желанными были для нас подтверждения из других источников: из языкознания, фольклора, мифологии, ритуалов. Примером такого рода был символ пальто. Мы говорили, что в сновидении женщины пальто означало мужчину[1]. Надеюсь, на вас произведет впечатление, когда вы услышите, что сообщает нам Т. Райк (1920): «В одной очень древней брачной церемонии бедуинов жених накрывает невесту особой накидкой, называемой "аба", и произносит при этом ритуальные слова: "Отныне никто не должен покрывать тебя, кроме меня"»[2]. Мы также нашли еще ряд новых символов, и я хочу сообщить вам, по крайней мере, о двух из них. Согласно Абрахаму (1922), прялка в сновидении – символ матери, но фаллической матери, которой боятся, так что страх перед прялкой выражает ужас перед инцестом с матерью и отвращение к женским гениталиям. Вы, возможно, знаете, что мифологический образ головы Медузы сводится к тому же мотиву страха кастрации. Другой символ, о котором я хочу вам рассказать, это символ моста. Ференци следующим образом объяснил его в 1921–1922 гг. Первоначально им обозначался мужской член, который при половом акте соединяет родительскую пару друг

---

[1] [На этот символ Фрейд уже указывал в 10-й лекции; но там не было упомянуто, что это толкование относится к сновидениям женщин.]

[2] [Цит. по: R. Eisler, «Weltenmantel und Himmelszelt» (1910).]

с другом, но затем развились и другие значения, которые выводятся из первого. Поскольку мы обязаны мужскому члену тем, что вообще появились на свет из родовой жидкости, и мост является переходом из потустороннего мира (из состояния нерожденности, из материнского лона) в этот мир (жизнь), и поскольку смерть также представляется человеку как возвращение в материнское лоно (воду), то и мост приобретает значение перехода в небытие, в смерть, и, наконец, при еще большем отдалении от первоначального смысла, он означает переход, изменение состояния вообще. Поэтому понятно, что женщина, не преодолевшая желания быть мужчиной, часто видит во сне мосты, слишком короткие, чтобы достичь другого берега.

В явном содержании сновидений довольно часто встречаются образы и ситуации, напоминающие известные мотивы сказок, легенд и мифов. Толкование таких сновидений проливает свет на изначальные интересы, создавшие эти мотивы, хотя нам не следует, конечно, забывать об изменении значений, которое со временем претерпел этот материал. Наша работа по толкованию сновидений открывает, так сказать, сырой материал, который часто в самом широком смысле слова можно назвать сексуальным, но который при более поздней обработке находит самое разнообразное применение. Подобные отсылки к исходному сырью, как правило, навлекают на нас гнев исследователей неаналитического направления, будто бы мы отрицаем или недооцениваем все то, что надстраивается в ходе дальнейшего развития. Тем не менее, такое понимание поучительно и интересно. То же справедливо и для объяснения некоторых мотивов изобразительного искусства. Например, Дж. Эйслер (1919), опираясь на сновидения своих пациентов, аналитически интерпретирует игру юноши-Гермеса — с мальчиком, изображенную Праксителем[1]. И еще одно только слово, я просто не могу не упомянуть, сколь часто именно мифологические темы находят свое объяснение в толковании сновидений. Например, в легенде о лабиринте распознается изображение анального рождения; запутанные ходы — кишечник, нить Ариадны — пуповина.

Способы изображения, которыми пользуется работа сновидения — занимательный и практически неисчерпае-

[1] [Игра Гермеса с младенцем Дионисом.]

мый материал, — благодаря тщательному изучению становятся нам все понятнее; я хочу предложить вам некоторые их образцы. Например, категорию частоты сновидение изображает через множественность. Вот, послушайте странное сновидение одной молодой девушки: она входит в большой зал и видит в нем некоего человека, сидящего на стуле; этот образ повторяется шесть, восемь и более раз, но всякий раз оказывается, что это ее отец. Это легко понять, когда мы из побочных обстоятельств толкования узнаем, что это помещение изображает материнское лоно. Тогда сновидение становится равнозначным хорошо известной нам фантазии девушки, которой хочется думать, что уже во внутриутробной жизни она встречалась с отцом, когда он во время беременности наносил визиты в материнское лоно. Тот факт, что в сновидении кое-что наоборот — «вхождение» отца смещено на собственную персону — не должно вводить вас в заблуждение; помимо прочего, это имеет свое особое значение. Множественность персоны отца может выражать только то, что обсуждаемый процесс происходил неоднократно. Собственно, нам следует также признать, что сновидение позволяет себе не слишком много, когда выражает *частоту* через *скопление*. Оно лишь отсылает к исходному значению слова, которое сегодня для нас обозначает повторение во времени, но происходит от скопления в пространстве. Однако работа сновидения везде, где это возможно, заменяет временные отношения на пространственные и изображает их как таковые. Допустим, человек видит во сне сцену между людьми, которые кажутся очень маленькими и удаленными, как если смотреть в перевернутый театральный бинокль. Малость, как и пространственная удаленность, означают здесь одно и то же, а именно — удаленность во времени, это следует понимать как сцену из далекого прошлого. Далее, вы помните, возможно, что я уже говорил вам в предыдущих лекциях и показывал на примерах, что мы научились использовать для толкования и чисто формальные черты явного сновидения, то есть переводить в содержание кое-что из скрытых мыслей сна.

Теперь вы, конечно, знаете, что все сновидения одной ночи отражают одну и ту же связь. Но далеко не безразлично, являются ли эти сновидения для сновидца единым континуумом, или он членит их на несколько фрагментов. и если да, то на сколько. Часто число этих фрагментов соответствует количеству обособленных центров образования

мыслей в скрытых мыслях сновидения или борющихся между собой стремлений в душевной жизни сновидца, каждое из которых находит свое преобладающее, хотя и не исключительное выражение в каком-либо одном фрагменте сновидения. Короткое предварительное сновидение и длительное основное часто относятся друг к другу как условия и исполнения, чему вы можете найти весьма ясный пример в прежних лекциях. Сновидение, которое сновидец изображает как бы вставкой, действительно соответствует второстепенному в мыслях сна. Франц Александер (1925) в одном исследовании парных сновидений показал, что сновидения одной ночи нередко разделяют выполнение задачи сновидения, так что вместе они дают исполнение желания в два этапа, чего не достигает каждое сновидение в отдельности. Если желание сновидения содержит какое либо неразрешенное действие в отношении некого лица, то в первом сновидении это лицо появляется незамаскированно, на действие же содержится лишь осторожный намек. Второе сновидение затем поступает иначе. Действие обозначается незамаскированно, но лицо сделано неузнаваемым или заменено другим, индифферентным. Создается действительно впечатление хитрости. Второе и похожее соотношение между обеими частями пары сновидений таково: одно демонстрирует наказание, а другое – исполнение греховного желания. Таким образом, сон говорит: раз наказание получено, то запрещенное может быть позволено.

Не могу больше задерживать вас на подобных маленьких открытиях, равно как и на дискуссиях, связанных с применением толкования сновидений в аналитической работе. Могу предположить, что вам не терпится услышать, какие же изменения произошли в основных взглядах на сущность и значение сновидения. Вы уже подготовлены к тому, что как раз об этом мало что будет сообщено. Самым оспариваемым пунктом всего учения было именно утверждение, что все сновидения суть осуществления желаний. С неизбежным, вновь и вновь повторяющимся возражением неспециалистов, что ведь так много тревожных сновидений, мы, надеюсь, разобрались в предыдущих лекциях[1]. С разделением их на сновидения исполнения желания, тревожные сновидения и сновидения наказания мы сохранили наше учение в силе.

---

[1] [14-я лекция.]

Сновидения наказания тоже являются исполнением желаний, но не влечений, а критикующей, цензурирующей и наказывающей инстанции в душевной жизни. Если перед нами чистое сновидение наказания, то путем простой мыслительной операции мы можем восстановить то сновидения желания, по отношению к которому сновидение наказания выступает истинным противодействием, и которое в явном сновидении заменено этим отказом. Вы знаете, уважаемые дамы и господа, что изучение сновидений сначала помогло нам понять неврозы. Вам также будет понятно, что наши знания о неврозах впоследствии повлияли на наше понимание сновидений. Как вы узнаете[1], мы сочли необходимым предположить существование в душевной жизни особой критикующей и запрещающей инстанции, которую мы называем Сверх-Я. Признав цензуру сновидения одним из результатом работы этой инстанции, мы тем самым вынуждены более внимательно учитывать роль Сверх-Я в образовании сновидения.

Против теории, согласно которой сновидение исполняет желание, было выдвинуто лишь два серьезных возражения, рассмотрение которых уводит далеко в сторону, не давая пока вполне удовлетворительного ответа. Первое возражение связано с тем фактом, что лица, пережившие шок. тяжелую психическую травму, что так часто случается во время войны и что является основой травматической истерии, постоянно возвращаются в травматическую ситуацию в своих сновидениях. Согласно нашим предположениям о функции сновидения этого быть не должно. Какое побуждение могло бы удовлетворяться путем такого возврата к высшей степени неприятному травматическому переживанию? Догадаться трудно. Со вторым фактом мы почти ежедневно сталкиваемся в аналитической работе: он также не является столь весомым возражением, как другой. Вы знаете, что одной из задач психоанализа является поднять завесу амнезии, скрывающей первые детские годы, и привести к сознательному воспоминанию содержащиеся в них проявления ранней детской сексуальной жизни. Эти первые сексуальные переживания ребенка связаны с болезненными впечатлениями страха, запрета, разочарования и наказания; понятно, что они вытеснены, но то-

[1] [В 31-й лекции.]

гда непонятно, почему они имеют такой широкий доступ к жизни сновидений, почему они выступают как образцы столь многих фантазий сновидения, так что сновидения полны репродукций этих инфантильных сцен и намеков на них. Их неприятный характер и тенденция работы сновидения к исполнению желаний, кажется, все же плохо сочетаются друг с другом. Но возможно, трудности в этом случае кажутся нам слишком большими. За те же детские переживания цепляются, конечно, все те вечные, неисполненные желания, которые дают энергию для образования сновидений в течение всей жизни, и от которых можно ожидать, что своим могучим импульсом они способны вытолкнуть на поверхность также и материал болезненно воспринимающихся обстоятельств. А с другой стороны, в способе и манере того, как воспроизводится этот материал, несомненно стремление работы сновидения замаскировать неудовольствие искажением, превратить разочарование в исполнение. При травматических неврозах все обстоит иначе, здесь сновидения постоянно приводят к развитию тревоги. Я полагаю, что мы не должны бояться признать, что в этом случае функция сновидения не исполняется. Я не хочу обращаться к утверждению, что исключение подтверждает правило, его мудрость кажется мне сомнительной. Однако исключение и не отменяет правила совсем. Если такую самостоятельную психическую деятельность, как видение снов, в целях изучения, выделить из общего аппарата, то, возможно, это позволит вскрыть ее собственные закономерности; когда же она вновь включается в целостную структуру, то нужно быть готовым к тому, что эти результаты, сталкиваясь с другими силами, будут затушеваны или уменьшены. Мы говорим, что сновидение есть исполнение желания; если учесть последние возражения, то все же следует сказать, что сновидение – это *попытка* исполнения желания. Всякий, кто в состоянии вникнуть в психическую динамику, не скажет вам ничего другого. При определенных обстоятельствах сновидение либо осуществит свое намерение очень неполно, либо должно будет вообще от него отказаться; видимо, бессознательная фиксация на травме берет при этих нарушениях верх над функцией сновидения.

В то время как спящий должен видеть сон, поскольку ночное ослабление вытеснения позволяет активизироваться импульсу травматической фиксации, работа его снови-

дения, которая желала бы превратить следы воспоминаний о травматических обстоятельствах в исполнение какого-нибудь желания, остается безрезультатной. В таких случаях может возникнуть бессонница, то есть отказ от сна вследствие тревоги перед возможной неудачей действия сновидения. Травматический невроз демонстрирует нам крайний случай, но за переживаниями детства тоже нужно признать травматический характер, и не удивляться, когда менее значительные нарушения функций сновидения возникают и в других условиях[1].

ТРИДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Сон и оккультизм

Уважаемые дамы и господа! Сегодня мы пойдем узкой дорожкой, но она может открыть нам широкую перспективу.

Мое заявление о том, что я буду говорить об отношении сновидения к оккультизму, едва ли вас удивит. Сновидение часто рассматривается как ворота в мир мистики, оно и сегодня многими расценивается как оккультный феномен. Так и мы, сделав его объектом научного исследования, не оспариваем, что оно одной или несколькими нитями связано с этими темными предметами. Мистика, оккультизм — что имеется в виду под этими названиями? Не ждите от меня попытки четко определить эти области с трудно различимыми границами. В самом общем смысле мы все знаем, что следует под этим подразумевать. Это — в своем роде обратная сторона того светлого, управляемого непреложными законами мира, который выстроила для нас наука.

Оккультизм утверждает реальное существование тех «вещей между небом и землей, о которых наша школьная премудрость не смеет и мечтать»[2]. Но мы не желаем цепляться

---

[1] [К теме последнего абзаца Фрейд впервые обратился в главах II и III работы «По ту сторону принципа удовольствия» (1920g). Дальнейшие упоминания см. в 32-й лекции.]

[2] [Шекспир, «Гамлет», акт 1, сцена 5.]

за школьную ограниченность, мы готовы поверить тому, что окажется достойным веры.

Мы намерены обращаться с этими вещами так же, как с любым другим материалом науки, прежде всего установить, действительно ли доказуемы такие процессы, а тогда и только тогда, когда их реальность не будет вызвать сомнений, постараемся их объяснить. Но нельзя отрицать, что и это решение нам трудно принять в силу различных интеллектуальных, психологических и исторических моментов. В данном случае необходим иной подход, нежели в наших прочих исследованиях,

Сначала трудности интеллектуальные! Позвольте предложить некоторые самые общие, наглядные разъяснения. Допустим, речь идет о составе недр земли. Известно, что ничего определенного мы об этом не знаем. Мы предполагаем, что там находятся тяжелые металлы в раскаленном состоянии. Теперь кто-либо выдвигает утверждение, что недра земли заполнены водой, насыщенной углекислотой, наподобие содовой. Мы скажем, конечно, что это весьма маловероятно, противоречит всем нашим ожиданиям, не учитывает тех отправных точек нашего познания, которые привели нас к выдвижению гипотезы о металлах. Но все же оно не совсем немыслимо: если кто-либо укажет нам путь к проверке гипотезы содовой воды, мы пойдем по нему без возражений. Но вот появляется некто другой и утверждает всерьез, что ядро земли состоит из повидла! Здесь мы поведем себя совершенно иначе. Мы скажем себе, повидло в природе не встречается, это продукт человеческой кухни, существование этого вещества, кроме того, предполагает наличие фруктовых деревьев и их плодов, а мы не знаем, можно ли растения и кулинарное искусство человека перенести в недра земли. Результатом этих интеллектуальных возражений будет сдвиг нашего интереса — вместо того, чтобы приняться за исследование, действительно ли ядро земли состоит из повидла, мы спросим себя, а что же это за человек, который мог прийти к такой идее, и уж по крайней мере спросим его, откуда он это знает. Несчастный автор теории повидла будет сильно уязвлен и обвинит нас в том, что мы, вследствие якобы научных предубеждений, отказываем в объективном признании его утверждения. Но это ему не поможет. Мы чувствуем, что предубеждения не всегда предосудительны, что иногда они оправданны и целесообразны, поскольку освобождают нас от бесполезных затрат. Они

ведь тоже являются заключениями, сделанными по аналогии с другими, хорошо обоснованными суждениям.

Целый ряд оккультных утверждений действует на нас подобно гипотезе повидла, поэтому мы считаем себя вправе отвергнуть их сразу, не подвергая проверке. Однако все не так просто. Сравнение, которое я привел, ничего не доказывает, вернее, доказывает так же мало, как и любые сравнения, поскольку остается неясно, подходит ли оно, и понятно, что сам выбор его уже определен установкой на пренебрежительное отвержение. Предубеждения порой целесообразны и оправданны, а порой — ошибочны и вредны, и никогда не знаешь, следует их отнести к первым или ко вторым. Сама история науки изобилует случаями, которые предостерегают от поспешного осуждения. Например, долгое время считалось бессмысленным предположение, что камни, которые мы сегодня называем метеоритами, попадают на Землю с неба или что горная порода, включающая остатки ракушек, была когда-то дном моря. Впрочем, нашему психоанализу тоже пришлось немногим лучше, когда он выступил с положениями о бессознательном. Так что у нас, аналитиков, имеются особые причины быть осторожными при использовании интеллектуального мотива для отвержения новых предположений, что, признаться, не спасает нас от отрицания, сомнений и неуверенности.

Второй момент я назвал психологическим. Под этим я подразумеваю всеобщую склонность людей к легковерию и вере в чудеса. С самого начала, как только суровая жизнь принимается за наше воспитание, у нас возникает сопротивление против непреложности и монотонности законов мышления и против требований проверки реальности. Рассудок становится врагом, лишающим нас столь многих возможностей получать наслаждение. Обнаруживается, что большое удовольствие — избавиться от него и предаться соблазнам бессмыслицы, хотя бы на время. Школьник развлекается, искажая слова, профессиональный ученый подшучивает над своей деятельностью после научного конгресса, и даже самый серьезный человек наслаждается игрой остроумия. Более серьезная враждебность к «рассудку и науке, самой лучшей силе человека»[1] ждет своего часа, спеша отдать предпочтение чудо-доктору или искусному знахарю

[1] [Гёте, «Фауст», часть 1, сцена 4.]

перед «образованным» врачом; она до тех пор идет навстречу утверждениям оккультизма, пока его мнимые факты воспринимаются как нарушения законов и правил, она усыпляет критику, искажает восприятия, добивается признания и подтверждения, которые невозможно оправдать. Если принять во внимание эту склонность людей, то есть все основания обесценивать многие сообщения оккультной литературы.

Третье соображение я назвал историческим, желая привлечь внимание к тому, что в мире оккультизма не происходит, собственно, ничего нового, в нем вновь возникают все те знамения, чудеса, пророчества и явления духов, о которых мы знаем с древних времен, о которых сообщается в древних книгах, и которые мы давно считали порождением разнузданной фантазии или тенденциозным обманом, продуктом того времени, когда невежественность человечества была велика, а дух научного познания находился еще в пеленках. Если мы признаем за истину то, что, согласно сообщениям оккультистов, происходит еще и сегодня, то мы должны будем признать и достоверность сведений из древних времен. А теперь вспомним, что традиции и священные книги народов полны подобных сказаний о чудесах и что религии в своих притязаниях на достоверность опираются как раз на такие необычайные и чудесные события, обнаруживая в них доказательства действия сверхчеловеческих сил. И тогда нам трудно избежать подозрения, что оккультный интерес является по сути религиозным, что к тайным мотивам оккультного движения относится желание прийти на помощь религии, которой угрожает прогресс научного мышления. А с признанием такого мотива неизбежно возрастает наше недоверие и нежелание приниматься за исследование так называемых оккультных феноменов.

Но в конце концов это нежелание нужно преодолеть. Речь идет о проблеме фактологии: истинно или нет то, о чем сообщают оккультисты. Это ведь можно решить путем наблюдения. В сущности, мы должны быть благодарны оккультистам. Сообщения о чудесах древних времен недоступны нашей проверке. Если мы думаем, что их нельзя доказать, мы все же должны признаться, что их нельзя со всей строгостью и опровергнуть. Но о том, что случается в настоящее время, с чем мы можем встретиться — об этом мы все же должны иметь надежное суждение. Если мы придем к убеждению, что таких чудес сегодня не бывает, то мы не испу-

гаемся и возражения, что в древности они все-таки могли происходить. Другие разъяснения окажутся тогда гораздо понятнее. Итак, мы изложили свои сомнения и соображения и готовы теперь приступить к наблюдению оккультных феноменов.

К несчастью, тут мы встречаемся с обстоятельствами, крайне неблагоприятными для нашего благого намерения. Наблюдения, от которых будет зависеть наше суждение, происходят в условиях, делающих наши чувственные восприятия ненадежными, притупляющих наше внимание, в темноте или при скудном красном свете, после долгого напрасного ожидания. Нам говорят, что уже сама наша скептическая, то есть критическая, установка может помешать появлению ожидаемых феноменов. Организованная таким образом ситуация является поистине карикатурой на условия, в которых мы обычно проводим научные исследования. Наблюдению подвергаются так называемые медиумы — лица, которым приписываются особые «сензитивные» способности, но которые ни в коей мере не отличаются выдающимися качествами духа или характера, не ведомы какой-то большой идеей или серьезным замыслом, как древние чудотворцы. Напротив, даже те, кто верит в их тайные силы, считают их особенно ненадежными; большинство из них уже были разоблачены как обманщики, можно думать, что и остальных ожидает та же участь. То, чего они достигают, производит впечатление детского озорства или фокусов. Еще ни разу заседания с этими медиумами не принесли никаких ценных результатов, например, приобщения к новому источнику силы. Правда, и трюки фокусника, чудесным образом выпускающего голубя из пустого цилиндра, не способствуют развитию голубеводства. Легко могу представить себя на месте человека, который, желая выполнить требования объективности, принимает участие в сеансах оккультистов, но через; некоторое время устает и с отвращением отказывается от своих притязаний и, так ничему и не научившись, возвращается к прежним предубеждениям. Такого человека можно упрекнуть в неправильном поведении: феноменам, которые он хочет изучать, не следует предписывать заранее, какими они должны быть и при каких условиях появляться. Более того, можно было бы посоветовать ему проявить выдержку и соблюдать меры предосторожности и контроля, которыми в последнее время пытались защититься от ненадежности медиумов. К сожа-

лению, эта современная техника безопасности кладет конец легкой доступности оккультных наблюдений. Изучение оккультизма становится отдельной и трудной профессией, деятельностью, которой нельзя заниматься наряду со своими прочими интересами. И пока занимающиеся этим исследователи придут к каким-то решениям, остается лишь сомневаться и быть предоставленными своим собственным предположениям.

Среди этих предположений наиболее вероятным является, пожалуй, то, что в оккультизме речь идет о каком-то реальном ядре еще не познанных фактов, которое обман и фантазия окутали трудно проницаемой оболочкой. Но как мы можем хотя бы приблизиться к этому ядру, с какой стороны начать наступление на проблему? Здесь, я полагаю, на помощь придет сновидение, подсказывая нам выделить из всего этого вороха тему телепатии.

Вы знаете, что телепатией мы называем предположительный факт, что событие, происходящее в определенное время, примерно в то же время осознается лицом, отдаленным в пространстве, при этом известные нам способы сообщения нельзя принять в расчет. Молчаливая предпосылка этого состоит в том, что данное событие касается некоего лица, к которому другое лицо, принимающее известие, имеет сильный эмоциональный интерес.

Так, например, с лицом А происходит несчастье или оно умирает, а лицо Б, близко связанное с ним, — мать, дочь или возлюбленная, — узнает об этом приблизительно в то же время посредством зрительного или слухового восприятия; последний случай, при котором ей как будто бы сообщили об этом по телефону, чего на самом деле не было, похож на психический вариант беспроволочного телеграфа. Мне нет нужды подчеркивать, насколько невероятны такие явления. Большинство из этих сообщений можно с полным основанием отвергнуть; остаются, правда, и такие другие, отклонить которые непросто. Теперь разрешите для целей задуманного мной сообщения опускать в дальнейшем осторожное словечко «якобы» и продолжать так, будто я верю в объективную реальность телепатического феномена. Однако помните, что это не так, что я основываюсь не на каком-либо убеждении.

Сообщить я вам имею, собственно, немного, лишь один невзрачный факт. И сразу я хочу также еще больше ограничить ваши ожидания, сказав, что в основе своей сновиде-

ние имеет мало общего с телепатией. Ни телепатия не проливает новый свет на сущность сновидения, ни сновидение не свидетельствует напрямую о реальности телепатии. Телепатический феномен также вовсе не связан со сном, он может иметь место и в состоянии бодрствования. Единственное основание рассматривать связь между сновидением и телепатией заключается в том, что состояние сна кажется особенно подходящим для приема телепатического послания. Человек видит так называемый телепатический сон и при его анализе убеждается, что телепатическое известие сыграло ту же роль, что и любой другой дневной остаток, измененный работой сновидения и поставленный на службу тенденции сновидения.

При анализе такого телепатического сновидения происходит теперь нечто, показавшееся мне достаточно интересным, чтобы, несмотря на его незначительность, принять его в качестве исходного пункта данной лекции. Когда я в 1922 году делал первое сообщение об этом предмете, в моем распоряжении было лишь одно наблюдение. С тех пор я получил и другие, аналогичные, но буду придерживаться первого примера, поскольку его легче всего изложить, и сразу же введу вас *in medias res*[1].

Один явно интеллигентный человек, по его утверждению, «безо всякого оккультного душка», пишет мне об одном сновидении, которое показалось ему удивительным. Он начинает с того, что его замужняя дочь, живущая далеко от него, ожидает в середине декабря рождения своего первенца. Эта дочь ему очень близка, он также знает, что и она внутренне очень к нему привязана. И вот в ночь с 16-го на 17-е ноября ему снится сон, что его жена родила близнецов. Далее следуют некоторые подробности, которые я здесь опущу, тем более что не все они получили объяснение. Женщина, которая в его сне стала матерью близнецов, — его вторая жена, мачеха его дочери. Ему не хочется детей от этой женщины, которой он отказывает в способности разумного воспитания, к тому же ко времени сна он давно прекратил с ней половые сношения. Написать мне побудило его не сомнение в теории сновидения, что, казалось бы, допускало явное содержание сновидения, ибо почему во сне, полностью вопреки его желанию, эта женщина рожает детей? У него

---

[1] [В суть дела (лат.). — *Примечание переводчика.*]

также не было ни малейшего повода для опасения, что это нежелательное событие может произойти. Обстоятельство, побудившее его сообщить мне о сновидении, состояло в том, что 18-го ноября рано утром он получил телеграмму о рождении близнецов у его дочери. Телеграмма была дана за день до этого, роды произошли в ночь с 16-го на 17-е, примерно в тот же час, когда ему снился сон о том, что жена родила ему близнецов. Сновидец спрашивает меня, считаю ли я случайностью совпадение сновидения и события. Он не решается назвать сновидение телепатическим, так как различие между содержанием сна и событием касается именно того, что кажется ему существенным — персоны роженицы. Но из одного из его замечаний вытекает, что он не удивился бы и настоящему телепатическому сновидению. Дочь, полагает он, в свой трудный час наверняка «особенно думала о нем».

Уважаемые дамы и господа! Я уверен, что вы сами уже можете объяснить это сновидение и понимаете, почему я вам его рассказал. Этот человек, будучи неудовлетворен своей второй женой, хотел бы, чтобы его жена была такой же, как его дочь от первого брака. От бессознательного это «как», конечно, ускользает. И вот приходит ему телепатическое послание: дочь родила близнецов. Работа сновидения завладевает этим известием, позволяет действовать на него бессознательному желанию, стремящемуся поставить дочь на место жены, и так возникает странное явное сновидение, которое маскирует желание и искажает послание. Надо сказать, что лишь толкование сновидения показало нам, что это был телепатический сон, психоанализ вскрыл телепатические факты, которые мы иначе не смогли бы узнать.

Однако не позволяйте все же ввести себя в заблуждение! Несмотря на сказанное, толкование сна ничего не сказало об объективной истинности телепатического факта. Это может быть лишь видимость, допускающая другое объяснение. Возможно, что скрытые мысли этого сновидения были таковы: «Сегодня как раз тот день, когда должны бы произойти роды, если, как я, собственно, и полагаю, дочь ошиблась на месяц. И выглядела она, когда я в последний раз ее видел, так, словно у нее будет двойня. А моя покойная жена так любила детей, как бы обрадовалась она близнецам!» (Последний момент я ввожу из не упомянутых еще ассоциаций сновидца.) В этом случае к сновидению приве-

ли бы хорошо обоснованные предположения сновидца, а не телепатическое послание, а результат остался бы тот же. Как видите, и это толкование сна не дает ничего для ответа на вопрос, следует ли признать телепатию объективной реальностью. Это можно было бы решить лишь путем тщательного наведения справок обо всех обстоятельствах данного случая, что, к сожалению, здесь было столь же мало возможно, как и в других случаях из моего опыта. Допустим, что признание телепатии дает самое простое объяснение, но этим выигрывается немногое. Самое простое объяснение не всегда правильно, истина весьма часто непроста, и прежде чем решиться на такое важное допущение, хочется соблюсти все меры предосторожности.

Тему сновидения и телепатии мы теперь можем оставить, больше мне нечего сказать вам об этом. Но обратите свое внимание, что ведь не сновидение дало нам какое-то знание о телепатии, но истолкование сновидения, его психоаналитическая обработка. Так что в дальнейшем мы можем совсем отвлечься от сновидения, исполнившись надежды, что применение психоанализа сможет пролить свет на другие факты, называемые оккультными. Таков, например, феномен индукции, или передачи мыслей, весьма близкий к телепатии, который, собственно говоря, может быть объединен с ней без особой натяжки. Он означает, что душевные процессы одного человека, его представления, состояния возбуждения, волевые импульсы могут быть перенесены через свободное пространство на другого человека без использования известных путей сообщения посредством слов и знаков. Вы понимаете, как было бы замечательно, а может быть, даже практически значимо, если бы подобное действительно случалось. Между прочим, скажу, что, как ни странно, в древних сообщениях о чудесах именно об этом феномене говорится меньше всего.

В ходе психоаналитического лечения пациентов у меня сложилось впечатление, что занятия профессиональных предсказателей таят в себе благоприятную возможность особенно безупречного наблюдения за передачей мыслей. Эти незначительные или даже неполноценные люди посвятили себя какому-нибудь занятию — раскладыванию карт, изучению почерков и линий рук, астрологическим вычислениям и предсказывают при этом своим посетителям будущее, продемонстрировав прежде осведомленность о фрагментах их прошлого или настоящего. Их клиенты чаще всего вполне

довольствуются этим и не сетуют, если впоследствии пророчества не сбываются. У меня есть множество таких случаев, я имел возможность изучить их аналитически и сейчас расскажу вам наиболее замечательный из этих примеров. К сожалению, доказательная сила этих сообщений страдает вследствие множества умолчаний, к которым меня обязывает врачебная этика. Но искажений я избегал со всей строгостью. Итак, послушайте историю одной из моих пациенток, у которой был такой случай с одним предсказателем.

Она была старшей среди братьев и сестер, выросла с чрезвычайно сильной привязанностью к отцу, вышла замуж молодой и нашла полное удовлетворение в браке. Для ее счастья не хватало лишь одного — она оставалась бездетной, и ее любимый муж, таким образом, не мог полностью занять место отца. Когда после долгих лет разочарования она решилась на гинекологическую операцию, муж сделал признание, что вина лежит на нем: вследствие болезни до женитьбы он стал неспособен к зачатию. Она плохо перенесла разочарование, сделалась невротичной, явно страдала страхом соблазнения. Чтобы развеселить ее, муж взял ее с собой в деловую поездку в Париж. Как-то они сидели там в холле отеля, когда ей бросилось в глаза некоторое оживление среди прислуги. Она спросила, чем это вызвано, и узнала, что прибыл *monsieur le professeur* и дает консультации в таком-то кабинете. Она выразила желание тоже проконсультироваться. Муж ей отсоветовал, но она нашла момент, незаметно проскользнула в кабинет для консультаций и предстала перед предсказателем. Ей было 27 лет, но выглядела она намного моложе, обручальное кольцо она сняла. *Monsieur le professeur* попросил ее положить руку в чашу, наполненную золой, тщательно изучил отпечаток и затем рассказал ей о тяжелой борьбе, которая ей предстоит, закончив утешительным заверением, что она все-таки выйдет еще замуж и к 32 годам будет иметь двоих детей. Когда она рассказывала мне эту историю, ей было 43 года, она была тяжело больна и не имела никакой надежды когда-нибудь родить ребенка. Пророчество, таким образом, не сбылось, но говорила она о нем без всякой горечи, а наоборот, с несомненным выражением удовлетворения, словно вспоминала приятное переживание. Было нетрудно установить, что у нее не было ни малейшего представления, что могли означать оба числа, упомянутые в пророчестве [2 и 32], и вообще значили ли они что-нибудь.

Вы скажете, что это — глупая и непонятная история, и спросите, зачем я рассказал ее вам. Да, я бы и сам так думал, если бы — и это решающий момент — не анализ, позволивший нам истолковать то пророчество, которое именно благодаря объяснению деталей производит убедительное впечатление. Оба числа, как оказалось, играли роль в жизни матери моей пациентки. Та поздно вышла замуж, после тридцати, и в семье часто повторяли, что она удачно поспешила наверстать упущенное. Оба первых ребенка, первой — наша пациентка, родились с самым малым возможным промежутком времени в течение одного календарного года, и в 32 года у нее действительно было двое детей. То, что *monsieur le professeur* сказал моей пациентке, таким образом, означало: утешьтесь, вы еще так молоды. У вас будет такая же судьба, как и у вашей матери, которой тоже пришлось долго ждать детей, но к 32 годам у вас тоже будет двое. Иметь такую же судьбу, как и мать, встать на ее место, занять ее место при отце — это как раз и было самое сильное желание ее юности, из-за невыполнения которого началась ее болезнь. Пророчество обещало ей, что оно еще исполнится, как же она могла чувствовать к предсказателю что-либо иное, кроме дружеского расположения? Но кажется ли вам возможным, чтобы *monsieur le professeur* знал даты из интимной жизни семьи своей случайной клиентки? Нет, невозможно. Откуда же он получил знание, позволившее ему включить оба числа в пророчество и таким образом выразить самое сильное и самое тайное желание пациентки? Я вижу лишь две возможности объяснения. Или же эта история в том виде, в каком была мне рассказана, неверна и происходила иначе, или следует признать, что перенос мыслей существует как реальный феномен. Можно конечно предположить, что по прошествии шестнадцати лет пациентка сама вставила в воспоминание оба упомянутых числа, почерпнув их из своего бессознательного. У меня нет никакой отправной точки для этого предположения, но исключить его я не могу и полагаю, что вы скорее поверите в такое сообщение, чем в реальность передачи мыслей. Если же вы решите в пользу последнего, то не забывайте о том, что лишь анализ выявил оккультные факты, обнаружив их там, где они были искажены до неузнаваемости.

Если бы речь шла только об *одном* таком случае, как с моей пациенткой, то мимо него можно было бы пройти, пожимая плечами. Никому не пришло бы в голову основы-

вать веру, означающую столь решительный поворот, на одном изолированном наблюдении. Но поверьте, это не единственный случай в моем опыте. Я собрал целый ряд таких пророчеств и из всех них вынес впечатление, что предсказатель лишь выразил мысли обратившихся к нему лиц, в особенности их тайные желания, так что имело бы смысл проанализировать такие пророчества, как если бы они были субъективными продуктами, фантазиями или сновидениями анализируемых. Конечно, не все случаи имеют одинаковую доказательную силу и не для всех можно найти более рациональное объяснение, но все же в целом вероятность действительной передачи мыслей очень велика. Важность обсуждаемого предмета послужила бы оправданием изложения всех моих случаев, но это невозможно вследствие пространности их описаний и неизбежного при этом нарушения врачебной тайны. Попытаюсь по возможности успокоить свою совесть, приведя вам еще несколько примеров.

Однажды меня посетил весьма интеллектуальный молодой человек, студент перед своим последним экзаменом на степень доктора, который он, однако, не в состоянии был сдать, потому что, как он жаловался, он утратил все интересы, способность концентрации, и даже возможность упорядоченного воспоминания. Предыстория этого подобного параличу состояния скоро открылась: он заболел вследствие большого самопреодоления. У него была сестра, к которой он испытывал интенсивную, но постоянно сдерживаемую любовь, как и она к нему. Как жаль, что мы не можем пожениться, говорили они друг другу. Один достойный человек влюбился в эту сестру, она ответила ему благосклонностью, но родители не согласились на этот брак. В этом бедственном положении молодая пара обратилась к брату, который не отказал им в помощи. Он был посредником в их переписке, благодаря его влиянию удалось, наконец, добиться согласия родителей на брак. Правда, за время помолвки произошел один случай, смысл которого легко разгадать. Он вместе с будущим зятем предпринял трудный поход в горы без проводника, они сбились с пути, и возникла опасность, что они не смогут вернуться назад живыми и здоровыми. Вскоре после замужества сестры он впал в это состояние душевного истощения.

Став под влиянием психоанализа вновь работоспособным, он покинул меня, чтобы заняться своими экзамена-

ми, но после их удачной сдачи на короткое время снова вернулся ко мне осенью того же года. Он рассказал мне о примечательном переживании, которое было у него в канун лета. В их университетском городе была одна предсказательница, пользовавшаяся большим успехом. Даже принцы правящей династии перед важными делами регулярно консультировались с ней. Способ, которым она работала, был весьма прост. Она просила сообщить ей дату рождения определенного лица, не желая ничего более о нем знать, даже имени, затем погружалась в астрологические книги, производила долгие вычисления и наконец выдавала пророчество о соответствующем лице. Мой пациент решил воспользоваться ее таинственным искусством в отношении своего зятя. Он посетил ее и назвал требуемую дату рождения зятя. Произведя свои вычисления, она высказала пророчество: это лицо умрет в июле или августе этого года от отравления раками или устрицами. Мой пациент заключил свой рассказ словами: «Это было совершенно грандиозно!»

С самого начала я слушал неохотно. После этого восклицания я позволил себе вопрос: «Что же такого грандиозного вы находите в этом пророчестве? Сейчас у нас поздняя осень, зять ваш не умер, об этом вы бы мне давно уже рассказали. Так что пророчество не сбылось». «Нет, не сбылось, но примечательно следующее: мой зять, страстный любитель раков и устриц, прошлым летом, то есть *до* посещения предсказательницы, умудрился отравиться устрицами, так что чуть не умер». Что я должен был сказать на это? Я только мог досадовать, что высокообразованный человек, который, кроме того, успешно прошел курс анализа, не смог лучше разглядеть взаимосвязи. Я же, со своей стороны, прежде чем поверить, что по астрологическим таблицам можно вычислить отравление раками или устрицами, скорее предположил бы, что мой пациент еще не преодолел ненависти к своему сопернику, от вытеснения которой он в свое время заболел, и что предсказательница просто высказала его собственную надежду: от таких пристрастий не отказываются, и когда-нибудь он все-таки от этого погибнет. Я заявляю, что для этого случая не знаю никакого другого объяснения, кроме, может быть, того, что мой пациент позволил себе шутку со мной. Но ни тогда, ни позднее он не подавал никаких оснований для такого подозрения — казалось, все, о чем он говорил, было серьезно.

Другой случай. Один молодой человек, занимающий видное положение, состоит в связи с некоей прожигательницей жизни, при этом проявляется одна примечательная навязчивость. Время от времени он должен причинять своей возлюбленной боль насмешливыми и издевательскими речами, пока та не впадет в полное отчаяние. Доведя ее до такого состояния, он чувствует облегчение, мирится с ней и дарит подарки. Но теперь он хотел бы освободиться от возлюбленной, эта навязчивость для него ужасна, он замечает, что от этой связи страдает его собственная репутация, он хочет иметь жену, создать семью. Поскольку он не может своими силами освободиться от этой дамы, он прибегает к помощи анализа. После одной такой оскорбительной сцены, уже во время анализа, он просит ее написать ему открытку, которую предлагает графологу. Заключение, полученное им, таково: это почерк человека, находящегося в крайнем отчаянии, который в ближайшие дни непременно покончит с собой. Этого, однако, не происходит, дама остается в живых, но анализу удается ослабить его оковы: он оставляет даму и обращается к некой молодой девушке, от которой ждет, что она будет для него хорошей женой. Вскоре после этого ему видится сон, который можно истолковать лишь как его зарождающееся сомнение в достоинствах этой девушки. У нее он тоже берет пробу почерка, предлагает ее тому же авторитету и узнает суждение о ее почерке, подтверждающее его сомнения. Тогда он отказывается от намерения сделать ее своей женой.

Чтобы оценить толкования графолога, в особенности первое, нужно что-то знать из тайной истории нашего молодого человека. В ранней юности он в соответствии со своей страстной натурой был до безумия влюблен в одну молодую женщину, которая была несколько старше его. Будучи отвергнутым ею, он совершил попытку самоубийства, серьезность его намерений не вызывала сомнений. Лишь благодаря случайности он избежал смерти и поправился только после длительного ухода. Однако этот неистовый поступок произвел глубокое впечатление на любимую женщину, она подарила ему благосклонность, и он, став ее возлюбленным, состоял с ней в тайной связи и служил ей как настоящий рыцарь. Спустя более двух десятилетий, когда оба постарели, женщина, естественно, больше, чем он, в нем пробудилось желание избавиться от нее, стать свободным, вести самостоятельную жизнь, завести свой дом и семью.

И одновременно с этим пресыщением у него появилась долго подавляемая потребность отомстить своей возлюбленной. Если когда-то он хотел покончить с собой, потому что она им пренебрегла, то теперь ему захотелось найти удовлетворение в том, что она будет искать смерти, ибо он оставит ее. Но его любовь все еще была слишком сильной для того, чтобы это желание могло быть им осознанным; он также не был в состоянии причинить ей достаточно зла, чтобы довести ее до смерти. В таком расположении духа он использовал упомянутую прожигательницу жизни в качестве «мальчика для битья», чтобы *in corpore vili*[1] удовлетворить свою жажду мести, позволяя себе устраивать ей всякие мучения и ожидая от них того исхода, которого он желал по отношению к любимой женщине. То, что месть относилась, собственно, к этой последней, выдало лишь то обстоятельство, что он посвятил ее в свою любовную связь, сделав ее своей советчицей, вместо того чтобы скрывать от нее свою измену. Несчастная, давно утратившая положение «дающей» и превратившаяся в «просительницу», видимо, страдала от его откровенности больше, чем прожигательница жизни от его жестокости. Навязчивость, на которую он жаловался по отношению к заменяющей персоне, и которая привела его в анализ, была, конечно, перенесена на нее со старой возлюбленной; эта последняя и была той, от которой он хотел освободиться и не мог. Я не графолог и об искусстве угадывать характер по почерку невысокого мнения, еще меньше я верю в возможность предсказывать таким путем будущее писавшего. Однако вы видите, что бы мы ни думали о ценности графологии, несомненно, что эксперт, предсказывая, что написавший предложенную ему пробу в ближайшее время покончит с собой, опять-таки лишь вскрывает сильное тайное желание обратившегося к нему лица. Нечто подобное произошло и при второй экспертизе, разве что здесь речь шла не о бессознательном желании, а о том, что зарождающееся сомнение и озабоченность спрашивающего нашли свое ясное выражение в устах графолога. Моему пациенту удалось, впрочем, с помощью анализа встретить возлюбленную за пределами заколдованного круга, в который он попал.

Дамы и господа! Теперь вы узнали, что толкование сновидений и психоанализ вообще сделали для оккультизма.

---

[1] [На малоценном объекте (лат.). — *Примечание переводчика.*]

Вы увидели на примерах, что их применение проясняет оккультные факты, которые иначе остались бы непознанными. На вопрос, который, несомненно, интересует вас больше всего: можно ли верить в объективную реальность этих фактов? — психоанализ не может ответить прямо, однако полученный с его помощью материал производит как минимум благоприятное впечатление для утвердительного ответа. Этим ваш интерес не ограничивается. Вы захотите узнать, какие выводы позволяет сделать тот несравнимо более богатый материал, который не связан с психоанализом? Здесь я не могу вам помочь, это уже не моя область. Единственное, что я еще могу сделать, это рассказать о наблюдениях, которые имеют к анализу хотя бы то отношение, что были сделаны во время аналитического лечения, может быть, стали возможны благодаря его влиянию. Я приведу вам один такой пример, который произвел на меня самое сильное впечатление, буду при этом очень обстоятелен, задержу ваше внимание на множестве частностей, и все же при этом придется опустить многое, что повысило бы убедительность наблюдения. Это пример, в котором факты ясно видны и их не нужно распутывать при помощи анализа. Однако при их обсуждении мы не сможем без него обойтись. Вместе с тем я вас заранее предупреждаю, что даже этот пример кажущейся передачи мыслей в аналитической ситуации не застрахован от всех сомнений и не позволяет безусловно принять за реальность оккультный феномен.

Итак, слушайте. В один осенний день 1919 года примерно без четверти 11 утра только что прибывший из Лондона доктор Дэвид Форсайт[1] вручает мне визитную карточку в то время, как я работаю с пациентом. (Мой уважаемый коллега из Лондонского университета, конечно, не сочтет меня бестактным, если я открою, что в течение нескольких месяцев вводил его в искусство психоаналитической техники.) У меня было время только поприветствовать его и пригласить прийти позднее. Доктор Форсайт вызывал у меня особый интерес: он был первым иностранцем, прибывшим ко мне после изоляции военных лет и знаменовавшим наступление лучших времен. Вскоре после этого, около 11 часов, пришел один из моих пациентов, господин П., человек ост-

[1] [Доктор Дэвид Форсайт, главный врач больницы Черинг Кросс, Лондон, был одним из первых членов Лондонского психоаналитического общества, основанного в 1913 году.]

роумный и любезный в возрасте между 40 и 50, который в свое время обратился ко мне из-за трудностей с женщинами. Его случай не предвещал никакого терапевтического успеха; я давно предлагал ему прекратить лечение, но он хотел его продолжать, очевидно, потому, что комфортно чувствовал себя в своем устоявшемся отцовском переносе по отношению ко мне. Деньги в те времена не играли никакой роли, так как их было слишком мало; часы, которые я проводил с ним, были для меня приятным возбуждением и отдыхом, так что, вопреки строгим правилам врачебной практики, аналитические занятия продолжались дальше до намеченного в будущем срока окончания.

В этот день П. вернулся к своим попыткам установить любовные отношения с женщинами и вновь упомянул о красивой пикантной бедной девушке, у которой он мог бы иметь успех, если бы факт ее девственности не отпугивал его от любого серьезного шага. Он и раньше часто говорил о ней, сегодня же в первый раз рассказал, что она, конечно, нисколько не зная о действительных причинах его затруднения, обычно называет его «господин фон Форзихт»[1]. Это сообщение поразило меня, карточка д-ра Форсайта была у меня под рукой, я показал ему ее.

Таковы факты. Ожидаю, что они показались вам скудными, но вы только послушайте дальше, за этим кроется большее.

Несколько юных лет П. прожил в Англии и с тех пор сохранил постоянный интерес к английской литературе. Он располагал богатой английской библиотекой, имел обыкновение приносить мне из нее книги, и я обязан ему знакомству с такими авторами, как Беннет и Голсуорси, которых я до этого читал мало. Однажды он одолжил мне почитать роман Голсуорси под названием «Человек-собственник»[2], действие которого разыгрывается в придуманной писателем семье Форсайтов. Голсуорси, видимо, сам пленился этим своим творением, потому что и в более поздних произведениях неоднократно возвращается к персонажам этой семьи и наконец собирает все касающиеся их сочинения под названием «Сага о Форсайтах». Всего за несколько дней до описываемого случая П. принес мне новый том из этой серии. Фамилия Форсайт и все типичное,

[1] [Vorsicht – осторожность (нем.). – *Примечание переводчика.*]
[2] [Одна из частей романа Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах».]

что хотел воплотить в ней писатель, также играла роль в моих беседах с П., она стала частью тайного языка, столь легко возникающего между двумя людьми при постоянном общении. Хотя фамилия *Форсайт* (Forsyte) в тех романах немного отличается от фамилии моего посетителя Форсайта *(Forsyth)*, для немецкого произношения это едва различимо, а смысловое английское слово *foresight*, которое произносится нами так же, переводится как «предвидение» или «осторожность». Таким образом, П. действительно из своих личных отношений извлек ту же самую фамилию, которая в то время вследствие неизвестных ему событий занимала меня.

Не правда ли, это выглядит уже лучше. Но я полагаю, что мы получим более сильное впечатление от этого поразительного феномена и даже как бы проникнем в условия его возникновения, если аналитически осветим две другие ассоциации, которые П. привел на том же сеансе.

Первое: в один из дней на предыдущей неделе я напрасно ждал господина П. к 11 часам, а затем вышел навестить доктора Антона фон Фройнда[1] в его пансионе. Я был поражен, обнаружив, что господин П. проживал на другом этаже того дома, где помещался пансион. В связи с этим я позднее рассказал П., что я, так сказать, нанес ему визит, но я совершенно уверен, что не назвал фамилию лица, которого я посетил в пансионе. И вот вскоре после упоминания господина фон Форзихта он спрашивает меня: *«Фройд-Отторего*, которая читает в Народном университете курс английского языка, не ваша ли дочь?» И в первый раз за долгое время нашего общения он допускает искажение моей фамилии, к которому меня уже приучили госслужащие, чиновники и наборщики: он сказал вместо *Фройд* – *Фройнд.*

Второе: в конце того же сеанса он рассказал сон, от которого проснулся в страхе, настоящий, как он считает, кошмар. К этому он прибавил, что недавно забыл, как это будет по-английски, и кому-то ответил на этот вопрос, что по-английски кошмарный сон называется *«a mare's nest»*. Что, естественно, чепуха, *«a mare's nest»* означает невероятную историю, небылицу, а перевод кошмарного сна звучит как *«night-mare»*. Этот случай, кажется, не имеет ничего общего с предыдущим, кроме одного элемента – английского

---

[1] [Антон фон Фройнд – известный венгерский исследователь психоанализа.]

языка, однако он напомнил мне одно маленькое происшествие, случившееся примерно за месяц до того. П. сидел со мной в комнате, когда ко мне неожиданно после долгой разлуки зашел другой дорогой мне гость из Лондона, доктор Эрнест Джонс. Я подал ему знак пройти в другую комнату, пока я договариваюсь с П., который, однако, сразу узнал Джонса по фотографии, висящей в приемной, и даже выразил желание быть ему представленным. Джонс же является автором работы о ночном кошмаре — *night-mare* (1912); я не знал, была ли она известна П. Тот избегал читать аналитические книги.

Прежде всего я хотел бы вместе с вами исследовать, как можно аналитически истолковать связь ассоциаций П. и их мотивацию. По отношению к фамилии Forsyte или Forsyth П. имел ту же установку, что и я, она означала для него то же самое, я вообще обязан ему знакомством с этой фамилией. Примечателен *был* тот факт, что он внес эту фамилию в анализ непосредственно после того, как в результате нового события, прибытия лондонского врача, она приобрела для меня новое значение. Но, может быть, не менее интересным, чем этот факт, оказывается способ появления этой фамилии в нашей аналитической беседе. Он не сказал что-нибудь вроде: «Сейчас мне пришла в голову фамилия Forsyte из вам известных романов», но сумел вплести ее в свои переживания безо всякого осознанного отношения к этому источнику и извлек ее оттуда; это могло бы произойти давно, но до сих пор не происходило. Но потом он сказал: я тоже Форсайт, ведь девушка меня так называет. Трудно не распознать смесь ревнивых притязаний и унылого самоуничижения, которые выражаются в этом высказывании. Не будет ошибкой дополнить его примерно так: «Мне обидно, что ваши мысли столь интенсивно заняты прибывшим. Вернитесь все же назад ко мне, я ведь тоже *Форсайт*, правда, всего лишь господин фон Форзихт, как говорит девушка. И вот ход его мысли по ассоциативной нити элемента «английский» обращается назад к двум прежним ситуациям, которые могли вызвать ту же ревность. «Несколько дней тому назад вы посетили мой дом, но, шли, к сожалению, не ко мне, а к какому-то господину *фон Фройнду*». Эта мысль заставляет его изменить фамилию Фройд на Фройнд. Фамилия *Фройд-Отторего,* преподавательницы английского в лекционной программе, была привлечена, поскольку она несет в себе явную ассоциацию. А затем присоединяется

воспоминание о другом посетителе, прибывшем несколько недель назад, по отношению к которому он, конечно, точно так же испытывал ревность, в то же время понимая, что не может с ним соперничать, так как доктор Джонс сумел написать о кошмарном сне научное сочинение, в то время как он эти сны лишь продуцировал. Также и упоминание о своей ошибке в значении *«a mare's nest»* относится к этой связи, этим он мог хотеть сказать лишь: все же я ведь не настоящий англичанин, так же как и не настоящий Форсайт.

Я не могу назвать его ревнивые побуждения неуместными или непонятными. Он был подготовлен к тому, что его анализ, а тем самым и наше общение закончатся, как только в Вену вновь приедут иностранные ученики и пациенты, и так это действительно вскоре и случилось. Но то, чего мы до сих пор достигли, было частью аналитической работы, объяснившей три ассоциации, имевшие место на одном и том же сеансе и питавшиеся одним и тем же мотивом, а это имеет немного общего с другим вопросом: могут ли возникнуть эти ассоциации без передачи мыслей, или нет? Последнее имеет отношение к каждой из трех ассоциаций и потому распадается на три отдельных вопроса: мог ли П. знать, что доктор Форсайт только что нанес мне свой первый визит? Мог ли он знать, как зовут лицо, которое я посетил в его доме? Знал ли он, что доктор Джонс написал работу о кошмарном сне? Или же это было лишь мое знание, которое проявилось в его ассоциациях? От ответа на эти три отдельных вопроса будет зависеть, позволит ли мое наблюдение сделать вывод в пользу передачи мыслей. Оставим на некоторое время первый вопрос в стороне, с двумя другими легче иметь дело. Случай с визитом в пансион производит на первый взгляд особенно достоверное впечатление. Я уверен, что в своем коротком шутливом упоминании о посещении его дома я не назвал никаких имен, и считаю весьма маловероятным, что П. наводил в пансионе справки о фамилии лица, о котором шла речь, скорее я поверю, что его существование осталось для того совершенно неизвестным. Доказательность этого случая, однако, в корне подрывается из-за одной случайности. Человек, которого я навестил в пансионе, не только носил фамилию *Фройнд*[1], но и был настоящим другом для всех нас. Это был

[1] [Freund (нем.) — друг — *Примечание переводчика.*]

доктор Антон Фройнд, пожертвование которого сделало возможным основание нашего издательства. Его ранняя смерть, как и кончина нашего Карла Абрахама несколько лет спустя, были самыми тяжелыми несчастьями, коснувшимися развития психоанализа. Поэтому я вполне мог сказать тогда господину П.: «Я посетил в вашем доме *одного друга»*, – и с этой возможностью оккультный интерес к его второй ассоциации отпадает.

Впечатление от третьей ассоциации тоже быстро улетучивается. Мог ли П. знать, что Джонс опубликовал работу о ночном кошмаре, если он никогда не читал аналитической литературы? Да, это он мог знать. У него были книги нашего издательства, и он мог во всяком случае видеть объявления о новых публикациях на обложках. Это нельзя доказать, но нельзя и опровергнуть. Поэтому таким путем мы не придем ни к какому решению. Я сожалею, но мое наблюдение страдает тем же недостатком, как и многие подобные ему. Оно было слишком поздно записано и обсуждалось в то время, когда я уже не работал с господином П. и не мог расспрашивать его далее.

Но вернемся тогда к первому случаю, который, даже взятый в отдельности, кажется, сохраняет видимость факта передачи мыслей. Мог ли П. знать, что доктор Форсайт был у меня за четверть часа до него? Мог ли он вообще знать о его существовании или о его присутствии в Вене? Не следует поддаваться искушению сразу же отрицать оба предположения. Мне все же видится путь, который ведет к частичному подтверждению. Я ведь мог бы уведомить господина П., что жду для обучения анализу врача из Англии, как первого голубя после всемирного потопа. Это могло бы иметь место летом 1919 года; за несколько месяцев до своего прибытия доктор Форсайт условился со мной об этом в письмах. Возможно, я даже назвал его имя, хотя это кажется мне весьма маловероятным. Поскольку эта фамилия имела для нас обоих особое значение, я бы хоть что-то помнил о таком разговоре, в котором она была бы упомянута. Так или иначе, все это могло произойти, а потом я мог об этом основательно забыть, так что во время аналитической беседы «господин фон Форзихт» мог произвести на меня впечатление чуда. Если считать себя скептиком, то полезно время от времени сомневаться и в своем скепсисе. Может быть, у меня тоже есть тайная склонность к чудесному, которая так способствует порождению оккультных фактов.

Если этот фрагмент чуда устранен, нас все же поджидает ещё один, самый трудный из всех. Предположим, господин П. знал, что есть такой доктор Форсайт, которого ожидают в Вене осенью, как тогда объяснить, что он оказался столь восприимчив к нему как раз в день его прибытия и непосредственно после его первого визита? Можно сказать, что это случайность, то есть оставить необъясненным, но я подробно обсудил две другие ассоциации П. именно для того, чтобы исключить случайность, чтобы показать вам, что он действительно был занят ревнивыми мыслями о людях, которые посещают меня и которых я посещаю; или можно попытаться предположить, чтобы не упустить самую крайнюю возможность, что П. заметил мое особое возбуждение, о котором я сам ничего не знал, и сделал из него свой вывод. Или господин П., который пришел ведь всего лишь через четверть часа после англичанина, встретил его где-то на общем пути, по характерному внешнему виду опознал в нем англичанина и, будучи постоянно в своем ревнивом ожидании, подумал: «Вот он, этот доктор Форсайт, с прибытием которого моим занятиям анализом настанет конец. И вероятно, он сейчас идет как раз от профессора». Я не могу дальше вдаваться в эти рационалистические предположения. Опять все остается *non liquet*[1], однако я должен признать, что, по моему ощущению, чаша весов также и здесь склоняется в пользу передачи мыслей. Впрочем, я, безусловно, не единственный, кому довелось переживать подобные «оккультные» случаи в аналитической ситуации. Хелен Дойч в 1926 году опубликовала аналогичные наблюдения и исследовала их обусловленность отношениями переноса между пациентом и аналитиком.

Я убежден, что вы не вполне удовлетворены моей установкой на эту проблему: убежден не полностью, но все же к убеждению готов. Возможно, вы скажете себе: «Это опять тот случай, когда человек, всю свою жизнь честно проработавший в качестве естествоиспытателя, с возрастом становится слабоумным, набожным и легковерным». Мне известно несколько великих имен, принадлежащих к их числу, но меня не следует к ним причислять. Набожным я, во всяком случае, не стал, надеюсь, что и легковерным тоже. Если человек всю жизнь сгибался, чтобы избежать болезненного столкновения с фактами, то и в старости его спина останет-

[1] [Не ясно (лат.). – *Примечание переводчика.*]

ся согнутой, сгибаясь перед новыми фактами. Вы бы, конечно, предпочли, чтобы я придерживался умеренного теизма и показал свою непримиримость по отношению ко всему оккультному. Но я не способен добиваться благосклонности, а намерен предложить вам более дружелюбно относиться к объективной возможности передачи мыслей, а тем самым и телепатии.

Не забывайте, что я обратился здесь к этим проблемам лишь постольку, поскольку к ним можно приблизиться со стороны психоанализа. Когда более десяти лет назад они впервые попали в поле моего зрения, я тоже испытывал страх перед угрозой нашему научному мировоззрению, которое в случае подтверждения отдельных элементов оккультизма должно было бы уступить место спиритизму или мистике. Сегодня я думаю иначе и полагаю, что неверие в способность науки воспринять и переработать то, что окажется истинным в оккультных утверждениях, отнюдь не свидетельствует о большом доверии к ней, А что касается именно передачи мыслей, то она-то, кажется, как раз и способствует распространению научного, противники скажут — механистического — способа мышления на столь трудно постижимую духовную область. Телепатический процесс же, очевидно, состоит как раз в том, что душевный акт одного лица возбуждает такой же душевный акт другого лица. То, что лежит между обоими психическими актами, легко может быть физическим процессом, в который переходит психическое с одного конца и который на другом конце вновь переводится в такое же психическое. Аналогия с другими превращениями, как, например, разговор и слушание по телефону, была бы тогда несомненной. А представьте, если можно было бы овладеть этим физическим эквивалентом психического акта! Хотелось бы сказать, что, поместив бессознательное между физическим и тем, что до сих пор называлось «психическим», психоанализ подготовил почву для предположений о таких процессах, как телепатия. Привыкнув к представлению о телепатии, мы можем добиться многого, правда, пока что только в воображении. Ведь, как известно, нет сведений о том, как осуществляется единство действий в больших колониях насекомых. Может быть, оно происходит путем такой прямой психической передачи. Это ведет к предположению, что таков был изначальный, архаический способ сообщения между отдельными существами, который в процессе филогенетического развития оттесняется другим, луч-

шим способом — посредством знаков, воспринимаемых органами чувств. Но более старый метод может сохраниться, оставаясь на заднем плане и при определенных условиях, например, в страстно возбужденных массах замещая новый. Все это еще неопределенно и полно неразрешенных загадок, но пугаться здесь нечего.

Если телепатия существует как реальный процесс, то можно предположить, что, несмотря на ее трудную доказуемость, это довольно распространенный феномен. Нашим ожиданиям соответствовало бы, если бы мы ее обнаружили в душевной жизни ребенка. Тут можно вспомнить о часто встречающихся страхах детей, что родителям известны все их мысли, хотя они их им не сообщали, — полная аналогия, а может, и источник веры взрослых во всеведение Бога. Недавно одна достойная доверия дама, Дороти Барлингем, сообщила в своем сочинении «Детский анализ и мать» (1932) о наблюдениях, которые, если они подтвердятся, должны положить конец последним сомнениям в реальности передачи мыслей. Использовав нередкую теперь ситуацию, когда мать и ребенок одновременно находятся в анализе, она рассказала об одном из примечательных случаев, происшедших с ней: однажды на аналитическом сеансе мать рассказала о золотой вещице, которая играла определенную роль в одной из ее детских сцен. Сразу после этого, когда она вернулась домой, ее маленький десятилетний мальчик пришел к ней в комнату и принес ее золотую вещицу, которую она должна хранить для него. Она удивленно спрашивает, откуда у него эта вещица. Он получил ее в подарок ко дню рождения, но день рождения ребенка был несколько месяцев тому назад, и не было никакого повода, чтобы именно сейчас ребенок вспомнил об этой золотой вещице. Мать договаривается с женщиной-аналитиком ребенка о встрече и просит ее выяснить у ребенка причины его поступка. Но в аналитической работе с ребенком не удается найти никакого объяснения, в тот день действие ворвалось в жизнь ребенка как инородное тело. Несколько недель спустя мать садится за письменный стол записать данное переживание, о чем ее попросили. Тут входит мальчик и просит золотую вещицу обратно, он хочет взять ее с собой на аналитический сеанс, чтобы показать ее. Анализ опять-таки не дал объяснения этому желанию.

Вот мы и вернулись назад к психоанализу, с которого начали.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

Разделение психической личности[1]

Уважаемые дамы и господа! Я знаю, что в своих отношениях, будь то с людьми или с вещами, вы понимаете, как важно определить исходный пункт. Так же было и с психоанализом: для развития, которое он получил, для признания, которое он встретил, было небезразлично, что он начался с работы над симптомом — наиболее чуждого для Я элемента, который только можно найти в душе. Симптом происходит от вытесненного, проявлением которого он одновременно выступает перед Я, однако вытесненное для Я — это чужая страна, внутренняя заграница, тогда как реальность — если позволите такое непривычное выражение — это внешняя заграница. От симптома путь лежал к бессознательному, к жизни влечений, к сексуальности, и это было время, когда психоанализ сталкивался с глубокомысленными возражениями, что человек — не только сексуальное существо, ему ведомы и более благородные, более высокие побуждения. Можно было бы добавить, что, вдохновленный сознанием этих более высоких побуждений, он часто считает себя вправе думать чепуху и пренебрегать фактами.

Вам лучше знать, что с самого начала у нас считалось: человек заболевает вследствие конфликта между требованиями влечений и сопротивлением, которое в нем поднимается против них, и мы ни на мгновение не забывали об этой сопротивляющейся, отклоняющей, вытесняющей инстанции, которая, как мы полагали, наделена особыми силами — влечениями Я, и которая совпадает с Я популярной психологии. Только ведь при всех трудностях на пути к успеху научной работы психоанализу тоже было не под силу исследовать одновременно все области и высказываться на одном дыхании по всем проблемам сразу. Наконец, мы продвинулись настолько, что смогли направить свое внимание с вытесненного на вытесняющее и встать перед этим Я, ка-

---

[1] [Материал этой лекции взят в основном из глав I, II, III и V работы «Я и Оно» (1923*b*); в лекции, однако, некоторые пункты даются в расширенном изложении.]

завшимся таким само собой разумеющимся, в полном убеждении, что мы и здесь встретим нечто, к чему мы окажемся не подготовлены; однако было нелегко найти первый подход. Вот об этом-то я и хочу вам сегодня рассказать!

Однако я предполагаю, что мое изложение психологии Я подействует на вас иначе, чем введение в психическую преисподнюю, предшествовавшее ему. Почему это так, с уверенностью сказать не могу. Сначала мне казалось, что вы подумаете, будто ранее я преимущественно сообщал вам факты, пусть непривычные и своеобразные, тогда как в этот раз вам предстоит услышать главным образом концепции, то есть умозрительные построения. Однако это не так; взвесив все более основательно, я заявляю, что доля мыслительной обработки фактического материала в нашей психологии Я ненамного больше, чем в психологии неврозов. Другие обоснования моего ожидания я также должен был отбросить; теперь я полагаю, что это как-то связано с характером самого материала и с тем, что мы не привыкли с ним обращаться. Все же я не буду удивлен, если вы в своем суждении проявите еще большую сдержанность и осторожность, чем до сих пор.

Ситуация, в которой мы находимся к началу нашего исследования, должна сама указать нам путь. Мы хотим сделать предметом этого исследования Я, наше самое что ни на есть собственное Я. Но возможно ли это? Я ведь является самым что ни на есть подлинным субъектом, как же оно может стать объектом? Теперь нет сомнений, что это возможно. Я может взять себя в качестве объекта, обращаться с собой, как с другими объектами, наблюдать себя, критиковать и еще Бог знает что с самим собой делать. При этом одна часть Я противопоставляется остальным. Стало быть, Я поддается расщеплению, оно разделяется в некоторых своих функциях, хотя бы временно. Затем части могут вновь объединяться. Это само по себе не ново, возможно, непривычное видение общеизвестных вещей. С другой стороны, мы знакомы с точкой зрения, что патология своими преувеличениями и огрублениями может привлечь наше внимание к нормальным отношениям, которые иначе ускользнули бы от нас. Там, где она обнаруживает слом или разрыв, в нормальном состоянии может быть расчленение. Если бросить кристалл на землю, он разобьется не любым произвольным образом, а распадется по направлениям своих трещин на куски, грани которых, хотя и невидимо, уже пре-

допределены структурой кристалла. Такие треснутые и расколовшиеся структуры представляют собой душевнобольные. Мы не можем отказать им в чем-то вроде почтительного страха подобного тому, который испытывали древние народы перед сумасшедшими. Они отвернулись от внешней реальности, но именно потому они больше знают о внутренней, психической реальности, и могут нам поведать нечто такое, что иначе нам было бы недоступно. Об одной группе этих больных мы говорим, что они страдают бредом наблюдения. Они жалуются нам, что неукоснительно и вплоть до самых интимных актов находятся под тягостным наблюдением неизвестных сил, вероятно, каких-то людей, и слышат в галлюцинациях, как эти люди сообщают результаты своих наблюдений: «Сейчас он хочет сказать это, вот он одевается, чтобы выйти, и т. д». Это наблюдение — еще не то же самое, что преследование, но недалеко от него; оно предполагает, что человеку не доверяют, как будто стремясь подловить его на запретных действиях, за которые он должен быть наказан. Что, если эти сумасшедшие были бы правы, если бы у всех нас в Я имелась такая инстанция, наблюдающая и угрожающая наказанием, которая у них лишь резко отделена от Я и ошибочно помещена во внешнюю реальность?

Не знаю, произойдет ли с вами то же, что и со мной: с тех пор, как под сильным впечатлением этой картины болезни, мне пришло в голову, что обособление некой наблюдающей инстанции от остального Я может быть закономерной чертой в структуре Я, идея эта меня не покидала, и я вынужден был заняться изучением других характерных особенностей и связей этой обособленной инстанции. Вскоре был сделан следующий шаг. Само содержание бреда наблюдения свидетельствует, что наблюдение — лишь подготовка к суду и наказанию, и таким образом мы узнаем, что у этой инстанции должна быть и другая функция, которую мы называем своей совестью. Вряд ли у нас найдется что-либо другое, что мы столь регулярно отделяли бы от своего Я и так легко противопоставляли бы ему, как совесть. Я замечаю склонность сделать что-то, что обещает мне наслаждение, но отказываюсь от этого на том основании, что моя совесть это не позволяет. Или, поддавшись сверхсильному стремлению к наслаждению, я позволил себе сделать что-то вопреки голосу своей совести, после чего совесть наказывает меня болезненными упреками, заставляя раскаиваться в со-

вершении этого действия. Я мог бы просто сказать, что особая инстанция, которую я начинаю различать в Я, — это совесть, но более осторожным было бы считать эту инстанцию самостоятельной и предположить, что совесть составляет одну из ее функций, а самонаблюдение как неотъемлемая предпосылка судебной деятельности совести — другая ее функция. А поскольку признание отдельного существования какой-либо вещи подразумевает, что мы даем ей некое имя, то отныне я буду называть эту инстанцию в Я «Сверх-Я». А теперь я жду, что вы насмешливо спросите меня: не сводится ли вообще наша психология Я к буквальному пониманию общеупотребительных абстракций, к огрублению их и превращению из понятий в предметы, что само по себе мало продуктивно. Отвечу: в психологии Я трудно избежать общеизвестного, здесь речь идет скорее о новом понимании и классификации, чем о новых открытиях. Так что оставайтесь пока при своей уничтожающей критике и подождите дальнейших рассуждений. Факты патологии дают нашим исследованиям некую основу, которой не располагает популярная психология. Далее. Едва мы свыклись с идеей такого Сверх-Я, которое пользуется определенной самостоятельностью, реализует собственные намерения и обладает собственной, независимой от Я энергией, как перед нами с неизбежностью встает картина болезни, в которой отчетливо обнаруживается строгость, даже жестокость этой инстанции и изменение ее отношения к Я. Я имею в виду состояние меланхолии[1], вернее, приступа меланхолии, о котором и вы достаточно много слышали, даже если вы не психиатры. В этом страдании, о причинах и механизмах которого мы знаем слишком мало, наиболее характерной чертой является способ, каким Сверх-Я, — вы можете про себя сказать: совесть — обращается с Я. В то время как меланхолик в здоровом состоянии может быть более или менее строг к себе как любой другой, в приступе меланхолии Сверх-Я становится сверхстрогим, ругает, унижает, истязает бедное Я, заставляя его ожидать тяжелейших наказаний, упрекает его за давно прошедшие дела, которые когда-то воспринимались легко, как будто оно все это время собирало обвинения и только выжидало своего часа, прироста своих сил, чтобы выступить с этими обвинениями и на

[1] [Пользуясь современной терминологией, мы бы сказали «депрессия».]

их основании вынести приговор. Сверх-Я предъявляет строжайшие моральные критерии к отданному в его распоряжение беспомощному Я, оно вообще представляет собой требования морали, и мы сразу понимаем, что наше моральное чувство вины есть выражение напряжения между Я и Сверх-Я. Это весьма примечательный опыт: считать мораль, данную, казалось бы, от бога и столь глубоко укоренившуюся. [у таких пациентов] периодическим феноменом. Потому что через определенное количество месяцев все моральное наваждение проходит, критика Сверх-Я успокаивается, Я реабилитируется и снова пользуется всеми правами человека вплоть до следующего приступа. Правда, при некоторых формах заболевания в промежутках имеет место нечто противоположное: Я находится в состоянии счастливого упоения, оно торжествует, как будто Сверх-Я утратило все силы или слилось с Я, и это освободившееся маниакальное Я позволяет себе действительно безудержное удовлетворение всех своих прихотей. Процессы, полные неразрешенных загадок!

Вы ожидаете, конечно, чего-то большего, нежели простая иллюстрация, поскольку я объявил, что мы кое-что узнали об образовании Сверх-Я и, стало быть, о возникновении совести. Основываясь на известном высказывании Канта, соединяющем нашу совесть со звездным небом, человек благочестивый мог бы, пожалуй, почувствовать искушение почитать оба их как прекрасные создания творца. Небесные тела, конечно, великолепны, но что касается совести, то здесь Бог потрудился не столь уж много и притом небрежно, потому что подавляющее большинство людей получило ее лишь в скромных размерах или едва ли не столько, что об этом не стоит и говорить. Мы ни в коей мере не отрицаем ту часть психологической истины, которая содержится в утверждении о божественном происхождении совести, но это положение нуждается в истолковании. Если совесть тоже является чем-то «в нас», то это ведь не с самого начала. Это — полная противоположность сексуальной жизни, которая действительно присутствует с самого начала жизни, а не добавляется впоследствии. Но известно, что маленький ребенок аморален, у него нет никаких внутренних торможений против стремлений к удовольствию. Роль, которую позднее принимает на себя Сверх-Я, исполняется сначала внешней силой, родительским авторитетом. Родительское влияние на ребенка основано на проявлениях люб-

ви и угрозе наказаний, которые доказывают ребенку утрату любви и сами по себе должны вызывать страх. Этот реальный страх — предшественник более позднего страха совести: пока он господствует, нет смысла говорить о Сверх-Я и о совести. Только впоследствии образуется вторичная ситуация, которую мы слишком охотно принимаем за нормальную, когда внешнее сдерживание становится внутренним и место родительской инстанции занимает Сверх-Я, которое точно так же наблюдает за Я, руководит им и угрожает ему, как раньше это делали родители в отношении ребенка.

Сверх-Я, перенимая таким образом власть, действия и самые методы родительской инстанции, становится не только ее преемником, но и действительно законным прямым наследником. Оно и выходит прямо из нее, и скоро мы узнаем, каким путем. Но прежде мы должны остановиться на рассогласовании между ними. Кажется, что Сверх-Я односторонне усваивает лишь твердость и строгость родителей, их запрещающую и наказывающую функцию, в то время как их исполненная любви забота не находит места и продолжения. Если родители действительно придерживались методов строгого воспитания, то кажется вполне понятным, что и у ребенка развивается строгое Сверх-Я, однако вопреки ожиданиям опыт показывает, что Сверх-Я может быть таким же неумолимо жестким и в тех случаях, когда воспитание было мягким и добрым, по возможности избегающим угроз и наказаний. Позднее мы вернемся к этому противоречию, когда будем говорить о превращениях влечений при образовании Сверх-Я.

О преобразовании родительского отношения в Сверх-Я мне трудно сказать вам столько, сколько хотелось бы: отчасти потому, что этот процесс так запутан, что его изложение не помещается в рамки введения, которое я хочу вам дать, а с другой стороны, потому, что мы сами не считаем, что полностью поняли его. Итак, довольствуйтесь следующими разъяснениями. Основой этого процесса является так называемая идентификация, то есть уподобление собственного Я чужому, вследствие чего первое Я в некоторых отношениях ведет себя как это другое, подражает ему, в известной степени принимает его в себя. Идентификацию не без оснований можно сравнить с оральным, каннибальским поглощением чужой личности. Идентификация — весьма важная форма связи с другим лицом, вероятно, самая пер-

воначальная, отличная от выбора объекта. Различие можно выразить приблизительно так: если мальчик идентифицируется с отцом, то он хочет *быть* таким, как его отец; если он делает отца объектом своего выбора, то он хочет *иметь* его, владеть им; в первом случае его Я меняется по образу отца, во втором это не обязательно. Идентификация и выбор объекта по большому счету независимы друг от друга: однако возможна идентификация, то есть соответствующее изменение своего Я, именно с тем лицом, которое выбирается, например, в качестве сексуального объекта. Говорят, что влияние на Я через сексуальный объект особенно часто происходит у женщин и характерно для женственности. О наиболее поучительном соотношении между идентификацией и выбором объекта я уже говорил вам как-то в предыдущих лекциях. Его легко наблюдать как у детей, так и у взрослых, как у нормальных, так и у больных людей. Когда объект утрачен или от него приходится отказаться, довольно часто потеря возмещается тем, что индивид идентифицируется с ним, восстанавливая его в своем Я, так что здесь выбор объекта как бы регрессирует к идентификации[1].

Сам я не вполне доволен этими рассуждениями об идентификации, но будет достаточно, если вы поверите мне, что введение в действие Сверх-Я может быть описано как успешная идентификация с родительской инстанцией. Решающим для данной точки зрения является тот факт, что образование новой вышестоящей инстанции в Я теснейшим образом связано с судьбой эдипова комплекса, так что Сверх-Я является наследием этой столь значимой для детства эмоциональной связи. Мы понимаем, что по мере созревания эдипова комплекса ребенок должен отказаться от интенсивного катексиса родительских объектов, а для компенсации этой потери объектов в его Я очень усиливаются давно имевшиеся идентификации с родителями. Такие идентификации, являющиеся отражением утраченного катексиса объектов, позднее достаточно часто повторяются в жизни ребенка, но эмоциональной ценности первого случая такой замены совершенно соответствует то, что ее результат занимает в Я особое место. Детальное исследование

---

[1] [В предыдущих лекциях на это имеются лишь весьма скудные указания (см. 26-ю лекцию). Об идентификации речь идет в главе 7 работы «Психология масс и анализ Я» (1921*c*); формирование Сверх-Я подробно обсуждается в «Я и Оно» (1923*b*), глава 3.]

учит нас также, что Сверх-Я хиреет и теряет силу и завершенность, если преодоление эдипова комплекса удается не полностью. В ходе развития на Сверх-Я влияют и те лица, которые выступают заместителями родителей, то есть воспитатели, учителя, идеальные примеры. Обычно оно все более отдаляется от первоначальных индивидуальностей родителей, становясь, так сказать, все более безличным. Не следует забывать также, что ребенок по-разному оценивает своих родителей на разных этапах жизни. К тому времени, когда эдипов комплекс расчищает место для Сверх-Я, они представляют собой нечто совершенно замечательное, а впоследствии очень многого лишаются. Идентификации с этими более поздними родителями тоже имеют место и даже вносят важный вклад в формирование характера, однако это касается только Я и не влияет на Сверх-Я, которое было сформировано более ранними образами родителей.

Надеюсь, у вас уже сложилось впечатление, что, вводя понятие Сверх-Я, мы действительно описываем структурное отношение, а не просто персонифицируем такую абстракцию, как совесть. Нам надо рассмотреть еще одну важную функцию, которой мы наделяем Сверх-Я. Оно является еще и носителем Я-идеала, с которым Я себя сравнивает и к которому стремится, чей призыв к постоянному совершенствованию Я старается выполнить. Несомненно, этот Я-идеал представляет собой отражение старого представления о родителях, выражение удивления их совершенством, которое ребенок им тогда приписывал[1].

Я знаю, вы много слышали о чувстве неполноценности, которое характерно именно для невротиков. Этот призрак обитает в так называемой художественной литературе. Писатель, употребивший словосочетание «комплекс неполноценности», считает, что этим он вполне удовлетворил всем требованиям психоанализа и поднял свое изложение на более высокий психологический уровень. В действительности искусственное словосочетание «комплекс неполноценности» почти не применяется в психоанализе. Оно не означает для нас чего-то простого, тем более элементарного. Сводить его к самовосприятию возможного недоразвития органов, как это любят делать представители школы так на-

---

[1] [Здесь Фрейд различает (как и в 26-й лекции) Сверх-Я и Я-идеал. В других работах, например, в «Я и Оно» (1923) он употребляет оба термина синонимически.]

зываемой индивидуальной психологии[1], кажется нам недальновидным заблуждением. Чувство неполноценности имеет сильные эротические корни. Ребенок чувствует себя неполноценным, если замечает, что он нелюбим, точно так же и взрослый. Единственный орган, который действительно может рассматриваться как неполноценный, это недоразвитый пенис — клитор девочки. Но главная часть чувства неполноценности возникает из отношения Я к своему Сверх-Я, являясь, точно так же, как чувство вины, выражением напряжения между ними. Чувство неполноценности и чувство вины вообще трудно отделить друг от друга. Возможно, было бы лучше считать первое эротическим дополнением к чувству моральной неполноценности. Этому вопросу разграничения понятий мы в психоанализе уделяли мало внимания.

Именно потому, что комплекс неполноценности стал так популярен, я позволю себе сделать здесь небольшое отступление. У некоего исторического деятеля нашей эпохи который еще жив, хотя и отошел на задний план, вследствие родовой травмы имело место некоторое недоразвитие одного члена. Один очень известный писатель, наш современник, охотнее всего пишущий биографии выдающихся людей, обратился к жизнеописанию этого упомянутого мной человека[2]. Но трудно, должно быть, подавить в себе потребность углубиться в психологию, когда пишешь биографию. Поэтому наш автор отважно попытался построить все развитие характера героя на чувстве неполноценности, вызванном этим физическим дефектом. Но при этом он упустил один маленький, но немаловажный факт. Обычно матери, которым судьба посылает больного или увечного ребенка, стараются возместить эту несправедливость своей чрезмерной любовью. В данном случае гордая мать повела себя по-другому, она отказала ребенку в любви из-за его недостатка. Когда он сделался могущественным человеком, то всеми своими действиями недвусмысленно доказал, что так никогда и не простил мать. Если вы вспомните о том значении, которое имеет материнская любовь для детской душевной жизни, вы сможете мысленно внести поправки в теорию неполноценности биографа.

---

[1] [Их взгляды обсуждаются в 34-й лекции.]

[2] [«Вильгельм II» Эмиля Людвига (1926).]

Вернемся опять к Сверх-Я! Мы отнесли к нему самонаблюдение, совесть и функцию идеала[1]. Из наших рассуждений о его возникновении вытекает, что его предпосылкой является несказанно важный биологический, равно как и определяющий судьбу психологический факт, а именно — длительная зависимость ребенка от своих родителей и эдипов комплекс, которые опять-таки внутренне связаны между собой. Сверх-Я выступает для нас как представительство всех моральных ограничений, как поборник стремления к совершенствованию, короче, тем, что нам стало психологически доступно из всего так называемого возвышенного в человеческой жизни. Поскольку само оно восходит к влиянию родителей, воспитателей и им подобных, мы еще больше узнаем о его значении, обратившись к этим его источникам. Как правило, родители и аналогичные им авторитеты следуют в воспитании ребенка предписаниям собственного Сверх-Я. Какие бы отношения ни сложились между их Я и Сверх-Я, в воспитании ребенка они строги и требовательны. Они забыли трудности собственного детства, довольны, что теперь могут полностью идентифицироваться со своими родителями, которые в свое время налагали на них суровые ограничения. Так что Сверх-Я ребенка строится не по образу родителей, а по родительскому Сверх-Я; оно наполняется тем же содержанием, становится носителем традиции и неподвластных времени ценностей, передающихся таким путем от одного поколения к другому. Легко догадаться, сколь важную помощь для понимания социального поведения человека, например, для понимания беспризорности, или даже практические советы по воспитанию может дать понятие Сверх-Я. Наверно, так называемые материалистические воззрения на историю грешат недооценкой этого фактора. Они отделываются от него замечанием, что «идеологии» людей — не что иное, как результат и надстройка актуальных экономических отношений. Это правда, однако, весьма вероятно, не вся правда. Человечество никогда не живет полностью в настоящем, в идеологиях Сверх-Я продолжает жить прошлое, традиции расы и народа, которые лишь медленно поддаются влияниям современности, новым изменениям и, действуя через Сверх-Я, играют в человеческой жизни большую роль, независимую от экономических отношений.

[1] [См. прим. 1 на с. 493.]

В 1921 году при изучении психологии масс я попытался использовать дифференциацию Я и Сверх-Я. Я пришел к такой формуле: «Психологическая масса есть объединение отдельных людей, которые ввели в свое Сверх-Я одно и то же лицо и на основе этой общности в своем Я идентифицировались друг с другом»[1]. Конечно, это справедливо лишь для масс, имеющих вождя. Будь у нас побольше таких примеров, понятие Сверх-Я утратило бы для нас последние элементы чуждости, и мы освободились бы от той скованности, которая все еще охватывает нас, привыкших к атмосфере преисподней, при движении в более поверхностных, высоких слоях душевного аппарата. Разумеется, мы не считаем, что, выделив Сверх-Я, мы сказали последнее слово в психологии Я. Скорее, это лишь начало, но в данном случае не только начало трудно.

Теперь нас ждет еще одна проблема, так сказать, с противоположного конца Я. Она возникла из одного наблюдения в ходе аналитической работы, наблюдения, впрочем, очень старого. Как это часто бывает, понадобилось много времени, прежде чем оно было оценено. Как вы знаете, вся психоаналитическая теория строится, собственно, на наблюдении за сопротивлением, которое оказывает нам пациент при попытке сделать бессознательное осознанным. Объективным признаком сопротивления является прерывание хода ассоциаций пациента или же их чрезмерное удаление от обсуждаемой темы. Пациент может и субъективно распознать сопротивление, когда замечает ощущения стыда при приближении к теме. Однако этот последний признак может и отсутствовать. Тогда мы говорим пациенту, что из его поведения мы заключаем, что сейчас он находится в состоянии сопротивления, а он отвечает, что ничего об этом не знает и замечает лишь затруднение в ходе ассоциаций. Оказывается, мы были правы, но только его сопротивление было тогда неосознанным, точно так же, как и вытесненное, над извлечением которого мы работали. Следовало бы давно поставить вопрос: из какой части его душевной жизни исходит это бессознательное сопротивление? Новичок в психоанализе быстро даст ответ: это как раз и есть сопротивление бессознательного. Двусмысленный, неприемлемый ответ! Если под этим подразумевается, что оно исходит из вытесненного, то мы должны сказать: отнюдь нет! Вытесненному мы должны

[1] [«Психология масс» (1921*c*), гл. VIII.]

приписать скорее сильное побуждение, стремление пробиться в сознание. Сопротивление может быть лишь проявлением Я, которое в свое время осуществило вытеснение и теперь хочет его поддерживать. Так мы и раньше всегда понимали это. С того времени, как мы предполагаем наличие в Я отдельной инстанции, которая представляет ограничивающие и отвергающие требования, то есть Сверх-Я, мы можем сказать, что вытеснение является делом этого Сверх-Я, оно либо осуществляет вытеснение само, либо поручает выполнение этого задания послушному Я. И если мы имеем дело с таким случаем, когда сопротивление в анализе не осознается, то это означает, что или Сверх-Я и Я в некоторых крайне важных ситуациях работают бессознательно, или, что еще существеннее, что какие-то части того и другого, Я и Сверх-Я, являются бессознательными. В обоих случаях мы должны принять к сведению безрадостное понимание того, что (Сверх-)Я и сознательное, с одной стороны, и вытесненное и бессознательное, с другой стороны, никоим образом не совпадают.

Уважаемые дамы и господа! Я чувствую потребность сделать передышку, которой и вы, наверно, будете рады, но, прежде чем продолжать, хочу перед вами извиниться. Я хочу сделать дополнения к введению в психоанализ, которое я начал пятнадцать лет тому назад, и вынужден вести себя так, будто и вы в этот промежуток времени ничем иным, кроме психоанализа, не занимались. Я знаю, что это неуместное требование, но я беспомощен, я не могу действовать иначе. И связано это с тем, что вообще очень трудно дать представление о психоанализе тому, кто сам не является психоаналитиком. Можете мне поверить, мы не стремимся произвести впечатление, будто мы члены тайного общества и занимаемся какой-то тайной наукой. И все же мы должны признать и заявить наше убеждение, что никто не имеет права вмешиваться в разговор о психоанализе, не получив определенного опыта, который можно приобрести только при анализе своей собственной личности. Когда я читал вам лекции пятнадцать лет тому назад, я стремился уберечь вас от некоторых умозрительных моментов нашей теории, однако именно с ними связаны новые результаты, о которых я хочу сказать сегодня.

Возвращаюсь назад к теме. Наше сомнение, могут ли Я и Сверх-Я сами быть бессознательными или они только способны запускать бессознательные действия, мы с полным основанием решаем в пользу первой возможности. Да, зна-

чительные части Я и Сверх-Я могут оставаться бессознательными, обычно являются бессознательными. Это значит, что личность ничего не знает об их содержании и ей требуются определенные затраты усилий, чтобы сделать их сознательными. Оказывается, что Я и сознательное, вытесненное и бессознательное не совпадают. Нам потребовалось основательно пересмотреть свою установку в отношении проблемы сознательное — бессознательное. Сперва мы были склонны существенно понизить значимость критерия сознательности, поскольку он оказался столь ненадежным. Но это было бы неправильно. Это так же, как с нашей жизнью: она не слишком многого стоит, но это все, что у нас есть. Не будь этого света осознанности, мы бы потерялись во тьме глубинной психологии; но мы вправе попытаться сориентироваться по-новому.

То, что должно называться сознательным, нам обсуждать не нужно, здесь нет никаких сомнений. Самое старое и самое лучшее значение слова «бессознательный» — описательное: мы называем бессознательным психический процесс, существование которого мы должны предположить, поскольку выводим его из его действий, и о котором мы ничего не знаем. Далее, мы имеем к нему такое же отношение, как и к психическому процессу другого человека, с той лишь разницей, что он является нашим собственным. Если мы хотим быть еще точнее, то следует изменить предложение следующим образом: мы считаем бессознательным некий процесс, если мы вынуждены предположить, что он активизировался *в данный момент*, хотя в *данный момент* мы ничего о нем не знаем. Это ограничение позволяет думать, что большинство сознательных процессов сознательны лишь короткое время; очень скоро они становятся *латентными*, однако легко могут вновь стать сознательными. Мы могли бы сказать также, что они стали бессознательными, если бы вообще были уверены, что в состоянии латентности они еще являются чем-то психическим. Но таким образом мы не узнали бы ничего нового и не получили бы даже права ввести понятие бессознательного в психологию. Но тут появляется новый опыт, который дает о себе знать уже на примере ошибочных действий. Например, для объяснения какой-то оговорки приходится предположить, что у допустившего ее сформировалось определенное речевое намерение. Мы с полной уверенностью угадываем его по происшедшей в речи ошибке, но оно не осуществляется, оно было бессознательным. Когда мы впослед-

ствии сообщаем его говорившему и он может признать это намерение как нечто ему знакомое, то, значит, оно было бессознательным лишь временно; если же он будет отрицать это намерение как чуждое ему, то, значит, оно было бессознательным постоянно[1]. На основе этого опыта, мы, возвращаясь к сказанному, получаем право объявить бессознательным и то, что было обозначено как латентное. Учитывая эти динамические отношения, мы теперь можем выделить два вида бессознательного: одно, которое при часто повторяющихся условиях легко превращается в сознательное, и другое, которое поддается преобразованию в сознательное лишь с трудом и при значительных затратах усилий, а может быть, и никогда. С целью избежать двусмысленности относительно того, подразумеваем ли мы одно или другое бессознательное, употребляем ли слово в описательном или динамическом смысле, договоримся использовать простое различительное обозначение. То бессознательное, которое является лишь латентным и легко становится сознательным, мы назовем предсознательным, а название «бессознательное» сохраним для другого. Теперь у нас есть три термина: сознательный, предсознательный, бессознательный, которых достаточно для описания душевных явлений. Еще раз: чисто описательно предсознательное является бессознательным, но мы его так не называем, разве что только в свободном изложении или когда нужно защитить существование бессознательных процессов вообще в душевной жизни.

Надеюсь, вы согласитесь, что пока все это не так уж запутанно и пригодно к употреблению. Однако, к сожалению, в психоаналитической работе обнаруживается настоятельная потребность употреблять слово «бессознательный» еще в одном, третьем смысле, и это может вызывать путаницу. Под новым и сильным влиянием того, что обширная и важная область душевной жизни обычно скрыта от знания Я, так что протекающие в ней процессы следует считать бессознательными в подлинном динамическом смысле, мы применяем термин «бессознательный» также и в топическом или систематическом смысле, говоря о системах предсознательного и бессознательного, о конфликте Я с системой бессознательного, таким образом позволяя этому слову обозначать скорее область души, нежели качество психики. Неудобное само по себе открытие, что некоторые части Я и Сверх-Я в динами-

[1] [Ср. 4-ю лекцию.]

ческом отношении бессознательны, здесь мы воспринимаем как облегчение, позволяющее нам устранить осложнение. Мы видим, что не имеем права называть чуждую Я область души системой бессознательного, так как неосознанность не есть исключительно ее характеристика. Хорошо, не будем больше употреблять слово «бессознательный» в систематическом смысле, и дадим тому, что мы так прежде обозначали, лучшее, не допускающее неправильного толкования имя. Вслед за Ницше и по примеру Г. Гроддека (1923) будем впредь называть его Оно. Это безличное местоимение кажется особенно подходящим для выражения основного характера этой области души, ее чуждости Я. Сверх-Я, Я и Оно — вот три царства, области, провинции, на которые мы разделим психический аппарат личности и взаимоотношениями которых мы займемся в дальнейшем.

Но прежде одна короткая вставка. Полагаю, вы недовольны тем, что три качества сознательного и три области душевного аппарата не сочетаются в три мирные пары, считая это чем-то омрачающим наши результаты. Я думаю, однако, не стоит об этом сожалеть, а нужно сказать себе, что мы не вправе ожидать такого гладкого соподчинения. Позвольте мне привести одно сравнение, хоть сравнения ничего и не решают, они позволяют нам скорее освоиться. Я представляю себе страну с разнообразным рельефом — холмами, равниной и цепями озер, со смешанным населением — в ней живут немцы, мадьяры и словаки, которые к тому же занимаются различной деятельностью. Представьте, что распределение могло бы быть таким: на холмах живут немцы, они скотоводы, на равнине — мадьяры, которые растят хлеб и виноград, на озерах — словаки, которые ловят рыбу и плетут тростник. Если бы это распределение было гладким и четким, то Вильсон был бы рад[1]; это было бы удобно также для сообщения на уроке географии. Но, вероятно, путешествуя по этой стране, вы найдете здесь

[1] [Здесь следует упомянуть, что Фрейд приблизительно за год до написания этой лекции работал, совместно с У. К. Буллитом (тогдашним американским послом в Берлине) над психологическим исследованием, посвященным президенту Вудро Вильсону, способность которого к вынесению суждений Фрейд оценивал весьма критически. Лишь в 1966 году Буллитом была опубликована работа о Вильсоне на английском языке, в которой, хотя и прослеживается влияние идей Фрейда, не считая «Введения», не содержится ни одного написанного им фрагмента.]

меньше порядка и больше разнообразия. Немцы, мадьяры и словаки всюду живут вперемежку, на холмах тоже есть пашни, а скот держат также и на равнине. Кое-что, естественно, отвечает вашим ожиданиям, то есть в горах не ловят рыбу, а в воде не растет виноград. Да, представление о местности, с которым вы приехали, в общем и целом будет соответствовать действительности, в частностях же вы допустите отклонения.

Не ждите, что об Оно, кроме нового названия, я смогу сообщить вам много нового. Это темная, недоступная часть нашей личности; то немногое, что о ней известно, мы получили, изучая работу сновидения и образование невротических симптомов, и большинство этих сведений носят негативный характер и описываются через противопоставление Оно и Я. Мы приближаемся к Оно путем сравнений, называем его хаосом, котлом, полным бурлящих возбуждений. Мы представляем себе, что одним своим краем оно открыто соматическому, вбирая в себя инстинктивные потребности, которые находят в нем свое психическое выражение[1], но в каком субстрате, сказать невозможно. От влечений Оно наполняется энергией, но не имеет организации, не обладает общей волей, проявляя лишь стремление удовлетворить инстинктивные потребности при соблюдении принципа удовольствия. Для процессов в Оно не действительны логические законы мышления, прежде всего тезис о противоречии. Противоположные побуждения существуют друг подле друга, не отменяя и не ослабляя друг друга, в лучшем случае они объединяются в компромиссные образования для разрядки энергии, подчиняясь экономическому принуждению. В Оно нет ничего, что можно было бы приравнять к отрицанию, и мы с удивлением обнаруживаем там исключение из известного философского положения, что пространство и время являются необходимыми формами наших душевных актов[2]. В Оно нет ничего, что соответствовало бы представлению о времени, отсутствует признание течения времени и – что в высшей степени поразительно и еще будет оценено по достоинству философами, – отсутствует изменение психического процесса с течением времени. Побуждения, которые никогда не выходили

---

[1] [Здесь Фрейд понимает влечения как нечто физическое, репрезентациями которого выступают душевные процессы.]

[2] [Здесь Фрейд подразумевает Канта.]

за пределы Оно, а также впечатления, которые вследствие вытеснения погрузились в Оно, виртуально бессмертны, спустя десятилетия они ведут себя так, будто возникли заново. Признать их принадлежность к прошлому, суметь обесценить их и лишить заряда энергии можно только в результате их осознания в ходе аналитической работы, и на этом в немалой степени основано терапевтическое действие аналитического лечения.

У меня все время возникает впечатление, что из этого не подлежащего сомнению факта неизменяемости вытесненного во времени мы мало что извлекли для нашей теории. Кажется, что именно здесь открывается подход к самому глубокому пониманию. К сожалению, я тоже не продвинулся здесь дальше.

Само собой разумеется, Оно не знает никаких оценок, никакого добра и зла, никакой морали. Экономический или, если хотите, количественный момент, внутренне связанный с принципом удовольствия, властвует над всеми процессами. Инстинктивные побуждения, требующие разрядки, полагаем мы, — вот все, что находится в Оно. Кажется даже, что энергия этих импульсов влечений находится в ином состоянии, чем в других областях души, она более подвижна и более способна к разрядке[1], поскольку иначе не могли бы происходить те смещения и сгущения, которые характерны для Оно и которые совершенно не зависят от качества того, во что — в Я мы бы назвали это представлением — эта энергия вкладывается. Чего бы мы только ни дали, чтобы побольше понимать в этих вещах! Впрочем, как видите, мы в состоянии назвать еще и другие свойства Оно, кроме того, что оно бессознательно, и вы соглашаетесь с тем, что части Я и Сверх-Я могут быть бессознательными, не имея указанных примитивных и иррациональных черт[2]. К характеристике собственно Я, насколько его можно обособить от Оно и Сверх-Я, мы, скорее всего, приблизимся, если примем во внимание его отношение к самой

---

[1] [Это различение часто встречается у Фрейда, как, например, в работе «Бессознательное» (1915*e*), где оно приписывается Брейеру и где Фрейд замечает: «Я думаю, это различение до сих пор представляет собой наше глубочайшее проникновение в сущность нервной энергии». Ср. также прим. на с. 525.]

[2] [Это описание Оно основано преимущественно на разделе 5 работы «Бессознательное» (1915*e*).]

внешней поверхностной части психического аппарата, которую мы обозначим как систему В-Сз[1]. Эта система обращена к внешнему миру, она опосредует его восприятия, во время ее функционирования в ней возникает феномен сознания. Это орган чувств всего аппарата, восприимчивый, однако, не только к возбуждениям, идущим извне, но и к поступающим из внутренней душевной жизни. Едва ли нужно дополнительно пояснять точку зрения, согласно которой Я, благодаря близости и влиянию внешнего мира, становится модифицированной частью Оно, предназначенной для восприятия раздражений и защите от них, и сравнима со слоем коры, которым окружен комочек живой субстанции. Решающим для Я стало отношение к внешнему миру, Я взяло на себя задачу представлять его перед Оно для блага Оно, которое, в слепом стремлении к удовлетворению влечений, не считаясь с этой сверхсильной внешней властью, было бы неминуемо уничтожено. Для выполнения этой функции Я должно наблюдать за внешним миром, откладывать его правильный образ в следах своих восприятий, путем проверки реальности удалять из этой картины внешнего мира то, что исходит из внутренних источников возбуждения. По поручению Оно Я управляет доступом к двигательной активности, но между потребностью и действием оно вставляет отсрочку для мыслительной работы[2], во время которой использует остатки воспоминаний из опыта. Таким способом принцип удовольствия, безраздельно господствующий в Оно, лишается трона и заменяется принципом реальности, который обещает больше безопасности и успеха.

Столь сложное для описания отношение ко времени также передается Я через систему восприятия; почти не подлежит сомнению, что способ работы этой системы дает начало представлению о времени[3]. Однако, что особенно отличает Я по сравнению с Оно, так это тяга к синтезу своих содержаний, к обобщению и унификации своих психических процессов, которого совершенно лишено Оно. Когда мы в следующий раз поведем разговор о влечениях в душевной жизни, нам, вероятно, удастся проследить источник

---

[1] [Восприятие-сознание.]

[2] [Дальнейшее обсуждение этой темы см. в 32-й лекции.]

[3] [Указание на то, как Фрейд представлял себе эту связь, содержится в его работе «Заметка о “чудо-блокноте”» (1925*a*).]

этой существенной характерной черты Я[1]. Она уже сама по себе создает высокую степень организации, необходимую для лучших достижений Я. Развитие Я идет от восприятия влечений к овладению ими, но последнее достигается только благодаря тому, что [психическое] выражение влечений[2] включается в большие объединения, в некоторую взаимосвязь. Пользуясь общепринятым языком, мы можем сказать, что Я в душевной жизни представляет здравый смысл и благоразумие, а Оно – необузданные страсти.

До сих пор нам импонировало перечисление преимуществ и способностей Я, теперь пришло время задуматься и об оборотной стороне. Я все же есть лишь часть Оно, часть, целесообразно измененная благодаря близости к грозящему опасностями внешнему миру. В динамическом отношении Я слабо, свою энергию оно заимствовало у Оно, и мы имеем некоторое представление о том, какими методами, можно сказать, уловками, оно продолжает отнимать энергию у Оно. Один из таких путей, например, – это идентификация с сохранившимися или утраченными объектами. Вложение энергии в объекты исходит из притязаний влечений Оно. Я сначала должно их зарегистрировать. Но, идентифицируясь с объектом, Я предлагает Оно себя в качестве объекта, желая направить либидо Оно на себя. Мы уже знаем, что в процессе жизни Я принимает в себя большое число остатков бывших объектных вложений. В целом, Я должно проводить в жизнь намерения Оно, оно выполняет свою задачу, когда находит обстоятельства, при которых эти намерения могут быть осуществлены наилучшим образом. Отношение Я к Оно можно было бы сравнить с отношением всадника к его лошади. Лошадь дает энергию для движения, всадник имеет преимущественное право определять цель и направлять движение сильного животного. Но между Я и Оно слишком часто складываются далеко не идеальные отношения, когда наездник должен направлять коня туда, куда тот сам хочет идти.

От одной части Оно Я отделилось посредством сопротивлений вытеснения. Однако вытеснение не продолжается в Оно. Вытесненное сливается с остальным Оно.

Поговорка предостерегает от служения двум господам. Бедному Я еще тяжелее, оно служит трем строгим господам,

---

[1] [На самом деле Фрейд больше не возвращался к этой теме в своих лекциях. Синтетическое свойство Я описано подробно в главе 3 работы «Торможение, симптом и тревога» (1926*d*).]

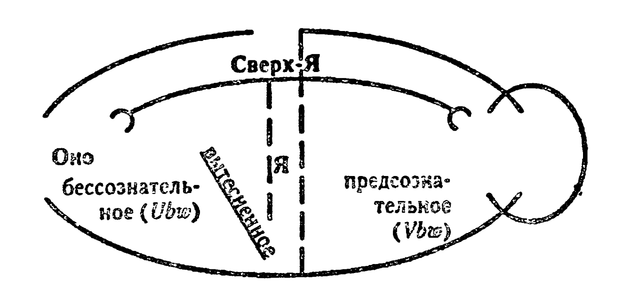
[2] [См. прим. на с. 515.]

стараясь привести их притязания и требования к согласию между собой. Эти притязания постоянно расходятся, часто кажутся несовместимыми: неудивительно, что Я часто не справляется со своей задачей. Тремя деспотами являются: внешний мир, Сверх-Я и Оно. Если проследить усилия Я, направленные на то, чтобы служить им одновременно, лучше сказать, слушаться их одновременно, то мы нимало не раскаиваемся в том, что представили это Я.в персонифицированном виде как некоторое отдельное существо. Оно чувствует себя зажатым с трех сторон, ему грозят три опасности, на которые оно, находясь в стесненном положении, реагирует возникновением тревоги. Благодаря своему происхождению из опыта системы восприятия, Я призвано представлять требования внешнего мира, но оно хочет быть и верным слугой Оно, пребывать с ним в согласии, предлагая ему себя в качестве объекта, привлекать его либидо на себя. В своем стремлении посредничать между Оно и реальностью Я часто вынуждено облачать бессознательные требования Оно в свои предсознательные рационализации, затушевывать конфликты Оно с реальностью, с дипломатичной неискренностью разыгрывать учет реальности, даже если Оно упорствует и остается непреклонным. С другой стороны, за каждым его шагом наблюдает строгое Сверх-Я, которое предписывает ему определенные нормы поведения, невзирая на трудности со стороны Оно и внешнего мира, и наказывает его в случае непослушания чувствами напряжения, неполноценности и сознанием вины. Так Я, приводимое в движение Оно, стесняемое Сверх-Я, отталкиваемое реальностью, борется за то, чтобы выполнить свою экономическую задачу – установить гармонию между силами и влияниями, которые действуют в нем и на него, и мы понимаем, почему так часто не можем подавить восклицания: жизнь нелегка! Когда Я приходится признать свою слабость, в нем возникает тревога, реальная тревога перед внешним миром, тревога совести перед Сверх-Я, невротическая тревога перед силой страстей в Оно.

Структурные отношения психической личности, изложенные вам, я хотел бы представить в непритязательном рисунке, который я вам здесь прилагаю[1].

---

[1] [Этот рисунок в первом издании «Нового цикла» располагался вертикально, как и в данном издании. Однако в «Собрании сочинений» и в «Собрании трудов» он был помещен в горизонтальном положении (ради экономии места).]

Вы видите, что Сверх-Я здесь погружено в Оно; будучи наследником эдипова комплекса Сверх-Я, конечно, имеет с ним интимные связи; оно располагается дальше от системы восприятия, чем Я. С внешним миром Сверх-Я сообщается только через Я, по крайней мере, на этой схеме. Сегодня, конечно, трудно сказать, насколько рисунок правилен: по крайней мере, в одном пункте это определенно не так. Пространство, которое занято бессознательным Оно, должно быть несравнимо больше, чем пространство Я или предсознательного. Прошу вас сделать мысленную поправку.

А теперь в заключение этих безусловно утомительных и, возможно, не вполне ясных рассуждений еще одно предостережение! Разделяя личность на Я, Сверх-Я и Оно, вы, конечно, не подразумеваете строгие границы, подобные тем, которые искусственно прочерчены в политической географии. Своеобразию психического более соответствуют не линейные контуры рисунка или примитивной живописи, а скорее расплывчатые цветовые пятна современных художников. После проведенного разграничения мы должны выделенное опять слить вместе. Не судите слишком строго о первой попытке сделать наглядным психическое, с таким трудом поддающееся постижению. Очень вероятно, что образование этих отдельных областей у различных лиц происходит с весьма значительными вариациями, возможно, что при функционировании они опять же изменяются и временами регрессируют. Это касается, в частности, филогенетически последнего и самого деликатного — дифференциации Я и Сверх-Я. Несомненно, что подобное вызывается психическим заболеванием. Также можно хорошо представить себе, что некоторыми мистическими практиками иногда удается опрокинуть нормальные отношения между этими отдельными областями психики, так что, например,

восприятие может уловить глубинные отношения Я и Оно, которые иначе были ему недоступны. В том, что нам на этом пути удастся достигнуть истины в последней инстанции, которая принесет всеобщее спасение, можно спокойно усомниться. Все же мы признаем, что терапевтические усилия психоанализа избрали себе схожую точку приложения. Ведь их цель как раз укрепить Я, сделать его более независимым от Сверх-Я, расширить поле его восприятия и так выстроить его организацию, чтобы оно могло освоить новые части Оно. Где было Оно, должно стать Я. Это культурная работа, наподобие осушения Зейдер-Зее.

ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Тревога и жизнь влечений

Уважаемые дамы и господа! Вы не удивитесь, услышав, что я собираюсь поведать вам много нового о нашем понимании страха и основных влечениях душевной жизни, равно как и узнав о том, что ничего из этого нового не претендует на окончательное решение возникающих проблем. Я вполне намеренно говорю здесь о понимании. Перед нами стоят труднейшие задачи, но трудность заключается не в недоступности наблюдений, так как феномены, задающие нам загадки, — как раз самые частые и распространенные; трудность и не в умозрительных построениях, к которым они побуждают, умозрительные рассуждения имеют в этой области небольшое значение. Речь идет о действительном понимании, то есть о введении правильных абстрактных представлений, применение которых к сырому материалу наблюдений позволит его упорядочить и прояснить.

Тревоге я уже посвятил одну из предшествующих лекций — двадцать пятую. В кратких словах повторю ее содержание. Мы говорили, что тревога — это аффективное состояние, то есть, соединение определенных ощущений ряда «удовольствие — неудовольствие» с соответствующими им иннервациями разрядки и их восприятием, но, вероятно,

также и отражение некоторого значимого события, запечатленного наследственно и потому сравнимого с индивидуально приобретенным истерическим припадком. В качестве события, оставившего такой аффективный след, мы взяли процесс рождения, при котором свойственные тревоге влияния на сердечную деятельность и дыхание были целесообразными. Таким образом, древнейшая тревога, видимо, могла быть токсической. Затем мы исходили из различения между реальным страхом и невротической тревогой, определяя первый как понятную нам реакцию на опасность, то есть на ожидаемый извне ущерб, а вторую — как совершенно загадочную в силу своей бесцельности. Анализируя реальный страх, мы свели его к состоянию повышенного сенсорного внимания и моторного напряжения, которые мы назвали *тревожной готовностью.* Из нее развивается реакция тревоги, в которой возможны два исхода: или *развитие тревоги* как повторение старого травматического переживания ограничивается сигналом, а остальная реакция может приспособиться к новой опасной ситуации и реализоваться в виде бегства или обороны, или же старое возьмет верх, вся реакция исчерпается развитием тревоги, и тогда аффективное состояние станет парализующим и нецелесообразным для настоящего момента.

Затем мы обратились к невротической тревоге и сказали, что рассматриваем ее в трех отношениях. Во-первых, как свободно плавающую тревогу, готовую временно присоединяться к любой появившейся возможности, как так называемый страх ожидания, типичный, например, для неврозов страха. Во-вторых, как жестко связанный с определенными содержаниями представлений в так называемых фобиях, при которых мы еще можем отследить связь с внешней опасностью, но страх перед ней нам кажется чрезмерно преувеличенным. Наконец, в-третьих, тревога при истерии и других формах тяжелых неврозов, которая либо сопровождает симптомы, либо проявляется независимо как приступ или продолжительное состояние, однако всегда без видимой обусловленности внешней опасностью. Тогда мы задались такими двумя вопросами: чего боится человек, испытывая невротическую тревогу? И как это можно соотнести с реальным страхом перед внешней опасностью?

Наши исследования были отнюдь не безуспешны, мы пришли к некоторым важным выводам. Что касается страха ожидания, клинический опыт научил нас усматривать его

закономерную связь с распределением либидо в сексуальной жизни. Самая обычная причина неврозов страха — это фрустрированное возбуждение. Либидинозное возбуждение вызвано, но не удовлетворено, не использовано. Место этого либидо, не нашедшего себе применения, занимает тревога. Я считаю, вполне оправданно полагать, что это неудовлетворенное либидо прямо преобразуется в тревогу. Такое понимание нашло подтверждение в некоторых распространенных фобиях маленьких детей. Многие из этих фобий совершенно загадочны, однако другие, такие, как страх оставаться одному или боязнь посторонних, находят достоверное объяснение. Одиночество, равно как и чужое лицо, возбуждает тоску по хорошо знакомой матери, ребенок не может ни совладать с этим либидинозным возбуждением, ни оставить его парить в воздухе, и преобразует его в тревогу. Эту детскую тревогу, таким образом, следует отнести не к реальному страху, а к невротической тревоге. Детские фобии и тревожное ожидание при неврозе страха представляют собой два примера возникновения невротической тревоги путем прямого преобразования либидо. С другим механизмом мы сейчас познакомимся; окажется, что он не слишком отличается от первого.

Ответственным за тревогу при истерии и других неврозах мы считаем процесс вытеснения. Мы полагаем, что сможем описать его полнее, чем раньше, если отделим судьбу подлежащего вытеснению представления от количества либидо, вложенного в него. Вытеснению подвергается представление, которое иной раз может измениться до неузнаваемости, однако его аффективный заряд регулярно преобразуется в тревогу, причем безразлично, что это за аффект — агрессия или любовь. В целом не имеет существенного значения, почему некоторое количество либидо оказалась неприменимо, — то ли из-за инфантильной слабости Я, как при детских фобиях, то ли вследствие соматических процессов сексуальной жизни, как при неврозах страха, или в - результате вытеснения, как при истерии. Оба механизма возникновения невротической тревоги, собственно говоря, совпадают.

Во время этих исследований мы обратили внимание на чрезвычайно значимое соотношение между развитием тревоги и образованием симптомов, а именно, что они замещают и сменяют друг друга. История страданий пациента с агорафобией начинается, например, с приступа страха на

улице. Он повторяется всякий раз, когда тот выходит на улицу. Тогда пациент создает симптом страха улицы, который можно назвать также торможением, ограничением функции Я, и таким путем оберегает себя от приступов страха. Обратное можно наблюдать, например, при навязчивых действиях, если вмешаться в симптомообразование. Если помешать больному выполнить церемонию мытья, то это вызовет у него трудно переносимое состояние тревоги, от которой его явно защищал симптом. При этом кажется, что развитие тревоги происходит прежде, чем образование симптома, как если бы симптом создавался для того, чтобы избежать вспышки тревоги. С этим согласуется и то, что первыми неврозами детского возраста являются фобии, то есть состояния, в которых ясно прослеживается, как начальное развитие тревоги позже разрешается через симптомообразование. Возникает впечатление, что эти соотношения открывают наилучший доступ к пониманию невротической тревоги. Одновременно нам удалось ответить на вопрос, чего боится человек при невротической тревоге, установив тем самым связь между невротической тревогой и реальным страхом. То, чего человек боится, — это, очевидно, его собственное либидо. Отличие от ситуации реального страха заключается в двух моментах: что опасность является внутренней, а не внешней, и что она не осознается.

При фобиях можно очень отчетливо распознать, как эта внутренняя опасность замещается внешней, и тем самым невротическая тревога преобразуется в кажущийся реальным страх. Чтобы упростить это весьма запутанное положение дел, допустим, что пациент с агорафобией постоянно боится побуждений, исходящих от соблазнов, с которыми он встречается на улице. Посредством своей фобии он осуществляет смещение и начинает тревожиться по поводу внешней ситуации. Его выигрыш при этом очевиден — ему кажется, что так он лучше сможет защититься. От внешней опасности можно спастись бегством, попытка бегства от внутренней опасности — дело сложное.

В заключение своей тогдашней лекции о тревоге я сам высказал суждение, что эти различные результаты нашего исследования не то что противоречат друг другу, но как-то не согласуются между собой. Тревога как аффективное состояние представляет собой воспроизведение прошлых угрожающих событий; тревога служит самосохранению и является сигналом новой опасности; тревога возникает из

либидо, не нашедшего применения, в том числе при вытеснении, и разрешается через образование симптомов, как бы связывается психически, — чувствуется, что здесь чего-то не хватает, что соединяет части в единое целое.

Уважаемые дамы и господа! То разделение психической личности на Сверх-Я, Я и Оно, о котором я говорил вам на прошлой лекции, заставляет нас по-новому сориентироваться и по отношению к проблеме тревоги[1]. Утверждением, что Я есть единственное место тревоги, что лишь Я может его продуцировать и чувствовать, мы заняли новую прочную позицию, с которой многие соотношения выглядят иначе. Действительно, мы не знаем, какой смысл было бы говорить о тревоге Оно, или о том, чтобы приписывать Сверх-Я способность испытывать тревогу. Напротив, мы приветствовали как желательное соответствие то, что три основных вида тревоги — реальный страх, невротическая тревога и страх совести — столь естественно соотносятся с тремя зависимостями Я: от внешнего мира, от Оно и от Сверх-Я. Благодаря этому новому пониманию на передний план выступает и прежде признаваемая нами функция тревоги как сигнала, обозначающего опасную ситуацию, но вопрос, из какого материала состоит тревога, утратил свой интерес, а отношения между реальным страхом и невротической тревогой удивительным образом прояснились и упростились. Примечательно, впрочем, что теперь мы лучше понимаем кажущиеся сложными случаи возникновения тревоги, чем те, которые выглядят простыми.

Недавно нам довелось исследовать возникновение тревоги при некоторых фобиях, которые мы причисляем к тревожной истерии, и мы отобрали те случаи, когда речь идет о типичном вытеснении желаний из эдипова комплекса. В соответствии с нашими ожиданиями мы должны были бы обнаружить, что именно либидинозное вложение в материнский объект в результате вытеснения превращается в тревогу и выступает далее в качестве симптоматического выражения как вложение в объект, замещающий отца. Я не могу подробно рассказывать вам об отдельных шагах данного исследования, довольно и того, что их ошеломляющий

---

[1] [Большая часть того, что здесь изложено по теме «тревога», взято из работы «Торможение, симптом и тревога» (1926*d*); приведенные здесь рассуждения составляют окончательную позицию Фрейда по отношению к самым что ни на есть спорным вопросам.]

результат оказался противоположен нашим ожиданиям. Не вытеснение создает тревогу, наоборот, тревога присутствует раньше, тревога создает вытеснение[1]! Но что это может быть за тревога? Это может быть лишь тревога перед угрожающей извне опасностью, то есть реальный страх. Верно, что мальчик испытывает страх перед притязаниями своего либидо, в данном случае перед своей любовью к матери, что, действительно, является случаем невротической тревоги. Однако эта влюбленность кажется ему внутренней опасностью, которой он должен избежать путем отказа от данного объекта, лишь потому она порождает ситуацию внешней опасности. И во всех случаях, которые мы исследовали, был получен тот же результат. Давайте же признаем, что мы никак не ожидали, что внутренняя опасность влечения окажется условием и подготовкой внешней реальной ситуации опасности. Мы еще совсем ничего не сказали о том, что это за реальная опасность, которой боится ребенок как следствия своей влюбленности в мать. Это — наказание путем кастрации, лишения его члена. Естественно, вы можете возразить, что это все-таки не реальная опасность. Наших мальчиков все же никто не кастрирует за то, что на стадии эдипова комплекса они влюблены в своих матерей. Но от этого не так просто отмахнуться. Прежде всего дело не в том, действительно ли применяется кастрация; решающим является тот факт, что опасность исходит извне и что ребенок в нее верит. Повод к этому у ребенка есть: ему достаточно часто угрожают отрезать член в ходе фаллической фазы[2] и в период его раннего онанизма, и намеки на это наказание могли бы постоянно получать свое филогенетическое подкрепление. Мы предполагаем, что в древности в человеческой семье кастрация подрастающих детей действительно осуществлялась ревнивым и жестоким отцом, и обрезание, которое у примитивных народов часто выступает как составная часть ритуала посвящения в мужчины, — ее явный пережиток. Мы знаем, насколько далеки мы сейчас от общепринятого взгляда, однако мы должны придерживаться той точки зрения, что страх кастрации является одним из наиболее часто встречающихся и наиболее сильных двигателей вытеснения, а значит и образова-

[1] [Эти допущения подтвердились в анализе «маленького Ганса» 1909b) и «Волкова» (1918b).]

[2] [Фаллическая фаза обсуждается далее в этой лекции.]

ния неврозов. Анализы случаев, когда не кастрация, но обрезание мальчиков осуществлялось в качестве терапии или наказания за онанизм, что в англо-американском обществе нередко имело место, придает нашему убеждению окончательную уверенность. Очень заманчиво было бы сейчас порассуждать о комплексе кастрации, однако мы будем придерживаться нашей темы. Естественно, страх кастрации — не единственный мотив вытеснения, ведь у женщин его нет, правда, они могут иметь комплекс кастрации, но не страх кастрации. Его место у другого пола занимает страх утраты любви, который очевидно является продолжением страха грудного младенца, когда он замечает отсутствие матери. Вы понимаете, какая реальная ситуация опасности обнаруживается благодаря этому страху. Когда мать отсутствует или лишает ребенка своей любви, он уже не может быть уверен, что его потребности будут удовлетворены, и, по-видимому, испытывает самые болезненные чувства напряженности. Не отклоняйте идею, что эти условия тревоги в основе своей повторяют ситуацию исходной тревоги при рождении, которое ведь тоже означает отделение от матери. Если мы последуем за ходом мысли Ференци (1925), то сможем присоединить к этому ряду и страх кастрации, поскольку потеря мужского члена влечет за собой невозможность воссоединения с матерью или с заменяющим ее объектом в половом акте. Упомяну между прочим, что такая частая фантазия, как возвращение в материнское лоно, является замещением этого желания коитуса. Здесь можно было бы поговорить про множество интересных вещей и удивительных связей, но не стану выходить за рамки введения в психоанализ, хочу еще только обратить ваше внимание на то, как психологические исследования смыкаются здесь с биологическими фактами.

Заслугой Отто Ранка, которому психоанализ обязан многими прекрасными работами, является и то, что он настойчиво подчеркивал значение акта рождения и отделения от матери (1924). Конечно, мы не сочли возможным принять те крайние выводы, которые он сделал из этого для теории неврозов и даже для аналитической терапии. Ядро этого учения, согласно которому переживание тревоги при рождении есть прообраз всех последующих ситуаций опасности, он открыл ранее. Остановившись на этом, можно сказать, что, собственно, каждому возрасту соответствуют определенные условия возникновения тревоги,

то есть определенная, адекватная возрасту ситуация опасности. Опасность психической беспомощности соответствует стадии ранней незрелости Я, опасность потери объекта (любви) — несамостоятельности первых лет детства, опасность кастрации — фаллической фазе, наконец, страх перед Сверх-Я, занимающий особое место, — латентному периоду. В ходе развития старые условия возникновения тревоги должны отпадать, поскольку соответствующие им ситуации опасности обесцениваются благодаря усилению Я. Однако это происходит весьма несовершенным образом. Многие люди не могут преодолеть страха перед утратой любви, они никогда не становятся достаточно независимыми от любви других, продолжая тем самым вести себя инфантильно. Страх перед Сверх-Я в нормальном случае не должен исчезать, так как он в качестве страха совести необходим в социальных отношениях, а отдельный человек лишь в самых редких случаях может стать независимым от человеческого сообщества. Некоторые старые ситуации опасности могут воспроизводиться в более позднем периоде при модифицированных соответственно времени условиях возникновения тревоги. Так, например, угроза кастрации сохраняется под маской сифилофобии. Взрослый человек, конечно, знает, что кастрация больше не применяется в качестве наказания за удовлетворение сексуальных влечений, однако ему известно, что такая свобода влечений грозит тяжелыми заболеваниями. Нет никакого сомнения в том, что люди, которых мы называем невротиками, остаются инфантильными в своем отношении к опасности, не преодолев устаревшие условия возникновения тревоги. Примем это как фактическую составляющую характеристики невротиков; но почему это так, сразу ответить нельзя.

Надеюсь, что вы еще не утратили целостной картины и помните, что мы остановились на исследовании отношений между тревогой и вытеснением. При этом мы узнали две новые вещи: во-первых, что тревога осуществляет вытеснение, а не наоборот, как мы полагали, и [во-вторых] что ситуация влечений, вызывающая тревогу, восходит к ситуации внешней опасности. Следующий вопрос звучит так: как мы теперь представляем себе процесс вытеснения под влиянием тревоги? Я думаю так: Я замечает, что удовлетворение появляющегося требования влечения порождает одну из хорошо запомнившихся ситуаций опасности. Катексис

этого влечения должен быть каким-то образом подавлен, преодолен, обессилен. Мы знаем, что эта задача удается Я, когда оно сильно и включает указанное влечение в свою организацию. В случае же вытеснения влечение еще принадлежит Оно, а Я чувствует себя слабым. Тогда Я помогает себе посредством некоего метода, который в сущности идентичен методам обычного мышления. Мышление представляет собой пробное действие с использованием малых количеств энергии, схожее с передвижением маленьких фигур на карте, прежде чем полководец приведет в движение свои многочисленные войска[1]. Я, таким образом, предвосхищает удовлетворение сомнительного влечения и позволяет ему воспроизвести ощущения неудовольствия к началу внушающей тревогу ситуации опасности. Тем самым оказывается задействован автоматизм принципа удовольствия — неудовольствия, который и осуществляет вытеснение опасного влечения.

«Стоп, — крикнете вы мне, — дальше так дело не пойдет!» Вы правы, я должен еще кое-что сделать, чтобы это показалось вам приемлемым. Прежде всего признаюсь, что я пытался перевести на язык нашего обычного мышления то, что в действительности, разумеется, не является сознательным или предсознательным процессом между энергетическими зарядами в субстрате, который мы не можем себе представить. Это не очень сильный аргумент, но по-другому просто нельзя. Важнее, что мы ясно различаем, что при вытеснении происходит в Я, и что в Оно. Что делает Я, мы только что сказали: оно использует пробный катексис и пробуждает автоматизм удовольствия-неудовольствия посредством тревоги как сигнала. Затем возможно несколько различных реакций или их смешение в разных пропорциях. Или же во всей полноте разовьется приступ тревоги и Я совершенно откажется от предосудительного возбуждения, или же пробный катексис оно заменит неким противоположно направленным катексисом, который, благодаря энергии вытесненного побуждения, примет участие в об-

---

[1] [Эта функция отсрочивания, присущая мышлению, уже упоминалась в 31-й лекции как одна из главных функций Я. Представление о мышлении как о пробном действии в уменьшенном масштабе — важном элементе проверки реальности — принадлежит к самым ранним, фундаментальным теориям Фрейда и тесно связано с различением первичного и вторичного процессов.]

17*

разовании симптома или будет включен в Я — в качестве реактивного образования или в качестве усиления определенных установок как постоянное изменение. Чем в большей степени развитие тревоги может ограничиваться лишь сигналом, тем в большей степени Я использует защитные действия, подобные психическому связыванию вытесненного, и тем больше этот процесс приближается к нормальной переработке, разумеется, не достигая ее. Между прочим, остановимся здесь ненадолго. Вы, конечно, сами уже предположили, что нечто трудно определимое, называемое *характером,* полностью относится к Я. Кое-что из того, что создает этот характер, мы уже ухватили. Прежде всего, это воплощение ранней родительской инстанции в качестве Сверх-Я — наверное, важнейший, решающий момент; далее, идентификации с обоими родителями и другими влиятельными лицами в более поздний период, и такие же идентификации как отражение прошлых объектных отношений. Теперь добавим к формированию характера, в качестве всегда присутствующих составляющих, реактивные образования, которые Я приобретает прежде всего посредством вытеснения, а затем, при отклонении нежелательных побуждений, с помощью более нормальных средств[1]. Теперь вернемся назад и обратимся к Оно. Догадаться, что происходит с побежденным влечением при вытеснении, не так-то легко. Главным образом нас интересует, что происходит с энергией, с либидинозным зарядом этого возбуждения, как он используется? Вы помните, ранее мы предположили, что именно он благодаря вытеснению превращается в тревогу. Теперь с уверенностью утверждать это мы не можем; скромный ответ звучит скорее так: вероятно, его судьба не всегда одинакова. По-видимому, между процессом, происходившим в Я и в Оно по отношению к вытесненному влечению, существует некое интимное соответствие, которое должно стать нам известным. С тех пор как мы позволили себе включить в вытеснение именно принцип удовольствия — неудовольствия, который пробуждается сигналом тревоги, нам следует изменить наши ожидания. Этот принцип правит процессами в Оно совершенно неограниченно. Мы считаем, что он способен вызывать действительно глу-

---

[1] [Первые фразы на тему характера воспроизводят дискуссию из начала главы III работы «Я и Оно» (1923*b*); остальное восходит к главе XI (А) работы «Торможение, симптом и тревога» (1926*d*).]

бокие изменения в соответствующем влечении. Мы готовы и к тому, что успехи вытеснения могут быть очень различными, заходящими более или менее далеко. В ряде случаев вытесненное влечение может сохранить свой либидинозный заряд, продолжая существовать в Оно без изменения, хотя и под постоянным давлением Я. В других случаях, вероятно, оно претерпевает полное разрушение, вследствие которого его либидо окончательно переводится на другие рельсы. Я считал, так происходит при нормальном разрешении эдипова комплекса, который тем самым в оптимальном случае не просто вытесняется, а разрушается в Оно[1]. Клинический опыт далее показал нам, что во многих случаях вместо обычного успешного вытеснения имеется снижение либидо, регрессия организации либидо на более раннюю ступень. Конечно, это может происходить только в Оно, и если это происходит, то под влиянием того же конфликта, который начинается благодаря сигналу тревоги. Наиболее характерный пример такого рода представляет собой невроз навязчивых состояний, при котором регрессия либидо и вытеснение действуют совместно.

Уважаемые дамы и господа! Я опасаюсь, что эти рассуждения кажутся вам малопонятными, и вы догадываетесь, что они изложены не исчерпывающим образом. Сожалею, что вызвал ваше недовольство. Однако я не могу поставить перед собой другой цели, кроме той, чтобы у вас сложилось впечатление о характере наших результатов и трудностях их получения. Чем глубже мы проникаем в изучение психических процессов, тем больше мы узнаем о богатстве их содержания и об их запутанности. Некоторые простые формулы, вначале казавшиеся нам адекватными, оказались в дальнейшем недостаточными. Мы не устанем изменять и исправлять их. В лекции о теории сновидений (29-я лекция) я ввел вас в область, где в течение пятнадцати лет не было обнаружено почти ничего нового; здесь же, когда речь идет о тревоге, вы видите, что все находится в движении и изменении. Эти новые вещи тоже еще недостаточно основательно проработаны, может быть, еще и поэтому их изложение вызывает затруднения. Потерпите, скоро мы сможем оставить тему тревоги; хотя не утверждаю, что мы сможем с ней справиться удовлетворительным образом. Надеюсь,

---

[1] [Ср. «Крушение эдипова комплекса» (1924*d*).]

что мы все же немного продвинулись вперед. И по пути мы сделали множество новых открытий. Так, под влиянием изучения страха мы можем также добавить новую часть к нашему описанию Я. Мы говорили, что Я слабо по сравнению с Оно, является его верным слугой, старается провести в жизнь его приказания, выполнить его требования. Мы не собираемся брать назад это утверждение. Но, с другой стороны, Я – это лучше организованная, ориентированная на реальность часть Оно. Мы не должны слишком преувеличивать обособленность обоих, а также удивляться, когда Я со своей стороны оказывается в состоянии влиять на процессы в Оно. Я полагаю, что Я осуществляет это влияние, заставляя действовать посредством сигнала тревоги почти всемогущий принцип удовольствия – неудовольствия. Однако сразу после этого оно опять демонстрирует свою слабость, отказываясь из-за акта вытеснения от части своей организации и позволяя вытесненному влечению длительное время оставаться вне его влияния.

И вот еще одно замечание к проблеме тревоги! Невротическая тревога в наших руках превратилась в реальный страх, в страх перед определенными ситуациями внешней опасности. Но мы не можем остановиться на этом, мы должны сделать следующий шаг, правда, это будет шаг назад. Спросим себя, что же, собственно, является опасным, чего боится человек в такой ситуации опасности? Очевидно, не объективно оцениваемого повреждения, который психологически мог бы совершенно ничего не значить, а того, как он отразится на душевной жизни. Рождение, например, как прообраз нашего состояния тревоги едва ли можно считать повреждением как таковым, хотя опасность повреждений при этом есть. Существенным в рождении, как и во всякой ситуации опасности, является то, что оно вызывает в душевном переживании состояние напряженного возбуждения, которое воспринимается как неудовольствие и с которым человек не может справиться путем разрядки. Если мы назовем такое состояние, при котором усилия принципа удовольствия терпят неудачу, *травматическим* моментом, то мы через последовательность: невротическая тревога – реальный страх – опасная ситуация приходим к простому положению: то, чего боятся, предмет страха – это каждый раз появление травматического момента, который не устраняется действием принципа удовольствия. Мы понимаем сразу же, что принцип удовольствия страхует нас не от

объективного повреждения, а лишь от определенного нарушения нашей психической экономики. От принципа удовольствия до влечения к самосохранению лежит еще долгий путь, многого не хватает, чтобы цели их с самого начала совпадали. Но мы видим еще кое-что другое, возможно, это искомое решение. А именно: речь здесь идет все время об относительных количествах. Лишь величина суммы возбуждений делает некое впечатление травматическим, парализует работу принципа удовольствия, придает опасной ситуации ее значение. Но если это так, если загадка устраняется так просто, то почему не может быть, чтобы подобные травматические моменты возникали в душевной жизни вне отношения к предполагаемым опасным ситуациям, при которых тревога пробуждается не как сигнал, а возникает всякий раз на новом основании? Клинический опыт с определенностью говорит, что это действительно так. Лишь более поздние вытеснения обнаруживают только что описанный нами механизм, при котором тревога пробуждается как сигнал некой более ранней ситуации опасности; первые и исходные из них возникают непосредственно при встрече Я со сверхсильным притязанием либидо из травматических моментов, они вновь вызывают тревогу, правда, по образцу ситуации рождения. То же может быть справедливо и для развития тревоги при неврозе страха из-за соматических нарушений сексуальной функции. То, что это само либидо, превращенное при этом в тревогу, мы не будем больше утверждать. Однако я не вижу никаких возражений против признания двоякого происхождения тревоги: то как прямого следствия травматического момента, то как сигнала о том, что возникает угроза повторения этого момента.

Уважаемые дамы и господа! Вы, рады, конечно, что вам не потребуется больше ничего выслушивать о тревоге. Но это ничего не дает, потому что дальнейшее ничем не лучше. Я собираюсь сегодня же ввести вас в область теории либидо или теории влечений, где тоже, кажется, появилось кое-что новое. Не хочу сказать, что мы здесь настолько продвинулись, что стоило бы приложить все усилия для усвоения этих сведений. Нет, это область, в которой мы с трудом ориентируемся и пробиваемся к пониманию; вам предстоит быть лишь свидетелями наших усилий. Однако здесь мне придется опять вернуться к тому, о чем я говорил раньше.

Теория влечений – это, скажем так, наша мифология. Влечения – мифические сущности, огромные в своей нео-

пределенности. В нашей работе мы не можем ни на минуту упускать их из виду, и при этом никогда не уверены, что видим их ясно. Вы знаете, как обыденное мышление обходится с влечениями. Предполагается, что существует множество самых разных влечений, просто сколько угодно: влечение к самоутверждению, к подражанию, к игре, к общению и тому подобные. Их как бы принимают к сведению, дают каждому из них выполнить свою задачу и затем снова отстраняют. У нас всегда было ощущение, что за этими многими мелкими, заимствованными влечениями скрыто нечто серьезное и могущественное, к чему нам хотелось бы осторожно приблизиться. Наш первый шаг был достаточно скромным. Мы сказали себе, что, наверно, не ошибемся, если выделим прежде всего два главных влечения, или группы влечений, по двум большим потребностям: голод и любовь. Как бы ревностно мы ни защищали в иных случаях независимость психологии от любой другой науки, здесь мы все-таки находимся в тени незыблемого биологического факта, что отдельное живое существо служит двум целям — сохранению себя и сохранению вида, которые, как кажется, независимы друг от друга, насколько нам известно, пока еще не сведены к общему источнику, и интересы которых часто противоречат друг другу в жизни животных. Здесь мы, собственно, занимаемся биологической психологией, изучая психические явления, сопровождающие биологические процессы. Эта позиция в психоанализе представлена такими понятиями, как «влечения Я» и «сексуальные влечения». К первым мы причисляли все, что относится к сохранению, утверждению, усилению личности. Последним мы приписываем все то богатство содержания, которого требует как детская, так и извращенная сексуальная жизнь. Когда при изучении неврозов мы познакомились с Я как с ограничивающей, вытесняющей силой, а с сексуальными стремлениями как с подвергающимися ограничению и вытеснению, мы полагали, что нащупали не только различие, но и конфликт между обеими группами влечений. Предметом нашего исследования сначала были только сексуальные влечения, энергию которых мы называли «либидо». На них мы пытались прояснить наши представления о том, что вообще можно назвать влечением и что ему можно приписать. Таково место теории либидо.

Влечение, таким образом, отличается от раздражения тем, что оно происходит из источников раздражения внутри тела, действуя как постоянная сила, и тем, что от него

невозможно спастись бегством в отличие от внешнего раздражения. В отношении влечения можно различать источник, объект и цель. Источник влечения – состояние возбуждения в теле, цель – преодоление этого возбуждения; на пути от источника к цели влечение приобретает психическую действенность. Мы представляем себе его как некоторый заряд энергии, стремящийся в определенном направлении. Этому стремлению дано название «влечение». Говоря об активных и пассивных влечениях, точнее было бы сказать: есть активные и пассивные цели влечения; но и для достижения пассивной цели также требуется затрата активности. Достигаемая цель может относится к собственному телу, но, как правило, включается и некий внешний объект, выступающий как внешняя цель влечения; внутренней же целью влечения всякий раз остается изменение тела, переживаемое как удовлетворение. Придает ли отношение к соматическому источнику какую-либо специфику влечению и какую, остается для нас неясным. То, что влечения из одного источника присоединяются к влечениям из других источников и разделяют их дальнейшую судьбу, а так же то, что вообще удовлетворение одного влечения может быть заменено удовлетворением другого, это — согласно показаниям аналитического опыта – несомненные факты. Признаемся только, что мы не особенно хорошо их понимаем. Отношение влечения к цели и к объекту также может быть изменено, оба могут быть заменены другими, но отношение к объекту все же легче ослабить. Определенную модификацию цели и смену объекта, при которой учитывается наша социальная оценка, мы выделяем как *сублимацию*. Кроме того, есть еще основание различать влечения, *заторможенные на пути к цели*, то есть влечения из хорошо известных источников, имеющие недвусмысленную цель, которые, однако, задерживаются на своем пути к удовлетворению, так, что образуется длительный катексис объекта и устойчивое (эмоциональное) стремление. Такова, например, нежная привязанность, несомненно, происходящая из сексуальной потребности, однако систематически отказывающаяся от своего удовлетворения[1]. Вы видите, сколько еще свойств и судеб влечений нам предстоит понять; здесь нам следует также напомнить о различии между сексуаль-

---

[1] [Этот фрагмент представляет собой повторение первой части работы «Влечения и их судьбы» (1915*c*).]

ными влечениями и влечениями к самосохранению, которое имело бы огромное теоретическое значение, если бы относилось ко всей группе. Сексуальные влечения поражают своей пластичностью, способностью менять свои цели, своей замещаемостью, тем, что удовлетворение одного влечения замещается другим, а также своей способностью к отсрочиванию, хороший пример которой дает влечение, заторможенное на пути к цели. Влечениям к самосохранению мы склонны отказать в этих качествах, утверждая, что они неотступны, безотлагательны, и совсем по-другому императивны, а также имеют совершенно иное отношение и к вытеснению, и к тревоге. Но уже следующий шаг в рассуждении показывает нам, что такое исключительное положение занимают не все влечения Я, а только лишь голод и жажда, и это, очевидно, основано на исключительности соответствующих источников влечения. Впечатление запутанности возникает в значительной мере еще и потому, что мы не рассмотрели отдельно, какие изменения под влиянием организованного Я претерпевают влечения, изначально принадлежавшие Оно.

Мы движемся по более твердой почве, исследуя, каким образом влечения служат сексуальной функции. Здесь мы пришли к совершенно недвусмысленному знанию, которое для вас теперь уже не является новым. Неверно думать, будто сексуальное влечение познается потому, что ему с самого начала свойственна устремленность к цели сексуальной функции — соединению двух половых клеток. Нет, мы видим большое количество парциальных влечений, исходящих из различных частей тела и органов, которые вполне независимо друг от друга стремятся к удовлетворению и находят это удовлетворение в чем-то, что мы можем назвать удовольствие, получаемое от органов[1]. Гениталии — самые поздние из этих эрогенных зон, и их наслаждению нельзя более отказывать в названии *сексуальное* удовольствие. Не все эти стремящиеся к удовольствию побуждения входят в окончательную организацию сексуальной функции. Одни из них, становясь непригодными, устраняются путем вытеснения или еще как-то, другие отклоняются уже описанным выше способом от своей цели и употребляются для усиления иных побуждений, некоторые остаются на второстепенных ролях, служа

[1] [Этот термин обсуждается более подробно в 21-й лекции. Там же развивается тема первой части абзаца.]

для осуществления вводных действий, для порождения предварительного удовольствия[1]. Вы знаете, что в этом длительном развитии можно различить несколько фаз предварительной организации, а также то, каким образом из развития сексуальной функции проясняются ее отклонения и задержки. Первую из этих *догенитальных* фаз мы называем *оральной*, поскольку в соответствии со способом питания младенца эрогенная зона рта господствует также и в том, что можно назвать сексуальной деятельностью этого периода жизни. На второй ступени вперед выдвигаются *садистские* и *анальные* импульсы, конечно же, в связи с возникновением зубов, усилением мускулатуры и овладением функциями сфинктера. Как раз об этой удивительной ступени развития мы узнали много интересных подробностей[2]. В качестве третьей выступает *фаллическая* фаза, в которой у обоих полов мужской член и то, что ему соответствует у девочек, приобретает значение, которое невозможно не замечать[3]. Название *генитальная* фаза мы сохранили для окончательной сексуальной организации, которая устанавливается после пубертата, когда женские гениталии впервые находят такое же признание, какое мужские получили уже давно.

Все это — повторение уже известного. Но только не думайте, что если я о чем-то на этот раз не сказал, то тем самым оно утратило свое значение. Данное повторение было нужно для того, чтобы присоединить к нему сообщение о дальнейшем развитии нашего понимания. Мы можем похвастаться, что выяснили много нового как раз о ранних организациях либидо, а значение прежнего поняли яснее, что я и хочу показать вам, хотя бы на отдельных примерах. В 1924 году Абрахам показал, что в анально-садистской фазе можно различить две ступени. На более ранней из них господствуют деструктивные тенденции уничтожения и потери, на более поздней — дружественные объекту тенденции удержания и обладания. В середине этой фазы впервые возникает внимание к состоянию объекта как предвестник более поздней любовной заинтересованности. Мы вправе предположить такое же разделение и на первой, оральной

---

[1] [Подробное обсуждение предварительного удовольствия приводится в третьем из «Трех очерков по теории сексуальности» (1905*d*). Эта тема неоднократно встречается и в книге об остроте (1905*c*).]

[2] [Эти подробности обсуждаются ниже.]

[3] [См. работу «Инфантильная генитальная организация» (1923*e*).]

фазе. На первой ступени речь идет лишь об оральном воссоединении, нет никакой амбивалентности в отношении к объекту материнской груди. Вторая ступень, примечательна появлением деятельности кусания, ее можно обозначить как орально-садистскую; в ней впервые проявляется амбивалентность, которая затем на следующей, анально-садистской фазе становится намного отчетливее. Ценность этой новой дифференциации обнаруживается особенно тогда, когда при определенных неврозах – неврозе навязчивых состояний, меланхолии – ищут возможные предрасположенности[1] в развитии либидо. Припомните теперь то, что мы узнали о связи фиксации либидо, предрасположенности и регрессии.

Наше отношение к фазам организации либидо вообще несколько изменилось. Если раньше мы прежде всего подчеркивали, как одна из них исчезает при наступлении следующей, то теперь наше внимание [преимущественно] относится к фактам, показывающим, насколько каждая более ранняя фаза сохраняется наряду с более поздними образованиями, и получает постоянное представительство в бюджете либидо и в характере человека. Еще большее значение приобрели исследования, научившие нас, как часто при патологических условиях происходят регрессии к более ранним фазам, и что определенные регрессии характерны для определенных форм болезни[2]. Но здесь я не могу это обсуждать; это относится к специальной психологии неврозов.

Превращения влечений и сходные процессы мы смогли наилучшим образом изучить на анальной эротике, на возбуждениях из источников эрогенной анальной зоны, и были поражены тем, какие разнообразные применения находят эти влечения. Возможно, нелегко освободиться от недооценки именно этой зоны в процессе развития. Поэтому позволим Абрахаму (1924) напомнить нам, что в эмбриологическом отношении анус соответствует первичному рту, сместившемуся на конец прямой кишки. Мы узнали затем, что с обесцениванием собственного кала, экскрементов, интерес, обусловленный этим влечением, переходит от

---

[1] [А именно моменты в развитии либидо, которые благодаря фиксациям создают предрасположенность к возникновению определенной формы невроза. Ср. «Предрасположение к неврозу навязчивости» (1913*i*).]

[2] [Здесь Фрейд, вероятно, опять имеет в виду важную работу Абрахама 1924 года.]

анального источника на объекты, которые могут даваться в качестве *подарка*. И это правомерно, поскольку кал был первым подарком, который мог сделать грудной младенец, расставшись с ним из любви к ухаживающей за ним женщине. В дальнейшем, совершенно аналогично изменению значений в развитии языка, этот старый интерес к калу превращается в высокую оценку *золота* [Gold] и *денег* [Geld], а также вносит свой вклад в аффективное наполнение понятий *ребенок* и *пенис*. По убеждению всех детей, которые довольно долго придерживаются теории клоаки, ребенок рождается как кусок кала из прямой кишки[1]; дефекация есть прообраз акта рождения. Но также и пенис имеет своего предшественника в столбике кала, который заполняет и раздражает слизистую прямой кишки. Если ребенок принял к сведению, пусть неохотно, что есть человеческие существа, которые этим членом не обладают, то пенис кажется ему чем-то отделимым от тела и приобретает несомненную аналогию с экскрементами, бывшими первой телесной частью, от которой надо было отказаться. Таким образом, большая часть анальной эротики переходит в заинтересованность пенисом, но интерес к этой части тела, кроме анально-эротического, имеет, возможно, еще более мощный оральный корень, так как после прекращения сосания груди пенис становится наследником соска материнской груди.

Невозможно разобраться в фантазиях и внезапных идеях, возникающих под влиянием бессознательного, и в языке симптомов человека, если не знать этих глубоко лежащих связей. Кал – золото – подарок – ребенок – пенис выступают здесь как равнозначные и бывают представлены общими символами. Не забывайте также, что я могу сделать вам лишь весьма не полные сообщения. Могу лишь вскользь добавить, что появляющийся позднее интерес к вагине имеет в основном анально-эротическое происхождение. Это и неудивительно, поскольку вагина, по удачному выражению Лу Андреас-Саломе (1916), «сдана внаем» прямой кишке; в жизни гомосексуалистов, не проделавших определенных шагов в сексуальном развитии, она и представлена прямой кишкой. В сновидениях часто встречается некое помещение, которое раньше было единым, а те-

---

[1] [Ср. с ранней работой Фрейда «Об инфантильных сексуальных теориях», 1908*c*.]

перь надвое разделено стеной или наоборот. Под этим всегда подразумевается отношение влагалища к прямой кишке. Мы можем также проследить, как у девушки желание обладать пенисом, в нормальном случае полностью и совершенно не женственное, преобразуется в желание иметь ребенка, а затем и мужчину как носителя пениса и дарителя ребенка; так что и здесь видно, как часть изначально анально-эротического интереса привлекается к участию в более поздней генитальной организации[1].

Во время изучения догенитальных фаз либидо у нас сложились новые взгляды на формирование характера. Мы обратили внимание на триаду свойств, которые довольно часто встречаются вместе: аккуратность, бережливость и упрямство, — и из анализа таких людей сделали вывод, что эти их свойства обусловлены истощением или каким-то иным использованием анальной эротики. Таким образом, мы говорим об *анальном характере*, когда находим такое примечательное соединение, и определенным образом противопоставляем анальный характер неразвитой анальной эротике[2]. Подобное, а может быть, и еще более тесное отношение мы нашли между честолюбием и уретральной эротикой. Примечательный намек на эту связь мы извлекаем из сказания, согласно которому Александр Македонский родился в ту самую ночь, когда некто Герострат из суетной жажды славы поджег удивительный храм Артемиды Эфесской. Как если бы древним была небезызвестна эта связь! Насколько мочеиспускание связано с огнем и огнетушением вы, конечно, знаете[3]. Естественно, мы ожидаем, что и другие свойства характера сходным образом обнаружатся как осадки или реактивные образования определенных догенитальных формаций либидо, но пока не можем этого показать.

Теперь, однако, время вернуться к истории, а также к теме и снова взяться за самые общие проблемы жизни вле-

---

[1] [Два последних абзаца основываются главным образом на работе «О превращении влечений, в частности анальной эротики» (1917*c*), в них содержатся, однако, некоторые дополнения. Эта тема затрагивалась в 20-й лекции.]

[2] [Эти связи разъясняются в одной ранней работе Фрейда — «Характер и анальная эротика» (1908*b*).]

[3] [Этой теме Фрейд незадолго до прочтения лекций посвятил небольшую работу (1932*a*).]

чений. В основе нашей теории либидо сначала лежало противопоставление влечений Я и сексуальных влечений. Когда позднее мы начали изучать само Я и поняли основной принцип нарцизма, само это различие потеряло свою почву. В редких случаях можно признать, что Я берет в качестве объекта само себя, ведет себя так, как будто оно само в себя влюблено. Отсюда и название — *нарцизм,* заимствованное из греческой легенды. Однако это лишь крайнее преувеличение нормального положения дел. Постепенно понимаешь, что Я всегда является главным резервуаром либидо, из которого исходит либидинозные вложения в объекты, и куда это либидо снова возвращается, в то время как большая часть этого либидо пребывает в Я постоянно[1]. Таким образом, происходит непрестанное преобразование либидо Я в объектное либидо, а объектного либидо в либидо Я. Тогда оба они могут и не различаться по своей природе, так что нет смысла отделять энергию одного от энергии другого, можно опустить название либидо или вообще употреблять его как равнозначное психической энергии.

Мы недолго оставались на этой точке зрения. Предчувствие какого-то противопоставления внутри жизни влечений скоро приобрело другое, еще более острое выражение. Я не буду выводить эти новые положения в теории влечений у вас на глазах; они тоже в сущности основываются на биологических данных; представлю их вам как готовый продукт. Предположим, что есть два различных по сути вида влечений: сексуальные влечения, понимаемые в широком смысле, *эрос,* если вы предпочитаете это название, и *агрессивные влечения,* цель которых — разрушение. В таком виде вы едва ли расцените это как новость, это покажется вам попыткой теоретического прояснения банальной противоположности любви и ненависти, которая, возможно, совпадает с аналогичной полярностью притяжения и отталкивания, которую физика предполагает для неорганического мира. Однако примечательно, что тем не менее это положение многими воспринимается как новость, причем очень нежелательная, которую следует как можно скорее устранить. Я полагаю, что в этом неприятии имеется сильный аффективный момент. Почему нам самим понадобилось так

---

[1] [Ср. высказанное выше, в 31-й лекции положение: «Катексис объектов исходит из требований влечений Оно». См. ниже опять-таки упоминание о слиянии Я и Оно по отношению к деструктивному влечению.]

много времени, прежде чем мы решились признать существование стремления к агрессии, почему нельзя, не колеблясь, использовать для теории явные и общеизвестные факты? Возможно, мы столкнулись бы с незначительным сопротивлением, если бы приписали влечение, имеющее такую цель, животным. Но включить его в человеческую конституцию кажется фривольным: это противоречит слишком многим религиозным предпосылкам и социальным условностям. Нет, человек должен быть по своей природе добрым или, по крайней мере, добродушным. Если же он иной раз и проявляет грубость, склонность к насилию, жестокость, то это временные помутнения его эмоциональной жизни, большей частью спровоцированные, возможно, лишь следствие нецелесообразного общественного устройства, в котором он до сих пор находился.

К сожалению, то, о чем сообщает история и что нам довелось пережить самим, не подтверждает сказанное, а скорее подкрепляет суждение о том, что вера в «доброту» человеческой натуры есть одна из самых худших иллюзий, от которых человек ожидает улучшения и облегчения своей жизни, в то время как в действительности они приносят лишь ущерб. Нет нужды продолжать эту полемику, поскольку не только уроки истории и жизненный опыт говорят в пользу нашего предположения, что в человеке таится особый инстинкт – агрессии и разрушения, это подтверждается и общими рассуждениями, к которым нас привело признание феноменов *садизма* и *мазохизма*. Вы знаете, что садизмом называется сексуальное удовлетворение, имеющее место при условии, что сексуальный объект претерпевает боль, истязания и унижения, а мазохизм означает потребность самому быть объектом жестокого обращения. Вы знаете также, что некоторая примесь этих обоих стремлений включается и в нормальные сексуальные отношения, и что извращениями мы называем их тогда, когда они оттесняют все прочие сексуальные цели, ставя на их место свои собственные[1]. Едва ли от вас ускользнуло, что садизм более тесно связан с мужественностью, а мазохизм с женственностью, как будто здесь существует какое-то тайное родство, хотя я сразу же скажу вам, что в этом вопросе мы далеко не продвинулись. Оба они, как садизм, так и мазо-

---

[1] [Ср. также 20-ю и 21-ю лекции.]

хизм, являются для теории либидо подлинно загадочными феноменами, в особенности мазохизм, и вполне в порядке вещей, когда то, что для одной теории было камнем преткновения, становится краеугольным камнем для другой, заменяющей ее.

Таким образом, мы полагаем, что в садизме и мазохизме мы имеем два замечательных примера смешения обоих видов влечений, эроса и агрессии; теперь допустим, что это отношение может служить примером того, что все инстинктивные побуждения, которые мы изучаем, состоят из таких смесей или сплавов обоих видов влечений. Конечно, в самых различных пропорциях. При этом эротические влечения привносят в смесь многообразие своих сексуальных целей, в то время как другие лишь допускают смягчения и градации своей однообразной тенденции. Этим предположением мы открываем перспективу для исследований, которые когда-нибудь смогут приобрести большое значение для понимания патологических процессов. Ведь смеси также могут распадаться, и такой распад влечения может иметь самые тяжелые последствия для функции. Но эти взгляды еще слишком новы, никто до сих пор не пытался применить их в работе[1].

Вернемся к той особой проблеме, которую представляет мазохизм. Если на мгновение отвлечься от его эротического компонента, то он может служить ручательством существования стремления, цель которого – саморазрушение. Если для влечения к разрушению [как и для либидо] верно то, что Я – но здесь мы скорее имеем в виду Оно, всю личность[2] – исходно заключает в себе все влечения, то получается, что мазохизм старше садизма, садизм же – это направленное вовне влечение к разрушению, приобретающее тем самым характер агрессии. Сколько-то от изначального влечения к разрушению может еще оставаться внутри; кажется, что наше восприятие его возможно лишь при этих двух условиях – если оно соединяется с эротическими влечениями в мазохизме или если оно как агрессия направлено против внешнего мира – с большей или меньшей примесью эротики. Теперь напрашивается мысль о том, какое значение имеет невозможность найти удовлетворение аг-

---

[1] [По этому вопросу см. главу IV работы «Я и Оно» (1923*b*).]
[2] [Ср. примечание на с. 539.]

рессии во внешнем мире, поскольку она наталкивается на реальные препятствия. Тогда, возможно, она отступит назад, увеличивая силу саморазрушения, господствующего внутри. Мы еще услышим, что это действительно так и происходит, сколь важен этот процесс. Агрессия, не нашедшая выхода, видимо, означает тяжелое повреждение; все выглядит так, как будто мы должны разрушить другое и других, чтобы не разрушить самих себя, чтобы обезопасить себя от стремления к саморазрушению. Действительно печальное открытие для моралиста!

Но моралист еще долго будет утешаться невероятностью наших умозрительных построений. Что за странное влечение к разрушению своего собственного органического дома! Поэты, правда, говорят о таких вещах, но поэты безответственны, они наслаждаются своими поэтическими привилегиями. Конечно, схожие представления не чужды и физиологии, например, слизистая оболочка желудка, которая сама себя переваривает. Однако, нужно признаться, наше влечение к саморазрушению нуждается в более широкой поддержке. Нельзя все же отважиться на столь далеко идущее предположение только потому, что несколько бедных сумасбродов связывают свое сексуальное удовлетворение с неким особенным условием. Я думаю, что углубленное изучение влечений даст нам то, что нужно. Влечения управляют не только психической, но и вегетативной жизнью, и эти органические влечения обнаруживают характерную черту, которая заслуживает самого живого интереса с нашей стороны. Является ли это общим свойством влечений, мы сможем судить лишь позже. Они проявляются именно как стремление восстановить более раннее состояние. Можно предположить, что с момента, когда нарушается однажды достигнутое состояние, возникает влечение создать его снова, и порождает феномены, которые мы можем назвать *«навязчивым повторением»*. Так, эмбриология представляет собой сплошное навязчивое повторение; в животном мире широко распространена способность образовывать заново утраченные органы, и инстинкт самолечения, которому мы всякий раз обязаны нашим выздоровлением наряду с терапевтической помощью, — это, должно быть, остаток этой способности, столь развитой у низших животных. Нерестовая миграция рыб, возможно, и перелеты птиц, а может быть, и все, что у животных мы называем проявлением инстинкта, происходит по велению навязчивого повторения,

в котором выражается *консервативная природа* влечений. Так и в области психического нам не нужно долго искать проявлений того же самого. Мы отмечали, что забытые и вытесненные переживания раннего детства репродуцируются во время аналитической работы в сновидениях и реакциях, особенно же в переносе, хотя их повторное пробуждение и противоречит принципу удовольствия, и предложили объяснение, что в этих случаях навязчивое повторение ставится выше принципа удовольствия. Но и вне анализа можно наблюдать подобное. Существуют люди, которые в своей жизни безо всякой корректировки повторяют именно те реакции, которые им во вред, или которых, как будто, преследует неумолимая судьба, в то время как более пристальное изучение показывает, что они, сами того не зная, готовят себе эту судьбу. Тогда мы приписываем навязчивому повторению *демонический* характер.

Что, однако, может дать эта консервативная черта влечений для понимания нашего саморазрушения? Какое более раннее состояние хотело бы восстановить такое влечение? Ответ теперь близок и открывает широкие перспективы. Если правда то, что в незапамятные времена и непостижимым образом однажды из неживой материи родилась жизнь, то, исходя из наших предпосылок, тогда возникло влечение, которое стремится вновь уничтожить жизнь и восстановить неорганическое состояние. Если мы в этом влечении к саморазрушению увидим подтверждение нашего предположения, то мы должны понять это как выражение *влечения к смерти*, которое не может миновать ни одного жизненного процесса. Теперь влечения, в которые мы верим, разделяются на две группы: эротические, которые всегда стремятся привести живую субстанцию во все большее единство, и влечения к смерти, которые противостоят этому стремлению и возвращают живое к неорганическому состоянию. Из их взаимодействия и противодействия и происходят явления жизни, которым смерть кладет конец.

Вы, возможно, скажете, пожимая плечами: это не естественная наука, это философия Шопенгауэра. Но почему, уважаемые дамы и господа, смелый мыслитель не мог угадать то, что затем подтвердило трезвое и утомительное исследование деталей? Так ведь все уже когда-то было сказано, и до Шопенгауэра говорили много похожего. И потом, то, что мы говорим, не есть подлинный Шопенгауэр. Мы не утверждаем, что смерть есть единственная цель жизни;

мы не игнорируем жизнь перед лицом смерти. Мы признаем два основных влечения и оставляем каждому его собственную цель. Как оба они переплетаются в жизненном процессе, как влечение к смерти поступает на службу намерений Эроса, прежде всего в его направленности на внешний мир в качестве агрессии, — все это задачи будущих исследований. Мы пойдем не далее того места, где нам открылась эта точка зрения. Также и вопрос, всем ли без исключения влечениям присущ консервативный характер, не стремятся ли и эротические влечения восстановить прежнее состояние, когда они синтезируют живое для достижения состояния большего единства, — этот вопрос мы должны оставить без ответа[1].

Мы немного отдалились от нашей основной темы. Хочу вам в дополнение сообщить, каков был исходный пункт этих размышлений о теории влечений. Тот самый, который привел нас к пересмотру связи между Я и бессознательным, а именно то впечатление, вынесенное из аналитической работы, что пациент, оказывающий сопротивление, столь часто об этом сопротивлении ничего не знает. Однако бессознательным остается для него не только факт сопротивления, но и его мотивы. Мы должны были исследовать эти мотивы или этот мотив и, к нашему удивлению, нашли его в сильной потребности в наказании, которую мы могли причислить только к мазохистским желаниям. Практическое значение этой находки не уступает теоретическому, поскольку потребность в наказании — худший враг наших терапевтических усилий. Она удовлетворяется посредством страданий, связанных с неврозом, и поэтому цепляется за болезненное состояние. Кажется, что этот момент, эта бессознательная потребность в наказании присутствует в каждом невротическом заболевании. Особенно убедительны в этом отношении те случаи, когда невротическое страдание может быть заменено другим. Хочу сообщить вам об одном таком опыте. Как-то мне удалось освободить одну немолодую девушку от комплекса симптомов, который в течение примерно пятнадцати лет обрекал ее на мучительное существование и исключал ее участие в жизни. Теперь

---

[1] [Эта дискуссия о навязчивом повторении и влечении к смерти почти полностью взята из работы «По ту сторону принципа удовольствия» (1920*g*). Более подробное описание мазохизма приводится позднее в работе «Экономическая проблема мазохизма» (1924*c*).]

она ощутила себя здоровой, и развернула *бурную* деятельность, чтобы развить свои немалые таланты и добиться хоть какого-то признания, наслаждения и успеха. Но каждая из ее попыток кончалась тем, что ей давали понять или сама она понимала, что стала слишком стара для того, чтобы достичь чего-то в этой области. После каждого такого исхода следовало бы ожидать возвращения болезни, однако на это она уже была неспособна, вместо этого с ней всякий раз происходили несчастные случаи, которые всякий раз на долгое время выводили ее из строя и заставляли страдать. То она падала и вывихивала ногу, то повреждала колено, или при какой-то работе повреждала руку. Когда ее внимание было обращено на то, сколь велик мог быть ее собственный вклад в эти кажущиеся случайности, она, так сказать, изменила свою технику. Несчастные случаи уступили место легким заболеваниям по тем же поводам: катары, ангины, состояния типа гриппа, ревматические отеки, пока, наконец, она не решила отказаться от своих попыток, что и положило конец всему этому наваждению.

Относительно происхождения этой бессознательной потребности наказания, мы полагаем, нет никаких сомнений. Она ведет себя как часть совести, как продолжение нашей совести в бессознательном, она имеет то же происхождение, что и совесть, то есть соответствует части агрессии, которая ушла вовнутрь и принята Сверх-Я. Если бы только слова лучше подходили друг другу, то для практического употребления было бы вполне оправданно назвать ее только «бессознательным чувством вины». Собственно говоря, сомнения наши теоретические: должны ли мы предположить, что вся агрессия, возвращенная из внешнего мира, связана со Сверх-Я, и тем самым обращена против Я, или что часть ее осуществляет свою, безмолвную и зловещую деятельность как свободное влечение к разрушению в Я и Оно. Более правдоподобно такое разделение, но далее мы ничего об этом не знаем. При первом проявлении действия Сверх-Я для снабжения этой инстанции, безусловно, используется та часть агрессии против родителей, которой ребенок вследствие фиксации любви, а также внешних трудностей не смог дать внешнего выхода, и потому строгость Сверх-Я не обязана прямо соответствовать жесткости воспитания. Очень возможно, что при дальнейших поводах к подавлению агрессии влечение пойдет тем же путем, который открылся ему в тот решающий момент.

Лица, у которых это бессознательное чувство вины слишком сильно, при аналитическом лечении выдают себя негативной терапевтической реакцией, столь неприятной с прогностической точки зрения. Если им сообщили об ослаблении симптома, за которым нормально должно следовать его исчезновение, по крайней мере временное, то у них, напротив, наступает немедленное усиления симптома и страдания. Часто бывает достаточно похвалить их за их поведение при лечении, высказать несколько обнадеживающих слов об успешности анализа, чтобы вызвать несомненное ухудшение их состояния. Не-аналитик мог бы сказать, что пациенту не хватает «воли к выздоровлению». Согласно аналитическому образу мысли, вы видите в этом проявление бессознательного чувства вины, которому как нельзя лучше подходит болезненное состояние с его страданиями и расстройствами. Проблемы, которые выдвинуло бессознательное чувство вины, его отношения к морали, педагогике, преступности и беспризорности — предпочтительная в настоящее время область работы психоаналитиков[1].

Здесь мы неожиданно вырвались из преисподней психики в открытый мир. Дальше я не могу вас вести, однако должен задержаться на одной мысли, прежде чем на этот раз расстаться с вами. У нас вошло в обыкновение говорить, что наша культура построена за счет сексуальных влечений, которые сдерживаются обществом, частью просто вытесняются, а частью используются для новых целей. При всей гордости за наши культурные достижения надо признать, что нам нелегко выполнять требования этой культуры, хорошо в ней себя чувствовать, поскольку ограничения, наложенные на наши влечения, ложатся тяжким бременем на нашу психику. То, что мы теперь узнали о сексуальных влечениях, в равной, а может еще и в большей степени справедливо для других, агрессивных влечений. Именно они, прежде всего, так усложняют совместную жизнь людей и угрожают ее продолжению. Ограничение своей агрессии — это первая, возможно, самая серьезная жертва, которую общество требует от индивидуума. Мы узнали, сколь изобретательным способом осуществляется это укрощение строп-

[1] [Важнейшие рассуждения о чувстве вины приведены в главе V работы «Я и Оно» (1923*b*), в «Экономической проблеме мазохизма» (1924*c*) и в главах VII и VIII «Недомогания культуры» (1930*a*).]

тивого. Вступление в действие Сверх-Я, присваивающего себе опасные агрессивные побуждения, похоже на введение войск в город, склонный к бунту. Но, с другой стороны, с чисто психологической точки зрения, нужно признать, что Я чувствует себя не очень хорошо, когда его приносят в жертву потребностям общества, и оно вынуждено подчиняться разрушительным тенденциям агрессии, которые оно само охотно задействовало бы против других. Это как распространение на область психического той дилеммы — сожри или сожрут тебя, — которая царит в органическом живом мире. К счастью, агрессивные влечения никогда не одиноки, но всегда сплавлены с эротическими. Эти последние могут в условиях созданной человеком культуре многое смягчить и предотвратить[1].

ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ

Женственность[2]

Уважаемые дамы и господа! Все время, пока я готовился к разговору с вами, я боролся с одной внутренней трудностью. Я, так сказать, не был уверен в своей правоте. Конечно, верно, что за пятнадцать лет работы психоанализ изменился и обогатился, однако при этом введение в психоанализ могло бы остаться без изменений и дополнений. Мне все время кажется, что эти лекции не имеют права на существование. Аналитикам я говорю слишком мало и в целом ничего нового, вам же — слишком много и о таких вещах, для понимания которых вы недостаточно подготовлены и которые к вам не относятся. Я искал оправданий и хотел найти дополнитель-

---

[1] [Агрессивные и деструктивные влечения Фрейд подробно обсуждает в изданной незадолго до публикации лекций работе «Недомогание культуры», прежде всего в главах V и VI.]

[2] [Эта лекция опирается прежде всего на две более ранние работы: «Некоторые психические последствия анатомического различия между полами» (1925*j*) и »О женской сексуальности» (1931*b*). Последняя часть, посвященная взрослой жизни женщины, содержит, однако, новый материал.]

ное обоснование для каждой отдельной лекции. Первая, о теории сновидений, должна была сразу перенести вас в аналитическую атмосферу и показать вам, сколь устойчивыми оказались наши воззрения. Во второй, которая прослеживает пути от сновидения к так называемому оккультизму, меня привлекала возможность свободно высказаться в той области, где полные предрассудков ожидания борются со страстным сопротивлением, и я позволил себе надеяться, что вы, благодаря рассудительности и терпимости, воспитанных на примере психоанализа, не откажетесь сопровождать меня в этом экскурсе. Третья лекция, о разделении личности, представляла собой, безусловно, самое трудное испытание для вас — так непривычно было ее содержание, но я счел невозможным утаивать от вас этот первый подход к психологии Я, и если бы мы имели его пятнадцать лет назад, я должен был бы и тогда уже упомянуть о нем. И, наконец, в последней лекции, на которой вы, вероятно, следили за мной с большим напряжением, были внесены необходимые поправки, сделаны попытки дать новые решения важнейших загадок, и мое введение вводило бы в заблуждение, если бы я умолчал об этом. Вы видите, когда пытаешься извиняться, в конце концов, получается, что все было неизбежно, на все воля рока. Я покоряюсь ей и прошу вас сделать то же самое.

Также и сегодняшняя лекция могла бы не войти во введение, но она может дать вам пример детальной аналитической работы, и, рекомендуя ее, я могу сказать две вещи. Она не предлагает ничего, кроме фактов и наблюдение, при почти полном отсутствии умозрительных рассуждений, но тема ее может заинтересовать вас, как никакая другая. Над загадкой женственности люди ломали себе голову во все времена:

Голов в колпаках с иероглифами,
Голов в чалмах и черных, с перьями, шапках,
Голов в париках и тысячи тысяч других
Голов человеческих, жалких, бессильных...

Г. Гейне. Северное море[1].

Вы тоже не чужды этим размышлениям, поскольку вы мужчины; от женщин же, находящихся среди вас, этого ожидать не приходится, они сами — эта загадка. Мужчина

[1] [Второй цикл, VII, «Вопросы». Перевод М. Михайлова.]

или женщина – вот первое различение, которое вы делаете, встречаясь с другим человеческим существом, и вы привыкли делать его с уверенностью и без раздумий. Анатомическая наука разделяет вашу уверенность в одном пункте и не более. Мужское – это мужской половой продукт, сперматозоид и его носитель, женское – яйцо и организм, дающий ему приют. У обоих полов образовались органы, служащие исключительно половым функциям, развившиеся, вероятно, из одного и того же задатка в две различные формы. Кроме того, влияние пола у тех и других сказывается также и на прочих органах, форме тела и ткани, однако оно непостоянно, и мера его изменчива, это так называемые вторичные половые признаки. И далее наука говорит вам нечто, что идет в разрез с вашими ожиданиям и что, вероятно, способно смутить ваши чувства. Она обращает ваше внимание на то, что части мужского полового аппарата присутствуют и в теле женщины, хотя бы и в зачаточном состоянии, и то же самое имеет место в обратном случае. Она видит в этом обстоятельстве признак двуполости, *бисексуальности*[1], как если бы индивидуум не являлся мужчиной или женщиной, а всякий раз и тем, и другим, только одним в большей мере, чем другим.

Затем вам придется свыкнуться с мыслью, что отношение мужского и женского, сочетающегося в отдельном индивидууме, подвержено очень значительным колебаниям. Но поскольку все же, за исключением крайне редких случаев, у каждого индивидуума наличествуют либо те, либо другие половые продукты – яйцеклетки или сперматозоиды, – вы, должно быть, усомнитесь в решающем значении этих элементов и сделаете вывод, что то, что составляет мужественность или женственность, является какой-то неизвестной характеристикой, которую не может уловить анатомия.

Может быть, это сделает психология? Мы привыкли рассматривать мужское и женское и как психические качества, перенося тем самым понятие бисексуальности также и в душевную жизнь. Таким образом, мы говорим, что человек, будучи самцом или самкой, в одном случае ведет себя по-мужски, а в другом – по-женски. Но вы скоро увидите, что это лишь уступка анатомии и условностям. Вы не можете дать понятиям «мужское» и »женское» *никакого* нового

---

[1] [По поводу бисексуальности см. «Три очерка по теории сексуальности» (1905d), первый очерк (1, А).]

содержания. Различие не является психологическим: когда вы говорите «мужское», то, как правило, подразумеваете «активное», а «женское» — «пассивное». Верно, такая связь действительно существует. Мужская половая клетка движется активно, ищет женскую, а последняя, яйцо, неподвижна, пассивно ждет. Это поведение элементарных половых организмов может служить образцом поведения половых партнеров при половом сношении. Самец преследует самку с целью сексуального соединения, нападает на нее, проникает в нее. Однако этим вы психологически свели характеристику мужского к моменту агрессии. Вы засомневаетесь, удалось ли вам тем самым уловить что-то существенное, если примете в расчет, что в некоторых классах животных самки сильнее и агрессивнее, самцы же активны только при акте совокупления. Так это происходит, например, у пауков. Также и функции высиживания и выращивания потомства, кажущиеся нам такими исключительно женскими, у животных не связаны закономерно с женским полом. У весьма высокоразвитых видов мы наблюдаем участие обоих полов в уходе за потомством или даже то, что самец один посвящает себя этой задаче. Да и в области сексуальной жизни человека мы быстро замечаем, сколь недостаточно приравнивать мужское поведение к активности, а женское к пассивности. Мать в любом смысле активна по отношению к ребенку, даже об акте сосания вы можете с одинаковым успехом сказать: она кормит ребенка грудью или она дает ребенку грудь. И чем далее мы будем отходить от узкой области сексуального, тем отчетливее будет эта «ошибка наложения»[1]. Женщины могут развертывать большую активность в разных направлениях, мужчины не ужились бы с себе подобными, если бы у них не была в высокой степени развита пассивная уступчивость. Если вы теперь скажете, что эти факты как раз содержат доказательства, что мужчины, как и женщины, в психологическом смысле бисексуальны, то из этого я заключу, что вы между собой решили, что «активное» совпадает с «мужским», а «пассивное» с «женским». Но я вам этого не советую. Мне кажется это нецелесообразным, и это не дает ничего нового для познания.

Можно было бы думать о том, чтобы психологически охарактеризовать женственность как предпочтение пассив-

---

[1] [Этот термин объясняется в 20-й лекции.]

ных целей. Это, конечно, не то же самое, что пассивность: для того, чтобы достичь пассивной цели, может потребоваться большая «активность». Возможно, получается так, что у женщины, начиная с ее роли при выполнении сексуальной функции, предпочтение пассивного поведения и пассивных целей распространяется в жизнь более или менее широко, в зависимости от того, сужается или расширяется значение сексуальной жизни как образца. Но при этом мы обратить внимание на недопустимость недооценки влияния социального устройства, которое как бы загоняет женщину в ситуации пассивности. Все это еще очень неясно. Давайте не будем упускать из виду особенно устойчивую связь между женственностью и жизнью влечений. Предписанное женщине конституционально и налагаемое на нее социально подавление своей агрессии благоприятствует образованию сильных мазохистских побуждений, которым все-таки удается эротически связать направленные внутрь разрушительные тенденции. Итак, мазохизм, как говорится, это нечто подлинно женское. Однако если вы встретите мазохизм у мужчин, что часто бывает, то вам лишь останется сказать, что эти мужчины обнаруживают весьма отчетливые женские черты?

Теперь вы уже подготовлены к тому, что и психология не решит тайны женственности. Разъяснение этого вопроса должно, наверное, прийти из какого-то другого источника, но оно не придет, пока мы не узнаем, как вообще возникла дифференциация живых существ на два пола. Мы не знаем об этом ничего, а ведь двуполость является столь отчетливым признаком органической жизни, который ее так резко отличает от неживой природы. Между тем, те человеческие индивидуумы, которые благодаря наличию женских гениталий характеризуются как явно или преимущественно женские, дают немало материала для исследования. В соответствии со своей спецификой психоанализ не намерен описывать, что такое женщина, — это было бы едва ли разрешимой задачей для него, — но исследует, как ею становятся, как развивается женщина из предрасположенного к бисексуальности ребенка. За последнее время мы кое-что узнали об этом благодаря тому обстоятельству, что несколько замечательных женщин — наших коллег по психоанализу — начали разрабатывать этот вопрос. Дискуссия об этом приобрела особую привлекательность из-за различия полов, потому что каждый раз, когда сравне-

ние будто бы оказывалось неблагоприятным для их пола, наши дамы могли выразить подозрение, что мы, аналитики-мужчины, не преодолели определенных, глубоко укоренившихся предубеждений против женственности, что выявилось в частичном характере наших исследований. На почве бисексуальности, однако, было легко избежать любой невежливости. Нам только нужно было сказать: это к вам не относится, Вы – исключение, в этом отношении в вас больше мужского, чем женского. Мы приступаем к исследованию развития женской сексуальности, ожидая встретиться с двумя явлениями: первое заключается в том, что и здесь конституция не без сопротивления подчиняется функции; второе – что решающие изменения подготавливаются или совершаются еще до наступления пубертатного периода. Оба ожидания скоро подтвердятся. Далее, сравнение с поведением мальчика говорит нам, что развитие маленькой девочки в нормальную женщину происходит труднее и сложнее, потому что оно включает в себя на две задачи больше, и этим задачам нет соответствия в развитии мужчины. Проследим эту параллель с самого начала. Конечно, сам материал у мальчика и у девочки различен; чтобы это установить, никакой психоанализ не нужен. Различие в формировании гениталий сопровождается другими физическими отличиями, которые слишком хорошо известны, чтобы нуждаться в упоминании. В структуре влечений тоже проявляются различия, которые позволяют почувствовать будущую сущность женщины. Маленькая девочка, как правило, менее агрессивна, упряма и самодостаточна, кажется, что у нее больше потребность в получении нежности, и поэтому она более зависима и послушна. То, что ее легче и скорее можно научить управлять своими выделительными функциями, весьма вероятно, есть лишь следствие этой послушности; моча и стул-это же первые подарки, которые ребенок делает ухаживающим за ним, а управление ими – первая уступка, на которую вынужденно идет инстинктивная жизнь ребенка. Возникает впечатление, что маленькая девочка умнее, живее мальчика тех же лет, она больше идет навстречу внешнему миру, в то же время у нее сильнее катексис объектов. Не знаю, подтверждается ли это опережение развития точными данными, во всяком случае, можно утверждать, что девочку нельзя назвать интеллектуально отсталой. Однако эти половые различия не слишком вы-

ражены, они могут быть уравновешены индивидуальными вариациями. Для целей, которые мы сейчас преследуем, ими можно пренебречь.

Ранние фазы развития либидо оба пола проходят, по-видимому, одинаковым образом. Можно было бы ожидать, что у девочек уже в анально-садистской фазе будет выражено отставание в агрессии, но этого не происходит. Анализ детской игры показал нашим женщинам-аналитикам, что агрессивные импульсы у маленьких девочек в плане их богатства и интенсивности развиты как нельзя лучше. Со вступлением в фаллическую фазу различия полов полностью отступают на задний план, уступая место сходству, так что приходится признать, что маленькая девочка – это как бы маленький мужчина. У мальчиков эта фаза, как известно, характеризуется тем, что он умеет доставлять себе наслаждение с помощью своего маленького пениса, связывая его эрегированное состояние со своими представлениями о половых отношениях. То же самое делает девочка со своим еще более маленьким клитором. Кажется, что все онанистические действия разыгрываются у нее с этим эквивалентом пениса, а собственно женское влагалище остается еще не открытым для обоих полов. Имеются, правда, сообщения о ранних вагинальных ощущениях, однако их трудно отличить от анальных или от ощущений преддверия влагалища; они ни в коем случае не могут играть большой роли. Мы смеем придерживаться того мнения, что в фаллической фазе у девочки ведущей эрогенной зоной является клитор. Но так ведь не может быть всегда, с переходом к женственности клитор должен полностью или частично уступить влагалищу свою чувствительность и, соответственно, свое значение. И это – одна из тех двух задач, которые должно решать женское развитие, в то время как более счастливому мужчине ко времени полового созревания нужно лишь продолжать делать то, чему он предварительно научился в период раннего расцвета сексуальности.

Мы вернемся еще к роли клитора, обратимся теперь ко второй задаче, решение которой отягощает развитие девочки. Первый объект любви мальчика – мать, она остается им также и при формировании эдипова комплекса, по существу, на протяжении всей жизни. Также и для девочки мать, а также слитые с ней образы кормилицы, няни – тоже первый объект, ведь первые катексисы объектов происходят благодаря обеспечению важных и простых жизнен-

ных потребностей[1], а условия ухода за ребенком для обоих полов одинаковы. Но в ситуации эдипова комплекса объектом любви для девочки становится отец, и мы ожидаем, что при нормальном ходе развития она найдет путь от отцовского объекта к окончательному выбору объекта. Итак, девочка должна с течением времени сменить эрогенную зону и объект, у мальчика же и то и другое сохраняется. Тогда возникает вопрос, как это происходит, в частности, как девочка переходит от матери к привязанности к отцу, или, другими словами, из своей мужской в биологически предопределенную ей женскую фазу?

Решение было бы идеально простым при возможности допущения, что с определенного возраста начинает действовать элементарное влияние притяжения противоположных полов друг к другу, которое и толкает маленькую женщину к мужчине, в то время как тот же закон позволяет мальчику упорно держаться матери. Можно было бы еще прибавить, что дети при этом следуют намекам, которые дают родители, оказывая им предпочтение в зависимости от пола. Но так гладко все не бывает, мы ведь даже не знаем, стоит ли серьезно верить в эту таинственную, аналитически далее не разложимую силу, которой столь увлекаются поэты. Сведения совсем другого рода мы получили путем трудоемких исследований, правда, добыть материал для них было легко. А именно: вы, должно быть, знаете, что очень велико число женщин, которые долго остаются в нежной зависимости от отцовского объекта, да и от реального отца. На примере таких женщин с интенсивной и долго длящейся привязанностью к отцу мы сделали поразительные открытия. Мы знали, конечно, что была предварительная стадия привязанности к матери, но мы не знали, что она могла быть так богата содержанием, так длительна и могла дать так много поводов для фиксаций и предрасположений. В это время отец — лишь надоедливый соперник; в некоторых случаях привязанность к матери затягивается до четвертого года. Почти все, что мы впоследствии находим в отношении к отцу, уже присутствовало в ней и затем было перенесено на отца. Короче, мы убеждаемся, что нельзя понять женщину, не оценив по достоинству эту фазу *доэдиповой привязанности к матери*. Теперь нам хотелось бы знать, каковы либидинозные отношения девочки к матери. Ответ

[1] [Ср. 21-ю лекцию.]

таков: они очень разнообразны. Поскольку они проходят через все три фазы детской сексуальности, они получают характеристики отдельных фаз, и выражаются в оральных, анально-садистских и фаллических желаниях. Эти желания представляют как активные, так и пассивные побуждения; если отнести их к проявляющейся позднее дифференциации полов, чего, однако, следует по возможности избегать, то их можно назвать мужскими и женскими. Кроме этого, они полностью амбивалентны, в равной степени имеют нежную и враждебно-агрессивную природу. Последние часто проявляются лишь после того, как они превратились в тревожные представления. Не всегда легко сформулировать эти ранние сексуальные желания: отчетливее всего выражается желание сделать матери ребенка, как и соответствующее ему желание родить ей ребенка, оба относятся к фаллическому периоду, вызывают недоумение, но, установленные аналитическим наблюдением, не подлежат сомнению. Привлекательность этих исследований — в тех поразительных отдельных находках, которые они приносят. Так, например, уже в этот доэдипов период можно обнаружить страх быть убитой или отравленной матерью, который впоследствии может образовать ядро паранойяльного расстройства. Или другой случай: вы помните интересный эпизод из истории аналитических исследований, который доставил мне множество неприятных часов. В то время, когда основной интерес был направлен на выявление детских сексуальных травм, почти все мои пациентки рассказывали мне, что они были совращены отцом. В конце концов, я пришел к выводу, что эти сообщения не соответствуют действительности, и научился понимать, что истерические симптомы выводятся из фантазий, а не из реальных событий. Лишь впоследствии я сумел распознать в этой фантазии о соблазнении отцом выражение типичного эдипова комплекса у женщин. А теперь мы вновь находим в доэдиповой предыстории девочек фантазию соблазнения, но соблазнительница, как правило, мать. Но здесь фантазия соприкасается с реальностью, потому что, действительно, мать, ухаживая за телом ребенка, вызывает у него в гениталиях ощущения удовольствия, возможно, даже впервые их пробуждая.

Я полагаю, что вы уже готовы подозревать, что это описание полноты и силы сексуальных отношений маленькой девочки к своей матери очень преувеличено. Наблюдая за

маленькими девочками, мы ведь ничего подобного за ними не замечаем. Но это возражение не годится: если уметь наблюдать, в детях можно увидеть достаточно, и, кроме того, не забывайте, как мало из своих сексуальных желаний ребенок может предсознательно выразить или тем более сообщить. И тогда мы лишь используем свое право изучать остатки и последствия этого мира чувств у людей, у которых данные процессы развития достигли особой отчетливости или даже чрезмерности. Ведь патология, благодаря изоляции и преувеличению, всегда служила нам средством познания тех соотношений, которые в норме остаются скрытыми. А поскольку наши исследования никоим образом не проводились на людях, страдающих тяжелыми отклонениями, то я полагаю, что мы можем считать полученные результаты достоверными.

Теперь обратимся к вопросу: отчего уходит эта сильная привязанность девочки к матери? Мы знаем, что это ее обычная судьба; ей предопределено освободить место для привязанности к отцу. Здесь мы сталкиваемся с фактом, который указывает нам дальнейший путь. Этот шаг в развитии говорит не о простой смене объекта. Отворачивание от матери проходит под знаком враждебности, связь с матерью переходит в ненависть. Такая ненависть может стать весьма ярко выраженной и сохраниться на всю жизнь, впоследствии она может подвергнуться тщательной сверхкомпенсации, как правило, какая-то ее часть будет преодолена, какая-то останется. Конечно, события последующих лет оказывают на нее сильное влияние. Однако мы ограничимся тем, что будем изучать ее в период обращения к отцу и зададимся вопросом о ее мотивах. Тогда мы услышим длинный список жалоб и обвинений в адрес матери, призванных оправдать разнообразные враждебные чувства ребенка, значение которых мы не должны недооценивать. Некоторые из них являются откровенными рационализациями, действительные же источники враждебности предстоит отыскать. Надеюсь, вы последуете за мной, когда в этот раз я проведу вас через все детали психоаналитического исследования.

Упрек в адрес матери, к которому прибегают наиболее часто, состоит в том, что она давала ребенку слишком мало молока, что свидетельствует о недостатке ее любви. Этот упрек в наших семьях до известной степени оправдан. У матерей часто не бывает достаточно питания для ребенка, и они

довольствуются тем, что кормят грудью несколько месяцев, полгода или три четверти года. У примитивных народов детей не отнимают от груди до двух и трех лет. Образ питающей кормилицы, как правило, сливается с матерью; там, где этого не происходит, упрек преобразуется в другой: что она слишком рано отослала кормилицу, которая так охотно кормила ребенка. Но как бы там ни было в действительности, этот упрек ребенка не может каждый раз иметь под собой основание. Кажется скорее, что жадность ребенка к своему первому питанию вообще неутолима, что он никогда так и не примирится с утратой материнской груди. Я бы нисколько не удивился, если бы анализ ребенка, принадлежащего примитивному народу, который все еще имеет возможность сосать материнскую грудь, хотя он уже бегает и говорит, выявил бы тот же упрек. С отнятием от груди связан, вероятно, и страх отравления. Яд — это пища, которая делает больным. Возможно, и ребенок сводит свои ранние заболевания к этому отказу. Чтобы поверить в случайность, требуется некоторый уровень интеллектуального развития; примитивные, необразованные народы и, конечно, ребенок знают, как найти причину всему, что происходит. Возможно, что изначально это был мотив в духе анимизма. В некоторых слоях нашего населения еще и сегодня невозможно умереть без того, чтобы не сказали, что кто-то угробил, скорее всего, доктор. А обычная невротическая реакция на смерть близкого человека — это самообвинение в том, что ты сам являешься причиной его смерти.

Следующее обвинение в адрес матери вспыхивает, когда в детской появляется еще один ребенок. В ряде случаев оно фиксирует связь с вынужденным отказом в оральном удовлетворении. Мать больше не могла или не хотела давать ребенку молока, потому что оно нужно для вновь появившегося. В ситуации, когда дети рождаются следом друг за другом, так что лактация нарушается второй беременностью, этот упрек приобретает реальное основание, и примечательно, что ребенок даже с разницей в возрасте всего лишь в 11 месяцев не настолько мал, чтобы не понять это положение вещей. Однако ребенок чувствует себя ущемленным перед лицом нежелательного захватчика и соперника не только в кормлении молоком, но также и во всех других знаках материнской заботы. Он чувствует себя низвергнутым с трона, ограбленным, пораженным в своих правах, на почве ревности ненавидит маленького брата или сестру и на-

правляет на неверную мать злобу, которая очень часто выражается в неприятном изменении его поведения. Он, что называется, становится «дурным», раздражительным, непослушным, отходит от обретенных навыков в овладении своими выделительными функциями. Все это давно известно, и принимается как само собой разумеющееся, однако мы редко имеем правильное представление о силе ревнивых побуждений, об упорстве, с которым они продолжают сохраняться, а также о масштабе их влияния на последующее развитие. Особенно в тех случаях, когда эта ревность в последующие детские годы получает все новую подпитку, и все это потрясение повторяется с рождением каждого нового брата или сестры. Немногое меняется от того, что ребенок остается любимцем матери; притязания ребенка на любовь безмерны, они требуют исключительности и не допускают дележки.

Значительный источник враждебности ребенка к матери составляют его многообразные, меняющиеся в зависимости от фазы либидо сексуальные желания, которые в большинстве своем не могут быть удовлетворены. Самый существенный из таких отказов возникает в фаллической фазе, когда мать запрещает, нередко в сочетании с суровыми угрозами и всеми знаками неудовольствия, приносящие наслаждение манипуляции с гениталиями, к которым она же сама ребенка и подвела. Можно предположить, что это — достаточный мотив для обоснования отхода девочки от матери. Но тогда бы мы считали, что этот разрыв неизбежно следует из природы детской сексуальности, из чрезмерности притязаний на любовь и неосуществимости сексуальных желаний. Пожалуй, можно даже подумать, что эти первые любовные отношения ребенка обречены на неудачу как раз потому, что они первые, поскольку этот ранний катексис объекта обычно чрезвычайно амбивалентен: наряду с сильной любовью всегда присутствует и сильная склонность к агрессии, и чем более страстно ребенок любит объект, тем чувствительнее он к разочарованиям и отказам с его стороны. В конце концов, любовь становится жертвой накопившейся враждебности. Или же, отклонив исходную амбивалентность любовного отношения, можно указать на то, что такова особая природа отношений мать — ребенок, ведущая с той же неизбежностью к разрушению детской любви, потому что даже самое мягкое воспитание не может осуществляться иначе, нежели путем принуждения и вве-

дения ограничений, а каждое такое покушение на его свободу вызывает у ребенка как реакцию склонность к сопротивлению и агрессии.

Полагаю, что обсуждение этих возможностей могло бы стать весьма интересным, но неожиданно возникает возражение, которое направляет наш интерес в другую сторону. Все эти моменты: обида, разочарование в любви, ревность, соблазн с последующим запретом — в действительности имеют место и в отношениях мальчика к матери, и все же они не в состоянии вызвать у него отчуждения к материнскому объекту. Если мы не найдем чего-то, что является специфичным для девочки и отсутствует у мальчика или же происходит у него иначе, то мы не сможем объяснить судьбу связи с матерью у девочки.

Я думаю, что мы нашли этот специфический фактор, причем в предполагаемом месте, хотя и в удивительной форме. Я говорю, в предполагаемом месте, поскольку он находится в комплексе кастрации. Анатомическое различие должно было сказаться и на психических последствиях. Удивительно же было узнать из аналитической работы, что девочка считает мать ответственной за отсутствие пениса и не хочет простить ей этой своей обделенности.

Как видите, женщине мы также приписываем комплекс кастрации. И вполне обоснованно, хотя он не может иметь то же содержание, что и у мальчика. У него комплекс кастрации возникает, когда, взглянув на женские гениталии, он узнает, что столь высоко ценимый им член не обязательно должен быть вместе с телом. Тогда он вспоминает угрозы, которым он подвергался за занятия со своим членом, начинает им доверять и подпадает с этих пор под влияние *страха кастрации*, который становится наиболее мощным двигателем его дальнейшего развития. Комплекс кастрации у девочки тоже начинается с того, что она видит гениталии другого. Она сразу же замечает различие и, надо признать, его значение. Она чувствует себя глубоко обделенной, часто выражает, что ей хотелось бы «иметь такое же», и отныне предается *зависти к пенису*, оставляющей неизгладимые следы в ее развитии и образовании характера, которые даже в самом благоприятном случае нельзя преодолеть без серьезных психических затрат. То, что девочка признает факт отсутствия пениса, вовсе не значит, что она с этим легко смиряется. Напротив, она долго держится за желание получить «такое же», верит в эту возможность вплоть до невероятно больших лет,

и даже, когда знание реальности давно отбросило это желание как недостижимое, анализ может показать, что оно осталось в бессознательном и сохранило изрядный запас энергии. Желание все же получить, в конце концов, вожделенный пенис может способствовать возникновению мотивов, которые приведут зрелую женщину к психоанализу, и то, что она, вполне обоснованно, может ожидать от анализа, вроде возможности иметь интеллектуальную профессию, часто позволяет распознать сублимированную метаморфозу этого вытесненного желания.

Значение зависти к пенису не подлежит сомнению. В качестве примера мужской несправедливости возьмите утверждение, что зависть и ревность в душевной жизни женщины играют еще большую роль, чем у мужчины. Не то чтобы этих качеств не было у мужчин или они не имели бы у женщины никакого другого корня, кроме зависти к пенису, однако мы склонны приписывать этой последней большее значение для женщин. Вместе с тем у некоторых аналитиков имеется склонность принижать значение того первого приступа зависти к пенису, который возникает в фаллической фазе. По их мнению, подобная установка, обнаруживаемая у женщины, является по своей сути вторичным образованием, которое возникает при более поздних конфликтах вследствие регрессии к тому раннему инфантильному побуждению. Но это уже общая проблема глубинной психологии. При многих патологических или всего лишь необычных установках влечений, например, при всех сексуальных перверсиях, возникает вопрос, насколько их сила обусловлена ранними инфантильными фиксациями и насколько — влиянием последующих переживаний и развития. При этом речь почти всегда идет о дополнительных рядах [событий], как мы предположили это при обсуждении этиологии неврозов[1]. Оба момента в различном соотношении выступают причиной; меньшая доля одного из них возмещается большей другого. Инфантильное во всех случаях задает направление, имеет, хоть и не всегда, но часто решающее значение. В случае зависти к пенису я как раз хотел бы решительно выступить за преобладание инфантильного момента.

Открытие своей кастрации — поворотный пункт в развитии девочки. Из него исходят· три направления разви-

---

[1] [См. 22-ю и 23-ю лекции.]

тия: одно ведет к подавлению сексуальности или к неврозу, другое – к изменению характера в смысле комплекса мужественности, наконец, последнее – к нормальной женственности. Обо всех трех мы узнали довольно много, хотя и не все. Основное содержание первого направления состоит в том, что маленькая девочка, которая до сих пор жила помужски, знала, как доставлять себе наслаждение возбуждением клитора, соединяла это занятие со своими часто активными сексуальными желаниями, относящимися к матери, под влиянием зависти к пенису теряет удовольствие от своей фаллической сексуальности. Уязвленная в своем самолюбии сравнением с оснащенностью мальчика, она отказывается от мастурбационного удовлетворения клитором, отвергает свою любовь к матери, и нередко вытесняет при этом вообще значительную часть своих сексуальных стремлений. Отход от матери происходит, правда, не одним махом, поскольку сначала девочка считает кастрацию своим индивидуальным несчастьем, она лишь постепенно распространяет ее на другие женские существа и, наконец, также на мать. Ее любовь была направлена на *фаллическую* мать; открытие того, что мать кастрирована, позволяет отказаться от нее как от объекта любви, вследствие чего давно копившиеся мотивы враждебности берут верх. Это означает, что открытие отсутствия пениса точно так же обесценивает женщин в глазах девочки, как и мальчика, а позднее, возможно, и мужчины.

Вам известно, какое неимоверное этиологическое значение наши невротики отводят своему онанизму. Его считают они ответственным за все свои недуги, и нам приходится немало потрудиться, чтобы они поверили, что заблуждаются. Однако мы должны были бы, собственно, признать, что они правы, так как посредством онанизма проявляется детская сексуальность, от неправильного развития которой они и страдают. Правда, в основном невротики обвиняют онанизм пубертатного периода; о раннем детском онанизме, от которого в действительности все зависит, они обычно забывают. Я хотел бы когда-нибудь иметь возможность в деталях изложить вам, насколько важны все фактические подробности раннего онанизма для последующего невроза или характера индивидуума, был он обнаружен или нет, как родители боролись с ним или допускали его, удалось ли самому ему подавить его. Все это оставило неизгладимые следы в его развитии. Однако я скорее рад,

что мне не нужно этого делать; это была бы многотрудная задача, и в конце вы поставили бы меня в затруднительное положение, требуя от меня совершенно определенных практических советов, как родителям или воспитателям следует относиться к онанизму маленьких детей. В развитии девочки, о котором я вам рассказываю, вы видите пример того, как ребенок сам старается освободиться от онанизма. Но это не всегда ему удается. Там, где зависть к пенису пробудила сильный импульс против клиторального онанизма, а он все-таки не хочет отступать, начинается энергичная борьба за освобождение, в которой девочка словно берет на себя роль отставленной матери и выражает все свое недовольство неполноценным клитором, сопротивляясь удовлетворению с помощью его. Еще многие годы спустя, когда онанистические действия давно подавлены, интерес продолжается, и мы должны бы толковать его как защиту от все еще пугающего искушения. Это выражается в возникновении симпатии к лицам, у которых предположительно имеются схожие трудности, это входит в мотив заключения брака, это может даже определять выбор партнера по браку или любви. Покончить с мастурбацией раннего детства — действительно дело нелегкое и небезразличное.

С прекращением клиторальной мастурбации происходит и отказ от части активности. Теперь верх берет пассивность, обращение к отцу осуществляется преимущественно с помощью пассивных побуждений. Вы понимаете, что такой сдвиг в развитии, который устраняет с дороги фаллическую активность, готовит почву для женственности. Если при этом не слишком многое теряется вследствие вытеснения, эта женственность может сложиться нормально. Желание, с которым девочка обращается к отцу, — это изначальное желание иметь пенис, в котором ей отказала мать и которого она ожидает от отца. Но женская ситуация впервые устанавливается лишь тогда, когда желание иметь пенис замещается желанием иметь ребенка; ребенок, таким образом согласно древней символической эквивалентности, занял место пениса. Мы не упускаем из виду также, что девочка еще раньше, в ненарушенной фаллической фазе хотела ребенка, таков и был смысл ее игры с куклами. Но эта игра не была подлинным выражением женственности, она служила идентификации с матерью с намерением заменить пассивность активностью. Девочка играла роль матери, а куклой была она сама, теперь она могла делать с ребенком

все то, что мать обычно делала с ней. Лишь с появлением желания иметь пенис кукла-ребенок становится ребенком отца и отныне самой желанной женской целью. Велико счастье, если когда-нибудь впоследствии это желание найдет свое реальное воплощение, особенно если ребенок будет мальчиком, приносящим с собой вожделенный пенис. В выражении «ребенок отца» акцент достаточно часто смещен на ребенка, а не на отца. Так архаическое мужское желание обладать пенисом все еще просвечивает сквозь осуществленную женственность. Хотя может быть, это желание иметь пенис мы должны, скорее, считать исключительно женским.

С переносом желания ребенка-пениса на отца девочка вступает в ситуацию эдипова комплекса. Враждебность к матери, которую нет нужды порождать заново, теперь получает сильное подкрепление, поскольку мать превращается в соперницу, получившую от отца все то, чего страстно желает девочка. Эдипов комплекс девочки долго не давал нам увидеть эту доэдиповую связь с матерью, которая столь важна и оставляет после себя такие стойкие фиксации. Для девочки эдипальная ситуация — исход долгого и трудного развития, нечто вроде предварительного решения, некое состояние покоя, из которого она не так-то скоро выйдет, тем более что начало латентного периода недалеко. В соотношении между эдиповым комплексом и комплексом кастрации явственно обнаруживается различие между полами, которое, вероятно, влечет за собой серьезные последствия. эдипов комплекс мальчика, в котором он страстно желает свою мать, а отца хотел бы устранить как соперника, развивается естественным путем из фазы его фаллической сексуальности. Однако угроза кастрации принуждает его отказаться от этой установки. Под влиянием опасности потерять пенис эдипов комплекс оставляется, вытесняется и в самом нормальном случае основательно разрушается, а вместо него, как его наследник, вступает в силу строгое Сверх-Я. С девочкой происходит почти противоположное. Комплекс кастрации не разрушает, а подготавливает эдипов комплекс, под влиянием зависти к пенису нарушается связь с матерью, и девочка устремляется в эдипову ситуацию, словно в некую гавань. С устранением кастрационной тревоги отпадает главный мотив, заставлявший мальчика преодолевать эдипов комплекс. Девочка пребывает в нем неопределенно долго и отказывается от него довольно поздно, да и то не пол-

ностью. Образование Сверх-Я в этих условиях страдает, оно не может достичь той силы и независимости, которые и сообщают ему его культурное значение, и феминисты не любят, когда им указывают на воздействие этого фактора на обычный женский характер.

Теперь вернемся назад: как вторую возможную реакцию на открытие женской кастрации мы упомянули развитие сильного комплекса мужественности. Этим подразумевается, что девочка как бы отказывается признать этот неприятный факт, еще больше преувеличивает свою прежнюю мужественность в непокорном восстании, не хочет отказываться от своих клито-ральных действий и находит себе прибежище в идентификации с фаллической матерью или отцом. Что может быть решающим для этого исхода? Мы не можем себе представить ничего другого, кроме конституционального фактора, большей меры активности, характерной обычно для самца. Сущность же процесса состоит в том, что в этот момент развития не осуществляется сдвиг к пассивности, который открывает поворот к женственности. Крайнее проявление этого комплекса мужественности мы видим в его влиянии на выбор объекта в смысле явного гомосексуализма. Правда, аналитический опыт учит нас, что женский гомосексуализм редко или никогда не является прямым продолжением инфантильной мужественности. Кажется, что сюда же относится и то, что и такие девочки некоторое время воспринимают отца в качестве объекта и оказываются в эдипальной ситуации. Но затем, вследствие неминуемых разочарований в отце они вынуждены регрессировать к своему раннему комплексу мужественности. Не следует переоценивать значение этих разочарований, их не минует и девочка, следующая по пути женственности, где они, однако, не дают такого же результата. Превосходящая сила конституционального момента кажется неоспоримой, но две фазы в развитии женского гомосексуализма очень явственно отражаются в практике гомосексуалистов, которые столь же часто и столь же отчетливо играют друг с другом в мать и ребенка, как и в мужчину и женщину.

То, что я вам здесь излагаю, это, так сказать, предыстория женщины. Это наследие самых последних лет, возможно, оно заинтересует вас как пример детальной аналитической работы. Поскольку темой лекции является женщина, позволю себе на этот раз поименно назвать некоторых женщин, которым это исследование обязано важными работа-

ми. Докторр Рут Мак-Брунсвик первой (1929) описала случай невроза, который восходит к фиксации на доэдиповой стадии, не достигнув вообще эдиповой ситуации. Он имел форму паранойяльного бреда ревности и оказался доступным для терапии. Доктор Жанна Лампль-де Гроот в ходе проверенных наблюдений установила (1927) столь невероятную фаллическую активность девочки по отношению к матери, доктор Хелен Дойч показала (1932), что любовные акты гомосексуальных женщин репродуцируют отношения матери и ребенка.

Проследить последующее развитие женственности через половое созревание вплоть до периода зрелости не входит в мои намерения. Наших знаний было бы для этого недостаточно. Некоторые черты я сопоставлю ниже. В дополнение к предыстории, я здесь только хочу подчеркнуть, что развертывание женственности в дальнейшем по-прежнему подвергается нарушениям со стороны остаточных явлений предварительного периода мужественности. Регрессии к фиксациям тех доэдиповых фаз происходят очень часто; в некоторых историях жизни имеет место повторяющаяся смена периодов, в которых преобладает то мужественность, то женственность. Часть того, что мы, мужчины, называем «загадкой женщины», возможно, берет начало от этого проявления бисексуальности в жизни женщины. Но во время этих исследований, назрел, похоже, другой вопрос. Движущую силу сексуальной жизни мы называем либидо. Сексуальная жизнь подчинена полярности мужского — женского; таким образом, представляется необходимым рассмотреть отношение либидо к этой полярности. Не было бы ничего поразительного, если бы оказалось, что каждой сексуальности отводится свое особое либидо, так что один вид либидо преследует цели мужской, а другой — цели женской сексуальной жизни. Однако ничего подобного. Есть лишь одно либидо, которое находится на службе как мужской, так и женской сексуальной функции. Самому ему мы не можем приписать пол; если мы, согласно конвенциональному отождествлению активности и мужественности, пожелаем назвать его мужским, нам не следует забывать, что оно же представляет и стремления к пассивным целям. Так или иначе, словосочетание «женское либидо» лишено всякого оправдания. Тогда у нас возникает впечатление, что либидо находится под большим давлением, когда его заставляют служить женской функции, и что, говоря телеологи-

чески, природа менее тщательно принимает в расчет ее притязания, чем в случае мужественности. А это, опять-таки, если мыслить телеологически, может иметь свое основание в том, что проведение в жизнь биологической цели поручено агрессии мужчины и в некоторой степени независимо от согласия женщины.

Сексуальная фригидность женщины, частота которой, по-видимому, подтверждает это пренебрежение, — пока что недостаточно понятый феномен. Иногда она имеет психогенную природу и тогда доступна для воздействия, в других случаях напрашивается предположение о конституциональной обусловленности и о вкладе собственно анатомического фактора.

Я вам обещал рассказать еще о некоторых психических особенностях зрелой женственности, как они проявляются при аналитическом наблюдении. Мы не претендуем на то, что эти утверждения окончательно верны; кроме того, не всегда легко отделить то, что следует приписать влиянию сексуальной функции от воздействия социального воспитания. Мы, таким образом, приписываем женственности большую меру нарцизма, которая влияет и на выбор объекта, так что потребность быть любимой у женщины сильнее, чем потребность любить. В телесном тщеславии женщины все еще сказывается зависть к пенису, и тем выше она будет ценить свои прелести[1], поскольку они выступают в качестве отсроченного возмещения изначальной сексуальной неполноценности. Стыдливости, которая считается исключительно женским свойством, но значительно более конвенциональна, чем принято думать, мы приписываем первоначальное намерение скрыть дефект гениталий. Мы не забываем, что впоследствии она приняла на себя другие функции. Полагают, что женщины внесли меньший вклад в историю открытий и изобретений, но, может быть, именно они все же нашли один вид техники — технику плетения и ткачества. Если это так, возникает искушение отгадать бессознательный мотив этого достижения. Сама природа как будто дает образец для подражания, тем, что с наступлением половой зрелости гениталии скрываются за волосами. Шаг, который еще надо было сделать затем, состоял в том, чтобы скрепить волокна друг с другом, которые на теле держались в коже и были только спутаны. Если вы от-

[1] [Ср. «О введении понятия "нарцизм"» (1914*c*), часть II.]

вергнете эту неожиданную мысль как фантастическую, и если вы считаете влияние отсутствия пениса на формирование женственности моей *idée fix*, то я, естественно, безоружен.

Условия выбора объекта женщиной достаточно часто до неузнаваемости меняются социальными отношениями. Там, где он может оказаться свободным, он часто происходит в соответствии с нарциссическим идеалом мужчины, которым девушка хотела бы стать. Если девушка пребывает на этапе привязанности к отцу, то есть, эдипова комплекса, то она выбирает объект по типу отца. Поскольку при обращении от матери к отцу враждебность амбивалентного эмоционального отношения осталась направленной на мать, такой выбор должен был бы гарантировать счастливый брак. Однако весьма часто наступает такой исход, который вообще ставит под угрозу подобное разрешение конфликта амбивалентности. Сохранившаяся враждебность, идя по пятам за положительной привязанностью, охватывает новый объект. Супруг, который сначала получает в наследство чувства к отцу, со временем наследует и чувства к матери. Так, легко может случиться, что вторая половина жизни женщины наполнена борьбой против своего мужа, как первая, более короткая, – бунтом против матери. После того как реакция изжита, второй брак может сложиться гораздо более удовлетворительно. Другое изменение в сущности женщины, к которому любящие не подготовлены, может наступить после рождения в браке первого ребенка. Под впечатлением собственного материнства может ожить идентификация с собственной матерью, против которой женщина сопротивлялась вплоть до брака, и захватить все имеющееся в распоряжении либидо, так что навязчивое повторение приведет к воспроизведению несчастного брака родителей. То, что старый момент отсутствия пениса все еще не утратил силы, проявляется в различии реакции матери на рождение сына или дочери. Только отношение к сыну приносит матери неограниченное удовлетворение; это вообще самые совершенные из всех человеческих отношений, наиболее свободные от амбивалентности[1]. На сына мать может перенести свое честолюбие, которое она должна была подавлять в себе, от него она ждет удовлетворения

[1] [Это утверждение Фрейд сделал еще в 13-й лекции. Наличие исключений демонстрирует пример, приведенный в 31-й лекции.]

всего того, что у нее осталось от комплекса мужественности. Сам брак нельзя считать устойчивым, пока женщине не удастся сделать мужа своим ребенком и действовать в отношении него как мать.

Идентификация женщины с матерью позволяет распознать два слоя — доэдипов, который покоится на нежной привязанности к матери, выступающей в качестве образца, и более поздний, из эдипова комплекса, в котором мать отстраняется и заменяется отцом. От обоих многое остается для будущего, и правомерно утверждать, что ни один из них в процессе развития не преодолевается в достаточной мере. Но фаза нежной доэдиповой привязанности является решающей для будущего женщины; в ней подготавливается обретение тех качеств, благодаря которым она позднее будет соответствовать своей роли в сексуальной функции и добиваться значительных социальных успехов. В этой идентификации она также приобретает привлекательность для мужчины, превращающей его эдипову привязанность к матери во влюбленность. Часто лишь тогда сын получает то, чего он так добивался. Создается впечатление, что любовь мужчины и любовь женщины психологически находятся в разных фазах друг в отношении друга.

То, что женщине в небольшой степени свойственно чувство справедливости, связано с преобладанием зависти в ее душевной жизни, поскольку требование справедливости — это переработка зависти, создающая условие, при котором от нее можно отказаться. Мы также говорим о женщинах, что их социальные интересы слабее, а способность к сублимации влечений меньше, чем у мужчин. Первое вполне выводится из асоциального характера, который, несомненно, присущ всем сексуальным отношениям. Любящие находят удовлетворение друг в друге, и даже семья сопротивляется включению в более широкие объединения[1]. Способность к сублимации подвержена наиболее значительным индивидуальным колебаниям. Однако не могу не упомянуть впечатления, которое все время возникает в ходе аналитической деятельности. Мужчина около тридцати лет кажется молодым, скорее незрелым индивидуумом, от которого мы ждем, что он энергично использует возможности развития, которые открывает ему анализ. Но женщина

[1] [Ср. в этой связи некоторые замечания в главе XII работы «Психология масс и анализ Я» (1921*c*).]

того же возраста часто ужасает нас своей психической окостенелостью и неизменяемостью. Ее либидо заняло окончательные позиции и кажется неспособным покинуть их ради других. Нет путей для дальнейшего развития, как если бы весь процесс уже прошел, и отныне не может подвергнуться никакому влиянию, как будто трудное становление женственности исчерпало возможности личности. Как терапевты, мы жалуемся на это положение дел, даже если удается положить конец страданию путем разрешения невротического конфликта.

Это все, что я хотел вам сказать о женственности. Разумеется, все это неполно и фрагментарно, и звучит не всегда дружелюбно. Однако не забывайте, что мы описали женщину лишь в той мере, в какой ее сущность определяется ее сексуальной функцией. Это влияние заходит, правда, весьма далеко, но мы не упускаем из виду, что отдельная женщина, помимо всего прочего, является еще и человеческим существом. Если вы хотите больше узнать о женственности, то обратитесь к собственному жизненному опыту, или к поэтам, или подождите, пока наука не сможет дать вам более глубокие и лучше согласующиеся между собой сведения.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦИЯ

Объяснения, приложения, ориентации

Уважаемые дамы и господа! Позвольте мне вместо, так сказать, сухого изложения материала, побеседовать с вами о вещах, имеющих весьма малое теоретическое значение, но все-таки близко касающихся вас, поскольку вы дружески настроены по отношению к психоанализу. Возьмем, к примеру, случай, когда вы в часы досуга берете в руки немецкий, английский или американский роман, ожидая найти в нем описание людей и обстоятельств сегодняшнего дня. Через несколько страниц вы натыкаетесь на первое высказывание о психоанализе, а вскоре и на другие, даже если это явно не вытекает из контекста. Не думайте, что речь идет о применении глубинной психологии для лучшего понимания действующих лиц или их поступков, хотя существуют

более серьезные сочинения, в которых эти попытки действительно делаются. Нет, большей частью — это только иронические замечания, которыми автор романа хочет показать свою начитанность или интеллектуальное превосходство. При этом у вас не всегда возникает впечатление, что он действительно знает то, о чем говорит. Или вы на отдыхе идете в веселую компанию, это может быть вовсе и не в Вене. Через некоторое время заходит речь о психоанализе, и вы слышите, как самые различные люди высказывают свои суждения по большей части безапелляционным тоном. Суждения эти обычно пренебрежительные, часто оскорбительные, во всяком случае, насмешливые. Если вы неосторожно обнаружите, что понимаете что-то в предмете, все накинутся на вас, требуя сведений и разъяснений, и через некоторое время вы убедитесь, что все эти строгие суждения отступают перед любой информацией, и что едва ли хоть один из этих противников брал в руки хотя бы одну аналитическую книгу, а если все же и брал, то не сумел преодолеть первого же сопротивления при встрече с новым материалом.

От введения в психоанализ вы, возможно, ждете указаний, какие аргументы использовать для исправления откровенно ошибочных мнений о психоанализе, какие книги рекомендовать для лучшего ознакомления или какие примеры из литературы или собственного опыта следует приводить в дискуссии, чтобы поменять установку общества. Я прошу вас, не делайте ничего из этого. Это бесполезно; лучше всего вообще скройте свою осведомленность. Если же это невозможно, то ограничьтесь тем, что скажите: насколько вам известно, психоанализ — особая отрасль знания, действительно трудная для понимания и суждения, он занимается весьма серьезными вещами, так что шутить тут не стоит, а для развлечений в компании лучше поискать другую игрушку. Естественно, не участвуйте также в попытках толкований, если кто-то неосторожно будет рассказывать свои сновидения, и сопротивляйтесь искушению вербовать сторонников анализа сообщениями об исцелениях.

Вы можете задать вопрос, почему пишущие книги, или обсуждающие психоанализ люди так некорректно себя ведут, и склонитесь к предположению, что дело не только в людях, но и в психоанализе тоже. Я считаю так же; то, что мы встречаем в литературе и обществе в виде предрассудка — является последствием предшествовавшего мнения, а именно, мнения официальной науки по поводу молодого

психоанализа. Я уже один раз жаловался на это в одной исторической работе[1] и не хочу повторяться — быть может, и одного раза слишком много, — но, действительно, не было ни одного из нарушений логики, а также правил приличия и хорошего вкуса, к которому ни прибегали бы тогда научные противники психоанализа. Ситуация была, как в средние века, когда злодея или всего лишь политического противника привязывали к позорному столбу и оставляли на поругание черни. Возможно, вы не совсем ясно себе представляете, насколько распространено в нашем обществе плебейство и какие бесчинства позволяют себе люди, если они как часть общей массы чувствуют себя освобожденными от персональной ответственности. К началу тех времен я был довольно одинок, и вскоре понял, что полемика не имеет перспектив, и что даже самообвинение и взывания к лучшим умам бессмысленны, просто потому, что не существует инстанций, куда можно было бы подавать жалобу. Тогда я пошел другим путем, и впервые применил психоанализ, объясняя поведение масс феноменом того же самого сопротивления, с которым я боролся у отдельных пациентов, сам стал воздерживаться от полемики и оказывал влияние в том же направлении на своих постепенно появлявшихся сторонников. Этот способ оказался хорошим, опала, в которой находился тогда анализ, была снята, но как оставленная вера продолжает жить в суеверии, а отвергнутая наукой теория сохраняется в обыденном мнении, так и то изначальное объявление психоанализа научными кругами вне закона продолжается сегодня в насмешливом пренебрежении профанов, пишущих книги и ведущих беседы. Стало быть, не нужно этому удивляться.

Однако и не надейтесь теперь услышать радостное известие о том, что борьба вокруг анализа закончена и вместе с признанием его как науки привела к преподаванию его как учебного материала в университетах. Об этом не может быть и речи, она [борьба] продолжается, только в более учтивых формах. Новым является также образование в научном сообществе некоего буферного слоя между анализом и его противниками, [его составляют] люди, допускающие наличие в анализе чего-то ценного, хотя и признают это с забавными оговорками, зато не приемлющие другого, о чем они не могут заявить достаточно во всеуслышание. Чем определя-

[1] [«Об истории психоаналитического движения» (1914*d*).]

ется их выбор, разгадать нелегко. Возможно, это личные пристрастия. Одного шокирует сексуальность, другого-бессознательное, особенно, кажется, недолюбливают факт символики. Эти эклектики, похоже, не принимают в расчет то, что здание психоанализа, хотя еще не достроено, но уже сегодня представляет собой единство, из которого нельзя произвольно изымать отдельные элементы. Ни от одного из этих полу- и четверть-последователей я не смог получить впечатления, что их отвержение основано на проверке. К этой категории относятся также некоторые из выдающихся мужей. Впрочем, их извиняет тот факт, что их время, как и их интересы, посвящены другим вещам, а именно тем, в овладении которых они достигли таких значительных успехов. Но не лучше ли было бы им воздержаться от суждения, вместо того чтобы столь решительно возражать. Одного из таких великих людей мне удалось однажды быстро обратить в веру. Это был всемирно известный критик, следивший за современными духовными течениями с благосклонным пониманием и пророческой зоркостью. Впервые я познакомился с ним, когда ему было за восемьдесят, но он все еще был очаровательным собеседником. Вы легко догадаетесь, кого я имею в виду[1]. Не я завел разговор о психоанализе. Это сделал он, обратившись ко мне самым скромным образом. «Я всего лишь литератор, – сказал он, – а вы естествоиспытатель и первооткрыватель. Однако одно я должен сказать вам: я никогда не испытывал сексуальных чувств к своей матери». «Но вовсе не обязательно, чтобы вы о них знали, – возразил я, – ведь у взрослых эти процессы бессознательны». – «Ах, Вы понимаете это так», – сказал он с облегчением и пожал мне руку. Мы вели беседу в добром согласии еще несколько часов. Я слышал впоследствии, что за тот короткий остаток жизни, который ему оставалось прожить, он неоднократно одобрительно высказывался об анализе и охотно употреблял новое для него слово «вытеснение».

Как говорит известная поговорка, надо изучать своих врагов. Признаюсь, мне это никогда не удавалось, но все же я думал, что для вас было бы поучительным, если бы я вместе с вами предпринял проверку упреков и возражений, ко-

---

[1] [Это был Георг Брандес, знаменитый датский ученый (1842–1927), к которому Фрейд испытывал глубокое уважение на протяжении всей своей жизни.]

торые противники психоанализа выдвигали против него, и затем указал бы на [их] столь легко обнаруживаемую несправедливость и нарушения логики. Но *on second thoughts*[1] я сказал себе, что это было бы вовсе не интересным, а утомительным и болезненным, и как раз тем, чего я тщательно избегал все эти годы. Стало быть, извините меня за то, что я не пойду этим путем и избавлю вас от суждений наших так называемых научных противников. Ведь почти всегда речь идет о лицах, единственным доказательством квалификации которых является беспристрастность, которую они сохранили благодаря отстранению от опыта психоанализа. Но я знаю, что в других случаях я так легко не отделаюсь. Вы можете поставить мне в упрек: все же существует так много людей, к которым не относится ваше последнее замечание. Они не избегали аналитического опыта, анализировали пациентов, возможно, сами подверглись анализу, были какое-то время вашими сотрудниками и все же пришли к другим концепциям и теориям, на основании которых отошли от вас и основали собственные школы психоанализа. Вы должны дать нам разъяснение о возможности и значении этих столь частых в истории развития анализа движений отхода.

Да, я хочу попробовать это сделать, правда, вкратце, потому что это даст для понимания психоанализа меньше, чем вы ожидаете. Я знаю, что в первую очередь вы имеете в виду индивидуальную психологию Адлера, которая, к примеру, в Америке рассматривается как правомочная параллельная линия нашего психоанализа и постоянно упоминается вместе с ним. В действительности она имеет с ним весьма мало общего, но вследствие известных исторических обстоятельств ведет своего рода паразитическое существование за его счет. Характеристики, предполагаемые нами для противников этой группы, подходят к ее основателю лишь в незначительной мере. Само название неудачное, похоже, оно возникло в результате затруднения; мы не можем помешать пользоваться им с полным правом как противоположностью психологии масс; то, чем занимаемся мы, тоже по большей части и прежде всего психология человеческого индивидуума. Я не буду сейчас вдаваться в объективную критику индивидуальной психологии Адлера, это не входит в план данного введения, тем более, что я однажды уже

[1] [По здравому размышлению (англ.). — *Примечание переводчика.*]

пытался это сделать и вижу мало причин что-либо в ней менять[1]. Впечатление же, которое она вызывает, я лучше проиллюстрирую на примере маленького происшествия в годы до возникновения анализа.

Неподалеку от моравского городка[2], в котором я родился и который покинул трехлетним ребенком, находится скромный курорт, утопающий в зелени. В гимназические годы я много раз бывал там на каникулах. Примерно два десятилетия спустя заболевание одной близкой родственницы послужило поводом вновь увидеть это место. В разговоре с курортным врачом, оказывавшим помощь моей родственнице, я справился также и об его отношениях со словацкими крестьянами, составлявшими зимой, как я полагал, его единственную клиентуру. Он рассказал, что его врачебная деятельность осуществляется следующим образом: ко времени приемных часов пациенты приходят в его кабинет и выстраиваются в ряд. Потом один за другим выходят вперед и жалуются на свои недуги. У одного боли в области крестца, у другого спазмы желудка, или слабость в ногах и т. д. Затем он [врач] обследует каждого и, сориентировавшись, объявляет диагноз, в каждом случае один и тот же. Он перевел мне это слово, означавшее то же, что «сглаз». Я с удивлением спросил, не возмущаются ли крестьяне тем, что он у всех находил одну и ту же болезнь. «О нет, — возразил он, — они очень довольны, они как раз этого и ожидали. Каждый, вставая назад в ряд, пояснял другому мимикой и жестами: «Да, этот знает свое дело». Я тогда и предполагать не мог, при каких обстоятельствах снова встречусь с аналогичной ситуацией.

Является ли кто-либо гомосексуалистом или некрофилом, переполненным страхом истериком, отгородившимся ото всех невротиком с навязчивыми состояниями или буйно помешанным, в каждом случае последователь индивидуальной психологии адлерианского направления пред-

---

[1] [Весьма подробную критику Фрейдом теории Адлера можно найти в третьей части его работы «Об истории психоаналитического движения» (1914*d*). Вызывает удивление, что в данной лекции не упоминается отход Юнга (кроме краткого намека, без упоминания имен), и более того, Фрейд предполагает, что читатель отдаст предпочтение учению Адлера. Это согласуется с его замечанием в «Истории», которое гласит: «Из этих двух рассматриваемых движений адлерианское, безусловно, является более значимым».]

[2] [Фрайберг; чешское название — Пршибор.]

положит, что ведущий мотив его состояния есть стремление доказать свою ценность, сверхкомпенсировать свою неполноценность, остаться на высоте, желание перейти с женской линии поведения на мужскую. Нечто очень похожее мы молодыми студентами слышали в клинике, когда однажды демонстрировался случай истерии: истерики производят свои симптомы, чтобы оказаться интересными, привлечь к себе внимание. Все-таки старая мудрость всегда возвращается! Однако уже тогда нам казалось, что этот психологизм не объяснял загадки истерии, например, оставалось не ясным, почему больной не пользуется другим средством для достижения своей цели. Конечно, что-то в теории индивидуальной психологии должно быть правильным, какая-то частичка целого. Инстинкт самосохранения будет пытаться воспользоваться любой ситуацией, Я захочет состояние болезни также обратить в преимущество. В психоанализе это называют «вторичной выгодой от болезни»[1]. Правда, при мысли о фактах мазохизма, бессознательной потребности наказания и невротического самоповреждения, напрашивается предположение о существовании влечений, противоречащих самосохранению, так что можно усомниться во всеобщей значимости той банальной истины, на которой воздвигнуто здание учения индивидуальной психологии. Но подавляющее большинство будет весьма приветствовать такую теорию, которая не признает никаких усложнений, не вводит никаких новых трудно усвояемых понятий, ничего не знает о бессознательном, устраняет одним ударом гнетущую всех проблему сексуальности, ограничивается вскрытием лазеек, с помощью которых люди хотят сделать жизнь удобной. Ведь толпа сама по себе удобна, не требует для объяснения более одной причины, благодарна науке не за ее обширность, хочет иметь простые решения и знать, что проблемы решены. Если рассмотреть, насколько индивидуальная психология отвечает этим требованиям, то нельзя не вспомнить о высказывание из «Валленштейна»:

Не будь так этот замысел коварен,
Глупейшим я назвать бы мог его![2]
(Перевод А *Славятинского.*)

[1] [Ср. 24-ю лекцию.]
[2] [Шиллер, «Die Piccolomini», II акт, 7-я сцена.]

Критика профессиональных кругов, столь неумолимая против психоанализа, в общем обращалась с индивидуальной психологией в замшевых перчатках. Правда, в Америке один из наиболее признанных психиатров опубликовал статью против Адлера под званием *«Enough!»*[1], в которой он выразил свое пресыщение «навязчивостью повторений» индивидуальной психологии. Если другие вели себя гораздо любезнее, то этому, вероятно, способствовала враждебность к анализу.

О других школах, которые ответвились от нашего психоанализа, мне нет нужды много говорить. То, что это произошло, не говорит ни за, ни против истинного содержания психоанализа. Подумайте о сильных аффективных факторах, которые многим затрудняют возможность включиться во что-либо или подчиниться чему-либо, и о еще больших трудностях, которые оправданно подчеркивает поговорка *quot capita tot sensus*[2]. Когда различия во мнениях переходят определенную границу, целесообразнее всего разойтись и идти различными путями, особенно если теоретическое различие приводит к изменениям практических действий. Представьте, к примеру, что некий аналитик[3] недооценивает влияние личного прошлого и ищет причины неврозов исключительно среди мотивов настоящего и ожиданий, направленных в будущее. Тогда он будет пренебрегать анализом детства, предложит вообще другую технику, а недостаток результатов анализа детства должен будет возместить усилением своего поучающего влияния и прямыми указаниями на жизненные цели. Мы, другие, скажем тогда: это, может быть, школа мудрости, но уже не анализ. Или другой[4] может прийти к пониманию, что переживание страха рождения – зачаток всех последующих невротических нарушений, тогда ему покажется правомерным ограничиться анализом воздействия этого одного впечатления и обещать терапевтический успех через три-четыре месяца лечения. Вы заметили, я выбрал два примера, которые исходят из диаметрально противоположных предпосылок. Та-

---

[1] [Довольно! (англ.). – *Примечание переводчика.*]

[2] [Это более известная производная форма от высказывания Теренция (Phormio, II, 4): «Quot homines tot sententiae» (Сколько голов – столько умов).]

[3] [Имеется в виду Юнг.]

[4] [Здесь Фрейд имеет в виду Ранка.]

кова почти всеобщая особенность «движений отпадения», каждое из которых завладевает какой-то частью богатства психоаналитических мотивов и на этой основе становится самостоятельным, будь то стремление к власти, этический конфликт, мать, генитальность и т. д. Если вам кажется, что такие отделения сегодня происходят в развитии психоанализа чаще, чем в других духовных движениях, то я не уверен, должен ли я признать вашу правоту. Если это так, то ответственными за это следует признать внутренние связи между теоретическими взглядами и терапевтическими действиями, которые существуют в психоанализе. Различия в одних только мнениях можно было бы выносить значительно дольше. Нас, психоаналитиков, любят упрекать в нетерпимости. Единственным проявлением этого скверного качества как раз было разделение с инакомыслящими. В остальном они не обижены; напротив, они оказались в благоприятном положении, с тех пор им стало лучше, чем раньше, поскольку после отмежевания они освободились от обвинений, под грузом которых мы задыхаемся, -например, в позорной детской сексуальности или комичности символики, — и теперь [научная] среда считает их наполовину честными, тогда как мы, оставшиеся, таковыми еще не являемся. Кроме одного примечательного исключения, они сами отошли от нас[1].

Какие же еще претензии вы предъявляете по поводу терпимости? Если кто-то выразил мнение, которое мы считаем в корне ложным, мы говорим ему: «Большое вам спасибо, что высказали это возражение. Вы спасли нас от опасности самодовольства и предоставляете нам случай доказать американцам, что мы действительно настолько *broadminded*[2], насколько они всегда этого желали. Мы, конечно, не верим ни одному слову из того, что вы говорите, но это ничего не значит. Вероятно, вы так же правы, как и мы. Кто вообще может знать, кто прав? Разрешите нам, несмотря соперничество, представить вашу точку зрения в литературе. Надеемся, что в ответ вы будете столь любезны, что вступитесь и за нашу, которую вы отвергаете». Очевидно, это станет в будущем обычным в научном цеху, когда злоупотребление теорией относительности Эйнштейна

---

[1] [Возможно, речь идет о Штекеле.]

[2] [Терпимы (англ.). — *Примечание переводчика.*]

окончательно утвердится. Правда, пока мы не зашли так далеко. Мы ограничиваемся старой манерой представлять только собственные убеждения, подвергаясь тем самым опасности ошибиться, потому что против этого нет защиты, и отвергаем то, что противоречит нашим взглядам. Мы широко использовали в психоанализе наше право изменять свое мнение, если мы полагали, что нашли нечто лучшее.

Одним из первых приложений психоанализа было то, что он научил нас понимать вражду, которую доказывало нам наше окружение из-за того, что мы занимались психоанализом. Другие приложения, объективной природы, могут заслуживать более общего интереса. Ведь нашим первым намерением было понять нарушения душевной жизни человека, поскольку один замечательный пример показал, что здесь понимание и выздоровление почти совпадают, что есть путь, который ведет от одного к другому[1]. Долгое время это оставалось нашим единственным намерением. Однако, затем мы обнаружили тесную связь, даже внутреннюю идентичность патологических и так называемых нормальных процессов, и психоанализ стал глубинной психологией, а поскольку ничего из того, что создает или использует человек, не может быть понято без помощи психологии, психоанализ неизбежно нашел свое применение в различных областях наук, особенно гуманитарных наук, которое требовало разработки. К сожалению, эти задачи натолкнулись на препятствия, по сути обоснованные, которые не преодолены до сих пор. Такое применение предполагает профессиональные знания, которыми аналитики не обладают, в то время как те, кто ими обладает, ничего не знают об анализе, а может быть, не хотят ничего знать. Таким образом, получилось, что аналитики, как дилетанты с более или менее достаточным снаряжением, часто собранным в спешке, предпринимали набеги в такие области наук, как мифология, история культуры, этнология, религиоведение и т. д. Исследователи, работающие в этих областях, обходились с ними вообще как с захватчиками, отказывая им поначалу в знакомстве как со своими методами, так и с результатами, если те стоили внимания. Но эти отношения постоянно улучшаются, во всех областях возрастает число лиц, изучающих психоанализ с тем, чтобы применять его

[1] [Имеется в виду лечение Брейером своей первой пациентки. См. 18-ю лекцию.]

в своей специальной области, и сменить пионеров в качестве колонистов. Мы можем надеяться здесь на богатый урожай новых концепций. Применение анализа — это всегда и его утверждение. Там, где научная работа дальше отстоит от практической деятельности, там неизбежная борьба мнений, пожалуй, будет менее острой.

Я испытываю сильное искушение познакомить вас со всеми возможными приложениями психоанализа в гуманитарных науках. Есть вещи, знание которых ценно для каждого человека с духовными интересами, а на протяжение какого-то времени ничего не слышать о ненормальности и болезни было бы для вас заслуженным отдыхом. Однако. я вынужден отказаться от этого, поскольку это опять увело бы нас за рамки этих лекций, да, честно говоря, я и не готов выполнить эту задачу. Хотя в некоторых из этих областей я и сделал сам первые шаги, но сегодня уже не могу охватить полноту материала, и мне пришлось бы изучить слишком многое, чтобы разобраться в том, что нового появилось со времени моих начинаний. Те из вас, кто разочарован моим отказом, могут вполне удовлетвориться нашим журналом *Imago*, предназначенным для немедицинских приложений анализа[1].

Лишь одну тему не могу обойти я так просто, но не потому, что много в ней понимаю или много в ней сделал сам. Совсем наоборот, я вообще едва занимался ею[2]. Однако, это так чрезвычайно важно, столь многообещающе, что может быть, вообще является самым важным из всего, чем занимался анализ. Я имею в виду приложение психоанализа к педагогике, к воспитанию следующего поколения. Я рад, по крайней мере, сказать, что моя дочь, Анна Фрейд, сделала эту работу своей жизненной задачей и тем самым возмещает мое упущение. Путь, который привел к этому приложению, легко обозреть. Когда при лечении взрослого невротика мы прослеживали детерминацию его симптомов, то

[1] [См. 10-ю лекцию.]

[2] [Это самое обширное, но далеко не единственное изложение Фрейдом его взглядов на отношения между анализом и воспитанием. Помимо многочисленных упоминаний, Фрейд подробно говорит об этом, например, в части III главы 3 «случая маленького Ганса» (1909*b*). Особые проблемы, связанные с сексуальным воспитанием, являются предметом одной из ранних работ «О сексуальном просвещении детей» (1907*c*). Тема религиозного воспитания обсуждается во многих местах глав IX и X в работе «Будущее одной иллюзии» (1927*c*).]

постоянно приходили к его самому раннему детству. Знание более поздней этиологии было недостаточным ни для понимания, ни для терапевтического воздействия. Так мы были вынуждены познакомиться с психическими особенностями детского возраста и узнали множество вещей, которые были недоступны иначе, как через анализ, а также смогли внести поправки во многие общепризнанные мнения о детстве. Мы обнаружили, что по многим причинам первые детские годы (примерно до пяти лет) имеют особое значение. Во-первых, потому что в эти годы происходит расцвет ранней сексуальности, которая оставляет после себя побуждения, решающие для сексуальной жизни зрелого периода. Во-вторых, потому что впечатления этого времени встречают незрелое и слабое Я, на которое они действуют как травмы. Я не может защититься от вызываемых ими аффективных бурь ничем, кроме вытеснения, и приобретает таким образом в детском возрасте все предрасположения к последующим заболеваниям и функциональным нарушениям. Мы поняли, что трудность детства состоит в том, что за короткий период времени ребенок должен овладеть результатами культурного развития многих тысячелетий, справиться с влечениями и приспособиться к социуму, по крайней мере, сделать первые шаги в обоих направлениях. Своим собственным развитием он может достичь лишь части этих изменений, многое должно быть ему навязано воспитанием. Неудивительно, что часто ребенок не вполне справляется с этой задачей. В этот ранний период многие дети — и уж, конечно, все, кто позже открыто заболевает — переживают состояния, которые можно приравнять к неврозам. У некоторых детей невротическое заболевание не дожидается периода зрелости, начинается уже в детстве и доставляет много хлопот родителям и врачам.

У нас не возникает сомнений о применении аналитической терапии к таким детям, которые или обнаруживали недвусмысленные невротические симптомы, или же вставали на путь неблагоприятного развития характера. Опасение повредить ребенку анализом, которое выражали наши противники, оказалось беспочвенным. Нашим выигрышем в этом предприятии оказалось то, что мы на живом объекте смогли подтвердить то, что у взрослых выводили, так сказать, из исторических документов. Но и для детей этот выигрыш был весьма отрадным. Оказалось, что ребенок — очень благоприятный объект для аналитической терапии;

ее успехи основательны и продолжительны. Естественно, техника, разработанная для лечения взрослого, для ребенка должна быть во многом изменена. Психологически ребенок другой объект, чем взрослый, у него нет еще никакого Сверх-Я, метод свободных ассоциаций ведет недалеко, перенос играет другую роль, поскольку реальные родители еще рядом. Внутренние сопротивления, с которыми мы боремся у взрослого, у ребенка по большей части заменяются внешними трудностями. Когда родители становятся носителями сопротивления, цель анализа или сам анализ подвергаются опасности, поэтому часто при анализе ребенка бывает необходимо оказать некоторое аналитическое влияние и на родителей. С другой стороны, неизбежные отличия детского анализа от анализа взрослых уменьшаются благодаря тому обстоятельству, что некоторые наши пациенты сохранили так много инфантильных черт характера, что аналитикам опять-таки для приспособления к объекту не оставалось ничего другого, как использовать в отношении них определенные техники детского анализа. Само собой получилось, что детский анализ стал преобладающей областью женщин-аналитиков, и так это, видимо, и останется.

Понимание того, что большинство наших детей проходит в своем развитии невротическую фазу, несет в себе зародыш гигиенического требования. Можно поставить вопрос, не целесообразно ли помочь ребенку анализом, даже если нет никаких признаков нарушения, в качестве меры профилактики его здоровья так, как сегодня здоровым детям делают прививку против дифтерии, не дожидаясь, пока они заболеют ею. На сегодняшний день обсуждение этого вопроса имеет лишь академический интерес; я могу себе позволить рассмотреть его с вами; для большинства же наших современников уже только проект показался бы неслыханной фривольностью, а при существующем в настоящее время отношении большинства родителей к анализу нужно отказаться от всякой надежды на его проведение в жизнь. Профилактика нервозности, которая могла бы оказаться весьма действенной, предполагает совершенно иные настроения общества. Главный акцент в приложении психоанализа к воспитанию делается сегодня в другом месте. Давайте проясним для себя ближайшую задачу воспитания. Ребенок должен научиться овладевать влечениями. Дать ему свободу неограниченно следовать своим импульсам невозможно. Это был бы очень по-

учительный эксперимент для детских психологов, но при этом не должно было бы быть в живых родителей, а самим детям был бы нанесен большой ущерб, который обнаружился бы отчасти сразу, отчасти в более поздние годы. Стало быть, воспитание должно тормозить, запрещать, подавлять, что оно во все времена с избытком и делало. Но из анализа мы узнали, что как раз это подавление влечений несет в себе опасность невротического заболевания.

Помните, мы тщательно исследовали, какими путями это происходит[1]. Стало быть, воспитание должно искать свой путь между Сциллой полной свободы действий и Харибдой запрета. Хотя задача в общем не является не разрешимой, для воспитания нужно найти тот оптимальный вариант, при котором можно достичь наибольшего, навредив при этом как можно меньше. Речь идет о том, чтобы решить, сколько можно запрещать, в какое время и какими средствами. А далее необходимо считаться с тем, что объекты воспитания имеют весьма различные конституциональные предрасположения, так что один и тот же метод воспитательного воздействия не может быть одинаково хорош для всех детей. Следующее соображение показывает, что воспитание до сих пор весьма плохо справлялось со своей задачей и причиняло детям много вреда. Если оно найдет оптимум и выполнит свою задачу идеально, то можно надеяться на устранение одного фактора в этиологии заболевания — влияния случайных травм детства. Другой фактор — сила неподвластных врожденных влечений — не может быть устранен никоим образом. Если обдумать теперь трудные задачи, поставленные перед воспитателем: узнать конституциональные особенности ребенка, по малейшим признакам догадаться, что разыгрывается в его незрелой душевной жизни, в должной мере выразить ему любовь, и все же сохранить действенность авторитета, то можно сказать, что единственной целесообразной подготовкой к профессии воспитателя является основательное психоаналитическое обучение. Лучше всего, если он сам будет проанализирован, поскольку без собственного опыта анализом все-таки овладеть нельзя. Анализ учителей и воспитателей представляется более действенной профилактической мерой, чем анализ самих детей, да и проведение его встречает меньше трудностей.

---

[1] [См., в частности, 22-ю и 23-ю лекции.]

Кроме того, следовало бы подумать о косвенном подспорье воспитанию детей при помощи анализа, которое со временем может стать очень влиятельным. Родители, сами имеющие опыт анализа и многим ему обязанные, в том числе и пониманием ошибок в их собственном воспитании, будут обращаться со своими детьми с лучшим пониманием и избавят их от многого, от чего сами не были избавлены. Параллельно со стараниями аналитиков оказать влияние на воспитание проводятся исследования по возникновению и предупреждению беспризорности и преступности. Здесь я вам тоже лишь приоткрою двери и покажу покои за ними, но не введу вас внутрь. Я знаю, что если ваш интерес к психоанализу останется подлинным, вы сможете узнать об этих вещах много нового и ценного. Но мне не хотелось бы оставлять тему воспитания, не упомянув об определенной точке зрения. Было сказано – и с полным правом, – что любое воспитание пристрастно, что оно стремится, чтобы ребенок включился в существующее общественное устройство, не учитывая, насколько он сам по себе ценен или устойчив. Если мы убеждены в недостатках наших современных социальных учреждений, то будет неоправданным поставить им на службу еще и психоаналитически направленное воспитание. Следует поставить перед ним другую, более высокую цель, которая была бы свободна от господствующих социальных требований. Полагаю, этот аргумент здесь неуместен. Требование выходит за рамки оправданных функций анализа. Врач, приглашенный лечить пневмонию, тоже не должен заботиться о том, является ли заболевший славным парнем, самоубийцей или преступником, заслуживает ли он остаться в живых, и нужно ли ему этого желать. Также и эта другая цель, которую хотят поставить перед воспитанием, будет пристрастной, а занимать чью-либо сторону – не дело аналитика. Я вполне предвижу, что психоанализу будет отказано в любом влиянии на воспитание, если он признается в намерениях, не согласующихся с существующим общественным порядком. Психоаналитическое воспитание возьмет на себя ненужную ответственность, если поставит себе целью создать мятежника из своего воспитанника. Оно сделает свое дело, выпустив его по возможности здоровым и работоспособным. В нем самом [психоаналитическом воспитании] содержится достаточно революционных моментов, чтобы гарантировать, что его воспитанник в последующем не станет на сторону регресса

и подавления. Я даже полагаю, что дети-революционеры ни в каком отношении не желательны.

Уважаемые дамы и господа! Я хотел бы сказать еще несколько слов о психоанализе как о терапии. Теоретически я обсуждал это пятнадцать лет назад[1] и сегодня также не могу сформулировать это по-другому; теперь должен сказать свое слово опыт прошедших лет. Вы знаете, что психоанализ возник как терапия, далеко вышел за ее рамки, но не отказался от своей материнской почвы и для своего углубления и дальнейшего развития всегда должен быть связан с лечением больных. Собранные данные, на которых мы строим наши теории, нельзя было получить другим способом. Неудачи, которые мы испытываем как терапевты, ставят перед нами все новые задачи, требования реальной жизни являются действенной защитой против разрастания умозрительных построений, которых мы все же не можем избежать в нашей работе. Какими средствами психоанализ помогает больным, если помогает, и какими путями, это мы уже рассматривали раньше; сегодня мы хотим спросить, чего он достиг.

Возможно, вы знаете, что я никогда не был энтузиастом терапии; так что не существует угрозы, что я использую этот доклад в целях саморекламы. Лучше я скажу слишком мало, чем слишком много. В то время, когда я был еще единственным аналитиком, я часто слышал от людей, относившихся к моему делу, по-видимому, дружески: «Все это действительно красиво и остроумно, но покажите нам хотя бы один случай, который вы вылечили при помощи анализа». Это была одна из многих формулировок, которые одна за другой возникали с течением времени с целью отодвинуть в сторону неудобное новшество. Сегодня она устарела, так же, как и многие другие, — в папке аналитика найдется и стопка благодарственных писем от вылеченных пациентов. Этим аналогия не исчерпывается. Психоанализ действительно является терапией, так же как и другие. У нее есть как свои триумфы, так и падения, свои трудности, ограничения, показания. В известное время против анализа звучали обвинения, что его нельзя всерьез считать терапией, потому что он не решается ознакомить со статистикой своих успехов. С тех пор психоаналитический институт в Берлине, основанный д-ром Максом Эйтингоном, опубликовал отчетный доклад за первое десятилетие. Успехи лечения не

---

[1] [В 27-й и 28-й лекциях.]

дают оснований ни для того, чтобы ими хвастаться, ни для того, чтобы их стыдиться. Однако такая статистика вообще не поучительна, переработанный материал настолько разнороден, что только весьма большие числа могли бы что-то показать. Лучше обратиться к отдельным примерам. Здесь я хотел бы сказать, что не верю, что наши успехи в лечении могли сравняться с успехами Лурда. Насколько же больше людей, верящих в чудеса святой Девы, чем тех, кто верит в существование бессознательного! Если же мы обратимся к земным конкурентам, то должны будем сопоставить психоаналитическую терапию с другими методами психотерапии. Сегодня едва ли есть нужда упоминать органические физические методы лечения невротических состояний. Как психотерапевтический метод, анализ не противоречит другим методам этой специальной области врачебной деятельности, не лишает их ценности, не исключает их. В теории все как будто хорошо согласуется: врач, который хочет называться психотерапевтом, использует анализ наряду с другими методами лечения больных в зависимости от специфики случая и благоприятных или неблагоприятных внешних условий. В действительности же это техника, которая требует специализации врачебной деятельности. Таким же образом должны быть отделены друг от друга хирургия и ортопедия. Психоаналитическая деятельность тяжела и требовательна, с ней нельзя обращаться как с очками, которые надевают при чтении и убирают перед прогулкой. Как правило, психоанализ либо захватывает врача полностью, либо вообще нисколько. Психотерапевты, которые пользуются анализом при случае, не имеют, с моей точки зрения, надежной аналитической почвы, они принимают не весь анализ, а разбавляют его и, возможно, «обеззараживают»; их нельзя причислить к аналитикам. Я думаю, это достойно сожаления; но взаимодействие во врачебной деятельности аналитика и психотерапевта, который ограничивается другими методами лечения, было бы крайне целесообразным.

По сравнению с другими методами психотерапии психоанализ, без всякого сомнения, является самым действенным. Но верно также и то, что он самый трудоемкий, требует больше всего времени, его не применяют в легких случаях; в подходящих случаях с его помощью можно устранить нарушения, вызвать изменения, на которые в до-аналитические времена не смели надеяться. Но он имеет свои весьма

ощутимые ограничения. Терапевтическое честолюбие некоторых моих приверженцев стоило им больших усилий, чтобы преодолеть эти препятствия, так чтобы все невротические нарушения сделались излечимыми при помощи психоанализа. Чтобы достичь выздоровления, они пытались уместить аналитическую работу в сокращенные сроки, усиливать перенос настолько, чтобы он перевешивал все сопротивления, соединять с ним другие способы воздействия. Эти усилия, разумеется, достойны похвалы, но я полагаю, что они тщетны. Кроме того, они несут в себе опасность выйти собственно за пределы анализа и впасть в бесконечное экспериментирование[1]. Ожидание, что все невротическое можно вылечить, кажется мне подозрительным из-за дилетантской веры в то, что неврозы будто бы являются чем-то совершенно излишним, вообще не имеющим права на существование. В действительности они являются тяжелыми, конституционально фиксированными поражениями, которые редко ограничиваются несколькими вспышками, а по большей части сохраняются в течение длительных периодов жизни или всю жизнь. Аналитический опыт, показывающий, что на них [неврозы] можно эффективно воздействовать, если знать исторические пусковые переживания болезни и привходящие вспомогательные моменты, побудил нас пренебрегать в терапевтической практике конституциональным фактором; мы ничего не можем из него извлечь, однако в теории мы должны всегда о нем помнить. Полная недоступность психозов для аналитической терапии при их близком родстве с неврозами, должна была бы ограничить наши притязания в отношении этих последних. Терапевтическая действенность психоанализа остается ограниченной рядом значительных и почти не поддающихся воздействию моментов. У ребенка, в анализе с которым можно было бы рассчитывать на наибольшие успехи, ограничительным моментом выступает внешняя трудность -существование родителей, — которая все же относятся к бытию ребенка. У взрослых это прежде всего два момента: степень психической косности и форма болезни со всем тем, что скрывает ее более глубокое определение. Первый момент часто необоснованно не замечают. Сколь ни велика пластичность душевной жизни и возможность возобновления прежних состояний, невозможно оживить все. Неко-

---

[1] [Возможно, что здесь Фрейд имел в виду своего друга Ференци.]

торые изменения кажутся окончательными, подобно образованию шрамов от завершившихся процессов. В других случаях возникает впечатление общей окостенелости душевной жизни; психические процессы, которые, вероятно, можно было бы направить по другим путям, по-видимому, не способны оставить прежние. Однако, возможно, это то же самое, что было раньше, только увиденное по-другому. Слишком часто представляется, что терапии не хватает лишь необходимой движущей силы, чтобы добиться изменений. Какая-то определенная зависимость, какой-то определенный компонент влечений слишком силен по сравнению с противоположными силами, которые мы можем задействовать. В общих чертах, так происходит при психозах. Мы понимаем их настолько, что как бы знаем, где следовало бы приставить рычаги, но груза они сдвинуть не могут. Здесь даже возникает надежда на будущее, связанная с тем, что понимание действия гормонов — вы знаете, что это такое, — снабдит нас средствами для успешной борьбы с количественными факторами заболеваний, но сегодня мы еще далеки от этого. Я понимаю, что неуверенность во всех этих отношениях дает нам постоянный импульс к совершенствованию техники анализа, и в частности, переноса. Начинающий аналитик в случае неудачи будет сомневаться, приписываться ли вину особенностям случая или своему неумелому обращению с терапевтическим методом. Но я сказал уже: я не верю, что усилиями в этом направлении можно многого достичь.

Другое ограничение аналитических успехов задается формой болезни. Вы уже знаете, что область приложения аналитической терапии — это неврозы переноса, фобии, истерии, неврозы навязчивых состояний, а кроме того, ненормальности характера, развившиеся на месте этих заболеваний. Все другое, — нарциссические, психотические состояния — в большей или меньшей степени не подходит. Тогда было бы вполне законно защититься от неудач путем тщательного исключения таких случаев. Такая предусмотрительность существенно улучшила бы статистику анализа. Да, однако тут есть загвоздка. Наши диагнозы очень часто ставятся лишь задним числом, они похожи на распознавание ведьм шотландским королем, о котором я читал у Виктора Гюго. Этот король утверждал, что умеет безошибочно распознавать ведьм. Он ошпаривал ее кипятком в котле, а затем пробовал суп. После этого он мог сказать: «Это была

ведьма», или: «Нет, это была не ведьма». У нас происходит нечто подобное, с той лишь разницей, что пострадавшей стороной являемся мы. Мы не можем судить о пациенте, который пришел на лечение, и точно так же о кандидате, который пришел для обучения, пока аналитически не изучим его в течение нескольких недель или месяцев. Фактически мы покупаем кота в мешке. Пациент приходит с неопределенными общими жалобами, которые не позволяют поставить точный диагноз. По истечении этого пробного периода может оказаться, что это неподходящий случай. Кандидата мы тогда отсылаем прочь, пациента же еще некоторое время пытаемся увидеть в более выгодном свете. Пациент мстит нам тем, что увеличивает список наших неудач, отвергнутый кандидат, если он параноик, – например, тем, что сам начинает сочинять аналитические книги. Как видите, наша предусмотрительность нам не помогла.

Боюсь, что эти детализированные обсуждения уже не представляют для вас интереса. Но я бы сожалел еще больше, если бы вы подумали, что моим намерением было снизить ваше уважение к психоанализу как терапии. Может быть, я действительно неудачно начал; но хотел я как раз противоположного: извинить терапевтические ограничения анализа указанием на их неизбежность. С тем же намерением я обращаюсь к другому пункту, к упреку в том, что аналитическое лечение требует несравнимо большего времени. На это следует сказать, что психические изменения осуществляются как раз только медленно; если они наступают быстро, внезапно – это плохой знак. Это верно, лечение тяжелого невроза легко может растянуться на несколько лет, но в случае успеха задайте себе вопрос: сколько бы продлилось страдание? Вполне вероятно, десятилетие за каждый год лечения, что значит, болезнь вообще никогда бы не прекратилась, что мы так часто наблюдаем у больных, которые не лечились. В некоторых случаях мы имеем основание вновь предпринять анализ через несколько лет, жизнь дает новые поводы для новых болезненных реакций, в промежутке же наш пациент был здоров. Первый анализ просто обнаружил не все его патологические предрасположенности, и было естественно закончить анализ после достижения анализа. Есть также люди с тяжелыми нарушениями, которые всю свою жизнь находятся под аналитическим наблюдением и время от времени снова подвергаются анализу, но иначе эти лица вообще были бы неспособны к суще-

ствованию, и нужно радоваться, что их можно поддерживать таким порционным и возобновляющимся способом лечения. Анализ характерологических нарушений также требует много времени, но он весьма часто успешен, да и знаете ли вы какую-нибудь другую терапию, при помощи которой можно было бы взяться за эту задачу? Такие результаты могут не вполне удовлетворить терапевтическое тщеславие, однако на примере туберкулеза и волчанки мы научились тому, что успех может быть достигнут, лишь когда терапия соответствует характеру недуга.

Я говорил вам, что психоанализ начинался как терапия, но я хотел бы представить его вашему вниманию не из-за того, что он является терапией, а из-за содержащейся в нем истины, из-за его способности объяснить то, что касается человека ближе всего, — его собственную сущность, а также из-за взаимосвязей, которые он открывает между самыми различными областями его деятельности. Как терапия, анализ — один из многих, вполне возможно, *primus inter pares*[1]. Если бы он не имел терапевтической ценности, он не был бы открыт в ходе лечения больных и не развивался бы в течение более тридцати лет.

ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

О мировоззрении[2]

Уважаемые дамы и господа! Во время нашей последней встречи мы занимались мелкими повседневными вопросами, как бы наводя в порядок в нашем скромном хозяйстве. Предпримем же теперь смелую попытку и отважимся ответить на вопрос, который ставился не раз с другой стороны, — ведет ли психоанализ к какому-то определенному мировоззрению и если ведет, то к какому.

Я боюсь, что мировоззрение — это специфически немецкое понятие, перевод которого на иностранные языки мо-

---

[1] [Первый среди равных (лат.). — *Примечание переводчика.*]

[2] Фрейд затронул тему данной лекции уже в конце главы II работы «Торможение, симптом и тревога» (1926*d*).

жет быть затруднительным. Если я и попытаюсь дать ему определение, то оно наверняка покажется вам довольно неуклюжим. Итак, я полагаю, что мировоззрение — это интеллектуальная конструкция, которая единообразно решает все проблемы нашего бытия на основе допущения высшего порядка, в которой, соответственно, ни один вопрос не остается открытым, а все, что вызывает наш интерес, находит свое определенное место. Легко представить, что обладание подобным мировоззрением принадлежит к идеальным желаниям людей. Веря в него, можно надежнее чувствовать себя в жизни, знать, к чему должно стремиться, как наиболее целесообразно распределить свои аффекты и интересы.

Если это является сутью мировоззрения, то ответ в отношении психоанализа прост. Как специальная наука, — отрасль психологии — глубинная психология, или психология бессознательного — он совершенно не годится для создания собственного мировоззрения, он должен заимствовать его у науки. Однако научное мировоззрение уже весьма далеко отстоит от нашего определения. Единообразие объяснения мира, хотя и предполагается им, но только как программа, выполнение которой отнесено в будущее. В остальном же оно отличается негативными характеристиками, ограниченностью познанного на данный момент и резким отвержением определенных, чуждых ему элементов. Оно утверждает, что нет никаких других источников познания мира, кроме интеллектуальной обработки тщательно проверенных наблюдений, то есть того, что называется исследованием, и что не существует никаких знаний, являющихся результатом откровения, интуиции или предвидения. Кажется, это понимание стало почти общепризнанной на протяжении последних столетий. Нашему же столетию осталось лишь высокомерно возразить, что подобное мировоззрение столь же бедно, сколь и безотрадно, что оно не учитывает притязаний человеческого духа и потребностей человеческой души.

Опровергнуть это возражение можно довольно нелегко. Оно совершенно безосновательно, поскольку дух и душа являются такими же объектами научного исследования, как и какие-либо отчужденные от человека вещи. Психоанализ имеет особое право сказать здесь слово в поддержку научного мировоззрения, ибо его нельзя упрекнуть в том, что он пренебрегает душевным в картине мира. Его вклад в науку состоит как раз в распространении исследования на область душевного. Во всяком случае без такой психологии наука бы-

ла бы весьма неполной. Но если включить в науку изучение интеллектуальных и эмоциональных функций человека (и животных), то обнаружится, что в общей установке науки ничего не изменится, не появится никаких новых источников знания или методов исследования. Таковыми могли бы быть интуиция и предвидение, если бы они существовали, но спокойнее их просто считать иллюзиями, исполнением желаний. Легко увидеть также, что указанные требования к мировоззрению обоснованы лишь аффективно. Наука признает, что душевная жизнь человека выдвигает такие требования, готова проверять их источники, однако у нее нет ни малейшего намерения признать их оправданными. Напротив, она видит свою обязанность в том, чтобы тщательно отделять от знания все, что является иллюзией, результатом такого аффективного требования.

Это ни в коем случае не означает, что эти желания следует с презрением отбрасывать в сторону или недооценивать их значимости в жизни человека. Мы готовы проследить, как они участвовали в создании произведений искусства, систем религии и философии, однако нельзя не заметить, что было бы неоправданно и в высшей степени нецелесообразно допустить перенос этих притязаний на область познания. Поскольку тем самым откроется путь к психозам, индивидуальным или массовым, отнимая ценную энергию у тех стремлений, которые обращены к действительности, чтобы удовлетворить в ней, насколько это возможно, желания и потребности.

С научной точки зрения здесь неизбежно следует начать критику и выдвигать опровержения. Недопустимо говорить, что наука является одной областью деятельности человеческого духа, а религия и философия – другими, по меньшей мере равноценными ей областями, и что наука не может сказать своего слова в этих областях; они все имеют равные притязания на истину, и каждый человек свободен выбирать, откуда брать свои убеждения и во что верить. Такое воззрение считается особенно благородным, терпимым, всеобъемлющим и свободным от мелочных предрассудков. К сожалению, оно несостоятельно, в нем представлены все пороки абсолютно ненаучного мировоззрения и практически равнозначно ему. Получается, что истина не может быть терпимой, она не допускает никаких компромиссов и ограничений, что исследование рассматривает все области человеческой деятельности как свою вотчину и должно ста-

19*

новиться неумолимо критичным, если какая-либо другая сила пытается конфисковать некую ее часть.

Из трех сил, которые могут оспаривать основание и почву науки только религия является серьезным противником. Искусство почти всегда безобидно и благотворно, оно и не желает быть чем-то иным, кроме иллюзии. Если не считать тех немногих людей, которые, как говорится, одержимы искусством, оно не решается ни на какие притязания в области реальности. Философия не противоположна науке, она и ведет себя как некая наука, работает частично теми же методами, но отдаляется от нее, придерживаясь иллюзии, что может дать полную и связную картину мира, которая, однако, распадается с каждым новым продвижением нашего знания. Методически она заблуждается в том, что переоценивает познавательное значение наших логических операций, признавая и другие источники знания, такие как интуиция. И достаточно часто полагают, что насмешка поэта (Г. Гейне), когда он говорит о философе, не так уж безосновательна:

Он старым шлафроком и прочим тряпьем
Прорехи заштопает у мирозданья[1].
(Перевод Т. Сильман)

Однако философия не имеет непосредственного влияния на большие массы людей, она представляет интерес лишь для небольшой части узкой прослойки интеллектуалов, оставаясь для всех прочих малодоступной. Напротив, религия обладает необычайной силой, которая владеет сильнейшими эмоциями человека. Известно, что ранее она охватывала всю духовную область в человеческой жизни, она занимала место науки, когда науки как таковой еще не существовало, и создала несравненно последовательное и целостное мировоззрение, которое продолжает существовать еще и сегодня, хотя и пережило определенные потрясения.

Отдавая должное величию религии, нужно помнить, что она предлагает людям. Она дает им объяснение возникновения и развития мира, среди превратностей жизни она обещает им защиту и конечное счастье, и направляет их помыслы и действия предписаниями, которые представляет всем своим авторитетом. Стало быть, она выполняет три функции. Во-первых, она удовлетворяет человеческую любознательность, то есть делает то же самое, что своими сред-

---

[1] [«Die Heimkehr», LVIII.]

ствами пытается делать наука, и вступает здесь с нею в соперничество. Второй своей функции она, пожалуй, обязана большей частью своего влияния. Когда она умаляет страх людей перед опасностями и превратностями жизни, вселяет уверенность в хорошем исходе, утешает их в печали и несчастье, тут наука не может с ней тягаться. Правда, она [наука] учит, как можно избежать определенных опасностей, успешно бороться со многими горестями; было бы несправедливо оспаривать, что она могучая помощница людей, но во многих случаях она вынуждена оставить человека в его страдании и может посоветовать ему лишь покориться. В своей третьей функции, — давая предписания, провозглашая запреты и ограничения, — она в наибольшей степени отдаляется от науки, поскольку наука довольствуется исследованием и констатацией. Правда, из ее приложений выводятся правила и советы для поведения в жизни. При определенных обстоятельствах эти предписания те же, что предлагает и религия, но только с другим обоснованием.

Как соединяются эти три функции религии, не вполне очевидно. Что общего между объяснением возникновения мира и настойчивым внушением определенных этических предписаний? Обещания защиты и счастья внутренне больше связаны с этическими требованиями. Они являются наградой за выполнение этих заповедей; только тот, кто следует ими, может рассчитывать на эти благодеяния, непослушных ждут наказания. Впрочем, нечто схожее имеется и в науке. Кто недооценивает ее предписаний, полагает она, сам себе устраивает неприятности.

Удивительное сосуществование поучения, утешения и требования в религии становится понятным лишь в том случае, если подвергнуть ее генетическому анализу. Его можно начать с самого заметной составляющей этого ансамбля — с учения о возникновении мира, ибо почему космогония должна быть закономерной частью религиозной системы? Учение гласит, что мир создан человекоподобным существом, но превосходящим его во всех отношениях — могуществе, мудрости, силе страстей, то есть неким идеализированным сверхчеловеком. Животные как создатели мира указывают на влияние тотемизма, которое мы вскользь затронем позднее. Интересно, что этот создатель мира всегда только один, даже там, где верят во многих богов. Точно так же, обычно это мужчина, хотя и нет недостатка в указаниях на женские божества, и в некоторых мифологиях со-

творение мира как раз и начинается с того, что некий бог-мужчина устраняет женское божество[1], которое низводится до чудовища. Здесь есть немало интересных частных проблем, но мы должны торопиться. Дальнейший путь становится для нас легко понятным, поскольку бог-творец прямо называется отцом. Психоанализ заключает, что это действительно отец, такой же величественный, каким он казался когда-то маленькому ребенку. Религиозный человек представляет себе сотворение мира так же, как свое собственное возникновение.

Тогда становится легко понять, как утешительные обещания и строгие этические требования сочетаются с космогонией. То же самое лицо, которому ребенок обязан своим существованием, — отец (хотя правильнее — родительская инстанция, состоящая из отца и матери) оберегал и охранял слабого, беспомощного ребенка ото всех подстерегающих его опасностей внешнего мира; под его защитой он чувствовал себя уверенно, И хотя, став взрослым, человек чувствует в себе гораздо больше сил, его осознание опасностей жизни тоже возросло, и он вполне обоснованно заключает, что по сути он остался таким же беспомощным и беззащитным, как в детстве, что по отношению к миру он все еще ребенок. Ему и теперь не хочется отказываться от защиты, которой он пользовался в детстве. Однако, он давно уже понял, что его отец является существом, весьма ограниченным в своей власти и обладающим далеко не всеми преимуществами. Поэтому он обращается к вспоминаемому образу отца, которого он так переоценивал в детстве, возвышает его до божества и проецирует в настоящее и в реальность. Аффективная сила этого образа воспоминания и продолжающаяся потребность в защите вместе дают ему веру в бога.

Третий основной пункт религиозной программы, этическое требование, также легко вписывается в эту детскую ситуацию. Напомню вам здесь знаменитое изречение Канта, который в одной строке соединяет усыпанное звездами небо и внутренний нравственный закон. Сколь странно ни звучало бы это сопоставление, — ибо что может быть общего между небесными телами и вопросом, любит ли одно дитя человеческое другого или убивает? — оно все же затрагивает великую психологическую истину.

---

[1] [Существенно больше Фрейд говорит о женском божестве в работе «Человек Моисей и монотеистическая религия» (1939*a*).]

Тот же самый отец (родительская инстанция), давший ребенку жизнь и оберегавший его от опасностей, учил его, что можно делать, а от чего он должен отказываться, указывал ему на необходимость определенных ограничений своих влечений, заставил узнать, чего ждут от него по отношению к родителям, братьям и сестрам, если он хочет стать принимаемым и желанным членом семейного круга, а позднее и более широких союзов. С помощью системы поощрений любовью и наказаний у ребенка воспитывается знание его социальных обязанностей, его учат тому, что его безопасность в жизни зависит от любви родителей, а затем и других людей и от их веры в его любовь к ним. Все эти отношения человек без изменения вносит в религию. Запреты и требования родителей продолжают жить в его душе как нравственная совесть; с помощью той же самой системы поощрений и наказаний Бог управляет человеческим миром; от выполнения этических требований зависит, в какой мере защита и счастье достается индивидууму; на любви к Богу и на сознании того, что человек любим им, основана уверенность, которая служит оружием против опасностей как внешнего мира, так и человеческого окружения. Наконец, в молитве человек уверяется в прямом влиянии на божественную волю, и тем самым приобщается к божественному всемогуществу.

Я знаю, пока вы меня слушали, у вас возникли многочисленные вопросы, на которые вы хотели бы получить ответ. Я не могу этого сделать здесь и сегодня, но уверен, что никакое из этих детализированных исследований не поколебало бы нашего положения о том, что религиозное мировоззрение детерминировано ситуацией нашего детства. Тем более примечательно, что, несмотря на свой инфантильный характер, оно все-таки имеет предшественника. Без сомнения было время без религии, без богов. Оно называется анимизмом. Мир и тогда был полон человекоподобными духовными существами (мы называем их демонами), они населяли все объекты внешнего мира или, может быть, были идентичны им, но не было никакой сверх-власти, создавшей их всех и продолжавшей ими править, к которой можно было бы обратиться за защитой и помощью. Демоны анимизма были в большинстве своем враждебно настроены к человеку, но похоже, что тогда человек доверял себе больше, чем впоследствии. Конечно, он постоянно страдал от сильнейшего страха перед этими злыми духами, но он защищался от них определенными действиями, ко-

торым приписывал способность изгонять их. И в остальном он не был бессильным. Если он желал чего-то от природы, например, хотел дождя, то не возносил молитвы к богу погоды, а применял колдовство, от которого ожидал прямого воздействия на природу, сам создавал нечто вроде дождя. В борьбе с силами окружающего мира его первым оружием была *магия*, первая предшественница нашей сегодняшней техники. Мы предполагаем, что вера в магию выводится из переоценки собственных интеллектуальных операций, из веры во «всемогущество мысли», которое мы, между прочим, вновь находим у наших невротиков, страдающих навязчивыми состояниями[1]. Мы можем себе представить, что люди того времени особенно гордились своими языковыми достижениями, с которыми должно было быть сопряжено большое облегчение мышления. Они наделяли слово волшебной силой. Религия позднее заимствовала эту черту «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет». Впрочем, факт магических действий показывает, что анимистический человек не просто полагался на силу своих желаний. В большей мере он ожидал успеха от выполнения акта, которому природа должна была подражать. Если он хотел дождя, то сам лил воду; если хотел побудить землю к плодородию, то представлял сцену полового сношения на поле.

Вы знаете, с каким трудом исчезает то, что однажды приобрело психическое выражение. Поэтому вы не удивитесь, услышав, что многие проявления анимизма сохранились до сегодняшнего дня наряду с религией и на ее заднем плане, в большинстве своем в виде так называемых суеверий. Более того, вы вряд ли сможете отказать в правоте суждению, что наша философия сохранила существенные черты анимистического образа мышления, переоценку волшебной силы слова, веру в то, что реальные процессы в мире идут теми путями, которые им хочет указать наше мышление. Правда, это скорее анимизм без магических действий. С другой стороны, мы можем ожидать, что в ту эпоху существовала уже какая-то этика, правила взаимодействия людей, но ничто не говорит за то, что они были теснее связаны с анимистической верой. Вероятно, они были непосредственным выражением соотношения сил и практических потребностей.

Было бы весьма интересно узнать, чем был детерминирован переход от анимизма к религии, но вы можете пред-

---

[1] [См. «Тотем и табу» (1912–1913).]

ставить, какая тьма и поныне окутывает эти древние времена в истории развития человеческого духа. Можно считать фактом, что первой формой проявления религии был примечательный тотемизм, почитание животных, вследствие которого и появились первые этические заповеди, табу. В свое время в книге «Тотем и табу» (1912–1913) я выдвинул гипотезу, что это изменение восходит к перевороту в отношениях человеческой семьи. Главное достижение религии по сравнению с анимизмом состоит в психическом преодолении страха перед демонами. И все же в качестве пережитка древних времен злой дух сохранил место и в системе религии.

Такова была предыстория религиозного мировоззрения, а теперь давайте обратимся к тому, что произошло с тех пор и поныне происходит на наших глазах. Дух научности, усилившийся в наблюдениях за природными процессами, с течением времени начал рассматривать религию как род человеческой деятельности, и подвергать ее критической проверке. Этого она не могла перенести. Сначала появились сообщения о чудесах, которые вызывали удивление и недоверие, поскольку противоречили всему, чему учило трезвое наблюдение, совершенно отчетливо выдавая влияние человеческой фантазии. Затем должно было быть отвергнуто ее учение, объяснявшее существующий мир, поскольку оно было пережитком древних времен, свидетельствовало о незнании, которое научились преодолевать благодаря возросшему постижению законов природы. С тех пор как для мышления стало очевидным различие между живыми, одушевленными существами и неживой природой, стало невозможно придерживаться первоначального анимизма, перестало казаться истинным и само собой разумеющимся предположение, что мир должен был возникнуть через акт зачатия или сотворения, аналогично возникновению отдельного человека. Не следует забывать также о влиянии сравнительного изучения различных религиозных систем и их взаимного исключения и нетерпимости друг к другу.

Дух научности, усилившийся в этих предварительных упражнениях, обрел в конце концов мужество, чтобы решиться на проверку самых важных и аффективно наиболее значимых частей религиозного мировоззрения. Всегда было очевидно, но лишь впоследствии об этом решились говорить, что религиозные постулаты, обещающие человеку защиту и счастье при условии выполнения им определенных этических требований, также оказываются не заслу-

живающими доверия. Похоже, что в мироздании не существует силы, которая с родительской заботливостью охраняет благополучие отдельного человека, и направляет к счастливому концу все, что с ним происходит. Скорее, судьбы людей не сочетаются с предположением о доброте мира или, — с отчасти противоречащим ему, — предположением о справедливости мира. Землетрясения, бури, пожары не делают различия между добрым и благочестивым и злодеем или неверующим. Даже если не брать в расчет неживую природу, и ограничиться лишь тем, насколько судьба отдельного человека зависит от его отношений с другими людьми, то ни в коем случае не существует правила, что добродетель награждается, а зло наказывается, напротив, весьма часто насильник, проныра, не считающийся ни с кем человек присваивает себе завидные блага мира, а благочестивый остается ни с чем. Человеческую судьбу определяют темные, бесчувственные и лишенные любви силы; система награждений и наказаний, которая, согласно религии, господствует в мире, похоже, не существует. Это, в свою очередь, дает еще один повод отказаться от одушевленности. которая перешла в религию из анимизма.

Последний вклад в критику религиозного мировоззрения сделал психоанализ, указав на происхождение религии из детской беспомощности и выводя ее содержание из детских желаний и потребностей, сохраняющихся в зрелой жизни.

Это не означало прямого опровержения религии, а было необходимым завершением наших знаний о ней, и противоречило ей, по крайней мере, в том пункте, где она приписывает себе божественное происхождение. В этом, впрочем, она не так уж не права, если принять наше толкование бога.

Обобщающее суждение науки о религиозном мировоззрении, таким образом, гласит: пока отдельные религии враждуют друг с другом по поводу того, какая из них владеет истиной, мы полагаем, что содержанием религиозных истин позволительно вообще пренебречь. Религия есть попытка преодолеть чувственный мир, в который мы помещены, посредством мира желаний, который мы создали в себе в силу биологической и психологической необходимости. Однако, она не может этого достичь. Ее учения несут на себе отпечаток тех времен, в которые они возникали, времен детского неведения человечества. Ее утешения не заслуживают доверия. Опыт учит нас: мир не детская комната. Этические требования, которые хочет подчеркнуть религия, нуждаются в совсем других обоснованиях, поскольку они

неотделимы от человеческого общества, и опасно связывать следование им с религиозной верой. Если мы попытаемся найти место религии в процессе развития человечества, то она окажется не вечной ценностью, а чем-то вроде невроза, который должен преодолеть каждый культурный человек на своем пути от детства к зрелости[1].

Конечно, вы вольны критиковать это мое изложение; я сам пойду вам навстречу в этом. То, что я сказал о постепенном распаде религиозного мировоззрения, было, ввиду краткости, не полным, последовательность отдельных процессов была представлена не совсем правильно, не было прослежено взаимодействие отдельных сил при пробуждении научного духа. Я также оставил без внимания те изменения, которые произошли в самом религиозном мировоззрении за время его неоспоримого господства и затем под влиянием пробуждающейся критики. Наконец, я ограничил свое обсуждение, строго говоря, лишь одним типом религиозности, религией западных народов. Я создал, так сказать, фантом в целях ускоренной и по возможности впечатляющей демонстрации. Оставим в стороне вопрос о том, насколько вообще моих знаний было достаточно для того, чтобы сделать это лучше и полнее. Я знаю, все, что я вам сказал, вы можете найти в других местах в лучшем изложении, ничто из этого не ново. Позвольте мне высказать убеждение, что самая тщательная обработка материала по проблеме религии не поколебала бы наш результат.

Вы знаете, что борьба духа научности против религиозного мировоззрения не закончена, она происходит на наших глазах и в настоящее время. Как бы мало психоанализ ни пользовался полемическим оружием в других вопросах, мы не хотим отказываться занять в этом споре свою позицию. При этом, быть может, мы сумеем больше прояснить нашу позицию по отношению к мировоззрениям. Вы увидите, как легко можно опровергнуть некоторые из аргументов, приводимых сторонниками религии: другие же могут остаться не опровергнутыми.

[1] [Фрейд обсуждал возможность того, что общество может страдать такими же неврозами, как и отдельный индивид, в работах «Будущее одной иллюзии» (1927*c*) и »Недомогание культуры» (1930*a*). Еще более подробно он обсуждает это в работе «Человек Моисей и монотеистическая религия» (1939*a*). Еще задолго до этого он указывал на аналогию между религиозными отправлениями и навязчивыми действиями (Freud, 1907*b*).]

Первое возражение, которое доводится слышать, гласит. со стороны науки просто самонадеянно считать религию предметом своего изучения, потому что она является чем-то суверенным, лежащим за пределами человеческого разума. к чему не должно приближаться с умничающей критикой. Другими словами, наука не в состоянии судить о религии. Впрочем, она вполне пригодна и ценна, пока ограничивается своей областью, но религия – не ее область, ей нечего там искать. Если не остановиться перед этим грубым отпором, а спросить далее, на чем основывается эта претензия на исключительное положение среди всех человеческих дел, то получишь ответ, если вообще будешь удостоен ответа, что религию нельзя мерить человеческими мерками, потому что она божественного происхождения, дается нам через откровение духа, который человеческий дух не может понять. Можно подумать, что нет ничего легче, чем опровергнуть этот аргумент, это ведь очевидное *petitio principii, begging the question*[1] – я не знаю хорошего названия этому в немецком языке. Ведь ставится под сомнение существование божественного духа и его откровения, и, конечно, нельзя считать ответом, когда говорят, что об этом нельзя спрашивать, поскольку божество нельзя ставить под сомнение. Это похоже на то, что иногда происходит в аналитической работе. Когда обычно разумный пациент отвергает какое-то предположение с особо глупым обоснованием, то эта логическая слабость свидетельствует о наличии особенно сильного мотива для противоречия, который может быть лишь аффективной природы, связанностью чувствами.

Можно получить и другой ответ, в котором открыто выступает такой мотив: религия не должна подвергаться критической проверке, поскольку она есть самое значительное, самое ценное и самое возвышенное среди того, что произвел человеческий дух, поскольку она дает выражение самым глубоким чувствам, потому что она делает мир выносимым, а жизнь достойной человека. На это надо отвечать, не оспаривая оценку религии, а обращая внимание на другое обстоятельство. Надо подчеркнуть, что речь идет совсем не о вторжении духа научности в область религии, а, напротив, о вторжении религии в сферу научного мышления. Каковы бы ни были ценность и значение религии, она не име-

---

[1] [Предвосхищение основания, логическая ошибка в доказательстве, когда вывод делается из положения, которое само еще должно быть доказано (лат., англ.). – *Примечание переводчика.*]

ет никакого права как-либо ограничивать мышление, а также права исключать себя из сферы приложения мышления.

По своей сути научное мышление не отличается от нормальной мыслительной деятельности, которую все мы, как верующие, так и неверующие, применяем для решения наших жизненных вопросов. Только в некоторых чертах оно сформировано по-особому, оно интересуется также вещами, в которых нет непосредственной ощутимой нужды, старается отстраниться от индивидуальных факторов и аффективных влияний, более строго проверяет достоверность чувственных восприятий, на которых основывает свои выводы, создает новые восприятия, которых нельзя достичь обыденными средствами, и выделяет условия этих новых восприятий в намеренно варьируемых опытах. Его стремление — достичь соответствия реальности, то есть с тем, что существует вне нас, независимо от нас и, как учит нас опыт, является решающим для исполнения или неисполнения наших желаний. Это соответствие реальному внешнему миру мы называем истиной. Она остается целью научной работы, даже когда мы упускаем ее практическую значимость. Стало быть, когда религия утверждает, что она может заменить науку, что она тоже истинна, поскольку действует благоприятно и возвышающе, то фактически это означает превышение полномочий, которому надо дать отпор из самых общих соображений. Это слишком большое требование к человеку, научившемуся вести свои обычные дела по правилам опыта и с учетом реальности, что он должен передать заботу именно о самых интимных своих интересах такой инстанции, пользующейся как своей привилегией освобождением от предписаний рационального мышления. Что же касается защиты, которую религия обещает своим верующим, то я думаю, что никто из нас не захочет даже сесть в автомобиль, если шофер объяснит, что он будет строго соблюдать правила уличного движения, руководствуясь полетом своей фантазии. Запрет на мышление, к которому прибегает религия в целях самосохранения, ни в коем случае не безопасен ни для индивидуума, ни для человеческого общества. Аналитический опыт научил нас, что такой запрет, даже если он первоначально и ограничивался определенной областью, имеет склонность распространяться, становясь причиной тяжелых торможений на жизненном пути личности. Женщины представляют собой пример действия такого запрета — запрета заниматься своей сексуальностью, хотя бы толь-

ко и в мыслях. О вреде религиозного торможения мышления свидетельствуют жизнеописания почти всех выдающихся людей прошлых времен. С другой стороны, интеллект — или назовем его привычным нам именем «разум» — относится к силам, от которых скорее всего можно ожидать объединяющего влияния на людей, которых так трудно сплотить вместе, и которыми поэтому крайне трудно управлять. Можно представить, сколь невозможным было бы человеческое общество, если бы каждый имел свою собственную таблицу умножения и свою особую систему мер и весов. Нашей лучшей надеждой на будущее является то, что интеллект — дух научности, разум — со временем установит диктатуру в душевной жизни человека. Сущность разума является гарантией того, что тогда он отведет достойное место человеческим чувствам и тому, что ими определяется. Но общая неизбежность этого господства разума окажется самой сильной объединяющей связью между людьми и проложит путь к дальнейшим объединениям. То, что противоречит такому развитию, как запрет на мышление со стороны религии, представляет собой опасность для будущего человечества.

Теперь можно спросить, почему религия не положит конец этому бесперспективному для нее спору, не заявив открыто: «Верно, я не могу дать вам того, что обычно называется истиной. Для этого вам нужна наука. Но то, что могу дать вам я, несравнимо прекраснее, утешительнее и возвышеннее, чем все, что вы можете получить от науки. И поэтому я говорю вам: это истинно в другом, более высоком смысле». Ответ найти легко.

Религия не может сделать такого признания потому, что тем самым она утратила бы всякое влияние на человеческие массы. Обыкновенный человек знает только одну истину в общем смысле слова. Что такое более высокая или высшая истина, он представить себе не может. Истина представляется ему столь же мало способной к градации, как и смерть, и он не может совершить скачок от прекрасного к истинному. Возможно, вы так же, как и я, думаете, что в этом он прав.

Борьба, стало быть, не окончена. Приверженцы религиозного мировоззрения действуют по старому правилу: лучшая защита — нападение. Они спрашивают: что это за наука, которая дерзает обесценить нашу религию, которая в течение долгих тысячелетий дарила миллионам людей исцеление и утешение? Чего она со своей стороны уже достигла? Чего в дальнейшем мы можем ждать от нее? По ее собственному признанию, утешение и возвышенность она дать не спо-

собна. Не будем учитывать эту сторону дела, хотя это и не легкий отказ. Однако, что с ее доктринами? Может ли она нам сказать, как произошел мир, какая судьба его ожидает? Может ли она хотя бы нарисовать нам связную картину мира, показать, куда поместить необъясненные феномены жизни, как духовные силы могут воздействовать на косную материю? Если бы она это могла, мы не отказали бы ей в нашем внимании. Но ничего подобного, ни одной из этих проблем она пока еще не решила. Она дает нам отрывки предполагаемых знаний, которые сама не может согласовать друг с другом, собирает наблюдения за закономерностями течения событий, обозначает их как законы и подвергает своим рискованным толкованиям. А с какой малой степенью уверенности говорит она о своих результатах!

Все, чему она учит, имеет лишь временную ценность; то, что сегодня признается высшей мудростью, будет завтра отброшено, и вновь заменено чем-то предполагаемым. Последнее заблуждение называется истиной. И этой истине мы должны принести в жертву наше высшее благо!

Уважаемые дамы и господа! Я думаю, что поскольку вы сами придерживаетесь научного мировоззрения, подвергающегося здесь нападкам, то вы не будете очень уж глубоко потрясены этой критикой. В кайзеровской Австрии как-то раз прозвучало высказывание, о котором я хотел бы здесь напомнить. Однажды Старый господин[1] крикнул представителям неудобной ему партии: «Это уже не обычная оппозиция, это радикальная оппозиция». Подобным же образом вы сочтете несправедливыми и злобно раздутыми упреки в адрес науки за то, что она еще не разрешила мировых загадок; для этих великих достижений у нее было до сих пор действительно слишком мало времени. Наука — весьма молодая, поздно развившаяся человеческая деятельность. Давайте немного задержимся, чтобы вспомнить некоторые даты: прошло около 300 лет с того времени, когда Кеплер открыл законы движения планет, жизненный путь Ньютона, который разложил свет на цвета и выдвинул учение о гравитации, завершился в 1727 году, то есть немногим более двухсот лет тому назад, а незадолго до Французской революции Лавуазье получил кислород. Жизнь отдельного человека очень коротка по сравнению с периодом развития человечества. Сегодня я уже весьма старый человек, но все-таки я уже жил на свете, когда

[1] [Так в народе называли императора Франца Иосифа.]

Ч. Дарвин предложил общественности свой труд о возникновении видов. В этом же 1859 году родился Пьер Кюри, открывший радий. Если же вы пойдете еще дальше назад, к появлению точного естествознания у греков, к Архимеду, к предшественнику Коперника Аристарху Самосскому (около 250 г. до н. э.), или к началам астрономии у вавилонян, то этим вы покроете лишь малую часть времени, которое антропология отводит для развития человека от его обезьяноподобной первичной формы и которое, безусловно, охватывает более чем одно стотысячелетие. И не забудем, что последнее столетие принесло с собой такое обилие новых открытий, такое ускорение научного прогресса, что мы имеем все основания с уверенностью смотреть в будущее науки.

Другие возражения мы в известной степени должны признать правомочными. Именно таков путь науки — медленный, нащупывающий, трудный. Здесь ничего не нужно отрицать и менять. Неудивительно, что господа, представляющие другую сторону, недовольны; они избалованы, с откровением им было легче. Прогресс в научной работе осуществляется подобно тому, как это происходит в анализе: в работу привносятся ожидания, но нужно уметь от них и отказываться. Благодаря наблюдению то здесь, то там узнается что-то новое, отдельные части сразу не сочетаются друг с другом. Выдвигаются предположения, строятся вспомогательные конструкции, от которых приходится отказываться, если они не подтверждаются, требуется много терпения, готовность к любым возможностям, к отказу от прежних убеждений, чтобы под их влиянием не пропустить новых, неожиданных моментов, но в конце концов все труды вознаграждаются, разрозненные находки складываются воедино, получается картина целого этапа душевного процесса, задача выполнена, и можно браться за следующую. Только в анализе приходится обходиться без помощи, которую оказывает исследователю эксперимент.

В этой критике науки есть также изрядная доля преувеличения. Неправда, что она бредет вслепую от одного эксперимента к другому, меняя одно заблуждение на другое. Как правило, она работает как художник над моделью из глины, неустанно меняя свои первоначальный сырой замысел, внося и убирая из него что-то, пока не достигнет удовлетворяющей его степени подобия со зримым или воображаемым объектом. Уже сегодня, по крайней мере, в более старых и более зрелых науках существует солидный фунда-

мент, который только модифицируется и расширяется, но не упраздняется. В науке все обстоит не так уж плохо.

И наконец, на что нацелены эти страстные поношения в адрес науки? Несмотря на ее сегодняшнюю неполноту и присущие ей трудности, она остается для нас необходимой и ее нельзя заменить ничем другим. Она способна на невиданные совершенствования, чего нельзя сказать о религиозном мировоззрении. Последнее завершено во всех своих существенных частях; если оно было заблуждением, то останется таковым навсегда. Никакое умаление [значения] науки не может изменить тот факт, что она пытается воздать должное нашей зависимости от реального внешнего мира. тогда как религия есть иллюзия, и ее сила связана с тем, что она идет навстречу нашим инстинктивным желаниям[1].

Моя обязанность упомянуть еще и о других мировоззрениях, которые находятся в оппозиции к научному; однако я делаю это неохотно, так как знаю, что мне недостает подлинной компетентности, чтобы судить о них. Так что примите нижеследующие замечания в свете данного признания. и если у вас пробудится интерес, поищите лучшего наставления у другой стороны.

В первую очередь здесь следовало бы назвать различные философские системы, которые отважились нарисовать картину мира в том виде, как она отражалась в уме обычно отвернувшегося от мира мыслителя. Однако я уже пытался дать общую характеристику философии и ее методов, судить же об отдельных системах я могу, пожалуй, менее, чем кто-либо другой. Так что обратитесь со мной к двум другим явлениям. мимо которых именно в наше время нельзя пройти.

Одно из этих мировоззрений является как бы отражением политического анархизма, возможно, его эманацией. Такие интеллектуальные нигилисты, разумеется, были и раньше, но в настоящее время, похоже, теория относительности современной физики ударила им в голову. Правда, они исходят из науки, однако считают, что она должна как можно скорее уничтожить себя, совершить самоубийство, навязывают ей задачу убрать саму себя с дороги путем опровержения своих притязаний. При этом часто создается впечатление, что этот нигилизм является лишь временной установкой, необходимой для решения этой задачи. Устранение науки осво-

---

[1] [В рукописи работы «Будущее одной иллюзии» (1927*c*) Фрейд дает детальную оценку религии.]

бождает место для распространения какого-нибудь мистицизма или опять-таки прежнего религиозного мировоззрения. Согласно анархистскому учению, нет вообще никакой истины, никакого надежного познания внешнего мира. То, что мы выдаем за научную истину, есть всего лишь продукт наших собственных потребностей, в том виде, в котором они должны проявляться при изменяющихся внешних условиях, стало быть, опять-таки иллюзией. По существу, мы находим только то, что нам нужно, видим только то, что хотим видеть. По-другому мы не можем. Поскольку критерий истины, согласованность с внешним миром отпадает, совершенно безразлично, каких мнений мы придерживаемся. Все в равной мере истинно и в равной мере ложно. И никто не имеет права обвинять другого в заблуждении.

Для ума теоретико-познавательного склада было бы заманчиво проследить, какими путями, какими софизмами анархистам удается приписать науке такие конечные результаты. Но тогда возникает ситуация, подобная описанной в известном примере: критянин говорит: все критяне — лжецы и т. д. Но у меня нет ни желания, ни способности пускаться в более глубокие рассуждения. Могу только сказать, что анархистское учение звучит в целом так неопровержимо, пока оно касается мнений об абстрактных вещах; но оно отказывает при первом же шаге в практическую жизнь. Ведь поступками людей руководят их мнения, знания, и один и тот же научный ум размышляет и о строении атомов, и о происхождении человека, и проектирует конструкцию способного выдержать нагрузку моста. Если бы было действительно безразлично, что именно мы думаем, не было бы никаких знаний, которые, по нашему мнению, согласуются с действительностью, и мы могли бы с таким же успехом строить мосты из картона, как и из камня, вводить больному дециграмм морфина вместо сантиграмма, применять для наркоза слезоточивый газ вместо эфира. Однако и интеллектуальные анархисты яро отказались бы от таких практических приложений своих теорий.

Другого противника следует воспринимать гораздо более серьезно, и в этом случае я также живейшим образом сожалею о недостаточности своей ориентированности в этом вопросе. Я предполагаю, что вы знаете об этих вещах больше меня и давно заняли позицию за или против марксизма. Исследования К. Маркса об экономической структуре общества и влиянии различных экономических форм на все области человеческой жизни завоевали в наше время неос-

поримый авторитет. Насколько они правильны или ошибочны в своих частностях, я, естественно, не могу знать. Видимо, и другим, более осведомленным, тоже не легче. В теории Маркса мне чужды положения, согласно которым развитие общественных форм является естественно-историческим процессом или что преобразования в социальных слоях происходят в результате диалектического процесса. Я далеко не уверен, что правильно понимаю эти утверждения, но они и звучат не «материалистично», а, скорее, как отголосок той темной гегелевской философии, школу которой прошел также и Маркс. Не знаю, как мне освободиться от своего дилетантского мнения, привыкшего к тому, что образование классов в обществе восходит к борьбе, которая с начала истории разыгрывалась между ордами людей, немного отличавшихся друг от друга. Социальные различия были, как я полагал, первоначально племенными или расовыми различиями. Победу определяли психологические факторы, такие, как мера конституциональной жажды агрессии, а также устойчивость организации внутри орды, и материальные факторы, например, обладание лучшим оружием. В совместной жизни на одной и той же территории победители становились господами, побежденные — рабами. При этом не нужно открывать никаких законов природы или изменений в понятиях, напротив, нельзя не заметить влияние, которое прогрессирующее овладение силами природы оказывает на социальные отношения людей, которые всегда ставят вновь приобретенные средства власти на службу своей агрессии и применяют их друг против друга. Использование металла, бронзы и железа положило конец целым культурным эпохам и их социальным институтам. Я действительно считаю, что порох, огнестрельное оружие упразднили рыцарство и господство знати и что русский деспотизм был приговорен уже до проигранной войны, поскольку никакие родственные браки внутри господствующих в Европе семей не могли произвести на свет род царей, способных противостоять взрывной силе динамита.

Да, можно считать, что современный экономический кризис, последовавший за мировой войной, есть лишь плата за последнюю грандиозную победу над природой, завоевание воздушного пространства. Это не особенно очевидно, но во всяком случае, первые звенья цепи можно ясно распознать. Политика Англии базировалась на безопасности, которую гарантировало ей омывающее ее берега море.

В момент, когда Блерио впервые перелетел канал на аэроплане, эта защитная изоляция была нарушена, а в ту ночь, когда в мирное время в целях упражнения немецкий цеппелин кружил над Лондоном, война против Германии была, по-видимому, решенным делом[1]. При этом не следует забывать и об угрозе со стороны подводных лодок.

Мне почти стыдно затрагивать в беседе с вами такую важную и сложную тему в столь кратких замечаниях; я понимаю также, что не сказал вам ничего нового. Хочу лишь обратить ваше внимание на то, что отношение человека к покорению природы, у которой он заимствует оружие против себе подобных, неизбежно должно влиять и на его экономические институты. Мы, кажется, далеко отошли от проблем мировоззрения, но скоро вернемся к ним. Сила марксизма заключается, конечно, не в его понимании истории и основанном на нем предсказании будущего, а в проницательном доказательстве неизбежного влияния, которое оказывают экономические отношения людей на их интеллектуальные, этические и эстетические установки. Этим вскрыт целый ряд взаимосвязей и зависимостей, которые до тех пор почти совсем не были известны. Но ведь нельзя предположить, что экономические мотивы являются единственными, определяющими поведение людей в обществе. Уже тот несомненный факт, что различные люди, расы, народы в одних и тех же экономических условиях ведут себя по-разному, исключает единовластие экономических моментов. Вообще непонятно, как можно пройти мимо психологических факторов, когда речь идет о реакциях живых человеческих существ, потому что дело не только в том, что они уже участвовали в установлении каких-то экономических отношений, а в том, что при их господстве люди не могут не вводить в игру свои исходные влечения, свой инстинкт самосохранения, свою жажду агрессии, свою потребность в любви, свое стремление получать удовольствие и избегать неудовольствия. В более раннем исследовании мы признали значительность притязаний Сверх-Я, которое представляет традиции и идеалы прошлого и какое-то время будет оказывать противодействие запросам новой экономической ситуации. Наконец, не следует забывать, что и в человеческой массе, подчиненной экономической необходимости, также происходит процесс

---

[1] Так мне сообщили об этом в первый год войны из достоверных источников.

культурного развития — цивилизации, как говорят другие. который, безусловно, подвержен влиянию всех других факторов, но который в своем происхождении, несомненно. независим от них, сравним с органическим процессом и, вполне вероятно, что он в состоянии, со своей стороны, воздействовать на другие факторы[1]. Он смещает цели влечений и приводит к тому, что люди восстают против того, что было для них до сих пор переносимо; быть может, также, что его существенной частью является прогрессирующее укрепление духа научности. Если бы кто-нибудь был в состоянии показать, в частности, как эти различные моменты, общие человеческие инстинктивные задатки, их расовые вариации и их культурные видоизменения ведут себя в условиях социального подчинения, профессиональной деятельности и возможности заработка, тормозят и стимулируют друг друга, если бы кто-нибудь мог это сделать, то тогда он довел бы марксизм до подлинного обществознания. Потому что социология, занимающаяся поведением людей в обществе, не может быть ничем иным, как прикладной психологией. Строго говоря, есть лишь две науки: психология, чистая и прикладная, и естествознание.

С вновь приобретенным пониманием далеко идущего значения экономических отношений появилось искушение предоставить их изменение не историческому развитию. а изменить самим путем революционного вмешательства. Осуществившись в русском большевизме, теоретический марксизм приобрел, наконец, энергию, законченность и исключительность мировоззрения, но одновременно и зловещее подобие тому, против чего он борется. Сам изначально будучи частью науки, опираясь в своем осуществлении на науку и технику, он создал, однако, запрет на мышление. который так же неумолим, как в свое время в религии. Критические исследования марксистской теории под запретом. сомнения в ее правильности наказываются так же, как когда-то ересь каралась католической церковью. Произведе-

[1] [В то время Фрейд особенно много размышлял над идеей «культурного процесса». Он много обсуждал этот вопрос уже в работе «Недомогание культуры» (1930*a*); в дальнейшем он развивает его в конце открытого письма Эйнштейну «Почему война?» (1933*b*). Однако, эта идея была связана с другим представлением, от которого он отказался гораздо раньше, а именно с гипотезой о том, что *вытеснение* является органическим процессом. В двух длинных примечаниях в начале и в конце 4-й главы «Недомогания культуры» Фрейд очень ясно излагает эту взаимосвязь.]

ния Маркса как источник откровения заняли место Библии и Корана, хотя они не свободнее от противоречий и темных мест, чем эти более древние священные книги.

И хотя практический марксизм безжалостно изгнал все идеалистические системы и иллюзии, он тем не менее сам развил иллюзии, которые не менее спорны и бездоказательны, чем прежние. Он надеется в течение немногих поколений так изменить человеческую природу, что при новом общественном порядке в совместной жизни людей почти не будет трений, и что они без принуждения возьмут на себя задачи труда. Между тем неизбежные в обществе ограничения влечений он переносит на другие аспекты и направляет агрессивные наклонности, которые угрожают любому человеческому обществу, вовне, хватается за враждебность бедных против богатых, прежде безвластных против бывших власть имущих. Но такое изменение человеческой природы совершенно невероятно. Энтузиазм, с которым массы следуют в настоящее время большевистскому призыву, пока новый строй еще не укрепился и ему грозит опасность извне, не дает никакой гарантии на будущее, в котором он был бы утвержден и неуязвим. Точно так же, как религия, большевизм должен вознаграждать своих верующих за страдания и лишения теперешней жизни обещанием лучшего потустороннего, в котором не останется ни одной неудовлетворенной потребности. Правда, этот рай все же должен быть посюсторонним, должен быть создан на земле и доступен в обозримое время. Вспомним, однако, что и евреи, религия которых ничего не знает о потусторонней жизни, ожидали пришествия мессии на землю и что христианское средневековье верило, что близится царство Божье.

Нет сомнений в том, каков будет ответ большевизма на эти упреки. Он скажет: до тех пор пока люди не изменились по своей природе, нужно привлекать те средства, которые действуют на них сегодня. Невозможно обойтись в воспитании без принуждения, без запрета на мышление, без применения насилия вплоть до кровопролития, а если не пробудить в них иллюзий, нельзя будет привести их к тому, чтобы они подчинялись этому принуждению. И он мог бы вежливо попросить указать ему все-таки, как можно сделать это иначе. Это должно было бы нас сразить. Я не знаю, что посоветовать. Я бы признался, что условия этого эксперимента удерживают меня и мне подобных от его проведения, но мы не единственные, от кого это зависит. Есть также люди дела,

непоколебимые в своих убеждениях, не испытывающие сомнений, невосприимчивые к страданиям других, если те стоят на пути их намерений. Таким людям мы обязаны тем, что грандиозная попытка [по созданию] такого нового строя теперь действительно проводится в России. В то время как великие нации провозглашают, что ждут спасения лишь в сохранении христианского благочестия, переворот в России, — несмотря на все безрадостные отдельные черты, — выглядит все же предвестником лучшего будущего.

К сожалению, ни наши сомнения, ни фанатичная вера других не содержат указаний на то, чем закончится эксперимент. Быть может, будущее научит и покажет, что эксперимент был преждевременным, что всеобъемлющее изменение социального порядка имеет мало шансов на успех до тех пор, пока новые открытия не увеличат нашу власть над силами природы и тем самым не облегчат удовлетворение наших потребностей. Лишь тогда станет возможным то, что новый общественный порядок не только покончит с материальной нуждой масс, но и услышит культурные притязания отдельного человека. Однако, мы и тогда еще должны будем бороться необозримо долго с трудностями, которые необузданность человеческой природы готовит для любого вида социальной общности.

Уважаемые дамы и господа! Позвольте мне в заключение подвести итог тому, что я сказал об отношении психоанализа к мировоззрению. Психоанализ, я полагаю, не способен создать свое особое мировоззрение. Он не нуждается в таковом, он является частью науки и может примкнуть к научному мировоззрению. Но оно едва ли заслуживает столь громкого названия, потому что видит не все, слишком несовершенно, не претендует на целостность и систематичность. Научное мышление среди людей еще весьма молодо, еще не может решить слишком многие из великих проблем. Мировоззрение, построенное на науке, кроме утверждения реального внешнего мира, имеет также и существенные негативные черты, как-то: ограниченность истиной, отказ от иллюзий. Кто из наших современников недоволен этим состоянием вещей, кто требует для своего моментального успокоения большего, пусть приобретет его, где найдет. Мы не обидимся на него, не сможем ему помочь, но, со своей стороны, не начнем мыслить иначе.

БИБЛИОГРАФИЯ

Печатается по немецкому изданию книги. G. W. – Freud S. Gesammelte Werke. Bd. 1–17. L., 1940. Frankfurt a. M. 1968. Буквенный индекс рядом с годом публикации работы соответствует расположению публикации в полной библиографии Фрейда, помещенной в последнем томе английского издания (Standart Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud).

Abel K. Über den Gegensinn der Urworte. Leipzig, 1884.

Abraham K. Die psychosexuellen Differenzen der Hysterie und der Dementia praecox // Zentbl. Nervenheilk. N. F. 1908. Bd. 19. S. 521.

Abraham K. Untersuchungen über die früheste prägenitale Entwicklungsstufe der Libido // Intern. Ztschr. ärztl. Psychoanal. 1916. Bd. 4. S. 71.

Abraham K. Die Spinne als Traumsymbol // Intern. Ztschr. Psychoanal. 1922. Bd. 8. S. 470.

Abraham K. Versuch einer Entwicklungsgeschichte der Libido. Leipzig etc., 1924.

Adler A. Der psychische Hermaphroditismus im Leben und in der Neurose // Fortschr. Med. 1910. Bd. 28. S. 486.

Adler A. Über den nervösen Charakter. Wiesbaden, 1912.

Alexander F. Über Traumpaare und Traumreihen // Intern. Ztschr. Psychoanal. 1925. Bd. 11. S. 80.

Andreas-Salomé L. «Anal» und «Sexual» // Imago. 1916. Bd. 4. S. 249.

Aristoteles De Somniis und De divindatione per somnum.

Artemidorus von Daldis Oneirocritica.

Bernheim, H. De La suggestion et de ses applications f la thérapeutique. Paris. 1886.

Bernheim, H. Hypnotisme, suggestion et psychothérapie: études nouvelles. Paris. 1892.

Betlheim S., Hartmann H. Über Fehlreaktionen des Gedächtnisses bei Korsakoffscher Psychose // Arch. Psychiat. Und Nervenkr. 1924. Bd. 72. S. 278.

Binet A. Etudes de Psychologie expériementale: Le Fétichisme dans l'amour. P., 1888.

Binz C. Über den Traum. Bonn, 1878.

Bloch I. Beiträge zur Ätiologie der Psychopathia sexualis. Dresden, 1902 – 1903. 2 Bd.

Boehlich W. Der Berliner Antisemitismusstreit. Frankfurt a. M, 1965.

Bölsche W. Das Liebesleben in der Natur. Jena, 1911 – 1913. 2 Bd.

Breuer J., Freud S. siehe Freud S., 1893.

Brill A. A. Psychoanalysis: Its theories and practical applications. Philadelphia und London, 1912.

Brunswick R. M. Dia Analyse eines Eifersuchtswahnes // Intern. Ztschr. Psychoanal. 1928. Bd. 14. S. 458.

Burlingham D. Kinderanalyse und Mutter // Psychoanal. Päd. 1932. Bd. 6. S. 269.
Darwin C. The Expressin of the Emotions in Man and Animals (2. Aufl.), London (1. Aufl., London, 1872), 1889.
Darwin C. [Deutsche Übersetzung: Der Ausdruck der Gefühle bei Mensch und Tier, Düsseldorf, 1964.].
Darwin C. The Autobiography of Charles Darwin, London (1. Aufl., 1887) [Deutsche Übersetzung von J. Victor Carus: Leben und Briefe von Charles Darwin mit einem seine Autobiographie enthaltenden Kapitel, hrsg. Von seinem Sohne Francis Darwin (3 Bd.), Stuttgart, 1887], 1958.
Deutsch H. Okkulte Vorgänge während der Psychoanalyse // Imago. 1926. Bd. 12. S. 418.
Deutsch H. Über die weibliche Homosexualität // Intern. Ztschr. Psychoanal. 1932. Bd. 18. S. 219.
Du Prel C. Die Philosophie der Mystik, Leipzig, 1885.
Eisler M. J. Beiträge zur Traumdeutung // Intern. Ztschr. ärztl. Psychoanal. 1919. Bd. 5. S. 295.
Eisler R. Weltenmantel und Himmelszelt, München, 1910. 2 Bd.
Fechner G. T. Elemente der Psychophysik, Leipzig, 1860.
Federn P. Über zwei typische Traumsensationen // Jb. Psychoanal. 1914. Bd. 6. S. 89.
Ferenczi S. Entwicklungsstufen des Wirklichkeitssinnes // Intern. Ztschr. ärztl. Psychoanal. 1913. Bd. 1. S. 124.
Ferenczi S. Die Simbolik der Brücke // Intern. Ztschr. Psychoanal. 1921. Bd. 7. S. 211.
Ferenczi S. Die Brückensymbolik und die Don Juan-Legende // Ibid. 1922. Bd. 8. S. 77.
Ferenczi S. Zur Psychoanalyse von Sexualgewohnheiten // Ibid. 1925. Bd. 11. S. 6.
Fliess W. Der Ablauf des Lebens. Wien, 1906.
Freud M. Glory Reflected. London. 1957.
Freud S. Übersetzung mit Vorrede und Ammerkungen von H. Bernheims «De la Suggestion et de ses applications a la thérapeutique» (Paris, 1886) unter dem Titel «Die Suggestion und ihre Heilwirkung». Wien, 1888—1889.
Freud S. Zur Auffassung der Aphasien. Wien, 1891.
Freud S. Übersetzung von H. Bernheims «Hypnotisme, Suggestion et Psychothérapie: études nouvelles» (Paris, 1891) unter dem Titel «Neue Studien Über Hypnotismus, Suggestion und Psychotherapie». Wien, 1892.
Freud S. Inhaltsangaben der wissenschaftlichen Arbeiten des Privatdozenten Dr. Sigm. Freud (1887 – 1897). Wien, 1897.
Freud S. Die Traumdeutung. Wien, 1900.
Freud S. Zur Psychopathologie des Alltagslebens // G. B. Bd. 4. [1901b].
Freud S. Der Witz und seine Beziehung zum Unbewußten. Wien, 1905c.
Freud S. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie. Wien, 1905.
Freud S. Bruchstück einer Hysterie-analyse // G. W. Bd. 5. S. 163. [1905c].
Freud S. Meine Ansichten über die Rolle der Sexualität in der Atiologie der Neurosen // G. W. Bd. 5. S. 149. [1906a].
Freud S. Zwangshandlungen und Religionsübung // G. W. Bd. 7. S. 129. [1907b].
Freud S. Zur sexullen Aufklärung der Kinder // G. W. Bd. 7. S. 19. [1907c].

Freud S. Hysterische Phantasien und ihre Beziehung zur Bisexualität // G. W. Bd. 7. S. 191. [1908a].
Freud S. Charakter und Analerotik // G. W. Bd. 7. S. 203. [1908b].
Freud S. Über infantile Sexualtheorien // G. W. Bd. 7. S. 171. [1908c].
Freud S. Die kulturelle Sexualmoral und die moderne Neurosität // G. W. Bd. 7. S. 143. [1908d].
Freud S. Der Dichter und das Phantasieren // G. W. Bd. 7. S. 213. [1908e].
Freud S. Allgemeines über den hysterischen Anfall // G. W. Bd. 7. S. 235. [1909a].
Freud S. Analyse der Phobie eines fünfjährigen Knaben // G. W. Bd. 7. S. 243. [1909b].
Freud S. Bemerkungen über einen Fall von Zwangsneurose // G. W. Bd. 7. S. 381 [1909d].
Freud S. Über Psychoanalyse. Wien, 1910.
Freud S. Über den Gegensinn der Urworte // G. W. Bd. S. 214. [1910e].
Freud S. Die psychogene Sehstörung in psychoanalytischer Auffassung // G. W. Bd. 8. S. 94. [1910i].
Freud S. Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia (Dementia paranoides) // G. W. Bd. 8. S. 240. [1911c].
Freud S. Über neurotische Erkrankungstypen // G. W. Bd. 8. S. 322. [1912c].
Freud S. Totem und Tabu. Wien, 1913.
Freud S. Ein Traum als Beweismittel // G. W. Bd. 10. S. 12. [1913a].
Freud S. Die Disposition zur Zwangsneurose // G.W. Bd. 8. S. 322. [1913i].
Freud S. Zur Einführung des Narzißmus // G. W. Bd. 10. S. 138. [1914c].
Freud S. Zur Geschichte der psychoanalytishen Bewegung // G. W. Bd. 10. S. 44. [1914d].
Freud S. Weitere Ratschläge zur Technik der Psychoanalyse. 2. Erinnern, Wiederholen und Durcharbeiten // G. W. Bd. 10. S. 126. [1914g].
Freud S. Triebe und Triebschicksale // G. W. Bd. 10. S. 210.[1915c].
Freud S. Die Verdrängung // G. W. Bd. 10. S. 248.[1915d].
Freud S. Das Unbewußte // G. W. Bd. 10. S. 26.[1915e].
Freud S. Mitteilung eines der psychoanalytischen Theorie widerspechenden Falles von Paranoia // G. W. Bd. 10. S. 234.[1915f].
Freud S. Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse. Wien, 1916–1917 [1915–1917].
Freud S. Über Triebumsetzungen, insbesondere der Analerotik // G. W. Bd. 10. S. 402.[1917c].
Freud S. Metapsychologische Ergänzung zur Traumlehre // G. W. Bd. 10. S. 412.[1917d].
Freud S. Trauer und Melancholie // G. W. Bd. 10. S. 428.[1917e].
Freud S. Aus der Geschichte einer infantilen Neurose // G. W Bd. 12. S. 29.[1918b].
Freud S. Das Unheimliche // G. W. Bd. 12. S. 229.[1919h].
Freud S. Jenseits des Lustprinzips. Wien. [1920g].
Freud S. Massenpsychologie und Ich-Analyse. Wien, [1921c].
Freud S. Traum und Telepathie // G. W. Bd. 13. S. 165.[1922a].
Freud S. »Psychoanalyse» und « Libidotheorie» // G. W. Bd. 13. S. 211.[1923a].
Freud S. Das Ich und das ES. Wien, // G. W. Bd. 13. S. 237.[1923b].

Freud S. Die infantile Genitalorganisation // G. W. Bd. 13. S. 293.[1923e].
Freud S. Das ökonomische Problem des Masochismus // G. W. Bd. 13. S. 371.[1924c].
Freud S. Der Untergang des Ödipuskomplexes // G. W. Bd. 13. S. 395.[1924d].
Freud S. Notiz über den «Wunderblock» // G. W. Bd. 13. S. 3.[1925a].
Freud S. Selbstdarstellung. Wien, [1925d].
Freud S. Einige psychische Folgen des anatomischen Geschlechtsunterschieds // G. W. Bd. 14. S. 19.[1925j].
Freud S. Hemmung, Symptom und Angst. Wien, [1926d].
Freud S. Die Frage der Laienanalyse. Wien, [1926e].
Freud S. Nachwort zur Frage der Laienanalyse // G. W. Bd. 14. S. 287.[1927a].
Freud S. Die Zukunft einer Illusion. Wien, G. W. Bd. 14. S. 325.[1927c].
Freud S. Fetischismus // G. W. Bd. 14. S. 311.[1927e].
Freud S. Das Unbehagen in der Kultur. Wien, [1930a].
Freud S. Über die weibliche Sexualitat // G. W. Bd. 14. S. 517.[1931b].
Freud S. Zur Gewinnung des Feuers // G. W. Bd. 16. S. 3.[1932a].
Freud S. Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse. Wien, [1933a].
Freud S. Warum Krieg? Paris, [1933b].
Freud S. Nachschrift 1935 zur Selbstdarstellung // G. W. Bd. 16. S. 31.[1935a].
Freud S. Der Mann Moses und die monotheistische Religion // G. W. Bd. 16. S. 103.[1939a].
Freud S. Abriß der Psychoanalyse // G. W. Bd. 17. S. 67.[1940a].
Freud S. Aus den Anfängen der Psychoanalyse. London;
Frankfurt a. M., 1962.
Freud S. Briefe 1873–1939 / Hrsg. E. L. Freud. Frankfurt, a. M., [1960a].
Freud S. Vorwort // Freud S., Bullit W. S. Thomas Woodrow Wilson, Twenty-eighth President of the United States: A psychological study. Boston; L., 1967.
Freud S., Breuer J. Über den psychischen Mechanismus hysterischer Phänomene: Vorläufige Mitteilung // G. W. Bd. 1. S. 81.[1893a].
Freud S., Breuer J. Über den psychischen Mechanismus hysterischer Phänomene [revidiertes Stenogramm von Vortr.] // Wien.
Med. Presse. 1893. Bd. 34, N 4. Kol. 121; N 5. Kol. 165.
Freud S., Breuer J. Über die Berechtigung, von der Neurasthenie einen bestimmten Symptomenkomplex als «Angstneurose» abzutrennen // G. W. Bd. 1. S. 315.[1895b].
Freud S., Breuer J. Studie über Hysterien. Wien, [1895d].
Groddeck G. Das Buch von ES. Wien, 1923.
Hall G. S. A synthetic genetic study of fear // Amer. J. Psychol. Bd. 25. S. 149. 1914.
Hildebrandt E. W. Der Traum und seine Verwertung für's Leben. Leipzig, 1875.
Hitschmann E. Freuds Neurosenlehre. 2. Aufl. Wien, 1913.
Hug-Hellmuth H. Von. Ein Traum, der sich selbst deutet // Intern. Ztschr. ärztl. Psychoanal. 1915. Bd. 3. S. 33.
Janet P. Psycho-analysis: Rapport par M. le Dr. Pierre Janet // Intern. Congr. Med. 1913. Bd. 17. S. 13.
Jodl F. Lehrbuch der Psychologie. Stuttgart, 1896.

Jones E. The psychopathology of everyday life // Amer. J. Psychol. 1911. Bd. 22. S. 477.
Jones E. Der Alptraum in seiner Beziehung zu gewissen Formen des mittelalterlichen Aberglaubens // Übers. H. Sachs. Leipzig; Wien, 1912.
Jung C.G. Über die Psychologie der Dementia praecox. Hall, 1907.
Jung C.G. Wandlungen und Symbole der Libido, Leipzig und Wien, 1912.
Kaplan L. Grundzüge der Psychoanalyse. Wien, 1914.
Lampl-de Groot J. Zur Entwicklungsgeschichte des Ödipuskomplexes der Frau // Intern. Ztschr. Psychoanal. 1927. Bd. 13. S. 269.
Leuret F. Fragments psychologiques sur la folie. Paris., 1834.
Levy L. Die Sexualsymbolik der Bibel und Talmuds // Ztschr. Serwiss. 1914. Bd. 1. S. 274, 318.
Lichtenberg G. C. von. Witzige und satirische Einfälle. Göttingen. 1853. Bd. 2.
Lindner S. Das Saugen an den Fingern, Lippen etc. bei den Kindern (Ludein) // Jb. Kinderheilk. N. F. 1879. Bd. 14. S. 68.
Maeder A. Contributions f la psychopathologie de la vie quotidienue // Arch. Psychol. 1906. Bd. 6. S. 148.
Maeder A. Nouvelles contributions f la psychopathologie de la vie quotidienne // Ibid. 1908. Bd. 7. S. 283.
Maeder A. Über die Funktion des Traumes // Jb. Psychoanal. und psychopathol. Forsch. 1912. Bd. 4. S. 692.
Maury L. F. A. Le sommeil et les rȩveS. P., 1861.
Meijer A. F. De Behandeling van Zenuwzieken door Psycho-Analyse. Amsterdam, 1915.
Meringer R., Mayer C. Versprechen und Verlesen: eine psychologisch-linguistische Studie. Wien. 1885.
Näcke P. Kritisches zum Kapitel der normalen und pathologischen Sexualität // Arch. Psychiat. und Nervenk. 1899. Bd. 32. S. 356.
Nordenskjöld O. et al. Antarctic: Zwei Jahre in Schnee und Fis am Südpol. B., 1904. 2. Bd. *Pfister O.* Die psychoanalytische Methode. Leipzig; B., 1913.
Rank O. Der Mythus von der Geurt des Helden. Leipzig; Wien, 1909.
Rank O. Ein Beispiel von poetischer Verwertung des Versprechens // Zentbl. Psychoanal. 1910a. Bd. 1. S. 109.
Rank O. Ein Traum, der sich selbst deutet // Jb. Psychoanal. und psychopathol. Forsch. 1910b. Bd. 2. S. 465.
Rank O. Aktuelle Sexualregungen als Traumanlässe // Zentbl. Psychoanal. 1912a. Bd. 2. S. 596.
Rank O. Das Inzest-Motiv in Dichtung und Sage. Leipzig; Wien, 1912b.
Rank O. Das Trauma der Geburt. Wien, 1924.
Régis E., Hesnard A. La Psychoanalyse des névroses et des psychoses. P., 1914.
Reik Th. Die Pubertätsriten der Wilden // Imago. 1915–1916. Bd. 4. S. 125. 189.
Reik Th. Völkerpsychologische Parallelen zum Traumsymbol des Mantels // Intern. Ztschr. Psychoanal. 1920. Bd. 6. S. 350.
Sachs H. Traumdeutung und Menschenkenntnis // Jb. psychoanal. und psychopahol. Forsch. 1912. Bd. 3. S. 568.
Schernen K. A. Das Leben des Traumes. B., 1861.
Schrötter K. Experimentelle Träume // Zentbl. Psychoanal. 1912. Bd. 2. S. 638.
Schubert G. H. von. Die Symbolik des Traumes. Bamberg, 1814.

Sigmund Freud / Oskar Pfister: Briefe 1909 bis 1939 / Hrsg. E. L. Freud und H. Meng. Frankfurt a. M., 1963a.
Sigmund Freud / Karl Abraham: Briefe 1907 bis 1926 / Hrsg. von H. C. Abraham und E. L. Freud. Frankfurt a. M., 1965a.
Sigmund Freud / Lou Andreas-Salome. Briefwechsel / Hrsg. E. Pfeiffer. Frankfurt a. M., 1966a.
Sigmund Freud / Arnold Zweig. Briefwechsel / Hrsg. E. L. Freud. Frankfurt a. M., 1968a.
Silberer H. Bericht über eine Methode, gewisse symbolische Halluzinations-Erscheinungen hervorzurufen und zu beobachten // Jb. psychoanal. und psychopathol. Forsch. 1909. Bd. 1. S. 513.
Silberer H. Symbolik des Erwachens und Schwellensymbolik Überhaupt // Ibid. 1912. Bd. 3. S. 621.
Silberer H. Probleme der Mystik und ihrer Symbolik. Wien, 1914.
Sperber H. Über den Einfluß sexueller Momente auf Entstehung und Entwicklung der Sprache // Imago. 1912. Bd. 1. S. 405.
Sturcke J. Aus dem Alltagsleben // Intern. Ztschr ärztl. Psychoanal. 1916. Bd. 4. S. 21,98.
Stekel W. Die Sprache des Traumes. Wiesbaden, 1911.
Strümpell L. Die Natur und Entstehung der Träume. Leipzig. 1877.
Toulouze E. Emile Zola: enquęte médico-psycholgique. P., 1896.
Vold J. M. Über den Traum. Leipzig, 1910 – 1912. 2. Bd. *Wundt W.* Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig, 1874.

Оглавление

НОВЫЙ ЦИКЛ ЛЕКЦИЙ ПО ВВЕДЕНИЮ В ПСИХОАНАЛИЗ (1933 [1932])

Формат 84x108 $/_{32}$. Объем 19 ф. п. л
Заказ № 903. Тираж 5000

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП РМЭ
«Марийский полиграфическо-издательский комбинат»
424000, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112

Зигмунд Фрейд

ЛЕКЦИИ ПО ВВЕДЕНИЮ В ПСИХОАНАЛИЗ И НОВЫЙ ЦИКЛ

ЛЕКЦИИ ПО ВВЕДЕНИЮ В ПСИХОАНАЛИЗ
ЗИГМУНД ФРЕЙД